

Министерство образования и науки Российской Федерации
Новосибирский государственный университет
экономики и управления «НИНХ»

А. Г. Тепляков

**Деятельность органов
ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД (1917–1941 гг.):
историографические
и источниковедческие аспекты**

Монография

Новосибирск
2018

ББК 63.3(2)6-36

Т34

Рецензенты:

С. А. Красильников — д-р ист. наук, профессор,
профессор кафедры отечественной истории ГФ НГУ;

И. С. Кузнецов — д-р ист. наук, профессор,
профессор кафедры отечественной истории ГФ НГУ

В. Л. Соскин — д-р ист. наук, профессор

Тепляков, А. Г.

Т34 Деятельность органов ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД (1917–1941 гг.): историографические и источниковедческие аспекты: моногр. / А. Г. Тепляков; Новосиб. гос. ун-т экономики и управления. — Новосибирск: НГУЭУ, 2018. — 434 с.

ISBN 978-5-7014-0858-4

В работе впервые комплексно оцениваются историографические и источниковедческие возможности изучения такой актуальной темы, как история советских органов госбезопасности. Автор выделяет в исследовательской литературе, посвящённой ВЧК-НКВД, как объективную составляющую, так и мифологию, призванную приукрасить криминальные аспекты чекистской работы — террор, провокационные методы использования агентуры, уголовщину кадрового состава. Значительное место уделено критическому разбору точек зрения на историю «органов», предложенных зарубежными историками. Анализ источниковедческой базы доказывает богатые возможности нахождения сведений о чекистской работе и кадрах не только в официальных документах ВЧК-НКВД из ведомственных и партийно-государственных архивохранилищ, но и в газетной хронике, мемуарах и даже беллетристике.

Книга рассчитана на специалистов, студентов и аспирантов, занимающихся исследованиями российской истории XX века.

ББК 63.3(2)6-36

© Тепляков А. Г., 2018

© Новосибирский государственный
университет экономики
и управления «НИНХ», 2018

ISBN 978-5-7014-0858-4

Введение

Переход российского общества к демократии, начавшийся более 30 лет назад, сопровождается огромными трудностями, определяясь чередованием противоречивых периодов реформ и контрреформ. Очевидные проблемы с перенесением демократических институтов в российскую жизнь, традиционная незавершённость российских модернизаций во многом обусловлены архаичным состоянием общества, привыкшего к несвободе и авторитарному управлению при коммунистической власти. Переосмысление прошлого сыграло в конце 1980-х — начале 1990-х годов революционную роль в стремительном отказе общества от поддержки власти КПСС. Но это общественное прозрение оказалось однократным и не очень устойчивым, к настоящему времени во многом сменившись разочарованием в новых порядках и верой в различные тоталитарные мифы. Сегодняшняя российская власть, ранее колебавшаяся между авторитаризмом и демократией и дававшая противоречивые сигналы обществу, склонилась к жёсткому варианту управления социумом и вытекающему из него контролю над изучением прошлого. Ритуальные высказывания о недопустимости повторения 1937 г. и необходимости сохранения памяти о жертвах репрессий перемежаются с частыми положительными оценками со стороны видных политиков и общественных деятелей достижений ленинско-сталинской эпохи без учёта их цены, особенно демографической. Продолжается политика закрытости наиболее значимых архивных документов репрессивно-карательных органов и советской правящей верхушки. Такая противоречивая ситуация мешает научным исследованиям и особенно негативно отражается на изучении органов государственной безопасности, осмысление деятельности которых является одной из центральных проблем советской истории. Именно позиция властей препятствует попыткам исследователей объективно проанализировать место и роль органов ВЧК-КГБ в политической и общественно-экономической жизни страны.

Современная Россия, в отличие от других развитых стран, не склонна к объективному осмыслению своего исторического пути, причём хорошо заметно стремление властей восстановить идеологическое однообразие в оценках ряда событий советского прошлого. Значительное место в постоянной ревизии негативных фактов истории СССР занимают попытки пересмотра роли и значения органов госбезопасности, желание представить их в качестве покорных исполнителей правительственных указаний, а не как активнейшую опору навязанного стране режима, чьи репрессивно-карательные инициативы оказывали большое воздействие на принятие политических решений. В связи с этим общество нуждается в твёрдо установленных фактах своей истории, особенно объясняющих наиболее острые и драматичные исторические периоды. Между тем сейчас, в обстановке продолжающегося «методологического и концептуального хаоса», среди отечественных исследователей набирает силу «неоисторизм», «проявившийся в подчёркивании самобытности пути исторического развития России и недоверия понятиям “западного” происхождения»¹.

Преодоление традиций правового нигилизма, политического экстремизма, ксенофобии и мифостроительства, характерных сегодня как для правящего слоя, так и для широких масс населения, невозможно без радикальной переоценки прошлого, особенно ленинско-сталинского периода, ибо в нём коренятся основы той живой диктаторской политической культуры, которая в XXI в. настоятельно требует замены на институты реального правового государства. Развитие гражданского общества в России невозможно без критического осмысления истории советского периода, и заметное общественное внимание к вопросам истории ВЧК-КГБ говорит об актуальности обращения к опыту деятельности главной советской спецслужбы.

Важность анализа проблем обеспечения государственной безопасности России прямо вытекает из реалий нынешней международной политики, которая характеризуется организацией новых центров силы, расширением конфликтного пространства, в том числе на границах Российской Федерации, и появлением новых потенциальных угроз стабильному развитию нашей страны. Однако обеспечение подлинной безопасности современного государства в стремительно

---

¹ Кром М. М. Введение в историческую компаративистику: учеб. пособие. СПб.: Изд-во Европ. ун-та, 2015. С. 209.

меняющемся мире не имеет ничего общего с превращением спецслужб в аппарат всеобъемлющего политического сыска, применяющего среди прочего негласные и противозаконные способы воздействия на политических и экономических оппонентов. При отсутствии политической свободы и действенного общественного контроля органы госбезопасности неизбежно вырождаются в охранку, выполняющую приказы узкой группы руководства и участвующую в политической борьбе с целью дискриминирования и устранения противников режима, пренебрегающую эффективностью и законностью, подверженную бюрократическому раздуванию штатов и постоянному наращиванию бюджета.

Задача органов государственной безопасности при любой власти — укрепление суверенитета страны, защита её границ и территориальной целостности, чёткое определение, предотвращение и пресечение внутренних и внешних угроз. Однако в несвободной стране успешная реализация этих необходимых задач неизбежно влечёт за собой такое усиление государственной власти, которое сужает свободу сограждан, нарушает их права и, таким образом, подрывает основы развития страны. В условиях советской системы спецслужбы ленинско-сталинского периода, понимая свои охранные обязанности предельно широко, постоянно вмешивались в жизнь социума, грубо нарушая все права человека и гражданина, включая и право на жизнь. Учёт такого обстоятельства требует обязательного анализа не столько конструктивной, сколько репрессивно-карательной работы органов ВЧК-НКВД, составлявшей основу их деятельности в рассматриваемый период. Анализ работы органов государственной безопасности (с упором на проблемы давно изучаемого нами Сибирского региона) в 1917–1941 гг. необходим для извлечения актуальных исторических уроков, что имеет значение в свете решения важных современных проблем, среди которых особенно заметны гипертрофированное развитие государственного аппарата, включая и спецслужбы, что способствует негативным деформациям слабого гражданского общества России.

Исследование деятельности ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД в период с 1917 по 1941 г. даёт возможность проследить их роль в механизме советской политической системы с её зарождения до достижения расцвета. И политическая система, и её репрессивно-карательная составляющая к началу 1940-х годов оформились в виде, близком к завершённому. Учитывая, что в эпоху позднего сталинизма роль и принципы деятельности органов госбезопасности принципиально

не менялись, изучение первых двух десятилетий их существования позволяет получить выводы, актуальные и для дальнейшего существования НКГБ-МГБ, и частично для послесталинского и даже современного периодов.

В последние два десятилетия активизировалось изучение региональной истории, стали появляться крупные труды по истории российских макрорегионов. Однако до настоящего времени подробных исследований многосторонней деятельности, например, сибирских чекистов в указанных хронологических рамках и на основе массива малоизвестных и недавно рассекреченных архивных материалов не проводилось. Для такой слабоизученной темы, как деятельность ВЧК-НКВД, создание региональных историй органов государственной безопасности — необходимая предпосылка подготовки объективных обобщающих трудов по данной теме, которых пока не написано. Сибирь и Дальний Восток — примеры макрорегионов, где изучение истории ВЧК-НКВД идёт весьма интенсивно, причём сибирские историки больше тяготеют к изучению репрессивных практик, а дальневосточные, представленные в значительной части ведомственными исследователями, сосредоточены на демонстрации того опыта своей спецслужбы, который может выглядеть конструктивным и быть актуализирован в наши дни. Накопление солидной исследовательской и источниковой базы даёт возможность приступить к исследованиям обобщающего уровня, в которых работа органов безопасности будет показана всесторонне.

В монографии в качестве синонимических единиц используются такие наименования советских органов государственной безопасности, как политическая полиция, тайная полиция, спецслужба, репрессивно-карательные органы. Репрессия определяется как карательная мера, применяемая государством¹.

Автор настоящей монографии ограничивается пока отдельным изучением историографических и источниковедческих проблем истории органов госбезопасности, предлагая своё видение изученности этой актуальной темы и состояния источниковой базы. Обилие крайне неравнозначных литературы и публикаций (вплоть до целиком сфабрикованных документов) позволяет осмыслить их на современном уровне, а также охарактеризовать и потенциал неопубликованных источников, чья специфичность особенно велика и до сих пор недостаточно понимается многими исследователями.

---

¹ Большой юридический словарь / под ред. А. Я. Сухарева. М., 1998. С. 594.

Данная монография впервые комплексно оценивает историографические и источниковедческие возможности изучения недостаточно освещённой темы истории органов госбезопасности. Автор проработал внушительный массив литературы, начиная с 1918 г., выделяя в нём как объективную составляющую, полезную исследователям, так и чекистскую мифологию, призванную приукрасить криминальные аспекты работы спецслужб: неразборчивый террор, провокационные методы агентурной работы, некомпетентность, аморализм и уголовщину кадрового состава. Впервые даётся подробный анализ достоинств и недостатков белоэмигрантской историографии, критикуется привычный тезис о легковесности писаний на тему истории ВЧК-НКВД «перестроечного» периода, охарактеризован вклад современных исследователей проблемы, в том числе многочисленных сибирских. Важное место в монографии занимает критический разбор разнообразных точек зрения на историю «органов», предложенных зарубежными историками.

Работа в 25 центральных и местных архивах на протяжении последних 30 лет позволила автору накопить и обобщить внушительный запас наблюдений относительно доказательной ценности разнородных документов, относящихся к истории ВЧК-НКВД как Центра, так и ряда регионов. В книге показаны богатые возможности нахождения сведений о чекистской работе в официальных докладах и газетной хронике, опубликованных мемуарах и даже беллетристике. Несмотря на крайнюю тенденциозность источников самого чекистского ведомства, внимательный исследователь может извлечь из них много ценной информации, в том числе ненамеренной. Задачей автора было подготовить по возможности новаторский труд, раскритиковать устойчивые догматические и архаические представления о предмете, оказав тем самым содействие не только исследователям истории органов госбезопасности 1920–1930-х годов, но и многим историкам советской эпохи.

Раздел I. Историографические проблемы истории ВЧК-НКВД

Глава 1. Советский период

Современная отечественная историческая наука при всех методологических трудностях (впрочем, сопровождающих постоянно любую гуманитарную дисциплину) в последние два десятилетия стала полноценной частью мировой науки, развиваясь в русле пересмотра многих традиционных представлений. Идёт активное расширение проблемного поля, разработка прежде табуированных тем, а также переосмысление тех, которые считались уже хорошо изученными. Появляются крупные работы, чьё историографическое значение, по удачному выражению В. П. Булдакова, определяется «многообразием и масштабностью порождённого ими комплекса идей, формально находящихся за пределами их конкретно-исследовательского поля»¹. Традиционный исследователь-марксист из плеяды бесчисленных историков КПСС, приверженный формационной теории исторического процесса и сильно зависимый от догм, восходящих ещё к сталинскому «Краткому курсу истории ВКП(б)», до сих пор остаётся заметным персонажем современной историографии, в которой то и дело появляются исследования, выглядящие откровенно архаично. Всё же с крушением официальной коммунистической идеологии среди большинства активных историков обозначился очевидный возврат к тому домарксистскому канону, который разрабатывался гигантами российской историографии в начале XX века (и эмигрантами — до середины XX столетия), основанный на академической позитивистской истории. Этот канон открыт и междисциплинарным подходам, и интенсивному изучению социальной истории, что доказывает его научную эффективность.

---

¹ Булдаков В. П. Рецензия на: Тинченко Я. Голгофа русского офицерства в СССР. 1930–1931 годы. М.: Моск. обществ. науч. фонд, 2000. 496 с. // Нов. ист. вестн. 2004. № 1 (10). С. 319.

В отечественной историографии исследуемой проблемы можно выделить два периода: советский и современный, для которых характерны в целом противоположные методологические подходы к оценкам места и роли органов государственной безопасности в обеспечении внутренней и внешней безопасности Советского Союза. В период существования СССР открытая тенденциозность как результат следования принципу партийности провозглашалась основной методологии всех гуманитарных исследований. Литература советского периода обычно возвеличивала все разрешённые темы, связанные с чекистской историей: прославлялись и партийное руководство органами безопасности, и сами ВЧК-НКВД, в деятельности которых выпячивались только парадные страницы, связанные с раскрытием контрреволюционных заговоров, подавлением антисоветских «кулацких» и «националистических» восстаний, пресечением деятельности иностранных шпионов и достижениями собственных разведчиков. Всегда положительно подчёркивались правовые основы деятельности органов безопасности, а также стремление ВЧК-НКВД действовать в рамках так называемой «революционной законности». Ни статистика репрессий, ни исследования кадрового состава, ни изучение структуры, агентуры и специфических методов деятельности ВЧК-НКВД, ни разведывательно-диверсионная работа в других странах не могли стать предметом полноценного исследования из-за идеологических запретов и закрытости архивов. Тем не менее из литературы можно было узнать о многих чекистах (обычно с парадной стороны), а также некоторых их агентах и деталях тех или иных тайных операций, что позволяло делать определённые выводы о методах работы основной советской спецслужбы.

§ 1. Литература 1917 – середины 1930-х годов

Первые попытки изложить фрагменты истории органов ВЧК-ОГПУ были предприняты в Советской России уже в период Гражданской войны. Они опирались на обнародованные мнения В. И. Ленина, Л. Д. Троцкого и других виднейших политиков о необходимости создать чрезвычайные органы для борьбы с контрреволюционными силами, которые были бы наделены широкими полномочиями, в том числе правом на массовые внесудебные расправы. Некоторые небольшие работы, написанные видными работниками ВЧК, содержат яркие факты и оценки чекистской работы, в связи с чем до сих пор (при всей своей тенденциозности) сохраняют значение не толь-

ко исследований, но и первоисточников. Общим проблемам деятельности ВЧК посвятил свою статью член Коллегии ВЧК Г. С. Мороз. Он первым дал периодизацию деятельности ВЧК, особо выделив борьбу с саботажем как главную в первые недели после создания этой организации, а также затронул вопросы красного террора и начавшейся в 1919 г., по его выражению, «сплошной погони» чекистов «за всеми явлениями контрреволюции». Автор сопоставлял органы безопасности и РККА как основные в системе защиты страны, где армия боролась с врагом внешним, а чекисты — с врагом внутренним. Также Мороз отметил напряжённость в кругах партии, существовавшую первоначально в отношении ВЧК, назвав критику её действий в прессе и ряде ведомств в 1918 г. «периодом гонений»¹.

В 1920 г. появилась краткая, но информативная статья чекиста А. С. Иосилевича об особых отделах РККА², где подчёркивалось их огромное значение в пресечении контрреволюции и вражеского шпионажа, сохранении армии от партизанщины и воровства обслуживавших структур, а также обозначалась главенствующая роль военных чекистов в сравнении с уездными и губернскими ЧК в течение боевого 1919 г. Автором давалась статистика карательной деятельности Особого отдела ВЧК Туркестанского фронта за первую половину 1920 г. (арестовано 3 140 чел., в том числе за шпионаж и контрреволюцию — 960 и 58 чел., из них расстреляно 170), признавалось проникновение в особые отделы криминального элемента, но резко отрицалось мнение «буржуазии и обывательщины» о том, что особисты — поголовно пьяницы, насильники, взяточники и истязатели. Касаясь негласной работы, Иосилевич опровергал как клевету сообщения врагов о якобы десятках тысяч тайных агентов особых отделов, ложно утверждая, что нужную информацию чекисты получали благодаря донесениям тысяч добровольных помощников из социально близких слоёв населения³.

В газетных статьях можно было увидеть откровенные оценки сути деятельности органов ВЧК, даваемые видными чекистами. Один из руководителей Самарской ЧК-ГПУ И. К. Опанский в 1922 г. подчёркивал: «Чрезвычайные Комиссии не являлись следственными или судебными органами. ЧК не судила врага, а разила, проводя

---

¹ Мороз Г. ВЧК и Октябрьская революция // Власть Советов. 1919. № 11. С. 4–6.

² Иосилевич А. С. Особые Отделы и их значение в деле создания Красной Армии // Военная мысль. Сент. 1920. Изд. РВС Туркестанского фронта (Ташкент). Кн. 1. С. 120–127.

³ Там же. С. 126.

полную расправу со всеми, кто стремился тем или другим путем мешать трудящимся перестроить общество на новых началах... Побывавшая в Самаре чехо-словацко-эсеровская учредилка, удирая, оставила много своих приверженцев, так что выявление и уничтожение последних являлось первой задачей ЧК»¹.

Особое значение имели обобщающие очерки М. И. Лациса о деятельности органов ВЧК («Два года борьбы на внутреннем фронте», «Чрезвычайные комиссии по борьбе с контр-революцией»)² и другие работы, заложившие основу историографии чекистских органов на весь советский период и не потерявшие значения донныне. В них содержатся некоторые приказы ВЧК, дающие представление о полномочиях чрезвычайных органов, карательная статистика (заниженная), классификация видов контрреволюции и количество антикоммунистических восстаний, нападки на социалистические партии. В работе «Чрезвычайные комиссии по борьбе с контр-революцией» Лацис прямо заявлял, что его книжка издаётся массовым 10-тысячным тиражом, «чтобы каждый член партии имел правильное представление о Чр.[езвычайных] К.[омиссиях] и мог исполнять свой партийный долг, сотрудничая с Чр. К. по мере своих сил для скорейшего задушения внутренней контр-революции». Поскольку Лацис утверждал, что коммунистам «как израильтянам, приходится строить царство будущего под постоянным страхом неприятельского нападения...», то признавал, что «наш обыватель и даже товарищеская среда пребывают в той уверенности, что Чрезвычайная Комиссия несёт с собой десятки и сотни тысяч смертей»³.

Он уверял, что чекистами было расстреляно в 1918–1920 гг. 12 733 чел., что на деле, конечно, было только небольшой частью жертв «чрезвычайцаек». Оправдывая «почти неограниченные права» сотрудников ЧК, Лацис провозглашал лозунг «кто не с нами, тот против нас» и восклицал: «Ведь с нами борется весь старый мир, каждый буржуа, его жена, его дети, каждый плетущийся за ним эс-эр, анархист и меньшевик, — все они работают, не покладая рук, для сверже-

---

¹ Опанский И. Пятилетняя годовщина органов ГПУ // Коммуна (Самара). 1922. № 1204. 17 дек.

² Лацис М. Правда о красном терроре // Изв. ВЦИК. 1920. 6 февр.; Лацис М. Я. (Судрабс Я. Ф.) Два года борьбы на внутреннем фронте: Популярный обзор двухгодичной деятельности чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности. М.: Госиздат, 1920. 87 с.; Он же. Чрезвычайные комиссии по борьбе с контр-революцией. М.: Госиздат, 1921. 62 с.

³ Лацис (Судрабс). Чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией... С. 5, 8, 9.

ния Советской власти. ...Кто не может владеть оружием, те открывают свой кошелек или шпионят в советских учреждениях, или поддерживают связь, как гимназисты, или разрушают наше хозяйство, как некоторые "горе-спецы". Объявляя контрреволюционными целые классы и слои общества («юнкера, офицеры старого времени, учителя, студенчество и вся учащаяся молодёжь»), автор говорил о необходимости «чисток» и о том, что убеждённых контрреволюционеров «недостаточно изолировать от общества, их необходимо уничтожить»¹.

Также Лацис фактически признавал, что к 1921 г. тюрьмы были заполнены теми, кто занимался лишь «безобидной воркотнёй против Советской власти». Он заявил, что приказ ВЧК от 8 января 1921 г. предписывает вместо репрессий прежде всего заняться учётом опасных для власти лиц, этой «гигантской информационной работой, которая должна выступить на первый план». Лацис настаивал на универсальности функций и полномочий ВЧК: «ЧК — это не следственная комиссия и не суд. Это — орган боевой, действующий по внутреннему фронту гражданской войны, пользующийся в своей борьбе приёмами и следственных комиссий, и судов, и трибуналов, и военных сил... <...> Но это и не гильотина, отсекающая голову по постановлению трибунала. Нет, она или уничтожает без суда, застав на месте преступления, или изолирует от общества, заключая в концентрационный лагерь, или передаёт трибуналу, когда дело требует подробного исследования и широкой гласности...». Полемизируя с обвинителями ВЧК в излишней жестокости, он заявлял: «Мы всё время были чересчур мягки, великодушны к побеждённому врагу и недооценивали его жизнеспособность и подлость... В самом начале необходимо проявить крайнюю строгость, неумолимость, прямолинейность... за преступлением должно следовать заслуженное наказание, тогда гораздо меньше падёт жертв как с той, так и с другой стороны»². Оценивая кадровую политику ВЧК, Лацис подчёркивал её классовый характер и принципиальность в отборе сотрудников, от которых требовались прочные коммунистические убеждения, волевые качества и «хорошая личная репутация». Характерным кадровым принципом объявлялась постоянная ротация чекистов.

В 1923 г. А. Малицкий выпустил брошюру «Чека и ГПУ», в которой проводилась мысль, что ВЧК — это прежде всего орган революцион-

---

¹ Лацис (Судрабс). Чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией... С. 9–12, 13, 16.

² Там же. С. 20, 8–9.

ной расправы. Поэтому в деятельности большевистской тайной полиции автором выделялась репрессивная сторона. Малицкий проводил параллель между органами ВЧК и Комитетами общественного спасения эпохи Французской революции, а также впервые коснулся истории создания местных ЧК. В рамках официозной идеологии Малицкий подчёркивал, что ЧК — детище рабочих и крестьян: «Создав боевой орган своей диктатуры, пролетариат во всё время революции оказывал ему доверие и поддержку», и провозглашал то, что было весьма далеко от истины: «Органы Чека — послушное орудие в руках рабочего класса, они — его органы, а не диктаторы над ним»¹.

Тогда же видный работник особых отделов С. С. Дукельский выпустил достаточно откровенную книгу о работе ВЧК-ГПУ Украины, основной тираж которой из-за обвинений в нарушении конспиративности оказался тут же уничтожен, а его остатки разошлись среди партийного и чекистского начальства². Дукельский дал очерк деятельности чекистов до 1922 г. включительно, показав в первую очередь борьбу с повстанчеством и польской разведкой. Подчеркнув актуальность репрессивной деятельности не только ВЧК, но и ГПУ, автор заявил в предисловии, что многие документы не вошли в книгу, поскольку «несвоевременное появление на свет этих материалов могло помешать дальнейшей борьбе с врагами революции...»³. По мнению современного историка спецслужб, операции в отношении «контрреволюционной организации в школе червонных старшин», а также против агентуры ПОВ (Польской организации войсковой) были описаны Дукельским объективно⁴.

После 1923 г. выпуск подобной литературы практически прекратился, и информация с историческим освещением работы ВЧК стала эпизодической и скудной. По мнению ОГПУ, публикации о работе чекистов должны были исходить только из самого ведомства и носить ограниченный характер. Цензурные органы составляли специальные «Перечни сведений, составляющих тайну и не подлежащих распространению в целях охранения политико-экономических интересов СССР», первый из которых вышел уже в 1925 г. В частности, запрещалось пу-

---

¹ Малицкий А. Чека и ГПУ. Харьков: Путь просвещения, 1923. С. 50, 6.

² ВЧК-ГПУ. Документы и материалы / сост. Ю. Фельштинский. М.: Изд-во гуманитар. лит., 1995. С. 22–23.

³ Там же. С. 136.

⁴ Зданович А. А. Органы государственной безопасности и Красная армия: Деятельность органов ВЧК-ОГПУ по обеспечению безопасности РККА (1921–1934). М.: Кучково поле, 2008. С. 11.

бликовать материалы о «количестве политических преступлений», о «роспуске буржуазных партий и кулацких Советов и о репрессиях, предпринимаемых по отношению к ним», об «административных высылках социально опасного элемента, как массовых, так и единичных»¹.

Отрывочная статистика репрессий ВЧК приводилась в статье А. Я. Эстрина, а деятельность особых отделов упоминалась в сборнике о Кронштадтском мятеже, где была помещена статья бывшего сотрудника особого отделения ВЧК в Кронштадте А. Паршина о работе его коллег против как офицеров, так и рядовых солдат и матросов². В пропагандистских целях были опубликованы материалы судебного процесса над арестованными в СССР в 1927 г. террористами-боевиками РОВСа³. Зато в системе наркомата юстиции до середины 1930-х годов публиковались информативные работы, касавшиеся функционирования исправительных учреждений СССР; среди них были и такие, которые разъясняли применение репрессий к политическим врагам⁴. Бывший работник особых отделов И. А. Апетер, возглавлявший в 1931–1933 гг. ГУИТУ НКЮ РСФСР и одновременно подвизавшийся замнаркома юстиции РСФСР, опубликовал статьи о советской пенитенциарной политике переломной эпохи конца 1920-х — начала 1930-х годов⁵. Эта политика трактовалась всеми авторами не как избыточно-репрессивная, а как справедливо классовая и целесообразно-гуманная⁶. Для эпохи «раскулачивания» харак-

---

¹ Блюм А. В. За кулисами «министерства правды»: Тайная история советской цензуры. 1917–1929. СПб., 1994. С. 126.

² Эстрин А. Я. Эволюция советской уголовной политики // Основы и задачи советской уголовной политики. М.-Л., 1929. С. 3–8; Кронштадтский мятеж: сб. ст., воспоминаний и док. / ред. Н. А. Корнатовский. Л., 1931. 234 с.

³ Кичкасов Н. Белогвардейский террор против СССР: По материалам процесса пяти монархистов-террористов. М.: Литиздат НКВД, 1928. 40 с.

⁴ Лаговьер Н. Контрреволюционная агитация и пропаганда // Классовая борьба и преступность / под. ред. Е. Г. Ширвиндта. М.: Изд. НКВД СССР, 1930. С. 102–123.

⁵ Апетер И., Стучка П. Переход от принудительных работ по приговору суда к добровольному труду // Советское государство и революция права. Журнал института советского строительства и права. 1931. № 7. С. 121–141; Апетер И. Исправительно-трудовая политика эпохи вступления в социализм // От тюрем к воспитательным учреждениям: сб. ст. под ред. А. Я. Вышинского. М.: Сов. законодательство, 1934. С. 429–450.

⁶ Якубсон В. Кто находится в местах заключения // Административ. вестн. 1929. № 4. С. 40–49; Клокова В. Прекратить штампование приговоров к принудительным работам // Сов. юстиция. 1930. № 28. С. 21; Исправительно-трудовая политика реконструктивного периода // Сов. юстиция. 1931. № 25; Утевский Б. С. Советская исправительно-трудовая политика. М., 1934. 258 с.; От тюрем к воспитательным учреждениям: сб. ст. / под ред. А. Я. Вышинского. М., 1934. 451 с.

терен сборник судебных очерков о «кулацком терроре», подготовленный судебными работниками, где дан обзор наиболее примечательных уголовных дел о сопротивлении крестьян коллективизации, рассматриваются формы и методы антисоветской и антиколхозной деятельности «кулаков», в том числе использование религии и т. д.¹

Отдельно следует отметить закрытые издания, выпускавшиеся чекистами для собственных нужд. Первым из них был «Отчет Всероссийской чрезвычайной комиссии за четыре года ее деятельности»², выпущенный под руководством М. Я. Лациса: он давал ценные и весьма подробные сведения о структуре и задачах ВЧК. В 1924 г. вышло закрытое учебное пособие, основным автором которого стал опытный контрразведчик С. Турло, обобщавшее, в частности, опыт борьбы с деятельностью иностранных разведок в начале 1920-х годов. Задачи советской контрразведывательной службы авторы пособия излагали предельно доступным образом: «Следить, чтобы военные учреждения и другие исполняли свои обязанности правильно... чтобы армии не наносились предательские удары в спину, когда она пойдет бить врага»³. Затем появились содержательные лекции бывшего начальника контрразведывательного отдела ОГПУ СССР А. Х. Артузова⁴, прочитанные работникам особых отделов, в которых содержался критический анализ ряда операций, проведенных против агентуры иностранных разведок, а также поднимались вопросы эффективности чекистской дезинформации — легендирования наличия в СССР подпольных заговорщицких организаций, созданных с помощью агентуры ОГПУ и позволявших внедряться в эмигрантские центры⁵. В 1928 г. появилась очерковая книга юриста и крупного работника ВЧК М. Е. Климова, посвященная карательной политике СССР и сравнивавшая её с аналогичной политикой в западных государствах. Заслуживает внимания точка зрения автора о том, что красный террор начался без директив центра, т. е. носил стихийный характер⁶.

---

¹ Лаговиер Н., Роднянский А. Социалистическое наступление и кулацкий террор. М.-Л.: Госиздат, 1930. 167 с.

² [Лацис М. И.] Отчет Всероссийской чрезвычайной комиссии за четыре года ее деятельности (организационная часть). М., 1922.

³ Турло С. С., Залдат И. П. Шпионаж. М.: X-History, 2002. С. 293.

⁴ Артузов А. Лекции по истории ВЧК-ОГПУ. М., 1928.

⁵ Зданович А. А. Органы государственной безопасности и Красная армия... С. 13.

⁶ Климов М. Е. Очерки по истории карательных органов (Положение карательных органов и карательная политика в буржуазных государствах и в Советском государстве). М.: ВПШ ОГПУ, 1928. С. 79.

Общим местом для первых авторов истории карательных органов были тенденциозные утверждения о том, что красный террор стал ответом на белый террор и его якобы скромных размерах в сравнении с последним, высокая оценка эффективности работы ВЧК-ГПУ и качества кадрового состава. Однако в целом они предоставляют немало ценной информации о деятельности ВЧК-ГПУ, в том числе и оперативного характера.

Официальное мнение о деятельности противников режима и подавлении их с помощью репрессий предлагала небольшая книга историка М. Н. Покровского¹, а также ряд подобных пропагандистских изданий². В апологетической статье к 10-летию ВЧК-ОГПУ Покровский оправдывал большевистский террор и утверждал, что от работы в ВЧК не отказывался ни один коммунист³. В середине 20-х годов вышли достаточно откровенные книги о процессе Б. В. Савинкова и уничтожении императорской семьи⁴. В начале 30-х были опубликованы отдельная работа о подавлении крестьянских восстаний в Башкирии, а также разоблачение с помощью документов ВЧК-ОГПУ «контрреволюционной деятельности» церкви в годы Гражданской войны⁵.

Следует отметить, что в открытой печати иногда появлялись исследования, не совпадавшие с некоторыми основополагающими формулами относительно причин и следствий классовой борьбы: так, один из историков в середине 1920-х годов откровенно признал, что именно «враждебное отношение» крестьянства к большевистской политике военного коммунизма вынудило власть прибегнуть к широким карательным мерам⁶. Такое мнение явно противо-

---

¹ Покровский М. Н. Контрреволюция за 4 года. М.: Госиздат, 1922.

² Напр., Татарников А. Очистить ряды ленинского комсомола от предателей и изменников. Ростов н/Д.: Партиздат, 1932. 92 с. и др.

³ Правда. 1927. 18 дек.

⁴ Борис Савинков перед военной коллегией Верховного Суда СССР. М., 1924. 254 с.; Быков П. М. Последние дни Романовых. Свердловск: Уралкнига, 1926. 130 с.

⁵ Кулацкие восстания в Башкирии в 1918 году. Уфа, 1933; Кандидов Б. П. Церковь и контрразведка. Контрреволюционная и террористическая деятельность церковников на Юге в годы Гражданской войны. М., 1930. 95 с.

⁶ Кубанин М. Антисоветское крестьянское движение в годы гражданской войны (военный коммунизм) // На аграрном фронте. 1926. № 1. С. 44. Впоследствии советские историки традиционно упрекали своего старшего коллегу и свидетеля массового народного сопротивления М. Н. Покровского за то, что тот якобы не понимал сущности событий и назвал кулацкие «мятежи» крестьянскими восстаниями. Напр.: Поляков Ю. А. Переход к нэпу и советское крестьянство. М.: Наука, 1967. С. 376.

речило точке зрения В. И. Ленина, который вопреки фактам отрицал массовый характер крестьянских выступлений: «Чтобы в России были крестьянские восстания, которые охватили бы значительное число крестьян, а не кулаков, это неверно... Были кулацкие восстания... Такие восстания неизбежны»¹.

Информативны и многие справочные издания межвоенной эпохи, где можно найти биографии некоторых деятелей карательной системы, а также видных оппозиционеров, уже подвергшихся преследованиям или прямым репрессиям. Во втором томе «Литературной энциклопедии» в 1929 г. появилась статья о тесно связанном с ОГПУ цензурном ведомстве Главлит, где указывался, в частности, процент запрещённых рукописей и говорилось о количестве зарубежных печатных изданий, задержанных на границе² (буквально через несколько месяцев информация о самом существовании Главлита превратится в государственную тайну на ближайшие почти 70 лет). Очень характерно выглядят указания редакторам и корректорам, появившиеся в разгар Большого террора в ряде специальных изданий: «Нам известны факты, когда вражья рука в обыкновенный снимок ловко и тонко врисовывала портреты врагов народа, которые становятся отчетливо видными, если газету и снимок рассматривать со всех сторон»³. В специальном пособии для корректоров давалась следующая строгая установка: «Политически грамотный корректор не может пройти мимо грубых искажений слов, носящих политический характер (например, вместо “редакционный” — “реакционный”, вместо “вскрыли” — “скрыли” и т. д.), искажений, придающих тексту часто противоположное значение и являющихся большею частью результатом вражеской работы в печати. Опубликованные материалы показали, что имелись случаи, когда при помощи “случайных” буквенных опечаток и т. п. проводилась вражеская, клеветническая работа. Именно поэтому необходимо подчеркнуть указанную задачу корректора — смысловое чтение корректуры, проводимое на основе величайшей бдительности»⁴.

---

¹ Ленин В. И. Заседание Петроградского совета 12 марта 1919 г. Ответ на записки // Полн. собр. соч. Т. 38. С. 9.

² Блюм А. В. За кулисами «Министерства правды»... С. 10–11.

³ Винокуров П. О некоторых методах вражеской работы в печати // О некоторых методах и приемах иностранных разведывательных органов и их троцкистско-бухаринской агентуры: сб. М.: Партиздат ЦК ВКП(б), 1937. С. 210.

⁴ Филиппов Н. Н. Руководство по книжной корректуре. М.-Л.: Гос. изд-во лег. пром-сти, 1938. С. 4.

Несмотря на цензуру, в начале 1920-х годов в открытой печати также звучали голоса, оценивавшие государственную карательную политику с диаметрально противоположных чекистской линии позиций. Объективные оценки террористической политики большевиков и роли в ней чрезвычайных комиссий были типичны для прессы и книг, появлявшихся на территориях, подконтрольных антикоммунистическим правительствам. Наиболее серьёзно первым в отечественной историографии, причём в подсоветской печати, смог научно охарактеризовать и раскритиковать основные элементы военно-коммунистической политики, в том числе террористические, П. А. Сорокин в своём учебнике социологии, написанном в середине 1919 г. и изданном ярославскими кооператорами 15-тысячным тиражом в 1920 г.¹ Характеризуя советскую систему, использовавшую массовый террор как способ управления, Сорокин писал: «В Советской России, как и в древних военных государствах — в Перу, Египте и др., — государство пытается регулировать всю жизнь подданных. Населению предписывается, как и чем оно должно заниматься, как думать, как верить, во что одеваться, чем питаться, какие газеты читать, какие книги писать, каких ораторов слушать и т. д. Словом, вся жизнь граждан поставлена под опеку государственного недреманного ока. <...> Современное хозяйственное положение России во многом обязано религии коммунизма — его отрицательному отношению к частной инициативе, к капиталистическому способу производства, к частной собственности и его вере в спасительную силу национализаций, социализаций, реквизиций, секвестраций...»².

Уверенный, что «на острие штыка все ревнители освободительной войны, ведущейся для уничтожения угнетения человека человеком и всех войн вообще» несут «абсолютное рабство человека», Питирим Сорокин отмечал, что террор и голод в Советской России являются способами управления, когда «из-за добавочного полуфунта хлеба недовольные властью становятся “тихими”, забастовщики успокаиваются, граждане продают свои неотъемлемые права». Отмечая архаизацию общества, автор уверенно заявлял: «Олигархия в группах социалистов, вплоть до коммунистов, факт бесспорный. <...> Коммунизм не уничтожил неравенства в России. Он изменил только его формы», причём «убийство и уничтожение классовых врагов возводится в заповедь». Характеризуя новый правящий слой, он

---

¹ Сорокин П. А. Общедоступный учебник социологии. Ч. 1. Ярославль, 1920. 296 с.

² Там же. С. 76–77, 162, 236, 84, 229.

проницательно замечал: «Возьмите сотни и тысячи тех “примазавшихся” “коммунистов”, которые под покровом “высоких слов и свя-
тых мотивов” (“война дворцам — и мир хижинам”, “углубление ре-
волюции”, “защита трудового народа” etc) попросту грабили у всех,
и всё что было ценно, деньги, вещи, бельё, квартиры и т. п. — “рек-
визировали”, “секвестрировали”, “социализировали”, следуя лозун-
гу: что твоё — моё, что моё — моё»¹.

Также Сорокин отмечал, что при большевиках массы вынужде-
ны рисковать жизнью для добычи еды, «рискуя подвергнуться рас-
стрелу... множеству опасностей в целях добыть и провезти хлеб,
мясо, масло и т. п. по железным дорогам не для спекуляции, а для
своих нужд»; что на Украине в 1919 г. шла кровопролитная «война
всех против всех». Сорокин бил тревогу из-за невозможности чело-
веческих потерь России, особо выделяя роль гражданских войн в по-
нижении качества населения, когда из-за гибели лучших страна обе-
скровливается и обрекается на застой². Неприемлемые для власти
оценки её карательной политики содержались и в двухтомной «Си-
стеме социологии», и в вышедшей в 1922 г. (тут же уничтоженной
цензурой) монографии Сорокина о голоде как важнейшем репрес-
сивно-политическом факторе, сознательно используемом властью³.

В 1921 г. известный книговед и библиограф П. Витязев⁴ выпу-
стил в Петрограде бесцензурную брошюру «Частные издательства в
Советской России», где рассказал о жестоких цензурных притесне-
ниях со стороны властей⁵. В 1922 г. в сборнике, посвящённом книге
О. Шпенглера, ведущие русские философы рискнули раскритиковать
доктрину большевиков, а Н. А. Бердяев прогнозировал гибель цивили-
зации из-за стремления к «физическому равенству» и пророчески
утверждал, что высокой духовной культуре, преследуемой репрес-
сивным государством, грозит «катакомбный период»⁶. В ответ Ле-
нин назвал книгу «литературным прикрытием белогвардейской ор-

---

¹ Сорокин П. А. Общедоступный учебник социологии... С. 131, 135, 162–163, 138, 86, 98, 200.

² Там же. С. 57, 136, 261–262.

³ Сорокин П. А. Система социологии: в 2 т. Пг.: Колос, 1920–1921; Он же. Голод как фактор. Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и обще-
ственную жизнь. Пг., 1922.

⁴ П. Витязев (Ф. И. Седенко) — профессиональный революционер, эсер-боевик,
политзаключенный.

⁵ Блюм А. В. За кулисами «Министерства правды»... С. 76.

⁶ Освальд Шпенглер и закат Европы. М.: Берег, 1922. С. 96.

ганизации» и фактически потребовал у руководства ГПУ разобраться с авторами и издателями¹. В русле ленинского негодования на новый сборник авторов «Вех» казённый публицист и бывший чекист К. Грасис тогда же называл его «реакционнейшей агитацией, направленной к тому, чтобы вырвать на поле брани меч из руки восходящего класса, утверждающего новый мировой порядок...», бранил философов, уверявших, «что коммунизм и капитализм одинаково пропитаны мещанством», и опасался, что это «религиозно-мистическое бормотание, будучи созвучным некоторому падению настроения и унынию в массах, может иметь отрицательное влияние на развитие нашего общественного сознания»².

В 1925 г. был опубликован резкий протест известного писателя В. В. Вересаева против цензуры: «Общий стон стоит почти по всему фронту современной русской литературы: “Мы не можем быть самими собою, нашу художественную совесть все время насилуют, наше творчество все больше становится двухэтажным: одно мы пишем для себя, другое — для печати”. <...> Что же говорить о художниках, идеологически чуждых правящей партии! Несмотря на эту чуждость, нормально ли, чтоб они молчали? А молчат такие крупные художники слова, как Ф. Сологуб, Макс. Волошин, А. Ахматова. Жутко сказать, но если бы сейчас у нас явился Достоевский, такой чуждый современным устремлениям и в то же время такой необходимый в своей испепеляющей огненности, то и ему пришлось бы складывать в свой письменный стол одну за другою рукописи своих романов с запретительным штемпелем Главлита...»³. В. Б. Шкловский позволил себе иронический выпад против цензоров, которые постоянно «резали» его статьи и книги: «Моему знакомому цензор сказал: “У вас стиль удобный для цензурных сокращений”»⁴ (позднее выяснилось, что под «знакомым» Шкловский имел в виду себя и собственный стиль начинать каждую новую мысль с абзаца). Рассказ В. Я. Шишкова «Цензура» вышел впервые в сатирическом журнале «Бегемот»⁵. Однако через три года в собрании сочинений писателя этот же рассказ фигурирует под названием «Редактор»⁶. Слова «цен-

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 425–426.

² Грасис К. Вехисты о Шпенглере // Красная новь. 1922. № 2. С. 208.

³ Журналист. 1925. № 8/9. С. 29–33.

⁴ Новый Леф. 1927. № 4. С. 7.

⁵ Бегемот. 1926. № 14. С. 12.

⁶ Шишков В. Я. Полн. собр. соч. Т. 10. М., 1929. С. 48–51.

зура», «цензор», встречающиеся в тексте семь раз, были исключены полностью и везде заменены на слова «редакция», «редактор». Исключена была в собрании сочинений и фраза, косвенно напоминающая о деятельности цензуры: «У нас семьсот циркуляров одних» (то есть главлитовских распоряжений, рассылаемых на места)¹.

Характерно, что некоторые книги самого наиреволюционного содержания могли быть запрещены исключительно по причине нежелательных аллюзий. Так, в 1928 г. по настоянию ОГПУ были конфискованы книги В. Л. Бурцева «В погоне за провокаторами» и П. Е. Щёголева «Секретные сотрудники и провокаторы», как сообщали цензоры, «из-за соображений специального характера», под которыми подразумевались сведения о технике царского политического сыска, взятой на вооружение большевиками².

В 1930 г. философ А. Ф. Лосев смог выпустить бесцензурный вариант книги «Диалектика мифа», где разоблачал большевистскую мифологию и террор, подмечая обман властями надежд интеллигенции на сотрудничество и неуверенность многих коммунистов в правильности своей политики: «Говорили: идите к нам, у нас полный реализм, живая жизнь вместо ваших фантазий и мечтаний. Оказывается, полный обман и подлог. Нет, дяденька, не обманешь. Ты, дяденька, с меня шкуру хотел спустить, а не реалистом меня сделать. Ты, дяденька, вор и разбойник. <...> Иной раз вы с пафосом долбите: “социализм возможен в одной стране”; не чувствуете ли вы в это время, что кто-то или что-то на очень высокой ноте пищит у вас на душе: не-ет!»³. Вскоре Лосев оказался в концлагере на строительстве Беломорского канала. В марте 1930 г. историки-марксисты в специальной резолюции предельно откровенно требовали репрессий в отношении инакомыслящих коллег: «Где кончается “несогласие с марксизмом” и начинается прямое вредительство, различить становится всё менее и менее возможным. Каждого антимарксиста приходится рассматривать как потенциального вредителя»⁴.

Однако критические по отношению к идейным догмам работы появлялись и впоследствии, что немедленно вызывало репрессии государства. Доцент Ленинградского историко-лингвистического ин-

---

¹ Блюм А. В. От неолита до Главлита. М.: Изд-во им. Н. И. Новикова, 2009. С. 33.

² Там же. С. 29.

³ XVI съезд Всесоюзной коммунистической партии (б): стеногр. отчет. М.-Л.: Госиздат, 1930. С. 75.

⁴ Историк-марксист. 1930. Т. 15. С. 165.

ститута Н. И. Ульянов, известный молодой историк школы С. Ф. Платонова, в ноябре 1935 г. в студенческой газете ЛИФЛИ позволил себе умеренную критику сталинского тезиса об усилении классовой борьбы по мере строительства социализма. После этого он был сразу исключён из партии и уволен из института как «троцкист», а затем арестован и осуждён на пять лет заключения¹. Как старой закалки историки, так и молодые кадры жили под гильотиной постоянных репрессий: в 1929 г. в городах СССР их арестовали не менее 130; к исходу 30-х годов было уничтожено две трети из 200 выпущенных ИКП в Москве историков². Выживали далеко не все даже преданные власти или конформисты, так что подпольно заниматься истинной советской историей и писать «в стол» желающих не находилось.

Академик М. В. Нечкина в 1962 г. публично отметила: «В эпоху культа личности историки оказались все разобщёнными, нельзя было поделиться своими мыслями, сомнениями даже с близкими друзьями, и не потому, что ваш друг станет завтра предателем, а щадя этим самым друга, боясь поставить его в трудное положение при обсуждении какого-нибудь спорного вопроса»³. Академик Е. С. Варга в записях для себя был более откровенным, заявляя о феномене массового сексотства коммунистов: «Членов партии принуждали к тому, чтобы они становились осведомителями ГПУ. Сотни тысяч членов партии — и среди них некоторые люди, известные нам со времени революции, — стали профессиональными доносчиками на своих товарищей по партии. От прежних единства и солидарности коммунистов друг с другом осталась только пустая пропаганда “коммунистической морали”»⁴.

Тем не менее в первой половине 1930-х годов появлялись отдельные достаточно информативные работы, при внешней ортодоксальности предлагавшие новые данные о репрессивной политике властей, карательном аппарате ОГПУ. В монографии Л. П. Мамета об истории аборигенного населения Горного Алтая говорилось о неоправданно жестоком подавлении восстаний ойротов в начале 1920-х годов. В сборнике о строительстве Беломорканала подробно

---

¹ Ульянов Н. И. Советский исторический фронт // За пролетарские кадры. Л., 1935. 7 нояб. С. 2.

² Литвин А. Л. Без права на мысль: Историки в эпоху Большого террора. Очерки судеб. Казань, 1994. С. 16, 20.

³ Всесоюзное совещание о мерах улучшения подготовки научно-педагогических кадров по историческим наукам 18–21 декабря 1962 г. М., 1964. С. 89.

⁴ См.: Полис. 1991. № 2.

излагались принципы исправительной политики («перековки») в отношении заключённых, широко цитировались документы ГУЛАГа, приводились биографии и характеристики видных работников ОГПУ М. Д. Бермана, С. Г. Фирина, Н. А. Френкеля и других, давалось представление о широком сопротивлении «великому перелому» со стороны «кулаков», «бывших людей», активных верующих¹. Однако подобные книги в целом были исключением; характерно, что и монография Мамета, и книга о Беломорканале вскоре были запрещены и изъяты из библиотек в связи с репрессированием их авторов. Однако, например, ряд ценных данных о заместителях начальников политотделов МТС и совхозов по работе ОГПУ можно было найти в официальном издании наркомата земледелия СССР (с грифом «только для членов ВКП(б)», напечатанном тиражом в шесть тысяч экземпляров)², которое не изымалось из обращения. Между тем из него можно было узнать о крайне низком образовательном уровне чекистских работников политотделов и не очень большом их партийном стаже, а также о репрессивной работе политотделов³.

Таким образом, в первые два советских десятилетия появилось не так уж мало разнообразной литературы о чекистах, тенденциозной, но одновременно и достаточно информативной, что привело к ограничению доступа к ней в последующие эпохи, когда требования властей относительно закрытости и секретности сведений о работе и кадрах ВЧК-НКВД резко ужесточились.

§ 2. Середина 1930-х – середина 1950-х годов

В середине 1930-х — середине 1950-х годов изучение органов безопасности и их деятельности носило в СССР предельно схематический, неглубокий, крайне отрывочный и в целом ненаучный характер, а практически все работы 1920-х и большинство изданий 1930-х годов стали запретными после репрессирования их авторов

---

¹ Мамет Л. П. Ойротия: очерк национально-освободительного движения и гражданской войны на Горном Алтае. М., 1930; Беломорско-Балтийский канал имени Сталина: История строительства 1931–1934 гг. / под ред. М. Горького, Л. Авербаха, С. Фирина. М.: ОГИЗ, 1934. 408 с. (фактическими составителями сборника были В. Шкловский, В. Инбер, Б. Лапин и Г. Гаузнер — см.: Rudek С. Making History for Stalin: The Story of the Belomor Canal. Gainesville: University Press of Florida, 1998. P. 109).

² Материалы о работе политотделов МТС за 1933 г. М.: Полиграфкнига, 1934. 212 с.

³ Там же. С. 206–207, 40–43, 49–57.

или героев в период Большого террора¹. Резкое сужение тем, доступных для изучения, привело к отказу исследователей также от использования богатой фактами открытой литературы и периодики 20-х годов; был почти недоступен и такой источник, как зарубежные публикации. Уничтожение следов прежней культуры носило массовый характер: в некоторых регионах Сибири количество изъятой в 1936–1938 гг. литературы почти равнялось их общему книжному фонду на начало десятилетия². Хотя значительная часть изъятого являлась пропагандистскими брошюрами и т. п., среди уничтоженных книг было очень много ценных изданий документального, мемуарного и справочного характера, а также масса художественной литературы. Активно сдавались в макулатуру дореволюционные издания, включая комплекты журналов и газетных подшивок, что нанесло колоссальный урон читателям, в том числе и будущим исследователям.

Специфика эпохи проявилась в том, что чекистские оценки деятельности, например, репрессированных учёных и специалистов³, были использованы их коллегами для оправдания чисток в своей среде и, в свою очередь, предоставления новых разоблачительных материалов, адресованных органам ОГПУ-НКВД⁴.

Так, директор Института истории и редактор журнала «Проблемы марксизма» Г. С. Зайдель (одновременно и сексот ОГПУ «Буре-

---

¹ Напр.: Погребинский М. Фабрика людей. М.: Огонек, 1929. 23 с.; Болшевцы. Очерки по истории болшевской имени Г. Г. Ягода трудкоммуны НКВД. М.: ОГИЗ, 1936. 548 с.

² Посадсков А. Л. Книжное дело Сибири в условиях формирования советского общественного строя (1917 — июнь 1941 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1993. С. 35; Глазков М. Н. Чистки фондов массовых библиотек в годы советской власти (октябрь 1917 — 1939). М.: Пашков дом, 2001. 103 с. Например, сборник статей «Выкорчевать до конца троцкистско-бухаринских агентов фашизма», изданный новосибирским Запсибкрайиздатом (тираж — 30 тыс. экз.), бюро обкома в конце 1938 г. постановило изъять, так как половину книжки составила статья «врага» Заковского (ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 66. Л. 8).

³ Экономическая контрреволюция в Донбассе. Итоги Шахтинского дела. Статьи и документы / под общ. ред. Н. В. Крыленко. М.: Юрид. изд-во, 1928. 305 с.; Кржижановский Г. Вредительство как оно есть. М.-Л., Госиздат, 1930. 40 с.

⁴ Кондратьевщина: сб. М.: Изд-во Коммунист. акад., 1930. 128 с.; Кондратьевщина, чаяновщина и сухановщина: Вредительство в сельском хозяйстве. М.: Международ. аграр. ин-т, 1930. 103 с.; Зайдель Г. С., Цвибак М. М. Классовый враг на историческом фронте: Тарле и Платонов и их школы. М.-Л.: Соцэпгиз, 1931. 232 с.; Кольман Э. Вредительство в науке // Большевик. 1931. № 2. С. 71–81; Сулковский М. В. Вредительство экономическое // С.-х. энцикл. Т. 1. 1932. С. 772; [Равдоникас В. И.] О вредительстве в области археологии и о ликвидации его последствий // Сов. археология. 1937. № 3. С. V–X.

вестник») ставил в вину арестованному по «Академическому делу» академику Е. В. Тарле тенденциозность выпущенного им в годы Гражданской войны документального сборника по деятельности трибуналов эпохи Французской революции, где оказалось слишком много документов о жестокости якобинцев. По мнению Зайделя, сборник «...является типичной халтурой, нарочито выпущенной для “посрамления” деятельности ЧЕКА. Подобранный из контрреволюционных источников материал дает картину совершенно необоснованного и дикого террора, лишённого на первый взгляд какого бы то ни было смысла. Единственное объяснение, которое напрашивается при чтении этих документов, это кровожадность революционеров». Тарле обвинялся в желании «представить французских революционеров подонками общества, отбросами человечества», а приведённые сведения о терроре были им даны «для вящего посрамления деятельности органов диктатуры пролетариата». Характерно, что Зайдель требовал подчёркивать «также губительнейшую роль, сыгранную бесчисленными темными и определённо преступными элементами, пристроившимися к террору»¹. Политизированно высказался в том же сборнике и П. П. Щёголев, обвинив Тарле в том, что его концепция террора есть «в скрытом виде выпад против классового террора нашей революции»². Характерно, что даже десять лет спустя после полной юридической реабилитации Тарле автор биографии классика исторической науки критиковал содержание этого давнего сборника за «тенденциозность подбора документов»³.

Вместе с тем издание других работ на острые темы террора минувших эпох проходило для их авторов благополучно: нейтральное заглавие помогло напечатать работу с многочисленными фактами широчайшего террора отрядов Ем. Пугачёва в отношении горнозаводского населения Урала⁴; для будущего академика С. Б. Веселовского без каких-либо последствий прошла публикация в 1940 г. синодика убиенных Ивана Грозного⁵.

---

¹ Зайдель Г. С. Тарле и его школа // Классовый враг на историческом фронте. С. 34–35.

² Классовый враг на историческом фронте... С. 136.

³ Чапкевич Е. И. Евгений Викторович Тарле. М.: Наука, 1977. С. 55.

⁴ Кашинцев Д. Горнозаводская промышленность Урала и крестьянская война 1773–1774 годов // Историк-марксист. 1936. № 1. С. 142–163.

⁵ Веселовский С. Б. Синодик опальных царя Ивана как исторический источник // Проблемы источниковедения. М.-Л., 1940. Сб. 3. С. 245–366.

Методологической базой исторической науки почти на два десятилетия стали схемы «Краткого курса истории ВКП(б)», где были закреплены сталинские положения о праве социалистического государства беспощадно искоренять представителей бывших эксплуататорских классов и представителей внутрипартийной оппозиции, враждебная деятельность которых только усиливается по мере упрочения нового строя. Современный историк отмечает: «Только Сталин в объяснительных установках исторической науки совпал с истиной, и только он знал (или должен был знать), что правильно в контекстуальной неопределённости („практике“). Истинный смысл отныне выражался для историков в правильном соединении цитат классиков марксизма-ленинизма, окончательно потерявших свою контекстуальную природу и не сходных в своих изначальных интенциях. Неопределённость в таких условиях стала сущностью сталинизма в исторической науке»¹.

Но при всём преобладании пропагандистских тезисов о необходимости уничтожать врагов народа и рассказов о героических чекистах, неустанно корчующих вражеские шпионско-диверсионные гнёзда², а также прямого извращения фактов и отсутствии сносок на документы, в некоторых работах содержалась определённая новая информация, предпринимались попытки систематизации и анализа материала. Так, Л. И. Бычков рассмотрел классические операции ВЧК, связанные с ликвидацией организации Б. В. Савинкова «Союз защиты Родины и Свободы» и агентурной сети известного британского разведчика-нелегала П. Дюкса. Он дал периодизацию деятельности ВЧК, отражавшую не столько реальные перемены в её

---

¹ Юрганов А. Л. Русское национальное государство. Жизненный мир историков эпохи сталинизма. М.: РГУ, 2011. С. 677.

² Рабичев Н. Гнилая и опасная теория превращения классовых врагов в ручных // Большевик. 1937. № 7. С. 46–57 (перепечатку см.: Правые сообщники троцкистской банды. Воронеж, 1937. С. 111–127); Юдин П. Об уничтожении эксплуататорских классов в СССР // Большевик. 1937. № 22. С. 40–57; Заковский Л. О некоторых методах и приемах иностранных разведывательных органов и их троцкистско-бухаринской агентуры. М.: Партиздат, 1937. 38 с.; Вышинский А. Я. Некоторые методы вредительно-диверсионной работы троцкистско-фашистских разведчиков. М.: Партиздат, 1937. 31 с.; Вышинский А. Подрывная работа разведок капиталистических стран и их троцкистско-бухаринской агентуры. М.: Воениздат, 1938. 32 с.; Кандидов Б. П. Церковь и шпионаж: О некоторых фактах контрреволюционной и шпионской деятельности религиозных организаций. М.: ОГИЗ, 1938, 120 с.; О контрреволюционной деятельности религиозных мракобесов: сб. ст. М.: ОГИЗ, 1938. 79 с.; Минаев В. Подрывная деятельность иностранных разведок в СССР. Ч. 1. М.: Воениздат, 1940. 216 с.; Софинов П. Г. Караящая рука советского народа: К 25-летию ВЧК-ГПУ-НКВД. 1917–1922. М.: ОГИЗ, 1942. 42 с.

работе, сколько этапы Гражданской войны, связанные с каноническими в тот период «тремя походами Антанты». На рубеже 30–40-х годов вышли небольшие работы о подавлении Кронштадтского мятежа¹.

Брошюра П. Г. Софинова «Карающая рука советского народа» носила публицистический характер, но в работе «Сталин и Дзержинский на Восточном фронте» Софинов, анализируя известную «пермскую катастрофу» в декабре 1918 г., сделал льстящий чекистам вывод о том, что в Пермской губернии, где партийно-советская работа была в упадке, именно органы ВЧК стали «единственными представителями Советской власти». Вместе с тем Софинов не скрыл, что передача местным ЧК обязанностей по «выкачке хлеба» стала одной из причин враждебности населения к большевикам. Также автор отметил произведённые Сталиным и Дзержинским слияние Уральской облЧК с Вятской губЧК и кадровую чистку в новообразованной структуре².

Эпоха террора оказала особенно сильное деформирующее влияние на историографию: в работах, посвящённых 1930–1940-м годам, проводился тезис о глобальном антисоветском вражеском заговоре второй половины 30-х годов, повальном шпионаже немецкого и корейского населения, обоснованно за это репрессированного в качестве базы «пятой колонны» в СССР³. Официальное мнение об НКВД по завершении Большого террора зафиксировано в ряде ведомственных учебных пособий. В типичном из них обозначались враги (троцкисты и бухаринцы, иностранные разведки), занимавшиеся на территории СССР шпионской и диверсионно-террористической деятельностью, органы НКВД именовались «советской разведкой», характеризовались «роль и значение карательных органов при диктатуре пролетариата», необходимость «укрепления НКВД как острого оружия партии по защите завоеваний... революции», провозглашалось, что «каждый Гражданин СССР — доброволец НКВД». Также указывалось, что «репрессированные бывшие белые

---

¹ Леонидов О. Ликвидация кронштадтского мятежа: Март 1921 г. М.: Воениздат, 1939. 64 с.; Жаковщиков К. И. Разгром кронштадтского контрреволюционного мятежа в 1921 г. Л.: Лениздат, 1941. 74 с.

² Бычков Л. И. ВЧК в годы гражданской войны. М.: Воениздат, 1940. 78 с. (2-е изд. — 1960 г.); Софинов П. Г. Сталин и Дзержинский на Восточном фронте. Киров, 1940. 95 с.

³ Кубланов А. Л. Разгром фашистской троцкистско-бухаринской «пятой колонны» в СССР: дис. ... канд. ист. наук. Л., 1946.

офицеры, церковники, сектанты» являются «резервом для подбора агентуры иностранными разведками», упоминался специфический чекистский термин «вербовка втёмную» (т. е. без ведома агента о цели его использования),.. и в качестве одного из методов работы иностранных разведчиков называлось «вовлечение в шпионскую работу детей»¹, что дополнительно расширяло и без того огромный фронт потенциальных шпионов и заговорщиков. Открытым было пособие по вредительским и диверсионным делам, подготовленное для нужд следователей под редакцией А. Я. Вышинского².

Перед войной для чекистов были опубликованы секретные учебные пособия по следственной работе, наружному наблюдению и тюремному делу. Их особенностью было использование большого количества конкретных примеров из следственных дел ОГПУ-НКВД для иллюстрирования тех или иных положений, инструкций и т. д. Для управлений НКВД были размножены обзоры крупных агентурных дел 30-х годов, аналитические сборники по агентурной работе, основанные на удачных и неудачных эпизодах работы карательных органов, также содержащие ценный, хотя и тенденциозно поданный исторический материал³.

Однако О. М. Якуба в середине 40-х годов попытался рассмотреть реальные проблемы взаимоотношений органов ВЧК с партийно-советскими, судебными и военными структурами, а также место ЧК в системе чрезвычайных органов государства. Автор отметил роль партийных комитетов в комплектовании чекистских структур коммунистами, рассказал об информировании властных органов чекистскими сводками, затронул проблему трибунальского надзора за следствием в ЧК. Автор впервые привлек материал по региональной чекистской истории, дав некоторые сведения о деятельности уездных политбюро и губернского аппарата Екатеринбургской губЧК⁴.

Также в этот период появились несколько более информативные закрытые работы, адресованные работникам госбезопасности,

---

¹ Программа по курсу «О методах борьбы со шпионско-вредительской, диверсионной и террористической деятельностью разведок капиталистических стран и их троцкистско-бухаринской агентуры». Изд. 2-е. М.: Госвоениздат, 1939. С. 12, 9, 10.

² Расследование дел о вредительских и диверсионных актах, совершаемых при помощи и под видом нарушения правил техники безопасности, а также дел об иных преступлениях, связанных с нарушением правил техники безопасности. Пособие для следователей / под ред. А. Я. Вышинского. М.: Юрид. изд-во, 1937. 79 с.

³ ОГА СБУ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 181, 210, 212, 232, 233.

⁴ Якуба О. М. Чрезвычайные органы Советского социалистического государства // Ученые записки Свердлов. юрид. ин-та. 1945. Т. 1. С. 3–33.

в которых трактовались вопросы как истории, так и разных сторон оперативной деятельности¹. В целом же официальное мнение о постоянной борьбе ВЧК-ОГПУ-НКВД с разномастными «врагами народа» сформировало необходимое властям и, отметим, вполне адекватное реальности официальное представление об органах советской политической полиции как «карающей руке» советского государства.

§ 3. Вторая половина 1950-х – середина 1980-х годов

В послесталинский период советская историческая наука получила возможность публиковать исследования о чекистах, носящие значительно более серьёзный характер, но в целом по-прежнему остававшиеся крайне догматическими². Теперь исследователи старались показывать ВЧК-НКВД как целесообразно устроенную и сбалансированную службу государственной безопасности, карательные усилия которой обращались в основном на реальных врагов и уже не являлись основными. Имена одиозных организаторов репрессий 1920-х — середины 1930-х гг., вроде заместителя председателя ОГПУ с 1923 г. Г. Г. Ягоды, совершенно не назывались, допускались же только краткие упоминания последующих осуждённых руководителей НКВД в виде традиционной формулы: «карьерист Ежов и политический авантюрист Берия»³. Многотомная «История Коммунистической партии Советского Союза» отвела незаконным преследованиям при Сталине несколько абзацев, объяснив репрессии необходимостью «усиления борьбы с агентурой империализма» и признав лишь то, что по вине Сталина «в работе органов безопасности были допущены серьёзные ошибки, вследствие чего пострадали невинные граждане, в том числе и коммунисты». При этом подчёркивались выдающиеся заслуги Сталина в деле строительства

---

¹ Коссой А. О некоторых приемах и методах борьбы контрреволюции против Советской власти (материалы к истории ВЧК-ОГПУ-НКВД). Лекции, прочитанные на шестимесячных курсах ВШ НКВД СССР. М., 1939; Мосолов Ф. И. Курс лекций по истории ВЧК-ОГПУ-НКВД-МГБ. М., 1949; Петрихин А. И. Органы ВЧК в период иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918–1920 гг.). М., 1950; Он же. История ВЧК-ОГПУ-НКВД-МГБ. Введение. М.: ВШ МГБ, 1952.

² Софинов П. Г. Очерки истории Всероссийской Чрезвычайной Комиссии (1917–1922 гг.). М., 1960. 247 с.; Чашников И. П. Ленинские принципы деятельности чекистских органов. М.: ВШ КГБ СССР, 1960.

³ История СССР. Эпоха социализма: учеб. пособие для сред. шк. / И. Б. Берхин и др. М.: Просвещение, 1965. С. 222.

социализма и борьбы с «антиленинскими» оппозиционными течениями в партии¹, и до самой перестройки дожила формула решений XX съезда КПСС о том, что культ Сталина и репрессии не могли изменить справедливого и прогрессивного облика советского социализма.

Первой ориентирующей на научность обобщающей работой по истории ВЧК стала монография П. Г. Софинова, охарактеризовавшая ряд важных сторон работы чрезвычайных комиссий. По мнению автора, чрезвычайный орган подавления был создан коммунистической партией не превентивно, а в ответ на подпольную деятельность контрреволюционных сил, и он эффективно исполнял свои функции контрразведки, разведки, а также подавления враждебных проявлений. Оперативная работа, эпизоды красного террора и карательная статистика Софиновым практически не изучались, а кадровая политика рисовалась в соответствии с тезисом об эффективном поддержании строгой исполнительской дисциплины и регулярном пополнении ВЧК лучшими представителями коммунистов и рабочего класса; также подчёркивалось повседневное руководство чекистского ведомства компартией и лично В. И. Лениным. Упомянутая Л. Д. Троцкого, автор, подчиняясь сталинским формулам, обвинял его в пособничестве антисоветским заговорам. Успехи чекистской работы Софинов относил на счёт «мудрого руководства Коммунистической партии и её ленинского Центрального Комитета, повседневного партийного контроля за их деятельностью»².

Следует отметить, что в период «оттепели» вопросов репрессивной деятельности НКВД, пусть в очень ограниченной степени, касались авторы многочисленных очерков и книг, посвящённых как номенклатурным жертвам сталинизма, так и более общим вопросам³. Десятки биографий репрессированных военачальников с ука-

---

¹ История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 4. Кн. 2. Коммунистическая партия в борьбе за построение социализма в СССР (1921–1937 гг.). М., 1971. С. 509.

² Софинов П. Г. Очерки истории Всероссийской Чрезвычайной Комиссии... С. 243–244.

³ Всесоюзное совещание о мерах улучшения подготовки научно-педагогических кадров по историческим наукам. 18–21 декабря 1962 года. М.: Наука, 1964. С. 298; Некрич А. 22 июня 1941 г. М.: Наука, 1965. 174 с.; Тодорский А. Маршал Тухачевский. М.: Политиздат, 1963. 93 с.; Дробижев В., Думова Н. В. Я. Чубарь. М.: Политиздат, 1963. 72 с.; Трукан Г. А. Я. Рудзутак. М.: Госполитиздат, 1963. 96 с.; Марягин Г. А. Постышев. М.: Молод. гвардия, 1965. 304 с.; Дунаевский А. М. По следам Гая: док. повесть. Ереван: Айастан, 1966. 238 с. и др.

занием на их трагическую гибель опубликовал в 1962–1966 гг. «Военно-исторический журнал». В общей сложности судьбы сотен репрессированных представителей партийно-советского, военно-чекистского, хозяйственного руководства, деятелей науки и культуры можно было проследить в опубликованных книгах, сборниках, статьях в газетах и журналах 60-х годов (позднее о таких людях обычно писали, что они «умерли» в предвоенный период либо их жизнь «трагически оборвалась» — без указания на причины ранней смерти и часто с искажением даты гибели).

В Советской исторической энциклопедии, вышедшей в 60-е годы, имелись многочисленные статьи о жертвах репрессий с указанием на факты гибели в результате клеветы периода культа Сталина и позднейшей реабилитации, а также была дана уникальная, хотя и неполная статистика о терроре среди делегатов XVII партийного съезда. Указывали на репрессии и некоторые биографические статьи о писателях, размещённые в Краткой литературной энциклопедии. Но в вышедшем в 70-е годы 30-томнике БСЭ (3-е изд.) только об одном персонаже говорилось как о репрессированном (калмыцком писателе А. М. Амур-Санане, в т. 1), в статье же об академике Н. И. Вавилове неопределённо указывалось, что в 1940 г. деятельность учёного «была прервана»¹. Вместе с тем изучение времени гибели репрессированных лиц, приведённых в СИЭ, КЛЭ и БСЭ, позволяло увидеть десятки известных персонажей с одинаковыми датами смерти (20 сентября, 29–30 октября и 26–27 ноября 1937 г., 15 марта, 25 апреля, 28–29 июля, 1 и 29 августа 1938 г., 23–26 февраля 1939 г., 2 февраля 1940 г.), что давало представление о групповых казнях представителей номенклатуры в период террора. Несовпадение дат смерти некоторых известных людей в разных энциклопедических справочниках и биографической литературе доказывало распространённую практику дачи ложных сведений с целью представить расстрелянных умершими в местах заключения после 1937–1938 гг.

В ответ на публикации по теме незаконных репрессий в тех же 1960-х годах появляются как окрики в центральной печати², так и большой массив инспирированной руководством КГБ СССР для повышения престижа своей организации биографической литературы

---

¹ Большая советская энциклопедия. М.: Сов. энцикл. Т. 1. 1970. С. 545; Т. 4. 1971. С. 215.

² Голиков В., Мурашов С., Чхиквишвили И., Шатагин Н., Шаумян С. За ленинскую партийность в освещении истории КПСС // Коммунист. 1969. № 3. С. 67–82.

об известных и малоизвестных чекистах¹. Далее поток этих «житийных» публикаций только нарастал². Руководители ЧК-ГПУ-ОГПУ Ф. Э. Дзержинский и В. Р. Менжинский показывались символами революционной чести, профессионализма и выдающегося личного благородства³. Главной чертой в их деятельности демонстративно указывалось следование принципам соблюдения «революционной» и «социалистической» законности. Авторы биографии Менжинского писали, что он «настойчиво боролся за утверждение во всей деятельности ОГПУ ленинского принципа социалистической законности»⁴.

При характеристике функций ЧК-НКВД их карательная деятельность упоминалась кратко, а основное содержание работы сводилось к конструктивным элементам (борьба со шпионами, нарушениями границ, контрабандистами, организованным бандитизмом), при этом основными описываемыми периодами являлись Гражданская и Великая Отечественная войны. Выпячивались те стороны деятельности, которые для ГПУ-ОГПУ были вспомогательными, вроде борьбы с детской беспризорностью и т. д. С 1960-х годов в историографии утвердился восходящий к идеализированному портрету Дзержинского любовно выписанный образ чекиста — самоотверженного рыцаря революции, беспощадного разоблачителя врагов, отважного, справедливого и скромного. А термин «чекист» использовался официально, и персонал КГБ СССР гордился этим наиме-

---

¹ Кузько В. А., Савина Н. И. Пламенный большевик (о В. Р. Менжинском) // Вопр. истории КПСС. 1964. № 9; Кузько В. А. И. К. Ксенофонтов // История СССР. 1967. № 4; Сбойченко М. И., Цибов С. И., Чистяков Н. Ф. Михаил Сергеевич Кедров. М.: Воениздат, 1969. 120 с.; Литвинов Р. Страницы дней суровых (Павлуновский И. П.) // Гвардейцы революции. Воронеж, 1967; Тишков А. В. Первый чекист. М.: Воениздат, 1968. 136 с.; Иогансон О. И. Дорогой борьбы. Очерк о жизни и деятельности М. А. Трилисера. М.: Политиздат, 1963. 46 с.; Солдаты невидимых сражений / сост. И. И. Шмелёв. М.: Воениздат, 1968. 384 с.

² Кутузов В. А. Н. П. Комаров. Л.: Лениздат, 1976. 208 с.; Барышев М. И. Особые полномочия. Повесть о В. Менжинском. М.: Политиздат, 1976, 1983; Лапина Е. С., Прищеленко Г. Я. Чекист Семен Штыб: док. повесть. Орджоникидзе, 1978; Гладков Т. К., Зайцев Н. Г. И я ему не могу не верить... (об А. Х. Артузове). М.: Политиздат, 1987. 256 с.; Чекисты: сб. М.: Молод. гвардия, 1987. 416 с. и др.

³ Зубов Н. И. Ф. Э. Дзержинский: Биография. М.: Госполитиздат, 1963. 335 с.; Рыцарь революции. М.: Политиздат, 1967. 335 с.; Дмитриев Ю. Первый чекист. Дзержинский: Эпизоды героической жизни. М.: Молод. гвардия, 1968. 224 с.; Корольков Ю. М. Феликс — значит счастливый...: Повесть о Феликсе Дзержинском. М.: Политиздат, 1974. 463 с.; Янин Ю. С. Деятельность Ф. Э. Дзержинского на посту народного комиссара внутренних дел. Рязань: Рязан. высш. шк. МВД СССР, 1987. 79 с.

⁴ Гладков Т. К., Смирнов М. А. Менжинский. М.: Мол. гвардия, 1969. С. 328–329.

нованием, остро ощущая преемственность с героическими временами ВЧК.

Показательно, что давно имевшие в зарубежной историографии совершенно заслуженную репутацию откровенных садистов Г. И. Боккий, В. П. Брауде, Т. Д. Дерibas, М. С. Кедров, М. И. Лацис, Я. Х. Петерс удостоились отдельных биографий житийного характера¹, причём в ряде случаев этим персонажам посвящались по две-три работы. Вышло жизнеописание и палача Романовых Я. М. Юровского². Книга об астраханских чекистах, выпущенная уже в эпоху гласности, оказалась наполнена безудержной апологетикой Г. А. Атарбекова³, одного из самых садистски-беспощадных руководителей ЧК юга России, которому год спустя оказалась посвящена отдельная биография⁴. Однако некоторые приводимые региональными авторами сведения выходили за рамки привычной ортодоксальности и, в частности, давали представление о размахе массовых террористических операций чекистов. Так, вскрытие «белоказачьей бойковской организации» в Семиречье в 1920–1921 гг. привело к аресту и осуждению около 1 800 чел.⁵ Описывая проведение паспортизации в начале 1930-х годов в Москве и Ленинграде, авторы статьи о работе органов внутренних дел сообщали о выявлении в этих городах «десятков тысяч антиобщественных и уголовно-преступных элементов», более 25 % которых являлись «кулаками, скрывавшимися от правосудия»⁶, что давало представление о широком масштабе социальных чисток.

---

¹ Викторов И. В. Подпольщик, воин, чекист (о М. С. Кедрове). М.: Госполитиздат, 1963. 80 с.; Пластинин В. Н. Коммунист Кедров. Архангельск, 1969. 112 с.; Наумов Я. Чекистка. Страницы из жизни заместителя председателя Казанской губчека В. П. Брауде. М.: Политиздат, 1963. 104 с.; Ратнер Е. Н. А главное — верность. Повесть о Мартине Лацисе. М.: Политиздат, 1983. 351 с.; Листов В. Комиссар Дерibas: документальная повесть. М.: Воениздат, 1985. 256 с.; Алексеева Т. А. Доверено защищать революцию: о Г. И. Бокии. М.: Политиздат, 1987. 254 с.

² Резник Я. Л. Чекист: Повесть: [О Я. М. Юровском]. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1972. 167 с. В не раз переиздававшейся популярной книге М. К. Касвинова рассказывалось об убийстве чекистами семьи императора Николая II. См.: Касвинов М. К. Двадцать три ступени вниз. М.: Мысль, 1978. 565 с.

³ Абросимов М., Жилинский В. Страницы былого: из истории Астраханской губернской чрезвычайной комиссии. Волгоград: Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1988. С. 28–50.

⁴ Джанибекян А. Солдат революции. Документальная повесть о Г. А. Атарбекове. М.: Мол. гвардия, 1989. 96 с.

⁵ Милованов Н. И. Возмездие. Документальная повесть. Страницы боевого пути. Алма-Ата, 1987. С. 65–118.

⁶ Биленко С., Суров В. В годы индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства (1926–1934 гг.) // Советская милиция. 1958. № 3. С. 68.

Характерно, что в иных работах сообщалось даже о таких неординарных мерах, как, например, публичные казни, практиковавшиеся в различных регионах страны в первой половине 20-х годов. Уральский историк писал, что члены коллегии Уфимской ЧК «единодушно высказались за суровое наказание бандитов, оставленных колчаковцами в тылу советских войск с целью поднять восстание против Советской власти... Главари “зеленых” были публично расстреляны». А когда в 1923 г. был пойман и осуждён к расстрелу вождь басмаческого движения в Наманганском уезде Узбекистана Аман-Палван, согласно сообщению одного из чекистов, «по требованию народа приговор в исполнение приведён был публично»¹.

Основным видом литературы о чекистах были не серьёзные исторические работы², которых было мало, а выходявшие стараниями руководства управлений КГБ в областях, краях и республиках к юбилейным датам сборники очерков об отдельных операциях и персоналиях центральных и региональных структур госбезопасности. При этом их авторы обычно являлись ветеранами «органов» или доверенными журналистами, допускавшими как исторические ошибки, так и беллетризацию материала³. На этом фоне открытые работы о центральном аппарате ВЧК выглядят немногочисленными, но более основательными. Наиболее значительные исследования по истории органов безопасности появились в 1970-х — 1980-х годах⁴. На фоне «замораживания» какой-либо информации о терроре 30-х годов, когда в стереотипных школьных учебниках «История

---

¹ Лешкин Н. Они были первыми // Чекисты Башкирии: Очерки, статьи, воспоминания. Уфа, 1977. С. 19; Чекисты / сост. П. П. Черкашин. Ташкент, 1978. С. 41.

² Арипов Р. А., Мильштейн Н. Я. Из истории органов государственной безопасности Узбекистана. Ташкент, 1967. 182 с.; Майданов И. И. Чрезвычайные комиссии Белоруссии в 1918 г. // Вопр. истории. 1976. № 12. С. 30–43; Клименко В. А. Борьба с контрреволюцией в Москве. М.: Наука, 1978. 192 с.

³ Блохин Л. И. Чекисты огненных лет. Из истории органов госбезопасности Таджикистана. Душанбе, 1968; Юдин В. Н. Чекисты. Волгоград, 1966; По особому заданию. Очерки о чекистах. Саратов, 1967; Чекисты Башкирии. Уфа, 1967; Не выходя из боя. Рассказы о чекистах. Куйбышев, 1972, 1976; Без линии фронта. Невыдуманные рассказы о героической борьбе чекистов Грузии с врагами Советского государства. Тбилиси: Мерани, 1981; Чекисты Азербайджана. Документы, очерки, рассказы. Баку: Азербайдж. гос. изд-во, 1981; Чекисты. Л.: Лениздат, 1982; Чекисты Карелии. Статьи, очерки, рассказы. Петрозаводск, 1982; Чекистские будни. Сборник документальных повестей и рассказов о работе владимирских чекистов. Ярославль, 1982 и др.

⁴ Голинков Д. Л. Крушение антисоветского подполья в СССР. М., 1980. Кн. 1-2; Титов Ю. П. Создание ВЧК, ее правовое положение и деятельность: учеб. пособие. М.: ВЮЗИ, 1981. 61 с.; Курицын В. М. Становление социалистической законности. М.: Наука, 1983. 193 с.; Портнов В.П. ВЧК (1917–1922). М.: Юрид. лит., 1987. 208 с.

СССР в период социализма» за 10-й класс к 1983 г. исчез небольшой параграф об «отрицательных явлениях в жизни страны», связанных с «культом личности», следует отметить, что в 1980-х годах вышел целый ряд вполне профессиональных работ о региональных структурах госбезопасности¹, дававших обширную новую информацию о структуре, кадрах и операциях органов госбезопасности, но почти исключительно об эпохе ВЧК. Репрессивная и кадровая тема применительно к ВЧК была затронута в ряде более общих трудов, например, в исследованиях о ликвидации в начале 20-х годов «мелкобуржуазной контрреволюции»². В монографии М. П. Ирошниковой о государственной деятельности Ленина была предпринята первая попытка изучения социально-профессионального состава ВЧК. Используя данные переписи советских служащих в 1918 г., автор по целому ряду научных критериев проанализировал кадровый состав центральных государственных ведомств, включая ВЧК³.

Характеризуя вопросы происхождения и деятельности ВЧК, авторы обычно считали её появление глубоко закономерным ответом на происки врагов революции, бездоказательно заявляя, в частности, что «красный террор принес неизмеримо меньше жертв, чем белый террор»⁴. Однако Ю. П. Титов в своём учебном пособии отметил неконституционный характер создания ВЧК как временного органа⁵. Итоговым сочинением по истории ВЧК можно считать компактную работу В. П. Портнова, ориентированную на показ правовых аспектов деятельности чрезвычайных комиссий. В ней важное место отведено усилиям Ленина по укреплению ВЧК как орудия дик-

---

¹ Литвин А. Л., Панюков В. Н., Титов Л. Н. Защищая революцию (Чекисты Татарии в первые годы советской власти. 1917–1922 гг.). Казань, 1980; Васильченко Э. А. Партийное руководство деятельностью чекистских органов по борьбе с контрреволюцией на Дальнем Востоке. 1920–1922. Владивосток, 1982; Романенко В. В. В борьбе с контрреволюцией (из истории создания чрезвычайных комиссий Поволжья и Урала в 1918–1922 гг. Саратов, 1985; Чекисты Петрограда на страже революции / В. А. Кутузов и др. Кн. 1-2. Л.: Лениздат, 1987, 1989; Маймескулов Л. Н., Рогожин А. И., Сташис В. В. Всеукраинская Чрезвычайная комиссия. 1918–1922. Харьков, 1990 и др.

² Барихновский Г. Ф. Идеино-политический крах белоэмиграции и разгром внутренней контрреволюции (1921–1924). Л., 1978; Щетинов Ю. А. Крушение мелкобуржуазной контрреволюции в советской России (конец 1920–1921 гг.). М., 1984. 152 с.

³ Ирошников М. П. Председатель Совета Народных Комиссаров Вл. Ульянов (Ленин). Очерки государственной деятельности в 1917–1918 гг. Л., 1974. 448 с.

⁴ Соловьёв О. Ф. Современная буржуазная историография о подавлении контрреволюции в России в годы гражданской войны // Исторический опыт Великого Октября. М., 1975. С. 420.

⁵ Титов Ю. П. Создание ВЧК, ее правовое положение и деятельность... С. 13.

татуры пролетариата, даётся разносная критика «фальсификаторской литературы» о ВЧК (характерно, что фамилии зарубежных критиков даны даже без инициалов), обосновывается необходимость решительных действий чекистов по защите социалистического строя, а в качестве примера исправления ошибок приводятся два случая освобождения незаконно арестованных. По мнению Портнова, буржуазия и контрреволюционеры боролись с советской властью, распространяя домыслы о причастности чекистов к взяточничеству и прочим корыстным преступлениям, что имело целью оклеветать прежде всего руководство ВЧК. Автор также обратил внимание на факт ведомственных противоречий между ВЧК и наркоматами юстиции и внутренних дел¹. Появление литературы о работниках особых отделов и пограничной охраны говорило о постепенном расширении тематики исследований².

Специальных книг по истории ГПУ-ОГПУ-НКВД в данный период издано не было, и чекистские структуры после 1922 г. изучались в контексте отдельных акций против внешних и внутренних врагов, а также предоставления биографических материалов о заметных фигурах в истории госбезопасности, особенно деятелей разведки. В отдельных работах были описаны важные элементы масштабной государственной репрессивной политики в отношении различных политических сил и слоёв населения, в осуществлении которых участвовали органы ОГПУ-НКВД³, но подробно действия карательного механизма и специфика следствия авторами не раскрывались; исключением были описания «раскулачивания» в период коллективизации⁴, а также публикации некоторых интересных документов ОГПУ⁵. Яркие архивные материалы отмечают книгу Т. К. Гладкова и М. А. Смир-

---

¹ Портнов В. П. ВЧК (1917–1922)... С. 91, 93.

² Военные контрразведчики. Особым отделам ВЧК-КГБ 60 лет. Очерки. М.: Воениздат, 1978. 422 с.; Некрасов В. Ф. На страже интересов Советского государства. История строительства войск ВЧК-ОГПУ-НКВД-МВД. М.: Воениздат, 1983. 387 с.

³ Трифонов И. Я. Очерки истории классовой борьбы в СССР в годы НЭПа (1921–1927). М., 1960; Кукушкин Ю. С. Сельские Советы и классовая борьба в деревне (1921–1932 гг.). М., 1968; Барихновский Г. Ф. Идеино-политический крах белоэмиграции и разгром внутренней контрреволюции (1921–1924 гг.). Л., 1978; Масловский В. И. В борьбе с врагами социализма. Очерки истории классовой борьбы на селе в период построения основ социализма в западных областях Украины 1939–1950. Львов: Вища шк., 1984. С. 44–45.

⁴ Ивницкий Н. А. Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса (1929–1932). М.: Наука, 1972. 360 с.

⁵ Верзилов Н. Н. Приговор окончательный. Ижевск: Удмуртия, 1974. 172 с.

нова о В. Р. Менжинском¹. Благодаря высоким покровителям из КГБ официальный историк Н. Н. Яковлев смог использовать протокольные записи допросов видного кадета Н. В. Некрасова в ОГПУ о его масонских связях². Таким образом, некоторые ценные документы ОГПУ попадали в исследования, но обычно в качестве иллюстративного материала.

Наиболее известным трудом о работе чекистов был неоднократно выходивший большими тиражами двухтомник Д. Л. Голинкова³, освещавший историю борьбы ВЧК-ОГПУ с внутренними и внешними врагами до начала 30-х годов. Автор собрал материал обо всех известных на тот момент крупных чекистских операциях в Москве и Ленинграде, Сибири и Средней Азии, Крыму и Грузии, отразив борьбу как с повстанческой деятельностью и иностранными разведками, так и с враждебными политическими партиями и «церковной контрреволюцией». Исследование, построенное в основном на газетно-мемуарном материале и в целом крайне ортодоксальное, тем не менее давало некоторую архивную информацию и называло множество участвовавших в контрразведывательных мероприятиях чекистов, в том числе малоизвестных. Сам бывший украинский чекист, Д. Л. Голинков рискнул положительно упомянуть и руководителя Киевской губЧК Я. Л. Лившица, расстрелянного по второму московскому процессу в 1937 г. и в тот период ещё не реабилитированного; такое фронтёрство, прошедшее во всех изданиях этой очень популярной книги, не было, однако, единственным примером. Необходимость умалчивать о нереабилитированных крупных чекистах тяготила иных официальных авторов, и в книге о работниках особых отделов в числе заслуженных основателей данной чекистской специализации были упомянуты фамилии и одноименного Я. С. Агранова (в качестве «опытного чекиста» и «ответственного сотрудника оперативного подразделения»), и начальника Соловецкой тюрьмы в 1937 г. И. А. Апетера, не реабилитированных за участие в репрессиях и по настоящее время⁴. (Отметим, что положительно упоминался в литературе и полпред ВЧК по Киргизскому краю И. К. Даниловский,

---

¹ Гладков Т. К., Смирнов М. А. Менжинский. М.: Молод. гвардия, 1969. 352 с.

² Яковлев Н. 1 августа 1914. М.: Молод. гвардия, 1974. С. 226.

³ Голинков Д. Л. Крушение антисоветского подполья в СССР. М.: Политиздат, 1980. Кн. 1-2.

⁴ Остряков С. З. Военные чекисты. М.: Воениздат, 1979. С. 47, 85.

в 1932 г. уволенный из ОГПУ и исключённый из ВКП(б) за прикрытие хищения крупной партии опиума таможенными органами¹.)

В связи с тем, что изучение вопросов агентурно-оперативной и кадровой деятельности, а также истинной контрразведывательной и разведывательной работы органов ВЧК-НКВД в открытой печати до конца 1980-х годов было невозможно, самые важные элементы оперативной работы органов безопасности оставались вне поля зрения историков, хотя иные из них пытались приоткрывать завесу секретности над некоторыми из указанных аспектов. Иногда отмечались недостатки в оперативной работе, например, критиковалась деятельность ярославских и рыбинских чекистов, не предотвративших Ярославский мятеж 1918 г.² В новаторской монографии Э. А. Васильченко о работе и кадрах Госполитохраны Дальневосточной республики упоминался целый ряд негативных фактов, связанных с ведомственными противоречиями, сепаратизмом чекистов и частыми нарушениями законности со стороны их руководства³.

Характерно, что исследователи в смежных областях позволяли себе весьма очевидные намёки на значение темы тюрем, лагерей и сексотов в отечественной истории: так, академик Д. С. Лихачёв, в юности отбывавший заключение в Соловецком концлагере, неслучайно ввёл археографическое понятие «текстологический конвой»⁴ и употреблял, как вспоминал видный историк А. А. Зимин, термин «поэшелонное авторство»⁵. А один из составителей биографий для Краткой литературой энциклопедии Д. П. Муравьёв, чтобы указать на провокаторство известного «литературоведа в штатском» Я. Эльсберга, подписал статью о нём прозрачно намекающим на аббревиатуру «ГПУ» псевдонимом «Г. П. Уткин»⁶.

Вместе с тем не были редкостью в советских работах прямо фальсифицированные сведения: например, утверждалось, что в ре-

---

¹ Мы из ЧК / А. Тлеулиев и др. Алма-Ата, 1973. 77 с.; Тумшиш М. А. Щит и меч Советского Союза. Справочник: краткие биографии руководителей органов государственной безопасности СССР и союзных республик (декабрь 1922 — декабрь 1991 гг.). М.: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2016. 559 с.

² См.: Балашов Р. В. Пламя над Волгой. Ярославль, 1984. 133 с.

³ Васильченко Э. А. Партийное руководство деятельностью чекистских органов по борьбе с контрреволюцией на Дальнем Востоке. 1920–1922. Владивосток, 1984.

⁴ Покровский Н. Н., Шмидт С. О. Археографическая деятельность Д. С. Лихачёва // Археографический ежегодник за 1976 г. М.: Наука, 1977. С. 121–128.

⁵ Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX века / сост. А. Л. Хорошкевич. М.: Аквариус, 2015. С. 138.

⁶ КЛЭ. Т. 8. М.: Сов. энцикл., 1975. С. 883.

зультате успешной работы Иностранного отдела ОГПУ во главе с М. А. Трилиссером в 1920-х годах были «...выведены на советскую территорию матерые враги Советской власти: Иванов-Ринов, Краковецкий, Яковлев. Все они были преданы суду за совершенные злодеяния»¹. На самом же деле видные руководители Белого движения П. П. Иванов-Ринов и П. Д. Яковлев являлись агентами советской военной разведки и были репрессированы чекистами в 20-х годах как «отработанный материал», а А. А. Краковецкий, будучи агентом советских спецслужб, легально вернулся в Советскую Россию и работал в центральном аппарате ОГПУ СССР, расстреляли же его в 1937 г.² Другая работа утверждала, что в период советско-польской войны работники особых отделов только в городах Белоруссии выявили до 1 400 якобы польских разведчиков³, что являлось огромным преувеличением. Книга, посвящённая воронежским чекистам, давала подробный перечень огромных заговорщицких организаций, якобы созданных «кулаками и антисоветской интеллигенцией» в первой половине 1930-х годов, упоминая среди опасных врагов и профессора А. Ф. Лосева⁴. Литература советского периода исходила из того, что абсолютно все организованные ВЧК-ОГПУ политические процессы, тайные и открытые, имели реальную основу.

Другие историки, в том числе ради оправдания красного террора, порой фабриковали, например, сведения о терроре царской власти, ссылаясь при этом на более раннюю историческую работу, но приводили более чем на порядок преувеличенные данные: «Сотни тысяч рабочих и крестьян были брошены в тюрьмы, сосланы на каторжные работы. За период с 1906 по 1911 г. было казнено свыше 50 тыс. участников революционной борьбы»⁵. Между тем в цитированном источнике на самом деле говорилось, что в ходе подавления первой русской революции и в первые годы после неё «казнили

---

¹ Листов В. Михаил Абрамович Трилиссер // Чекисты. М.: Молод. гвардия, 1987. С. 221.

² Колпакиди А. И. КГБ: Приказано ликвидировать. М.: Яуза; Эксмо, 2004. С. 8; Тепляков А. Г. «Отработанный материал»: массовая ликвидация секретной агентуры советских спецслужб в 1920–1930-е гг. // Рос. история. 2013. № 4. С. 101–115.

³ Остряков С. З. Военные чекисты... С. 73.

⁴ Воронежские чекисты рассказывают... / сост. А. Васильев. Воронеж: Центрально-Чернозем. кн. изд-во, 1976. С. 14, 65.

⁵ Васецкий Г. С. Развитие В. И. Лениным марксистской философии в борьбе с ревизионизмом (1907–1913 гг.). М., 1961. С. 29 (указано М. Ю. Наконечным).

свыше 5 тысяч»¹, что на деле тоже серьёзно завышало потери революционеров.

В описываемую эпоху значительно активизировалась научная деятельность самих работников КГБ, причём исторические аспекты функционирования спецслужбы разрабатывали как оперативные работники, так и немногочисленные историки-профессионалы. Подобно исследованиям гражданских историков, закрытые работы сотрудников КГБ и МВД 1960-х — 1980-х годов довольно многочисленны, но касаются значительно большего числа аспектов темы, включая региональные, хотя и нередко стараются в общих трудах не заострять вопросов оперативной и следственной работы². Так, монография А. С. Велидова о ВЧК была написана в русле изучения роли компартии в руководстве органами безопасности; при этом в ней упоминались и вопросы красного террора, и определённые «ошибки» в деятельности чекистов, вытекавшие из наделения их широкими внесудебными полномочиями³. В некоторых работах отмечалось, что использование большевиками негласных методов работы и специфических средств в оперативно-следственной работе опиралось на высказывания Ф. Энгельса и В. И. Ленина о допустимости применения в рамках классовой борьбы рабочего класса с буржуазией тех средств, которые использует полиция капиталистических стран против трудящихся⁴.

---

¹ Ушерович С. С. Смертные казни в царской России. К истории казней по политическим процессам с 1824 по 1917 год. 2-е изд. Харьков, 1933. С. 97.

² Дорошенко И. А. История органов государственной безопасности. Ч. II (1921–1925). М., 1959; Он же. Деятельность органов и войск государственной безопасности в период построения фундамента социализма и ликвидации эксплуататорских классов (1921–1932): учеб. пособие. Ч. 2. М.: Краснознам. воен. ин-т им. Ф. Э. Дзержинского, 1960. 291 с.; Венедиктов В. Н. Очерки по истории особых отделов ВЧК–ОГПУ (1918–1925 гг.). М., 1960; История советской разведки. Вып. 1, 2. (1918–1925 гг.). М.: Изд-во ВШ КГБ СССР, 1960; Антисоветская деятельность еврейских националистов и борьба с нею органов государственной безопасности. М.: ВШ КГБ СССР, 1956; Бойченко В. М., Ерёмин П. П. Белорусские буржуазные националисты (Учебный материал). М.: ВШ КГБ СССР, 1957. 54 с.; Бородавко А. Г. Оперативные игры ВЧК–ОГПУ (1917–1934 гг.): дис. ... канд. ист. наук. М., 1974; Вялков Л. И. Борьба приморских чекистов с врагами Советской власти в 1922–1928 годах: дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 1972; Васильев И. И., Корнилов Ю. И., Наумов Г. К. Из истории органов государственной безопасности Урала. Ч. 1. М., 1982.

³ Велидов А. С. Коммунистическая партия — организатор и руководитель ВЧК (1917–1922). М., 1967, 1970 (доп. изд.).

⁴ Кукушкин Д. Н. Борьба советских органов государственной безопасности против внутренней и внешней контрреволюции в период иностранной интервенции и гражданской войны (июль 1918 — 1920 гг.). М., 1963; Он же. Возникновение и развитие агентурного аппарата ВЧК // Сборник КГБ. 1966. № 3.

Важным этапом в изучении темы стало появление учебников по истории органов госбезопасности¹, опиравшихся на обширный архивный материал и дававших достаточно богатый, в том числе и проблемный материал по агентурно-оперативной и кадровой деятельности ВЧК-КГБ, проведению чекистской работы в самых разных аспектах: информирование руководства, борьба с опасными преступлениями, защита границ и государственных секретов, разведывательно-контрразведывательная функция, пресечение контрабанды. Учебники давали и некоторый материал о недостатках прошлой деятельности ВЧК-НКВД, включая провалы агентурной работы и незаконные репрессии, при этом подчёркивая, что органы КГБ СССР действуют под строгим контролем КПСС и всемерно пекутся о соблюдении «социалистической законности».

Вместе с тем следует отметить ложность высказываний авторов учебника истории КГБ о том, что «штаты консульств Германии и Японии в Ленинграде, Киеве, Харькове, Одессе, Тбилиси, Новосибирске, Владивостоке, Хабаровске и других городах в основном состояли из кадровых офицеров-разведчиков, вербовавших немцев, японцев, китайцев, корейцев, а также местных жителей»². На деле, в Новосибирске, в германском консульстве не было профессиональных разведчиков, а в японском консульстве в середине 30-х годов имелся один кадровый сотрудник военной разведки³. В условиях жесточайшей слежки ОГПУ-НКВД у зарубежных дипломатов было немного возможностей для агентурной работы среди советских людей⁴. Согласно немецким архивам, из более чем 1 100 подданных Германии, арестованных в СССР за 1936–1941 гг., только двое были причастны к разведывательной деятельности, и то скорее всего косвенно⁵.

---

¹ История советских органов государственной безопасности: учеб. пособие. М., 1967; История советских органов государственной безопасности: учеб. М., 1977.

² История советских органов государственной безопасности. М., 1977. С. 268.

³ Belkowitz L., Belkowitz S. Gescheiterte Hoffnungen. Das deutsche Generalkonsulat in Sibirien 1923–1938. Klartext Verlag, Essen. 2004; Bobrenyov V. A. Shiberia yokuryu:sha. KGB-no mashu-ni torawarete (Тайная история интернированных в Сибирь. В дьявольских лапах КГБ). Shu:sen shiryu:kan shuppanbu, 1992. S. 163; Тепляков А. Опричники Сталина. М.: Яуза, 2009. С. 327.

⁴ Тепляков А. Опричники Сталина... С. 405–406.

⁵ Риттерспорн Г. «Вредные элементы», «опасные меньшинства» и большевистские тревоги: массовые операции 1937–1938 гг. и этнический вопрос в СССР // В семье единой: Национальная политика партии большевиков и ее осуществление на Северо-Западе России в 1920–1950-е годы. Петрозаводск, 1998. С. 117.

Большой объём исторической информации содержится в ведомственном журнале «Вестник КГБ СССР», выпускавшемся в 1959–1991 гг. На его страницах, помимо обсуждения актуальных вопросов агентурно-оперативной работы (вплоть до писем негласных агентов с изложением особенностей работы с ними чекистов-кураторов и перипетий своих биографий), постоянно печатались исторические исследования с описаниями конспиративных операций и биографиями видных работников ВЧК-КГБ. Рассекречивание данного журнала Службой безопасности Украины даёт исследователям важный материал по работе спецорганов.

Заметно, что с конца 1950-х годов в публикациях об органах безопасности начинает звучать тема осуждения культа Сталина и репрессий второй половины 30-х годов (при защите принципов карательной политики в другие исторические эпохи), вновь начинают упоминаться репрессированные основатели ВЧК-ОГПУ. Основная часть исследований по-прежнему касалась только истории ВЧК и лишь в небольшой степени затрагивала более поздние времена, сосредотачиваясь на показе борьбы с «кулачеством», «церковной контрреволюцией» и империалистическими разведками. Исключением были публицистические работы, дававшие в целом мифологическую картину работы ОГПУ-НКВД, которые в 30-е годы якобы в основном занимались обезвреживанием агентов иностранных разведок и многочисленных «кулацко-вредительских организаций», нередко с этими агентами связанными. Закрытые работы также исходили из подлинности чекистских отчётов о результатах раскрытия многочисленных антисоветских заговоров. Следует отметить и характерную разорванность открытой и закрытой историографии органов ВЧК-НКВД — это одна из главных проблем для исследователей спецслужбы, во многом актуальная и сегодня.

Хотя до конца 1980-х годов исследований о чекистах в открытой и закрытой печати появилось немало, и они опирались на заметный объём архивного материала, расширяли исследовательское поле, критиковали ряд устоявшихся положений, а также использовали ценные документы и мемуары, в сталинское время признанные политически скомпрометированными, полноценно научными данные работы обычно не являлись. При всех новациях основные подходы к теме оставались неизменными, и о чекистах повествовалось исключительно в восторженных тонах — как о самоотверженных защитниках советского государства от бесчисленных покушений внутренних и внешних врагов.

Анализ советской историографии деятельности ВЧК-НКВД заставляет сделать вывод о совершенно недостаточном уровне изучения проблемы, на что влияли политическая целесообразность мифологизации прошлого и крайняя секретность вопросов агентурно-оперативной и карательной работы советских спецслужб, в связи с чем многие аспекты их истории оставались вне поля зрения исследователей. В целом они должны были иллюстрировать те догматические положения о правильности советского исторического пути, которые формулировались политическим руководством в виде прямых директив. Советские историки «всегда двигались как бы в обратном направлении, точно зная, какие факты подбирать и как их оценивать»¹. Даже выдающиеся личности прежней эпохи, пережившие террор, полагали возможным не считать массовые репрессии основной характеристикой сталинского периода. Так, мнение академика Е. С. Варги было следующим: «Ошибки Сталина... не имеют решающего значения: они исторически исправимы. Это может показаться циничным, но, если смотреть на дело с точки зрения исторической перспективы, страдания миллионов несправедливо посаженных в лагеря людей, преждевременная смерть, вероятно, доброго миллиона прекрасных коммунистов — исторически проходящий эпизод»².

И только в периоды политических оттепелей появлялась возможность заметного выхода из зоны действия наиболее консервативных концепций, на что чутко реагировали охранители. Большое общественное значение имела смелая работа А. М. Некрича, честно анализировавшая предвоенный период и упоминая неназываемые «московские процессы» над оппозицией³. Передовые советские историки в середине 1960-х годов утверждали, что коллективизацию нельзя понять без учёта «перегибов» в её осуществлении. Ими был сделан важный вывод о большой роли административных мер при создании колхозов, а также приведена разоблачительная статистика резкого снижения уровня жизни в деревне: в 1932 г. на

---

¹ Соскин В. Л. История советской культуры: некоторые историографические и методологические аспекты // Культура и интеллигенция сибирской провинции в XX в.: мат-лы регион. науч. конф. Новосибирск, 2000. С. 13.

² «Вскрыть через 25 лет» (Предсмертные записки Е. С. Варги) // Полит. исслед. 1991. № 3. С. 164.

³ Некрич А. М. 1941, 22 июня. М.: Наука, 1965. 178 с. Разгромную рецензию см.: Деборин Г. А., Тельпуховский Б. С. В идейном плену у фальсификаторов истории // Вопр. истории КПСС. 1967. № 9. С. 127–140.

среднюю колхозную семью было выдано примерно по 130 кг зерна на человека, тогда как до революции норма потребления была примерно в два раза больше¹. В ответ секретарь ЦК КП Грузии Д. Г. Стурца публично сетовал, что, с точки зрения этих исследователей, «коллективизация была сплошной цепью ошибок, нарушений, преступлений и т. д.»².

Смелые оценки прошлого проходили до середины 60-х годов в публицистических очерках и статьях. Известный публицист В. Кардин писал о тех акторах сталинского времени, которые «делали зло с незамутнённым сознанием человека, творившего благо»³. Иногда в прессе появлялись сенсационные материалы, бичующие доноительство. В 1962 г. газета «Бакинский рабочий» в очень принципиально озаглавленной статье («Досье провокатора») описала крупного доносчика. Среди оклеветанных им были три секретаря ЦК Компартии Азербайджана и бывший председатель Совнархоза республики. А сам провокатор И. Я. Мячин оставался до послесталинских времён известным и уважаемым членом партии, одно время занимая должность заместителя наркома текстильной промышленности Азербайджана. Доносы Мячин писал в двух экземплярах — один посылал «в НКВД на имя прислужников Багирова. Второй же с собственноручной подписью подшивая в дело № 4, которое с гордостью сдал в архив». Это «дело № 4» пролежало на полке четверть века, пока не было обнаружено: в нём оказались заявления, написанные в период с февраля по ноябрь 1937 г. и «скомпрометировавшие» 14 партийных, советских и хозяйственных руководителей. Одно из типичных обвинений состояло в том, что партиец, «посоветовавший в автобусе не болтать о вредительстве», якобы хотел этим «дать указание контрреволюционерам держать язык за зубами». Оправдывая свои поступки, Мячин говорил: «Мы думали, так нужно. Писали все»⁴.

В ответ на требования информировать общество о драматических периодах советской истории начальник Политуправления Советской Армии А. А. Епишев в 1966 г. заявил историкам из «Военно-исторического журнала» В. М. Кулишу и Н. Г. Павленко: «Там, в "Но-

---

¹ Очерки истории коллективизации сельского хозяйства в союзных республиках: сб. ст. / под ред. В. П. Данилова. М.: Госполитиздат, 1963. С. 147.

² Заря Востока. 1966. 10 марта.

³ Кардин В. Судья по имени время: О герое советской драмы. М.: Искусство, 1964. С. 79.

⁴ Досье провокатора // Бакин. рабочий. 1962. 17 июня (цит. по: Конквест Р. Большой террор. Firenze: Edizioni Aurora, 1968. С. 466.).

вом мире”, говорят, подавай им чёрный хлеб правды, а на кой чёрт она нам нужна, если она не выгодна»¹. Партийная печать осудила тех «отдельных авторов», которые «вместо подлинной партийной критики ошибок и недостатков, связанных с культом личности, чернят героическую историю нашего государства и ленинской партии в период строительства социализма, изображают эти годы как сплошную цепь ошибок и неудач»². Власть категорически запрещала появление неортодоксальных работ на острые темы, из-за чего в 1970-х — первой половине 1980-х годов на темы, касавшиеся истории ВЧК-НКВД, выходили лишь строго официозные труды. Поэтому современные исследования не столько опираются на работы советских историков, сколько преодолевают их.

§ 4. Эпоха перестройки

Перешедшая от прежней идеологической заданности к относительной объективности историография, посвящённая советскому периоду, в последние три десятилетия переживает настоящий расцвет. Бум публикаций особенно характерен для историографии чекистских органов, обогатившейся значительным числом работ, более или менее свободных от устоявшихся идеологических штампов. Типично и включение в предмет современного научного поиска таких проблем, исследование которых в советский период было ограничено или невозможно. Как представляется, перестроечный период, выделенный нами отдельно, может быть связан и с постсоветским, поскольку в 1988–1991 гг. наряду с официальной защитой традиционных воззрений на работу чекистов было высказано много небывало радикальных мнений об истории ВЧК-КГБ, опубликовано немало важных переводных трудов и мемуаров, буквально взрывавших традиционные мнения и подготавливавших переворот в исследовательском сознании множества гуманитариев. С другой стороны, современный период, насыщенный сочинениями, апеллирующими к советской парадигме, также имеет связи с перестроечным, когда государство контролировало науку и вынуждало публиковать работы, преимущественно выдержанные в привычном стиле восхваления чекистов.

---

¹ Кулиш В. К вопросу об уроках и правде истории // Наука и жизнь. 1987. № 12. С. 7.

² Голиков В., Мурашов С., Чиквишвили И., Шатагин Н., Шаумян С. За ленинскую партийность в освещении истории КПСС // Коммунист. 1969. № 3. С. 73.

Уже давно господствует точка зрения о легковесности перестроечной литературы, опиравшейся больше на публицистов, нежели на историков. Однако вполне понятное в условиях недоступности архивных документов преувеличение численности жертв советского режима и опора на мнения зарубежных источников (за что многие особенно охотно критикуют писания второй половины 1980-х гг. — начала 1990-х годов) не должны заслонять главного: органы ВЧК-НКВД в широкой печати были охарактеризованы как беспощадная политическая полиция большевиков, основанная на недемократических и прямо криминальных принципах как агентурно-оперативной, так и кадровой работы. Именно публицисты впервые подняли вопрос о прямой ответственности органов безопасности за массовый террор и назвали многие имена наиболее жестоких сотрудников ВЧК-НКВД, благодаря им стали публиковаться подробная информация о функционировании тюрем и лагерей, подлинные имена секретных агентов-provokаторов. В деятельности советской политической разведки начала изучаться террористическая сторона, связанная с физическим устранением врагов режима и перебежчиков. Часто страдая публицистической поверхностностью и перехлёстами, историография периода гласности в целом верно фиксировала основные элементы деятельности советской тайной полиции, ранее совершенно не подлежавшие обсуждению, например, негативную специфику кадрового состава, готового исполнять любые приказы, ведомственную заинтересованность в широкой фабрикации политических дел, патологическую репрессивность карательной системы, включая готовность к частичному самоуничтожению.

Расширение тем, доступных для обсуждения, шло стремительно, и появлявшиеся публицистические работы уже к концу 1987 г. превзошли по смелости литературу периода хрущёвской «оттепели», хотя в концептуальном смысле перестроечная историография до конца 1988 г. строго ограничивалась противопоставлением ленинского и сталинского периодов советской истории, рассматривая эпоху после «великого перелома» как сталинистскую деформацию социализма. Характерно бытование в течение короткого времени уклончивой формулировки о «режиме личной власти» Сталина¹ вместо «диктатуры» и тому подобных более чётких терминов. М. О. Чудакова очень верно написала о том, как по второму разу

---

¹ Режим личной власти Сталина. К истории формирования / под ред. акад. Ю. С. Кукушкина. М.: МГУ, 1989. 160 с.

вскрывшиеся ужасы советской эпохи заново отрезвили людей «относительно нашего славного прошлого», но в умах образовался вакуум, и чем же «заполняли его те, кто привык в литературоцентричном российском обществе властвовать над умами? Меняли Сталина — на Бухарина», на что «ушло четыре драгоценных года»¹.

Однако чрезвычайно важным было то, что перестроечные авторы самое активное внимание обращали не только на реконструкцию судеб бесчисленных жертв коммунистической политики: от номенклатуры и деятелей культуры до крестьянства и верующих, от советских разведчиков до иностранных граждан. Лавина новой фактической информации принуждала многих авторов (с 1989 г., когда цензура особенно ослабла) приходиться ко всё более радикальным выводам о сути ленинской и сталинской эпох. В результате наиболее основательные работы, вышедшие до 1991 г. включительно, сохраняют немалое научное значение, а колоссальное множество статей, появившихся в периодике, поныне очень важны и для краеведов, и для историков, изучающих как политические, так и социальные аспекты советской истории.

Перестроечная публицистика сыграла огромную роль в переосмыслении всей истории ВЧК-КГБ, предложив небывалое количество нового материала о неизвестных советским людям, включая историков, аспектах темы. В общественном мнении быстро закрепилась уверенность в том, что чекистами было уничтожено чудовищное количество невинных людей. «Нехватка» десятков миллионов жителей СССР, обнаруживавшаяся даже при поверхностном знакомстве с открытой демографической статистикой, легко позволяла отнести всех этих «недостающих» к прямым жертвам политических репрессий.

Несмотря на преобладание публицистических сочинений, в перестроечный период появилось немало доказательных и поэтому особенно важных исследований о ВЧК-НКВД. Научный характер носили основанные на архивах КГБ и Прокуратуры СССР публикации Комиссии Политбюро ЦК КПСС по расследованию репрессий 1930 — начала 1950-х годов в журнале «Известия ЦК КПСС (1989–1991 гг.)», а также целый ряд сборников². Среди работ серьезного характера можно на-

---

¹ Чудакова М. Тягость успеха безнадежного дела // Странник: литература, искусство, политика. 1992. № 1 (3). С. 3–4.

² Иного не дано. М.: Прогресс, 1988. 680 с.; Суровая драма народа: Ученые и публицисты о природе сталинизма. М.: Политиздат, 1989. 512 с.; Осмыслить культ Сталина. М.: Прогресс, 1989. 656 с.; Реабилитация. Политические процессы 30–50-х гг. М.: Политиздат, 1991. 461 с.

звать марксистские книги Д. А. Волкогонова и Р. А. Медведева, резкую антибольшевистскую работу А. С. Ципко, исследование о репрессиях против церкви В. А. Алексеева, а также труды В. В. Костикова и Л. М. Млечина о русской эмиграции, где поднимался вопрос о борьбе с ней со стороны агентуры ОГПУ, и ряд других ценных книг¹.

Положительной оценки заслуживают многие другие информативные, хотя и меньшего формата, работы о деятельности чекистов, имеющие как биографический, так и более общий характер и относящиеся не только к научной², но и (при опоре нередко на уникальные архивные источники) публицистической области³. Например, журналист Э. Белтов более 25 лет собирал материалы о репрессированных в 1930-х — 1950-х годах деятелях культуры, учёных и писателях. По его данным, в России было арестовано около 600 литераторов, а всего по СССР жертвами режима стали до двух тысяч литера-

---

¹ Волкогонов Д. А. Триумф и трагедия. Политический портрет И. В. Сталина: в 2 т. М.: АПН, 1989; Гордон Л. А., Клопов Э. В. Что это было? Размышления о предпосылках и итогах того, что случилось с нами в 30–40-е годы. М.: Политиздат, 1989. 319 с.; Возвращённые имена: сб. Кн. 1–2. М.: АПН, 1989; Медведев Р. А. О Сталине и сталинизме. М.: Прогресс, 1990. 488 с.; Ципко А. С. Насилие лжи, или Как заблудился призрак. М.: Молод. гвардия, 1990. 272 с.; Тарнавский Г. С., Соболев В. В., Горелик Е. Г. Куропаты: Следствие продолжается... М.: Юрид. лит., 1990. 272 с.; Абаринов В. Катинский лабиринт. М.: Новости, 1991. 208 с.; Наше Отечество. Опыт политической истории: в 2 т. М.: Терра, 1991; Алексеев В. А. Иллюзии и догмы. М.: Политиздат, 1991. 400 с.; Костиков В. В. Не будем проклинать изгнание... (Пути и судьбы русской эмиграции). М.: Международ. отношения, 1990. 464 с.; Млечин Л. М. Сеть Москва–ОГПУ–Париж. М.: Конец века, 1991. 207 с.; Войнилович М. Дело № СУ-3246. Жизнь и смерть комбрига Дрекова. Южно-Сахалинск, 1991. 59 с.; Виноградов В. Карельское «дело»: Дело о так называемой «Карельской буржуазно-националистической, террористической, контрреволюционной организации». Тверь, 1991. 39 с. и др.

² Хлевнюк О. В. 1937 год: противодействие репрессиям // Коммунист. 1989. № 18. С. 98–109; Цаплин В. Статистика жертв сталинизма в 30-е годы // Вопр. истории. 1989. № 4. С. 175–181; Викторов Б. А. ВЧК–ОГПУ. Из истории взаимоотношений чрезвычайных комиссий и революционных трибуналов // Вопр. истории. 1990. № 7. С. 155–163; Он же. Без грифа «Секретно». Записки военного прокурора. М.: Юрид. лит., 1990. 336 с.; Петров Н. В. Суды над работниками НКВД–МГБ // Звенья. М., 1991. Вып. 1. С. 430–436; Земсков В. Н. Заключенные, спецпоселенцы, ссыльнопоселенцы, ссыльные и высланные (Статистико-географический аспект) // История СССР. 1991. № 5. С. 151–165.

³ Ваксберг А. Процессы // Лит. газ. 1988. № 18. 4 мая. С. 12; Чаликова В. Архивный юноша // Нева. 1988. № 10. С. 152–162; Поликарпов В. В. О чём предупреждал гражданин Жданов // Моск. новости. 1989. № 14. 2 апр. С. 16; Некрасов В. Генрих Ягода // Сов. милиция. 1990. № 1. С. 16–23; Жаворонков Г. «После расстрела мыли руки спиртом» // Моск. новости. 1990. № 37. 16 сент.; Белтов Э., Юрасов Д. 1937. Только факты, только имена // Страна и мир. 1991. № 3. С. 39–67; Цитриняк Г. Расстрельное дело Ежова: штрихи к портрету палача // Лит. газ. 1992. № 7. 12 февр. С. 15. и др.

турных работников, причём погибла половина из них. Из этой тысячи погибших примерно 700 — писатели союзных и автономных республик¹.

Ответные акции сотрудников КГБ-МВД и охранительной части исторического истеблишмента, пытавшихся защитить честь чекистского мундира и представить «органы» прежде всего самоотверженными защитниками страны и первой жертвой сталинских чисток, были малоудачны. Отрицая уже очевидные многим факты и суждения, они не смогли переломить острокритического восприятия работы ВЧК-НКВД, сложившегося в обществе к началу 90-х годов. Например, профессор Академии МВД С. И. Кузьмин в 1989 г. отрицал факты каких-либо притеснений осуждённых в местах заключения в 30-х годах², а профессор из КГБ А. С. Велидов и некоторые другие историки защищали политику красного террора, категорически отвергая её связь с чистками 30-х годов³. Резкую реакцию общественности вызвала публикация в «Нашем современнике» предвзятых следственных материалов о вскоре реабилитированном выдающемся генетике Н. В. Тимофееве-Ресовском с целью его компрометации как якобы опасного коллаборанта⁴.

В официозном русле появлялись как традиционные жития видных чекистов, так и бездоказательные утверждения, относившиеся к работе советской контрразведки 1930-х — начала 1940-х годов. Ещё в «Истории Второй мировой войны» с опорой на фальсифицированные источники НКВД 30-х годов говорилось о нацеленности японских и германских спецслужб на проведение террора: «В 1935–1937 гг. НКВД разоблачил в Москве, Новосибирске, Хабаровске, Владивостоке и других городах шпионские звенья, созданные работниками японского посольства и консульств. Разоблачённые агенты признались, что имели задание заниматься не только шпионажем, но в случае войны осуществлять террористические и диверсионные акты, в том числе с применением бактериологического оружия»⁵.

---

¹ Книжное обозрение. 1988. № 25. 17 июля. С. 7.

² Кузьмин С. И. Деятельность ИТУ (1936–1960). М.: Акад. МВД СССР, 1989. С. 19.

³ Велидов А. Домыслы и факты о деятельности ВЧК // Военно-ист. журн. 1990. № 4. С. 85–96; Голуб П. Правда и ложь о красном терроре // Коммунист Вооруженных сил. 1991. № 12. С. 23–27.

⁴ Ильин Д., Провоторов В. Кто вы, доктор Ресовский? // Наш современник. 1989. № 11. С. 173–188.

⁵ История второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 2. Накануне войны. М.: Воениздат, 1973. С. 169–170.

Профессор Ф. Д. Волков без опоры на факты заявлял о диверсионно-террористической деятельности германской разведки в СССР в 30-е годы, а появившаяся в 1991 г. диссертация о работе иностранных разведок в предвоенный период утверждала наличие тотального польского и германского шпионажа на территории Белоруссии¹.

Большое влияние на историографию репрессий и деятельности НКВД оказала дезинформация руководителей КГБ СССР Ф. Д. Бобкова и В. М. Чебрикова, заявивших о том, что в годы террора было репрессировано якобы более 20 тыс. самих чекистов². Опровергнутая ещё полтора десятилетия назад³, эта почти на порядок завышенная цифра среди иных исследователей в ходу до сих пор⁴. Прежние идеологические схемы воспроизводила и книга о процессе над эсерами в 1922 г.⁵, доказывавшая неготовность основной части представителей советской историографии к пересмотру догматического подхода к «героическому периоду» советской истории — первым пореволюционным годам. Потенциал критического прочтения известных произведений Ленина продемонстрировал писатель В. А. Солоухин, сделавший нашумевшие выводы об утопически-террористическом, антинациональном характере большевистской политики и поставивший в вину «оккупационному режиму» коммунистов физическое истребление русского генофонда⁶. Однако историки, включая самых профессиональных, оказались тогда не готовы к радикальному пересмотру роли Ленина и большевистского террора в советской истории⁷.

---

¹ Волков Ф. Д. Тайное становится явным: Деятельность дипломатии и разведки западных держав в годы второй мировой войны. М.: Политиздат, 1989. С. 121; Вититнев Л. А. Разведывательно-подрывная деятельность спецслужб противника на территории Белорусской ССР в предвоенные годы и организация борьбы с ней органов государственной безопасности республики (1938 — июнь 1941 г.): дис. ... канд. юрид. наук. М., 1991.

² Чебриков В. М. Перестройка и работа чекистов // Правда. 1988. 2 сент.

³ Петров Н. В., Скоркин К. В. Кто руководил НКВД, 1934–1941: справ. М.: Мемориал; Звенья, 1999. С. 501.

⁴ Сидак В. С., Козенюк В. А. Революцию назначить... Экспорт революции в операциях советских спецслужб. Киев: Генеза, 2004. С. 96; Тужилин С. В. Деятельность органов государственной безопасности СССР на Дальнем Востоке по обеспечению обороноспособности страны накануне Великой Отечественной войны (1938–1941 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Хабаровск, 2012. С. 5.

⁵ Костин Н. Д. Суд над террором. М.: Моск. рабочий, 1990. 256 с.

⁶ Солоухин В. Читая Ленина // Родина. 1989. № 10. С. 59–63.

⁷ См.: Старцев В. И. Политик и человек // Нева. 1991. № 3. С. 148–159.

Глава 2. Современная эпоха (1992-2017 гг.)

§ 1. Гражданская историография

Для первых лет постсоветской эпохи изучения истории ВЧК-НКВД было характерно продолжение тенденции публицистического осмысления прошлого на основе рассекреченных следственных дел (из публикаций начала 1990-х годов наиболее серьезны построенные на ряде уникальных материалов книги либеральных журналистов Е. М. Альбац и А. И. Ваксберга, придерживающихся традиционных взглядов военных юристов В. А. Бобренёва и В. Б. Рязанцева, а также ряда других авторов¹), в сочетании с быстрым появлением уже научных работ, трактующих вопросы истории органов безопасности. Вышедшие в первой половине 90-х годов монографии А. В. Блюма, Д. А. Волкогонова, В. С. Измозика, А. Л. Литвина, Л. П. Рассказова, О. В. Хлевнюка и других историков², содержатель-

---

¹ Альбац Е. Мина замедленного действия: Политический портрет КГБ. М.: РУС-СЛИТ, 1992. 416 с.; Якупов Н. М. Трагедия полководцев. М.: Мысль, 1992. 349 с.; Ваксберг А. Царица доказательств. Вышинский и его жертвы. М.: Книга и бизнес, 1992. 349 с.; Он же. Нераскрытые тайны. М.: Новости, 1993. 304 с.; Бобренёв В. А., Рязанцев В. Б. Палачи и жертвы. М.: Воениздат, 1993. 378 с.; Миронов Г. Е. «Начальник террора» («Заговор Таганцева»): док. повесть. М.: Грабарь, 1993. 137 с.; Муранов А. И., Звягинцев В. Е. Суд над судьями (особая папка Ульриха). Казань, 1993. 113 с.; Оппоков В. Лев Задов: смерть от бескорыстия (повесть о махновце-чекисте). Петрозаводск: Руди-Барс, 1994. 288 с.; Лукин Е. На палачах крови нет: Типы и нравы Ленинградского НКВД. СПб.: Библиополис, 1996. 96 с.; Белоконов А. Начальник СЛО-На // Север. 1994. № 5–6. С. 162–168 и др.

² Кропачев С. А. Большой террор на Кубани. Драматические страницы истории края 30–40-х годов. Краснодар, 1993. 116 с.; Блюм А. В. За кулисами «Министерства правды». Тайная история советской цензуры, 1917–1929. СПб.: Академ. проект, 1994. 322 с.; Васильева О. Ю., Кнышевский П. Н. Красные конкистадоры. М.: Сортатник, 1994. 269 с.; Волкогонов Д. А. Троцкий. Кн. 1-2. М.: Новости, 1992; Он же. Ленин. Политический портрет. Кн. 1-2. М.: Новости, 1994; Хлевнюк О. В. 1937-й: Сталин, НКВД и советское общество. М.: Республика, 1992. 268 с.; Кислицын С. А. Шахтинское дело: Начало сталинских репрессий против научно-технической интеллигенции в СССР. Ростов н/Д.: Логос, 1993. 109 с.; Кирилина А. Рикошет, или Сколько человек было убито выстрелом в Смольном. СПб.: Знание, 1993. 135 с.; Рассказов Л. П. Карательные органы в процессе формирования и функционирования административно-командной системы в советском государстве (1917–1941 гг.). Уфа, 1994. 465 с.; Литвин А. Л. Без права на мысль: Историк в эпоху Большого террора. Очерки судеб. Казань, 1994. 191 с.; Измозик В. С. Глаза и уши режима. Государственный политический контроль за населением Советской России в 1918–1928 годах. СПб., 1995. 164 с.; Петров М. Н. ВЧК-ОГПУ: первое десятилетие: На материалах Северо-Запада России. Новгород, 1995. 162 с.; Старков Б. А. Дела и люди сталинского времени. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та экономики и финансов, 1995. 212 с.; Гимпельсон Е. Г. Формирование советской политической системы. М.: Наука, 1995. 232 с.; Ковалев В. А. Два сталинских наркома. М.: Прогресс: Универс, 1995. 320 с.; Козин Е. В. «Смоленский нарыв». Смоленск, 1995. 112 с.; Кудрова И. М. Гибель Марины Цветаевой. М.: Независим. газ., 1995. 320 с. и др.

ные статьи¹, построенные на осмыслении в первую очередь ранее секретных архивных материалов, оказались вполне основательными и сохраняют своё научное значение благодаря объективному освещению многочисленных новых тем — от структурно-кадровых изменений до репрессивной, агентурно-оперативной и цензурской работы органов ВЧК-НКВД. Так, с монографии Л. П. Рассказова началось серьёзное изучение структурно-кадровой и карательной политики ВЧК-НКВД, книга О. В. Хлевнюка открыла академическое изучение вопросов истории Большого террора, Д. А. Волкогоновым было приведено множество фактов репрессивных инициатив советских вождей, а в его биографии Л. Д. Троцкого подробно, на основе до сих пор секретных документов, рассказано об усилиях Иностранного отдела ОГПУ-НКВД по слежке и компрометации главного сталинского врага. В. С. Измозик сосредоточился на изучении организации агентурного осведомления ВЧК-ОГПУ с целью мониторинга политических настроений общества, А. В. Блюм начал изучение советской цензуры. Бывший преподаватель КГБ СССР Т. А. Соболева написала книгу о шифровальной и дешифровальной работе спецслужб России и СССР². Монография О. Царёва (в соавторстве с британцем Дж. Костелло) с помощью документов КГБ и ЦРУ дала уникально подробное жизнеописание крупного разведчика-невозвращенца А. М. Орлова³.

С середины 1990-х годов и количество, и качество исследований по истории ВЧК-НКВД выросло и продолжает уверенно нарастать по настоящее время. Поэтому нельзя полностью согласиться с мнением одного из историков об исключительной кризисности исследовательской ситуации 90-х годов: «Вне системы спецслужб России и внутри её лишь считанные единицы историков-энтузиастов своего дела продолжали “ломать голову” над прошлым совет-

---

¹ Попов В. П. Государственный террор в советской России. 1923–1953 гг.: источники и их интерпретация // Отечеств. архивы. 1992. № 2. С. 20–32; Литвин А. Л. Красный и белый террор в России // Отечеств. история. 1993. № 6. С. 46–62; Тумшиш М. А. Еще раз о кадрах чекистов 30-х годов // Вопр. истории. 1993. № 6. С. 190–191; Шумихин С. В. Москва, 1938-й. Delirium Persecutio А. К. Виноградова // Нов. лит. обозрение. 1993. № 4. С. 264–300; Ашнин Ф. Д., Алпатов В. М. «Российская национальная партия» — зловещая выдумка чекистов // Вестн. РАН. 1994. № 10 (Т. 64). С. 920–930 и др.

² Соболева Т. А. Тайнопись в истории России (История криптографической службы России XVIII — начала XX века). М.: Международ. отношения, 1994. 384 с.

³ Царёв О., Костелло Дж. Роковые иллюзии. Из архивов КГБ: дело Орлова, сталинского мастера шпионажа. М.: Международ. отношения, 1995. 576 с.

ских органов госбезопасности, с огромным трудом (прежде всего ввиду ограниченного доступа к печатным ресурсам) пробиваясь к заинтересованному читателю»¹. На деле же главными трудностями для исследователей спецслужб были и остаются огромные сложности с доступностью архивов, а не проблемы с напечатанием трудов.

Большинство современных историков исходят из того, что новая государственность потребовала принципиально иной спецслужбы, ставшей государством в государстве, преодолевавшей провалы анархично-некомпетентной большевистской власти и действовавшей как элитный отряд бюрократов («внутренняя партия»), имеющих максимально возможный набор средств воздействия на социум в сравнении со всеми прочими партийно-советскими структурами. Обладание информацией за счёт огромного осведомительного аппарата, закрытость работы, лёгкость возбуждения и разрешения уголовных дел и военный тип организации делали ВЧК-НКВД самым могущественным ведомством с самыми эффективными рычагами воздействия, позволявшими непосредственно проводить террор, в том числе внутри самих структур большевистской власти.

А. Л. Литвин полагает, что основной причиной создания ВЧК был ленинский принцип удержания захваченной власти любыми средствами, включая создание чрезвычайных структур, абсолютно свободных в своих действиях от соблюдения каких-либо нравственных правил. Конкретизируя причины создания ВЧК, С. В. Леонов, вслед за чекистом М. И. Лацисом, ставит на первое место желание коммунистической верхушки избавиться от влияния «мягкотелых» левых эсеров, не готовых в сфере борьбы с контрреволюцией идти так же далеко, как большевики, а также разочарование Ленина в стихии неуправляемого террора со стороны пролетаризированных масс. Также Леонов отмечает мессианизм чекистов и самовольность изменений структуры ВЧК единоличными решениями лидеров спецслужбы². Многочисленные работы рассматривают

---

¹ Зданович А. А. Органы государственной безопасности и Красная армия: Деятельность органов ВЧК-ОГПУ по обеспечению безопасности РККА (1921–1934). М.: Кучково поле, 2008. С. 29.

² Литвин А. Л. Красный и белый террор в России. 1918–1922 гг. Казань, 1995. С. 49–50; Леонов С. В. Рождение советской империи. М.: Диалог-МГУ, 1997. С. 140, 213.

принципиальные аспекты как деятельности чекистов, так и их взаимоотношений с другими ведомствами, установление и изменение полномочий ВЧК, дают материал о кадровой политике Ф. Э. Дзержинского и его ближайшего окружения, исследуя среди прочего деятельность советской спецслужбы в годы Гражданской войны, формирование мировоззрения сотрудников спецслужбы, активную роль ОГПУ-НКВД во внутрипартийной борьбе в 1920–1930-х годах¹.

Современные историки деятельности и внутренней жизни «органов» демонстрируют уверенное освоение всё новых тем, предлагая с каждым годом множасьщееся число основательных публикаций, которые в большей степени сосредоточены на изучении истории ВЧК и в меньшей — органов ОГПУ-НКВД². В рамках изучения институциональной истории ВЧК-НКВД немало сделано для анализа структурно-кадровой политики, прямо связанной с изменениями в интенсивности репрессивных устремлений высших властных органов. В целом обнадёживающе выглядит изучение персоналий органов ВЧК-НКВД, базирующееся не только на чекистских, но и на партийно-советских архивах. Целая когорта исследователей занимается биографическими разысканиями, вводя в научный оборот ценный архивный и мемуарный материал как о внутренней жизни «органов», подробностях агентурно-оператив-

---

¹ Петров М. Н. ВЧК-ОГПУ: первое десятилетие... 1995; Ковалев В. А. Распятие духа: Судебные процессы сталинской эпохи. М.: Норма, 1997. 287 с.; Власть и общество в СССР: политика репрессий (20–40-е гг.): сб. ст. М., 1999; Гимпельсон Е. Советские управленцы. 1917–1920 гг. М., 1998; Леонов С. В. Создание ВЧК: новый взгляд // Историч. чтения на Лубянке. М., 1998; Российские спецслужбы на переломе эпох: конец XIX века — 1922 год. М.: Великий Новгород, 2000; Старков Б. А. Запад глазами сотрудников ОГПУ // Россия и Запад. СПб., 1996.; Он же. Роль органов государственной безопасности во внутрипартийной борьбе в 1920–1930-е годы // Российские спецслужбы. История и современность. М., 2003; Поляков В. А. Разработка реформы ВЧК (1921–1922 гг.) // Нов. ист. вестн. 2002. № 7. С. 72–85 и др.

² Смыкалин А. С. Перлюстрация почтовой корреспонденции и почтовая военная цензура в России и СССР. М.: Русайнс, 2015. 268 с.; Рыжиков А. В. Чрезвычайные комиссии Верхней Волги. 1918–1922 гг. М.: Кучково поле, 2013. 480 с.; Иванов А. А. «Северная стража». Контрразведка на русском Севере в 1914–1920 гг. М.: Кучково поле, 2011. 272 с.; Генис В. Л. Неверные слуги режима: Первые советские невозвращенцы (1920–1933). Опыт документального исследования: в 2-х кн. Кн. 1. «Бежал и перешел в лагерь буржуазии...» (1920–1929). М., 2009. 704 с.; Кн. 2. «Третья эмиграция» (1929–1933). М., 2012. 816 с.; Иванов В. А. Советский лаборант террора 30–40-х гг.: осведомитель как функционер // Российская государственность: власть и общество в XX веке: тез. докл. междунаrod. науч. конф. (30–31 мая 2013 г.). СПб.: Петроцентр, 2013. С. 100–101.

ной работы, так и о жертвах политической полиции¹. Огромным шагом вперёд стало составление Н. В. Петровым биографических справочников на высший руководящий состав ОГПУ-НКВД-МГБ как центральных, так и региональных структур, открывшее путь к научному изучению чекистской верхушки². Недавно вышла его работа об исполнителях массовой ликвидации польского офицерства. Половину книги занимают воссозданные по архивам биографии сотрудников НКВД (с. 197–355), принявших непосредственное участие в расстреле в 1940 г. польских военнопленных из Козельского, Осташковского и Старобельского лагерей НКВД и награждённых деньгами с формулировкой: «За успешное выполнение специальных заданий»³.

Для исследователей личного состава ВЧК-НКВД ценным является начинание А. М. Буюкова, введшего в оборот множество биографий до сих неизвестных чекистов предвоенных лет, отличившихся в годы наиболее активной террористической политики. Автор не избежал многочисленных ошибок и искажений, но его работа заслуженно востребована исследователями⁴. Выявление многочисленных биографий наиболее активных чекистов, награждённых главной ведомственной наградой — знаком «Почётный работник ВЧК-ОГПУ», представляет собой актуальную задачу. Но М. В. Музалевский, компилируя уже известные работы (прежде всего, справочники А. М. Буюкова, Н. В. Петрова, К. В. Скоркина) решил её лишь частично и допустил, несмотря на несколько изданий своего труда⁵,

---

¹ Петров Н., Янсен М. «Сталинский питомец» — Николай Ежов. М.: РОССПЭН, 2007. 447 с.; Сухомлинов А. В. Кто вы, Лаврентий Берия? Неизвестные страницы уголовного дела. М.: Детектив-пресс, 2003. 464 с.; Буюков А. М. Органы государственной безопасности Приморья в лицах: 1923–2003 гг. Владивосток: Рус. остров, 2003. 208 с.; Тумшиш М. А. ВЧК. Война кланов. М.: Яуза, 2004. 539 с.; Голоскоков И. В., Уймапов В. Н. На страже: очерки истории томских органов госбезопасности в биографиях их начальников. Томск, 2008; Хабаровские чекисты. История в документах и судьбах / автор-сост. А. С. Колесников. Хабаровск, 2011; Испаров А. А. НКВД-НКГБ-МВД Дагестана: руководящий состав, 1934–1953 гг.: истоки в документах. М., 2010; Папчинский А. А. Репрессии в органах НКВД в середине 30-х годов // Политический сыск в России: История и современность: мат-лы междунаrod. науч. конф. (13–15 мая 1996 г.). СПб.: Изд-во СПбУЭФ, 1997. С. 284–294 и др.

² Петров Н. В., Скоркин К. В. Кто руководил НКВД, 1934–1941: справ. М.: Мемориал; Звенья, 1999. 503 с.; Петров Н. В. Кто руководил органами госбезопасности, 1941–1954: справ. М.: Мемориал; Звенья, 2010. 1008 с.

³ Петров Н. В. Награждены за расстрел. 1940. М.: МФД, 2016. 368 с.

⁴ Буюков А. М. Ведомственные награды ОГПУ-НКВД. Вып. 1, 2. Владивосток, 2002, 2008.

⁵ Музалевский М. В. Почетные чекисты. Т. 1, 2 (в 6 кн.). 1923–1939. М., 2010.

не только понятные пропуски в отношении малоизвестных фигур, среди которых, в частности, есть профессиональные исполнители смертных приговоров, но и многочисленные ошибки, а его грубые искажения смысла чекистских аббревиатур наглядно свидетельствуют о границах авторской компетенции. Крупная подборка биографий организаторов и активистов Большого террора в Горьковской области помещена в недавно опубликованной книге местных авторов¹.

Ряд исследователей проявляет интерес к национальному аспекту чекистской кадровой политики. В связи с обсуждением роли евреев в руководстве ВЧК-НКВД, где они были представлены очень широко, вышли книги с биографиями видных чекистов еврейского происхождения — сначала компилятивные², а затем и основательные. Так, исследование М. А. Тумшиса и В. А. Золотарёва представляет собой ценный свод не только уже известных и уточнённых авторами биографий начальников УНКВД, но и гораздо менее известных, однако активных в проведении террора их заместителей, начальников отделов местных управлений НКВД, а также деятелей лагерной системы, разведчиков и прочих видных чекистов-евреев. При этом собственно биографии сопровождаются массивным приложением, где цитируется большое количество интересной биографической и служебной информации, извлечённой из малодоступных архивов спецслужб³ (второе издание существенно дополнено новым материалом — 650 биографий, которые приведены в более подробном виде⁴). В этом же ряду находится обширный документальный сборник о конкретном участии латышей и эстонцев в строительстве советского государства и его карательной системы⁵.

С помощью изучения крупных следственных дел, в том числе на нереабилитированных сотрудников НКВД, исследователи получают

---

¹ Политические репрессии в Нижегородской области (1917–1953) / А. Беляков и др.; сост. и отв. ред. С. А. Смирнов. Н. Новгород: Отчина, 2016. 293 с.

² Абрамов В. Евреи в КГБ. Палачи и жертвы. М.: Яуза; ЭКСМО, 2005. 506 с.

³ Тумшис М. А., Золотарёв В. А. Евреи в НКВД СССР. 1936–1938 гг. Опыт биографического словаря. Самара, 2012. 616 с.

⁴ Они же. Евреи в НКВД СССР... 2-е изд., испр. и доп. М.: Рус. фонд содействия образованию и науке, 2017. 848 с.

⁵ Гвардейцы Октября. Роль коренных народов стран Балтии в установлении и укреплении большевистского строя / сост.: В. А. Гончаров, А. И. Кокурин. М.: Индрик, 2009. 491 с.

особенно значимую информацию о многих аспектах террора¹. В посвящённой природе и последствиям революционного насилия монографии В. П. Булдакова «Красная смута» (глава «Государство и террор») определённо говорится, что в 1930-е годы «происходил отбор такого кадрового состава, который был лишён традиционных нравственно-психологических сдержек для грязной работы» и что «НКВД, особенно его гулаговская часть, пополнялась настоящими подонками общества»². Этот тезис подкрепляется мнением современного психоаналитика: «Садизм не был предписан сотрудникам НКВД специальными распоряжениями, он был их личным проявлением. Масштабы его распространения были огромны... среди сотрудников НКВД было много людей с психическими нарушениями, или же они обретали их в процессе своей работы»³. Подробный рассказ о работе и деятелях Кунцевского РО УНКВД по Московской области в годы Большого террора, их клановых связях и психологии содержит исследование А. Ю. Ватлина. О динамике места и роли карательных органов в 1930-е годы, репрессиях, сращивании партийных и карательных аппаратов как на кадровом уровне, так и в совместном выполнении многих задач пишет в своем новейшем исследовании о Сталине О. В. Хлевнюк⁴.

Значительное внимание исследователей привлекает начальный период советской государственности и первые шаги «управления террором». В силу отсталости России её население в подавляющем большинстве состояло из носителей социокультурной архаики. В связи с этим обстоятельством В. П. Булдаков плодотворно исследовал феномен революции и пореволюционного периода в парадигме

---

¹ Иванов В. А., Кокуев С. Б. Дело Я. М. Краузе (1937–1940 гг.) // Общество, право, полиция: мат-лы междунаро. научно-практ. конф. (23–24 мая 1996 г.). Ч. 1. СПб., 1996. С. 49–54; Павлюков А. Ежов. Биография. М.: Захаров, 2007. 576 с.; Petrov N. Les transformations du personnel des organes de sécurité soviétiques, 1922–1953 // Cahiers du Monde Russe 42/2-4. Paris, 2001. P. 375–396; Петров Н. В. Первый председатель КГБ Иван Серов. М.: Материк, 2005. 416 с.; Он же. Палачи. Они выполняли заказы Сталина. М.: Нов. газ., 2011. 320 с.

² Булдаков В. П. Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. М.: РОССПЭН, 2010. С. 572.

³ Солоед К. В. Психологические последствия репрессий 1917–1953 годов в судьбах отдельных людей и в обществе // Журн. практ. психологии и психоанализа. 2010. № 4.

⁴ Ватлин А. Ю. Террор районного масштаба: «Массовые операции» НКВД в Кунцевском районе Московской области 1937–1938 гг. М.: РОССПЭН, 2004. 256 с.; Хлевнюк О. В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М.: РОССПЭН, 2010. 479 с.

«красной смуты», выдвигая концепцию стихийного буйства черни, затопляющей всё и вся левым экстремизмом. Автор концентрируется на психопатологии российской смуты XX в., выделяя иррациональные причины варварски жестокого поведения людей, в связи с чем, по авторскому определению, при определении приоритетов исследования «на передний план выступают эмоции, иллюзии, поверья, страсти»¹. Однако Булдаков недооценивает сознательное властное воздействие на социум и не всегда точен в оценке карательной политики: например, вслед за некоторыми историками заключает, что в январе 1921 г. ВЧК отвергла «устаревшие методы работы» (с. 528), т. е. массовые репрессивные операции. На деле речь шла не о гуманизации, и не о том, что «большевики изобразили раскаяние», а лишь о стремлении повысить эффективность карательной работы. Обилие раскрытых с помощью провокаторов придуманных «организаций» и массовость расстрелов в 1921 г. подтверждают, что более активное использование агентуры в согласии с упомянутой январской директивой ВЧК сочеталось с прежней политической масштабного террора.

Работы А. С. Ахиезера² и В. П. Булдакова указывают на несовместимость принципов западной модернизации с отталкивающим демократизацию отечественным историческим путём, патологически ориентированным на повторение «дурной бесконечности» государственного насилия. Российский социум отвечает на соответствующие прогрессу усложнения форм общественной жизни взрывами архаики, отбрасывающими его далеко назад. Нам близко мнение Л. С. Клейна об охлократическом характере организации советской власти, а также утверждение В. П. Булдакова, что сталинская деспотия выросла из революционной охлократии³. С этой точкой зрения перекликаются суждения А. Я. Гуревича, который видит криминальную клику Сталина во главе люмпенизированной массы города и

---

¹ Булдаков В. П. Красная смута... М.: РОССПЭН, 2010. 967 с.; Он же. Утопия, агрессия, власть. Психосоциальная динамика постреволюционного времени. Россия, 1920–1930 гг. М.: РОССПЭН, 2013. 560 с.

² Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта. Социокультурная динамика России. Т. 1: От прошлого — к будущему. Новосибирск: Сиб. хронограф, 1997. 804 с.

³ Клейн Л. С. Трудно быть Клейном: Автобиография в монологах и диалогах. СПб.: Нестор-История, 2010. С. 299; Булдаков В. П. Разрыв и преемственность отечественной государственности в советский период // Российская государственность: опыт 1150-летней истории: международ. науч. конф. (Москва, 4–5 декабря 2012 г.) [Электронный ресурс]. URL: <http://igorkurl.livejournal.com/2012/12/05/>

деревни; криминализация России была подготовлена разрухой после Февраля и «беспрецедентно усилена Октябрьской революцией»¹. Опора на маргиналов привела к тому, что кадровая основа и партийно-государственной власти, и собственно ВЧК-НКВД была ущербной и ориентированной на малообразованных, послушных и склонных к криминальным поступкам личностей.

Заметную роль в историографии ВЧК и конкретно красного террора занимают работы А. Л. Литвина, А. М. Плеханова, И. С. Ратьковского, Ю. В. Дойкова², а также других историков, изучающих провинциальные органы ЧК³. Однако в очень ценной книге А. Л. Литвина содержатся преувеличенные данные о размахе белого террора, в связи с чем его концепция равенства красного и белого террора в Гражданской войне не выдерживает критики. Работа И. С. Ратьковского о красном терроре в 1918 г. показывает пределы использования преимущественно газетного материала, нуждаясь в сопоставлении с более широким кругом архивных источников. Опираясь на официальную статистику, Ратьковский считает, что после вспышки красного террора осенью 1918 г. масштабы его в Центральной России в следующем году резко, почти втрое, уменьшились⁴. Однако он не учитывает резкого возрастания роли особых отделов ВЧК, которые в условиях Гражданской войны стали главной репрессивной силой государства, практикуя массовые расстрелы; также автором не учтена роль красnobандитских расправ — тайных и нередко массовых.

Внушительная монография А. М. Плеханова о деятельности ВЧК-ОГПУ 1920-х годов основана на документах ФСБ и вводит в на-

---

¹ Гуревич А. Я. История историка. М.: РОССПЭН, 2004. С. 86–87.

² Литвин А. Л. Красный и белый террор в России. 1918–1922 гг. М.: Яуза; ЭКСМО, 2004. 448 с.; Плеханов А. М. ВЧК-ОГПУ: Отечественные органы государственной безопасности в период новой экономической политики. 1921–1928. М.: Кучково поле, 2006. 704 с.; Ратьковский И. С. Красный террор и деятельность ВЧК в 1918 году. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006. 286 с.; Дойков Ю. В. Красный террор. Россия. Украина... 1917–1924. Архангельск, 2008. 680 с.; Ратьковский И. С. Петроградская ЧК и организация доктора В. П. Ковалевского в 1918 г. // Новейшая история России. 2012. № 1. С. 100–115.

³ Напр.: Гришин Д. Зловещая эффективность: вятские чекисты в годы Гражданской войны // Родина. 2010. № 7. С. 129–130; Мельник А. «Самогон, яичница, шомпола и угроза оружием»: ВЧК-ОГПУ и РКП(б) в Смоленской губернии в годы НЭПа // Родина. 2011. № 12. С. 110–111; Жирнов Е. «Любил участвовать в исполнении смертных приговоров» // Коммерсантъ Власть. 2010. № 50. С. 70–75; Соколов Д. «Железная метла метет чисто...»: советские чрезвычайные органы в процессе осуществления политики красного террора в Крыму в 1920–1921 гг. М.: Посев, 2017. 386 с. и др.

⁴ Ратьковский И. С. Красный террор и деятельность ВЧК... С. 233.

учный оборот массу ценных фактов карательной работы в центре и на местах (включая сибирский материал), но архаичные взгляды автора входят в прямое противоречие с приводимым материалом, изложенным к тому же с огромным количеством фактических ошибок и опечаток¹. Плеханов считает, что в 20-е годы деятельность органов ВЧК-ОГПУ направлялась в основном против действительных врагов государства, приводя в качестве примера многочисленные фамилии лиц, осуждённых, например, по обвинениям в шпионаже. Однако незнание автором новейшей исследовательской и документальной литературы по теме приводит Плеханова к очевидным конфузам, ибо для иллюстрации подрывной работы зарубежных разведок он постоянно ссылается на мифические шпионские и диверсионные организации, участники которых были реабилитированы еще в 1990-е годы².

Очень важна работа О. И. Капчинского, посвященная подробно исследованию социального и национального состава центрального аппарата ВЧК, уточнению его структуры³. Эта монография — пример того, как в отсутствие доступа к документам ФСБ можно добиться превосходных результатов путем тщательного собирания и анализа архивных источников из открытых хранилищ. Предлагая обширный биографический материал, Капчинский наглядно показывает раннюю криминализацию агентурного и оперативного состава аппарата ВЧК, формирование национально окрашенных клановых групп внутри него.

Роль ВЧК в системе государственного внеэкономического принуждения подробно, с привлечением ценных документов госбезопасности, рассматривает Л. В. Борисова⁴. Исследовательница Л. А. Боева раскрывает участие органов ВЧК-ОГПУ в процессе строительства диктаторского партийно-государственного режима, которое привело к расширению чрезвычайных прав карательной машины⁵. В. Н. Колемасов провел анализ взаимодействия органов ВЧК-

---

¹ Подробную критику см.: Тепляков А. Г. Кровавое в кривом: органы госбезопасности в зеркале ведомственной историографии // Клио. 2012. № 6 (66). С. 144–148.

² Там же. С. 144.

³ Капчинский О. И. Госбезопасность изнутри. Национальный и социальный состав. М.: Яуза; ЭКСМО, 2005. 383 с.

⁴ Борисова Л. В. Военный коммунизм: Насилие как элемент хозяйственного механизма. М.: Моск. обществ. науч. фонд, 2001. 235 с.

⁵ Боева Л. А. «Особенная каста». ВЧК-ОГПУ и укрепление коммунистического режима в годы нэпа. М.: АИРО-XXI, 2009. 208 с.

ОГПУ и милиции на примере Пензенской губернии. Этот вопрос очень актуален, поскольку до 1927 г. почти 70 % расследуемых ГПУ-ОГПУ преступлений относилось именно к уголовным, да и позднее этот процент оставался огромным. Взаимодействие ОГПУ и милиции осуществлялось, как правило, в борьбе с экономическими преступлениями, причём наиболее явно это проявилось в период коллективизации¹. В книгах А. Рожкова и Н. Тарховой на основе сводок военной контрразведки освещены внутренняя жизнь РККА и меры особых отделов ОГПУ с целью ограждения воинских частей от влияния информации о критическом положении дел в коллективизированной деревне². Уникальным является параллельное исследование деятельности органов ГПУ-ОГПУ 1920 — 1930-х годов на примере двух удалённых друг от друга регионов — центрального и сибирского³. Нужно отметить появление значительного числа книг о чекистских персоналиях⁴.

Традиционно велик интерес научной общественности к работам об истории внешней разведки. Новыми фактами насыщены монографии В. Голдина и Л. Флейшмана⁵ о зарубежной деятельности ВЧК-ОГПУ; большой биографический материал о кадрах разведки и различных спецоперациях собран в многочисленных работах А. И. Колпакиди и др.⁶ В насыщенной уникальными документами ра-

---

¹ Колемасов В. Н. Особенности взаимодействия органов ВЧК-ОГПУ и милиции в борьбе с уголовной преступностью в 1917–1934 гг. (На материалах Пензенской губернии) // Историч. чтения на Лубянке, 2000. М.: Великий Новгород, 2001. С. 51–65.

² Рожков А. В кругу сверстников. Жизненный мир молодого человека в советской России 1920-х годов. М.: Нов. лит. обозрение, 2014. 640 с.; Тархова Н. С. Армия и крестьянство. Красная армия и коллективизация советской деревни. 1928–1933. М.: РОССПЭН, 2006. 375 с.

³ Саран А. Ю., Гуларян А. Б. Деятельность органов ГПУ-ОГПУ в Омском Прииртышье и Орловском Поочье (1922–1934 гг.). Орел: Изд-во Орлов. ГАУ, 2015. 428 с.

⁴ Из последних см.: Лурье Л. Я., Маляров Л. И. Лаврентий Берия. Кровавый прагматик. СПб.: БХВ-Петербург, 2015. 624 с.; Киянская И., Фельдман Д. Эпоха и судьба чекиста Бельского: моногр. М.: РГГУ, 2016. 505 с.

⁵ Голдин В. И. Российская военная эмиграция и советские спецслужбы в 20-е годы XX века. Архангельск; СПб., 2010. 576 с.; Он же. Генералов похищали в Париже. Русское военное Зарубежье и советские спецслужбы в 30-е годы XX века. М.: РИСИ, 2016. 856 с. Флейшман Л. В тисках провокации. Операция «Трест» и русская зарубежная печать. М.: Нов. лит. обозрение, 2003. 328 с.

⁶ Дегтярёв К., Колпакиди А. Внешняя разведка СССР. М., 2009. 736 с.; Гладков Т. Лифт в разведку. «Король нелегалов» Александр Коротков. М., 2002. 573 с.; Батурин Ю. Досье разведчика. М., 2005. 650 с.; Никандров Н. Иосиф Григулевич. Разведчик, «которому везло». М., 2005. 405 с.; Соцков Л. Ф. Код операции — «Тарантелла». Из архива внешней разведки России. М., 2007. 420 с.

боте М. В. Соколова изучена история эмигрантских организаций «"Крестьянская Россия" — Трудовая крестьянская партия», Республиканско-демократический союз, «Борьба за Россию» и др., особое внимание уделено попыткам их лидеров С. С. Маслова, П. Н. Милукова, С. П. Мельгунова наладить связи с единомышленниками в СССР, показано проникновение в эти организации агентуры ОГПУ¹. Серьёзно исследована предвоенная нелегальная деятельность советской разведки, её успехи и провалы, а также масштаб чекистских операций в Китае².

Историограф С. А. Кропачев справедливо отмечает, что период 2000-х годов стал временем глубоких публикаций отечественных историков о государственном терроре 30-х годов, прояснивших очень многое в изучении его причин, масштабов, механизмов, видов репрессий и категорий репрессированных. Определены масштабы Большого террора, названа поимённо значительная часть его жертв. Однако работа по изучению всех проявлений политических репрессий далека от завершения³, особенно по периоду 20-х годов. Это обстоятельство препятствует не только созданию общеисторических трудов, но и необходимому для всякого развитого и ответственного перед поколениями общества увековечению памяти жертв режима. Обращает на себя внимание тот факт, что очень высокий уровень репрессивности ранней советской политики, начиная с 1918 г., ещё недостаточно оценён. Так, Д. Б. Павлов в содержательной работе о преследованиях политических противников большевизма неверно пишет, что в 20-е годы пытки применялись ВЧК-ОГПУ лишь от случая к случаю⁴. Характерно, что, как и прежде, основная часть исследований посвящается периоду ВЧК, а более поздние периоды изучаются в значительной части на примере подразделений ГУЛАГа НКВД, чьи фонды доступны в Государственном архиве РФ.

Много работают по истории ВЧК-ОГПУ региональные исследователи, в трудах которых не только показаны методы агентурно-опе-

---

¹ Соколов М. В. Соблазн активизма. Русская республиканско-демократическая эмиграция 20–30-х гг. XX века и ОГПУ СССР. М.: Азбуковник, 2011. 550 с.

² Усов В. Н. Советская разведка в Китае в 20-е годы XX века. 2-е изд., доп. М.: Дом Конфуция. 2011. 384 с.; Он же. Советская разведка в Китае. 30-е годы XX века. М.: Т-во науч. изд. КМК, 2007. 455 с.

³ Кропачев С. А. Новейшая отечественная историография о масштабах политических репрессий в 1937–1938 годах // Рос. история. 2010. № 1. С. 166–172.

⁴ См.: Павлов Д. Б. Большеви́стская диктатура против социалистов и анархистов, 1917 — середина 1950-х годов. М.: РОССПЭН, 1999. 231 с.

ративной работы «органов» и фабрикация подавляющей части дел о «заговорах», но и даются подробности психологии и быта чекистов, их противоречивых отношений с партийно-советскими властными структурами¹. Выделяется обстоятельностью, опорой на информативные источники, включая приказы и распоряжения центрального аппарата ВЧК, монография А. В. Рыжикова, дающая, правда, несколько идеализированный образ деятельности чекистов². Мы же согласны с теми оценками деятельности ВЧК, которые даны в диссертации А. Ю. Данилова о Ярославской и Рыбинской губЧК и определяют её как «репрессивно-охранительную» и террористическую. Автор проанализировал статистику репрессий, но не умолчал и о бессудных казнях со стороны чекистов. Очень ценно то, что Даниловым с академических позиций был впервые дан «социально-психологический тип провинциального чекиста» как малограмотного и всевластного хозяина контролируемых территорий, для которого характерно преимущественно девиантное поведение³. Данный тезис вызвал идейное неприятие и был оспорен одним из недавних исследователей⁴.

Отметим, что значительная часть новейшей литературы даёт, опираясь на упрощённо-институциональный подход, облегчённое представление о деятельности органов ВЧК, смазывая их террористическую и провокационную деятельность⁵. Относительно скромные цифры расстрелянных и обилие прекращённых дел трактуется как разумная карательная политика губернских ЧК, хотя обилие убитых «при попытке к бегству», пыточное следствие и кошмарные условия содержания говорят о прямо противоположном. Заявляя о прагматическом отношении властей к пленному офицерству как

---

¹ Олех Г. Л. Кровавые узы. РКП(б) и ЧК/ГПУ в первой половине 1920-х годов: механизм взаимоотношений. Новосибирск, 1999; Мардамшин Р. Р. Башкирская чрезвычайная комиссия (страницы истории). Уфа: Китан, 1999. 182 с.; Тумшис М. А., Папчинский А. А. 1937. Большая чистка. НКВД против ЧК. М.: Яуза, 2009. 512 с.

² Рыжиков А. В. Ивано-Вознесенская губернская чрезвычайная комиссия. 1918–1922 гг. Иваново, 2007. 327 с.

³ Данилов А. Ю. Местные чрезвычайные комиссии в 1918–1922 гг. (на материалах Ярославской и Рыбинской губерний): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 1999. С. 22.

⁴ Рыжиков А. В. Чрезвычайные комиссии Верхней Волги... С. 292.

⁵ См.: Каплюков В., Яркова Е. «Рабочие и крестьяне в стенах ЧК вместо наказания получили тёплое слово и освобождённые уходили по домам». Из истории становления органов госбезопасности на Среднем Урале. 1919–1920 гг. // Веси. Провинциальный литературно-художественный, историко-краеведческий журнал (г. Екатеринбург). 2014. № 8 (104). Октябрь. «Средний Урал». С. 56–66.

ценному «трудовому ресурсу», Р. М. Абинякин ограничивается выводом о том, что «в 1920–1922 гг. из концлагерей было освобождено подавляющее большинство заключённых офицеров, в том числе и белых»¹, совершенно не упоминая о северных лагерях, где в этот период во внесудебном порядке были расстреляны тысячи военнослужащих старого режима². Высказываются необоснованные мнения (на основе выводов из приказа ВУЧК от 15 января 1921 г.), «что «органы ВЧК ещё не пришли к использованию провокационных методов работы»³, не учитывающие того, что данный приказ отражал специфические двойные стандарты ВЧК и, хотя и требовал от чекистов «не увлекаться» созданием провокационных дел о заговорах, на деле не имел принципиальных последствий и не мешал массовой фабрикации дел.

Особое место занимают вопросы, связанные с историей массовых репрессий, особенно 1937–1938 гг. Их смысл нередко ускользал не только от понимания современников, бывших не в состоянии осознать причин массовых арестов лояльных режиму лиц (и делавших ложный вывод о хаотичности террора), но и исследователей. В 1990-х годах появлялись работы упрощённого характера, которые без опоры на архивы трактовали вопросы государственного насилия с узкопартийной точки зрения. Например, В. З. Роговин, основываясь на работах Л. Д. Троцкого, считал, что сталинский террор проводился для «подавления накопившегося в народе социального протеста против растущего неравенства и политического бесправия масс», что было, по сути, «превентивной гражданской войной, которая... являлась предупреждением сталинской кликой каких-либо политических выступлений». Автор концентрировал внимание на репрессиях по отношению к партийно-советской номенклатуре, игнорируя и террор в отношении беспартийного большинства пострадавших от репрессий, и проблемы сталинского руководства органами НКВД⁴.

---

¹ Абинякин Р. М. Освобождение бывших офицеров из советских концентрационных лагерей в 1920–1922 гг. // *Вопр. истории*. 2017. № 3. С. 139–147.

² Дойков Ю. Памятная книжка: Красный террор в советской Арктике, 1920–1923 (документальные материалы). Архангельск, 2011. 212 с.

³ Семёнов К. К. Борьба репрессивно-карательных органов советского государства против военной эмиграции 1920–1947 гг. Методы и периодизация // *Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР. 1953–2013: 60 лет без Сталина. Осмысление прошлого советского государства: мат-лы VIII Международ. науч. конф. Краснодар: Экоинвест, 2013. Т. 1. С. 101.*

⁴ Роговин В. 1937. М., 1996. С. 145–146; Он же. *Партия расстрелянных*. М., 1997.

Не менее легковесными оказались более поздние попытки перенесения в отечественную историографию недостаточно объективных западных концепций. Опираясь на ревизионистские построения Дж. А. Гетти, В. В. Дамье в своей книге общего характера без опоры на архивы объясняет причины Большого террора мифическими для середины 30-х годов «острой политической борьбой» и соперничеством политических кланов, а также реальным стремлением режима обеспечить отсутствие почвы для потенциального возникновения любой оппозиции. Но важнейшей причиной террора, по мнению автора, было желание власти получить миллионы бесплатных работников для нужд промышленности¹. Однако идея получения рабов для индустриализации в виде пополнения ГУЛАГа тоже давно устарела: как представляется, усилить поступление арестантов в лагерь власть свободно могла бы и без расстрела в 1937–1938 гг. свыше 700 тыс. узников.

А. В. Шубин в рамках всё той же идеи борьбы элит предложил объяснить Большой террор оформлением крупных территориальных и хозяйственных бюрократических группировок, осуществлявших нелегальные попытки создания оппозиции центру под влиянием переживаемых трудностей. Сталин, не зная, кто друг, а кто враг, был вынужден нанести сокрушительный удар по номенклатуре в целом, что называется, ведя огонь «по площадям». Автор верно отметил социальный террор с 1929 г. против целых классов, но массовый террор 1937–1938 гг. остался по сути не объяснённым (с намёком на то, что сопротивление народа — листовки, резкие высказывания — послужило поводом к настоящей войне режима с ним)².

Другие исследователи, будучи не в состоянии объективно оценить суть репрессивной политики 30-х годов, по-прежнему предлагают давно устаревшие суждения, основанные на жонглировании сходными цифрами «вычищенных» из компартии и репрессированных в годы Большого террора, например: «Соотношение численности репрессированных по политическим статьям (около 1 млн 344 тыс. чел.) и количества коммунистов, убывших из рядов партии с 1934 по 1939 г. (около 1 млн 220 тыс. чел.), показывает, кто был главной мишенью террора 1937–1938 гг.»³.

---

¹ Дамье В. В. Стальной век: Социальная история советского общества. М.: ЛИБРОКОМ, 2013. С. 165.

² Тоталитаризм в Европе XX века. Из истории идеологий, движений, режимов и их преодоления / ред. Я. С. Дабкин. М.: Памятники историч. мысли, 1996. С. 69–90.

³ Ванюков Д. А., Суслов И. В. Годы репрессий. М.: Мир книги, 2007. С. 116.

Между тем, по данным председателя правления Международного общества «Мемориал» А. Б. Рогинского, истребительный удар был нанесён по самым широким слоям общества: с 1921 г. в СССР на преследуемых по политическим мотивам было заведено 5 млн уголовных дел. Если учесть, что примерно 10 % из них были осуждены несколько раз, число жертв политического террора составит 4,5 млн чел. К ним следует прибавить примерно 7 млн депортированных. Таким образом, количество пострадавших от массовых политических репрессий в СССР составляло около 11,5–12,5 млн чел. (без учета значительной части жертв периода Гражданской войны). Также в это число не входят «раскулаченные» и жертвы голодоморов 1921–1922, 1932–1933, 1946–1947 гг.¹, а также лица, миллионами осуждавшиеся за неуплату тяжелейших сельскохозяйственных налогов, укрывательство ценностей и валюты, проживание без паспорта, причисленные к «социально-вредному элементу», опоздавшие, прогулявшие или самовольно оставившие рабочее место и т. п.

В период 1937–1938 гг. в СССР подвергались аресту 3 141 444 чел., из них 1 575 259 — по обвинениям в политических преступлениях и 1 566 185 — по уголовным статьям. В эти годы по ст. 58 УК было осуждено 1 344 923 чел., из них 681 692 чел., или 50,7 %, были расстреляны² (по заниженным данным). Тогда же в концлагерях, исправительно-трудовых колониях и тюрьмах (без учёта ссыльных) умерло 160 084 заключённых³, часть из которых была осуждена по политическим мотивам⁴. Учитывая политзаключённых, погибших в ГУЛАГе, В. А. Исупов оценил потери от карательной деятельности государства в 1937–1938 гг. в размере примерно 1 млн человек погибшими⁵. Участники проекта «Трагедия советской деревни» уточнили количество жертв Большого террора: оказывается, к расстрелу в 1937–

---

¹ Кропачев С. А. Международная научная конференция в Париже о сталинском «Большом терроре» // Отечеств. история. 2009. № 1. С. 207.

² Земсков В. Н. Массовые репрессии: заключённые // Население России в XX веке. Исторические очерки: в 3 т. Т. I. 1900–1939 гг. М.: РОССПЭН, 2000. С. 318, 550–552.

³ Население России в XX веке... Т. 1. С. 320; Голотик С. И., Минаев В. В. Население и власть: Очерки демографической истории СССР 1930-х годов. М., 2004. С. 161.

⁴ Земсков В. Н. Заключенные, спецпоселенцы, ссыльнопоселенцы, ссыльные и высланные (Статистико-географический аспект) // История СССР. 1991. № 5. С. 152.

⁵ Исупов В. А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века: Историко-демографические очерки. Новосибирск, 2000. С. 118.

1938 г. было приговорено заметно большее число арестованных — не 682 тыс., как считалось с 1990 г., а примерно 725–740 тыс.¹

Более профессиональные современные историки государственного террора, базируясь прежде всего на архивах, интенсивно изучают различные его аспекты, «доходят» до целевых групп репрессий — как социальных, так и национальных². Механизм массовых репрессий на примере Северо-Западного региона подробно исследовал на архивах УФСБ по Ленинградской области В. А. Иванов в книге «Миссия ордена»³. Автором показаны и различные карательные практики, включая провокационное использование конспиративной агентуры, и сопротивление режиму со стороны части общества. С точки зрения Иванова, репрессии являлись необходимой частью советского механизма государственного управления. Для современных исследователей вполне очевидна и определяющая роль Ленина и Сталина, а также их послушного инструмента в лице ВЧК-НКВД в организации массового террора.

Оценивая природу Большого террора, серьёзные историки выдвигают различные гипотезы. Исследователи озабочены вопросом рациональности или иррациональности, произвола и случайности в качестве главной отличительной черты массовых преследований. А. С. Ахиезер писал, что «ответственность за события во время правления Сталина невозможно свалить на одно или несколько лиц, на оборотней зла. Террор проводила и поддерживала вся страна. Это было невиданное в истории самоистребление»⁴. Он же ошибочно утверждал: «...Массовый государственный террор в советский период не был потенциально направлен на ту или иную (политическую, этническую и т. д.) группу», поскольку его целью «было стремление сформировать некоторый идеальный порядок... распространить этот порядок на связи и мысли всех граждан страны»⁵. А. Ю. Ватлин

---

¹ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы: в 5 т. 1927–1939. Т. 5. Кн. 2. 1938–1939. М.: РОССПЭН, 2006. С. 568.

² Юнге М., Бордюгов Г., Биннер Р. Вертикаль Большого террора. История операции по приказу НКВД № 00447. М.: АИРО-XXI, 2008; Сталинизм в советской провинции: 1937–1938 гг. Массовая операция на основе приказа № 00447 / сост.: М. Юнге, Б. Бонвеч, Р. Биннер. М.: РОССПЭН, 2009.

³ Иванов В. А. Миссия Ордена. Механизм массовых репрессий в Советской России в конце 20-х — 40-х гг. (на материалах Северо-Запада РСФСР). СПб.: ЛИСС, 1997. 462 с.

⁴ Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта... С. 483.

⁵ Он же. Мифология насилия в советский период (возможность рецидива) // Обществ. науки и современность. 1999. № 2. С. 85.

подчёркивает иррациональный момент в терроре: «Именно здесь [на районном уровне в Московской обл. — А. Т.] абсурдность сталинских репрессий достигла своего абсолюта, торжествовал анкетный принцип и произвол слепого случая»¹.

Эти высказывания характеризуют государственное насилие 1937–1938 гг. как акт хаотического произвола и слепой случайности. Однако Н. Г. Охотин и А. Б. Рогинский обоснованно возражают данной точке зрения: «Само собой разумеется, массовые репрессии 1937–1938 гг. были беспрецедентными не только по масштабам, но и по жестокости. Однако они имели свою собственную логику, свои структуры и свои правила, которые, несмотря на многочисленные нарушения, гарантировали высокую степень управляемости процессом репрессий»².

Для большинства исследователей большевистского террора типично рассмотрение ограниченного набора его причин, что не всегда позволяет чётко увидеть в терроре универсальный инструмент власти, которым она традиционно отвечала на серьёзные вызовы. Известный историк О. В. Хлевнюк, рассматривая террор второй половины 30-х годов, видит в нём попытку вождя ликвидировать потенциальную «пятую колонну», укрепить государственный аппарат и личную власть в условиях войны в Испании, активизации Японии, роста военной мощи Германии и Италии. Также Большой террор выступал решением проблемы возвратившихся из мест ссылки «кулаков» и был средством борьбы против всё ещё сильной религиозности населения и религии как конкурирующей идеологии. Ликвидация уголовной преступности тоже выступала одним из поводов чистки³. Автор отмечает: «Все массовые операции планировались как настоящие военные действия против врага, хотя ещё не выступившего открыто, но готового сделать это в любой момент»⁴. С его точки зрения, к жертвам режима должны быть отнесены и 550 тыс. чел., репрессированные в 1937–1939 гг. как «социально-вредные» и

---

¹ Ватлин А. Ю. Следственные дела 1937–1938 гг. // Бутовский полигон. Книга памяти жертв политических репрессий. М., 2004. С. 183.

² Ochotin N., Roginskij A. Zur Geschichte der deutschen Operation des NKWD 1937–1938 // Jahrbuch für Historische Kommunismusforschung. 2000/2001. S. 121.

³ Хлевнюк О. В. «Большой террор» 1937–1938 гг. как проблема научной историографии // Историческая наука и образование на рубеже веков / сост. А. А. Данилов. М.: Собрание, 2004. С. 433–451.

⁴ Там же. С. 433.

«социально-опасные»¹. По абсолютно точному мнению О. В. Хлевнюка, бросается в глаза «избыточная репрессивность» сталинского режима², но, с нашей точки зрения, и о ленинском периоде можно сказать то же самое, ибо в первые революционные годы Россия являла собой беспощадно завоёванное пространство, на котором и после окончания Гражданской войны применялись привычные чекистам с первых месяцев их работы методы массовых репрессивных операций³. Как нам представляется, среди основных причин террора всё же следует рассматривать потребности сталинской социальной инженерии.

А. Н. Медушевский называет Большой террор ключевым инструментом сталинской социальной инженерии, а к инициаторам и исполнителям репрессий им отнесены маргинальные элементы, лишённые устойчивых социальных связей, но вписанные в сетевые отношения секретных коммуникаций⁴. А. С. Синявский связал усиление репрессий не только с природой сталинской власти, но и с состоянием самого общества, в котором быстрый рост урбанизации за счет крестьянского населения способствовал стремительной маргинализации социума и влиянию на него государственного патернализма. Изменения в строении общества 30-х годов привели к укреплению и расширению социальной базы тоталитарного государства, ибо выходцами из патриархального крестьянства было легче манипулировать⁵. Сегодня можно считать доказанным и то, что массовый террор 1937–1938 гг. как целенаправленная операция имел основания в более ранних карательных кампаниях. Ему предшествовали две генеральные репетиции меньших по размаху, но сопоставимых по технике и примерно одинаковых по масштабам акций: террор с помощью внесудебных органов в 1930 г. и пер-

---

¹ Хлевнюк О. В. 1937-й: Сталин, НКВД и советское общество. М.: Республика, 1992. С. 155–156.

² Он же. Хозяин... С. 463.

³ Тепляков А. Г. Массовые операции ВЧК-МГБ 1920–1950-х гг. как инструмент политического террора // Репрессированная сибирская провинция: мат-лы регион. научно-практ. семинара (Новосибирск, 28–29 октября 2013 г.). Новосибирск, 2013. С. 14–19.

⁴ Медушевский А. Сталинизм как модель. Обзорение издательского проекта «РОССПЭН» «История сталинизма» // Вестн. Европы. 2011. Т. XXX. С. 147–168.

⁵ Синявский А. С. Российский тоталитаризм: Урбанизация в системе факторов его становления, эволюции и распада // Власть и общество в СССР: политика репрессий (20–40-е гг.). М.: Ин-т рос. истории, 1999. С. 56.

вой половине 1931 г., а также террористические акции первой половины 1933 г.¹

Многообразие аспектов репрессивной политики обуславливает пристальное внимание исследователей к ним. Одной из приоритетных тем является изучение репрессий в отношении крестьянства². Ключевым экономическим фактором мотивации социального поведения для основной массы населения историки признают голод или его угрозу. Реконструкция истории голода начала 1930-х годов, его масштабов, развития и жертв современными исследователями позволяет уверенно констатировать отсутствие экономических или природных предпосылок неизбежности голода и связывает его возникновение с настоящей войной сталинского государства с собственным населением³.

Значительно продвинулось в последние годы изучение репрессий в отношении национальных меньшинств. Наряду с репрессиями в отношении немцев⁴ (пожалуй, наиболее развитой в научном отношении темой), изучаются прочие «наказанные народы», трагические судьбы которых ранее не были представлены крупноформатными работами⁵. Заслугой П. М. Поляна является определение ключевых понятий и установление четкой хронологии депортаций и их масштабов. По данным историка, с 1919 по 1952 г. было депортиро-

---

¹ Сахаров А. Н. 1930: год «коренного перелома» и начало Большого террора // Вопр. истории. 2008. № 9. С. 40–69; Красильников С. А. 1930-й год как пролог Большого террора // История сталинизма: Жизнь в терроре. Социальные аспекты репрессий: мат-лы междунаrod. науч. конф. (С.-Петербург, 18–20 октября 2012 г.). М.: РОССПЭН, 2013. С. 112–119; Тепляков А. Г. Динамика государственного террора в СССР в 1933 году: новые данные // Вестн. НГУ. 2013. Вып. 1. С. 50–54.

² Ивницкий Н. А. Репрессивная политика советской власти в деревне (1928–1933 гг.). М.: Ин-т рос. истории, ун-т Торонто, 2000. 350 с.; Надькин Т. Д. Сталинская аграрная политика и крестьянство Мордовии. М.: РОССПЭН, 2010. 311 с.; Раков А. А. «Деревню опустошают»: сталинская коллективизация и «раскулачивание» на Урале в 1930-х годах. М.: РОССПЭН, 2013. 327 с.; Кедров Н. Г. Лапти сталинизма. Политическое сознание крестьянства Русского Севера в 1930-е годы. М.: РОССПЭН, 2013. 280 с.

³ Ивницкий Н. А. Голод 1932–1933 годов в СССР. М.: Собрание, 2009. 288 с.

⁴ Деннингхаус В. В тени «Большого брата»: Западные национальные меньшинства в СССР (1917–1938 гг.). М.: РОССПЭН, 2011.

⁵ Полян П. М. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М., 2001; Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР. 1930–1960. М., 2003; Баберовски Й. Враг есть везде. Сталинизм на Кавказе. М.: РОССПЭН, 2010; Батырбаева Ш. Д. Эпоха сталинизма в Кыргызстане в человеческом измерении. М.: РОССПЭН, 2010; 1937 год. Российские корейцы: Приморье — Центральная Азия — Сталинград (Депортация). М., 2004; Сталин и немцы: Новые исследования / ред. Ю. Царуски. М.: РОССПЭН, 2009; Вайнахи и имперская власть: проблема Чечни и Ингушетии во внутренней политике России и СССР (начало XIX — середина XX в.). М.: РОССПЭН, 2011.

вано около 15 млн чел., из них 6 млн пришлось на внутренние и 9 млн — на международные депортации (из них 5,8 млн — на депортации в СССР и 3,2 млн — на депортацию советских граждан за пределы СССР)¹.

Активно идет изучение советских политических судебных процессов, практика которых оказала глубокое воздействие на ход коммунистических репрессий². Особое внимание привлекают знаковые дела: процесс эсеров 1922 г.³, Шахтинское дело, обеспеченные в последние годы публикацией крупных массивов источников из фондов ФСБ. Исследователи вписывают конкретные громкие дела в политический контекст, выявляя их заказной характер и реконструируя цели и последствия конкретных судебных преследований⁴. В этом отношении показательны книги С. С. Войтикова⁵ о взаимоотношениях РККА со спецслужбами, конфликтах вождей с ВЧК⁶, причинах скандального ареста летом 1919 г. высшего командования РККА во главе с главкомом И. И. Вацетисом. По мнению прекрасного знатока темы взаимоотношений ВЧК и РККА А. В. Ганина, в 1919 г. чекисты если не разгромили, то изрядно парализовали работу оперативных

---

¹ Полян П. М. Не по своей воле... С. 239–240.

² Судебный процесс над социалистами-революционерами (июнь-август 1922 г.): Подготовка. Проведение. Итоги / сост. С. А. Красильников, К. Н. Морозов, И. В. Чубькин. М.: РОССПЭН, 2002. 1007 с.; Исаев В. И. Они хотели убить Сталина. Новосибирск, 2005; Рожнева Ж. А. Политические судебные процессы в Западной Сибири в 1920–1930-е гг. Томск, 2008; Судебные политические процессы в СССР и коммунистических странах Европы: сравнительный анализ механизмов и практик проведения: сб. мат-лов российско-французского семинара (Москва, 11–12 сентября 2009 г.). Новосибирск, 2010. 228 с.; Судебные политические процессы в СССР и коммунистических странах Европы: сб. мат-лов франко-российского семинара (Париж, 29–30 ноября 2010 г.) Новосибирск, 2011. 198 с.

³ Морозов К. Н. Судебный процесс социалистов-революционеров и тюремное противостояние (1922–1926): этика и тактика противоборства. М.: РОССПЭН, 2005. 736 с.

⁴ Судебные политические процессы в СССР и коммунистических странах Европы... Новосибирск, 2010; Судебные политические процессы в СССР и коммунистических странах Европы... Новосибирск, 2011.

⁵ Войтиков С. С. Троцкий и заговор в Красной Ставке. М.: Вече, 2009. 352 с.; Он же. Отечественные спецслужбы и Красная армия. 1917–1921. М.: Вече, 2010. 474 с.; Он же. Узда для Троцкого. Красные вожди в годы Гражданской войны. М.: АИРО–XXI, 2016. 421 с.

⁶ Мы разделяем мнение автора, что Ленин и Сталин делали «ставку на людей с компроматом, от которых в любой момент можно было избавиться...» Войтиков С. С. Узда для Троцкого... С. 84.

отделов РККА¹. Появилась серия работ об истреблении кадров РККА в 1937–1938 гг. в ряде военных округов².

История ГУЛАГа остается одним из самых плодотворных исследовательских направлений. Вся экономика ГУЛАГа была убыточна и нанесла огромный вред развитию страны, поскольку уничтожала людей в невиданных масштабах, отторгала механизацию производства и рациональное использование профессиональных кадров. По мнению авторитетного коллектива историков, именно физическое уничтожение «врагов», а не их использование в качестве дешёвой рабочей силы было главной целью Большого террора³. Изучаются и ГУЛАГ в целом, и «концентрационный мир» отдельных лагерей⁴, причем исследователями осознано, что вслед за анализом очень тенденциозных источников центрального аппарата ГУЛАГа должно прийти основательное знакомство с архивами конкретных лагерей.

Следует положительно оценить начавшиеся не так давно попытки компаративистского подхода к теме репрессий и карательных институций. Применительно к спорам о большевистском терроре актуально выглядит мнение историка Французской революции

---

¹ Ганин А. В. «Мозг армии» в период «Русской Смуты»: ст. и док. М.: Рус. путь, 2013. 880 с.

² Мильбах В. С. Особая Краснознамённая Дальневосточная армия (Краснознамённый Дальневосточный фронт). Политические репрессии командно-начальствующего состава, 1937–1938 гг. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. 345 с.; Он же. Амурская Краснознамённая военная флотилия. Политические репрессии командно-начальствующего состава, 1937–1938 гг. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2012. 208 с.; Он же. Сибирский военный округ. Политические репрессии командно-начальствующего состава, 1937–1938 гг. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2012. 344 с.; Он же. Политические репрессии командно-начальствующего состава, 1937–1938 гг. Тихоокеанский флот. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2013. 300 с.; Он же. Политические репрессии командно-начальствующего состава 1937–1938. Забайкальский военный округ и 57-й особый стрелковый корпус. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2014. 363 с.; Григорян А. М., Мильбах В. С., Чернавский А. Н. Политические репрессии командно-начальствующего состава, 1937–1938 гг. Ленинградский военный округ. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2013. 423 с.; Мильбах В. С., Сапожников А. Г., Чураков Д. Р. Политические репрессии командно-начальствующего состава. 1937–1938. Северный флот. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2014. 240 с.

³ Хлевнюк О. В. Экономика ОГПУ-НКВД-МВД СССР в 1930–1953 гг.: масштабы, структура, тенденции развития // ГУЛАГ. Экономика принудительного труда. М.: РОССПЭН, 2005. С. 82.

⁴ Иванова Г. М. История ГУЛАГа. 1918–1958: социально-экономический и политико-правовой аспекты. М.: Наука, 2006; Нахапетов Б. А. Очерки истории санитарной службы ГУЛАГа. М.: РОССПЭН, 2009; Суслов А. Б. Спецконтингент в Пермской области. 1929–1953 гг. М.: РОССПЭН, 2010; Бродский Ю. Соловки. Двадцать лет Особого назначения. М.: РОССПЭН, 2002. 528 с.; Павлов Д. Б. Соловецкие лагеря особого назначения ОГПУ, 1923–1933 г. // Репрессированная интеллигенция. 1917–1934 гг.: сб. ст. М.: РОССПЭН, 2010. С. 320–403.

А. В. Чудинова, который показывает, что уже современниками якобинского террора были предложены те основные объяснения его происхождения, которые в дальнейшем получили развитие и в исторической литературе: «социальный мотив», «мотив утопии» и «мотив обстоятельств». Вместе с тем автором доказано, что версия «мотива обстоятельств» имела наиболее позднее и сугубо конъюнктурное происхождение, а реальнее всего выглядит мотив террора по идейным соображениям¹.

Сравнение ВЧК-КГБ с органами тайной полиции царской России позволяет прийти к интересным и неортодоксальным выводам. Т. В. Черникова выяснила, что при известной своей жестокостью императрице Анне Иоанновне Тайная канцелярия имела всего лишь 15–20 сотрудников и до 150 солдат, охранявших примерно 250–300 колодников. Число арестованных по политическим мотивам за десять лет царствования Анны не превышало 10 тыс. человек, из них в Сибирь отправлено не более тысячи. Данные описи дел Тайной канцелярии позволили Черниковой сделать вывод, что количество политических дел не превышало во времена Анны более 2 тыс., тогда как в первое десятилетие царствования Елизаветы было заведено 2 478, а во второе — 2 413 таких дел². С середины XVIII столетия можно наблюдать гуманизацию законодательства и скромную по численности тайную полицию, внимание которой направлялось большей частью на расследование дел об оскорблении царствующих особ.

А. И. Рейтблат доказал, что Третье отделение канцелярии Николая Первого было «не столько репрессивно-карательным учреждением, сколько информационно-наблюдательным и даже в определённой степени пропагандистски-воспитательным». Постепенно одной из важнейших его задач, если не самой важной, стал сбор информации об отношении населения к власти, а также влияние на это отношение в желательном для власти направлении. В рамках Третьего отделения готовились реформаторские законодательные предложения, обсуждались пути обновления страны. И если цензура должна была пресекать попытки трактовать события в неугодном духе, то Третье отделение, напротив, нередко помогало провести в

---

¹ Чудинов А. В. Суровое «счастье Спарты» (современники Французской революции о феномене террора) // Человек эпохи Просвещения. М.: Наука, 1999. С. 173–187.

² Черникова Т. В. Государево слово и дело во времена Анны Иоанновны // История СССР. 1989. № 5. С. 155–163.

печатать тот или иной материал. Оно стремилось действовать не репрессиями и запретами, а путем заключения своего рода негласного и неформального соглашения с руководителями периодических изданий, благодаря чему возникала возможность без особого нажима направлять их деятельность, заказывать нужные публикации или просто посылать статьи в газеты для напечатания¹. Таким образом, Третье отделение стало прообразом современных спецслужб, обладающих широкой компетенцией, выходящей за рамки «чистой» охранительности.

З. П. Перегудова в монографии об истории политического сыска России предреволюционного сорокалетия осветила ряд проблем, связанных с работой Департамента полиции, охарактеризовала кадровую и агентурно-оперативную деятельность царской спецслужбы, дала численность конспиративного аппарата (10 тыс. негласных агентов за всё время существования Департамента)², что позволило сравнивать значимые аспекты деятельности российских и советских структур государственной безопасности. Н. С. Кирмель считает искусственным разделение единого процесса эволюции отечественных разведывательных и контрразведывательных служб на два хронологических этапа: дореволюционный и советский. С его точки зрения, здесь очевидно нарушение принципа историзма³. Вместе с О. В. Шининым им недавно подготовлено основательное исследование о работе спецслужб красной и белой сторон, дающее новый архивный материал⁴. Также и А. А. Зданович начинает историю отечественной контрразведки с 1914 г.⁵

Вне сомнения, между царской и советской спецслужбами были сближающие элементы (помимо общей функции охраны государственной безопасности), например, среди руководителей охраны так же различимы тяга к провокационной деятельности и элементы шпиономании, особенно проявившиеся в годы Первой мировой

---

¹ Рейтблат А. И. Русские писатели и III отделение (1826–1855) // Нов. лит. обозрение. 1999. № 40. С. 158–186.

² Перегудова З. И. Политический сыск России 1880–1917 гг. М.: РОССПЭН, 2000. 432 с.

³ Кирмель Н. С. Деятельность спецслужб белогвардейских правительств и армий в годы Гражданской войны в России (1918–1922 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2009. С. 7.

⁴ Кирмель Н. С., Шинин О. В. Красные против белых. Спецслужбы в Гражданской войне 1917–1922. М.: Вече, 2016. 480 с.

⁵ Зданович А. А. Отечественная контрразведка (1914–1920): Организационное строительство. М.: Крафт+, 2004. 240 с.

войны. Однако в целом при всех недостатках тайная полиция Романовых в XIX — начале XX вв. была скромна по численности и профессиональна, а действовала чаще всего в пределах правового поля. Политическая полиция императорской России была скорее слаба, а не гипертрофирована, как в советское время. Советская тайная полиция была огромна по численности и разветвлена структурно, наделена исключительными правами, но в целом оказалась мало профессиональна, а действовала преимущественно с помощью террора и шантажно-пыточного следствия, применяя массовое заагентуривание населения, бессудные казни и широчайшее использование принудительного труда. И если тайная полиция последних десятилетий Российской империи сосредотачивалась на охранных функциях, то советская спецслужба занимала совершенно исключительное место в структурах власти и практиковала, помимо охранительно-репрессивной деятельности, методы социальной инженерии, в том числе и на территории других стран¹.

Из других немногочисленных компаративистских сочинений обращает на себя внимание интересная новейшая научная работа, сравнивающая смертность в советских и нацистских концлагерях, причём не в пользу некоторых советских ИТЛ².

На фоне серьёзных новейших работ по истории карательных органов СССР не теряются изданная в 2008 г. книга И. Симбирцева «ВЧК в ленинской России 1917–1922», а также её продолжение, посвящённое работе ОГПУ-НКВД³. Несмотря на отсутствие справочного аппарата, многочисленные неточности и заимствование ряда фрагментов опубликованных работ без сносок, эти книги, построенные на широком круге источников, интересны разделяемой в настоящее время отнюдь не всеми исследователями радикальной позицией в отношении принципов работы и особенностей кадрового состава органов ВЧК-НКВД, рассматриваемых в качестве эффективного карательного инструмента партийной власти и свободных от каких-либо

---

¹ В 1937–1939 гг. монгольская охранка, руководимая инструкторами НКВД, уничтожила 20 тыс. чел., что означало значительно больший процент казнённых к общей численности населения по сравнению с СССР.

² Наконечный М. Ю. Сазлаг ОГПУ-НКВД как лагерь перманентной катастрофы со смертностью заключённых: сравнение с Бухенвальдом СС // Труды III исторических чтений памяти генерала Н. Н. Головина. СПб., 2013. С. 337–380.

³ Симбирцев И. ВЧК в ленинской России. 1917–1922. М.: Центрполиграф, 2008. 382 с.; Он же. Спецслужбы первых лет СССР. 1923–1939: На пути к большому террору. М.: Центрполиграф, 2008. 384 с.

моральных ограничений в своей террористической и провокационной деятельности.

К сожалению, недоступность чекистских архивов сужает исследовательское поле тех авторов, чей значительный вклад в историографию советского общества является признанным. В новаторской монографии О. Кена¹ был сделан вывод о том, что с 1927 г. СССР стал готовиться к мировой войне, причём Сталин обосновывал переход к военно-мобилизационной экономике агрессивными намерениями европейских государств, которые на деле не собирались нападать на Советскую Россию. Однако автор, работая с документами военных и дипломатических архивов, не привлекал закрытые источники ОГПУ и поэтому не смог дать сведений о предполагаемой роли тенденциозной чекистской информации в переходе советского руководства к драматическому режиму ожидания мировой войны.

Нельзя не сказать о выпускаемой последние 10 лет издательством «РОССПЭН» книжной серии «История сталинизма», в которой появилось порядка 200 книг (монографий, сборников документов и статей конференций), половина которых — переводные. Благодаря этой серии исследования советской истории получили очень серьёзное подкрепление.

В рассмотренный период российские учёные освоили огромный новый документальный материал, ознакомились с трудами зарубежных коллег и подготовили внушительное количество сочинений с принципиально новыми оценками роли и деятельности ВЧК-КГБ. Именно эти книги и статьи определяют уровень современного знания о советской спецслужбе. Однако в те же годы существовала и ныне только усиливается другая историографическая тенденция, иначе толкующая открывшиеся новые источники и старающаяся приукрасить советский опыт.

§ 2. Реванш архивизма

С 2000-х годов многие историки стали предпочитать господствовавшей тоталитаристской концепции советской истории парадигму модернизации. Появился целый ряд исследований, которые, исходя из вульгарно понимаемой концепции модернизации российского традиционного общества в современное на основе индустриальных

---

¹ Кен О. Мобилизационное планирование и политические решения (конец 20-х — середина 30-хх гг.). М.: ОГИ, 2008. 514 с.

технологий, готовы вынести цену социалистического строительства куда-нибудь за скобки, бегло упоминая о ней как об «издержках». Академик В. В. Алексеев полагает, что коллективизация и «ликвидация кулачества как класса» являлись «важной разновидностью модернизации»¹. А. К. Соколов отмечает, что «именно в 30-е годы в СССР под флагом строительства социализма происходили трансформации революционной и разрушительной энергии, охватившей российское общество в начале XX века, в созидательную мобилизацию общества, превращения государства из революционного штаба в рационально-бюрократический аппарат, решающий прагматические задачи»². То, что партийно-государственный аппарат очень прагматично и постоянно использовал террор, в том числе массовый, а «разрушительная энергия» 30-х годов мало с какой эпохой может сравниться, автор не считает существенным.

Серьёзно меняются под давлением новейших политических веяний оценки ряда историков, включая тех, кто в 1990-х годах высказывался критически о советском режиме и деятельности госбезопасности. У известного историка С. А. Павлюченкова в его последней монографии «Орден меченосцев»³ проводится мысль о логичности и неизбежности большевистской власти, преодолевавшей собственный разрушительный анархизм воссозданием неизбежно сверхжесткого идеократического государства, уверенность в чём автору даёт односторонне понимаемый классический тезис «всё действительное — разумно». Профессор Б. А. Старков, известный в 90-е годы резкими публикациями об истории ВЧК-НКВД, уже несколько лет спустя прямо обвинил критиков сталинщины в антипатриотизме: «Стихийное рассекречивание, связанное с крушением социалистической государственности советского типа, привело к появлению мифологизированной истории Советского общества. <...> Трактовка деятельности органов государственной безопасности в истории российской государственности приобрела негативный, антинародный и антинациональный характер. Это в значительной степени способствует формированию деструктивного историче-

---

¹ Алексеев В. В. Российская революция в контексте теории модернизации (постановка проблемы) // Аграрное и демографическое развитие Сибири в контексте российской и мировой истории. XVII–XX вв. Новосибирск, 1999. С. 8.

² Россия в XX веке. Реформы и революции: в 2 т. / ред. Г. Н. Севостьянов. Т. 1. М.: Наука, 2002. С. 111.

³ Павлюченков С. А. «Орден меченосцев»: Партия и власть после революции. 1917–1929 гг. М.: Собрание, 2008. 463 с.

ского сознания, выхолащивая духовно-нравственные основы... за этим нередко стоят... политические и коммерческие интересы не только авторов, но и определенных групп, выступающих с антинациональных позиций»¹.

А. М. Плеханов в докторской диссертации (1993 г.) осуждал диктаторство Сталина, утверждал, что господствовавшая идеология деформировала моральные принципы коммунистов, а упоминая о помощи чекистов голодавшим Поволжья, говорил, что эта поддержка спасла тысячи людей. В монографии же 2006 г. Плеханов предстал апологетом Сталина, жестокого, но мудрого и дальновидного правителя; о воздействии идеологии автор уклончиво заявил, что она лишь «несколько деформировала» партийную мораль, а спасённых чекистами от голода уже насчитал десятки тысяч².

Автор недавней работы о Московской ЧК молодая исследовательница М. А. Яковлева повторяет советское мнение о том, что партия и народ направляли на работу в ЧК лучших своих сынов, верных солдат революции, людей редкого мужества и бесстрашия. Яковлева придерживается мнения о том, что действия советской власти были адекватны ситуации и обстановке конкретного времени, нарушения чекистами законов не носили широкого характера, хотя проявленная ими жестокость не всегда была оправдана. Автор также утверждает, что задачи, ставившиеся Лениным перед ВЧК, были справедливы, объективны и своевременны, уверяя, что исследователи просто вырывают из контекста известные ленинские фразы, чтобы создать ложное представление о диктаторстве советской власти и большевистской партии³.

Положительную оценку деятельности Л. П. Берии дал один из диссертантов, недавно выпустивший апологетическую книгу о нём в сталинистском издательстве⁴. Автор новейшей работы о партийно-государственном режиме секретности в СССР уверяет: «Система защиты информации в партийных органах РКП(б)–ВКП(б) в 1918–1941 гг. в целом соответствовала условиям и требованиям историче-

---

¹ Старков Б. А. «План Д»: вымыслы и действительность // Историч. чтения на Лубянке. 2005 год. М.: Кучково поле, 2006. С. 15–16.

² Плеханов А. М. ВЧК–ОГПУ: Отечественные органы государственной безопасности в период новой экономической политики... С. 269, 322.

³ Яковлева М. А. МЧК: Московская чрезвычайная комиссия. М.: Элит, 2011. 258 с.

⁴ Кобба Д. В. Государственная деятельность Л. П. Берия, 1939–1953 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2002; Кобба Д. Берия. За что его не любят? М.: Алгоритм, 2013.

ского момента, исходя из реалий того времени... <...> Капиталистическое окружение, которое видело в Советской России угрозу своему существованию, не дало новому строю развиваться в такой степени, чтобы он мог наглядно продемонстрировать свои преимущества»¹.

В 2012 г. был опубликован настоящий рецидив «научного чекизма»², рядом с которым меркнут многие адвокатские усилия «чекистских историков»: абсолютно ненаучное исследование (несмотря на то, что рецензентами выступали профессора Н. Ф. Бугай и Л. Н. Нежинский, первый из которых имеет прямое отношение к изучению репрессивной тематики), практически не использующее современной литературы и целиком основанное на чекистском мифотворчестве. Сначала авторы (скорее, составители обширного конспекта сводок «органов») постулируют высочайшую степень достоверности документов ВЧК-НКВД, якобы создаваемых под страхом уголовной ответственности за малейшую необъективность, а затем слепо опираются на них, не обращая внимания ни на исследования по теме, ни на данные о давней реабилитации «заговорщиков» и беря во внимание даже самые невероятные признания арестованных, сделанные в 1937 г. Отсутствие научного аппарата подтверждает некомпетентность авторов-составителей, прикрывшихся грифом РАН, но оказавшихся способными только к трансляции полицейской точки зрения о десятках тысячах разоблаченных антисоветских и националистических «заговорщиков» и «повстанцев», да к тому же с неряшливыми повторами одной и той же информации. Повсюду можно увидеть типичные чекистские оценки событий эпохи коллективизации: «Кулаки меняли тактику антисоветской борьбы, делая ставку на разложение колхозов изнутри... нелегально готовя восстание. ... Среди инициаторов создания контрреволюционных организаций были кулацкие агенты, проникшие в ВКП(б) и находившиеся в среде бывших красных партизан» и т. д. (с. 233, 244). Авторы в данной книге сделали большой шаг назад и в историографии, и в источниковедении чекистской темы, удручающий своим непрофессионализмом.

Подобные книги и статьи далеко не единичны и претендуют на логичность перехода от ранее маргинальной точки зрения к законо-

---

¹ Куренков Г. А. От конспирации к секретности: Защита партийно-государственной тайны в РКП(б) – ВКП(б), 1918–1941 гг. М.: АИРО-XXI, 2015. С. 219.

² Дьяков Ю. Л., Колодникова Л. П., Бушуева Т. С. Протестное движение в СССР (1922–1931 гг.). Монархические, националистические и контрреволюционные партии и организации в СССР: их деятельность и отношения с властью (1920–1931 гг.). По документам ВЧК-ОГПУ. М.: Прометей, 2012. 332 с.

мерному и основательному мнению, разделяемому заметной частью историков. А. В. Дождиков попытался доказать, что в ходе террора Сталин логично устранял те кадры, которые были неспособны осуществлять модернизацию страны¹. Выходящий с 1931 г. «Вестник Российской академии наук» осенью 2013 г., вероятно, впервые за весь период после XX съезда КПСС поместил откровенно апологетическую статью о Сталине академика РАН и советника РАН А. А. Саркисова (не историка). Автор свёл репрессии только к периоду 1937–1938 гг. и, наскоро отмежевываясь от «крайностей» сталинской политики, почти весь объём статьи занял восхвалениями вождя народов, особенно за его преданность коммунизму, скромность и полководческий гений². Автор обстоятельного историко-правового исследования И. В. Упоров заявил, что помимо негативных сторон, ГУЛАГ, если иметь в виду чисто пенитенциарные аспекты, имел и положительный опыт, который полезно применить в действующей сегодня уголовно-исполнительной системе³.

Для ряда современных авторов характерны мнения, немислимые для подлинных историков, о недопустимости расширения источниковой базы советского периода за счёт секретных когда-то документов КГБ и КПСС. Так, А. А. Зданович выразил сомнение в ценности публикации имён агентуры 30-х годов, причастной к делу Тухачевского и обнародованной в известной записке «комиссии Шверника»⁴; другие авторы сокрушаются по поводу вывезенного в США и ставшего общедоступным архива Д. А. Волкогонова, хранящего часть нерассекреченной документации ЦК КПСС, а профессор В. К. Криворученко жалеет, что в 2003 г. в сборнике документов по истории ВЧК-КГБ был опубликован «исключительно конфиденциальный документ» о работе КГБ СССР за 1967 г.⁵, на деле абсолютно

---

¹ Дождиков А. В. Политический менеджмент И. В. Сталина: репрессии как радикальное средство ротации управленческих кадров // Социально-гуманитар. знания. 2011. № 1. С. 308–322.

² Саркисов А. А. О роли Сталина в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. // Вестн. РАН. 2013. Т. 83. № 10. С. 899–905.

³ Упоров И. В. Пенитенциарная политика России в XVIII–XX вв. Историко-правовой анализ тенденций развития. СПб., 2004. 608 с.

⁴ М. Н. Тухачевский и военно-фашистский заговор / публ. В. А. Лебедева // Военно-ист. архив. 1997. Вып. 1. С. 149–225; 1998. Вып. 2. С. 3–81.

⁵ Зданович А. А. Органы государственной безопасности и Красная армия... С. 53; Мурин Ю. Двадцать центов за гостайну // Совершенно секретно. 2008. № 1. С. 14; Криворученко В. К. Без истории нет будущего // Знание. Понимание. Умение. 2011. № 1. С. 110.

не содержащий каких-либо опасных для современной России подробностей. Другой автор оправдывает современную закрытость российских архивов, ссылаясь на бывшего председателя КГБ В. А. Крючкова, когда-то сказавшего, что «неосторожное обращение с архивами может нанести непоправимый ущерб» государству¹.

Многие сегодняшние идеологи, политики и даже историки считают сталинскую концепцию полицейского социализма исторически неизбежной, правильной и актуальной, а строительство коммунизма полагают не тупиком, а великой целью. Сочувствие многим аспектам сталинской политики очевидно в насыщенной ценным архивным материалом книге ветерана исторической науки С. С. Хромова².

Известный публикациями цифр репрессированных В. Н. Земсков в своей последней книге по-прежнему назвал жертвами террора только осуждённых по ст. 58 УК РСФСР. Не зная должным образом современной литературы и источников, он претендует на то, чтобы быть историографом и источниковедом. Земсков ссылается на справку МВД СССР от декабря 1953 г., где ложно указано (неизвестным лицом, от руки, карандашом), что из осуждённых в 1921–1938 гг. 2 945 тыс. человек 1062 тыс. (или 30 %) являются уголовниками, и, таким образом, резко уменьшает число осуждённых по ст. 58 УК. Голодовки 1921 и 1933 г., по Земскову, были вызваны засухой, а не варварскими хлебозаготовками, причём правительство не предвидело «столь негативных последствий своей фискальной политики». Он отрицает мнение М. А. Вылцана о деградации сельского хозяйства, обвиняя этого историка в принижении «значимости трудового подвига советского крестьянства» и заявляя об «экономической победе» курса на коллективизацию. При этом у Земскова нет ни слова о резко выросшей смертности сельского и городского населения, массово питавшегося падалью и человеческими трупами. Он не закавычивает термин «кулак», уверен, что в годы войны коллаборационизма не существовало, а крестьянство добровольно несло груз лишений и проявляло множество патриотических инициатив³.

Упрекать Н. С. Хрущёва в сознательной фальсификации за упоминание о 10 млн заключённых, как делает Земсков, вряд ли имеет

---

¹ Куренков Г. А. От конспирации к секретности... С. 221.

² Хромов С. С. По страницам личного архива Сталина. М.: Изд-во МГУ, 2009. 368 с.

³ Земсков В. Н. Сталин и народ. Почему не было восстания. М.: Алгоритм, 2014. С. 79, 92, 153.

смысл. Диктуя мемуары, Хрущёв приблизительно помнил несколько цифр: 2,5 млн заключённых в ГУЛАГе, столько же в этнической ссылке и до 4 млн военнопленных. Эти цифры, надо полагать, и дали Хрущёву возможность зафиксировать круглое число лагерного населения. Совершенно советским языком Земсков обвиняет западных историков, преувеличивавших численность жертв коммунизма, в «выполнении заказов политиков и спецслужб своих стран с целью дискредитировать в наукообразной форме своего противника» и «прямой клевете». Западные историки, делая сугубо оценочные прикидки числа погибших советских граждан, не клеветали, а пытались, не допущенные к архивам, разобраться в загадках прошлого, нагромождённых правительством СССР. Однако Земсков уверен, что концепция геноцида собственного народа была придумана для пополнения «арсенала клеветнических измышлений озлобленных антисоветчиков».

В завершение он крайне неловко расхвалил себя, отвечая на упреки в том, что не является специалистом в области сравнительного источниковедения: «Это просто чудовищная клевета. На самом деле в кругу соответствующих специалистов мы имеем репутацию одного из лучших, не говоря уже о том, что в бытность нашу студентом Истфака МГУ (1968–1974 года) по источниковедению у нас всегда были только отличные оценки...»¹.

Некоторые же исследователи, занимающиеся более ранними периодами, не учитывают массовую фальсификацию источников советского времени и впадают в апологетику сталинизма невольно. Так, видный историк Б. Н. Миронов, пытаясь применить к периоду СССР методику, разработанную в его фундаментальном труде по социальной истории России эпохи империи, позволил себе опереться на пропагандистские статистические материалы 30-х годов, сделав неосновательные выводы о большом социальном прогрессе и росте уровня жизни в предвоенное десятилетие². Другой известный исследователь приводит ложную статистику НКВД об эффективной борьбе с иностранным шпионажем: якобы за 1940 г. и первый квартал 1941 г. в западных районах СССР было раскрыто 66 резидентур и

---

¹ Земсков В. Н. Сталин и народ. Почему не было восстания... С. 67, 68, 71, 84.

² Миронов Б. Н. Когда в России жилось хорошо? Эпизод пятый: 1931–1945 гг. // Родина. 2008. № 8. С. 5–18; Кузнецов И. С. Сталинская мобилизационная модель и структуры повседневности: дискуссионные проблемы // Социальная мобилизация в сталинском обществе: институты, механизмы, практики: сб. науч. ст. Вып. 2. Новосибирск: НГУ, 2012. С. 10–12.

обнаружено более 1 300 немецких агентов¹. Некоторые историки церкви отрицают факты массового негласного сотрудничества священнослужителей со спецслужбами², хотя этот феномен уже давно серьезно изучается³.

Досадные ошибки встречаются даже у признанных специалистов по истории репрессий. Справедливо критикуя очередного ни-спровергателя здравого смысла из числа подавшихся в идеологизацию истории белорусских националистов, известный исследователь А. В. Ганин необоснованно отвергает совершенно достоверный факт, что Дзержинский в 1920 г. прибыл на Украину с 1 400 чекистами-карателями, а также недоумевает, почему, с точки зрения критикуемого им автора, руководитель ВУЧК В. Н. Манцев — «палач», а «чекист — это обязательно убийца»⁴. (Именно потому, что от чекистов требовали беспощадных убийств, они и были в массе своей по сути палачами, а Манцев хвастливо писал Дзержинскому, что после крымской бойни конца 1920 г. он должен получить от буржуазии кличку «кровавого» и такое именование для него «лестно»⁵).

Серьезные позиции в общественном мнении с 2000-х годов занимает так называемая «серая историография», представленная некачественными сочинениями остепенённых историков. Некоторые профессора продемонстрировали многочисленные грубые фактические и методологические ошибки в своём вузовском учебнике⁶, либо, как Ю. Жуков и Ю. Емельянов, опираясь на выдуманные ис-

---

¹ Курицын В. М. История государства и права России. 1929–1940: учеб. пособие. М.: Международ. отношения, 1998. С. 115.

² Одинцов М. И., Кочетова А. С. Конфессиональная политика в Советском Союзе в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М.: РОССПЭН, 2014. С. 32.

³ Осипова И. Сквозь огонь мучений и воды слез. Судьба движения «Истинно-Православная Церковь». М.: Серебряные нити, 1998. 154 с.; Душу не погублю: Исповедники и осведомители в документах и... о методах агентурной работы / сост. В. Королев. М., 2001. 240 с.; Курляндский И. А. Сталин, власть, религия (религиозный и церковный факторы во внутренней политике советского государства в 1922–1953 гг.). М.: Кучково поле, 2011. 720 с.; Савин А. И. Сотрудничество с тайной полицией как специфическая форма политической адаптации верующих в советском государстве (1920–1940-е гг.) // Вестн. Омск. ун-та. Серия: Ист. науки. 2014. № 3 (3). С. 37–47.

⁴ Ганин А. Странная история доктора Грицкевича. Новые фальсификации Гражданской войны // Родина. 2011. № 6. С. 105.

⁵ Тополянский В. Д. Вожди в законе. Очерки физиологии власти. М.: Права человека, 1996. С. 206.

⁶ Барсенков А. С., Вдовин А. И. История России. 1917–2009: учеб. пособие для вузов. 3-е изд. М.: Аспект Пресс, 2010. 846 с.

точники, опубликовали сенсационные концепции, не подкреплённые доказательствами.

Так, в учебнике А. С. Барсенкова и А. И. Вдовина раздел, в котором говорится о сталинском терроре и его жертвах, озаглавлен в точном соответствии с чекистской оценкой 30-х годов: «Удары по потенциалу “пятой колонны”», а о репресслируемых по постановлению политбюро 31 июля 1937 г. авторы заявили: «Все эти миллионы обиженных политикой советской власти людей и составляли отнюдь не вымышленный потенциал “пятой колонны”» (с. 250). Оправдывают они и сталинский закон «об измене Родине» (июнь 1934 г.), введший уголовные наказания за отказ вернуться в СССР, а также практику заложничества и репрессирования членов семей лиц, оставшихся за рубежом (с. 256). Совершённые по приказу Сталина убийства Л. Д. Троцкого, С. М. Михоэлса, К. Б. Радека, Г. Я. Сокольниковы упоминаются так, что причастность диктатора к этим преступлениям скрыта, для чего применены уклончивые формулировки: убит «агентом НКВД», «погиб», «погибли» (с. 205, 378, 249)¹.

Работавший в архивах ЦК ВКП(б) Ю. Н. Жуков уверяет, что Сталин в 1930-х годах изо всех сил сопротивлялся террору, который якобы целиком лежит на совести местных руководителей, жаждавших репрессий. Автор представляет вождя радетелем демократизации и борцом с «партократией», связывая массовые репрессии с выборами высших органов власти, которые Сталин желал провести на альтернативной основе для замены некомпетентных руководителей, но не смог из-за их сопротивления. При этом сотрудник академического Института истории РАН Жуков не погнушался ради реабилитации диктатора придумать архивную ссылку на якобы телеграмму от Р. И. Эйхе к Сталину с просьбой организовать в Западно-Сибирском крае внесудебную тройку НКВД². Разоблачение этой фальсификации³ заставило Жукова заявлять об инициативе Эйхе более уклончиво⁴, но автор остался защитником своей ложной концепции о Стали-

---

¹ Лавров В., Курляндский И. ГУЛАГ — плюс в модернизации всей страны // Нов. газ. 2010. 15 сент.

² Жуков Ю. Н. Репрессии и Конституция СССР 1936 г. // Вопр. истории. 2002. № 1. С. 3–26.

³ Павлова И. В. 1937: выборы как мистификация, террор как реальность // Вопр. истории. 2003. № 10. С. 37.

⁴ Жуков Ю. Н. Иной Сталин. Политические реформы в СССР в 1933–1937 годах. М.: Вагриус, 2003. 510 с.

не-демократе и самостоятельно разжигавших террор региональных лидерах¹.

Новейшая книга Ю. В. Емельянова² представляет собой сплошной панегирик Сталину на основе измышлений Ю. Н. Жукова о стремлении диктатора к демократии, а также фантастической статистики и крайней авторской некомпетентности. Например, профессор указывает, что к 1937 г. в СССР была полностью ликвидирована неграмотность, а вторая пятилетка успешно выполнена, причём одних боевых самолётов было произведено к этому времени 100 тыс. штук (с. 8, 9), хотя даже к 1941 г. их было впятеро меньше. Между тем давно известно, что перепись 1937 г. зафиксировала наличие 30 % неграмотных, а о том, что ни одна из сталинских пятилеток не была выполнена, не знают сегодня разве что иные доктора наук. Автор описывает «заговоры» против Сталина со стороны группы М. Н. Тухачевского и ряда членов ЦК ВКП(б) в 1937 г., а также «заговор» Н. И. Ежова в 1938 г. (с. 238–246), уверяет, что выборы 1937 г. продемонстрировали «растущую демократизацию государственной и политической жизни», а репрессии периода Большого террора были развязаны Р. И. Эйхе, И. М. Варейкисом, Н. С. Хрущёвым (с. 304).

Известная книга В. В. Карпова о Сталине³ насыщена фальшивыми документами, предлагая и «договор» НКВД с гестапо от 1938 г. о совместной борьбе с международным еврейством, и целый ряд других выдумок. Троцкий в ней обрисован как организатор покушения на Ленина, убийца Кирова и вредитель, всюду насаждавший евреев, в связи с чем Сталин и был вынужден предпринять репрессии, которые спасли СССР от порабощения «троцкистскими сионистами». В своем письме в редакцию журнала «Вопросы истории» известный историк В. П. Данилов разоблачил ряд фальсификаций книги Карпова, касающихся фактических итогов массовых репрессий 30-х годов и интерпретированных в абсолютно нацистском духе: «Данные Карпова, к сожалению, не отражают ничего, кроме его антисемитизма»⁴.

---

¹ Чернявский Г. И. Новые фальсификации «большого террора» // *Вопр. истории.* 2009. № 12. С. 155–164.

² Емельянов Ю. В. *Разгадка 1937 года.* М.: Вече, 2013. 400 с.

³ Карпов В. *Генералиссимус: в 2 кн.* М.: Янтарный сказ, 2002. 1040 с.

⁴ Данилов В. П. *Сталинизм и советское общество* // *Вопр. истории.* 2004. № 2. С. 173–175.

А. Н. Дугин показал свою невысокую источниковедческую квалификацию, опубликовав без научного аппарата ряд ценных документов ГУЛАГа¹. В последней своей работе, помещённой в известном журнале, он крайне беспомощно попытался подвергнуть сомнению подлинность знаменитой шифротелеграммы Сталина о решении пыток в отношении «врагов народа»².

Крайнюю точку зрения всех отрицателей террора с предельной вульгарностью отразил ярый шовинист и сталинист А. Г. Купцов: «Никогда не было красного террора, не было Архипелага ГУЛАГ, и ни одного человека в СССР с 1918 по 1953 год не осудили безвинно. Судили убийц, предателей и сволочь»³.

Таким образом, если в 1990-х годах историки преимущественно критически подходили к осмыслению опыта чекистских структур, то в последние полтора десятилетия всё большее их количество старается представить деятельность ВЧК-КГБ в максимально конструктивном русле, оправдывая и сглаживая их охранительно-репрессивную и прямо террористическую работу. Однако с точки зрения научной новизны их достижения более чем скромны и не позволяют им претендовать на выход из маргинального поля, хотя и более широкого, чем раньше.

§ 3. Ведомственная историография: архаика на марше

В современной историографии сложилось своеобразное разделение труда, когда гражданские исследователи основное внимание уделяют репрессивным и институциональным аспектам работы ВЧК-НКВД, а выходцы из силовых структур, как бывшие, так и действующие, подчёркивают конструктивные элементы былой деятельности своих ведомств. В связи с сильной разделённостью возможностей и нередко позиций гражданских и ведомственных историков мы отдельно остановимся на наиболее значимых трудах исследователей, связанных с работой в ФСБ, МВД и Службе внешней разведки.

Начиная со второй половины 1990-х годов вышел в свет целый ряд новейших изданий открытого характера, подготовленных сотрудниками спецслужб с помощью своих архивов. В 1999 г. был опу-

---

¹ Дугин А. Н. Неизвестный ГУЛАГ: Документы и факты. М.: Наука, 1999. 103 с.

² Он же. Шифротелеграмма И. В. Сталина от 10 января 1939 года (источниковедческий анализ) // Вопр. истории. 2017. № 1. С. 97–112.

³ Купцов А. Г. Миф о красном терроре. М.: Крафт+, 2008. С. 49.

бликован содержательный коллективный труд «Лубянка, 2. Очерки отечественной контрразведки»¹, основанный на архивах ЦА ФСБ. Многотомные «Очерки истории российской внешней разведки», вышедшие под редакцией академика Е. М. Примакова, стали первым опытом подобного исследования, соединившим, к сожалению, элементы научного подхода с публицистически-охранительным. Также следует учитывать, что часть приведённых имён и агентурных кличек была специально заменена вымышленными. Это информативное и полезное издание, лишённое каких-либо концептуальных прорывов, сильно подпорчено идеализацией сотрудников госбезопасности и откровенно непрофессиональными очерками о личностях, не имевших отношения к разведке, например, пресловутом П. Макарове, «адъютанте его превосходительства» белого генерал-лейтенанта В. З. Май-Маевского².

Для современных ведомственных историков характерно также внимание к публикации биографических сведений об известных чекистах. Во второй половине 1990-х годов появился специализированный ежегодник, издаваемый Обществом изучения истории отечественных спецслужб и вышедший по итогам работы всероссийской научной ежегодной конференции «Исторические чтения на Лубянке» (в последние годы издание этого труда прекращено). Много ценных работ собрано в пяти выпусках, подготовленных Обществом изучения отечественных спецслужб³. Статьи в данных сборниках обычно отличаются научностью, однако неравноценны, нередко серьёзно грешат тенденциозностью и поверхностным подходом к сложным проблемам чекистской истории, а также демонстрируют слабую общеисторическую эрудицию.

Можно сказать, что изменившиеся политические обстоятельства оказали серьёзное влияние на ведомственные работы, которые постепенно отходят от традиционных представлений и в лучших своих образцах демонстрируют объективный подход к проблемам и персоналиям ВЧК-КГБ. Среди исследователей спецслужб наиболее фундированные работы выпущены профессиональным историком, многолетним профессором Академии ФСБ В. Н. Хаустовым, который

---

¹ Лубянка, 2. Очерки отечественной контрразведки / сост. Я. Ф. Погоний, В. К. Виноградов, А. А. Зданович и др. М.: Мосгорархив, 1999. 360 с.

² См.: Очерки истории российской внешней разведки: в 6 т. Т. 2: 1917–1933 годы. М.: Международ. отношения, 1996. С. 25–36.

³ Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. Т. 1–5. М.: Кучково поле, 2006–2008.

интенсивно публикует как ценнейшие архивные материалы, так и серьезные труды, преимущественно о деятельности чекистов 30-х годов. И если первые книги этого исследователя носили закрытый характер¹, то в XXI в. значительная часть информации из них перекочевала в открытые публикации², превратив В. Н. Хаустова в одного из самых авторитетных и признанных историческим сообществом исследователей ВЧК-НКВД. На основе документов ЦА ФСБ автором проанализированы основные направления разведывательной, контрразведывательной и репрессивной деятельности ОГПУ-НКВД 30-х годов, сделан вывод о том, что в этот период обеспечение функций политической полиции занимало в деятельности ОГПУ-НКВД ведущее место, а разведывательно-контрразведывательные и прочие мероприятия по обеспечению собственно госбезопасности — второстепенное³.

В совместной монографии В. Хаустова и Л. Самуэльсона «Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг.», базирующейся на значительном массиве документов из ЦА ФСБ и Архива Президента РФ, государственный террор объясняется уверенностью сталинской верхушки в необходимости удара по «пятой колонне» в обстановке угрозы войны и провала пятилетних планов. В книге обстоятельно реконструирована технология сталинского контроля над карательными органами, приведены подробные сведения об инициированных диктатором репрессиях в отношении видных партийно-государ-

---

¹ Хаустов В. Н. Политическая и оперативная обстановка в стране и задачи органов государственной безопасности (1926–1941 гг.). М., 1990; Он же. Деятельность органов государственной безопасности НКВД СССР в предвоенные годы (1934–1941 гг.). М., 1997.

² Хаустов В., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг.; Хаустов В. Н. Развитие советской спецслужбы. 1917–1941 гг. // Историч. чтения на Лубянке. 1997 год. Российские спецслужбы: история и современность. М.: Великий Новгород, 1999. С. 37–44; Он же. Развитие советских органов государственной безопасности: 1917–1953 гг. // Cahiers du Monde Russe 42/2-3-4 Avril-decembre 2001. Paris, 2002. С. 357–373; Он же. Народный протест против сталинской внутренней политики (1934–1936 гг.) // Историч. наука и образование на рубеже веков / авт.-сост. А. А. Данилов. М.: Собрание, 2004. С. 424–432; Он же. Иностранцы и советские граждане иностранного происхождения — потенциальные «агенты буржуазных разведок» // Историч. чтения на Лубянке, 1997–2007. М.: Кучково поле, 2008. С. 219–227; Он же. Менталитет сотрудников органов государственной безопасности НКВД СССР в период массовых репрессий // История сталинизма: Жизнь в терроре. Социальные аспекты репрессий: мат-лы междунаrod. науч. конф. (С.-Петербург, 18–20 октября 2012 г.). М.: РОССПЭН, 2013. С. 428–434.

³ Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. Январь 1922 — декабрь 1936. М.: МФД; Материк, 2003. С. 9.

ственных деятелей, в том числе самих чекистов. Важным представляется утверждение, что «до конца 1940 г. сопредельные с СССР государства не предпринимали мер по массовой заброске агентуры в нашу страну нелегальным путём». Авторы также критикуют распространённый тезис о том, что значительная часть сотрудников НКВД выражала несогласие с политикой репрессий и была арестована именно по этой причине¹.

Менее объективными рядом с трудами В. Н. Хаустова выглядят работы известных историков А. А. Здановича и О. В. Шинина². Эти авторы провели крупные исследования на уникальной источниковой базе, но отдали дань устаревшим представлениям, а в чём-то их и развили (прежде всего Зданович). Исследование А. А. Здановича о деятельности особых отделов в 1921–1934 гг.³ отличается основательностью и предлагает для размышлений ценный массив информации из поныне закрытых чекистских архивов об основных направлениях работы военной контрразведки. В то же время концепция книги базируется на традиционной точке зрения об органах ВЧК-НКВД как послушном инструменте политического руководства, на повторении старых клише, к примеру, о якобы существовавшем «Всесоюзном троцкистском центре» и др. Автор солидарен с чекистами, которые уверяли политическое руководство в том, что в конце 1920-х годов Великобритания финансировала подготовку Польшей «организации восстания на Украине»⁴. Вместе с тем следует согласиться с автором, когда, критикуя традиционное мнение своего коллеги А. М. Плеханова о кадровой политике ВЧК-ОГПУ, он чётко заявляет, что все официальные высокие требования к морально-по-

---

¹ Хаустов В., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии... С. 34, 236–237.

² Зданович А. А. Отечественная контрразведка (1914–1920): Организационное строительство. М.: Крафт+, 2004. 240 с.; Шинин О. В. Борьба органов государственной безопасности с контрабандой на Дальнем Востоке в 1920–1930-х годах // Пограничная безопасность Российской Федерации: сущность, состояние и пути ее обеспечения: мат-лы научно-практ. конф. (25 апреля 2007 г.). Хабаровск, 2007. С. 255–263; Он же. Деятельность дальневосточных органов государственной безопасности по добычанию информации о политическом, военном и экономическом положении приграничных государств в межвоенные годы (1922–1941) // Историч. чтения на Лубянке: 1997–2007. М.: Кучково поле, 2008. С. 228–241; Он же. Организация разведывательной деятельности органами государственной безопасности на Дальнем Востоке в 1922–1941 гг. // Военно-ист. журн. 2012. № 10. С. 53–59 и др.

³ Зданович А. А. Органы государственной безопасности и Красная армия: Деятельность органов ВЧК-ОГПУ по обеспечению безопасности РККА (1921–1934). М.: Икс-Истори; Кучково поле, 2008. 800 с.

⁴ Там же. С. 385–386.

литическим и профессиональным качествам сотрудников госбезопасности на деле были далеки от реальности. Правда, Зданович не приводит статистики правонарушений в ОГПУ и ограничивается аккуратным тезисом о том, что «холодное, бездушное отношение к людям» возникало только у некоторых чекистов. Данная книга (как и другие книги автора) также изобилует ошибками, искажениями фамилий и инициалов.

Излишнее доверие к документам госбезопасности сказалось и на других работах Здановича. Так, преувеличение опасности польской разведки видно в новейшей книге автора на эту тему, основанной на широкой источниковой базе, но выдающей приверженность автора советской мифологии: вере в военную опасность для СССР в период так называемой «тревоги» 1927 г., убеждённости в том, что Польша планировала (с опорой на Францию) военную агрессию против Москвы, а в 1938 г. в ряде регионов СССР действовало диверсионное подполье, направляемое странами Запада¹. Критикуя современную историографию репрессий, Зданович необоснованно упрекает ряд авторов за мнение об изначальном недоверии ВЧК-НКВД к кадрам РККА, что во многом предопределяло постоянные аресты и расстрелы военных специалистов. Не соглашаясь с точкой зрения о крайней губительности репрессий для отраслей советского ВПК, Зданович пытается указывать на «сложность зарождения и становления конструкторских коллективов, отсталость советских технологий того времени, жёсткие лимиты бюджетных средств»², хотя политика постоянных репрессий как раз и вносила колоссальный разлад в деятельность конструкторов военной техники, консервировала технологическую отсталость, преследуя и уничтожая талантливейших учёных, разрушая их коллективы активной провокационной агентурной работой, мешая научным контактам и получению необходимой литературы из-за рубежа³.

В одной из работ Здановича налицо попытка обелить активного организатора репрессий в РККА капитана ГБ Б. В. Рогачёва, который якобы «наотрез отказавшись подписывать сфальсифицированные материалы на высокопоставленных командиров Военно-воздушных

---

¹ Зданович А. А. Польский крест советской контрразведки. Польская линия в работе ВЧК-НКВД. 1918–1938. М.: Крафт+, 2017. С. 146, 152, 396–400.

² Зданович А. А. Органы государственной безопасности и Красная армия... С. 33.

³ При этом мы далеки от игнорирования подчас огромной роли органов ГПУ-НКВД в масштабной краже новейших научных и военно-технологических секретов развитых стран, позволившей организовать в СССР целые отрасли промышленности.

Сил... был обвинён в пособничестве “врагам народа” и ...больше его никто не видел»¹. На деле Рогачёв был расстрелян в 1939 г. именно за репрессии, в связи с чем не реабилитирован. Такой фокус с финалом карьеры организатора террора понадобился автору для того, чтобы никто не подумал, что геройская лётчица М. М. Раскова, зачисленная в штат Особого отдела ГУГБ НКВД СССР в начале 1937 г. и подчинявшаяся Рогачёву, могла иметь отношение к репрессиям. В другой работе Зданович подробно описывает провокационную деятельность Иностранного отдела ОГПУ, но при этом заявляет, что провокации на самом деле не было².

Для О. В. Шинина характерно внимание к разведывательно-контрразведывательной деятельности советских спецслужб на востоке страны. Положительным следствием основательных разработок учёным острых проблем истории ГПУ-НКВД является легализация части материала его закрытой докторской диссертации³ в ряде статей. К сожалению, новейшее крупноформатное исследование, выполненное им в соавторстве со знатоком кадровой истории органов безопасности А. М. Буюковым⁴, не содержит отсылок к ЦА ФСБ. Всё же данная книга не только даёт архивные сведения о противостоянии советской и японской разведок, но и раскрывает основные направления деятельности ГПУ-НКВД в регионе, включая реализацию репрессивных усилий государства. В своих трудах Шинин не скрывает насильственных приёмов вербовок агентуры и организации органами ГПУ-НКВД многочисленных диверсионно-террористических операций в соседних странах. Однако он также оказался подвержен воздействию оценок некоторых чекистских документов и считает, например, реальностью массированную заброску из Маньчжурии в СССР в начале 1930-х годов агентов, якобы подготовленных в японских разведшколах Харбина под видом легального выпуска специалистов по автотракторному делу⁵.

---

¹ Зданович А. А. Интриги разведки. М.: Олма ПРЕСС, 2005. С. 296.

² Он же. «Синдикат-4». ОГПУ против монархистов-кирилловцев // Родина. 2007. № 12. С. 32–39.

³ Шинин О. В. Деятельность органов государственной безопасности в межвоенные годы 1922–1941 гг.: на материалах Дальневосточного региона СССР: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2007.

⁴ Буюков А., Шинин О. Деятельность органов безопасности на Дальнем Востоке в 1922–1941 годах. М.: Кучково поле, 2013. 431 с.

⁵ Шинин О. В. Проведение органами ГПУ-НКВД активных мероприятий в 1922–1941 гг. (на материалах Дальневосточного региона) // Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. М.: Кучково поле, 2006. Т. 2. 2006. С. 151–166.

В целом большинство авторов, близких к силовым структурам, предлагают архаичные концепции деятельности спецслужб, серьёзно уступая хорошим знатокам архивов Здановичу и Шинину. Тенденциозность, поверхностность, грубые ошибки, а также искажения действительности вплоть до откровенно ложных утверждений отличают многочисленные книги и статьи современных чекистов. Общей особенностью данных публикаций является обильное цитирование документов и статистики внутреннего делопроизводства органов госбезопасности, что обусловлено практически монопольным доступом их авторов к документам Центрального архива ФСБ и региональных архивов ФСБ. Именно введение в научный оборот в цитатах или изложении большого массива неизвестных ранее уникальных источников является основной их заслугой. Однако доверие к языку советских документов, от которого всё более основательно избавляются гражданские историки, у исследователей от спецслужб остаётся зачастую непоколебимым.

Так, сильное преувеличение значения польского шпионажа в эпоху Гражданской войны вносит искажение в историю советско-польского военного противостояния¹. Для других историков деятельность знаменитой Американской администрации помощи голодающим (АРА), кормившей в начале 1920-х годов около 10 миллионов россиян, представляется прежде всего «крышей» для разветвлённой разведывательной и подрывной деятельности разведки США² (характерно, что сам Дзержинский, получив от своего заместителя И. С. Уншлихта аналитический обзор о деятельности АРА, указал ему в августе 1922 г., что в нём «слишком преувеличивается шпионская роль АРА»³).

Вышедшие в 2003 г. книги работника ФСБ В. И. Михеева⁴, построенные на документах ФСБ, дают читателям ту же картину собы-

---

¹ Сафонов В. Н. Неизвестная тайная война, или Особый отдел ВЧК против 2-го отдела Генштаба Польши // Историч. чтения на Лубянке. 1998 г. Российские спецслужбы на переломе эпох: конец XIX в. — 1922 г. М.: Великий Новгород, 1999. С. 128–135.

² Макаров В., Христофоров В. Гангстеры и филантропы: АРА под зорким наблюдением чекистов // Родина. 2006. № 8. С. 79–85; Иванова Е. Филантропы больше, чем гангстеры // Родина. 2008. № 9. С. 72–76.

³ Плеханов А. М. Ф. Э. Дзержинский в борьбе с голодом // Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. Т. 4. М.: Кучково поле, 2008. С. 67–68.

⁴ Михеев В. И. Основные направления деятельности органов ГПУ-ОГПУ Центрального Черноземья в 1922–1934 гг. М.: Спутник+, 2003. 236 с.; Он же. Деятельность органов безопасности по противодействию бандитизму и повстанческим проявлениям в Центральном Черноземье в 1922–1934 годах. М.: Спутник+, 2003. 245 с.

тий, которая предназначалась чекистскому руководству 1920–1930-х годов, и демонстрируют повсеместные организации крестьянского повстанчества, неустанно ликвидируемые чекистами: «В сентябре 1930 г. оперативной группой ОГПУ была пресечена деятельность крупной эсеровской повстанческой организации. <...> Всего на протяжении 1933 г. <...> была пресечена деятельность... 2 543 повстанчески настроенных лиц, которые намеревались добыть оружие и боеприпасы в ходе нападений на оружейные склады и воинские части, совершить террористические акты в отношении представителей сельского, советского и партийного актива. <...> Объективной оперативной необходимостью было пресечение деятельности различных повстанческих организаций и группировок, возглавлявшихся бывшими офицерами, полицейскими, жандармами, помещиками, лицами, склонными к террористической и экстремистской деятельности». Правда, следует отметить, что в последних своих работах В. И. Михеев занимает более объективную позицию по отношению к документам ОГПУ, уже закавычивая тенденциозные термины вроде «кулак», «контрреволюционная организация», «повстанческая группировка» и приводя ценные фактические данные о чекистских репрессиях против сельского населения в эпоху «великого перелома»¹.

Но самые плодовитые авторы, связанные со спецслужбами, среди которых выделяются О. Б. Мозохин и А. М. Плеханов, настолько сильно уверовали в когда-то усвоенные догмы и обладают столь слабой исторической подготовкой, что их книги, очень богатые недоступным остальным исследователям архивным материалом, до сих пор предлагают насквозь архаичные концепции, а также насыщены грубыми ошибками и неточностями. Мозохин на материалах архивов Президента РФ и Центрального архива ФСБ в одной из книг провёл исследование чекистской деятельности в сфере экономики в 1920-х — начале 1930-х годов, рассмотрев борьбу с коррупцией, контрабандой, фальшивомонетничеством, «вредительством» и т. д.² Однако описательность и слепое доверие к документам ВЧК-ОГПУ делают аналитические выводы автора поверхностными либо неточными. Все эти достоинства (опора на малодоступные документы спецслужб) и недостатки (неумение критиковать источники и се-

---

¹ Михеев В. И. Из истории деятельности ОГПУ Центрального Черноземья в 1930 г. // Историч. чтения на Лубянке: 1997–2008. М.: Кучково поле, 2008. С. 173–187.

² Мозохин О. Б. ВЧК-ГПУ. Карающий меч диктатуры пролетариата. М.: Яуза; Эксмо, 2004. 448 с.

рьёзно анализировать их) перешли в последующие монографии Мозохина. Об уровне его исторических представлений наглядно говорит фрагмент в книге о борьбе ВЧК-КГБ с терроризмом, где среди покушений на представителей большевистской власти упомянута и расправа революционных матросов над бывшими министрами Временного правительства Шингарёвым и Кокошкиным¹. Обширное цитирование огромных массивов текста чекистских спецсообщений, лишённых научной критики, типично и для одной из последних работ автора, посвящённой контрразведывательной деятельности органов ВЧК-НКГБ на восточном направлении².

Архаичные взгляды Мозохина и небрежность в работе с источниками сильно сказались в самой известной его книге «Право на репрессии»³. В ней автор практически все ссылки даёт на архивы ФСБ и Архив Президента РФ, так что в его труде нет ни одной сноски на чью-либо публикацию, а многие архивные сноски указывают на документы, давно опубликованные другими историками. Так, весь текст на с. 215–221 представляет собой конспект давно опубликованного обширного доклада комиссии ЦК КПСС Президиуму ЦК КПСС по установлению причин массовых репрессий от 9 февраля 1956 г.⁴ Данные Мозохина по численности репрессированных существенно занижены и по 1920-м годам, и по 1933 г., и по 1937–1938 гг. Достаточно взглянуть на графу, в которой Мозохиным указаны данные о расстрелянных в 1932 г., чтобы увидеть несуразно большое количество осуждённых к высшей мере наказания (436 тыс.), и несложным подсчётом определить, что в графе «ВМН» просто суммированы все осуждённые по стране за 1932 г. Число расстрелянных следует искать в графе «ИТЛ», а заключённых в лагеря — в графе «Адм. высылка» (с. 302–307). Эти грубейшие ошибки, которые фактически лишают возможности пользоваться приведённой статистикой за весь 1932 г., обнародованы Мозохиным ещё в 2005 г.⁵, и без

---

¹ Он же. Борьба советских органов государственной безопасности с терроризмом. М.: Кучково поле, 2011. С. 12.

² Он же. Противоборство. Спецслужбы СССР и Японии (1918–1945). М.: Родина-медиа, 2012. 480 с.

³ Он же. Право на репрессии: Внесудебные полномочия органов государственной безопасности (1918–1953). Жуковский; М.: Кучково поле, 2006. 480 с.

⁴ Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы: в 3 т. Т. 1. М.: МФД, 2000. С. 317–348.

⁵ См.: Мозохин О., Гладков Т. Менжинский. Интеллигент с Лубянки. М.: Яуза; ЭКСМО, 2005. 448 с.

коррекции повторены в 2006 г. и последующих годах. Немногим лучше ситуация с карательной статистикой за 1931 г.: на с. 294–295 итоговая цифра репрессированных приведена в графе «Прочие обвинения», количество расстрелянных — в графе «Переданные», число осуждённых к заключению в ИТЛ — в графе «Всего». Официальные данные о расстрелах по СССР за 1933 г. (2 154 чел., с. 312) являются полностью дефектными по иной причине: в них изначально не были включены сведения о расстрелянных тройками в целом ряде регионов, а все приведённые данные по расстрелам в Москве и на местах полностью недостоверны, поскольку дают статистику не казнённых, а осуждённых к ВМН и затем помилованных. На деле в целом ряде полномочных представительств ОГПУ численность расстрелянных за 1933 г. превышала 1 000 чел.¹ На с. 244 автор отнёс официальную, давно известную и заниженную цифру репрессированных с 1935 по 1940 г. — 1 980 635 арестованных и 688 503 расстрелянных — к совершенно непонятному периоду (то ли к 1934–1953 гг., то ли к 1953–1954 гг.), при этом её искажил и тем занижил число арестованных на 60 тыс. чел.

Напомним, что новейшие исследования ставят под вопрос достоверность давно известной цифры расстрелянных в 1937–1938 гг. (682 тыс.), которую даёт и Мозохин, и приводят более высокие данные — от 725 до 740 тыс. чел.² Также ОГПУ вовсе не было «ширмой» (с. 57) для постановлений Политбюро по конкретным политическим делам, поскольку партийная верхушка при решении судебных арестованных основывалась прежде всего на материалах, исходящих от органов безопасности и зачастую грубо фальсифицированных либо полностью сфабрикованных. Вообще, из логики Мозохина следует, что у органов госбезопасности было законное право на широкие репрессии, «делегируемые им высшими законодательными органами государства». Он совершенно обходит стержневую роль ВЧК-КГБ в политико-идеологической системе СССР, их ведомственную заинтересованность в осуществлении репрессий и огромное влияние на все институты государства.

Все книги Мозохина непрофессиональны и доказывают его случайность пребывания на историческом поле: в них очевидны поверхностное знакомство с темой, пещерный источниковедческий

---

¹ Тепляков А. Г. Динамика государственного террора в СССР в 1933 году... С. 50–54.

² Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание: док. и мат-лы в 5 т. 1927–1939. Т. 5. Кн. 2. 1938–1939. М.: РОССПЭН, 2006. С. 568.

уровень, полное отсутствие какой-либо исторической эрудиции и исследовательского развития. Напротив, как исследователь он деградирует и последняя его работа¹ характеризуется повторением не только частично подправленных (после 11 лет публикаций и перепубликаций), но по-прежнему в ряде случаев искажённых цифр политических репрессий, но и заведомо неполных данных официальной статистики. Также в ней бросаются в глаза либо неграмотные, либо фантастически-циничные оценки: что «конец 1926 г. и начало 1927 г. — период оживления контрреволюционной деятельности правых... в связи с этим по директивам центральных органов создавались тройки для борьбы с контрреволюционерами» (с. 9); что в период коллективизации тройки, уничтожившие порядка 50 тыс. чел., «расстреливали в основном за уголовные преступления» (с. 10); что только с приходом Менжинского «вместо контрразведывательной составляющей органы государственной безопасности... переориентированы в основном на выполнение полицейских функций» (с. 326), хотя именно при Держинском была создана система политического террора и массового осуждения невинных по провокационным обвинениям в государственных преступлениях; что «политические процессы начала тридцатых годов были бескровны» (с. 327), а резолюции Сталина на документах госбезопасности обычно выглядели «совершенно логичными» (с. 330).

Программными являются просталинские выпады Мозохина, дискредитирующие процесс реабилитации и тех историков, кто занимается изучением эпохи террора: «Тема репрессий в СССР сильно и незаслуженно раздута. Ни в одной стране мира эти темы так обстоятельно не обсуждаются, хотя жертв беззаконий там было не меньше. <...> Горбачёвский указ 1989 г. и ельцинский закон 1991 г. о реабилитации жертв политических репрессий привели к тому, что сотрудники государственной безопасности совместно с Прокуратурой стали “скопом реабилитировать” как невинно пострадавших, так и преступников, навешивая на них ярлык “необоснованно репрессированных”. В настоящий момент уже невозможно разобраться, кто реабилитирован справедливо, а кто нет. Статистика о количестве реабилитированных отражает факт реабилитации, но не её законность...

---

¹ Мозохин О. Б. Статистические сведения о деятельности органов ВЧК–ОГПУ–НКВД–МГБ (1918–1953 гг.). М.: Алгоритм, 2016. 448 с.

В настоящее время существует явный негативный переко́с в изложении истории советского периода России. Указ Президента Российской Федерации № 658 от 23 июня 1992 г. “О снятии ограничительных грифов с законодательных и иных актов, служивших основанием для массовых репрессий и посягательств на права человека” способствовал вводу в оборот огромной массы документов по этой проблеме. Большая группа российских и зарубежных исследователей на гранты зарубежных фондов бросилась разрабатывать эту тему. На деньги “американских и европейских друзей” всё это было тут же опубликовано. Совершенно очевидно, преследовалась цель дискредитации идей социализма, создания негативного имиджа России¹.

Крайние охранительные позиции занимает целый ряд прочих авторов — выходцев из силовых структур. Среди них наиболее заметен К. В. Скоркин, в последние годы выпустивший серию крупных работ, целиком соответствующих советской парадигме. При этом книги Скоркина насыщены ценным, хотя и слабо структурированным архивным материалом, который нередко противоречит ортодоксально-коммунистическим выводам автора. Весьма серьёзно выглядит вклад Скоркина в изучение системы НКВД первых лет советской власти². Автор впервые в научной литературе рассматривает подробную структуру центрального аппарата НКВД, его деятельность, приводит биографии всех руководителей самостоятельных подразделений; при этом много сведений (не всегда точных) даётся о работе ВЧК-ГПУ.

Многие авторские положения вызывают несогласие. Упомянув массовые расстрелы особыми отделами ВЧК в 1919 г., Скоркин категорически отрицает наличие тысяч «невинных жертв» чекистов в период Гражданской войны. Не было, по его мнению, и повального мародёрства, а только «отдельные случаи» присвоения чекистами реквизированного и конфискованного имущества³. Автор уверен, что казнённые заложники не являются жертвами политического террора, а само заложничество — это «технологическое и очень эффективное средство борьбы с вооружённой контрреволюцией»⁴. Скор-

---

¹ Мозохин О. Б. Статистические сведения о деятельности органов ВЧК–ОГПУ–НКВД–МГБ (1918–1953 гг.)... С. 330–331.

² Скоркин К. В. На страже завоеваний революции. История НКВД–ВЧК–ГПУ РСФСР. М.: ВивидАрт, 2010. 1214 с.; Он же. МВД России. Люди, структура, деятельность. Т. 2. НКВД РСФСР 1917–1923. М., 2008. 800 с.

³ Скоркин К. В. МВД России. Люди, структура, деятельность. Т. 2... С. 842–845, 848, 849, 820, 821, 813.

⁴ Там же. С. 829–830.

кин заявляет, что руководство ВЧК в центре и на местах «решительно и безжалостно избавлялось от сотрудников, совершивших должностные преступления и злоупотребления», а цензура в начале 20-х годов «не носила идеологического характера». О высланных в 1922 г. интеллигентах дается забавное пояснение: они отторгали советскую власть, поскольку «[прежде] жили в хороших квартирах, в комфорте и тепле, получали большую заработную плату, отменно питались, их обслуживала прислуга». Зато действия ГПУ полностью одобряются: «Отбор кандидатов на высылку за границу чекисты провели вполне профессионально и на очень конкретных документальных основаниях»¹ (это при том, что Н. А. Бердяева «профессионалы» охарактеризовали как черносотенца! — А. Т.).

В начале 1920-х годов милиция, по Скоркину, обеспечивала «надёжную охрану правопорядка и законности в стране», а чекисты, «проводя в стране вынужденные меры репрессии и принуждения... не выродились в орудие смерти, террора и произвола», сохранили «чистые руки», которые «...умели стрелять, рубить, колоть, строить, ласкать и любить. Только вот “брать” они не умели». Основной тезис автора чётко свидетельствует о его идеологических предпочтениях: «Советская власть оказалась способной быстро и эффективно думать, находить смелые и оригинальные решения возникающих проблем, а главное — оставаться честной и ответственной перед своим народом»². В монографии о судьбах троцкистской оппозиции Скоркин пытается реабилитировать беспощадного многолетнего чекистского и партийного диктатора Азербайджана М.-Д. Багирова как якобы защитника общесоюзных интересов от националистической республиканской номенклатуры. Там же автор одобрительно высказывается и об идее создания трудовых армий Л. Д. Троцкого, именуя её «блестящей», и о раскрестьянивании («руководство СССР к весне 1932 г. добилось коренного перелома в политике коллективизации, завершило раскулачивание и высылку всех антисоветски настроенных элементов»), и о паспортной системе, позволившей «существенно разгрузить города от избыточного населения и удалить из них антисоветски настроенный элемент»³. Книги Скоркина вызывают удивление не только обилием грубейших фактических ошибок и

---

¹ Скоркин К. В. МВД России. Люди, структура, деятельность... С. 405–406, 410, 492, 506.

² Там же. С. 520, 565, 456.

³ Скоркин К. В. Обречены проиграть. Власть и оппозиция, 1922–1934. М.: ВивидАрт, 2011. С. 377, 442, 854, 500, 766.

опечаток, но и повсеместным наличием сниженной лексики, анекдотов и даже ругательств.

Работавший с документами ГА РФ М. Ю. Моруков, рассматривая период 1929–1945 гг., подчеркнул роль ОГПУ-НКВД в создании военно-промышленного комплекса, заявив, что в системе ГУЛАГа была создана высокоэффективная хозяйственная система, ставшая основой для прорыва советской науки и индустрии к новейшим высокотехнологичным разработкам и открытиям¹. Апологетическими высказываниями относительно значения ГУЛАГа в советской истории было наполнено и обширное интервью отца и сына Моруковых². В трудах В. Малеваного, обладателя премии «Золотое перо ФСБ России», апологетика чекистов сталинского периода достигает такого накала, что он обвиняет Троцкого в шпионаже, отравлении Фрунзе и Дзержинского, а Бухарина — в отравлении Менжинского; при этом уверяет, что «за ОГПУ осталась слава высокопрофессиональной, порядочной и чистоплотной спецслужбы, достойной самых добрых слов»³. Многие книги ведомственных историков малосодержательны и повторяют давно известные факты⁴. А не раз переиздававшиеся работы Л. А. Наумова поверхностны, содержат архивные шифры, взятые из давно известных документальных сборников, и предлагают выводы, прямо восходящие к чекистским версиям 30-х годов о заговоре Ежова против Сталина и т. д.⁵

До сих пор иные авторы пишут, что при Ленине и Сталине правоохранительные учреждения характеризовались исключительными порядочностью и бескорыстием своих сотрудников, а в случаях выявления компрометирующих фактов «виновные в коррупции и взятках по суду, приговаривались ... к суровым наказаниям, вплоть до расстрела, несмотря на чины, занимаемые должности и прошлые

---

¹ Моруков М. Ю. Правда ГУЛАГа из круга первого. М.: Алгоритм, 2006. 192 с.

² Моруков Ю., Моруков М. О Гулаге без вымыслов // Правда. 2011. 17 окт.

³ Малеваный В., Малеваный А. Секреты ОГПУ и его председателя В. Р. Менжинского: документально-ист. роман. М.: Граница, 2005. 447 с.; Генерал госбезопасности Валерий Малеваный: «Компартию США создавала моя бабушка» [Электронный ресурс]. URL: <http://portal-kultura.ru/articles/history/12113-general-gosbezopasnosti-valeriy-malevanyy-kompartiyu-ssha-sozdavala-moya-babushka/>

⁴ Коровин В. В. История отечественных органов безопасности: учеб. пособие. М.: НОРМА; ИНФРА-М, 1998. 256 с.; Линдер И. Б., Чуркин С. А. Спецслужбы России за 1000 лет. М.: Рипол Классик, 2008. 784 с.; Сойма В. М. Запрещенный Сталин. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. 475 с.; Велидов А. С. К истории ВЧК-ОГПУ. Без вымысла и купюр. СПб.: Алетейя, 2011. 472 с.

⁵ Наумов Л. А. Сталин и НКВД. М.: Яуза; ЭКСМО, 2007. 544 с.

заслуги»¹. Однако лица, имевшие надёжные связи в верхах, могли работать и продвигаться в репрессивно-охранительных структурах, несмотря на крупные преступления. Ленин очень высоко оценивал деятельность беспощадных М. И. Лациса и В. Н. Манцева, хотя имел информацию о колоссальных размерах ведомственной преступности в органах ВЧК на Украине и в Крыму. Дзержинский продвигал в органы ВЧК-ОГПУ скомпрометированных коррупцией и моральным разложением председателя Казанской губЧК К. М. Карлсона и полпреда ВЧК по Юго-Востоку России Г. А. Трушина. А. И. Микоян, Г. К. Орджоникидзе и С. М. Киров защищали Л. П. Берию, Сталин покровительствовал криминальным М.-Д. Багирову и своему свояку С. Ф. Реденсу. Секретарь ЦК РКП(б) Н. Н. Крестинский избавил от наказания за массовые казни заложников в казахстанском Павлодаре председателя местного ревкома Т. Д. Дерибаса и дал ему возможность (после приговора к расстрелу!) освободиться, восстановиться в партии и занять видную должность в аппарате ВЧК². Подобных эпизодов было очень много, и они являли собой привычную на десятилетия систему взаимоотношений партийной власти и персонала «внутренней партии».

Пожалуй, ещё более интенсивно, чем в советское время, в текущем столетии выходят работы об истории и кадрах региональных органов ФСБ³. Отрадно и появление заметного числа информацион-

---

¹ Матюшенко Е. Н. Организационно-правовые основы борьбы милиции РСФСР с преступлениями в сфере экономики в период НЭПа: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 7.

² Абрамовский А. А. Троицк–Москва–Дальний Восток. Трагический путь чекиста Дерибаса. Челябинск: Центр анализа и прогнозирования, 2007. 176 с.; Тепляков А. Г. «Непроницаемые недра»: ВЧК-ОГПУ в Сибири. 1918–1929 гг. М.: АИРО-XXI, 2007. С. 159–161.

³ На южном форпосте России. Из истории Управления ФСБ РФ по Астраханской области. 1918–2000 гг. Документы. Материалы. Воспоминания. Волгоград: Станица-2, 2000. 321 с.; Вепрев О. В., Лютов В. В. Государственная безопасность: три века на Южном Урале. Челябинск: Южно-Урал. кн. изд-во, 2002. 448 с.; Соловьёв А. В. Тревожные будни забайкальской контрразведки. М.: Русь, 2002. 544 с.; Управление Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Свердловской области (1918–2003). Екатеринбург: У-Фактория, 2003. 204 с.; Безопасность Родины — выбор, долг, призвание: из истории органов ВЧК–ФСБ по Кабардино-Балкарии. Нальчик: Полиграфсервис, 2003. 128 с.; Служение Отечеству. Воспоминания, статьи, документы 1917–2005 гг.: в 2 кн. / сост. В. В. Онищенко. Кн. 1: 1917–1945. Кемерово, 2003; Осипов А. В., Харламов В. А. Органы государственной безопасности в Нижегородской области. Страницы истории: в 2 т. Т. 2. История нижегородских органов безопасности: 1917–2006 гг. Н. Новгород, 2007. 380 с. и др.

но насыщенных сборников по истории МВД-ГУИН¹. Однако нередко почти всё, что выходит за пределы фактической информации, выглядит в этих трудах не самым убедительным образом. Выдержки из документов и воспоминаний в многочисленных юбилейных сборниках региональных управлений ФСБ и МВД являются единственным достоинством данных томов. Идеология и лексика этих красиво оформленных подарочных изданий обычно остаётся абсолютно советской, и в сталинских традициях порой ставится знак равенства между намерением и действием. Скажем, о крупном сталинском чекисте Б. А. Баке в 2009 г. пишется так: «Около десятка лет в Самаре он разоблачал вредителей, кулаков-террористов, замышлявших или совершивших свои злодеяния»².

Чекисты периода ВЧК-КГБ по-прежнему остаются для их наследников преимущественно рыцарями без страха и упрёка. Например, в книге о владимирских чекистах приводится восторженный очерк о видном палаче К. Я. Крумине (в Сибири он с помощью пыток сфабриковал целый ряд крупных политических дел и даже лечился от нервного расстройства, связанного с личным активным участием в расстрелах). Составители также не погнушались включить в сборник и бредово выглядящую статью о «бактериологических диверсиях» 30-х годов, обвиняющую известных врачей региона в самых страшных преступлениях: «Диверсанты со своими смертельно опасными вирусами гастролировали в Коврове, Шуе, Александрове и Кинешме, оставляя после себя мор и болезни»³. Даже проводники сталинского террора прямо превозносятся как герои-патриоты. Так, чекист В. В. Кочетков в 1937–1938 гг. занимал пост начальника дорожно-транспортных отделов ГУГБ НКВД Восточно-Сибирской и Орджоникидзевской железных дорог, в 1940 г. был осужден на пять лет заключения за нарушения законности, а затем амнистирован и участвовал в боевых действиях в немецком тылу⁴. В не так давно вышедшей книге Т. К. Гладкова о кровавом прошлом Кочеткова нет ни

---

¹ Главное управление внутренних дел Кемеровской области. 1917–2002 гг.: страницы истории / авт.-сост. А. А. Лопатин. Кемерово: Кемеров. кн. изд-во, 2002. 376 с.; Марченко С. Г. Страницы истории уголовно-исполнительной системы Кемеровской области. Кемерово, 2009. 263 с.

² Громов А. В., Хорошавин В. А., Хумарьян С. Г. Самарский щит: Очерки, посвященные 90-летию Управления ФСБ по Самарской области. Самара, 2008. С. 83.

³ На страже безопасности отечества: воспоминания, статьи, документальные материалы. УФСБ по Владимирской области / сост. О. В. Шошина. Владимир, 2007. С. 28–38, 112–114.

⁴ РГАНИ. Ф. 6. Оп. 2. Д. 822. Л. 47.

слова; напротив, о нем сказано как о невинной жертве произвола одной-единственной реабилитирующей фразой: «В период массовых репрессий Кочетков был осуждён к длительному сроку лишения свободы». Аналогичная апологетика содержится в биографии Кочеткова, опубликованной другим современным публицистом¹.

Откровенной лакировкой отмечены многочисленные сочинения об известных советских разведчиках и контрразведчиках. Книги Т. К. Гладкова сообщают преимущественно положительные факты о чрезвычайно неоднозначных чекистских начальниках и их агентах — А. Х. Артузове, А. М. Короткове, Д. Н. Медведеве, Н. И. Кузнецове и др. Искажение истории заметно и в одной из последних книг Гладкова — «Наш человек в Нью-Йорке», посвящённой резиденту ОГПУ-НКВД Я. Голосу. Упоминая о таинственном исчезновении в 1937 г. одной из руководительниц компартии США Джулиет Пойнтц, которая после секретного обучения на курсах Разведупра РККА перешла на нелегальное положение, стала вербовщицей агентуры среди американок, а потом разочаровалась в коммунизме, Гладков возражает против версий о её убийстве советскими «органами», уверяя, что «так называемых литературных устраниений за границей люди ОГПУ/НКВД осуществили не так уж много». И даёт короткий перечень всего семи ликвидированных врагов СССР², в который не попали ни С. Петлюра, ни испанский анархист А. Нин, ни журналист М. Рейн, ни эмиссары Троцкого в Испании Г. Фройнд, Э. Вольф и К. Ландау, ни руководитель РОВСа Е. К. Миллер (похищен), ни лидер ОУН Е. Коновалец, ни немецкий коммунист В. Мюнценберг, ни актёр-коллорационист В. Блюменталь-Тамарин... Между тем данные советской резидентуры в США говорят о ликвидации в середине 30-х годов целого ряда агентов — А-214, «Либерала», «Грина»³.

Резко деградировал В. М. Чиков, когда-то написавший ценную книгу о советских разведчиках в Великобритании⁴, а в последней работе о легендарном нелегале в Латинской Америке И. Р. Григулевиче опустившийся до пассажиров о мировом сионистском заговоре⁵.

---

¹ Гладков Т. Медведев — супердиверсант Судоплатова. М.: Яуза: ЭКСМО, 2005. С. 271; Игнашов А. Чекист // Самар. судьбы. 2009. № 1. С. 32–39.

² Гладков Т. К. Наш человек в Нью-Йорке. Судьба резидента. М., 2007. С. 168.

³ См.: Haynes J. E., Klehr H., Vassiliev A. Spies: The Rise and Fall of the KGB in America. New Haven & London. Yale University Press. 2009.

⁴ Чиков В. М. Нелегалы. Ч. 1, 2. М.: АСТ, 1997.

⁵ Он же. Суперагент Сталина: тринадцать жизней разведчика. М.: Вече, 2006. 384 с.

Среди новейших работ о разведке преобладают компилятивные труды на базе информации, рассекреченной ещё в 1990-х годах, так что в этой области исследований в последние полтора десятилетия наблюдается определённый застой. Можно назвать только несколько информативных книг недавних лет на данную тему: дополненное капитальное исследование о советской разведке и её агентах в США; работу об участии НКВД в испанской войне; построенную на использовании ценных чекистских материалов биографию эмигранта И. Л. Солоневича (опровергающую известную версию о его вербовке органами ОГПУ-НКВД); историю крупнейших операций германских, польских и советских спецслужб в 1920–1930-е годы в Кёнигсберге, Данциге, Берлине, Гааге и других европейских городах (с приложением краткого биографического справочника на разведчиков (с. 345–368) из 145 имен, среди которых более 30 — жертвы советских политических репрессий)¹.

Сильной стороной историков ФСБ-МВД является разработка исследовательских направлений применительно к институциональной истории своих ведомств, они монополисты в разработке ряда проблем оперативной работы чекистов. Весьма активно идёт выявление конструктивной деятельности (борьба с экономическими преступлениями, бандитизмом, разведка и контрразведка, информирование властей) чекистских органов Дальнего Востока, обусловленное как наличием заметного числа исследователей, так и доступностью многочисленных документов по истории органов безопасности региона в открытых архивах². Благодаря трудам А. А. Здановича, В. И. Михеева и других исследователей чётко обозначилась роль ма-

---

¹ Позняков В. В. Советская разведка в Америке. 1919–1941. М.: Международ. отношения, 2016. 524 с.; Старков Б. А., Рац С. В. и др. Спецоперации НКВД СССР в Испании, 1936–1939. СПб., 2015. 179 с.; Сапожников К. Солоневич. М.: Молод, гвардия, 2014. 480 с.; Черенин О. Очерки агентурной борьбы: Кёнигсберг, Данциг, Берлин, Варшава, Париж. 1920–1930-е годы. Калининград: Живем, 2014. 373 с.

² Буюков А., Полутов А. Честь и верность. 70 лет военной контрразведке Тихоокеанского флота. Владивосток: Рус. остров, 2002. 584 с.; Николаев С. «Маки-мираж». Из истории отечественных спецслужб. Хабаровск, 2000. 237 с.; Органы государственной безопасности Приморья: взгляд в прошлое во имя будущего: мат-лы научно-практ. конф. (Владивосток, 3–4 февраля 2003 г.) / Упр. ФСБ России по Приморскому краю, Дальневост. гос. ун-т, РГИА Дальнего Востока. Владивосток: Изд-во Дальневост. унта, 2003. 174 с.; Попенко А. В. Опыт борьбы с контрабандой на Дальнем Востоке России (1884 — конец 20-х гг. XX в.). Хабаровск, 2009; Аурилене Е. Е., Цыбин А. Ю. Меч пролетарской диктатуры: Дальневосточные органы ГПУ-ОГПУ в борьбе за экономическую безопасность СССР. Хабаровск: Частная коллекция, 2010. 173 с.; Егоров Н. А. Дальневосточный отдел диверсионно-террористической организации «Братство Русской Правды» // Проблемы Дальнего Востока. 2009. № 4. С. 136–141.

териалов агентурных разработок в общем потоке вводимых в оборот документов спецслужб. Но заметно, что репрессивные аспекты деятельности «органов» историкам ФСБ-МВД куда менее интересны. Таким образом, особое положение силовых структур в современной системе власти распространяется и на толкование их собственной истории. Данное обстоятельство выпячивает роль ведомственных историков, имеющих приоритетное право доступа к архивным документам и выступающих обычно с работами прямо апологетического характера либо приукрашивающими действительность. Слабая квалификация большинства исследователей из ФСБ-МВД и недоступность даже для них многих важных архивных документов приводят как к случайности публикуемых материалов, так и к искажению текстов, оставлению их без реального комментария. Основная часть этих исследователей пишет о функционировании системы органов госбезопасности с абстрактно-институциональных позиций, рассматривая большевистскую политику и применявшиеся методы подавления как данность, обусловленную ситуацией «непростого» и «противоречивого» времени, а работников «органов» — как обычных функционеров военизированной структуры, обязанных выполнять любые приказы начальников и не несущих особой ответственности за наступавшие тяжёлые последствия. Деятельность органов госбезопасности фетишизируется, клишированные представления о международном враждебном окружении и опасности внутренних несогласных сохраняются в полной силе и определяют ориентацию на положительное восприятие деятельности ВЧК-КГБ как системы, во все времена занимавшейся защитой населения от реальных грозных опасностей.

Последние два десятилетия стали временем глубоких публикаций отечественных историков о проводимом чекистами государственным терроре 1920–1930-х годов, прояснивших очень многое в изучении его причин, масштабов, механизмов, видов репрессий и категорий репрессированных. Определены масштабы Большого террора, названа поимённо значительная часть его жертв. Однако работа по изучению всех проявлений политических репрессий далека от завершения, особенно по периодам 20-х и 40–50-х годов; недостаточно уделяется внимания и активному участию в «чистках» со стороны той части населения, которое так или иначе поддерживало власть. Эти обстоятельства препятствуют полноте осмысления трагедий прошлого и необходимому для общества увековечению памяти жертв режима. Многие современные публика-

ции касаются изучения различных проблем функционирования самих чекистских и милицейских органов, агентурно-оперативной работы, особенностей кадрового состава, включая интерес к чекистской психологии и быту.

Анализ огромного массива литературы по террору и силовым структурам в последние годы производится целым рядом известных авторов¹, хотя порой встречаются и беспомощные, скорее, библиографические работы². В 2000 г. В. И. Голдин опубликовал монографию «Россия в Гражданской войне. Очерки новейшей историографии», в одной из глав которой был проанализирован спектр имеющихся исследований по вопросам становления и развития советских спецслужб первых лет советской эпохи³. Крупные историографические обзоры по истории ВЧК-НКВД в последние годы были предложены А. Л. Литвиным, С. В. Леоновым, Н. В. Петровым, А. Г. Тепляковым⁴ и некоторыми другими специалистами⁵. В них отмечены достижения современных историков и обозначены проблемы, требующие особенного исследовательского внимания.

---

¹ Кип Дж., Литвин А. Эпоха Иосифа Сталина в России. Современная историография. М.: РОССПЭН, 2009. 328 с.; Кропачев С. А. От лжи к покаянию: Отечественная историография о масштабах репрессий и потерях СССР в 1937–1945 годах. СПб.: Алетей, 2011. 200 с.

² Степанов М. Г. Российская историография «большого террора» в СССР (1937–1938 гг.). Абакан: Бригантина, 2008. 159 с.; Он же. Политические репрессии в СССР периода сталинской диктатуры (1928–1953 гг.): взгляд советской и постсоветской историографии. Абакан, 2009. 237 с.

³ Голдин В. И. Россия в Гражданской войне. Очерки новейшей историографии (вторая половина 1980-х — 90-е годы). Архангельск: Боргес, 2000. С. 164–176.

⁴ Петров Н. В. Некоторые тенденции в современных исследованиях по истории советских карательных органов и репрессивной политики // Україна–Росія: діалог історіографій: Матер. міжнар. наук. конф. 2002 р. / Ін-т історії України НАН України, Канад. ін-т укр. студій Альбертського ун-ту (Едмонтон), Сіверський ін-т регіон. дослідж. Київ; Чернігів, 2007. С. 181–197; Литвин А. Л. ВЧК в современной исторической литературе // Архив ВЧК: сб. документов. М.: Кучково поле, 2007. С. 51–70; Леонов С. В. История советских спецслужб 1917–1938 гг. в новейшей историографии (1991–2006) // Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. М.: Кучково поле, 2007. Т. 3. С. 11–63; Тепляков А. Эпоха репрессий: Субъекты и объекты // Между канунами. Исторические исследования в России за последние 25 лет / под ред. Г. А. Бордюгова. М.: АИРО-XXI, 2013. С. 1135–1169.

⁵ Мистрюгов П. А. Проблемы организации и деятельности органов ВЧК в новейших исследованиях отечественной историографии (1990–2000-е) // Историч. чтения на ул. Андропова, 5. История органов безопасности: мат-лы VI Международ. науч. конф., посвящ. 70-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов / науч. ред. К. Ф. Белоусов. Петрозаводск, 2016. С. 219–228.

Глава 3. *Историография деятельности ВЧК-НКВД Сибирского региона*

§ 1. Литература советского периода

Как и в стране в целом, первые исследования, где затрагивались темы чекистской работы и репрессивной политики в целом, появились в Сибири сразу после окончания Гражданской войны. Они касались преимущественно вопросов борьбы с крестьянским повстанчеством и уголовно-политическим бандитизмом. В начальный период сибирской советской историографии некоторые авторы достаточно откровенно фиксировали элементы репрессивной политики режима, указывая в первую очередь на беспощадное подавление крестьянских восстаний и борьбу с уголовно-политическим бандитизмом. Именно чекисты, организовывавшие подавление сопротивления сибиряков, были первыми историографами Гражданской войны и, в частности, повстанческого движения в Сибири: Д. Ф. Клингоф, И. П. Павлуновский, М. Д. Берман, Н. Н. Хвалебнов¹. Некоторые их сведения, а также мнения и оценки, помимо самых ортодоксальных, сохраняют своё значение и поныне. С традиционной для советской идеологии точки зрения чекистов, крестьянские восстания были кулацкими, но, например, Клингоф выделял среди причин возмущения сельского населения крайне низкие качества местных партийно-советских властей. По надуманному мнению И. П. Павлуновского, крестьянство, захваченное к началу 1921 г. «мелкобуржуазной стихией», пошло за лозунгами белогвардейцев, меньшевиков и эсеров, но было организовано лишь в военном отношении, так как чекисты смогли своевременно ликвидировать ЦК и местные организации Сибирского крестьянского союза. Завершение вооружённой борьбы в Сибири военный историк П. Померанцев отнёс к 1923 г., когда «все попытки широких антисоветских движений в Сибири, опиравшиеся на массы крестьянства и казачества, были сокрушены»².

---

¹ Клингоф [Д. Ф.] Крестьянство и кулацкие восстания // Коммунист (Иркутск). 1920. № 2–3. С. 13; Павлуновский И. Сибирский Крестьянский союз // Сиб. огни. 1922. № 2. С. 124–131; Берман М. Борьба с белыми на внутреннем фронте // Коммунист (Иркутск). 1923. № 3. С. 24–29; Хвалебнов [Н. Н.] Минувшие дни (Краткий очерк бандитского движения по Иркутской губернии за 1920–22 гг.) // Красная армия Сибири. 1923. № 3.

² Павлуновский И. Сибирский Крестьянский союз... С. 23; Померанцев П. Красная Армия Сибири на внутреннем фронте (Борьба с восстаниями в тылу за 1920–1922 гг.) // Красная Армия Сибири. 1923. № 3–4. С. 95.

В брошюре Ем. Ярославского о Мариинском деле (1922 г.) как одном из ярчайших примеров чекистско-милицейского красного бандитизма в Томской губернии давалось классовое определение этого явления, но маскировалась политическая целесообразность низового стихийного террора против «белых гадов» с точки зрения многих крупных сибирских работников. Ярославский деланно возмущался грабежами, тайными убийствами со стороны бывших красных партизан или партийцев как дискредитацией власти, объясняя террор негодованием левонастроенных партийцев на объявленную амнистию для большинства представителей колчаковского режима и скрывая в нём роль чекистов¹.

О широких репрессиях начала 1920-х годов в отношении коренного населения Ойротии со стороны внутренних войск весьма определённо было заявлено в насыщенной первоклассным архивным материалом монографии Л. П. Мамета, вышедшей в 1930 г. и тут же подвергнутой уничтожающей критике² за обвинения в адрес красных партизан и воинских частей в неразборчивом уничтожении и притеснениях ойротов, которые «пачками расстреливались». Тезис о превращении гражданской войны на Алтае в результате разгула партизанщины из классовой в национальную³ тем более вызвал яростное неприятие со стороны ортодоксов официозной историографии, надолго превративших книгу Мамета в образец «неправильной истории»⁴ (вместе с тем новосибирский историк В. И. Шишкин ещё в середине 70-х годов положительно оценил эту монографию)⁵.

В 1930-х годах в Сибири вышел ряд пропагандистских работ, доказывавших обилие врагов и необходимость их выявления и репрес-

---

¹ Ярославский Ем. О красном бандитизме (Мариинское дело). Томск, 1922.

² Звезда Алтая (Бийск). 1930. № 139; Тайшин М. Против извращения национальной политики партии // Правда. 1931. 6 апр.

³ Мамет Л. П. Ойротия: очерк национально-освободительного движения и гражданской войны на Горном Алтае. М.: Науч.-иссл. асс-ция по изучению нац. и колониальных проблем, 1930. С. 121, 123, 90–92, 97.

⁴ Из позднесоветских работ см.: Болдуев А. А. Роль ревкомов и советов Горного Алтая в ликвидации белобандитизма (1921–1922 гг.) // Из истории интервенции и гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке 1917–1922 гг. Новосибирск, 1985. С. 147.

⁵ Шишкин В. И. Советская историография 20-х — начала 30-х годов о борьбе против вооруженной контрреволюции в Сибири после разгрома Колчака // Вопр. историографии социалистического и коммунистического строительства в Сибири: сб. науч. тр. НГУ. Новосибирск, 1976. С. 44–58.

сирования¹. Научных же трудов по советскому периоду в 1930-х — первой половине 1950-х годов появилось очень немного, что было связано не только с общей неблагоприятной для историков идеологической обстановкой и недоступностью архивов, но и малочисленностью профессиональных исследователей в Сибири, где исторические факультеты пединститутов открылись только перед самой войной, а основные авторы 1920-х — середины 1930-х годов подверглись репрессиям, как, например, А. А. Ансон, В. Д. Вегман, В. Д. Виленский-Сибиряков, П. С. Парфенов, П. П. Петров, Ю. Г. Циркунов и др.

Только с 1960-х годов в Сибири стали появляться научные труды, в которых содержались минимально возможные оценки репрессивных действий со стороны власти. Обычно такие меры оправдывались исторической необходимостью как направленные на опасных врагов государства — кулаков², однако при характеристике коллективизации или эпохи 1937–1938 гг. кратко и чаще всего схематично отмечались факты нарушений законности³. Подобные указания можно также увидеть как в обобщающих трудах⁴, так и в книгах об истории региональных партийных организаций⁵.

Показательно освещение острых исторических вопросов в энциклопедической «Истории Сибири». Например, она совершенно не упоминает Западносибирский мятеж 1921 г., говоря только о борьбе «кулаков» с политикой военного коммунизма (характерно, что и авторы иных современных учебных пособий считают возможным игнорировать эту важную страницу в истории региона)⁶. Также

---

¹ Напр.: Абросенко К. П. Религия на службе контрреволюции в Сибири. Иркутск: Иркутское обл. изд-во, 1938. 72 с.

² Гуцин Н. Я. Классовая борьба и ликвидация кулачества как класса в сибирской деревне (1926–1933 гг.): курс лекций. Новосибирск, 1972. 289 с.; Степичев И. С. Из истории классовой борьбы в восточносибирской деревне в период подготовки и начала сплошной коллективизации // История советского крестьянства и колхозного строительства в СССР. М., 1963.

³ Гуцин Н. Я. Сибирская деревня на пути к социализму (Социально-экономическое развитие сибирской деревни в годы социалистической реконструкции народного хозяйства. 1926–1937 гг.). Новосибирск, 1973. 518 с.

⁴ История Сибири. Т. IV: Сибирь в период строительства социализма. Л.: Наука, 1968. 504 с.

⁵ Очерки по истории иркутской организации КПСС: в 2 ч. Иркутск, 1966; Очерки истории красноярской краевой организации КПСС. 1895–1980. Красноярск, 1982. С. 310; Очерки истории читинской областной организации КПСС. Иркутск-Чита: Восточно-Сиб. кн. изд-во, 1986, и др.

⁶ История Сибири. Т. IV. С. 177–178; Олех Л. Г. История Сибири: учеб. пособие. Новосибирск: Сиб. соглашение, 2005. 358 с.

энциклопедия приводит явную чекистскую дезинформацию о том, что омская троцкистская группа в 1927 г. намечала организовать всеобщую забастовку с последующим «захватом власти на местах в свои руки». Однако, оценивая «великий перелом» в деревне, издание сообщало некоторые данные о широком размахе террора: с 1 февраля по 10 марта 1930 г. «органы советской власти» (эвфемизм для ОГПУ! — А. Т.) вскрыли и ликвидировали 19 повстанческих контрреволюционных организаций и 465 кулацких антисоветских группировок, в которых состояло свыше 4 тыс. «кулаков». Всего же в эти недели было арестовано за враждебную деятельность около 5,5 тыс. «кулаков». При этом признавалось, что значительная часть крестьян при «раскулачивании» оказалась репрессирована незаконно, но вина за это перекладывалась на пробравшихся в органы власти карьеристов и некие «разложившиеся элементы» (с. 240, 332, 335). Органы ОГПУ не упоминались, так что в этой фигуре умолчания хорошо видно нежелание обсуждать их роль, хотя в изданиях, вышедших с участием КГБ, тема борьбы с «кулачеством» обычно присутствовала. Данное энциклопедическое издание упоминало «кулацкие» мятежи и банды, указав два примера для 1930–1931 гг., но про основные восстания и выступления крестьян не говорилось (с. 229). Вместе с тем верно указывалось, что в Нарымском округе было расселено 195 тыс. «раскулаченных» (с. 384).

Оценивая роль политотделов МТС и совхозов в 1933–1936 гг., «История Сибири», упоминая ликвидацию «кулацких группировок», впервые указала на «явное преувеличение масштабов кулацкого сопротивления» некоторыми политотделами и перекладывание многих управленческих недостатков на вредительство классовых врагов, что привело к нарушениям законности (с. 376, 377). Однако события Большого террора в томе совершенно не упоминались, а было бегло сказано только о том, что в данный период «выбыли» многие опытные руководители, а культурные силы «лишились» целого ряда известных писателей (с. 427). Таким образом, критические элементы в оценке советского прошлого были предельно лаконичны и схематичны, копировали мнения, содержащиеся в материалах официальных партийных органов и обычно не касались вопросов, связанных собственно с историей органов ВЧК-НКВД.

Однако в некоторых авторских работах были заметны попытки приподнять завесу над теми или иными неудобными историческими эпизодами. Так, в начале 1960-х годов якутские историки на основе архивных данных подвергли резкой критике действия местных, в

том числе чекистских, властей за террористическую политику в отношении местного населения в начале 20-х годов¹. Такое обнажение острейших проблем Гражданской войны, пусть очень конспективное, десятилетием позже, в годы борьбы с неугодными властям последствиями «оттепели», вызвало резкую реакцию идеологических надсмотрщиков и обвинения в буржуазном национализме за упоминания «якобы существовавших» красного террора и грубых нарушений законности, объявленных выдумкой². Поскольку в Якутии и далее появлялись критические работы на эту тему, наблюдались попытки реабилитации тех культурных деятелей, которые официально считались «буржуазными националистами», продолжились и попытки «перевоспитания» этих историков. Однако весьма двусмысленно на нынешний взгляд прозвучал тезис взявших на себя роль охранителей В. А. Демидова и В. С. Познанского, сначала указавших, что власти республики в 1920–1922 гг. ограничились расстрелом свыше 30 опасных врагов, полностью умолчав о широчайших бессудных расправах, а затем подчеркнувших, что «политика партийно-советских и военно-революционных органов в Якутии (краснобандитская по сути — А. Т.) ничем не отличалась от общегосударственной ленинской политики»³. Позднее версию о размахе террора коммунистов в Якутии В. А. Демидов отдельно опровергал в своей монографии: «Миф о кровавом коммунистическом терроре был выдуман и распространялся врагами Советской власти. Всего в Якутии с 1920 по 1922 г. включительно по постановлению ревтрибуналов и органов ВЧК было расстреляно 47 контрреволюционеров, в их числе лишь несколько якутов»⁴. На деле жертв красного террора и красного бандитизма было больше (по нашим приблизительным оценкам) примерно на два порядка. Также Демидов оспаривал очевидную сегодня оценку официального расследования деятельности якутских властей в 1922 г., в котором утверждалось, что во главе пар-

---

¹ Алексеев Е. Е. Роль В. И. Ленина в установлении и упрочении Советской власти в Якутии. Якутск, 1962. С. 68–71; Макаров Г. Г. К. Байкалов — герой гражданской войны. Якутск, 1962. С. 28–29.

² Некоторые вопросы историографии социалистической революции и гражданской войны в Якутии // История СССР. 1972. № 5. С. 59–68; Костина Р. В. Совещание историков Якутии // История СССР. 1975. № 5. С. 230–232.

³ Демидов В. А., Познанский В. С. К истории борьбы с белобандитизмом в Якутии в 1921–1923 гг. // Вопр. историографии социалистического и коммунистического строительства в Сибири: сб. науч. тр. НГУ. Новосибирск, 1976. С. 65.

⁴ Демидов В. А. Октябрь и национальный вопрос в Сибири. Новосибирск: Наука, 1983. С. 21.

тийных и советских органов Якутии «стоят много мерзавцев и преступников»¹.

В исторической литературе были заметны работы об отдельных эпизодах борьбы с противниками режима. Эпизоды антисоветской повстанческой активности крестьянства в период НЭПа приведены в монографии И. С. Степичева². Книга о поездке Ф. Э. Дзержинского в Западную Сибирь в 1922 г. повторяла чекистскую дезинформацию о грандиозной заговорщицкой деятельности сфабрикованной чекистскими провокаторами «Базаро-Незнамовской организации»³. Известная книга судебного работника В. К. Шалагинова, написанная по архивным материалам о процессах над деятелями Белого движения Б. В. Анненковым и А. С. Бакичем, не критически повторяла все обвинения пристрастного следствия 1920-х годов, но сообщала немало ценных фактов и аккуратно намекала на процессуальные недостатки, замечая, что уполномоченные особого отдела ГПУ 26-й дивизии, начинавшие в 1922 г. следствие по делу группы Бакича, «собрали обстоятельнейший уликовый материал, который, правда, не полностью покорился их логике, их препарированию»⁴.

Среди исторических трудов сибирских исследователей выделяется информативная монография о классовой борьбе в сибирской деревне Л. И. Боженко⁵, который рассматривал особенности региональных крестьянских восстаний по сравнению с общероссийскими, весьма подробно останавливаясь на «кулацком терроре» и неизученном вопросе об истории очень распространённого в регионе красного бандитизма. Характер крестьянских антиправительственных выступлений в соответствии с традицией историк определил как кулацко-эсеровский, выделив экономическую мощь кулацкой прослойки и организационные усилия эсеровских идеологов и вождей. В том же году появилась его отдельная новаторская статья, посвящённая красному бандитизму⁶, который Боженко определял как

---

¹ Демидов В. А. Октябрь и национальный вопрос в Сибири... С. 304.

² Степичев И. С. Победа ленинского кооперативного плана в Восточно-Сибирской деревне. Иркутск: Восточно-Сиб. кн. изд-во, 1966. С. 39.

³ Халецкая А. А. Экспедиция Ф. Э. Дзержинского в Сибирь. Омск, 1963. С. 15.

⁴ Шалагинов В. К. Последние. Новосибирск, 1973. С. 64.

⁵ Боженко Л. И. Соотношение классовых групп и классовая борьба в сибирской деревне (конец 1919 — 1927 гг.). Томск, 1969. 290 с.

⁶ Боженко Л. И. Об одной из форм классовой борьбы в Сибири накануне и в первые годы новой экономической политики // Труды Томского гос. ун-та им. В. В. Куйбышева. Т. 214. Вopr. истории Сибири. Томск, 1969. Вып. 4. С. 226–236.

«самочинный образ действий отдельных групп населения, берущих на себя самовольно функции власти, право судить и наказывать», понимаемый как «своеобразное продолжение гражданской войны». Маскируя вовлечённость властных (в том числе чекистских) структур в организацию подобных внесудебных расправ, Боженко подчёркивал якобы глубоко контрреволюционный характер красно-бандитизма.

Изучавшая состояние «революционной законности» в Сибири О. Г. Новокрещёнова в диссертации дала очень резкие оценки красному бандитизму, отметив вместе с тем очевидное использование сибирскими партийными организациями анархической энергии склонных к экстремизму низов в интересах борьбы с политическими врагами. В опубликованных работах она была вынуждена более сдержанно и кратко отмечать, что красный бандитизм являлся «опаснейшим нарушением социалистической законности»¹.

Некоторые данные о репрессиях периода Гражданской войны, а также руководящих кадрах сибирских чрезвычайных комиссий можно найти в монографиях и статьях В. И. Шишкина². Ценный, но не всегда осмысленный материал о карательной системе 1920-х годов, включая некоторые кадровые подробности работы ВЧК-ГПУ и сведения об антисоветских «заговорах», численность которых оказалась взята не из чекистских отчётов, а некорректно использованных информационных сводок сибирских органов милиции, содержится в книге Н. М. Кучемко³. Интересные архивные сведения о государственных репрессиях в отношении деревни есть в работе Н. Я. Гущина и В. А. Ильных⁴. Однако в этих монографиях, при всей ценности нового фактического материала, давались традиционные оценки репрессивной деятельности чекистов как направленной на искоренение истинных врагов государства.

---

¹ Новокрещёнова О. Г. Борьба партийных организаций в Сибири за укрепление социалистической законности в деревне (1921–1924 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1974; Она же. Революционная законность — важное средство осуществления ленинской продовольственной политики в Сибири. 1921–1922 гг. // Труды кафедры истории КПСС Новосиб. ун-та. 1969. Вып. 3. С. 124.

² Шишкин В. И. Революционные комитеты Сибири в годы гражданской войны. Новосибирск: Наука, 1978. 333 с.; Он же. Социалистическое строительство в сибирской деревне (ноябрь 1919 — март 1921 г.). Новосибирск: Наука, 1985. 319 с.

³ Кучемко Н. М. Укрепление социалистической законности в Сибири в первые годы нэпа (1921–1923 гг.). Новосибирск: Наука, 1981. 272 с.

⁴ Гущин Н. Я., Ильных В. А. Классовая борьба в сибирской деревне (1920-е — середина 1930-х гг.). Новосибирск: Наука, 1987. 332 с.

Первые и весьма далёкие от научного подхода публикации собственноручно о региональных органах ОГПУ-НКВД относятся к концу 1960-х годов. Можно сказать, что история органов госбезопасности Сибири начала изучаться с появления очерковой книги М. Е. Бударина об омских чекистах¹. Она опиралась на весьма узкий круг источников и была далека от научных оценок, однако давала представление о целом ряде чекистских операций и значительном числе малоизвестных чекистов. В небольшой статье В. И. Василевского появился материал о первых читинских чекистах². Интересные данные по чекистам Забайкалья можно было увидеть в новаторской монографии Э. А. Васильченко о Государственной политической охране Дальневосточной республики. В этой работе, в частности, было указано на нелегальное подчинение Госполитохраны органам ВЧК Сибири, подробно отражено строительство аппаратов ГПО ДВР в Чите и на местах, пополнение кадров за счёт партийных мобилизаций, показаны проблемы, связанные с постоянными фактами нарушения законности со стороны чекистов ДВР, их ведомственным сепаратизмом. Но достижения ГПО в части раскрытия «заговоров» были даны без критики, методы деятельности, широчайшее разложение кадров и специфика работы огромного Военного (особого) отдела и пограничной охраны ГПО не отражены³.

В русле официозных представлений в 1980-х годах появлялись однотипные книги, подготовленные в управлениях КГБ, об истории региональных органов госбезопасности Сибири⁴. Все они предлагали весьма скучный, нередко беллетризованный материал по деятельности ВЧК-ОГПУ-НКВД, однако при этом обычно предоставляли значительное количество сведений о кадрах госбезопасности. Исключением являлась небольшая, но довольно информативная публикация бывшего работника КГБ Л. А. Жженовых, целиком посвящён-

---

¹ Бударин М. Е. Были о чекистах. Омск (изд. 1968, 1976, 1987 г.).

² Василевский В. И. Первые забайкальские чекисты (1918 г.) // Записки Забайкал. филиала Географ. о-ва СССР. Чита, 1972. Вып. 77: Проблемы краеведения. С. 36–38.

³ Васильченко Э. А. Партийное руководство деятельностью чекистских органов по борьбе с контрреволюцией на Дальнем Востоке. 1920–1922. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1984. 128 с.

⁴ Верность долгу. Рассказы о чекистах. Иркутск, 1987. 304 с.; Революцией призваны: Документальные повести и очерки о чекистах Алтая. Барнаул, 1987. 216 с.; Чекисты Красноярья. Красноярск, 1987. 280 с.

ная деятельности Якутской губЧК¹; ценным источником стал и подготовленный им сборник о чекистах Якутии².

Маскируя участие чекистов в массовом терроре, советские авторы пытались доказать, что органы безопасности и в 1930-е годы успешно выявляли врагов народа, за что целый ряд чекистов заслуженно получил ведомственные награды³. Статья Е. П. Конюхова о работе омских чекистов предлагала архивный материал о вскрытии чекистами ряда «заговоров» в 1920 — 1930-х годах и перечень награждённых за эти достижения работников ОГПУ, среди которых преобладали отъявленные фальсификаторы следственных дел⁴. В сборнике, вышедшем в Барнауле в 1987 г., утверждалось, что в 30-х годах на территории края якобы «была обезврежена группа немецких шпионов, созданная сотрудниками германского консульства в г. Новосибирске, ликвидирован ряд вредительских гнезд в народном хозяйстве»⁵. Были неточности и в информации о кадровом составе ВЧК: так, вышедшие в 1985 г. очерки по истории Алтайской краевой партийной организации ошибочно утверждали, что первым руководителем Алтайской губЧК был М. И. Ворожцов, хотя на деле этот пост занимал И. И. Карклин⁶. В 1987 г. появилась насыщенная новыми фактами из партийно-государственных архивов статья В. И. Шишкина о деятельности сибирских ЧК в 1919–1921 гг.⁷, однако приведённый в ней большой архивный материал о вскрытых подпольных «организациях» отражал не столько реальность, сколько чекистскую мифологию. Подход к освещению деятельности ВЧК-ОГПУ-НКВД в работах профессиональных историков до конца 1980-х годов оставался неизменным — чекисты представлялись в высшей степени героическими борцами с бесчисленными врагами советской власти. В целом данные об институциональной истории и

---

¹ Жженоых Л. А. В годы грозные: Из истории Якутской губчека (1918–1921). Якутск, 1980. 95 с.

² Они были первыми: Очерки о чекистах Якутии / сост. Л. Жженоых. Якутск, 1984. 192 с.

³ Бударин М. Е. Были о чекистах. Омск, 1976. С. 281.

⁴ Конюхов Е. П. На страже завоеваний революции // Вопр. истории, философии, политэкономии: науч. тр. Омск. высш. шк. милиции. Омск, 1968. Вып. 2. С. 125–126.

⁵ Революцией призваны... С. 4.

⁶ Очерки истории Алтайской организации КПСС. Барнаул, 1985. С. 132.

⁷ Шишкин В. И. Создание и деятельность органов ВЧК в Сибири (конец 1919 — начало 1921 гг.) // Великий Октябрь: проблемы истории. М.: Наука, 1987. С. 130–143.

реальной деятельности чекистских органов носили скудный и отрывочный характер.

Часть важной фактологии по истории ВЧК-НКВД Сибирского региона и СССР в целом оказалась отражена в закрытых ведомственных работах, недоступных большинству исследователей¹. Монография И. И. Белоглазова, введя значительный новый материал из Центрального архива КГБ СССР по структуре и кадрам сибирских органов ВЧК, их деятельности по борьбе с «исторической контрреволюцией» и крестьянскими восстаниями, в концептуальном отношении не пошла дальше учебника по истории КГБ и целиком следовала крайне тенденциозной оценочной информации чекистов, зафиксированной в документах изучаемой эпохи. Так, из решений 2-й конференции сибирских ЧК, прошедшей в октябре 1920 г. и нацеливавших «органы» на создание эффективного агентурного аппарата с целью усиления борьбы с контрреволюцией, автор сделал вывод о якобы «переносе акцентов на методы агентурного наблюдения и информирования» при отказе от террористических методов массовых операций. Имея возможность затрагивать специфические методы работы сотрудников ВЧК, Белоглазов рассматривает их как вполне адекватные обстановке и, например, представляет ликвидацию пресловутого Сибирского Крестьянского союза, а также других сфабрикованных с помощью агентов-provokаторов «заговорщицких организаций» как исключительно успешный результат высокого профессионализма и самоотверженности чекистов. Также Белоглазов приводит явно фантастические сведения о том, что, по неполным данным, в Кузбасском регионе в начале 1920-х годов чекисты выявили до 60 анархо-террористических организаций и групп², что представляется крайне завышенной цифрой, основанной на сомнительных агентурных материалах, послуживших основой для итоговых количественных оценок; здесь автор не учитывает типичное для чекистов отрицание разницы между резкими высказываниями нелояльного режиму лиц и реальной организационной деятельностью. В данной монографии также допущено немало неточностей при вводе в научный оборот биографической информации о видных чекистах региона.

---

¹ Казачков И. Я. О некоторых вопросах истории и деятельности чекистских органов Омской области: дис. ... канд. ист. наук. Омск, 1971; Белоглазов И. И. Из истории чрезвычайных комиссий Сибири (февраль 1918 — февраль 1922 гг.). М., 1986. 248 с.

² Белоглазов И. И. Из истории чрезвычайных комиссий Сибири... С. 216.

Сибирские историки советской эпохи оставили достаточно заметный, но крайне отрывочный и неравноценный материал о деятельности и кадрах ВЧК-НКВД, в котором скрывались наиболее значимые элементы чекистской работы и царил апологетический подход.

§ 2. Литература современной эпохи

С начала 1990-х годов исследователи начали публиковать свободные от конъюнктуры статьи и монографии о деятельности репрессивных органов Сибири. Статья Л. Н. Лопатина, появившаяся в 1990 г., совершенно обоснованно призывала историков не ждать рассекречивания закрытых фондов архивов КГБ и МВД, а заняться анализом архивных данных из государственных архивов, поскольку в них содержится большое количество сведений о репрессиях¹. На этот призыв сначала откликнулись немногие исследователи, среди которых наиболее заметными оказались работы тех, кто публиковал ещё недавно совершенно секретные сведения, теперь доступные непрофессиональным историкам — прокурорским работникам и журналистам, опиравшимся на конфиденциальные документы из следственных дел. Например, серьёзное внимание к личностям чекистов можно заметить в очерковой книге прокурора Ю. А. Якунина², где, правда, фамилия начальника УНКВД по Омской области в 1937–1938 гг. К. Н. Валухина сознательно передана как Валуцкий, а его помощник Г. Н. Саенко, впервые упомянутый еще А. И. Солженицыным в «Архипелаге ГУЛАГ», фигурирует как Стаенков (с. 100, 102). При этом фамилии всех прочих чекистов Якуниным названы верно.

Наиболее существенными в изучении советской карательной политики являются достижения новосибирских историков. Заметным вкладом в изучение политических репрессий конца 1920-х годов стала последняя работа Н. Я. Гущина, посвящённая раскрестьянванию Сибири, в которой автор окончательно преодолел свои прежние взгляды на необходимость социалистического преобразования деревни и убедительно показал его истинную цену³. Исследо-

---

¹ Лопатин Л. Н. Некоторые вопросы историографии и источниковедения истории репрессий 20-х — 30-х гг. // *Вопр. историографии и общественно-политической истории Сибири* / под ред. В. М. Самосудова. Омск, 1990. С. 162.

² Якунин Ю. А. *Черное и белое: Заметки прокурора*. Омск, 1990. 221 с.

³ Гушин Н. Я. «Раскулачивание» в Сибири (1928–1934 гг.): методы, этапы, социально-экономические и демографические последствия. Новосибирск: ЭКОР, 1996. 160 с.

вательница И. В. Павлова выступила с рядом информативных и глубоких исследований, где критиковала доверие к языку советских документов, давала своё видение механизмов сталинской власти, основанной на тщательной конспирации деятельности и осуществлявшей насильственную социальную инженерию¹.

В монографии С. А. Папкина о сталинском терроре в Сибири², трактуемом с точки зрения социальной инженерии, рассказано о множестве крупных сфабрикованных дел, в том числе против чекистской номенклатуры. Автор отметил принадлежность многих руководителей ОГПУ-НКВД Сибири к латышскому национальному клану, а также заметный вклад полпреда ОГПУ Л. М. Заковского не только в осуществление террора, но и в теоретическое обоснование «раскулачивания» и принципы организации крестьянской ссылки. Небольшой объём книги обусловил очерковость многих сюжетов. Мало внимания в ней уделено борьбе коммунистов с церковью, уголовными элементами, репрессиям 1939–1941 гг. Некоторые сведения оказались неверными: о бескровности Чумаковского восстания 1931 г.³, о якобы помощи партизан в ликвидации красного бандитизма (так как именно партизаны были основными участниками красnobандитских преступлений). Вряд ли можно согласиться и с тезисом Р. Конквеста, подержанным С. А. Папкиным, о том, что в конце 1938 г. сотрудники НКВД уже физически не могли продолжать террор в прежних масштабах. На деле карательная система к тому времени была максимально отработана: увеличилась в размерах, избавилась от сомневавшихся и приобрела огромный опыт массовых арестов и казней.

Книга С. А. Папкина вот уже два десятилетия активно востребована исследователями (в 2012 г. автор выпустил существенно доработанное издание, доведённое до 1945 г.⁴, но недостаточно полно

---

¹ Павлова И. В. Сталинизм: становление механизма власти. Новосибирск: Сиб. хронограф, 1993. 230 с.; Она же. Механизм власти и строительство сталинского социализма. Новосибирск, 2001. 459 с.; Она же. «Иркутское дело» 1926 года // Гуманит. науки в Сибири. 1995. № 1. С. 43–48; Она же. Сталинские репрессии как способ преобразования общества // Возвращение памяти: историко-архив. альм. Вып. 3. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1997. С. 4–36; Она же. Понимание сталинской эпохи и позиция историка // Вопр. истории. 2002. № 10. С. 3–18; Она же. Интерпретация источников по истории России 30-х годов (постановка проблемы) // Гуманитар. науки в Сибири. Новосибирск, 1999. № 2. С. 55–60 и др.

² Папков С. А. Сталинский террор в Сибири 1928–1941. Новосибирск: Наука, 1997. 272 с.

³ Тепляков А.Г. Чумаковское восстание 1931 года (Западная Сибирь) // Вестн. НГУ. Т. 8. Вып. 1: История. 2009. С. 67–72.

⁴ Папков С. А. Обыкновенный террор. Политика сталинизма в Сибири. М.: РОС-СПЭН, 2012. 440 с.

учитывающее новейшую литературу). В связи с этим следует отметить надуманность претензий В. И. Исаева и А. П. Угроватова¹ к авторской оценке личности полпреда ОГПУ Л. М. Заковского. Опираясь на факты определённой умеренности Заковского до осени 1929 г. (в сравнении с экстремистскими требованиями со стороны местного партийно-советского руководства бороться с «кулаком»), Исаев и Угроватов именуют этого беспощадного чекиста «достаточно сложной» фигурой. В связи с этим ими критикуется взгляд Папкова, охарактеризовавшего Заковского — якобы без документальных подтверждений — как «совершенно аморального типа, исполнителя самых грязных сталинских поручений в Сибири». На деле монография Папкова содержит внушительное количество фактов репрессивной деятельности Заковского, усердно следовавшего указаниям ЦК ВКП(б) и Лубянки, поэтому академические претензии к резкой оценке видного сталинского чекиста как излишне публицистической не достигают цели. В последние годы С. А. Папков изучает также систему внесудебных органов региона, опубликовав богатые репрессивной статистикой работы, основанные на малодоступных документах УФСБ по Новосибирской области².

Высоким научным уровнем отличается монография С. А. Красильникова о крестьянской ссылке в Западной Сибири в 1930-е годы, подводящая итоги многолетней плодотворной работы автора — ведущего специалиста в области изучения террора против сибирского крестьянства. Книга, построенная на внушительной источниковой, прежде всего архивной базе, не только оценивает масштаб государственных репрессий, практику массовых и локальных депортаций, но и подробно показывает строительство, функционирование и кадры системы спецпоселений, что является важным вкладом в изучение процесса развития местных органов ОГПУ-НКВД, освоения ими новых для себя карательных функций, возложенных зачастую на совершенно неподготовленных и морально ущербных лиц. Следующая монография этого автора была посвящена изучению традиционной крестьянской семьи на спецпоселении (режим которого должен был атомизировать все неформальные связи), основ её жизнедеятельности в

---

¹ Исаев В. И., Угроватов А. П. Правоохранительные органы Сибири в системе управления регионом (1920-е гг.). Новосибирск, 2006. С. 123.

² Папков С. А. Статистика приговоров тройки УНКВД Западно-Сибирского края — Новосибирской области // Сталинизм в советской провинции: 1937–1938 гг. Массовая операция на основе приказа № 00447. М.: РОССПЭН, 2009. С. 746–784; Он же. Тройки ОГПУ-НКВД в Сибири в 1925–1938 гг. // Вопр. истории. 2012. № 6. С. 21–38.

условиях несвободы и поведенческих механизмов, с помощью которых ссыльные пытались адаптироваться к режиму спецкомендатур¹.

Отдельные работы Красильникова посвящены крупным репрессивным акциям 1930-х годов². Также им изучается такое следствие репрессий, как массовая и целенаправленная маргинализация общества, выделяются страты, подвергшиеся дискриминированию и прямым репрессиям со стороны государства с последующей утратой социального статуса³. Под его руководством в последние годы выпущены крупные новаторские монографии, посвящённые актуальным темам маргинализации и социальной мобилизации в сталинскую эпоху⁴. Так, в коллективной монографии «Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь (1920–1930-е гг.)» отражены социальные последствия советской репрессивной политики, проанализировано положение лишенцев, нэпманов, специалистов, ссыльных, крестьян-спецпереселенцев. Также Красильниковым начато осмысление феномена охранительности как сущностной черты советского режима, которая в послереволюционный период трансформировалась из фундаментальной функции по обеспечению государственной и социальной безопасности в превентивно-защитную функцию нового политического режима⁵.

Целым рядом исследователей изучаются национальные аспекты репрессий. Уже в середине 1990-х годов в книге В. И. Бруля и основательной монографии Л. П. Белковец был собран большой массив све-

---

¹ Красильников С. А. Серп и Молох. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. М.: РОССПЭН, 2003, 2009; Красильников С. А., Саламатова М. С., Ушакова С. Н. Корни или щепки: крестьянская семья на спецпоселении в Западной Сибири в 1930-х — начале 1950-х гг. М.: РОССПЭН, 2010. 359 с.

² Напр.: Красильников С. А. «Белогвардейский заговор» 1933 г. в Западной Сибири (по материалам архивно-следственного дела) // Гуманитар. науки в Сибири. 2005. № 2. С. 59–62.

³ Красильников С. А. На изломах социальной структуры. Маргиналы в послереволюционном российском обществе (1917 — конец 1930-х гг.): учеб. пособие. Новосибирск, 1998. С. 5–6.

⁴ Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум / ред. С. А. Красильников. Новосибирск, 2004. 456 с.; Маргиналы в советском социуме. 1930-е — середина 1950-х гг. / отв. ред. С. А. Красильников, А. А. Шадт. Новосибирск, 2009. 450 с.; Социальная мобилизация в сталинском обществе (конец 1920-х — 1930-е гг.): колл. моногр. /Новосибирск, 2013. 455 с.

⁵ Красильников С. А. Охранительность как системная характеристика сталинского режима: к вопросу о роли и функциях репрессий в квазисудебной форме // Знать, чтобы не забыть: тоталитарная власть и народ в 20-е — начало 50-х годов XX века: мат-лы междунаrod. науч. конф. (г. Усть-Каменогорск, 29–31 мая 2014 г.). Усть-Каменогорск, 2014. С. 248–257.

дений из партийно-советских и чекистских архивов о репрессиях 30-х годов в отношении немецкого населения Западной Сибири, прослежена эволюция отношения большевиков к немецкому национальному меньшинству: от дискриминации к массовому террору¹. В. А. Ханевич показал уничтожение мужского польского населения в 1937–1938 гг. на примере одного из сёл, причём задолго до публикации статистики массового истребления сибирских поляков, а также подробно написал о палачах-чекистах и казнях в Томской области; В. Г. Дацышен предложил исследование о терроре в отношении китайской диаспоры²; В. И. Шишкин изучил некоторые аспекты истории репрессий в отношении эстонского нацменьшинства в Сибири³. В книге В. И. Эдокова опубликованы сведения о преследованиях ойротской интеллигенции и руководства Горно-Алтайской области, описан судебный процесс 1934 г. по делу ойротских «буржуазных националистов»⁴. Известный исследователь А. И. Савин дал ряд новаторских работ о репрессиях в отношении сибирских евангельских христиан и немцев-меннонитов⁵, причём в большой коллективной монографии о немцах Сибири им была подготовлена глава «Репрессии в отношении немцев Сибири в 1930-е годы»⁶. Проблемы ссылки в Сибирь накануне

---

¹ Бруль В. И. Немцы в Западной Сибири. Топчиха, 1995. 192 с.; Белковец Л. П. «Большой террор» и судьбы немецкой деревни в Сибири. М.: Варяг, 1995. 317 с.

² Ханевич В. Белостокская трагедия (Из истории геноцида поляков в Сибири). Томск: Томск. вестн., 1993. 153 с.; Он же. Вершители судеб // Народная трибуна (Томск). 1993. 11 сент.; Дацышен В. Г. Политические репрессии и китайцы в СССР // Сибир. ссылка: сб. науч. ст. Иркутск: Оттиск, 2009. Выпуск 5 (17). С. 480–503.

³ Шишкин В. И. Кольцовская трагедия: из истории репрессий и реабилитации эстонского населения Сибири (1937–1959 гг.) // Власть и общество в Сибири в XX веке: сб. науч. ст. Вып. 3. Новосибирск: Параллель, 2012. С. 163–191.

⁴ Эдоков В. И. Возвращение мастера. Горно-Алтайск, 1994. 239 с.

⁵ Савин А. И. Трагедия евангельских христиан. «Дело» пресвитера О. И. Кухмана (1937 г.). // Книга памяти жертв политических репрессий в Новосибирской области. Новосибирск: Сова, 2005. Вып. 1. С. 394–404; Он же. Формирование концепции немецкой «пятой колонны» в СССР (середина 1920-х годов) // Вопросы германской истории. Немцы Украины и России в конфликтах и компромиссах XIX–XX вв.: мат-лы междунаrod. науч. конф. (г. Днепропетровск, 24–27 сентября 2007 г.). Днепропетровск, Пороги, 2007. С. 215–227; Он же. Репрессии в отношении евангельских верующих в ходе «кулацкой» операции НКВД // Сталинизм в советской провинции: 1937–1938. Массовая операция на основе приказа № 00447. М.: РОССПЭН, 2009. С. 303–342; Он же. Этнозация сталинизма? «Национальные» и «кулацкая» операции НКВД: сравнительный аспект // Россия. XXI век. 2012. № 3. С. 40–61; Он же. Евангельские верующие в 1930-е годы: практики политической адаптации // Жизнь в терроре: социальные аспекты репрессий: мат-лы V Международ. науч. конф. по истории сталинизма (С.-Петербург, 18–20 октября 2012 г.). М.: РОССПЭН, 2013. С. 317–324.

⁶ История и этнография немцев в Сибири / сост. и ред. П. П. Вибе. Омск: Изд-во ОГИК музей, 2009. 752 с.

Великой Отечественной войны польско-еврейского населения присоединённых к СССР территорий разрабатывает В. В. Сарнова¹.

Однако собственно чекистской историей занимается небольшое число историков (к ним относится и автор настоящей монографии). Исследователем коммунистической элиты в Сибири Г. Л. Олехом на основе широкого архивного материала был описан механизм взаимодействия органов ВЧК-ОГПУ первой половины 1920-х годов с партийными властями на губернском и уездном уровне, сделан вывод о явном доминировании секретариатов парткомитетов над чекистскими учреждениями, которые вполне обоснованно и нейтрально именуется органами политической полиции. Монография Олеха, несмотря на небольшой объём, содержит яркие факты репрессивной деятельности ВЧК-ОГПУ, указывает на фабрикацию ими политических дел уже в начальный период своей деятельности, демонстрирует высокую конфликтность взаимоотношений чекистских и партийно-советских структур, а также моральную ущербность и крайнюю жестокость сотрудников советской госбезопасности². В. И. Шишкин опубликовал статьи о деятельности Новониколаевской, Якутской и Тюменской губчека (в частности, проанализировал материалы архивно-следственного дела о тюменском «заговоре корнета Лобанова» и пришёл к выводу, что этот «заговор» являлся провокацией местных чекистов, преследовавшей цель объяснить крестьянское восстание в губернии происками контрреволюционного подполья), а также масштабное и актуальное исследование о красном бандитизме на территории всей Сибири, где затрагивается вопрос распространения этого явления и в чекистской среде³. Ре-

---

¹ Сарнова В. В. Принудительные миграции населения СССР в Западную Сибирь в период Второй мировой войны. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2012. 274 с.

² Олех Г. Л. Кровные узы. РКП (б) и ЧК/ГПУ в первой половине 1920-х годов: механизм взаимоотношений. Новосибирск: НГАВТ, 1999. 138 с.

³ Шишкин В. И. Красный бандитизм в советской Сибири // Советская история: проблемы и уроки. Новосибирск, 1992. С. 3–79; Он же. «Общеленский контрреволюционный заговор»: мифы и дела якутских чекистов // Гуманитар. науки в Сибири. Серия: Отечеств. история. Новосибирск, 1995. № 1. С. 68–73; Он же. Новониколаевская губернская чека (декабрь 1919 — апрель 1920 г.) // Страницы истории Новосибирской области: первая обл. научно-практ. конф. краеведов. Ч. 2. Новосибирск, 1996. С. 17–21; Он же. Секретная операция Тюменской губчека по учёту кулацкого элемента (июль 1920 — апрель 1921 г.) // Сибирская деревня: проблемы истории. Новосибирск, 2004. С. 107–113; Он же. Тюменский «заговор корнета Лобанова» // История белой Сибири: тез. 4-й науч. конф. Кемерово, 2001. С. 197–204; Он же. Советская карательная политика в Сибири в начале 1920-х годов // Права человека в России: прошлое и настоящее: сб. докл. и мат-лов научно-практ. конф. Пермь, 1999. С. 10–21.

зультаты работы ведомственных исследователей отражены в сборнике статей новосибирского института ФСБ, часть которых достаточно интересна¹.

Серьёзные достижения в освещении темы репрессий и истории аппарата органов ВЧК-НКВД налицо у томских историков. Первой монографией, посвящённой репрессиям в Западно-Сибирском регионе, стала небольшая книга И. Н. Кузнецова «Знать и помнить»², в которой нашлось место для характеристики ряда представителей карательного аппарата — как среди руководящих, так и среди рядовых работников ОГПУ-НКВД. Основанная на реабилитационных материалах прокуратуры, эта работа ввела значительное количество новых данных о политических репрессиях в регионе, включая огромный «белогвардейский заговор» 1933 г. Несмотря на отдельные спорные положения и фактические неточности (подвергнув обоснованной критике официальную цифру о якобы 20 тыс. репрессированных чекистов (с. 40), автор без каких-либо доказательств утверждает, что в 1938–1939 гг. к уголовной ответственности было привлечено «не более 1 % работников НКВД республиканского и областного масштаба», что во много раз занижает численность наказанных чекистов), данная монография сохраняет своё значение. Более поздние работы Кузнецова не выходят за рамки исторической публицистики.

Небольшое, но ценное исследование о массовых расстрелах 30-х годов в Нарымском округе, основанное на архивах и мемуарах, подготовил В. М. Запецкий³. Историю ссыльного крестьянского и национального контингентов в Нарыме начала 1930-х — середины 1950-х годов исследовал В. А. Демешкин⁴. Об уничтожении в Томске ссыльных поэта Н. А. Клюева и философа Г. Г. Шпета написали Л. Ф. Пичурин и другие авторы⁵. Правда, некоторые современные

---

¹ Становление органов безопасности в Сибири: сб. ст. / редкол.: Е. С. Сысоев и др. Новосибирск: Ин-т ФСБ России, 2007. 282 с.

² Кузнецов И. Н. Знать и помнить (историческое исследование репрессий и реабилитации жертв террора). Томск: Изд-во ТГУ, 1993. 208 с.

³ Запецкий В. М. Колпашевский яр. Новосибирск: Сиб. книга, 1992. 128 с.

⁴ Демешкин В. А. Из истории формирования «спецконтингента» комендатур НКВД-МВД Нарыма // Вопр. историографии, истории и археологии. Омск: Омск. гос. пед. ун-т, 1996. С. 98–101; Он же. Спецпереселенцы комендатур ОГПУ в Нарыме (1930 г.) // Историческая наука на рубеже веков: мат-лы всерос. конф., посвящ. 120-летию Томск. гос. ун-та. Т. III. Томск: Изд-во ТГУ, 1999. С. 33–37.

⁵ Пичурин Л. Последние дни Николая Клюева. Томск: Водолей, 1995. 96 с.; Шпет в Сибири: ссылка и гибель / сост.: М. К. Поливанов и др. Томск: Водолей, 1995. 336 с.

исследователи необоснованно полагают, что чекисты 20-х годов, например, сами изготавливали антисоветские документы (листовки, воззвания и пр.), чтобы обеспечивать себя «работой»¹.

Серьёзный вклад в изучение репрессивной тематики и роли в карательной политике органов ВЧК-ОГПУ-НКВД внёс томский исследователь В. Н. Уйманов, известный как инициативой по изданию первой в СССР Книги памяти жертв политических репрессий, так и исследовательскими работами о репрессиях, чекистских кадрах и пенитенциарной политике в Западной Сибири. Уже в 1995 г. вышла его первая монография², слабая в методологическом отношении, но насыщенная ценным архивным материалом как о крестьянских восстаниях в районах спецпоселений, так и о крупных политических делах ОГПУ-НКВД Томского региона. Автором была показана роль в терроре номенклатуры края и ряда прежде неизвестных исследователям работников ОГПУ-НКВД.

Положительной оценки заслуживает очерковая книга В. Н. Уймано́ва и И. В. Голоскокова о чекистских начальниках Томского и Нарымского регионов (Голоскокову также принадлежит отдельное исследование о сибирских чекистах с упором на показ судеб репрессированных персонажей)³. Авторы фундировали биографии героев за счёт документации из архива ФСБ, в ряде случаев создавая яркие, хотя и не всегда точные портреты видных сотрудников чекистского ведомства, чья деятельность порой выходила за пределы Сибирского региона. В книге приведены многочисленные новые сведения о репрессиях, статистике террора, моральном облике сотрудников ОГПУ-МГБ, подробно рассказано о репрессиях собственно в чекистской среде. При этом авторы избегают прямых оценок деятельности своих героев, предпочитая цитировать материалы служебных аттестаций, которые не во всех случаях содержат сведения, дающие полную картину служебной деятельности того или иного персонажа. Подход авторов сводится к традиционному для ведомственных исследователей принципу «с одной стороны, с другой стороны». Недо-

---

¹ Андреев В. П. Протестная активность городского населения Сибири начала 1920-х гг. по материалам ОГПУ и ЧОН // Вестн. Томск. гос. ун-та. 2008. История. № 3(4). С. 60–61.

² Уйманов В. Н. Репрессии. Как это было... (Западная Сибирь в конце 20-х — начале 50-х годов). Томск: Изд-во ТГУ, 1995. 336 с.

³ Голоскоков И. В., Уйманов В. Н. На страже безопасности Государства Российского: очерки истории томских органов госбезопасности в биографиях их начальников. Томск, 2008. 218 с.; Голоскоков И. В. Репрессии и судьбы чекистов. Новосибирск: Ин-т ФСБ России, 2008. 226 с.

статком издания является и то, что уже опубликованные сведения, а также материалы партийно-советских архивов, особенно необходимые в тех случаях, когда на героев очерков материалы ФСБ не давали подробных сведений, авторами не использовались. Всё же, хотя некоторые одиозные фигуры профессиональных нарушителей законности представлены нейтрально, без фактов участия в репрессиях, книга даёт много добротного материала из фондов ФСБ о работниках ВЧК-НКВД Томской области и их деятельности, в том числе в карательной области. Этим выраженным критическим подходом сборник выделяется среди аналогичных работ, подготовленных в других регионах, где нередко, кроме послужных списков, никакой иной информации нет. Так, невысоким уровнем отличается подготовленная сотрудниками ФСБ подборка биографий руководителей ОГПУ-НКВД Бурятии, в которой, в частности, аббревиатура ЧПО (части пограничной охраны) расшифровывается как совершенно фантастический «чрезвычайный политический отдел»¹.

Публикация основной работы В. Н. Уйманова², на основе которой в 2013 г. им была защищена докторская диссертация, должна была продемонстрировать некий итог его многолетней исследовательской работы о репрессивной политике 1920–1930-х годов в Западной Сибири. Однако эта большая книга, помимо немалого количества новых архивных фактов, касающихся агентурно-оперативной и карательной деятельности чекистов, а также бессудных расправ (красного бандитизма), оказалась насыщена и множеством явно ошибочных суждений — как методологических, так и фактических. В монографии «Ликвидация и реабилитация» нет серьёзных данных ни по национальным операциям НКВД, ни по «правотроцкистскому заговору», ни по «валютным операциям», ни по преследованиям криминальных слоёв. Подробно рассказано лишь о репрессиях против «бывших людей» и членов политических партий как потенциальных противников режима (с. 4), что не позволяет реконструировать подлинную картину карательной политики ВЧК-НКВД, поскольку подавляющее большинство репрессированных,

---

¹ Из истории спецслужб Бурятии: мат-лы научно-практ. конф., посвящ. 80-летию ВЧК-ФСБ. Улан-Удэ: ВСГАКИ, 1997. С. 95.

² Уйманов В. Н. Ликвидация и реабилитация: политические репрессии в Западной Сибири в системе большевистской власти (конец 1919 — 1941 г.). Томск: Изд-во ТГУ, 2012. 562 с. (к 2017 г. автор опубликовал еще два издания данной работы в дополненном и переработанном виде).

включая нацменьшинства и номенклатуру, являлись, с точки зрения сталинской верхушки, именно потенциальными врагами власти.

Уйманов, слабо знакомый с литературой по этому вопросу, уверен в существовании достаточно разветвлённого заговора Сибирского Крестьянского союза (СКС), не считает публикации с подробным разбором несостоятельных чекистских концепций (Н. Г. Третьякова, В. И. Шишкина, А. Г. Теплякова) убедительными и неосновательно утверждает, что сибирские чекисты тогда ещё якобы не умели создавать организаций всероссийского уровня: «Да и никто этого от них не требовал» (с. 110). С его точки зрения, правы в оценке СКС те авторы советских времён, на которых Уйманов ссылается (с. 160). Однако автор, вероятно, не подозревает, что цитируемые им историки¹ не работали с какими-то исчерпывающими вопрос объективными архивными источниками, а использовали оценки основного фальсификатора политических дел — полпреда ВЧК по Сибири И. П. Павлуновского, данные в его пропагандистской статье 1922 г.² Автор в два-три раза занижает число жертв подавления Западносибирского мятежа в Тюменской губернии (с. 118), а крестьянское восстание 1931 г. в Чумаковском районе (который им назван Чумышским), игнорируя литературу о нём, называет, согласно чекистской традиции, бандитским (с. 130), не зная, что значительная часть участников его была реабилитирована ещё в конце 1960-х годов. Также он даёт ложную, завышенную в разы чекистскую цифру, утверждающих, что в Сибири в 1920 г. осталось не менее 40 тыс. белых карателей, контрразведчиков и офицеров (с. 138).

О сфабрикованных губЧК заговорах в Красноярске Уйманов пишет как о реальных (с. 154), ссылаясь на апологета ВЧК-КГБ В. М. Бушуева, а не на изучившего материалы этих прекращённых прокуратурой дел А. П. Шекшеева³. Доверие автора вызывают сведения об огромном заговоре Драчука-Орлеанова в Омске (с. 159–160), включая фантастические данные о 14 японских офицерах-шпионах, якобы действовавших под видом китайских торговцев. Там же Уйманов сообщает о раскрытии в начале августа 1920 г. белогвардейского заговора в Щегловском уезде с участием более 300 офицеров (призна-

---

¹ Напр.: Абраменко И. А. Коммунистические формирования — части особого назначения (ЧОН) Западной Сибири (1920–1924 гг.). Томск: Изд-во ТГУ, 1973. 304 с.

² Сибирские огни. 1922. № 2. С. 124–131.

³ Шекшеев А. П. Органы ВЧК на территории Енисейской губернии // Вестн. Ин-та саяно-алтайской тюркологии ХГУ им. Н. Ф. Катанова. Абакан, 2002. Вып. 6. С. 109–125.

вая лишь завышенность данных о его численности). Однако найденные военными властями соседнего Кузнецкого уезда во время ликвидации так называемого «заговора» в местном политбюро воззвания, специально сфабрикованные чекистами в провокационных целях¹, наглядно свидетельствуют о цене подобной информации. Автор верит и в существование полностью вымышленной Базаро-Незнамовской организации (с. 318–319). К области чекистской мифологии следует отнести мнение Уйманова (с. 177) о том, что в 1930 г. Великобритания настойчиво подталкивала Польшу к нападению на СССР, и данные ОГПУ о том, что в 1929–1930 гг. эсеры якобы активно воссоздавали свой партийный аппарат (с. 325), хотя их «воскрешение» как организации было результатом деятельности чекистов по фабрикации очередных «заговоров». Автор также уверен, что процесс над «Трудовой Крестьянской партией» был открытым (с. 346), хотя на деле с её фигурантами расправились в тайном порядке.

Упомянув огромную «повстанческую» организацию в отношении военных «Весна», Уйманов заявляет, что она имела кое-какую основу, поскольку советские офицеры из «бывших» всё же «могли захватить командные высоты в армии и на флоте, организовать проведение мероприятий по развалу военного аппарата...», так как якобы были нелояльны к власти. Тут можно вспомнить, как Сталин в 1930 г. писал Г. К. Орджоникидзе о показаниях против М. Н. Тухачевского: «Стало быть, Тух-кий... был сугубо обработан антисоветскими элементами из ряда правых... Возможно ли это? Конечно, возможно, раз оно не исключено»². Эта жандармская логика довлеет и над исследователями из спецслужб. Дважды (с. 175, 202) и дословно Уйманов обрушивается на одного из главных организаторов процесса реабилитации в СССР и России А. Н. Яковлева, основателя книжной серии (издаваемой Международным фондом «Демократия»), где опубликованы важнейшие документы советской эпохи. Уйманов обвиняет Яковлева в «фальсификации в угоду каких-то политических целей» только потому, что в одной из своих книг покойный академик отнёс распространение известного дела против военных «Весна» до самой Сибири и неточно заявил о 10 тыс. расстрелянных жертв этой операции (данная цифра отно-

---

¹ Шишкин В. И. Кузнецкий «заговор» (ноябрь 1920): коллективный портрет советских деятелей уездного масштаба // Проблемы истории местного управления Сибири XVII–XX вв. Новосибирск, 1996. С. 69–80.

² Военно-ист. арх.: сб. М.: Грааль, 1997. Вып. 1. С. 247.

сится к общему числу репрессированных по «Весне»). Между тем именно высшее руководство ОГПУ особым циркуляром осенью 1930 г. предписало местным органам усилить вскрытие заговоров среди бывших царских и белых офицеров, что привело к фабрикации дела «Весна» и, в частности, к аресту в Новосибирске экс-генерала В. Г. Болдырева, а также массовым репрессиям среди военных в Сибири¹.

Описывая «белогвардейский заговор» 1933 г. (с. 195), Уйманов никак не ссылается на крупную документальную подборку документов о нём² и утверждает, что его фабрикация была инициативой сибирских чекистов, хотя аналогичные заговоры создавались региональными полпредствами повсеместно, будучи откликом на сталинское указание руководству ОГПУ в декабре 1932 г. резко усилить борьбу с «заговорщиками-вредителями». При этом Уймановым по сути игнорируется созданный одновременно с белогвардейским и гораздо более кровопролитный (около 1000 расстрелянных) «заговор в сельском хозяйстве». Автор уверен в наличии вредительства при мясозаготовках и критикует С. А. Папкова за отнесение «дела мясозаготовителей» к политическим, не в силах отличить контрреволюционный умысел от преступной халатности. Также Уйманов уверен в наличии масштабного «кулацкого террора» (с. 220–221).

На с. 284 автор высмеивает тех историков, кто оценивает число расстрелянных главными палачами Лубянки (вроде П. И. Магго или В. М. Блохина) в 10 тыс. чел. и более. Однако многолетнее чекистское соревнование в жестокости и наличие палачей «экстра-класса» не подлежат сомнению. А. В. Эйдук, проводивший вместе с М. С. Кедровым террор на севере России, похвалялся перед пленными белогвардейцами: «Собственноручно расстрелял более тысячи»³. Бывший председатель КрымЧК М. М. Вихман писал в инстанции: «Много сотен врагов Советской власти расстреляны моею собственной рукой, точная цифра коих записана на моем боевом маузере и боевом карабине»⁴. Если крупный или даже средний чекист мог лично уничтожить сотни осуждённых, то что же мешало превзойти на по-

---

¹ Красильников С. А. «Белогвардейский заговор» 1933 г. в Западной Сибири... С. 60–61.

² Власть и интеллигенция в сибирской провинции (1933–1937 годы): сб. док. / отв. ред. С. А. Красильников. Новосибирск: Сова, 2004. С. 145–209, 272–338.

³ Дойков Ю. В. Памятная книжка. Красный террор в советской Арктике 1920–1923 (док. мат-лы). Архангельск, 2011. С. 35.

⁴ ОГА СБУ (Киев). Д. 51645 на А. И. Майского по ст. 58-1-7-11. Т. 1. С. 225.

рядок их достижения людям, занимавшимся казнями профессионально в течение десятков лет? На этот счёт есть достоверная информация из провинциальных архивов.

Так, аттестация начальника тюремного отдела УНКВД по Днепропетровской области Н. Ц. Турбовского гласила: «Им лично приведено в исполнение свыше двух тысяч ста приговоров. Занимаемой должности вполне соответствует»¹. Арестованный начальник внутренней тюрьмы УНКВД по Житомирской области УССР Ф. Г. Игнатенко в 1939 г. свидетельствовал, что «...когда началась массовая операция, я все время работал на исполнении приговоров. Я не могу говорить цифры, но я сам перестрелял тысячи людей. Это стало отражаться на здоровье... Ходишь по улице и вдруг начинаешь бежать кажется за тобой гонятся расстрелянные. Приходишь на работу и работать не можешь, пойдешь убьешь птичку или кошку и потом работаешь... При массовых операциях я около полутора лет спал здесь не раздеваясь. Проспишь пару часов и опять сразу за работу берешься»². Украинские исследователи подсчитали, что комендант управления НКВД по Харьковской области, лейтенант госбезопасности А. П. Зелёный является абсолютным лидером среди советских «исполнителей» — к исходу 2017 г. известно около 5 500 лично подписанных им актов о расстреле³ на конкретных лиц. Заодно Уйманов отрицает распространение пыточного следствия после 1922 г., неправомерно отмечая якобы глубокие изменения в кадровом составе ГПУ (с. 315), которые на деле, при всех чистках, не коснулись ни принципов работы, ни психологии работников.

Уйманов опровергает имеющиеся в литературе указания на преимущественное уничтожение «инонационалов» нелогичным утверждением, что русских уничтожили количественно больше (с. 414–415), пренебрегая разницей между абсолютными и удельными величинами. Отвергая мнение В. П. Булдакова о фактическом репрессировании евреев по национальному признаку (с. 414), автор игнорирует данные о фабрикации по всей стране дел на многочисленные «сионистские организации» ещё с периода Гражданской

---

¹ ОГА СБУ. Ф. 64. Д. 4227. Л. 77.

² Бажан О., Золотарьов В. Конвеєр смерті в часи «Великого терору» в Україні: технологія розстрілів, виконавці, місця поховань // Краєзнавство. 2014. № 1. С. 183–200.

³ Стрелок Зелёный. Рабочая неделя (21–28 мая 1938 г.) [Электронный ресурс]. URL: <https://allin777.livejournal.com/380693.html>

войны¹, а также помещённые в составленной им самим таблице сведения о том, что в Западной Сибири было репрессировано 6 % евреев от числа проживавших, тогда как русских и казахов — по 1 %. Правда, все расчёты по жертвам нацопераций, приведённые автором (с. 419), некорректны, поскольку, давая численность проживавших в Новосибирской, Томской, Кемеровской областях и Алтайском крае, цифры репрессированных и процентное соотношение их он приводит без Новосибирской области, где пока нет полной статистики жертв террора. Автор, не знакомый с основополагающим трёхтомным сборником документов по реабилитации жертв репрессий², предлагает наивное объяснение свёртывания реабилитации в 60-е годы переходом к строительству коммунизма (с. 420), хотя реабилитация как масштабный процесс прекратилась к концу 1960-х годов, когда строительство коммунизма уже не было столь актуальным, как в момент принятия последней программы КПСС.

Характерно, что Уйманов считает неправомерной реабилитацию уголовников, осуждённых по ст. 58 УК РСФСР (с. 448). В ФРГ подобные лица, преследовавшиеся при Гитлере, были реабилитированы без каких-либо общественных возражений; в нашей же стране распространено мнение, что жертва политических репрессий не может происходить из криминальной среды, и уголовные персонажи с помощью ст. 58 получили по заслугам, что, на наш взгляд, предельно далеко от правового подхода, а является вариацией распространённого чекистского афоризма, идущего с начала 20-х годов: «Был бы человек, а статья ему найдётся!»

Работа Уйманова носит в отдельных местах компилятивный характер: несколько страниц её занимают раскавыченные цитаты из работы А. И. Савина³ (с. 286–292, 294–296); излишне много приводится фактов из подготовленной В. И. Шишкиным и широко известной документальной публикации «Сибирская Вандея». Следует отметить, что в книге цитируется по архивам немало информации, опубликованной другими исследователями, например, в серии «Из

---

¹ Одесская губЧК пыталась сфабриковать дело о «заговоре сионистов» ещё летом 1919 г., а Крымская ЧК — в начале 1921 г., арестовав 18 чел. ГА РФ. Ф. Д-460. Оп. 2. Д. 157. Л. 35–35 об., 44 об.; Д. В. Омельчук и др. Политические репрессии в Крыму (1920–1940 годы). Симферополь, 2003. С. 17.

² Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы: в 3 т. ... М.: МФД, 2000–2003.

³ Этноконфессия в советском государстве. Меннониты Сибири в 1920–1930-е годы: эмиграция и репрессии. Документы и материалы / сост. и науч. ред. А. И. Савин. Новосибирск: Посох, 2009. 752 с.

истории земли Томской», а давно известный приказ руководства ВЧК «О борьбе с антисоветскими партиями» от 1 декабря 1920 г.¹ приведён по «личному архиву автора» (с. 299). Многочисленные ошибки, неосновательные предположения, неловкие попытки опровергнуть доказательные мнения В. П. Булдакова, С. А. Папкина, В. И. Шишкина и других историков, а также недостаточная аналитичность говорят о том, что автор не справился с поставленными исследовательскими задачами. Данная монография Уйманова не позволяет считать её имеющей итоговое значение и вынуждает пользоваться предлагаемой фактологией, статистикой и особенно оценками с определённой осторожностью.

Среди омских историков интересующие нас темы исследовали М. Е. Бударин, В. А. Демешкин, О. А. Пьянова, В. М. Самосудов, Ю. А. Якунин. Среди работ профессиональных историков можно указать на вышедший в Омске небольшой сборник, где наиболее интересными были разделы о преследованиях крестьянства и местной группы «рабочей оппозиции»². Много работавший в архивах госбезопасности В. М. Самосудов сначала сосредоточился на истории насильственной коллективизации региона³, а затем подготовил очерковые книги, где рассказал о трагических судьбах множества жителей Омской области. Особый интерес представляет его книга о Большом терроре⁴. Она выдержана в описательном ключе, но предлагает по сути подробный конспект деятельности тройки УНКВД по Омской области в 1937–1938 гг., активно востребованный современными исследователями. Есть исследования по истории пенитенциарной системы омско-тюменского региона⁵. Книга писателя

---

¹ Павлов Д. Б. Большеви́стская диктатура против социалистов и анархистов. 1917 — середина 1950-х годов. М.: РОССПЭН, 1999. 232 с.

² «Чрезвычайщина»: Из истории Омского Прииртышья 20–30-х годов / ред. А. И. Шумилов. Омск: Омск. кн. изд-во, 1990. 115 с.

³ Самосудов В. М. Насильственная коллективизация и противодействие крестьянства сталинскому термидору. Омск: ОГПИ, 1991. 68 с.; Он же. Современная отечественная историография коллективизации (1980-е — середина 1990-х гг.). Омск: Изд-во ОмГПУ, 1998. 141 с.

⁴ Самосудов В.М. Большой террор в Омском Прииртышье. 1937–1938. Омск: Омский пед. ун-т, 1998. 268 с.; Он же. О репрессиях в Омском Прииртышье: Исторические этюды. Омск: Изд-во ОмГПУ, 1998. 233 с.; Он же. Записки из кровавого года, Омск: Изд-во ОмГПУ, 2000. 168 с.

⁵ Урманова Ф. Р. История становления и развития советской пенитенциарной системы в Тюменском регионе (1918–1956 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2004; Быков А. В. Становление и развитие пенитенциарной системы в Западной Сибири в 1920-е гг. Омск: Омск. акад. МВД России, 2011. 179 с.

М. С. Шангина «Террор против совести» построена на материалах следственных дел священнослужителей и крестьян, а основанный на уникальных документах, но беллетризованный «Мятеж обреченных» посвящён крупному крестьянскому Муромцевскому восстанию весны 1930 г. в Барабинском округе¹.

Курьёзно звучит мнение омского историка А. В. Сушко (делящего историков на «либералов» и прочих, вероятно, «государственников») относительно применения цивилизационного подхода при изучении истории советской госбезопасности. Сушко утверждает, «что у народов с исключительно высокой значимостью государства в истории и культуре, соответственно, огромное значение имеют и органы государственной безопасности», имеющие внесудебные полномочия и позволяющие государству действовать с особой эффективностью. Он выводит историю ВЧК–ФСБ из причины Ивана Грозного, с помощью которой, «несмотря на имевшие место существенные неудачи и трудности... было успешно проведено масштабное реформирование основных сфер общественной жизни». В итоге петровского царствования в России впервые возникли центральные учреждения тайного политического сыска, а советская модернизация России, «проводившаяся посредством создания мощной спецслужбы, в том числе занимавшейся нехарактерными для большинства спецслужб мира задачами, в контексте истории российской цивилизации не представляется из ряда вон выходящим фактом». К этой модели, в которой Иван Грозный считается «эффективным менеджером», Пётр I — однозначно великим реформатором, а Сталин — неоднозначно великим, приходит и «современная российская цивилизация, где значительную часть политической элиты составляют действующие “силовики” и “силовики”, официально находящиеся в отставке, но продолжающие работать в государственном аппарате». По мнению Сушко, применение цивилизационной теории «объясняет роль отечественных органов безопасности в проведении модернизаций, позволявших нашей цивилизации давать ответы на внешние вызовы, решая при этом сложные внутренние проблемы»².

---

¹ Шангин М. С. Террор против совести: Об уничтожении духовенства и трудового крестьянства в г. Омске и области: сб. док. материалов. Омск, 1994. 319 с.; Он же. Мятеж обреченных. Хроника Муромцевского восстания. Омск, 1998. 400 с.

² Сушко А. В. К вопросу об использовании цивилизационного подхода для изучения истории отечественных спецслужб // Деятельность отечественных спецслужб в эпоху социальных катаклизмов: мат-лы междунаrod. научно-практ. конф. Омск, 2017. С. 215–222.

Из новейших крупных работ следует указать на монографию о деятельности органов ОГПУ Омского Прииртышья В. П. Василевско-го и А. В. Сушко¹, основанную на значительном количестве источников ФСБ. Благодаря такому материалу авторы высветили основные аспекты чекистской работы региона, хотя глава о борьбе с потенциальными по сути внешними угрозами не выглядит основательной. Они не скрывают размаха репрессий в этот период, но считают, что неверно именовать ОГПУ «политической полицией», поскольку из-за широты функций правильнее назвать их органами государственной безопасности. Опровергая мнение о моральной нечистоплотности чекистов, авторы утверждают: «...К концу 1920-х — началу 1930-х годов требования к облику сотрудников постоянно росли. По-другому и не могло быть. Пьяные, криминализованные спецслужбы просто бы не справились с задачами по борьбе с многочисленными внутренними и внешними врагами власти»². Если бы авторы с цифрами в руках доказали снижение преступности в «органах» описываемого периода, то их аргументы были бы более убедительны.

Плодотворно выглядит работа над репрессивной тематикой алтайских историков: В. Н. Разгона, И. А. Гридуновой, Г. Д. Ждановой³. Значительный фактический материал о работе алтайских чекистов 1920-х — начала 1930-х годов можно найти в статьях Н. В. Кладовой, с 1990-х годов активно работавшей с материалами следственных

---

¹ Василевский В. П., Сушко А. В. «Стражи революции»: органы ГПУ-ОГПУ в Омском Прииртышье. Омск: Изд-во ОмГТУ, 2017. 280 с.

² Там же. С. 14.

³ Разгон В. Н. Социальные и экономические факторы «Большого террора» 1937–1938 гг.: по материалам следственных дел УНКВД по Алтайскому краю на «бывших кулаков» // Эконом. история Сибири XX века: мат-лы всерос. науч. конф. (30 июня — 1 июля 2006 г., Барнаул) в 3 ч. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2006. Ч. 2. С. 249–260; Он же. Политическое насилие как фактор модернизационных преобразований в деревне в 1930-е годы (на материалах Алтая) // Хозяйственное и культурное развитие Урала и Сибири в XIX — начале XXI в.: сб. науч. тр. Томск, 2011. Вып. 3. С. 162–167; Гридунова И. А., Разгон В. Н. Реабилитация // Массовые репрессии в Алтайском крае 1937–1938 гг. Приказ № 00447. М.: РОССПЭН, 2010. С. 623–659; Жданова Г. Д. «Большой террор» 1937–1938 гг. в Алтайском крае // Алтайский архивист. 2007. № 2 (14). С. 134–143; Жданова Г. Д., Разгон В. Н. Политические репрессии на Алтае в период коллективизации (1928–1933 гг.). // Наука — Алтайскому краю, 2010 год: сб. науч. ст. по результатам научно-исслед. работ. Вып. 4. Барнаул, 2010. С. 110–118; Жданова Г. Д. Политические репрессии на Алтае 1919–1938 гг.: ист.-стат. исслед. Барнаул: АЗБУКА, 2015. 255 с.

дел и применявшей к ним методы психоанализа¹. Заметен публикационный вклад архивиста ОСД ГААК А. А. Колесникова, обнаружившего много ранее неизвестных документальных свидетельств о репрессированных жителях региона². Наиболее же значителен и разнообразен вклад в изучение чекистско-репрессивной темы известного краеведа В. Ф. Гришаева, опубликовавшего целый ряд очерковых книг и множество статей о терроре на Алтае, а также о сопротивлении сибиряков коммунистическому режиму. Ему принадлежат работы о политических преследованиях в отношении казачества, священнослужителей, крестьянства, интеллигенции, военных, основанные на обширном цитировании уникальных первоисточников. Привлекали внимание автора и биографии алтайских чекистов³. Не все труды Гришаева отличает строгая научность, обычно они лишены справочного аппарата, содержат ошибки и неточности.

---

¹ Кладова Н. В. Человек и идея (по материалам следственных дел репрессированных жителей Михайловского района) // Михайловский район: очерки истории и культуры. Барнаул: Б/и, 1999. С. 177–181; Она же. Архивно-следственные материалы Центра хранения спецдокументации по Алтайскому краю как источник для изучения изменений социокультурного стереотипа в 20–30 гг. // Историч. краеведение: теория и практика: мат.-лы рос. научно-практ. конф. Барнаул, 1996. С. 173–176; Она же. К вопросу об обстоятельствах гибели Е. М. Мамонтова // История «белой» Сибири: тез. второй науч. конф. (4–5 февраля 1997 г.). Кемерово, 1997. С. 142–145; Она же. Региональные особенности реализации политики коллективизации и «ликвидации кулачества как класса» (на примере Барнаульского округа Алтайской губ.) // Алт. деревня в 20–30-е годы XX века: сб. науч. ст. Томск, 2010. С. 64–89; Она же. Следственные дела репрессированных: проблема включения источника в научный оборот // Человек–текст–эпоха. Томск, 2011. Вып. 4: Аналитические практики и перспективы современного источниковедения. С. 70–83.

² Колесников А. А. Архивно-следственное дело как источник по истории политических репрессий 1919–1922 гг. (по следственным материалам Алтайской губЧК) // III науч. чтения памяти Ю. С. Булыгина: сб. науч. тр. Барнаул: Аз Бука, 2005. С. 13–18; Он же. «В руках революционного закона» // Залесовское Причумышье: очерки истории и культуры. Барнаул, 2004. С. 111–114; Он же. «Большой террор» на Алтае // Вестн. архивиста. 2008. № 2. С. 168–172; Он же. Преследование представителей Русской православной церкви на Алтае // Сталинизм в советской провинции: 1937–1938 гг. Массовая операция на основе приказа № 00447. М.: РОССПЭН, 2009. С. 283–302.

³ Гришаев В. Ф. Реабилитированы посмертно (К истории сталинских репрессий на Алтае). Барнаул, 1995. 239 с.; Он же. Дважды убитые (К истории сталинских репрессий в Бийске). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. 279 с.; Он же. «За чистую советскую власть...» К истории крестьянских мятежей на Алтае, вызванных подрывной, раскулачиванием, насильственной коллективизацией. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. 185 с.; Он же. Невинно убиенные: к истории сталинских репрессий православного духовенства на Алтае. Барнаул, 2004. 240 с.; Он же. «За отсутствием состава преступления...»: о репрессиях сибирского казачества на Алтае. Барнаул, 2009. 238 с.; Он же. «Арестовать всех немцев!» // История и культура немцев Алтая (по материалам этнографических экспедиций). Барнаул, 2002. Вып. 3. С. 33–50 и др.

Но обширность и многообразие использованных источников, прежде всего, следственных дел на репрессированных, делают многочисленными труды этого краеведа незаменимым подспорьем для исследователей. Ценные материалы о чекистах Ойротии были подготовлены работниками ФСБ Республики Алтай, однако, в традиционном панегирическом стиле, без упоминания событий 30-х годов и с очень неполным перечнем руководителей¹. Небольшая монография о Сиблаге Е. В. Суверова построена на ценном архивном материале из фондов региональных управлений МВД, но лишена источниковедческой критики и в целом очень слаба в научном отношении². К сожалению, в последние годы изучение темы спецслужб в регионе ослабло и эту тему продолжает разрабатывать в основном лишь В. Н. Разгон.

Кемеровские историки основную часть усилий посвятили изучению системы принудительного труда и террора 30-х годов. Бывший сотрудник КГБ, а затем писатель В. Г. Рудин представил серию информативных материалов о репрессивных акциях в Кузбассе³. Много ценных фактов содержит книга прокурорского работника С. М. Павлова, основанная на материалах следственных дел⁴, немало важных данных о терроре партизан и чекистов введено в оборот трудами журналистов-краеведов В. Тогулёва и М. Кушниковой⁵. В 1994–1997 гг. две работы о системе принудительного труда в Кемеровской области выпустила Л. И. Гвоздкова⁶, наглядно продемонстрировав крайне низкий уровень понимания проблемы. Используя документацию МВД, она дала сведения о дислокации лагерных подразделений, их численности, затронула и осуществление политических репрессий, но сосредоточилась на производственной деятельности лагерей, заимствуя из архивных документов не только факты, но и мнения, в частности, положительно оценивая выдающе-

---

¹ К 90-летию со времени образования органов госбезопасности на территории Горного Алтая // Арх. Респ. Алтай. 2010. № 20. С. 224–228.

² Суверов Е. В. Образование и функционирование Сибирского исправительно-трудового лагеря НКВД СССР (Сиблага) в 1929–1941 гг. Барнаул: Барнаул. юрид. ин-т МВД России, 2016. 124 с.

³ Рудин В. Три года дьявольщины: в 3 кн. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2012; Он же. Чёрные годы // Начало века. 2007. № 3. С. 170–177.

⁴ Павлов С. М. Кузбасская Голгофа. Кемерово: Кузбассвуиздат. 2008. 367 с.

⁵ Кушникова М., Сергиенко В., Тогулев В. Страницы истории города Кемерово. Книга первая. Новокузнецк, 1997. 580 с.; Книга вторая. Кемерово, 1998. 661 с.

⁶ Гвоздкова Л. И. Сталинские лагеря на территории Кузбасса (30–40-е гг.): учебн. пособие. Кемерово: Кузбассвуиздат. 1994. 274 с.; Она же. История репрессий и сталинских лагерей в Кузбассе. Кемерово: Кузбассвуиздат. 1997. 516 с.

еся значение социалистического соревнования среди заключённых, а также уверяя, что «даже за решеткой творческая мысль советского гражданина продолжала служить идеям социализма»¹. Без ссылок на источники ею в книге «История репрессий и сталинских лагерей в Кузбассе» обширно цитируются работы предшественников: от «Большого террора» Р. Конквеста до «Знать и помнить» И. Н. Кузнецова, приводится совершенно фантастическая цифра репрессированных в 1933–1934 гг. по делу томской «Партии народных героев Польши» — якобы более 3 000 чел. (с. 183), А. И. Успенский ошибочно фигурирует в качестве начальника УНКВД ЗСК, М. С. Богуславский — как бывший председатель Сибревкома (с. 183, 220), а кузбасский чекист И. Ф. Золотарь, амнистированный ещё в годы войны, значится осуждённым к расстрелу в 1950-е годы (с. 373). Гвоздкова с преувеличением оценивает численность следственного аппарата УНКВД ЗСК на 1937 г. в 2 000 чел. (с. 220). Ею искажены фамилии и инициалы работников карательной системы Ф. И. Автономова, И. И. Баркова, А. Ф. Блимбергса (фигурирует как Длимберго!), А. И. Божданкевича, А. М. Волосского, Я. Н. Дробниса, С. С. Корпулева, Д. К. Салтымакова (с. 183, 210, 212–215, 217, 337).

Значительно более весомым вкладом в историю гулаговского сегмента региональной экономики является монография Р. С. Бикметова, построенная на анализе широкого архивного материала за весь период существования лагерей в Кузбассе². Другим исследованием на эту тему стало «документальное повествование» о Сиблаге Ю. П. Панова, выпущенное ГУВД Кемеровской области³.

Большое количество объективной информации о чекистах Красноярского края можно найти в многочисленных работах абаканского историка А. П. Шекшеева⁴, давшего ценный архивный материал о

---

¹ Гвоздкова Л. И. Сталинские лагеря на территории Кузбасса... С. 97, 100.

² Бикметов Р. С. Под конвоем в шахту: Спецконтингент в угольной промышленности Кузбасса (начало 1930-х — середина 1950-х гг.). Кемерово: Изд-во ГУ КузГТУ, 2002. 178 с.; Он же. Использование спецконтингента в экономике Кузбасса (1929–1956 гг.). Кемерово: Изд-во ГУ КузГТУ, 2009. 430 с.

³ Панов Ю. П. Сиблаг ГУЛАГа: документальное повествование. Кемерово, 2005. 416 с.

⁴ Шекшеев А. П. Гражданская смута на Енисее: Победители и побежденные. Абакан: Хакасское кн. изд-во, 2006. 592 с.; Он же. Крестьянское повстанчество на Енисее. 1918–1932 гг. // Вопр. истории. 2006. № 2. С. 103–113; Он же. Хасхылар: протестное поведение хакасов (конец 1919 — начало 1930-х гг.) // Российская история. 2009. № 2. С. 93–106; Он же. «Черные партизаны». Эпизод крестьянского сопротивления коллективизации // Рос. история. 2011. № 6. С. 146–154.

чекистских кадрах 1920–1930-х годов и репрессиях в отношении бывших красных партизан, священнослужителей, хакасского населения. Шекшеев очень плодотворно изучает и проблемы красного бандитизма, он объективно изложил историю Енисейской губЧК, подробно описав фабрикацию целого ряда «заговоров» 1920–1921 гг.¹ Архивными данными о терроре 30-х годов в отношении номенклатуры Хакасии насыщена книга В. Н. Тугужековой и С. В. Карлова, а также работа В. К. Гавриленко². Очерковая книга А. С. Ильина³ содержит большое количество фактов о коммунистическом терроре в отношении самых разных слоёв населения и конкретных личностей (от сына Л. Д. Троцкого до номенклатурных работников), а также касается репрессий в отношении самих чекистов, представляя собой ценный материал для понимания проблем социальной истории 30-х годов. Сотрудник «Мемориала» В. Биргер описал ссыльные потоки в Красноярский край с начала 1930-х годов⁴.

Не очень удачной выглядит монография А. А. Макарова о репрессиях в Красноярском крае в 1934–1938 гг.⁵ Это исследование, основанное преимущественно на материалах партийных архивов, дающее разнообразную репрессивную статистику, жёсткие оценки карательной политике и показывающее идеологическое сопровождение террора с помощью партийной пропаганды, оказалось тем не менее пронизано архаическими концептами и грубыми ошибками, особенно при исчислении репрессивной активности органов НКВД региона. Внимание Макарова оказалось сосредоточено отнюдь не на главных террористических акциях 1937–1938 гг. (так называемых «кулацкой операции» и национальных операциях): напротив, автор вывел на первый план ежовскую атаку против номенклатуры. Репрессии же в отношении «кулаков», «бывших» и «инонационалов» обрисованы максимально бегло (с. 108).

---

¹ Шекшеев А. П. Органы ВЧК на территории Енисейской губернии // Вестн. ин-та Саяно-алтайской тюркологии... С. 109–125.

² Тугужекова В. Н., Карлов С. В. Репрессии в Хакасии. Абакан, 1998. 111 с.; Гавриленко В. К. Казнь прокурора: Документальное повествование. Абакан: Хакасинтерсервис, 2001. 240 с.

³ Ильин А. С. Каинова печать: доцент, матрос и другие в котле сибирской индустрии. Красноярск: Боргес, 2005. 300 с.

⁴ Биргер В. Ссылка в Красноярском крае и Хакасии. Ссылка из региона. М., 2001. 96 с.

⁵ Макаров А. А. Репрессии в Красноярском крае (1934–1938). Абакан: Хакас. кн. изд-во, 2008. 162 с.

Автор ошибочно относит Красноярский край к регионам со средней интенсивностью репрессий, где планы Москвы предусматривали репрессировать «только» 0,2 % населения. Между тем основное исследование по Большому террору в СССР, в котором анализируются не только первоначальные планы, но и итоги террора, говорит о том, что только в рамках «кулацкой операции» репрессиям подверглось 0,93 % жителей края, что вдвое больше, чем в среднем по стране¹. Сравнивая процент расстрелянных с общим числом репрессированных, Макаров некорректно сопоставляет с общесоюзными данными 1937–1938 гг. статистику по Красноярскому краю за 1934–1938 гг. и тем подтверждает свой неверный вывод о меньшем масштабе террора в крае в сравнении с СССР в целом (с. 45). Автор не заковычивает политический термин «кулак» (с. 38, 39) и считает, что в 1934 г. в советском обществе наблюдались лишь «некоторые антисоветские настроения» (с. 68), а к числу самых распространённых политических преступлений 1920 — начала 1930-х годов относит полумифическое вредительство, а также саботаж (с. 21). В полном соответствии с чекистскими оценками 30-х годов он пишет, что в 1934–1938 гг. «бывшие антисоветские элементы» и «социально чуждые лица» сознательно «проявляли свою политическую позицию, совершая уголовные преступления» (с. 61). Глубоко ошибочен вывод автора о том, что направления работы органов НКВД «определяла структура краевой экономики» (с. 101), а не приказы центрального аппарата госбезопасности, задававшие и направления, и масштабы репрессий.

Устаревшие представления встречаются и в других работах красноярских историков. В учебном пособии (руководитель авторского коллектива Н. И. Дроздов) «Красноярье: пять веков истории» объективно отмечается, что «молох политических репрессий» стал для властей средством разрядки социальной напряжённости. Вместе с тем авторы уверяют, что лагерная система являлась не «фабрикой смерти», а средством обеспечения рабочей силой промышленных строек, причём в годы Большого террора среди населения преобладали «энтузиазм, высокий пафос созидания новой жизни, гражданская активность и социальный оптимизм»². Книга же бывшего

---

¹ Макаров А. А. Репрессии в Красноярском крае... С. 43; Юнге М., Бордюгов Г., Биннер Р. Вертикаль большого террора. История операции по приказу НКВД № 00447. М.: Новый хронограф; АИРО-XXI, 2008. С. 571.

² Красноярье: пять веков истории. Т. 2. Край с 1917 по 2006 год. Красноярск: Платина, 2006. С. 61, 66.

работника КГБ В. М. Бушуева, посвящённая красноярским чекистам, давая довольно ограниченный архивный материал, изобилует грубыми ошибками и полна безудержной апологетикой работы ВЧК-КГБ края¹.

Исследователи Восточной Сибири также активно изучают чекистскую историю. Так, С. И. Кузнецов собрал материалы о руководстве ВЧК-КГБ Иркутского региона². В небольших работах, построенных на архивном материале, затрагиваются вопросы сталинского террора, а также разведывательно-контрразведывательной работы ВЧК-НКВД³. Имеются крупные статьи о первых годах работы Иркутской губЧК⁴. Иркутский историк И. В. Наумов предложил несколько особенно ценных работ, насыщенных информацией из оперативных архивов УФСБ по Иркутской области. Он подробно, но без акцента на карательной работе описал структуру и деятельность Иркутской губЧК, работу ОГПУ против интеллигенции и служащих, предпринял исследования организации и антикрестьянской деятельности полпредства ОГПУ по ВСК и УНКВД по Иркутской области в 1930-х годах⁵. Данные работы крайне интересны и важны, но ряд выводов в них явно смазывает важные аспекты террористической политики чекистов. Удивляет, что автор вполне одобрительно описывает меры властей по борьбе с повстанчеством в Восточной Сибири, отмечая как положительный факт, что при полпредстве ОГПУ и его оперативных

---

¹ Бушуев В. М. Грани. Чекисты Красноярья от ВЧК до ФСБ. Красноярск: Буква, 2000. 398 с.

² Кузнецов С. И. Руководство ВЧК-ОГПУ-КГБ Иркутской области (1917–1953 гг.) // Силловые структуры России: страницы истории: сб. ст. Иркутск: Восточно-Сиб. ин-т МВД РФ, 2006. С. 164–178.

³ Александров А. М., Томилов В. Г. Второй Ленский расстрел 1937–1938 гг. // Жертвы политич. репрессий Иркутской области. Память и предупреждение будущему поколению. Т. 3. Иркутск, 2000. С. 47–53; Белоусов Г. Оперативная игра // Восточно-Сибирская правда. 2002. 24 апр.

⁴ Наумов И. В. Органы государственной безопасности Иркутской губернии в 1920 — начале 1922 года // Силловые структуры и о-во: ист. опыт взаимодействия в условиях Сибири: мат-лы научно-теоретич. семинара. Иркутск: Восточно-Сиб. ин-т МВД РФ, 2003. С. 189–216; Кожин А. В. Становление карательных органов в Иркутской губернии в январе–сентябре 1920 года // Там же. С. 174–188.

⁵ Наумов И. В. Работа органов ОГПУ с интеллигенцией и совслужащими Иркутского региона в 1920-е годы // Известия Иркутского гос. ун-та. Серия «История». 2011. № 1 (11). С. 128–139; Он же. Организация полномочного представительства ОГПУ СССР по Восточно-Сибирскому краю // Социогенез в Северной Азии: сб. науч. тр. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2005. Ч. 2; Он же. Спецпереселенцы в Восточно-Сибирском крае (1930–1936 гг.) // Сибир. ссылка: сб. науч. ст. Иркутск: Оттиск, 2009. Вып. 5 (17). С. 463–467.

секторах формировались специальные оперативные группы, которые направлялись в те районы края, откуда приходили сообщения о недовольстве населения и где возникала опасность восстаний. В задачу этих групп входило быстрое выявление недовольных, повстанчески настроенных лиц и их изоляция. Наумов пишет, что следствие по делам заподозренных в повстанческих намерениях проводилось в кратчайшие сроки, после чего дела передавались в тройку при ПП ОГПУ по Восточно-Сибирскому краю: «Деятельность оперативных групп позволила предотвратить немало крестьянских восстаний и тем самым сохранить многие человеческие жизни»¹. Жизни тысяч расстрелянных и отправленных в концлагеря на медленную смерть по ложным обвинениям в намерении восстать автор отчего-то ценными не считает.

Также Наумов полагает, что «...в первой половине 1930-х годов в репрессивной политике руководства ВКП(б) и деятельности органов государственной безопасности по ее реализации в Восточной Сибири имелись и сдерживающие элементы, реально затруднявшие переход к Большому террору. Прежде всего, они заключались в твердой позиции председателя ОГПУ СССР В. Р. Менжинского, состоявшей в том, что органы государственной безопасности, осуществляя репрессивную деятельность, должны строго соблюдать законы (действовавшие тогда в стране). Такой же позиции придерживалось и руководство Полномочного представительства ОГПУ по Восточно-Сибирскому краю во главе с И. П. Зирнисом». Этот смелый вывод сделан только лишь на фактах ареста Зирнисом ряда своих подчинённых за применение пыток, что вообще-то делали все полпреды. Фабрикацию же в тот период тысяч дел по обвинению в политических преступлениях (только в первые месяцы 1933 г. тройка ПП ОГПУ ВСК под руководством Зирниса осудила к расстрелу более 1 700 чел.²) историк не относит к деятельности, приближавшей Большой террор.

Характерно, что Наумов просто отказывается от попыток установления истины относительно существования «повстанческих организаций», по сути отрицая сделанное современными прокурорскими работниками, давно реабилитировавшими осуждённых «заговорщиков»-крестьян: «Сейчас зачастую уже невозможно уста-

---

¹ Наумов И. В. Органы государственной безопасности Восточно-Сибирского края (1930–1936) // Красноярское общество «Мемориал» [Электронный ресурс]. URL: www.memorial.krsk.ru/Articles/Naumov.htm

² Тепляков А. Г. Динамика государственного террора в СССР в 1933 году... С. 52–53.

новить, где реально существовали такие организации (поскольку степень недовольства была велика, велико было и стремление части крестьянства к самоорганизации с целью сопротивления властям), а где они были придуманы следствием... трудно сказать, насколько обоснованной была эта борьба с вредителями...»¹. В новейшей работе автор повторяет эту мысль, отказываясь от поиска истины: «Так же как и в случае с коллективизацией и раскулачиванием сейчас уже трудно сказать, насколько обоснованной была эта борьба с вредителями, кого можно было назвать вредителем, а кто пострадал невинно. Разобраться в этом — задача не историков, а правоохранительных органов»². В другой статье Наумов бездоказательно утверждает: «Как показало начало Великой Отечественной войны, реально существовавшая в СССР разведывательная сеть Германии и Японии в основном уцелела в годы Большого террора»³.

На основе архивов УФСБ по Читинской области составил сборник интересных очерков А. В. Соловьёв, затронувший в числе прочих вопросы как разведывательной деятельности читинских чекистов, так и репрессий в их среде⁴. Информативные работы по истории региональных органов ВЧК-НКВД подготовили бурятские и якутские исследователи. Якутский историк Е. Е. Алексеев выпустил книгу о репрессивной работе чекистов Якутии, дав материал о фабрикации дел как периода Гражданской войны, так и 30-х годов⁵. Репрессиям в Якутии посвятила монографию Т. С. Иванова⁶.

Оценивая вклад в «чекистоведение» современных сибирских историков, следует отметить, что для многих из них характерны поверхностное знание о предмете, доверие к языку чекистских документов, защита устаревших концепций. Также мы вынуждены оспорить некоторые мнения и признанных специалистов в области исто-

---

¹ Наумов И. В. Органы государственной безопасности Восточно-Сибирского края (1930–1936)...

² Он же. Индустриализация Восточной Сибири и органы ОГПУ // Историч. традиции правоохранительной системы России: сб. науч. тр. / ред. С. А. Карнович. Иркутск: ФГКОУ ВО ВСИ МВД России, 2016. С. 94.

³ Он же. Политика «Большого террора» в Иркутском регионе (1936–1938) // Сибир. ссыла: сб. науч. ст. Иркутск: Оттиск, 2011. Вып. 6 (18). С. 177.

⁴ Соловьёв А. В. Тревожные будни забайкальской контрразведки. М.: Русь, 2002. 544 с.

⁵ Алексеев Е. Е. Признаю виновным...: Служба безопасности Республики Саха (Якутия). М.: Концерн «ЛР», 1996. 160 с.

⁶ Иванова Т. С. Из истории политических репрессий в Якутии. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1998. 270 с.

рии первых лет советской эпохи и террора 30-х годов. Например, необъективно выглядит точка зрения известного исследователя М. В. Шиловского о том, что первая советская власть в Сибири в 1918 г. «при всех её изъянах и пороках не практиковала массового насилия, прежде всего в силу своей слабости»¹. Однако произвол советско-милицейских и военных властей, а также нарождавшейся политической полиции (даже при широком толковании понятия «массовое насилие») был очень заметен в весенне-летние месяцы 1918 г. по всей Сибири, где тюрьмы оказались переполнены несогласными с большевистским режимом и были распространены негласные бессудные расправы над политическими оппонентами. Для другого известного историка оказалось слишком соблазнительным поверить в обнаруженные в протоколах допроса одного из красноярских чекистов сведения о массовых внесудебных казнях 1939 г. в Игарке, что совершенно не подтверждается имеющейся информацией о репрессиях. Автор широко опубликовал это открытие о якобы имевшей место расстрельной работе тройки УНКВД по Красноярскому краю много позже даты официального упразднения этой карательной структуры², хотя в его основе — очевидная ошибка памяти чекиста, много лет спустя вспомилавшего подробности террора.

Многие историки в ряде сочинений то и дело признают вполне достоверными фальсифицированные сведения о заговорах начала 1920-х годов. Так, В. Н. Уйманов, к примеру, верит в то, что был заговор реабилитированного А. И. Гавриловича в Томске, В. Ф. Гришаев и Г. Н. Безруков убеждены в заговоре эсеровского Крестьянского союза на Алтае, а О. А. Пьянова — в существовании военной организации Крестьянского союза в Омске³. Большой, но не осмысленный и крайне некорректно (вплоть до многочисленных искажений цитат из документов) изложенный архивный материал о работе сибирской милиции и чекистов приведён в книге новосибирского краеведа М. А. Ефремова, где утверждается виновность в заговорщицкой

---

¹ Шиловский М. В. Политические процессы в Сибири в период социальных катаклизмов 1917–1920 гг. Новосибирск: Сова, 2003. С. 162.

² Папков С. А. Тройки ОГПУ–НКВД в Сибири в 1925–1938 гг. // Вопр. истории. 2012. № 6. С. 21–38; Он же. Обыкновенный террор. Политика сталинизма в Сибири... С. 257–259.

³ Боль людская. Книга памяти репрессированных томичей. Томск, 1999. Т. 5. С. 7; Жертвы политических репрессий в Алтайском крае. Т. 1. 1919–1930. Барнаул, 1998. С. 20–21; Гришаев В. Ф. «За чистую советскую власть...»; Пьянова О. А. Военная организация Омского комитета «Сибирского крестьянского союза» // Изв. Омск. гос. историко-краевед. музея / сост. П. П. Вибе, Т. М. Назарцева. Омск, 1999. С. 201–210.

деятельности 300 лиц, проходивших по делу 1930–1931 гг. «Чёрные» и реабилитированных более полувека назад¹.

Непонимание рядом исследователей сути провокационной агентурно-оперативной работы чекистов хорошо видно в содержательной книге Д. Л. Доржиева о восстаниях в Бурятии², где совершенно некритично оцениваются документы следственных дел на участников крестьянских мятежей начала 30-х годов. Автор стереотипно повторяет чекистские формулировки из обвинительных заключений о том, что в таких-то сёлах возникали заговорщицкие организации и после массовых арестов оставшиеся на свободе участники поднимали восстание. Между тем очевидно, что восстания были непосредственным следствием именно массовых репрессий в отношении мифических «заговорщиков». А новосибирский историк А. И. Тимошенко в одной из рецензий заявила, что в лагерях якобы заключённые и охрана питались и одевались одинаково, а каторжные условия в целом были вовсе не таковы, «чтобы нормальный, адекватный человек не мог в них выжить»³.

Влияние чекистских оценок обоснованности преследований «бывших людей» обнаруживается в работах омского историка и выходца из ФСБ В. П. Василевского. Он утверждает: «Удаляя их [бывших белых — А. Т.] из общества, органы ОГПУ выполняли задачу законно существовавшей власти... Карательная, репрессивная деятельность органов ОГПУ в отношении бывших белогвардейцев определялась действующим законодательством, соответствовавшим уровню общественного сознания масс и профессиональному мировоззрению чекистов, выполнявших свой долг по борьбе с врагами»⁴. На деле законы того времени считали фабрикацию следственных документов об антигосударственной деятельности тяжким преступлением, и чекисты сознательно, в карьеристских целях, нарушали законодательство, пользуясь своим экстраординарным положением в систе-

---

¹ Ефремов М. А. 80 лет тайны (Власть и милиция Сибирского края 1917–1937). Новосибирск, 2002. С. 222–224.

² Доржиев Д. Л. Социально-политический протест и вооружённые выступления крестьянства в Бурятии на рубеже 1920–1930 гг. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 1996. 180 с.

³ Гуманитар. науки в Сибири. 2012. № 1. С. 101–102.

⁴ Василевский В. П. Проблема оценки репрессий органов ОГПУ Сибири в отношении бывших белогвардейцев в связи с реабилитацией осужденных // Культура, наука, образование: проблемы и перспективы: мат-лы II Всерос. научно-практ. конф. (Нижевартовск, 8 февраля 2013 г.). Ч. II. История идей и история о-ва. Теория истории, историография, методология историч. исслед. Проблемы отечеств. истории. Нижевартовск: Изд-во Нижеварт. гос. ун-та, 2013. С. 88, 89.

ме партийно-государственной власти и массово фабрикуя дела на «бывших людей». И участники репрессий, и их жертвы объявлены В. П. Василевским равноценными участниками общеисторической драмы, поскольку, по его мнению, мораль — вещь относительная и формируется эпохой. При этом автор, вряд ли сознательно заимствуя постмодернистский релятивистский подход, абсолютно игнорирует целенаправленное низвержение большевиками традиционных правовых и моральных норм ради своей классово-политической победы.

О доверчивости к тенденциозным материалам партийных инстанций говорит появление статьи омского историка А. А. Штырбула, в которой совершенно ложно освещены события, связанные с так называемым «Кузнецким заговором». Согласно Штырбулу, в ноябре 1920 г. в г. Кузнецке Томской губернии возникла подпольная организация под руководством ряда видных чекистов и милиционеров: «Причинами заговора являлись: 1) бюрократизм совгосаппарата; 2) засилье в нем “спецов”; 3) засилье бывших белогвардейских офицеров в комсоставе... Заговорщики вели работу в войсках Кузнецкого гарнизона и рассчитывали, что в выступлении примет участие до 100 штыков: чекистов, милиционеров, красноармейцев — как правило, бывших партизан... Была установлена связь с анархо-крестьянскими отрядами И. Новосёлова и П. Лубкова, имелся расчёт на взаимодействие с ними... После захвата города планировалось убить начальника ЧК и председателя уисполкома, а также “спецов”... Далее предполагалось идти на губернский центр, а в случае неудачи отступить в тайгу. Несмотря на то, что часть участников заговора являлась членами РКП (б), лозунг был: “Да здравствует Советская власть, бей коммунистов!” В результате деятельности кузнецкой “революционной тройки” заговор был ликвидирован... задержано 15 активных заговорщиков. События в Кузнецке ясно показали, что... это было выступление антикоммунистическое, но левое; своеобразное выяснение отношений между коммунистами-назначенцами и проанархистски настроенными элементами бывших партизан»¹. В попытке отыскать яркие факты анархистских проявлений во властных структурах А. А. Штырбул проигнорировал необходимую критику обнаруженного им источника. Между тем изученное В. И. Шишкиным следственное дело кузнецких «заговорщиков» убедительно свидетельствует об отсутствии какого-либо заговора и говорит о гру-

---

¹ Штырбул А. А. Красный бандитизм в Сибири: к вопросу об идейно-политическом характере явления. 1920–1922 гг. // Из прошлого Сибири: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 2. Ч. 2. Новосибирск, 1996. С. 49–60.

бой взаимной провокации чекистских и военных структур, осложнённой пьянством, карьеризмом и личными счётами¹.

Пример рождения довольно сомнительных предположений демонстрирует барнаульская исследовательница Н. В. Кладова. Посчитав, что обнаруженных ею «расстрельных дел» Алтайской губЧК в отношении представителей «исторической контрреволюции» слишком мало, она заявляет, что отсутствие жизненной агрессии и низкая пассионарность «понижают эффективность функционирования системы подавления», чем «в частности, можно объяснить феномен более мягких приговоров по делам начала 20-х годов в сравнении с периодом Большого террора». Эти дела обычно заканчивались амнистией, причём якобы даже в отношении тех, кто «пролил реки крови»². На деле примеров уничтожения чекистами как ответственных работников колчаковской власти, так и совершенно рядовых чиновников и военнослужащих вполне достаточно³; также трудно проигнорировать слова председателя АлтгубЧК Х. П. Щербака, заявившего в конце 1920 г. о расстреле в губернии 10 тыс. врагов. Невозможно не учитывать и крайне распространённый на Алтае красный бандитизм, проявлявшийся в начале 1920-х годов в бессудном истреблении тысяч представителей и сторонников белых властей. «Жизненной агрессии» в Сибири было более чем достаточно. Для модных ныне психоаналитических штудий Гражданская война — благодарный материал, но серьёзные выводы о масштабности и накале репрессий требуют анализа широкого круга источников, а не механической подгонки фактов из частично рассекреченных и не полностью сохранившихся документов под категории пассионарности, диктата и пр.

Работы, составленные в УФСБ по Кемеровской области с участием полковника В. В. Онищенко⁴, содержат информативные статьи, документы и мемуарные свидетельства о чекистах Кузбасса, в том числе о репрессированных, но крайне идеологизированы и отмече-

---

¹ Шишкин В. И. Кузнецкий «заговор» (ноябрь 1920)... С. 69–80.

² Кладова Н. В. Следственные дела репрессированных периода формирования советской социально-политической системы: психоаналитическая интерпретация // Политические репрессии в Алтайском крае 1919–1965. Барнаул, 2005. С. 336, 338.

³ См., например, постоянные и подробные извещения о приговорах (зачастую расстрельных) Алтайской губЧК в газете «Алтайский коммунист» за 1920 г.

⁴ Чекисты Кузбасса: Страницы истории. Кемерово, 2003; Служение Отечеству: воспоминания, статьи, документы в двух книгах. 1917–2005. Книга первая: 1917–1945. Кемерово, 2005; Государственность. Законность. Честь: Страницы современности / авт.-сост. В. А. Бодренков. Кемерово, 2007.

ны большим количеством ошибок. Особенно бросается в глаза фантастическое утверждение об уничтожении в сталинское время почти 85 тыс. чекистов. Сам же преподаватель Кемеровского государственного университета В. В. Онищенко опубликовал в журнале, входящем в перечень ВАК, фрагмент из собственной книги 2007 г., причем практически дословно¹. Немногие отличия выглядят курьёзно. Так, если в книге автор пишет о ликвидации около 85 тыс. чекистов, то в журнальной статье «доработка» выглядит следующим образом: «Так было уничтожено почти несколько тысяч сотрудников НКВД». В статье говорится о репрессировании в 1920–1950-х годах 40 тыс. жителей Кузбасса, причем даётся отсылка к книге, где на указанной странице значится, что в 1930–1950-х годах в Кузбассе было репрессировано 150 тыс. чел². Отметим, что работники УВД Кемеровской области выпустили полезные книги³, в которых немало ценных сведений. Хотя они выполнены в традиционной манере торжественного описания подвигов местных органов милиции, но вместе с тем снабжены большим количеством биографического материала, касающегося и сотрудников органов госбезопасности.

Бывший тюменский чекист А. А. Петрушин приписал чекистам 30-х годов подготовку заговора против Сталина, уверяя, что работники ОГПУ-НКВД предвидели массовые репрессии в отношении них самих и решили нанести превентивный удар, опираясь на бывших белых генералов вроде «специально» освобожденного из тюрьмы А. Н. Пепеляева. Также Петрушин превратил одного из руководителей губернских чека М. Д. Бермана в главного чекиста Сибирского региона, заодно придумав и факт постановления к середине 1930-х годов почти всего взрослого мужского населения страны под чекистский контроль⁴. На деле даже к марту 1941 г. на списочном учете НКВД СССР состояли только 1 млн 263 тыс. чел., а во многих райотде-

---

¹ Ср.: Онищенко В. В. Трудная дорога к правде (о реабилитации жертв политического террора в Кузбассе) // Изв. Алт. гос. ун-та. Сер. История. Барнаул, 2009. № 4–2 (64). С. 148–151; Государственность. Законность. Честь... С. 573–588.

² Ср.: Онищенко В. В. Трудная дорога к правде... С. 150; Государственность. Законность. Честь... С. 573.

³ Главное управление внутренних дел Кемеровской области. 1917–2002 гг.: страницы истории. Кемерово, 2002; Марченко С. Г. Страницы истории уголовно-исполнительной системы Кемеровской области. Кемерово, 2009.

⁴ Петрушин А. Проклятье шамана // Родина. 2006. № 3. С. 60; Он же. Чекистские истории. Хлебное место // Тюменский курьер. 2005. № 89–90. 16 июля; Он же. Тюмень без секретов, или Как пройти на улицу Павлика Морозова. Тюмень, 2011. С. 134–135.

лах НКВД к 1937 г. не было учета ни «социально-вредного элемента», ни представителей «враждебных национальностей»¹.

Значительная часть даже новейшей сибирской литературы о чекистах и репрессиях предлагает, в сущности, мифы, восходящие к чекистским оценкам. Недостаточный уровень изученности проблем истории ВЧК-ОГПУ Сибири хорошо виден на примере работы В. И. Исаева и А. П. Угроватова², рассматривающей органы госбезопасности в общей системе правоохранительных структур региона. Книга выполнена в традиционном стиле доверия к сложившейся в советское время точке зрения на деятельность правоохранительных органов и совершенно не ставит вопроса о том, каким образом экстремально высокая ведомственная преступность на деле превращала чекистско-милицейские организации в свою противоположность — криминализованные структуры, для которых правоохранительная функция не являлась приоритетной.

Начальник Сибмилиции И. С. Кондурушкин в конце 1921 г. оценивал подчиненный коллектив как организованное преступное сообщество: «Милиция Сибири, особенно уголовный розыск — это опасная банда, а не охрана Республики, разложившаяся морально и деморализованная экономически». И это не было эмоциональным перехлестом, как уверяют Исаев и Угроватов, ибо на тот момент 55 % милиционеров происходили из партизан, а с осени 1921 г. по февраль 1922 г. из рядов Сибмилиции было изгнано только за красный бандитизм 1 400 человек (с. 38, 43). В 1922 г. советская милиция была коррумпирована, по официальным данным, на 95 %; пьянство и взяточничество в ней стали «притчей во языцех»³. Судебные органы имели ничуть не больше авторитета. В советской сатирической прессе шутили, что разница между судом и революционным трибуналом заключается лишь в большей дороговизне трибунала⁴ как более сурового по части приговоров.

---

¹ Хаустов В. Н. Развитие советских органов государственной безопасности: 1917–1953 гг. // Cahiers du Monde Russe 42/2-3-4 Avril-decembre 2001. Paris, 2002. S. 369–370.

² Исаев В. И., Угроватов А. П. Правоохранительные органы Сибири в системе управления регионом (1920-е гг.). Новосибирск: Наука-Центр, 2006. 294 с. Положительную рецензию на неё В. Д. Карчемника см.: Вестн. НГУ. Сер. История. Филология. 2008. Т. 7. № 1. С. 263–264.

³ Орлов И. Б. Взятка и борьба с ней в годы нэпа. М., 2013. С. 43; Павлюченков С. А. «Орден меченосцев»... С. 105.

⁴ Красный ворон. 1922. № 2. С. 2.

Авторы согласны с тем, что в правоохране были свои существенные недостатки, но даже собственное указание на то, что, например, в Канском округе в течение всего лишь года под судом могла оказаться целая четверть милицейского состава, абсолютно не влияет на авторские выводы о всё более и более совершенной работе милиции, которая к 1929 г. якобы покончила с практикой пыточного следствия¹. Хотя очевидно, что официальные цифры ведомственной преступности — лишь видимая часть айсберга, криминал среди чекистов Исаевым и Угроватовым не рассматривается вовсе, хотя и в открытых архивах подобного материала более чем достаточно. Описывая выходцев из ЧК среди основателей сибирской прокуратуры и судебной системы, авторы исходят из того стереотипного положения, что первый по счёту руководитель какой-либо структуры должен в качестве основателя автоматически оцениваться положительно. Между тем факты устранения бывших крупных чекистов В. Ф. Тихомирова и С. Г. Чудновского с руководящих прокурорско-судейских должностей в Новониколаевской губернии за пьянство, дебоши и разврат наглядно свидетельствуют о крайне низком моральном и профессиональном облике тех, кто стоял у истоков советской юстиции в Западной Сибири.

Сообщая немало ценных архивных сведений, авторы повторяют ряд устаревших оценок истории ВЧК-ОГПУ. Не отрицая факта ликвидации большевиками правового государства, указанные историки относят органы советской политической полиции, сами себя именовавшие карательными, к правоохранительным органам². Сочувственное цитирование фразы Дзержинского «Законность для нас первая заповедь» (с. 88) может вызвать только недоумение, равно как и оценка секретного сотрудничества с ЧК-ОГПУ как формы патриотизма (с. 163). Исаев и Угроватов утверждают, что в ОГПУ Сибири «разумеется, ...трудилось большинство честных и преданных своему долгу сотрудников» (с. 151). В подтверждение этого тезиса авторы приводят тот факт, что в 1927 г. ветераны-чекисты в обстановке нагнетаемого военного психоза отказались от денег, собранных для

---

¹ Исаев В. И., Угроватов А. П. Правоохранительные органы Сибири в системе управления регионом... С. 159.

² Характерно, что А. П. Угроватов в своей предыдущей работе отказался от поисков нейтрального определения для антикоммунистических повстанческих отрядов, традиционно именуя их белыми бандами и заявляя, что «не видит смысла менять сложившуюся историческую терминологию». См.: Угроватов А. П. Красный бандитизм в Сибири (1921–1929 гг.). Новосибирск, 1999. С. 68.

них к юбилею в трудовых коллективах (очевидно, что в приказном порядке!) и отдали их на постройку бронетанкового отряда, руководствуясь «высоким патриотическим» порывом. Упомянув вслед за И. И. Белоглазовым решение чекистов Сибири осенью 1920 г. изменить некоторые формы работы на более тонкие, авторы повторяют и его вывод о «переносе акцентов на методы наблюдения и информирования» (с. 83). Однако архивные данные противоречат этому мнению, поскольку после данного решения репрессии только усилились, сохранив характер массовых карательных операций, а фабрикация массы сибирских «заговоров» в 1920–1922 гг. осуществлялась за счёт провокационного использования специально подобранной агентуры. Таким образом, усиление агентурно-осведомительной работы лишь подстегнуло репрессии.

Хотя Исаев и Угроватов справедливо указывают на некорректность использования М. А. Ефремовым¹ давно опубликованных материалов, но сами они под архивными шифрами дают сведения о террористической работе Енисейской губЧК. Между тем ещё в 1994 г. эти факты были введены в научный оборот В. И. Шишкиным, а затем обильно цитировались Г. Л. Олехом и А. П. Шекшеевым². В книге искажены фамилии, инициалы и факты биографий многих сибирских персонажей (с. 123, 129, 130, 131, 156, 164, 219), повторены вслед за И. И. Белоглазовым ошибки в должностях крупных чекистов Б. А. Бака, В. И. Дьяконова, А. П. Узликова и М. А. Филатова (с. 130), неправильно воспроизведена настоящая фамилия полпреда ОГПУ по Сибкраю Л. М. Заковского, допущен ряд других ошибок. Также отметим, что обычным делом в небрежно изданных книгах В. М. Бушуева, Л. И. Гвоздковой, М. А. Ефремова, И. Н. Кузнецова, М. С. Шангина³ и других является искажение судеб, фамилий и инициалов работников ОГПУ–НКВД.

В книге историка из Улан-Удэ Л. В. Кураса о чекистах Бурятии предпринята попытка дать материал по всей истории регионального

---

¹ Ефремов М. А. 80 лет тайны (Власть и милиция Сибирского края 1917–1937). Новосибирск: Новосиб. полиграф. комбинат, 2002. 347 с.

² Использование целого ряда фактов, ранее приведённых В. И. Шишкиным в статье 1992 г. «Красный бандитизм в советской Сибири», под видом архивных см.: Угроватов А. П. Красный бандитизм в Сибири... С. 65–67, 86–87.

³ Бушуев В. М. Грани. Чекисты Красноярья от ВЧК до ФСБ.; Гвоздкова Л. И. История репрессий и сталинских лагерей в Кузбассе.; Ефремов М. А. 80 лет тайны... Новосибирск, 2002; Кузнецов И. Н. Репрессии 30–40-х гг. в Томском крае.; Шангин М. С. Террор против совести...

управления ФСБ. Но эта работа¹ основывается на скудной и случайной источниковой базе, опираясь в основном на опубликованные факты, а также немногочисленные материалы ФСБ и госархива Бурятии, причём единственная сноска на ГА РФ (с. 84) оказалась позаимствована из монографии С. А. Папкова «Сталинский террор в Сибири». Присвоив фрагмент исследования Папкова, где излагалось содержание докладной записки Заковского о принципах «кулацкой» ссылки, Курас ошибочно сделал адресатом данного документа не ОГПУ, а Сибкрайком (с. 76). Идеей же Кураса вдохновлял такой сомнительный источник, как сочувственно им цитируемые статьи из «Советской России», провозглашавшие, что спасение России — в некоем «православном сталинизме» (с. 119, 122, 123).

В последних своих статьях Курас отражает традиционную позицию органов госбезопасности относительно якобы массовой диверсионно-шпионской работы иностранных спецслужб в СССР предвоенных лет и не даёт анализа современной историографии, заканчивая её концом 1990-х годов. Автор игнорирует не только серии документальных сборников, работы о Монголии и Бурятии, где фиксировались эпизоды, рисующие работу спецслужб в данном регионе, но даже сборник 2003 г. о чекистах, вышедший в Улан-Удэ. Среди заслуг чекистов в 1929–1933 гг. автор на первое место ставит срыв планов абсолютно мифической вооружённой интервенции западных государств, а также «огромную оперативную работу по пресечению подрывной деятельности зарубежных разведок и эмигрантских центров», что позволило накопить «огромный положительный опыт». Лишь в самом конце статьи автор указывает и на новый виток репрессий, осуществлённый ОГПУ в эти годы².

Исследование В. Н. Тугужековой и О. В. Круподер о деятельности Хакасского аппарата ОГПУ-МГБ освещает прежде всего борьбу чекистов с бандитизмом, зато тему политических репрессий обходит совсем³.

Сотрудники региональных управлений ФСБ, монополизировавшие право на доступ к ведомственным документам ВЧК-КГБ, в по-

---

¹ Курас Л. В. Очерки истории органов государственной безопасности Республики Бурятия. Улан-Удэ: Иркутск: Изд-во СО РАН, 1998. 205 с.

² Курас Л. В. Деятельность спецслужб Бурят-Монголии в 1929–1933 годы // Сибир. юрид. вестн. 2012. № 2. С. 7–14.

³ Тугужекова В. Н., Круподер О. В. Всё начиналось с уездных уполномоченных (О деятельности органов государственной безопасности Хакасии с середины 1920-х до середины 1950-х гг.). Абакан: Хакас. кн. изд-во, 2012. 176 с.

следние годы подготовили откровенно панегирические сборники о чекистах. По качеству они практически не отличаются от вышедших в советские времена работ и содержат крайне мало информации. В сборниках по истории управлений ФСБ, вышедших в Барнауле и Новосибирске, допущены грубые ошибки даже при перечислении начальников управлений — пропуски, отождествление руководителей госбезопасности и органов МВД¹. Для книг, составленных новосибирскими работниками ФСБ, характерно активное повторение чекистских мифов о заговорах и кулацких мятежах. Например, в одной из них говорится о подлинности «заговора в сельском хозяйстве», по которому в 1933 г. расстреляли до 1 000 чел., в другой восставшие в 1931 г. против «раскулачивания» крестьяне Чумаковского района Западно-Сибирского края именуются бандитами, зато осужденный в 1939 г. за фабрикацию громкого «детского дела» в Кузбассе чекист А. Г. Луньков представлен героем Великой Отечественной войны². В посвящённой Новосибирской межкраевой школе НКВД книге наиболее активные организаторы террора вроде М. И. Голубчика, Н. Х. Мелехина, А. Н. Печёнкина, И. Б. Почкай нейтрально перечислены в качестве опытных преподавателей второй половины 1930-х годов, без указаний на то, что Голубчик был расстрелян за участие в терроре, Мелехин успел застрелиться, Печёнкин подлежал аресту, но спасся от наказания в связи с началом войны, а Почкай был уволен из «органов» в 1950-х годах (при этом у большинства перечисленных чекистов инициалы и фамилии оказались искажены). Среди выпускников 1939 г. с гордостью названы отличники учебны С. А. Дёмочкин, Н. И. Дешин, Г. И. Колеватов, И. А. Маркелов (будущий заместитель председателя КГБ СССР), С. В. Патракеев³, зарекомендовавшие себя активными участниками репрессий.

Работники УФСБ по Кемеровской области, подготовившие в 2003 г. сборник о чекистах Кузбасса, уверены, что на территории области со времён Гражданской войны «активно действовала и широко разветвлённая эсеровская организация, насчитывавшая до 2 000 активных членов... В последующие годы и особенно в период коллективизации... участники этих банд и формирований организовыва-

---

¹ Управлению Федеральной службы безопасности России по Алтайскому краю 80 лет. Барнаул, 1999. С. 48; Управление ФСБ Российской Федерации по Новосибирской области. Новосибирск, 2002.

² Призвание — Родине служить! Новосибирск, 1997. С. 37; Управление ФСБ Российской Федерации по Новосибирской области. Новосибирск, 2002. С. 13, 14, 22.

³ Новосибирская школа контрразведки, 1935–2005: сб. М., 2005. С. 32, 33, 39, 40.

ли массовые контрреволюционные кулацкие выступления, совершали террористические акты против сельского актива... занимались поджогами»¹. Исключительно примитивный уровень осмысления проблемы массового террора 30-х годов можно видеть в сборнике о чекистах Бурятии, где невнятно заявляется буквально следующее: «...Были силы, которые всеми этими бессмысленными массовыми арестами и расстрелами пытались для начала вызвать в стране недоумение и страх, затем гнев, озлобление, а под конец и всеобщий взрыв народных масс»². В современной сибирской краеведческой литературе нередко восхваляются активисты Большого террора, вроде В. В. Балыгина, А. Г. Лунькова, С. В. Юрина, И. Я. Юркина, а кузбасских чекистов Ф. Д. Бойтмана и И. Я. Голубева некоторые публицисты пытаются представить противниками репрессий³.

Итоги работы сибирских исследователей подводятся в трёхтомной «Исторической энциклопедии Сибири» (2009 г.), в которой помещены как обстоятельные статьи об основных субъектах и объектах коммунистических репрессий, так и серьёзные историографические исследования. Важным достоинством этого большеформатного издания является солидный корпус биографий исторических лиц, включая десятки деятелей советского карательного аппарата. Вместе с тем необходимо отметить, что под давлением руководства СО РАН редколлегия энциклопедии была вынуждена согласиться с публикацией непрофессионально-апологетической статьи о Сталине, написанной академиком В. В. Молодиным и опирающейся на материалы о великом вожде из советских энциклопедических изданий, а также официальной истории КПСС 1960-х годов. В статье видного археолога, пожелавшего выступить в амплуа не только знатока новейшей истории России, но и автора установочной, идеологически выверенной статьи об актуальном политическом персонаже, допущены грубые ошибки (дана традиционная дата рождения героя, опровергнутая ещё двумя десятилетиями ранее, указано, что Сталин после войны являлся генеральным секретарём ЦК ВКП(б)-КПСС, хотя с 1934 г. он был секретарём ЦК, что он умер в Москве, а не в Кунцеве). Сталин у Молодина выступает как борец за ленинскую линию против оппозиции, а также за полностью оправданную форсирован-

---

¹ Щит и меч Кузбасса. Кемерово. 2003. С. 71–74.

² Откровенно о многом...» / авт.-сост. О. А. Яковлева. Улан-Удэ, 2003. С. 159.

³ Карманов В. Чекистская междоусобка // Кузбасс (Кемерово). 1997. 13 нояб.; Онищенко В., Павлов С. Глас вопиющего... в застенках НКВД // Юрга. 2004. 15 дек. С. 5; Государственность. Законность. Честь... С. 580, 582, 621, 632–634.

ную индустриализацию; коллективизация, по мнению академика, проводилась «порой насильственно», а репрессии затронули только руководство страны¹. Испортили имидж данного крупноформатного исторического издания и произведённые на стадии вёрстки по инициативе руководства Института истории СО РАН спешные замены биографий впавших в немилость известных историков, профессоров С. А. Красильникова и Е. П. Водичева, на первые попавшиеся статьи, не имеющие никакого отношения к истории: «Крапива двудомная» и «Вод самоочищение»².

В заключение следует указать, что сибирские чекисты нередко фигурируют в новейших исследованиях историков других регионов. Большой объём информации о крупных чекистах Сибири 20–30-х годов содержится в справочниках Н. В. Петрова, К. В. Скоркина, А. М. Буюкова. В очерковой книге А. А. Папчинского и М. А. Тумшиса³ есть насыщенные архивной информацией жизнеописания «сибиряков» Н. Н. Алексеева, Г. А. Молчанова, К. Ф. Роллера и др., являющиеся весьма ценными. В книге М. А. Тумшиса «ВЧК. Война кланов» содержатся подробные биографии крупных сибирских чекистов В. П. Журавлёва и П. В. Чистова, даны биографические справки на ряд других «отметившихся» в Сибири деятелей карательной системы. В ещё большей мере наличие биографического материала о сибирских чекистах относится к сборнику М. А. Тумшиса и В. А. Золотарёва «Евреи в НКВД СССР. 1936–1938 гг.». Трагедия спецпереселенцев, тысячи которых погибли весной-летом 1933 г. на обском острове Назино, стала сюжетом монографии французского историка Н. Верта об «острове людоедов»⁴. В значительной степени на сибирских эпизодах основаны многие положения новаторской работы американского исследователя Д. Ширера о сталинском военном социализме⁵.

Во всех крупных сибирских городах есть исследователи, занимающиеся проблемами репрессивной политики советского государства, но тех, кто специализировался бы на изучении именно чекист-

---

¹ Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск: Ист. наследие Сибири, 2009. Т. 3. С. 179–180.

² Историческая энциклопедия Сибири... Т. 1. С. 317; Т. 2. С. 166.

³ Тумшис М. А., Папчинский А. А. 1937. Большая чистка. НКВД против ЧК. М.: Яуза, 2009. 512 с.

⁴ Werth N. Cannibal Island: death in a Siberian gulag. Princeton, 2007.

⁵ Shearer D. Policing Stalin's Socialism. Repression and Social Order in the Soviet Union, 1924–1953. New Haven: Yale University Press, 2009.

ской истории, немного, из-за чего сам огромный и разветвлённый карательный аппарат изучается недостаточно интенсивно. Исследователи карательной системы в регионе описали множество аспектов чекистской работы, но до сих пор владеют лишь неполной, а где-то и отрывочной, противоречивой статистикой советских репрессий, не всегда умея правильно обращаться даже с теми данными, которые давно введены в оборот. Явно недостаточен критический анализ групповых дел об антисоветских заговорах, сфабрикованных в 1920–1922 гг. Довольно мало пока известно о конкретной оперативной работе губернских, уездных и транспортных чека, особых отделов, агентурном аппарате, о специфическом чекистском быте, о психологии работников безопасности, степени их политической лояльности, репрессиях внутри самой карательной системы. Почти нет сведений о закордонной работе органов ВЧК-ОГПУ Сибири.

Историки региона особенно активно изучают темы репрессий, противоречиво сочетая доверие к тенденциозным источникам КПСС и органов госбезопасности с попытками непредвзятой оценки советского террора. В целом, публикация многочисленных источников (региональные Книги памяти жертв политических репрессий, разнообразные сборники документов), а также выходящие в последние годы работы дают возможность объективно оценивать размах репрессий, анализировать причины колебаний карательной политики, обнаруживать взаимодействие в организации репрессий как со стороны партии и органов ВЧК-МГБ, так и со стороны игравших активную роль в терроре низовых структур власти и рядовых граждан. С другой стороны, недоступность основных документов органов госбезопасности очевидным образом сдерживает проявление исследовательского интереса к актуальной теме репрессий и деятельности органов ВЧК-НКВД в целом.

Глава 4. Зарубежная историография деятельности ВЧК-НКВД

По исследуемому вопросу существует обширная зарубежная литература, которая также начала исследовать феномен советской политической полиции с первых лет её существования. В концептуальном плане наибольшее разнообразие в анализе проблем большевистской карательной политики демонстрируют работы западных исследователей. Несмотря на закрытость СССР, они активно исследовали те проблемы чекистской истории, которые всё же могли быть обеспечены необходимыми источниками. Появившийся доступ к архивам советской эпохи и взгляд со стороны позволили им в последние десятилетия предложить большое количество ценных работ по различным аспектам репрессивной политики, деятельности и кадрам ВЧК-НКВД.

§ 1. Историки русской эмиграции

Первые зарубежные оценки деятельности и персонала органов ВЧК-НКВД были сделаны белоэмигрантскими авторами, начавшими описание советской карательной практики уже с начала 1920-х годов. Крайне враждебно настроенные к советскому режиму, они, опираясь на свидетельства современников и личные впечатления, рисовали портреты чекистов и результаты их деятельности преимущественно чёрными красками (иногда выделяя совестливых или снисходительных сотрудников большевистской полиции, чаще всего из числа рядового состава), сосредотачивали внимание на охранительной и прямо террористической деятельности ВЧК-ГПУ. Также ими предпринимались небезуспешные попытки оценить специфическую психологию работников чрезвычайных комиссий.

Самое известное сочинение в этом ряду — очень информативная книга С. П. Мельгунова «Красный террор в России в 1918–1923 гг.», акцентировавшая внимание на особенностях новорождённой карательной системы: органы ВЧК-ГПУ являются вооружённым отрядом партии и по её заданиям осуществляют массовый террор как против так называемых эксплуататоров, так и против любых политических противников, к которым относятся все несогласные. Мельгунов подчёркивал, что красный террор — официальная поли-

тика советских властей, указывал на огромные масштабы репрессий первых лет советской власти и крайнюю жестокость повсеместного пыточного следствия, а также моральную распущенность чекистов. Им верно отмечены частые казни подростков, девушек, стариков, расстрелы однофамильцев по небрежности, садизм и коррумпированность многих чекистов, их нередкая вербовка из уголовного мира. Книга Мельгунова оказала и оказывает значительное воздействие как на зарубежную, так и на новейшую отечественную историографию советских репрессий и персонала ВЧК-ГПУ. Несмотря на привлечение ряда односторонних источников, нередко завышавших численность чекистских жертв в тех или иных регионах, она не потеряла своей ценности, поскольку автор, познавший суть карательной политики большевиков на собственном опыте, смог глубоко оценить её особенности на обширном собранном материале, включая материалы официального расследования деникинским правительством преступлений большевиков¹.

В 1936 г. Мельгунов признавал, что в период подготовки своей книги испытывал сомнение в достоверности ряда наиболее жесточких эпизодов, но появившиеся впоследствии публикации, в том числе мемуары чекистов-перебежчиков, дали очень много материала о чекистских зверствах, превосходящего тот, который был в распоряжении Мельгунова в начале 1920-х годов². К этому можно только добавить, что публикации новейшего времени, основанные преимущественно на архивах, в значительной степени подтверждают данные Мельгунова, а также сообщают огромное множество неизвестных ранее эпизодов массового террора первых лет большевистской власти.

Зарубежными оппонентами большевиков сразу был нарисован портрет типичного чекиста с акцентом на крайнюю жестокость, моральную ущербность и готовность к любым злоупотреблениям. Этот крайне нелицеприятный портрет, основанный как на эмоциональных оценках, так и на внимательных наблюдениях за целым рядом персонажей из ВЧК-ОГПУ, выглядит в свете новой, прежде всего архивной информации вполне достоверно. Известные карикатуры в западной прессе на большевиков, изображавшихся дикарями с окровавленными ножами в зубах, отражали восприятие советской классовой шка-

---

¹ Мельгунов С. П. Красный террор в России 1918–1923. Берлин, 1924; Он же. Воспоминания и дневники. М.: Индрик, 2003. 528 с.

² Современные записки (Париж). 1936. № 62. С. 452.

лы этических ценностей, в которой зарубежные наблюдатели обычно видели проявление готтентотской морали¹. Очень характерно, что портреты чекистов, созданные людьми, прошедшими через советские тюрьмы, которых поэтому можно подозревать в необъективности, обычно мало отличались от тех, которые написали такие сочувствовавшие коммунистическим идеям оппоненты Ленина и Сталина, как один из лидеров Коминтерна А. Балабанова или американский анархист А. Беркман, создавшие галерею ярких изображений матёрых провокаторов и убеждённых садистов-палачей², на фоне которых пренебрежительная характеристика чекистов как «пьяных и полуграмотных мерзавцев»³ выглядит довольно снисходительно. Зарубежные наблюдатели, включая левонастроенных американцев и британцев, уже в период Гражданской войны отметили садистскую жестокость и неразборчивость в средствах со стороны чекистов, их чванство и коррумпированность, а также выделили категорию исполнителей расстрельных приговоров, зафиксировав попадание данных персонажей в партийно-государственную номенклатуру⁴.

Аналогично оценивали бывших коллег видные функционеры карательной системы, перебежавшие на Запад. Избегая сообщать о своём личном участии в жестоких расправах, они охотно вспоминали террор, мародёрство и разврат своего начальства и знакомых⁵, вполне подтверждаемые независимыми источниками — начиная от рассекреченных в недавние годы следственных дел на многочисленных чекистов-уголовников и заканчивая исключительно информационно насыщенными мемуарами ортодоксального большевика-чекиста М. П. Шрейдера⁶. Например, исследования последних лет

---

¹ О готтентотском мышлении коммунистов см.: Карсавин Л. П. Диалоги. Берлин: Обелиск, 1923. С. 61, 69.

² Балабанова А. Моя жизнь — борьба. Мемуары русской социалистки. 1897–1938. М.: Центрополиграф, 2007. С. 245–247; Berkman A. The Bolshevik Myth (Diary 1920–22). New York: Boni and Liveright, 1925 (chapter 26 «Prison and Concentration Camp», ch. 31 «The Tcheka», ch. 34 «A Bolshevik Trial»).

³ Алинин К. Чека. Личные воспоминания об Одесской чрезвычайке. Одесса, 1919. С. 64.

⁴ См.: Сольский В. Ленин. Берлин: Рус. универс. изд-во, 1921; Berkman A. The Bolshevik Myth...

⁵ Агабеков Г. С. ГПУ: записки чекиста. Берлин, 1930; Он же. ЧК за работой. Берлин, 1931; Беспалов Н. Исповедь агента ГПУ. Прага, 1925; Думбадзе Е. На службе Чека и Коминтерна. Личные воспоминания. Париж, 1930.

⁶ Шрейдер М. П. Воспоминания чекиста-оперативника // Архив НИПЦ «Мемориал» (Москва). Ф. 2. Оп. 2. Д. 101. Т. 1-3.

полностью, по архивам ФСБ, подтвердили давние рассказы бежавших узников Соловецкого концлагеря¹ об исключительном и многолетнем садизме соловецких чекистов².

Такие важные работы, как книги историка С. П. Мельгунова и теоретика германской социал-демократии К. Каутского о красном терроре³, «Нравственный лик революции» бывшего наркома юстиции И. З. Штейнберга, «Большевизм» Н. Жордания или опирающиеся в том числе на подобные первоисследования более приближенные к нам монографии Р. Пайпса, М. Геллера и А. Некрича⁴, материалы которых подтверждаются ныне рассекреченными архивными документами, совершенно неверно относить к пропагандистской и эмоциональной литературе, авторы которой, по заявлению А. Л. Литвина, лишь сознательно стремились «запугать западную интеллигенцию ужасами ЧК»⁵. На самом деле они ставили перед собой куда более ответственные и этически обусловленные цели. В подобных работах, отрицавших доктринальные и нравственные основания большевизма, при всей жёсткости приведённых фактов и оценок отражена лишь сравнительно небольшая часть террористической деятельности чекистов.

Эмигрантская литература не только охарактеризовала большевистское государство как террористическое и описала судьбы многочисленных жертв коммунистов, но и внесла серьёзный вклад в разоблачение крупных чекистских провокаций и преступлений. Практически мгновенно за рубежом была распространена объек-

---

¹ Бессонов Ю. Двадцать шесть тюрем и побег с Соловков. Париж, 1928; Зайцев И. М. Соловки. (Коммунистическая каторга, или место пыток и смерти). Из личных страданий, переживаний, наблюдений и впечатлений. Шанхай, 1931; Мальсагов С. Адские острова. Советская тюрьма на Дальнем Севере. Алма-Ата, 1990 (пер. с англ. изд. 1926) и др.

² Павлов Д. Б. Соловецкие лагеря особого назначения ОГПУ. 1923–1933 гг. // Репрессированная интеллигенция. 1917–1934 гг.: сб. ст. М.: РОССПЭН, 2010. С. 320–403.

³ Мельгунов С. П. Указ. соч.; Каутский К. Терроризм и коммунизм. Берлин, 1919; Он же. От демократии к государственному рабству (ответ Троцкому). Берлин, 1922; Он же. Московский суд и большевизм // Двенадцать смертников. Суд над социалистами-революционерами в Москве. Берлин, 1922.

⁴ Штейнберг И. З. Нравственный лик революции. Берлин, 1923; Жордания Н. Большевизм. Берлин: Русская типография Гутнова, 1922; Че-Ка. Материалы по деятельности чрезвычайных комиссий. Берлин: Орфей, 1922. 255 с.; Геллер М. Машина и винтики. История формирования советского человека. London: OPI, 1985; Геллер М., Некрич А. Утопия у власти. London: OPI, 1989; Пайпс Р. Русская революция. М.: Захаров, 1994. Ч. 2. С. 480–537.

⁵ Литвин А. Л. ВЧК в современной исторической литературе... С. 52.

тивная информация, что разрекламированный чекистами огромный заговор Сибирского Крестьянского союза был на деле провокацией Алтайской губЧК с целью компрометации и уничтожения сибирских эсеров. Известный политик С. С. Маслов в 1930-е годы решительно отрицал «кулацкий» характер крестьянских восстаний в Сибири начала 20-х годов. В 1937 г. вышла его монография «Колхозная Россия», где правдиво описывались коллективизация, «раскулачивание» и террор в деревне, проводились аналогии между колхозной и лагерной экономическими системами¹. Бежавший из советского концлагеря в 1934 г. И. Л. Солоневич представил лагерную жизнь как всего лишь более жестокий аналог всего подсоветского существования². Оценивая в 1930-е годы коллективизацию и индустриализацию, профессор-эмигрант А. П. Марков писал об их осуществлении за счёт снижения уровня жизни, ухудшения здоровья рядового населения, при этом чётко оценивая главную цель этих преобразований — создание армии для вооружённого насаждения мировой революции³.

Политические оппоненты большевиков, находясь за рубежом, свободно обсуждали самые острые аспекты деятельности и кадров ВЧК-НКВД, разъясняли террористические акции режима в СССР и за рубежом, вскрывали подоплёку тех или иных конкретных чекистских операций, называли имена тайных агентов советских спецслужб⁴. Помимо репрессивной деятельности советской тайной полиции, её тюрем, концлагерей и ссылки, зарубежные публицисты и исследователи изучали взаимодействие ВЧК-НКВД с партийным и дипломатическим аппаратами, а также Коминтерном, практику массовой слежки, перлюстрации и доноительства, народное сопротивление режиму, агентурные операции советской разведки, конкретную ведомственно-политическую роль руководящих функционеров спецслужбы начиная от Ф. Э. Дзержинского и Г. Г. Ягоды и заканчивая

---

¹ Революционная Россия (Берлин). 1921. № 2 (статья-письмо Б. Е. из Сибири); Маслов С., Морев Н. Крестьянские восстания в Западной Сибири // Знамя России (Прага). 1936. № 2. С. 12; Маслов С. С. Колхозная Россия: История и жизнь колхозов. М.: Наука, 2007. 302 с.

² Солоневич И. Л. Россия в концлагере. 5-е изд. Вашингтон, 1958. С. 5.

³ Трипутина Н. П. Несломленный казачий дух: профессор Александр Прокофьевич Марков // Проблемы истории массовых политич. репрессий в СССР. 1953–2013: 60 лет без Сталина. Осмысление прошлого совет. гос-ва: мат-лы VIII междунар. науч. конф. Краснодар: Экоинвест, 2013. Т. 2. С. 145.

⁴ Алексеев Н. Разоблачение предателя. ГПУ и эмиграция // Возрождение. 1929. № 1617.

Н. И. Ежовым и Л. П. Берией, причины устранения и репрессирования этих деятелей. Многие из этих суждений отличались проницательностью и пониманием тайных пружин в действиях большевистской диктатуры и её спецслужб¹. Агентов ОГПУ в русском зарубежье активно и доказательно разоблачал старейшина русской политической эмиграции В. Л. Бурцев². Огромное влияние в последующей историографии имело опубликованное в социалистической прессе в конце 1936 — начале 1937 г. анонимное «Письмо старого большевика»³, где подробно обрисовывалась политическая борьба в Политбюро первой половины и середины 30-х годов между умеренными и радикальными сторонниками Сталина. Только в последнее время выяснилось, что это был не документ, а аналитическое сочинение Б. И. Николаевского, оказавшееся в ряде важных аспектов достаточно далёким от истины⁴.

В 1930-е годы высланный из СССР Л. Д. Троцкий неустанно разоблачал сталинский режим. Характерно, что при этом он верил чекистам, если те преследовали его политических противников. Слепое доверие Троцкого к документам ОГПУ, обвинявшим деятелей «Промпартии» и «Союзного бюро ЦК РСДРП» в заговорщицкой и шпионской деятельности, видно из статьи, где, помимо уверенности в подлинности обвинений, дан такой фантастический прогноз: «Можно, однако, не сомневаться, что следующий процесс раскроет руку вредителей в нынешнем бесшабашном разгоне темпов [индустриализации], несогласованных между собою, в сплошной коллективизации, в административном раскулачивании, и обнаружит что,

---

¹ Андреев [Николаевский Б. И.] Что было в Грузии? // Социалист. вестн. 1924. № 19. С. 8–10; Андреев. Монархисты, их террор и большевистская провокация // Там же. 1927. № 20. С. 10–13; Ив. [Николаевский Б. И.] Борьба за ГПУ (Письмо из Москвы) // Там же. 1933. № 14–15. С. 3–12; Ликвидация ГПУ? // Там же. 1934. № 7; Новая волна террора в СССР // Там же. 1935. № 1; Адлер Ф. Московский процесс ведьм // Там же. 1936. № 18–19; Аппарат Коминтерна — легальное прикрытие для ГПУ // Бюллетень оппозиции. 1937. № 60–61; Дан Ф. Новая бойня в Москве // Социалист. вестн. 1938. № 5; Кризис ежовского наркомвнудела // Там же. 1938. № 12; На Кубани в 1937 году // Там же. 1948. № 4-5 и др.

² Бурцев В. Л. Боритесь с ГПУ! Париж: Общ. дело, 1932. 52 с.; Он же. Преступления и наказания большевиков. По поводу 20-летнего юбилея предателей и убийц. Париж: Дом книги, 1938. 80 с.; Он же. Большевицкие гангстеры в Париже. Похищение генералов Кутепова и Миллера. Париж, 1939.

³ [Николаевский Б. И.] Как готовился московский процесс (Из письма старого большевика) // Социалист. вестн. 1936. № 22/24. С. 20–24; 1937. № 1/2. С. 17–24.

⁴ Фельштинский Ю. Г., Чернявский Г. И. Через века и страны: Б. И. Николаевский: Судьба меньшевика, историка, советолога, главного свидетеля эпохальных изменений в жизни России первой половины XX века. М.: Центрполиграф, 2012. 543 с.

если меньшевистские экономисты в течение [19]23–28 г.г. справедливо видели в задержке индустриализации путь к буржуазному перерождению советской системы, то с 28-го года многие из них стали настоящими сверхиндустриализаторами, чтобы путем хозяйственного авантюризма подготовить политическое крушение диктатуры пролетариата»¹.

В период Большого террора Троцкий писал: «Нынешняя “чистка” проводит между большевизмом и сталинизмом... целую реку крови»². В книге о московских открытых процессах «Преступления Сталина» (1937 г.)³ он, выявив роль Сталина как главного заказчика этих политических шоу, показал роль органов НКВД в их грубой фабрикации, наглядно аргументировав обилие подлогов и фальсификаций в срежиссированных показаниях подсудимых из числа выдающихся деятелей ВКП(б). Выводы Троцкого, чья книга получила мировую известность, о характере сталинской власти и московских процессов, об НКВД как техническом аппарате репрессий, подчинённом Сталину, его параллели между сталинским и нацистским режимами (и отрицание связи красного террора со сталинским) во многом обусловили подходы позднейших исследователей советской системы. Позднее (в 1939 г.) Троцкий дал весьма точную оценку ущерба от репрессий в РККА: «За последние три года Сталин объявил всех соратников Ленина агентами Гитлера. Он истребил цвет командного состава, расстрелял, сместил, сослал около 30 000 офицеров»⁴.

Касаясь истории собственно термина «сталинизм», американский историк С. Коэн пишет, что первым предложил называть сталинскую политику «сталинизмом, а не марксизмом и даже не ленинизмом» американский журналист Уолтер Дюранти в серии корреспонденций для газеты «The New York Times» (июнь 1931 г.)⁵. Отметим, что внутри СССР Алексей Толстой, оценивая «великий перелом» и милитаризацию социума, употребил термин «сталинизм» уже в своих дневниковых записях 1930 г.: «Новое устройство человеческо-

---

¹ Троцкий Л. Действительное расположение фигур на политической доске. К процессу меньшевиков // Бюллетень Оппозиции (большевиков-ленинцев). 1931. № 21–22. Май-июнь.

² Троцкий Л. Сталинизм и большевизм // Бюллетень оппозиции. 1937. № 58–59 (сент.–окт.). С. 11, 13.

³ Троцкий Л. Д. Преступления Сталина. М., 1994.

⁴ Троцкий Л. Д. Портреты революционеров. М.: Директ-Медиа, 2015. С. 265 (в ст. «Капитуляция Сталина»).

⁵ Коэн С. Большевизм и сталинизм // Вопр. философии. 1989. № 7. С. 46–72.

го общества — в политическом, экономическом, социальном [отношениях] — сталинизм. Коллективизация — освобождение огромных запасов энергии (рабочих рук) на колонизацию севера, строительство дорог, разработку руд, угля, торфа. [Это] новая военная система»¹.

Эмигрантская историография ВЧК-ОГПУ-НКВД в 1920–1930-х годах была весьма богатой и представляла анализ как карательной политики, так и кадров политической полиции². В целом она вполне объективна в объяснениях целей террористической политики, методов чекистской работы и опирается в значительной степени на откровенные свидетельства чекистов-невозвращенцев. В 1933 г. историк Б. И. Николаевский в очерке «Борьба за ГПУ» дал портреты основных руководителей ОГПУ — В. Р. Менжинского, Г. Г. Ягоды, Г. И. Бокия, В. А. Балицкого (как Балинского), Я. С. Агранова, а также уже давно уволенных из «органов» М. А. Трилиссера и С. А. Мессинга. Им описывались аппаратные интриги в борьбе за контроль над ОГПУ, оценивались показательные процессы «Промпартии» и «Союзного бюро ЦК РСДРП». Автор верно указывал на тяжёлую болезнь Менжинского и фигуру Ягоды как наиболее возможного его преемника, причём Ягоде обоснованно приписывался контроль над всей «экономической» деятельностью ОГПУ. В вопросе о позиции М. Горького относительно развития системы ГУЛАГа не без оснований утверждалось (из анализа горьковской публицистики), что «буревестник» явился «духовным отцом советской каторги»³.

Наиболее резко писал о чекистах 20-х годов известный писатель Р. Б. Гуль в книге «Дзержинский» (содержащей также портреты В. Р. Менжинского и Г. Г. Ягоды), оценивая их как убийц, маньяков, дегенератов, насильников и жуликов⁴. Надо сказать, что подобные

---

¹ Перхин В. В. Русская литературная критика 1930-х годов: Критика и общественное сознание эпохи. СПб., 1997. С. 15.

² Маслов С. С. Россия после четырех лет революции, Париж: Рус. печать, 1922. Т. 1, 2; Авербух Н. Н. Одесская чрезвычайка: Большевицкий застенки. Факты и наблюдения. Кишинёв, 1920; Кремль за решёткой. Берлин, 1922; Аронсон Г. На заре красного террора. Берлин, 1929; Милюков П. Н. Россия на переломе. Париж, 1927; Мельгунова-Степанова П. Е. Где не слышно смеха. Типы, нравы и быт Ч. К. Отрывки из воспоминаний (1917–1922 гг.). Париж, 1928; Троцкий Л. Моя жизнь. Берлин: Гранат, 1930; Гуль Р. Дзержинский, Менжинский, Петерс, Лацис, Ягода. Париж, 1933; [Николаевский Б. И.] Как подготовлялся московский процесс...; Солоневич Б. Л. Молодежь и ГПУ. Жизнь и борьба советской молодежи. София: Голос России, 1937. 464 с. и др.

³ Ив. [Николаевский Б. И.] Борьба за ГПУ... С. 3–12.

⁴ Гуль Р. Дзержинский. Париж, 1936.

крайние оценки, чаще всего осуждаемые сегодняшними историками, вполне подходят к значительному проценту состава чекистской корпорации, поскольку указанные патологии концентрировались как раз в руководящей её части, особенно привлекавшей внимание мемуаристов и исследователей. О Дзержинском Гуль обоснованно написал: «По невероятности числа погибших от коммунистического террора “октябрьский Фукье-Тенвиль” превзошёл и якобинцев, и испанскую инквизицию, и терроры всех реакций». Менжинского писатель охарактеризовал следующим образом: «На посту начальника Особого отдела [ВЧК] этот человек с вкрадчивой улыбкой оказался не только подходящим, но и незаменимым. Дилетант во всём, тут, в инквизиции, оказался как раз на своём месте... беспощадного и страшного человека»¹. Говоря о дилетантизме Менжинского, Гуль совершенно верно указывал на извилистый путь не нашедшего себя в жизни барина, полиглота и эрудита в систему тайного политического сыска и террора, поскольку будущий глава ОГПУ начинал с публикации неудачного романа в модном символистском духе², после чего нашёл себя в иной области.

В рецензии на книгу Гуля С. П. Мельгунов согласился с тем, что Ягода — это «тип революционного карьериста, хитрого, злобного, мстительного, но услужливого перед властью», а Дзержинский, Менжинский и Ягода — «типы из того же “человеческого зверинца”, который действовал в подвалах» ВЧК-ОГПУ³. Достаточная объективность критиков ВЧК-ОГПУ-НКВД из эмигрантской и западной среды объясняется тем, что это был взгляд зачастую не со стороны, а изнутри, из знакомого не понаслышке чекистского застенка, взгляд, опиравшийся на значительный массив однородной информации от тех, кто встречался с чекистами и уцелел, а также передал сведения от тех, кто не вышел из подвалов ВЧК-НКВД. Повторение ряда неосновательных слухов, эмоциональные высказывания, обычное для большинства авторов завышение цифр подвергшихся репрессиям — не повод оспаривать верную основу этих сочинений, принципиально отрицавших государственный террор. Тем более, что в СССР в предвоенный период были напечатаны художественные и полудокументальные произведения А. Аросева, В. Вересаева, Ю. Либедина

---

¹ Гуль Р. Б. Дзержинский. М., 1992. С. 7, 110.

² Дворникова Л. Я. Автор одного романа: Письма В. Р. Менжинского к В. Н. Верховскому // Встречи с прошлым. М.: Совет. Россия, 1987. Вып. 4. С. 103–107.

³ Современ. записки (Париж). 1936. № 62. С. 452–453.

ского, А. Весёлого, Д. Фальковского, А. Явича и др.¹, из которых хорошо видны беспощадные методы работы ВЧК.

Очень точные цифры жертв большевистского террора предоставил в конце 1940-х годов П. А. Сорокин: «В течение тридцати лет Революции её правительство казнило по крайней мере от 1 до 1,5 млн своих граждан непосредственно, уничтожило гораздо больше миллионов косвенно: арестовало, лишило свободы, изгнало их; принудительно выслало несколько миллионов»². В книге эмигранта В. П. Артемьева по мемуарам рассмотрены организационная структура, режим и система охраны в лагерях ГУЛАГа³. Тогда же вышла книга Б. А. Яковлева и А. П. Бурцова с описанием 165 лагерей ГУЛАГа⁴. Литература о сталинских концлагерях, очень неточная в отношении числа заключённых и приблизительная применительно к дислокации ряда лагерей, опиралась на многочисленные мемуары и доносила в первую очередь ужас сознательного истребления огромного количества людей непосильным трудом⁵.

В 1963 г. за рубежом была анонимно опубликована статья выдающегося историка литературы Ю. Г. Оксмана, раскрывавшая фамилии ряда доносчиков НКВД эпохи Большого террора из числа творческой интеллигенции⁶. В 1979 г. появилось ценное исследование о работе ОГПУ среди русской эмиграции⁷, в 1983 г. — книга о советских перебежчиках на Запад, среди героев которой преобладали чекисты⁸. С. Максудов предложил обстоятельную, но сильно завышенную статистику советских демографических потерь⁹. В середине 1960-х годов журналист М. Поповский получил доступ к очень информативному следственному делу академика Н. И. Вавилова и

---

¹ О них будет сказано ниже, при оценке источников по истории ВЧК-НКВД.

² Питирим Сорокин: грани жизни и творчества (Неизвестный Сорокин) / сост. С. П. Сорокин, М. В. Ломоносова. М.: МИСК, 2009. С. 63.

³ Артемьев В. П. Режим и охрана исправительно-трудовых лагерей МВД / Ин-т по изучению истории и культуры СССР. Мюнхен, 1956. 221 с.

⁴ Яковлев Б. А., Бурцов А. П. Концентрационные лагеря СССР / Ин-т по изучению истории и культуры СССР. Мюнхен, 1955. 253 с.

⁵ Dallin D. J., Nicolaevsky B. J. Forced Labor in Soviet Russia. New Haven, 1947.

⁶ Соц. вестник. 1963. № 5/6; Оксман Ю. Г. Доносчики и предатели среди советских писателей и ученых // Рус. лит-ра. 2005. № 4. С. 161–163.

⁷ Прянишников Б. Незримая паутина. Нью-Йорк, 1979. 397 с.

⁸ Брук-Шеферд Г. Судьба советских перебежчиков. Нью-Йорк; Иерусалим; Париж: Время и мы, 1983.

⁹ Максудов С. Потери населения СССР. Нью-Йорк: Chalidze Publications, 1989. 298 с.

смог опубликовать его содержание после эмиграции в США¹. В то же время попытка писателя-эмигранта Ю. Дружникова, собравшего ценные документы и воспоминания, в том числе некоторых бывших сотрудников ОГПУ, представить пионера П. Морозова жертвой уральских чекистов, убивших его ради постановки показательного судебного процесса², не подтвердилась, о чём свидетельствует монография британской исследовательницы К. Келли, получившей доступ к уголовному делу семьи Морозовых³.

А. И. Куприн в конце 1919 г. писал: «Я ежедневно вижу с десятками людей... И каждый из них... говорит одно и то же: непременно надо, чтобы хоть какой-нибудь писатель, живший под безумным игом большевизма, описал ярко и беспристрастно все его кровавые гнусности, описал с холодной точностью летописца, с цифрами в руках»⁴. Этот завет по возможности исполняли многие писатели зарубежья: Бунин и Куприн, Набоков и Шмелёв, Ходасевич и Гиппиус, Арцыбашев и Лукаш — хотя и не всегда с «холодной точностью летописца», и тем более не имея каких-либо надёжных цифр. Удалось в полной мере выполнить завет Куприна лишь Александру Солженицыну.

Начавшаяся в 1974 г. публикация трёхтомного «Архипелага ГУЛАГ» А. И. Солженицына имела исключительное значение. Трёхтомник был основан на изучении как широкого спектра недоступных обычному советскому читателю печатных источников, так и многочисленных свидетельств жертв репрессий, присланных Солженицыну как автору первого опубликованного в советской прессе художественного труда о лагерях «Один день Ивана Денисовича» (1962 г.). «Архипелаг ГУЛАГ», обозначенный автором как «опыт художественного исследования», дал серьёзные доказательства связи сталинского террора с ленинским, правдивую картину массового уничтожения узников в местах заключения, скованность общества страхом репрессий, портреты как руководящих, так и рядовых деятелей ка-

---

¹ Поповский М. А. Дело академика Вавилова. Ann Arbor (USA): Эрмитаж, 1983. 278 с.

² Дружников Ю. Доносчик 001, или Вознесение Павлика Морозова. London, 1987.

³ Келли К. Товарищ Павлик: взлёт и падение советского мальчика-героя. М.: Нов. лит. обозрение, 2009. 312 с.

⁴ Куприн А. И. Голос оттуда: 1919–1934: Рассказы. Очерки. Воспоминания. Фелетоны. Статьи. Литературные портреты. Некрологи. Заметки / сост. О. С. Фигурной. М.: Согласие, 1999. С. 9.

рательной системы, а также многочисленные достоверные сведения о поведении и психологии чекистов. Несмотря на резкое преувеличение количества лагерного и ссыльного населения, исследование Солженицына, одного из пионеров устной истории, оказалось весьма точным портретом карательной системы СССР, нанеся огромный ущерб имиджу советского строя во всём мире. В целом, работы зарубежных и в первую очередь эмигрантских авторов внесли огромный вклад в развенчивание того героизированного образа большевистских «правоохранительных органов», который усиленно создавался советской пропагандой и историографией.

§ 2. Историки западных стран: теория тоталитаризма

Дежурным обвинением для иностранных исследователей органов ВЧК–НКВД 1920–1980-х годов со стороны многих отечественных историков является отсутствие или малое использование архивных документов. Однако в распоряжении послевоенных западных историков, помимо бесцензурного доступа ко многим опубликованным и очень важным свидетельствам, оказались вывезенные на Запад ценнейшие материалы по политической истории советских верхов 20-х годов (архив Л. Д. Троцкого) и по истории типичного российского региона — так называемый Смоленский архив¹. Осуществление «Гарвардского проекта» по массовому интервьюированию представителей второй волны эмиграции дало тоже очень серьёзный материал. Важен был и проданный Гуверовскому институту огромный личный фонд историка-меньшевика Б. И. Николаевского, насыщенный документами по истории революционного движения. Один из американских авторов, работая в СССР, смог обнаружить и скопировать секретный доклад ОГПУ о старых специалистах, подготовленный для членов ЦКК ВКП(б)².

Существовали негласные каналы, по которым с помощью западных дипломатов за границу уходили важные документы. Стенограммы допросов Колчака оказались в 1923 г. изданы за границей, а

---

¹ Кодин Е. В. «Смоленский архив» и американская советология. Смоленск: СГПУ, 1998. 286 с. Материалы этого архива использовал целый ряд известных историков, включая Р. Пайпса и Р. Конквеста. См. также публикацию протоколов собраний, писем крестьян, доносов и рапортов ОГПУ в сб.: Неуслышанные голоса: Документы Смоленского архива. Кн. 1. 1929: Кулаки и партийцы / сост. С. Максудов. Ann Arbor: Ardis, 1987. 286 с.

² Грэхэм Л. Г. Призрак казненного инженера: Технология и падение Советского Союза. СПб.: Европейский Дом, 2000. С. 10–11.

только затем в СССР¹. Сотрудник музея В. И. Ленина Л. П. Петровский в 1969 г. передал в самиздат секретнейшее письмо Ленина членам Политбюро относительно необходимости широкого террора над духовенством², опубликованное в парижском журнале в 1970 г., а в СССР — только в 1990 г.³ Во второй половине 70-х годов в СССР группой независимых исследователей во главе с А. Б. Рогинским были подготовлены пять томов исторического сборника «Память», в 1976–1982 гг. опубликованных во Франции и введших в оборот ряд исследований и мемуаров, в том числе на темы репрессивной политики⁴; аналогичного содержания альманах «Минувшее» выходил в Париже под редакцией В. Е. Аллоя с 1986 г.

Опираясь на политические архивы своих государств, используя важные мемуарные свидетельства уцелевших жертв советского режима и перебежчиков из числа крупных чекистов и чиновников партийно-советского аппарата, серьёзные западные исследователи смогли предложить ценные работы, вполне адекватно оценивавшие роль и место ВЧК-НКВД в политической и репрессивной системах СССР, а также закономерности кадровой чекистской политики.

В концептуальном плане исследователи 1930–1970-х годов чаще всего принадлежали к последователям теории тоталитарного государства и опирались на сходство советского и нацистского режимов. Как известно, идея о тоталитаризме распространилась в зарубежной науке в 30-е годы и закрепилась к концу данного десятилетия. Исследователями были зафиксированы и различные, включая террористические, методы мобилизации населения для осуществления кампаний, инициируемых диктаторскими режимами. Например, в 1935 г. вышла книга итальянского фашиста Л. Барзини «СССР. Империя каторжного труда»⁵. Известный американский писатель и журналист Е. Лайонс в 1937 г. выпустил книгу «Командировка в утопию», в которой подробно рассказал о своём путешествии по

---

¹ Архив русской революции. Берлин: Слово, 1923. Т. 10. С. 177–321; Допрос Колчака / под ред. и с пред. К. А. Попова. Л.: ГИЗ, 1925. 230 с.

² Суперфин Г. Моя самиздатская гордость // Acta samizdatica / Записки о самиздате: альм.: вып. 3 / сост. Е. Н. Струкова, Б. И. Беленкин, при участии Г. Г. Суперфина. М.: ГПИБ, Мемориал, 2016. С. 56–59.

³ Неизданное письмо В. И. Ленина членам Политбюро // Вестн. Рус. Студенч. Христиан. движения (Париж). 1970. № 98. С. 54–57; Изв. ЦК КПСС. 1990. № 4. С. 190–193.

⁴ Его историю см.: Ист. сб. «Память». Исслед. и мат-лы / сост. и комм. Б. Мартин, А. Свешников. М.: Новое лит. обозрение, 2017. 400 с.

⁵ Barzini L. URSS. L'impero del lavoro forzato. Milano, 1935. 311 p.

Советскому Союзу, охарактеризовав страну как воплощение «тоталитарного безумия». Он писал, что «вожди в тоталитарных странах используют очень похожие лозунги или в интересах одного класса, или одной расы». Во второй половине 30-х годов в США исследователи видели сходство нацистского и советского режимов в диктаторстве вождей, однопартийной системе, контроле над экономикой и населением в целом, политических репрессиях, причём термин «тоталитаризм» быстро проник в американскую публицистику¹.

Тоталитарная модель была тщательно разработана Х. Арендт, Ф. Хайеком² и рядом других политологов. Арендт зафиксировала, что в середине XX в. появилась уникальная форма государственного деспотизма, основанная на массовой мобилизации общества идеологизированной политической властью, высшими проявлениями которой стали нацизм и коммунизм. При этом Арендт сделала принципиально важный вывод о значимости идеи социальной инженерии при осуществлении массовых репрессий, когда, наряду с разгромом врагов режима, путём жесточайших чисток строится бесклассовое общество и достигается единство народа, масса которого поддерживает власть и исходящий от неё террор. В её книге отдельная глава посвящена именно деятельности тайной полиции и сделан вывод о том, что правление террором — главная черта тоталитарного режима.

Ханна Арендт проникательно писала о роли спецслужб: «Агенты тайной полиции — единственно открыто правящий класс тоталитарных стран, их стандарты и шкала ценностей пронизывают всю ткань тоталитарного общества»³.

В 1956 г. К. Фридрих и З. Бжезинский, основываясь на схеме Арендт, разработали более подробную концепцию, согласно которой тоталитаризм характеризуется всепроникающей официальной идеологией, массовой партией, возглавляемой вождём, узаконенным террором, монополией на информацию и централизованно

---

¹ Мороз Е. В. Тоталитаризм: интерпретации в зарубежных исследованиях 20–30-х годов XX века (некоторые аспекты проблемы) // Эволюция российского и зарубежного государства и права. К 80-летию кафедры истории государства и права Урал. гос. юрид. ун-та (1936–2016): сб. науч. тр. Т. II. Екатеринбург, 2016. С. 471; Lyons E. Assignment in Utopia. New York: Harcourt, Brace and Company, 1937. 658 p.; Dictatorship in the Modern World / ed. G. S. Ford. Minneapolis: The University of Minnesota Press, 1935. 179 p.

² Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М.: ЦентрКом, 1996. 672 с.; Хайек Ф. Дорога к рабству. М.: Экономика, 1990. 176 с.

³ Арендт Х. Истоки тоталитаризма... С. 559.

управляемой экономикой¹. Также они отметили, что семья, церковь, наука — наиболее устойчивые общественные элементы в тоталитарной системе, что объясняет ту активность, с которой режим, особенно сталинский, атаковал эти структуры. В исследовании Бжезинского был использован массив анкетных материалов масштабного специального «Гарвардского проекта» правительства США по интервьюированию послевоенных эмигрантов из СССР². В объяснении смысла сталинского террора значительна роль эмигрантского исследователя А. Авторханова, в начале 1930-х годов зачисленного в партийную национальную номенклатуру и понявшего принципы её подбора и функционирования. Его детализация репрессированных страт оказалась весьма точной, хотя и завышенной по количественным показателям жертв сталинских чисток³.

Общие и достаточно объективные оценки огромного влияния тайной полиции в советской политической системе даны известными советологами⁴. З. Бжезинский, Р. Конквест, П. Кёнез, М. Малиа, Р. Пайпс, А. Улам относятся к наиболее известным исследователям, работавшим в тоталитаристской парадигме 1950–1990-х годов. Основательный труд британского историка Р. Конквеста «Большой террор»⁵ является самым ярким примером сосредоточения на вопросах государственного терроризма при Сталине в 30-е годы. Основанная на значительном числе достоверных источников, его книга идёт за максимальными цифрами репрессий из числа встречавшихся в литературе. Хотя «Большой террор» и сильно завышает число расстрелянных и отправленных в концлагеря при Сталине, однако оценивает массовые репрессии не только в отношении советской элиты, но и широких масс населения, а также содержит сведения о терроре против самих чекистов. Правда, в последнем аспекте эта книга, как и позднейшая работа историка собственно об аппарате

---

¹ Brzezinski Z. *The Permanent Purge: Politics in Soviet Totalitarianism*. Cambridge, Mass., 1958; Бжезинский З. *Большой провал: агония коммунизма* // Квинтэссенция. М.: Прогресс, 1990. С. 256–277.

² Кодин Е. В. *Американская послевоенная советология: методология и источниковая база: автореф. дис. ... д-ра ист. наук*. М., 1998. С. 8.

³ Авторханов А. Г. *Происхождение партократии*. Франкфурт-на-Майне: Посев. Т. 1, 1981; Т. 2, 1983; Он же. *Технология власти*. М., 1991.

⁴ Шапиро Л. *Коммунистическая партия Советского Союза*. Firenze, 1975; Геллер М. Я. *Концентрационный мир и советская литература*. London: OPI, 1974. 352 с.; Авторханов А. Г. *Происхождение партократии*. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1981.

⁵ Первое русское издание см.: Конквест Р. *Большой террор* / пер. с англ. Л. Владимирова. Firenze: Edizioni Aurora, 1968. 1064 с.

НКВД в 1936–1939 гг.¹, слишком зависит от ошибочных и ложных мнений невозвращенца А. М. Орлова² и других порвавших со своим ведомством чекистов. Тем не менее влияние масштабного труда Конквеста, а также других его работ (о колымских лагерях, терроре голодом на Украине³) оказалось очень велико, и именно эти монографии для многих исследователей надолго предопределили отношение к террористической политике Сталина 30-х годов.

Для многих западных исследователей (Р. Конквеста и др.) были характерны плодотворные попытки понять происходящее в СССР через фигуру Сталина. Традиционно сосредоточившись на сталинской подготовке открытых московских процессов 1936–1938 гг., видный американский историк Р. Такер в подробной политической биографии советского вождя также попытался реконструировать психологическую атмосферу в СССР 30-х годов. Но весьма умозрительно выглядят, являясь данью привычным тоталитаристским представлениям, и его преувеличенное мнение о том, что к исходу Большого террора чекисты имели досье на всё взрослое население страны, и резкий вывод о всеобщем характере доноительства, обусловившего масштабы репрессий⁴. Серьёзный анализ террористической по сути идеологии, политики и психологии вождей российского коммунизма через их труды предприняла Д. М. Штурман⁵.

Американский историк М. Малиа в своих трудах дал глубокий анализ советской системы и смысла террора как защиты провалившегося эксперимента по созданию земного рая. В шестии марксизма-ленинизма он видел атаку не на злоупотребления капитализма, а на реальность, когда силой государственного вмешательства удаётся создать сюрреалистический мир, в котором насилие, неэффективность и бедность представлены как высшее благо. Малиа констатировал: «В 1936–1937 гг. сложилась совершенно новая обстановка, которую можно характеризовать следующим образом: цель достиг-

---

¹ Конквест Р. Большой террор: в 2 т. Рига, 1991; Conquest R. Inside Stalin's Secret Police: NKVD Politics, 1936–1939. Macmillan Press, 1985.

² Тумшиц М. А., Палчинский А. А. Правда и ложь А. Орлова // Отечеств. история. 1999. № 6. С. 179–182.

³ Conquest R. Kolyma. The Arctic Death Camps. London 1978; Conquest R. The Harvest of Sorrow: Soviet Collectivisation and the Terror-Famine. New York: Oxford University Press, 1986. 412 p.

⁴ Такер Р. Сталин: История и личность, 1928–1941. М.: Весь Мир, 1997. 646 с.; Хаустов В., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии... С. 18.

⁵ Штурман Д. М. Мёртвые хватают живых. Читая Ленина, Бухарина, Троцкого. Лондон: OPI, 1982. 560 с.

нута, она оказалась ложной, никто не мог этого признать, а поворачивать вспять было уже невозможно. Официально было провозглашено: задача выполнена, построен настоящий социализм»¹.

Разумеется, за рубежом также появлялись как искренние, так и инспирированные советскими спецслужбами сочинения апологетического порядка, восхвалявшие доблесть чекистов. Левый американский журналист Д. Рид одобрял возникновение ВЧК, полагая это учреждение спасительной для большевизма «Красной армией тыла». Вдова Рида Л. Брайант оправдывала красный террор, навязанный Ленину и Дзержинскому находившимися вне их контроля обстоятельствами: «Обязанностью [Дзержинского] было следить за тем, чтобы от заключённых избавлялись своевременно и гуманно. Он отправлял эти неприятные функции с оперативностью и эффективностью, за которые даже осуждённые должны были быть ему благодарны, поскольку ничего нет более ужасного, чем палач, чья рука дрожит, чьё сердце сжимается от жалости»².

Основанная на советской версии событий и опубликованная в США книга М. Сейерса и А. Кана «Тайная война против Советской России» (быстро изданная в 1947 г. в СССР и переизданная сталинистами в России в 2011 г.) показывала размах подрывных операций западных спецслужб в отношении СССР, оправдывая Большой террор необходимостью истребления заговорщицкой «пятой колонны»³. Но большинство писавших о политике ленинско-сталинского периода серьёзных авторов давали тайной полиции большевиков вполне адекватные оценки.

С конца 1950-х годов на Западе стали появляться основательные работы как о репрессивной политике СССР в целом, так и исследования о различных аспектах работы советской тайной полиции, обычно затрагивавшие напрашивающиеся параллели с государственными жестокостями при российских царях и императорах (особенно это характерно для книг Р. Пайпса⁴). В 1950–1970-е годы за рубежом

---

¹ Малиа М. Конец утопии // Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал: в 2 т. Т. 2. Апогей и крах сталинизма / под общ. ред. Ю. Н. Афанасьева. М.: РГГУ, 1997. С. 575–595; Он же. Советская трагедия. История социализма в России. 1917–1991. М.: РОССПЭН, 2002. 584 с.

² Старцев В. И. Русские блокноты Джона Рида. М., 1968. С. 218; Пайпс Р. Русская революция: в 2 т. М.: Захаров, 2005.

³ Sayers M., Kahn A. E. The Great Conspiracy against Russia. New York, 1946.

⁴ Pipes R. Russia Under the Old Regime. 1974 (Пайпс Р. Россия при старом режиме. М.: Захаров, 2004); Он же. Русская революция: в 2 т. М.: Захаров, 2005.

появляются первые исследования по истории ВЧК-НКВД, основанные на изучении крупных массивов открытых источников. Система органов безопасности Советской России рассматривалась в тоталитаристской парадигме и характеризовалась как тайная полиция коммунистов, занимавшаяся прежде всего терроризированием нации, оцениваясь как своеобразное государство в государстве, формировавшееся из морально сомнительных личностей.

Новаторский характер носила появившаяся в 1958 г. и не утратившая своего значения монография американского историка М. Фэйнсоды «Смоленск под властью Советов»¹, где благодаря использованию документов оказавшихся в США примерно 500 дел партийного архива Западной области был дан большой параграф о работе низовых чекистских органов и их взаимоотношениях с партийными структурами. Автор показал противоречия между чекистами (заместителями начальников политотделов МТС и совхозов по работе ОГПУ-НКВД) с районными властями, дал социометрические характеристики работников ОГПУ первой половины 30-х годов. Отдельному изучению подвергся цензурный контроль в Западной области, была выявлена его тесная связь с органами ОГПУ. Автор указал на меры ОГПУ, которые принимались в 1934 г. к нарушителям цензурных правил, на чистки библиотек в середине 30-х годов и практику передачи анонимных критических посланий, адресованных руководителям регионов, в органы НКВД². Следует отметить, что Фэйнсод нашёл механизм тоталитарного контроля далёким от совершенства, а его внимание к судьбам отдельных лиц и ординарным событиям говорит о равнодушии исследователя к проблемам социальной истории.

Однако основные работы того периода, рассматривавшие функционирование советской карательной системы, касались лишь истории ВЧК как наиболее подкреплённой широким спектром доступных источников. Монография Л. Герсона «Тайная полиция в ленинской России» вышла в 1976 г. и, анализируя ВЧК в системе советского режима, опиралась не только на опубликованные материалы, но и на документы Национального архива США³. В 1981 и 1986 гг. двумя изданиями вышла основательная монография Дж. Леггетта «Чека: Ленинская политическая полиция», в которой он, как и многие за-

---

¹ Фэйнсод М. Смоленск под властью Советов. Смоленск: ТРАСТ-ИМАКОМ, 1995. 495 с.

² Там же. С. 396, 401.

³ Gerson L. The Secret Police in Russia. Philadelphia, 1976.

падные исследователи, назвал ВЧК аналогом царской охранки, только ещё более жестоким. В работе изучены причины возникновения ВЧК, изложен процесс её создания и превращения в разветвлённую систему политического сыска¹. Работа Леггетта доказывает, что опора на некоторые открытые источники, которые игнорировались советскими исследователями, позволяет с множеством подробностей (от структурно-кадровых вопросов до противоречивых взаимоотношений с различными советскими ведомствами) увидеть основное содержание полицейской работы советской госбезопасности, опиравшейся на прямой контроль и поддержку со стороны В. И. Ленина. Английский исследователь М. Пэрриш проделал значительную работу по составлению и изданию на основе открытых источников объёмистого справочника, содержащего биографические данные о сотрудниках ВЧК-КГБ², как разведчиков, так и контрразведчиков, правда, с многочисленными ошибками и неточностями.

Важную роль в истории вопроса о принудительном труде в СССР играет исследование М. Джейкобсона о происхождении системы ГУЛАГа³. История советского террора на материалах российских архивов подробно и доказательно, начиная с первых недель советского режима, раскрыта группой французских историков в уникальном по охвату труде, посвящённом террористической политике левототалитарных режимов, «Чёрная книга коммунизма» (1997 г.)⁴.

Особый интерес западных исследователей привлекала разведывательная деятельность советских спецслужб, по которой было много источников и сталинского периода. Британские авторы К. Эндрю и О. Гордиевский своё крупноформатное сочинение «КГБ. История внешнеполитических операций от Ленина до Горбачёва» посвятили анализу множества секретных операций ВЧК-НКВД за границей, уделив внимание кадрам разведки и методам её работы⁵. Боль-

---

¹ Leggett G. H. The Ceka: Lenin's political police: the all-Russian extraordinary commission for combating counter-revolution and sabotage, December 1917 to February 1922. Oxford, England, 1981.

² Parrish M. Soviet Security and intelligence organization, 1917–1990: a biographical dictionary and review of literature in English. New York, Westport, Connecticut, London, 1992.

³ Jakobson M. Origins of the Gulag. The Soviet Prison Camp System 1917–1934. Lexington/Kentucky, 1993.

⁴ Верт Н. Государство против своего народа // С. Куртуа и др. Чёрная книга коммунизма. М.: Три века истории, 2001. С. 66–259.

⁵ Эндрю К., Гордиевский О. КГБ: История внешнеполитических операций от Ленина до Горбачева. М.: Nota Bene, 1992. 768 с.

шой объём уникальной информации о разведывательных операциях Иностранного отдела ВЧК-НКВД приведён в сенсационной книге К. Эндрю и В. Митрохина¹, основанной на вывезенных в Великобританию многочисленных секретных материалах из архива внешней разведки КГБ СССР (правда, их основная часть относится к послевоенной эпохе). К. Эндрю отмечает провокационную работу контрразведки ВЧК уже в 1918 г., что соответствует действительности, поскольку именно принцип провокации, заимствованный у руководителей Департамента полиции царской России, был изначально положен в основу всей чекистской работы, о чём говорит как название в 1918 г. ведущего оперативного отдела Казанской губЧК (короткое время именовался «провокационным»), так и содержание многих следственных дел периода Гражданской войны². Авторы справедливо указали на ложность полученного советской разведкой в конце 20-х годов так называемого «меморандума Танака», высказав мнение, что он был сфабрикован ОГПУ³ (более вероятно, что его изготовили и распространили китайцы для компрометации японского правительства⁴).

Очень важные материалы по работе советской разведки в США представлены в новейшей монографии А. Васильева и его американских соавторов⁵. В исследованиях Б. Володарского, основанных на изучении архивов целого ряда стран, а также документов КГБ, даётся критический портрет известного перебежчика А. М. Орлова (полемичный по отношению к позиции О. Царёва и Д. Костелло, выраженной в их биографии Орлова «Роковые иллюзии»), раскрываются некоторые секреты советской разведки 30-х годов в Великобритании и подробно анализируется деятельность резидентуры Иностранного отдела НКВД в Испании⁶.

---

¹ Mitrokhin V., Andrew C. The Mitrokhin Archive: The KGB in Europe and the West. Allen Lane. The Penguin Press, 2000. 996 с.

² Литвин А. Л. Красный и белый террор в России... С. 89; Тепляков А. Г. «Непроцаемые недра»: ВЧК-ОГПУ в Сибири... С. 132–147, 203–216.

³ Mitrokhin V., Andrew C. The Mitrokhin Archive: The KGB in Europe and the West... С. 755.

⁴ Томида Т. Фальсифицированный документ о политике японского империализма («Меморандум Танака») // *Вопр. истории*. 2010. № 3. С. 174–175.

⁵ Haynes J. E., Klehr H., Vassiliev A. Spies: The Rise and Fall of the KGB in America. New Haven & London: Yale University Press. 2009. 704 p.

⁶ Volodarsky B. Stalin's agent: the life and death of Alexander Orlov. Oxford University Press, 2015. 789 p.; Volodarsky B. The Orlov KGB File: The Most Successful Espionage Deception of All Time. US: Enigma Books, 2011. 480 p.

§ 3. *Метаморфозы «ревизионизма»*

Изучение исторического опыта Советского Союза шло в условиях сильного политического влияния со стороны Востока и Запада на многих исследователей. Тоталитарная модель всё время существовала в конкуренции с исследованиями видных историков, которые не считали советский режим абсолютно отрицательным примером жизнеустройства. Британский историк Э. Х. Карр в своём монументальном труде о русской революции¹ демонстрировал сравнительно благожелательное отношение к советскому эксперименту, жёсткая автократичность которого была необходима для выживания социализма. Американский исследователь А. Рабинович считал большевиков эффективной и гибкой массовой политической партией, чей приход к власти не имел ничего общего с заговором². Работа С. Коэн о Н. И. Бухарине серьёзно рассматривала так называемую «бухаринскую альтернативу» сталинизму, но вместе с тем касалась и ответственности «любимца партии» за жестокости красного террора в период Гражданской войны³. Книга австралийского историка Г. Гилла о сталинизме также исходила из того, что сталинская диктатура не была predeterminedена ни предыдущим ходом российской истории, ни Октябрьской революцией⁴.

Мирная трансформация сталинского общества в период оттепели, уверенное развитие СССР в 1960-х годах, внешнеполитические кризисы Запада подорвали убеждённость части историков в плодотворности привычных представлений о тоталитарной сути советского режима. Сосредоточенная на политических институтах и их прямом воздействии на общество, концепция тоталитаризма постепенно стала всё сильнее критиковаться, поскольку исследовательский интерес западных историков с 1960–1970-х годов стал смещаться в сторону анализа глубинных общественных процессов, взаимодействия личности и государства, путей ухода «маленького человека» от железных объятий государственной машины. Если сторонники тоталитарной парадигмы рассматривали сталинскую эпоху сверху, анализируя репрессивное давление государства на общество, то историки-ревизионисты обратились к идее о том, что советское общество

---

¹ Карр Э. История Советской России. Кн. 1. Т. 1, 2. Большевицкая революция. 1917–1923. М.: Прогресс, 1990. 768 с.

² Рабинович А. Большевики приходят к власти. М.: Прогресс, 1989.

³ Коэн С. Бухарин: Политическая биография. 1888–1938. М.: Прогресс, 1988.

⁴ Gill G. Stalinism. N. J., 1990.

являлось активной стороной в его контактах с властью. Развивая тоталитаристскую модель, Дж. Киркпатрик в конце 1970-х годов сделал прозорливый вывод о том, что основным пунктом, отличающим тоталитаризм от авторитаризма, является неспособность тоталитарного государства к трансформированию в демократию самостоятельно, тогда как обычные авторитарные режимы могут это сделать, примером чего стала Испания после смерти диктатора Ф. Франко¹. По сути отвечая Киркпатрик, американские историки-ревизионисты Дж. Арч Гетти и Роберта Маннинг заявили, что неверно считать, будто СССР был тоталитарным, а рядовые советские граждане никогда не были самостоятельными актёрами на исторической сцене².

Ревизионисты не смогли выработать какую-то единую теорию, но доказательно указывали на высокую социальную мобильность, существовавшую в советском обществе, что говорило и о его подвижности — благодаря инициативе низов, и о наличии ряда социальных групп (бенефициариев), выигрывавших от сталинской политики за счёт материальных (преимущества в заработной плате, снабжении продуктами, жильём и пр.) и карьерно-моральных стимулов. Историки нового поколения зафиксировали и эффективную мобилизационную роль советской идеологии в проведении насильственных политико-экономических преобразований. Например, канадская исследовательница Л. Виола в работе «Лучшие сыны отечества. Рабочие в авангарде советской коллективизации» доказывала, что рабочие-двадцатипятидесятники были уверены в правоте своей цели, и их энтузиазм сыграл значительную роль в успехе коллективизации³. Американский историк Х. Куромия в книге «Сталинская индустриальная революция: политики и рабочие, 1928–1932» утверждал, что тайна устойчивости сталинского режима крылась в его массовой поддержке со стороны рабочих, ударничество которых питалось инициативой снизу, а для репрессивной «сталинской революции сверху» был характерен подлинный антибюрократический дух⁴.

---

¹ Kirpatrick J. Dictatorships and Double Standarts // Commentary. № 68. 1979. November. P. 34–35.

² Getty Arch J., Manning R. Introduction for Stalinist Terror: New Perspectives. Cambridge University Press, 1993. P. 2.

³ Viola L. The best sons of the fatherland. Workers in the vanguard of Soviet collectivization. New York, 1987.

⁴ Kuromiya H. Stalin's Industrial revolution: Politics and Workers, 1928–1932. Cambridge University Press, 1988.

Ревизионисты подвергли сомнению основные элементы сложившихся представлений относительно СССР: собственно тоталитарность советского общества и масштабность политического террора. История карательных органов до открытия советских архивов их интересовала мало, поскольку они были убеждены в сравнительно небольших масштабах репрессий. В начале 1980-х годов С. Уиткрофт доказывал, что голода в 1933 г. практически не было, а небольшая повышенная смертность была вызвана распространением на юге Украины малярии и других заболеваний¹. Однако наряду с серьёзным расширением исследовательских подходов в последующие десятилетия (например, со стороны Ш. Фицпатрик, Л. Виолы, С. Уиткрофта², Х. Куромия, обратившихся к изучению советских репрессивных практик по архивам) и убедительными доказательствами того, что тоталитарные претензии сталинского государства далеко не во всём оказались состоятельными, ряд историков выдвинул радикальные схемы, весьма далёкие от реальности и показавшие слабость концептуальной базы последовательных ревизионистов, чьи попытки адекватно объяснить государственный террор оказались неубедительными.

Так, американский историк Дж. Арч Гетти объявил, что перед 1937 г. существовал трёхлетний период либеральных сталинских реформ, завершившихся принятием конституции, покончившей с прежней классовой дискриминацией. Неудача этих демократических реформ привела к репрессиям. Сталин решил поломать с помощью новой конституции систему партноменклатуры, поскольку местные чиновники интерпретировали сталинские указания по своему усмотрению, демонстрируя либо излишнее «рвение», либо «саботаж». Местные кланы были самостоятельными надстройками, на которые Сталин не имел влияния. Вообще, Сталин был слабым диктатором и до конца 30-х годов не имел надёжного аппарата: в Политбюро ему приходилось лавировать между умеренной и радикальной фракциями, местные власти сохраняли немалую долю сво-

---

¹ Максудов С. О публикациях в журнале «Социс» // Социол. исслед. 1995. № 9. С. 114–118. Ныне Уиткрофт определяет избыточную смертность населения СССР за 1931–1933 гг. в 6–7 млн чел., из них в УССР — от 3 до 3,5 млн чел. Уиткрофт С. О демографических свидетельствах трагедии советской деревни в 1931–1933 гг. // Трагедия совет. деревни: коллективизация и раскулачивание. М.: РОССПЭН, 2001. Т. 3. С. 866–887.

² Так, Уиткрофт посвятил отдельную работу видному чекисту Е. Г. Евдокимову. См.: Wheatcroft S. Agency and Terror: Evdokimov and Mass Killing in Stalin's Great Terror // Australian journal of politics and history. 2007. № 53 (1). P. 20–43.

боды, а высланный Троцкий был связан с оппозицией внутри СССР. Гетти предложил оценивать Большой террор как борьбу Сталина с неэффективным бюрократическим аппаратом региональных вождей, заинтересованных в массовых репрессиях ради сохранения власти. В 1980-х годах Гетти категорически отрицал масштабность и плановость Большого террора, полагая его слепым, а его представление центра слабым и зависимым от «маленьких Сталиных» на местах по сути снимало немалую часть ответственности за террор со сталинской верхушки.

Согласно новейшей точке зрения Гетти, отражённой в ценном архивном сборнике «Путь к террору. Сталин и самоистребление большевиков, 1932–1939» (сотрудник РГАСПИ О. В. Наумов принимал участие только в подборе документов, их подробное комментирование — вклад исключительно американской стороны), для номенклатурной элиты со Сталиным во главе ведущей проблемой было выживание и поиск путей преодоления хаоса начала 30-х годов¹. Гетти охарактеризовал дискурсы и риторику большевиков, верно обозначив кредо Сталина: «Критика равнозначна оппозиции, оппозиция подразумевает сговор, а сговор означает измену». Следует отметить, что Гетти пересмотрел свою прежнюю версию небольшого числа сталинских жертв, признав «почти 1,5 миллиона случаев смерти непосредственно из-за репрессий в 1930-х годах», но по-прежнему утверждал, что Большой террор представлял собой слепую стрельбу по толпе².

Французский историк Г. Риттерспорн видит террор как своего рода гражданскую войну между соперничающими фракциями партийного аппарата в окружении готового к мятежу населения, жаждавшего рассчитаться с неэффективной номенклатурой. Согласно Риттерспорну, Большой террор не только не завершил оформление диктаторской власти Сталина, а скорее привёл к её относительному ослаблению³. Также Риттерспорн сделал ошибочный вывод о малом размахе крестьянского протеста против коллективизации и высокой степени адаптации крестьянства к новым условиям⁴, хотя на деле и

---

¹ Getty Arch J., Naumov O. V. *The Road to Terror. Stalin and the Self-Destruction of the Bolsheviks, 1932–1939*. Yale University Press, 1999. P. 7, 12, 15, 571, 584.

² Там же. С. 527, 591, 583.

³ Верт Н. *Террор и беспорядок. Сталинизм как система*. М.: РОССПЭН, 2010. С. 167.

⁴ Rittersporn G. *Das kollektivierte Dorf in der bauuerlichen Gegenkultur // Stalinismus vor dem Zweiten Weltkrieg: neue Wege der Forschung*. Muenchen, 1998. S. 147–167.

антиколхозных вооружённых выступлений было немало, а крестьяне-единоличники до середины 30-х годов, несмотря на уголовное преследование, массово бежали из деревни, бросая хозяйства. Основываясь на архивах, Риттерспорн констатирует, что бывшие «кулаки» считали свои позиции усиленными конституцией 1936 г. и настойчиво требовали вернуть собственность, конфискованную во время коллективизации, что крайне беспокоило власть¹.

Французский исследователь Н. Верт в книге статей о сталинизме полагает, что государственный террор следует считать не «сталинским», а деянием общества в целом: «В конечном итоге, Сталин был слабым диктатором: до конца 1930-х годов в его распоряжении не было аппарата, способного выполнять его указания, в результате местные власти сохраняли значительную долю самостоятельности» (с. 148). Террор оказался самодеятельным, в силу чего его хаотичность и привела к варварскому пренебрежению к человеческой жизни. Вместе с тем Верт обоснованно считает, что массовые операции 1937–1938 гг. представляли собой последнюю и радикальную попытку социальной чистки в продолжение серии репрессивных действий, начавшихся в 30-е годы с «раскулачивания», чтобы положить конец «социальному беспорядку» и избавить раз и навсегда «новое социалистическое общество» от «социально чуждых элементов». Репрессии, направленные против элит, должны были привести к уничтожению всех политических, личных, профессиональных, административных связей, не имевших в качестве своего основания приверженность политике Сталина, и обеспечить выдвижение нового слоя лично преданных руководителей².

Известная исследовательница Ш. Фицпатрик указывает, что общественные страты, признанные большевиками не отвечающими их критериям полезности и благонадёжности, со временем подвергались всё большей дискриминации. Сам же Большой террор явился социальной патологией, обусловленной социально-психологическим состоянием населения СССР. Ключевую роль в нём сыграли не указания сталинской верхушки, а региональные кланы, опасавшиеся за свою неэффективную власть (см. выше мнение Г. Риттерспорна). Для большей части населения, верившего пропаганде, массо-

---

¹ Риттерспорн Г. «Вредные элементы», «опасные меньшинства» и большевистские тревоги: Массовые операции 1937–1938 гг. и этнический вопрос в СССР // В семье единой: Национальная политика партии большевиков и её осуществление на Северо-Западе России в 1920–1950-е годы. Петрозаводск, 1998. С. 108.

² Верт Н. Террор и беспорядок. Сталинизм как система. М.: РОССПЭН, 2010.

вые аресты и казни выглядели алогичным стихийным бедствием, которое «надо было просто перетерпеть», а масштабы террора не были столь значительны, как утверждали ранее критики сталинизма¹. Проводя идею о том, что сталинские репрессии явились реакцией государства на усилившиеся в 30-е годы беспорядок, преступность и произвол местных властей, ревизионисты утверждали, что местное руководство якобы не слушало и не выполняло распоряжений вышестоящей власти. Также они акцентировали внимание на «революционной составляющей» террора 1937–1938 гг., выделяя сочувствие масс расправам над местным начальством, в котором население видело прямых виновников своего тяжёлого положения. В таком ключе Фицпатрик рассмотрела показательные процессы над районными руководителями, которые прошли в сельских районах страны осенью 1937 г.²

Однако, как доказывает И. В. Павлова, соучастие масс в репрессиях не было самостоятельным фактором, так как в России отсутствовало гражданское общество. Не массы «давили» на власть, а власть «давила» на массы, манипулируя ими, используя их настроения в своих интересах, канализируя их недовольство своим положением, направляя его против местных начальников, «вредителей», «врагов народа» и оформляя свои действия от имени трудящихся масс. Характерный оборот, встречающийся в документах 30-х годов — «установка партии на организацию ярости масс...»³ (данный выразительный термин встречается и в легальном обиходе журналистики конца 1920-х — начала 1930-х годов: «Ну-с, куда мы сегодня направим ярость масс?»⁴). Всё это свидетельствовало не о слабости, а о силе власти, которая в своих действиях опиралась на худшие черты народа, всемерно их поощряя и усугубляя.

Обилие симулякров и фантомность большевистского языка, основанного на идеологических клише (классовая борьба, кулаки, вредители, революционная законность, морально-политическое един-

---

¹ Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М.: РОССПЭН, 2001. С. 230.

² Фицпатрик Ш. Как мыши кота хоронили. Показательные процессы в сельских районах СССР в 1937 г. // Судьбы российского крестьянства. М.: РГГУ, 1996; Павлова И. В. Показательные процессы в российской глубинке в 1937 г. // Гуманитар. науки в Сибири. Сер. Отечеств. история. 1998. № 2. С. 98–103.

³ Гонимые голодом. Документы о судьбе десятков тысяч казахов, бежавших в Сибирь в начале 30-х гг. Ч. 2. Алматы, 1995. С. 160.

⁴ Ульяновский А. Г. Ночной рейд. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1931. С. 25.

ство партии и народа, враждебное окружение, социально-вредные элементы, социалистическая демократия, конституционные нормы и т. д.) постоянно сбивали исследователей, не умевших адекватно переводить советский новояз. Р. Маннинг вслед за Гетти, опираясь на принятие новой конституции СССР, вполне серьёзно заявляла о демократизации, которая, по её мнению, «оставалась официальным курсом сталинского режима вплоть до осени 1937 г.»¹. Основную причину Большого террора она усматривала в панической реакции Сталина на обострение экономических проблем, сопряжённых со внешнеполитическими угрозами, заявляя: «...Мы видим правительство в основе своей более человечное, более зависимое от событий, находящиеся вне его контроля (как, например, неурожая), и более уязвимое от превратностей общественного мнения, чем кто-либо из нас мог до того себе представить»².

Также Маннинг выражала недоумение, как сельские райотделы НКВД, состоявшие из двух-трёх чекистов, могли осуществить массовые репрессии в глубинке, не зная, что для проведения Большого террора создавались особые карательные структуры — оперативные секторы или следственные группы в городах под руководством опытных сотрудников НКВД, куда прикомандировались районные чекисты, милиционеры, фельдъегери и курсанты школ НКВД, что втягивало в террор огромное количество персонажей — много более 100 тыс. чекистов, так сказать, второго ряда. Оперсекторы, насчитывавшие по несколько десятков следователей, занимались быстрым оформлением групповых дел и исполнением приговоров, расстреляв за 1937–1938 гг. в среднем 1–3 тыс. (отдельные — до 10 тыс.) человек каждый. Что же касается массовых арестов, то их и в сельской местности, и в городах большей частью осуществляли верные помощники чекистов — милиционеры и фельдъегери³.

Устарело уже в момент появления (1996 г.) радикально ревизионистское сочинение «Жизнь и террор в сталинской России в 1934–1941 гг.» американского исследователя У. Тёрстона, где тот уверял, что страх за свою жизнь даже в 1937–1938 гг. испытывало меньшин-

---

¹ Маннинг Р. Бельский район, 1937 год. Смоленск, 1998; Павлова И. В. Современные западные историки о сталинской России 30-х годов (критика «ревизионистского» подхода) // Отечеств. история. 1998. № 5. С. 107–121.

² Маннинг Р. Бельский район... С. 91.

³ Юнге М., Биннер Р. Как террор стал «Большим». Секретный приказ № 00447 и технология его исполнения. М.: АИРО-XX1, 2003. С. 271; Тепляков А. Г. Машина террора: ОГПУ-НКВД в Сибири 1929–1941 гг. М.: Новый хронограф, 2008. С. 49–55.

ство населения, изгнанный Троцкий имел значительную нелегальную агентуру внутри ВКП(б), а террором руководил больше Ежов, чем Сталин. По мнению автора, Сталин, хотя и являлся одним из крупных диктаторов-убийц в мировой истории, не нуждался в страхе как способе управления и не намеревался терроризировать страну, а миллионы его жертв — вымысел. События 1937 г. являлись исторической охотой за воображаемыми «вредителями» на фоне ненависти масс к начальству и обострения международной обстановки, выйдя в итоге из-под сталинского контроля и застав диктатора врасплох. Тёрстон также защищал необъективный тезис о том, что в период террора контроль республиканских, областных и краевых комитетов ВКП(б) за деятельностью НКВД не был ослаблен¹.

Другим примером крайностей ревизионизма является монография американского историка Р. Аллена «От фермы к фабрике: новая интерпретация советской промышленной революции», с опорой на официальную сталинскую статистику заявившего, что в 1928–1940 гг. уровень жизни городского населения СССР систематически возрастал, а в конце 30-х годов якобы и потребление на селе превысило уровень 1928 г.²

Дж. Арч Гетти и его последователи не учли, что ещё Б. Л. Пастернак в «Докторе Живаго» (1958 г.) гораздо более пронизательно судил о причинах террора: «Я думаю, коллективизация была ложной, неудавшейся мерою, и в ошибке нельзя было признаться. Чтобы скрыть неудачу, надо было всеми средствами устрашения отучить людей судить и думать и принудить их видеть несуществующее и доказывать обратное очевидности. Отсюда беспримерная жестокость ежовщины, обнародование не рассчитанной на применение конституции, введение выборов, не основанных на выборном начале»³ (эта формула была затем по сути воспроизведена в трудах М. Малиа). Здесь же следует отметить, что сторонники тоталитаристской парадигмы гораздо раньше своих критиков отмечали наличие хаоса в управленческой системе большевизма: М. Фэйнсон подчёркивал в 1958 г., что «по архивам создаётся впечатление хаотического беспорядка, в котором Коммунистическая партия выгля-

---

¹ Thurston R. *Life and Terror in Stalin's Russia, 1934–1941*. Yale University Press; New edition, 1996. P. 92–93.

² Allen R. *Farm to Factory: A Reinterpretation of the Soviet Industrial Revolution*. Princeton, 2003 (Аллен Р. *От фермы к фабрике: новая интерпретация советской промышленной революции*. М.: РОССПЭН, 2013. 390 с.)

³ Пастернак Б. Л. *Собр. соч.*: в 5 т. Т. 3. М., 1991. С. 499.

дит скорее беззащитной жертвой, нежели повелителем джинна, выпущенного ею из бутылки»¹.

Гетти не удалось убедить историков в слабости Сталина и умеренных размерах террора (от последней идеи он со временем отказался сам), а отсутствие каких-либо группировок в Политбюро ЦК ВКП(б) убедительно доказал О. В. Хлевнюк². Никто из историков-ревизионистов не смог удовлетворительно осмыслить причины террора 1930-х годов, поскольку доказательство гетерогенности советского общества и наличие бенефициариев репрессивной политики не давало убедительных объяснений относительно того, зачем вдруг режиму понадобилось в 1937–1938 гг. расстрелять и уничтожить в лагерях и тюрьмах около миллиона человек.

Результаты архивной революции в России 1990-х годов способствовали укреплению позиций сторонников тоталитарной модели, а распад СССР подтверждал один из основных тезисов тоталитаристов о принципиальной неререформируемости советской системы. Позиции ревизионистов сильно пошатнулись, но всё же их вклад многое изменил в мировой историографической традиции сталинизма. Однако теория тоталитаризма в серьёзно обновлённом виде сегодня снова демонстрирует жизнеспособность, приняв в себя тезис о сложности общественных отношений при Сталине.

Что касается столпов ревизионизма, то Дж. Арч Гетти продолжил исследования в своей концепции, опубликовав в 2008 г. насыщенную интересным материалом монографию о Н. И. Ежове как «железном кулаке» Сталина³, где, в частности, комплиментарно отозвался о его поведении во время следствия, отдав предпочтение «железному наркомуну» перед сломленным застенком Н. И. Бухариным. В 2013 г. вышла работа этого автора о русских корнях сталинской системы «Практика сталинизма: Большевики, бояре и неумирающая традиция»⁴. Согласно Гетти, большевистская бюрократия лишь выдавала себя за современное государство, а на деле являлась воплощением патримониализма, когда вся власть принадлежала «кланам» и «семьям», как и во времена Московской Руси. Гетти пря-

---

¹ Цит. по: Верт Н. Террор и беспорядок... С. 167.

² Хлевнюк О. В. Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е годы. М.: РОССПЭН, 1996. С. 99–132.

³ Getty J. A., Naumov O. V. Stalin's «Iron Fist»: The Times and Life of N. I. Yezhov. Yale University Press, 2008.

⁴ Getty J. A. Practicing Stalinism: Bolsheviks, Boyars, and the Persistence of Tradition, Yale University Press, 2013.

мо сравнивает опричные казни с процессами 1937–1938 гг., а преследования политического инакомыслия выводит из нетерпимости к «мысленным грехам» со стороны православной церкви¹. Автор верно подчёркивает «дурную бесконечность» архаических политических и общественных российских практик, но рассматривает только доминирующую тенденцию, никак не объясняя феноменов дворянской чести, массового патриотизма, организации низового самоуправления и авторитетных общественных объединений, а также постоянных «оттепелей», когда волею государства они на время сменяют политические «заморозки» и общественную апатию².

Критиками отмечено, что данная книга Гетти отражает новую заметную тенденцию в западной историографии России и ряда бывших советских республик. Так, в 2015 г. вышло исследование профессора Вашингтонского университета Г. Е. Хейла «Патронская политика: Евразийские режимы в сопоставительной перспективе»³. Потеряв надежду на успех демократических преобразований в России, западная профессура ищет новую парадигму для постсоветологических исследований, отодвигая Россию подальше на Восток: если Гетти сравнивает её с западными странами, то Хейл уже ставит Россию в ряд евразийских режимов⁴. Но отметим, что вместе с тем новейшая работа Нэнси Коллман⁵, профессора истории Стэнфордского университета (США), посвящённая применению уголовного права в России в XVII — начале XVIII в., напротив, говорит о том, что Россия тогда обладала судебной культурой, сопоставимой с аналогичной культурой ряда стран Европы, отказываясь применять к российской практике той эпохи привычные термины «деспотизм» и «варварство»⁶.

Однако наиболее подготовленные ревизионисты в XXI в. выступили с очень плодотворными начинаниями, отказавшись от идей

---

¹ Гетти А. Практика сталинизма: Большевики, бояре и неумирающая традиция. М.: РОССПЭН, 2016. 374 с.

² Жежко-Браун И. Конец истории в отдельно взятой стране: Арч Гетти об архаических чертах российской политической практики от Ивана Грозного до Путина // Интернет-журнал ГЕФТЕР. 2017. 7 апр. [Электронный ресурс]. URL: <http://gefter.ru/archive/21793>

³ Hale H. E. Patronal Politics: Eurasian regimes in comparative perspective. Cambridge University Press, 2015. 556 с.

⁴ Жежко-Браун И. Конец истории в отдельно взятой стране.

⁵ Коллман Н. Преступление и наказание в России раннего Нового времени. М.: Новое лит. обозрение, 2016. 616 с.

⁶ Там же. С. 4.

наличия в СССР лишь умеренного террора и большой успешности политики социальных лифтов. В середине 1990-х годов Л. Виола обратилась к теме крестьянского сопротивления коллективизации в контексте (вслед за А. Грациози¹) гражданской войны между городом и селом, сделав вывод о пролетаризации сельских жителей с помощью беспощадной внутренней колонизации деревни. Особое внимание она обратила на очень распространённый феномен «бабьих бунтов» как сознательной попытки деревни переложить ответственность за антигосударственный протест на «несознательных женщин», которых власть первое время действительно избегала наказывать. Исследовательница пронизательно отметила, что для государства неорганизованный крестьянский бунт и терроризм были скорее выгодны, нежели опасны, так как позволяли оправдать усиление репрессий. Также ею написана содержательная монография о «крестьянском ГУЛАГе», посвящённая закрытому миру крестьянской политической ссылки². В последнее время Виола приступила к плодотворному изучению деятельности и ментальности наиболее активных проводников сталинского террора — чекистов 30-х годов³.

Что касается Ш. Фицпатрик, то в одной из последних больших работ, посвящённой анализу советской идентичности, она критически осмыслила коммунистическую риторику и пришла к интересным и глубоким выводам относительно идеологии и социальной инженерии большевиков. Описывая механизмы и технологии позитивной социализации («включение» в социум) и десоциализации («исключение» из социума), Фицпатрик также рассматривает процессы ресоциализации («нового включения») для членов стигматизированных государственными репрессиями групп («перековка», «трудовое перевоспитание» и т. д.). Исследовательница доказывает, что классы в большевистском понимании были «воображаемыми сообществами». Сначала большевики вообразили себе передовой

---

¹ См.: Грациози А. Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917–1933 гг. М.: РОССПЭН, 2001.

² Виола Л. Крестьянский бунт в эпоху Сталина: Коллективизация и культура крестьянского сопротивления. М.: РОССПЭН, 2010. 367 с.; Она же. «Крестьянский ГУЛАГ»: мир сталинских спецпоселений. М.: РОССПЭН, 2010. 335 с.

³ Viola L. The Question of the Perpetrator in Soviet History // Slavic Review. 2013. № 72. P. 1–23; Виола Л. Дело Уманского районного отдела УНКВД по Киевской области // Чекисты на скамье подсудимых: сб. ст. / сост. М. Юнге, Л. Виола, Дж. Россман. М.: Пробел, 2017. С. 76–112; Viola L. A. Stalinist Perpetrators on Trial: Scenes from the Great Terror in Soviet Ukraine. Oxford University Press, 2017.

революционный класс в лице международного пролетариата, чья революция, случайно начавшись в России, вскоре охватит Запад и станет мировой. После краха надежд на мировую революцию большевикам пришлось конструировать концепт российской социалистической нации, призванной возводить новый общественный строй в границах Советской России. В итоге образ мифического могучего международного рабочего класса, так и не собравшегося в единый коммунистический кулак, увял и постепенно из крупных газетных заголовков ушёл на идеологическую периферию.

По мнению Фицпатрик, вся социальная ткань прежней России распалась в период Гражданской войны, и к 1921 г. страна под давлением военных действий, разрухи и репрессивной архаизации была полностью деклассирована. Изобретая свои классы, передовые и вредные, большевики не просто легитимировали через «классовый» дискурс свою «пролетарскую диктатуру», но также оправдывали «воображаемую классовую войну и реальную государственную агрессию против отдельных сегментов общества»¹. Таким образом, большевистские «классы» были созданы в 1920-е годы для того чтобы обозначать государственных врагов. Постоянное чекистское наблюдение и преследование заставляло людей конструировать и пересоставлять своё прошлое: «Привычка к утаиванию и ретушированию тех или иных фактов, неразрывно связанная с общим процессом пересотворения себя, коего требовала революция, стала второй натурой советского гражданина, так же как и противоположная привычка к разоблачению и доносительству»².

Профессор из Принстона (США) С. Коткин в монументальной биографии Сталина (к настоящему времени вышли два тысячестраничных тома из трёх запланированных — «Сталин: Парадоксы власти, 1878–1928» и «Сталин: в ожидании Гитлера, 1929–1941»)³ предлагает широкий, в том числе международный контекст, описывая историю распада Российской империи и создание новой, уже советской империи. Коткин показывает Сталина трудоголиком, мастером бюрократических перестроек аппарата, удивляясь его работоспособности и количеству перерабатываемой информации. В 1920-е годы Сталин был не более жестоким, чем остальные вожди, и реаги-

---

¹ Фицпатрик Ш. Срывайте маски! Идентичность и самозванство в России XX века. М.: РОССПЭН, 2011. С. 41, 51.

² Там же. С. 110, 14.

³ Kotkin S. Stalin: Paradoxes of Power, 1878–1928. New York: Penguin Press, 2015. 976 p.; Stalin: Waiting for Hitler, 1929–1941. New York: Penguin Press, 2017. 1184 p.

ровал на внешние раздражители более или менее разумным образом. Сталин 30-х годов внешне выглядит параноиком, но при этом полностью контролирует ситуацию. Его террор был вполне рационален, а обусловили его классовая идеология, ненависть к оппозиции и сверхподозрительность. Коткин обоснованно делает акцент на том, что партийно-государственные чиновники открыто критиковали Сталина за жестокости коллективизации. Между тем Сталин никогда ничего не забывал и не прощал, в ходе чисток он укреплял личную власть, опираясь на новую молодую элиту, разрушив при этом многое из созданного им ранее. По мнению Коткина, тирания имеет собственную логику: когда диктатор достигает высшей власти, он становится ещё более жестоким и, чтобы удерживать её, зачищает ряды любых, даже потенциальных претендентов. Сталин, веря в необходимость мобилизации через страх, проявляет себя как педагог-убийца, использующий максимум насилия для обучения своего народа жизни в новом обществе. Отметим, что очень эрудированный автор, опираясь на малоавторитетный источник, неосновательно утверждает, что завещание Ленина было подделкой, изготовленной Н. К. Крупской.

В целом ревизионистские концепции способствовали лучшему пониманию устройства советского общества, но по сути запутывали важную проблему объяснения причины перманентных террористических ударов режима по социуму. Однако и противоположная теория также переживает непростые времена: с крушением основных диктаторских государств в конце XX в. тоталитаристский концепт оказался потеснён ещё более политизированной теорией столкновения цивилизаций С. Хантингтона, который в 1996 г. выпустил труд, доказывающий неизбежность раздельного пути человечества, составленного из несовпадающих по этнокультурному коду цивилизаций, и скорое жёсткое противостояние между исламским и западным мирами¹. Тщательное изучение современными историками инструментов большевистской власти доказало, что тоталитаристский подход далеко не исчерпал своих возможностей. Поэтому данная теория сохраняет научное значение², обнаруживая возможности поглощения новых концептов и отбрасывания устаревших представлений без «потери лица».

---

¹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003. 603 с.

² Кип Дж., Литвин А. Эпоха Иосифа Сталина в России. Современная историография. М.: РОССПЭН, 2009. С. 25.

Последние работы западных авторов, изучающих феномен сталинизма, существенно расширяют исследовательское пространство. О разрушительной работе Сталина и НКВД во второй половине 30-х годов, уничтожившей основные результаты многолетней пропаганды героев советского пантеона вместе с их физической ликвидацией и моральным шельмованием, написал в своей монографии Д. Брандербергер, изучивший смену парадигмы пролетарского интернационализма идеологией национал-большевизма. Он же отметил, что мобилизации советского общества в течение 1920-х годов на основе идей мировой революции, сексуальной свободы, ненависти к имущим оказались малоэффективными¹. Израильский историк И. Халфин, изучающий загадочную «герменевтику» партийной души на основе биографических материалов, истолковывает террор и уничтожение внутривластной оппозиции с эсхатологических позиций — как коммунистический апокалипсис, как действие очистительной силы на пути к идеальному новому миру². Британский исследователь О. Файджес в книге «Шепчущие: частная жизнь в сталинской России», основанной на 400 интервью автора с пережившими террор и архиве общества «Мемориал», дал картину атмосферы общественного ужаса, царившей при Сталине, особенно выделив страдания родственников репрессированных и отметив способы, с помощью которых люди сохраняли, подавляли или искажали свои трагические воспоминания³ (монография переведена на 22 языка, русский перевод отсутствует). Книга профессора Калифорнийского университета в Беркли Ю. Л. Слэзкина «Дом правительства: Сага о русской революции»⁴ посвящена жизни и судьбе обитателей знаменитого московского «Дома на набережной», будучи по существу книгой о смысле и судьбе большевизма (среди её героев — и ряд крупных чекистов). Написанная на основе огромного массива источников, преимущественно личного происхождения, она летом 2017 г. одновременно вышла на нескольких языках (гото-

---

¹ Брандербергер Д. Национал-большевизм. Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956). СПб.: Академ. проект, 2009. С. 3.

² Halfin I. *Terror in my Soul. Communist Autobiographies on Trial*. Cambridge, 2003; Баберовски Й. *Враг есть везде. Сталинизм на Кавказе*. М.: РОССПЭН, 2010. С. 11.

³ Figs O. *The Whisperers: Private Life in Stalin's Russia*. London; New York: Allen Lane, 2007. 740 p.

⁴ Slezkine Y. *The House of Government: A Saga of the Russian Revolution*. Princeton University Press, 2017. 1128 p.

вится и русское издание), вызвав восторженные отзывы американских рецензентов.

Однако объяснение причин террора в СССР является трудной задачей и для тех историков, которые уже не поддерживают наиболее ревизионистские положения. Так, Х. Куромия в монографии о сталинской власти¹ разделяет мнение О. В. Хлевнюка об опасениях Сталина прежде всего относительно «пятой колонны» в СССР и нанесении превентивного удара по представителям «враждебных национальностей»; также Сталин, по его мнению, особенно опасался командования РККА и очень эффективно раздувал пропагандистскую кампанию шпиономании. Другое объяснение массового террора, предложенное А. Блюмом, заключается в целенаправленном уничтожении Сталиным системы неформальных социальных институтов и связей и замене её бюрократической субординацией². Для этого криминализировались все потенциально возможные неформальные отношения между людьми, включая семейные, причём тенденция к принудительной атомизации общества прослеживается с 1917 г. Основной удар, по мысли французского историка, режим наносил по интеллигенции как социальной силе, способной системно осмыслить ситуацию и выступить в качестве организованной оппозиции.

Британский исследователь Дж. Хоскинг причины террора видит в постоянно сгущавшейся атмосфере всеобщего недоверия, созданной на базе крушения всех институтов гражданского общества и создания вместо них большевистских симулякров: «...сталинский террор стал апогеем катастрофического надлома общественного доверия как в стране в целом, так и в партийно-государственном аппарате». Мировоззрение представителей новой элиты формировалось в осознании того, что их окружают враги, а народ относится к ним либо с безразличием, либо с враждебностью — и это несмотря на то, что они желали осчастливить все человечество. Абсолютное доверие внутри партии стало отличительным знаком ордена коммунистов, но по мере того, как под воздействием борьбы с оппозицией и сопротивлением коллективизации атмосфера недоверия сгущалась, Сталин распространил его даже на тех аппаратчиков, которые никогда не были ни оппозиционерами, ни «уклонистами». Прямым след-

---

¹ Kuromiya H. *Stalin (Profiles in Power)*. Harlow, UK: Longman, 2005. 246 p.

² Блюм А., Меспуле М. Бюрократическая анархия: Статистика и власть при Сталине. М.: РОССПЭН, 2008. С. 150.

ствием воздействия этой ядовитой атмосферы на всё население, особенно на молодёжь, не знавшую иной жизни, стала неизбежная и нарастающая общественная паранойя¹.

Германский историк К. Шлегель пишет, что инициированный верхушкой во имя великой цели избавиться от врагов террор был с готовностью подхвачен и использован множеством структур и граждан для решения своих проблем². Американская исследовательница В. Голдман в своей монографии отказывается видеть причину развязывания Большого террора в стремлении Сталина к единоличной власти (по её мнению, одной из важнейших предпосылок террора стали экономические кризисы первых пятилеток) и выдвигает версию самого деятельного участия масс в репрессиях под давлением госаппарата. Изучая профсоюзные организации, она заявляет, что террор осуществлялся согласно приказам и распоряжениям центра, но приводили его в действие миллионы активных участников. Она прослеживает, как террор, развязанный сверху, распространялся вниз через аппарат профсоюзов — от ВЦСПС до фабзавкомов и рядовых трудящихся, что вызвало как неподдельный энтузиазм в преследованиях, так и всеобщий страх, радикально изменивший взаимоотношения в каждом учреждении или на предприятии. Вместе с тем автор полагает, что террор принял якобы неконтролируемый характер, что поставило ВКП(б) с профсоюзами под угрозу самоликвидации и стало толчком к его свёртыванию³.

Ещё один германский историк Й. Баберовски в книге о красном терроре полагал, что сталинизм был «цивилизацией ненависти и вражды». Он подчёркивает роль насилия, которое сталинская власть использовала для переконструирования социума, видя в нём единственное средство преобразований. Сталинский СССР «был феодальным государством личных связей, которым правила господствующая клика и её окружение. Провинциальные лидеры были сталинскими вассалами, и если они целиком покорялись вождю, значит, им позволялось держать собственную феодальную сеть». Причиной перехода к Большому террору явилась глубокая убеждённость Сталина в существовании угрозы его власти со стороны региональных

---

¹ Хоскинг Дж. Доверие и недоверие в СССР: общий обзор // Неприкосновенный запас. 2013. № 6 (92). С. 70–97.

² Шлегель К. Террор и мечта. Москва 1937. М.: РОССПЭН, 2011. 742 с.

³ Голдман В. Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий. М.: РОССПЭН, 2010. 336 с.

лидеров, саботировавших решения центра. Анализ причин террора против нацменьшинств (очень разного масштаба и последствий) Баберовски подменяет общими рассуждениями об однородном национальном ландшафте, который был целью власти и следствием этнических чисток¹. В последней своей книге «Выжженная земля: Сталинское правление насилием» историк резко радикализировал свою точку зрения на сталинские методы правления, прямо указав, что Сталин вёл себя как главарь мафии. Поскольку лидеры криминальных группировок полностью зависят от преданности своих сообщников, любого, на кого падает подозрение, они обычно безжалостно и демонстративно «убирают», причём вместе с ближайшим окружением. По мнению Баберовски, зачинщиком и режиссёром большевистского террора всегда был Сталин — диктатор с неограниченной властью².

Серьёзно продвинули изучение проблемы работы, посвящённые непосредственно функционированию советской карательной системы. Известная книга П. Соломона «Советская юстиция при Сталине»³ рассказывает об истории становления и развития советского уголовного права, игравшего роль послушного инструмента политической власти. По мнению автора, Сталин «использовал уголовное право... для того чтобы выжать остатки зерна из закромов голодных крестьян, для оказания давления на своих чиновников, для предотвращения падения роста рождаемости, для укрепления трудовой дисциплины на рабочем месте». Оценивая мнение, что массовые репрессии, начавшиеся с коллективизации, по сути устранили уголовное судопроизводство, автор считает этот тезис верным для основной части 30-х годов, но указывает, что после 1938 г. закон и репрессии были разделены. На это можно возразить тем, что внесудебные органы (Особое совещание при НКВД-НКГБ-МГБ-МВД СССР) продолжали функционировать до самого 1953 г., в 1940 г. без суда было уничтожено 22 тыс. польских военнопленных, а в годы войны на короткое время создавались тройки НКВД для жестокого репрессирования уголовных преступников в ряде тыловых городов СССР.

---

¹ Баберовски Й. Красный террор. М.: РОССПЭН, 2007. С. 133.

² Baberowski J. Verbrannte Erde: Stalins Herrschaft der Gewalt. München, 2012. S. 29, 308–317 (Баберовски Й. Выжженная земля: Сталинское царство насилия. М.: РОССПЭН, 2014. 488 с.)

³ Соломон П. Советская юстиция при Сталине. 2-е изд. М.: РОССПЭН, 2008. 472 с.

Книга американского историка П. Грегори «Террор по квоте: органы государственной безопасности при Ленине и Сталине»¹ посвящена истории ВЧК-МГБ в 1920-е — начале 1950-х годов, их роли в массовых репрессиях и взаимоотношениям с руководством страны, погружённой в атмосферу «массового безумия и истерии». Автор анализирует кадровую политику и постоянно менявшуюся структуру тайной полиции, порядок рекрутирования чекистской элиты, внесудебные репрессии в отношении широких социальных и национальных слоёв, подчёркивая, что на протяжении 30-х годов власть непрерывно расширяла перечень внутренних врагов. Прежде всего Грегори интересуют причины цикличности репрессий и широчайшего охвата террором массы рядовых граждан, политизация экономических преступлений, крайняя жестокость репрессий. Он вскрывает рациональность массового насилия тайной полиции Сталина. Одним из ключевых в книге является вопрос о практике пресловутых лимитов на казни и заключения в лагеря: эти «плановые» репрессии не были продуктом идеологии или сталинской паранойи, а рационально применялись для достижения Сталиным «максимальной диктаторской власти». Из тех же соображений антисоветскими объявлялись как политические, так и экономические преступления, в связи с чем широко преследовались бездельники, пьяницы, бездомные, а также члены семей арестованных. Власти полагали, что преступность — продукт классового сознания человека, поэтому целый ряд категорий «бывших людей» вместе с их родственниками априори наделялся качествами безусловного врага. Тот, кто был потенциально готов оказаться на стороне противника, рассматривался как его прямой агент. Огромный размах репрессивных ударов был сознательным ради обеспечения максимального успеха чистки общества, а создание внесудебных органов позволяло быстро оформлять обвинительные приговоры. В отличие от Гетти, автор уверен, что Кремль жёстко контролировал террор на местах (с. 11–14, 132, 189).

По мнению американских историков Д. Ширера и П. Хэгенлоу, Большой террор явился реакцией на разрушение общественного порядка из-за колоссального скачка общеуголовной преступности, которая рассматривалась верхами как более серьёзная угроза, нежели политическое сопротивление. Огромное количество социальных проблем, возникших вследствие принудительной коллективи-

---

¹ Gregory P. Terror by Quota: State Security from Lenin to Stalin (An Archival Study). New Haven, 2009. 346 p.

зации, «раскулачивания», голода и репрессивных мероприятий начала 1930-х годов заставило Сталина ощутить угрозу своей власти. Устранение «социально опасных элементов» в городах (уголовников и маргиналов) и самовольно возвращавшихся из ссылки «раскулаченных», в которых государство видело угрозу социальному порядку, было, по их мнению, важнейшей целью террора как проявления социальной инженерии. Выявление этой малоисследованной стороны¹ советской социальной инженерии является важным вкладом в понимание причин террора, хотя при этом названные американские историки при определении причин Большого террора не считают важными факторы внешнеполитических угроз.

П. Хэгенлоу в монографии о сталинской полиции и общественном порядке в 1926–1941 гг.² стремится прежде всего объяснить террор в отношении основной части репрессированных в 1937–1938 гг., а не только элиты. Он верно отмечает шаткую разницу между политической полицией и милицией с момента их образования и постоянную конкуренцию обоих силовых ведомств. Как и Д. Ширер, Хэгенлоу объясняет события Большого террора в широких рамках проблем общественного порядка (и беспорядка). Массовые убийства 1937–1938 гг. стали результатом действий советских методов правоохранительной системы, которая полагалась на внесудебные репрессии в отношении подозрительных категорий населения. Именно неуклонное расширение полицейских репрессий против как фактических, так и потенциальных правонарушителей привело к массовым операциям 1937–1938 гг. (с. 8). Автор вносит важный вклад в понимание важности перелома начала 1930-х гг., когда милиция вошла в состав ОГПУ, и его книга даёт принципиальный анализ милицейской политики. Уголовные преступники, включая несовершеннолетних, и маргинальные, околоскриминальные слои населения в большей степени, нежели политические противники, рассматривались Сталиным в качестве угрозы для власти. В период коллективизации в начале 30-х годов политическое значение было придано преступлениям в деревне, приписанным «кулацким эле-

---

¹ Важной работой в этом направлении стала статья германских историков: Юнге М., Биннер Р. От «социально близкого» до «социально опасного» элемента: преступники и социальная чистка советского общества. 1918–1938 гг. // Сталинизм в советской провинции: 1937–1938 гг. Массовая операция на основе приказа № 00447. М.: РОССПЭН, 2009. С. 459–518.

² Hagenloh P. Stalin's Police. Public Order and Mass Repression in the USSR, 1926–1941. Baltimore 2009. 460 p.

ментам» (с. 81). Тогда же приобрело политический оттенок и искоренение массового хулиганства. В 30-е годы милицией всё чаще применялись политические оценки того, что раньше считалось уголовным преступлением (с. 224), когда социальная «вредность» определялась на основе прошлых уголовных эпизодов и социального происхождения. Для Хэгенлоу казни Большого террора являются логическим результатом процесса превращения первоначальных «абстрактных категоризаций» дискриминируемых групп в направления жесточайших репрессий (с. 326).

Если П. Хэгенлоу считает, что вовлечённость ОГПУ в деятельность милиции была вызвана социально-экономическим кризисом начала 1930-х годов, показавшим бессилие милиции в борьбе с валом уголовной преступности, то Д. Ширер, согласный с крахом системы общественного правопорядка в период проведения коллективизации, доказывает, что возложение на политическую полицию задач охраны порядка было связано с прямым вмешательством Сталина и идеологическими переменами в политической системе СССР, когда «социально-вредные элементы» оказались приравнены к «врагам народа» и оказались атакованы всей мощью репрессивного аппарата. По словам Ширера, насильственное перемещение, переселение или уничтожение подозрительных групп населения «приобрели характер массовой социальной инженерии». Созданную Сталиным и Ягодой полицейскую систему автор именует «военизированным социализмом». В 30-х годах для руководства СССР опасность неконтролируемого роста преступности и асоциального поведения осознавалась как более серьёзная, чем угрозы со стороны политической оппозиции¹.

Глубокая работа Д. Ширера ценна для нас и тем, что многие положения он доказывает при помощи материала, почерпнутого в сибирских архивах. К сожалению, давая ссылки на некоторые наши работы, Ширер допускает серьёзные неточности: так, резидент Прокопьевского горотдела УНКВД по Запсибкраю Сойкин вовсе не руководил сетью из нескольких тысяч китайцев-осведомителей, поскольку «обслуживаемый» Сойкиным полк из интернированных китайцев в Прокопьевске состоял всего из тысячи с небольшим человек². Со

---

¹ Ширер Д. Сталинский военный социализм. Репрессии и общественный порядок в Советском Союзе. М.: РОССПЭН, 2014. С. 10, 15, 14, 20.

² Там же. С. 198; Тепляков А. Г. Персонал и повседневность Новосибирского УНКВД в 1936–1946 // Минувшее: ист. альм. Вып. 21. М.: СПб.: Atheneum–Феникс, 1997. С. 242.

сноской на нашу статью «Персонал и повседневность Новосибирского УНКВД в 1936–1946» дана цитата из разговора начальника Пензенского горотдела НКВД (названного начальником областного УНКВД): «...Не написал бы товарищ Сталин вторую статью о головокружении от успехов», которая на деле взята из послания Сталину П. П. Постышева, опубликованного в 2004 г.¹ Отметим, что недавно Ширер выступил одним из составителей сборника документов НКВД (до того уже опубликованных в России), адресованного англоязычному читателю².

Очень тщательно исследовавшие сталинский террор немецкие историки М. Юнге и Р. Биннер видят во вспышке Большого террора совокупность причин. Не отрицая важности фактора военной угрозы и стремления правящей верхушки ликвидировать «пятую колонну» накануне решающей схватки с мировым империализмом, Юнге и Биннер подчёркивают, что сталинский режим в качестве неблагоприятных рассматривал очень большое количество сограждан: это и военно-политическая элита, и многочисленные представители «бывших», и «враждебные национальности», и криминальные элементы. При этом террор выступал не только как средство решения внутривнутриполитических задач, но и в качестве орудия, расчищавшего путь к строительству коммунистического общества, физически избавленного от представителей враждебных классов и любых неблагоприятных. Жестокое преследование маргинальных и криминальных групп населения также укладывается в концепцию глобальной социальной чистки³.

Некоторые оценки сталинских репрессий в отношении этнических групп носят излишне политизированный характер: так, американский исследователь Н. Неймарк в широко известной работе «Геноциды Сталина» широко пользуется вполне корректным понятием «этнические чистки», отделяя их от «геноцида». Однако депортации чеченцев, ингушей и крымских татар в СССР он странным образом рассматривает в одном ряду с холокостом и истреблением армян и

---

¹ Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и гос. власти. 1937–1938. М.: МФД, 2004. С. 382–383; Ширер Д. Сталинский военный социализм... С. 436.

² Shearer D. R., Khaustov V. Stalin and the Lubyanka. A Documentary History of the Political Police and Security Organs in the Soviet Union, 1922–1953. Yale University Press, 2015. 370 с.

³ Юнге М., Биннер Р. Как террор стал «Большим». Секретный приказ № 00447 и технология его исполнения. М.: АИРО-XXI, 2003. 352 с.

греков в Турции. Автор отрицает разницу между геноцидом в строгом смысле (истреблением по национальному признаку) и тем, что часто именуют социоцидом или стратоцидом. Смерть — великий уравниватель, поэтому практика массовой насильственной смерти позволяет Неймарку отнести Сталина к деятелям геноцида. Однако следует оспорить тезис Неймарка о принципиальном различии подхода Ленина и Сталина к террору: Ленин «убивал людей с очень конкретной целью, а не как членов сконструированных политических и социальных групп... Сталин был другим. Он убивал людей без какой-либо весомой на то причины... И уничтожал людей группами»¹. Эти суждения не выдерживают критики и игнорируют сознательную социальную инженерию со стороны обоих вождей. При Ленине были не только массовые бойни вроде «расказачивания», «зачистки» Крыма, уничтожения военнопленных офицеров в начале 1920-х годов в особых лагерях смерти на севере страны (эти и целый ряд других эпизодов крупных истребительных кампаний в целях очистки общества от «врагов» и «социально чуждых» делают Ленина организатором масштабного стратоцида), но и постоянные фабрикация чекистами огромных дел на «заговорщиков» — именно как «членов сконструированных политических и социальных групп». Массовые убийства при Сталине совершались, как был уверен диктатор, напротив, по самым «весомым причинам», ибо террор мыслился в качестве универсального метода управления, — и это абсолютно ленинский подход. Сталин правил террором, исходя из ленинских схем необходимости очистки России «от вредных насекомых»², относящихся к первым неделям после Октября, формируя новое общество на таких же архаических основаниях, как и отрицавший правовое государство Ленин.

Для польского историка Э. Дурачинского, опубликовавшего большую монографию о сталинской внутренней и внешней политике, характерны опора на небольшой круг литературы, включая популярные работы, и соответственно этому обстоятельству поверхностное знание предмета. В книге, написанной в 2008 г., он демонстрирует незнание современной статистики репрессий и заявляет,

---

¹ Неймарк Н. Пламя ненависти: этнические чистки в Европе XX века. М.: АИРО-XX; СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. 320 с.; Неймарк Н. Геноциды Сталина. М.: АИРО-XXI, 2011. 176 с.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 204–205.

что Большой террор был направлен в первую очередь против элиты и горожан, а сельское население якобы затронул «гораздо меньше»¹.

В рамках социальной истории современные исследователи много внимания уделяют конкретным человеческим судьбам, оказавшимся под катком террора. Плодотворность изучения конкретного следственного дела в контексте эпохи доказал французский исследователь П. Чинский в монографии «Микроистория большого террора: фабрика виновности в сталинское время»². В книге «Голоса мёртвых: сталинский Большой террор в 1930-е годы» Х. Куромия по делам расстрелянных в Киеве реконструирует жизнь десятков рядовых жертв террора, представителей всех слоёв общества разных национальностей: от крестьян, солдат и домохозяек до священников, нищих и агентов НКВД. Книга разделена на 13 глав, посвящённых различным стратам, в каждой из которых на примерах отдельных личностей характеризуются репрессии в отношении соответствующих категорий населения; при этом особое внимание уделено женским судьбам³. Через жизнеописания рядовых граждан показывает логику и механизмы террора французский историк Н. Верт в своей последней монографии «Пьяница и цветочница»⁴. В ней демонстрируется динамика репрессий в отношении контингента жертв, которые прошли по «кулацкой» и «национальной» линиям, будучи искусственно превращены во врагов государства⁵.

Помимо террора, современные историки обращают внимание на взаимоотношения ВЧК-НКВД с прочими структурами власти. Британский исследователь Дж. Харрис, анализируя в статье «Двойное подчинение? Политическая полиция и партия Уральского региона в 1918–1953 гг.» взаимоотношения органов госбезопасности с местными властями, отметил их нередкую конфликтность и пришёл к выводу, что отношения между региональной политической полицией и местными партийными властями являли собой одновременно как

---

¹ Дурачинский Э. Сталин: создатель и диктатор сверхдержавы. М.: РОССПЭН, 2015. С. 349–350.

² Chinsky P. Micro-histoire de la Grande Terreur: La fabrique de culpabilité à l'ère stalinienne. Paris: Denoël, 2005. 145 p.

³ Kuromiya H. The Voices of the Dead: Stalin's Great Terror in the 1930s. New Haven: Yale University Press, 2007. 304 p.

⁴ Werth N. L'Ivrogne et la Marchande de fleurs. Autopsie d'un meurtre de masse, 1937–1938. Paris: Tallandier, 2009. 336 p.

⁵ Davies R., Wheatcroft S. The Years of Hunger: Soviet Agriculture, 1931–1933. New York: Palgrave Macmillan, 2004. 555 p.

сотрудничество, так и противоборство¹. Одним из последних ценных опубликованных на Западе материалов является сборник по итогам международной конференции в Лидсе (Великобритания, 2010 г.), где помещён целый ряд оригинальных исследований о карательной системе СССР, выполненных в различных методологических аспектах, но опирающихся на значительный объём источников последнего времени².

Сотрудница Кембриджского университета Дж. Федор в книге «Традиции чекистов от Ленина до Путина» особо изучила мифы и укоренившиеся в общественном сознании образы, способы, которыми осуществлялись легитимизация и романтизация чекистской службы и её работников. Культ чекистов имел и бережно сохраняет свой пантеон святых, сакральные места, обряды и священные писания, собственную иконографию. Первоначальный облагороженный образ чекиста был создан поэтами и писателями молодого Советского государства, многие из которых испытывали болезненное очарование тайной полицией большевиков. Дж. Федор проследила чекистские традиции от зарождения до настоящего времени, показав очевидную идеологическую преемственность ленинско-сталинских и современных органов госбезопасности³.

Важным является мнение новейшей западной историографии об отсутствии абсолютного разрыва между досоветским и большевистским периодами. С точки зрения П. Холквиста, советское государственное насилие не только носило репрессивный характер, но и использовалось как инструмент создания более совершенного общества, на пути к коммунизму очищаемого от вредных элементов. При этом изначальные методы силовой переделки общества Холквист видит в событиях Первой мировой войны, когда русское правительство широко применяло массовые депортации «ненадёжных» национальных меньшинств из прифронтовых областей⁴ (при этом следует учесть, что царизм не планировал вечной ссылки для неблагонадёжных — А. Т.).

---

¹ Harris J. Dual Subordination? The Political Police and the Party in the Urals Region 1918–1953 // *Cahiers du Monde Russe*. 2001. Avril–decembre. P. 423–446.

² *The Anatomy of Terror. Political Violence under Stalin* / Ed. by J. Harris. Oxford University Press, 2013. 352 p.

³ Федор Дж. Традиции чекистов от Ленина до Путина. Культ государственной безопасности. СПб.: Питер, 2012. 304 с.

⁴ Юнге М., Биннер Р. Как террор стал «Большим»... С. 215–216.

Проявившиеся в Первую мировую войну мобилизационные практики, резкое усиление государственной пропаганды, «расчеловечивавшей» противника, изощённая шпиономания¹, нередкое применение провокации тайной полицией, массовые депортации евреев и казахов, армейские погромы в ходе военных действий, равнодушие властей к периодическим еврейским погромам и массовые расправы с китайцами в Благовещенске и окрестностях летом 1900 г. (уничтожено до 5 тыс. чел. с женщинами и детьми)² — все эти элементы государственного принуждения и прямого насилия, сочетавшиеся с традицией жестоких крестьянских бунтов и самосудов и сильно влиявшие на общественную атмосферу, после 1917 г. использовались большевиками (частично и белыми властями) в намного больших, катастрофических масштабах. Подтверждением тому служат активная пропагандистская работа красных и белых правительств, использование экономического принуждения, а также террора и осуществлявших его чрезвычайных органов обеими сторонами, в частности, забайкальскими и дальневосточными белыми атаманами в 1918–1921 гг. Однако прежние антигуманные практики были возведены большевиками в абсолютную степень, став принципом организации политической и социально-экономической жизни.

Германский историк Д. Голдхаген своей вышедшей в 1996 г. книгой «Гитлеровские добровольные палачи: рядовые немцы и холокост» заострил болезненный вопрос ответственности германского общества за нацистский террор, в котором сознательно, из антисемитских побуждений, участвовало полмиллиона человек, причём многие добровольно и с энтузиазмом истребляли «преступный еврейский народ»³. Эта проблема крайне актуальна и для объективного осмысления советской системы, где общество, включая элиту, в течение десятилетий занималось самоистреблением.

Принципиальным шагом в изучении массовых репрессий стало изучение карательного механизма в рамках многотомного германороссийско-украинского проекта «Сталинизм в советской провинции. 1937–1938 гг.». Исследования и документы, опубликованные в се-

---

¹ См.: Фуллер У. Внутренний враг: Шпиономания и закат императорской России. М.: Новое лит. обозрение, 2009. 376 с.

² Дятлов В. И. Благовещенская «утопия»: из истории материализации фобий // Евразия. Люди и мифы. М., 2003. С. 123–141.

³ Goldhagen D. Hitlers willige Vollstrecker. Ganz gewöhnliche Deutsche und der Holocaust. Berlin, 1996. 736 p.

рии сборников (2009–2010 гг.), описывают проведение «кулацкой операции» 1937–1938 гг. в Центре, Алтайском крае, Пермской области и в Украинской ССР. Расширив географию изучения Большого террора, участники данного проекта определили эту акцию как бюрократически организованное массовое убийство, выявили сходство методов проведения террора и основных целевых групп, подвергшихся репрессиям: «кулаков», «бывших», старой интеллигенции, лиц, связанных с политическими партиями и заграницей, маргиналов. При этом значительное внимание уделено деятельности аппарата политической полиции и судьбам его активистов и исполнителей. Благодаря массовому рассекречиванию документов Службой безопасности Украины участники проекта получили в своё распоряжение и обнародовали ценнейшие материалы делопроизводства 1936–1939 гг. из фондов такой крупной репрессивной структуры, как НКВД УССР¹.

Цели крупного международного проекта «Каратели» (2013–2018 гг.), посвящённого чекистам 1930-х годов и руководимого историками М. Юнге (ФРГ), Л. Виолой (Канада) и Дж. Россманом (США), сформировались под прямым воздействием размышлений современных исследователей о «карателях», т. е. профессиональных работниках советской репрессивной системы, как об обычных людях. В рамках этого проекта предпринята попытка рассмотреть соотношение человека и государственной машины, центра и периферии, намерений и реализации, рациональности и идеологии как различных аспектов исторической действительности, которые влияли и взаимно дополняли друг друга. Первые работы, появившиеся в рамках проекта, анализируют карательные усилия и психологию чекистов с помощью следственных дел на нереабилитированных работников НКВД из фондов Службы безопасности Украины. Новейший сборник «Чекисты на скамье подсудимых»² даёт свыше десяти больших (до 100 и более страниц) очерков о крупных функционерах центрального аппарата ГУГБ НКВД СССР, НКВД УССР, Молдавской АССР и Грузинской ССР, являвшихся активистами Большого террора и ре-

---

¹ Сталинизм в советской провинции: 1937–1938 гг. Массовая операция на основе приказа № 00447 / сост. М. Юнге, Б. Бонвеч, Р. Биннер. М.: РОССПЭН, 2009. 927 с.; Массовые репрессии в Алтайском крае 1937–1938 гг. Приказ № 00447 / сост. Г. Д. Жданова, В. Н. Разгон, М. Юнге, Р. Биннер. М.: РОССПЭН, 2010. 751 с.; «Через трупы врага на благо народа». «Кулацкая операция» в Украинской ССР: 1937–1941 гг.: в 2 т. М.: РОССПЭН, 2010. 743, 711 с.

² Чекисты на скамье подсудимых: сб. ст. / Сост. М. Юнге, Л. Виола, Дж. Россман. М.: Пробел-2000, 2017. 680 с.

прессированных в конце 1930-х — начале 1940-х годов в рамках дисциплинирования НКВД с целью возвращения к практике решительного доминирования партийных верхов над политической полицией. Использование широкого круга следственных и личных дел, разнообразной документации карательных и партийных структур, а также применение современных концепций делают данный сборник уникальным вкладом в историю органов НКВД конца 30-х годов.

Непрофессиональные авторы также обращаются к истории сталинизма, высказывая порой интересные положения. Яркая книга английского журналиста С. Монтефиоре, посвящённая окружению Сталина¹, опирается на некоторые неизвестные источники и сообщает новую, но не особенно ценную информацию о терроре и диктаторе. Не менее известная, переведённая на ряд языков книга видного британского литературоведа Д. Рейфилда о руководителях сталинской тайной полиции² (дважды издана на русском) не сообщает нового материала и отмечена довольно грубыми ошибками, характерными для авторов, которые не являются глубокими знатоками темы: путаница в должностях, однофамильцах, хлёсткие заключения, вынырнувший из какого-то маргинального источника «латышский еврей» Заковский и т. д.³ В этом смысле большая работа обращавшейся к архивам американской журналистки Э. Эпплбаум о ГУЛАГе (2004 г.) выглядит гораздо более интересной и глубокой, предлагая широкой публике разнообразную и вполне объективную картину жизни этого государства в государстве⁴. Есть, правда, и абсолютно уверенные в сталинской правоте маргинальные авторы, вроде американского профессора-литературоведа Г. Ферра, считающие, что репрессии были ответом на реальные заговоры, а Большой террор стал результатом шпионских усилий Н. И. Ежова, рассчитывавшего ослабить СССР репрессиями и вызвать в момент вторжения Германии и Японии народное восстание против террора⁵.

---

¹ Монтефиоре С. Сталин: Двор красного монарха. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. 767 с.

² Рейфилд Д. Сталин и его подручные. М.: Новое лит. обозрение. 2008. 576 с.

³ Он же. Сталин и его подручные. М.: Колибри, 2017. С. 355.

⁴ Эпплбаум Э. ГУЛАГ. Паутина Большого террора. М.: Моск. школа полит. исслед., 2006. 608 с.

⁵ Ферр Г. Антисталинская подлость. М.: Алгоритм, 2007. 464 с.; Первые признательные показания Н. И. Бухарина на Лубянке. Публ. Г. Ферра (США), В. Боброва (Россия) // Клио. 2007. № 1 (36). С. 38–52; Ферр Г., Бобров В. 1937. Правосудие Сталина. Обжалованию не подлежит! М.: Эксмо, 2010. 384 с.

В западной историографии террора, оказавшей значительное влияние на новейшую российскую историографию, в настоящее время основное внимание направлено на изучение сюжетов, связанных с массовым репрессированием дискриминируемых социальных и национальных групп в конце 1920-х — начале 1950-х годов, а также руководящих и рядовых исполнителей большевистского террора.

§ 4. Достижения историографии на постсоветском пространстве

Важной частью мировой исторической науки о советском режиме в последние годы стала историография государств — бывших республик СССР. Особых успехов на этом поприще добилась украинская историография, которая интенсивно изучает все периоды деятельности национальной спецслужбы, опираясь на всё более доступные архивы репрессивно-карательных органов и получая значимые результаты. Так, В. А. Золотарёв выпустил уже более 50 биографических работ видных украинских чекистах. В его монографических исследованиях о наркомах внутренних дел УССР В. А. Балицком, А. И. Успенском, крупных чекистах Харьковской и Донецкой областей (с биографиями сотен видных и рядовых работников), руководящем аппарате СПО ГПУ-НКВД УССР приведены уникальные документальные свидетельства об агентурно-оперативной деятельности, структуре и кадрах ВЧК-НКВД Украины, репрессиях, в том числе в отношении самих чекистов¹. Исследуются Золотарёвым и судьбы исполнителей смертных приговоров². Труды украинских историков, опиравшихся на доказательные документы спецслужб, существенно расширили знания о построении, кадровой политике, репрессивной и агентурно-оперативной работе ВЧК-НКВД. Ю. И. Шаповал, В. Н. Ни-

---

¹ Золотарёв В. А. ЧК-ДПУ-НКВД на Харьковщині: люди та доли (1919–1941). Харків: Фоліо, 2003. 477 с.; Он же. Олександр Успенський: особа, час, оточення. Харків-Фоліо, 2004. 366 с.; Он же. Секретно-політичний відділ ДПУ УССР: справи та люди. Харків-Фоліо, 2007. 319 с.; Он же. Свояк Сталіна (сторінки біографії комісара держбезпеки 1 рангу Станіслава Реденса) // 3 архівів ВУЧК–ГПУ–НКВД–КГБ. 2004. № 1/2. С. 210–249; Золотарёв В., Стёпкин В. ЧК-ГПУ-НКВД в Донбассе: Люди и документы 1919–1941. Донецк: Аепс, 2010. 512 с.

² Бажан О., Золотарёв В. «Ті хто натискали на гачок»: коменданти НКВС УРСР та УНКВС Київської області у часи «Великого терору» («Те, хто нажимали на спускової крічок»: коменданти НКВД УССР и УНКВД Киевской области во времена «Большого террора») // Краєзнавство. 3/4 (96/97). 2016. С. 251–283.

кольский, С. А. Кокин, В. В. Ченцов, Р. Ю. Подкур и другие исследователи опубликовали очень ценные работы, касающиеся деятельности и истории органов госбезопасности УССР¹. Прокурорский работник Л. М. Абраменко обнародовал важные свидетельства красного террора в Крыму в начале 1920-х годов².

Высокой оценки заслуживает содержательная монография украинского историка Я. Ю. Тинченко «Голгофа русского офицерства в СССР. 1930–1931 годы»³. Им в научный оборот впервые введено большое количество материалов из архива Службы безопасности Украины (СБУ) по делу масштабной репрессивной акции «Весна», затронувшей, по оценке автора, до 10 тыс. человек. Особенно важно недавнее монографическое исследование Р. Подкуром и В. Ченцовым специфических чекистских источников, не имеющее аналогов по глубине проработки практически неисследованной темы и дающее, помимо подробного источниковедческого анализа, ценный сам по себе архивный материал об агентурно-оперативной работе и кадрах ВЧК-НКВД⁴. В объёмистом сборнике «Украина во времена “Большого террора”: 1936–1938 годы» на основе архивных документов авторы-составители раскрывают мотивы, основные направления и технологию репрессивных акций, осуществлявшихся во времена «ежовщины». Основные статьи первой части книги: «“Большой террор” на Украине: этапы, особенности, последствия» Ю. И. Шаповала; «Чистки чекистских кадров на Украине в период “ежовщины”» С. Н. Богунова; «Начальствующий состав НКВД УССР накануне “ежовщины”: социально-статистический анализ» В. А. Золотарёва. Во второй части приведён список руководящего состава как центрального аппарата (до помощников начальников отделов включительно), так и областных УНКВД (включая руководителей отделов УГБ и начальников город-

---

¹ Шаповал Ю. І. Україна 20–50-х років: сторінки ненаписаної історії. К.: Наукова думка, 1993. 352 с.; Он же. Доля як історія. Київ: Генеза, 2006. 448 с.; Ченцов В. В. Трагические судьбы. Политические репрессии против немецкого населения Украины в 1920–1930-е годы. М.: Готика, 1998. 208 с.; Нікольський В. М. Репресивна діяльність органів державної безпеки СРСР в Україні (кінець 1920-х — 1950-ті рр.). Історико-статистичне дослідження. Донецьк: ДонНУ, 2003. 624 с.; Подкур Р. Ю. За повідомленням радянських спецслужб. К.: Рідний край, 2000. 230 с. и др.

² Абраменко Л. М. Последняя обитель. Крым, 1920–1921 годы. К.: МАУП, 2005. 479 с.

³ Тинченко Я. Ю. Голгофа русского офицерства в СССР. 1930–1931 годы. М., 2000. 496 с.

⁴ Подкур Р., Ченцов В. Документы органов государственной безопасности УССР 1920–1930-х годов: Источниковедческий анализ. Тернополь, 2010. 372 с.

ских отделений НКВД)¹. Такие подробные росписи региональной чекистской номенклатуры у российских авторов пока отсутствуют.

Крупное исследование о феномене заложничества в ленинско-сталинский период предприняла Т. В. Вронская, изучившая взятие многочисленных заложников из представителей враждебной социальной среды, активно применявшееся как элемент террористической политики большевиков. По её мнению, репрессии и дискриминация членов «вражеских» семей были целенаправленной и продуманной государственной политикой, составной частью политического террора, направленного на тотальное подчинение всего общества. Кампании по взятию заложников реализовывались в контексте массовых чекистских операций и по инициативе лидеров правящей партийной верхушки². В другой её книге содержится важная для российских историков информация об ограниченности действий разведки Польши: дан список её резидентур на территории СССР с 1928 по 1939 г., который показывает отсутствие таковых восточнее Москвы³.

Информативную книгу о месте советских органов политической и военной разведки в тайных операциях с целью экспорта революции выпустили В. С. Сидак и В. А. Козенюк. Вместе с тем они проигнорировали особенности провокационной агентурной работы, присущей советским спецслужбам изначально, и предельно осторожно констатировали, что в 30-е годы в их деятельности «постепенно стали смещаться приоритеты», из-за чего «всё чаще агентурно-оперативные меры борьбы с противником стали подменяться судебносудственными мерами», а также произошло «падение спроса на высококвалифицированного агентуриста-разработчика, чьими профессиональными усилиями вполне можно было внести ясность и объективность во многие неоправданные обвинения граждан в шпионской деятельности против Советского Союза»⁴.

Приходится отметить, что некоторые историки Украины оказались совершенно неспособны к объективным оценкам исторического прошлого, давая активную апологетику сталинской модернизации: «Нельзя с точки зрения морали оправдать массовые репрес-

---

¹ Україна в добу «Великого терору»: 1936–1938 роки. К.: Либідь, 2009. 542 с.

² Вронська Т. Упокорення страхом: сімейне заручництво у каральній практиці радянської влади (1917–1953 рр.). К., 2013. С. 425.

³ Сідак В. С., Вронська Т. В. Спецслужба держави без території: люди, події, факти. К., 2003. С. 209.

⁴ Сідак В. С., Козенюк В. А. Революцію назначить... Экспорт революции в операциях советских спецслужб. Киев: Генеза, 2004. С. 96.

сии, но нужно признать, что в условиях недостаточности экономических ресурсов и дефицита времени модернизационные процессы могли подстёгиваться лишь внеэкономически... не красивыми словами, а железом и кровью. Через массированное принуждение не вписывающихся в процессы форсированной модернизации людей к определённому образу жизни, интенсивности труда, уровню запросов — иначе исторический рывок был попросту невозможен¹. А в ряде трудов активного исследователя репрессивной системы и её кадров² С. И. Белоконя проводится ненаучный тезис о том, что резкое преобладание среди видных чиновников ВЧК-НКВД Украины 1920–1930-х годов лиц «неарийского» происхождения является свидетельством «еврейского господства» в республике. Этим же автором критикуется используемое историками понятие «украинские чекисты» как якобы национально сомнительное³ из-за сравнительно небольшого процента этнических украинцев в НКВД. Между тем ведущие исследователи чекистской темы на широком архивном материале выпустили вполне объективное исследование о еврейской прослойке в руководстве ГПУ-НКВД УССР 20–30-х годов⁴.

Проблемой для многих историков является недостаточное знание современной российской литературы, обусловленное скудностью научных контактов и бедностью украинских библиотечных фондов. В целом открытость архивов и желание дистанцироваться от советского опыта позволяют украинским исследователям в лучших работах избежать провинциализма и предложить глубокие исследования проблем чекистской истории, где-то опережая куда более многочисленных российских коллег. Отрадно, что число подобных работ растёт, а часть их появляется и на русском языке⁵.

---

¹ Захаровский Л. В. Реализация советского проекта: становление системы профессионально-технического образования (1917–1958 гг.) // Проблемы інженерно-педагогічної освіти: зб. наук. пр. / Укр. інж.-пед. акад. Харків, 2012. Вип. 36. С. 12–20.

² Білокінь С. Масовий терор як засіб державного управління в СРСР (1917–1941 рр.): Джерелознавче дослідження. К., 1999. 447 с.; Он же. Секоти як елемент механізму державного управління в СРСР (1917–1941 рр.) // Україна ХХ ст.: культура, ідеологія, політика: зб. ст. Вип. 17. К., 2012. С. 40–48.

³ Білокінь С. Соціальний портрет чекиста // Персонал (Київ). 2003. № 8. С. 39–46; Білокінь С. Двадцять років єврейської державності в Україні. 1918–1938 // Сучасність. 2004. Лютий. Ч. 2 (514). С. 63–70.

⁴ Шаповал Ю., Золотарьов В. Євреї в керівництві органів ДПУ-НКВД УСРР/УРСР у 1920–1930-х рр. // 3 архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ. 2010. № 1. С. 53–93.

⁵ Издательство РОССПЭН только что выпустило 400-страничную монографию В. Золотарёва и Ю. Шаповала «“Гильотина Украины”: Нарком Всеволод Балицкий и его судьба».

В других постсоветских странах также довольно активно исследуются проблемы террора, изучаются чекистские персоналии¹, но эта тема интересует ограниченное число исследователей данных государств, чьи работы пока носят чаще всего описательный характер, концентрируя всё более обширный и ценный фактический материал. К сожалению, новейшая монография И. Кашу «Классовый враг. Политические репрессии, насилие и сопротивление в Молдавской АССР», при всей ценности приводимых архивных данных выдаёт незнание автором многих реалий деятельности репрессивно-карательной машины. В Узбекистане и других государствах Средней Азии спецслужбы не проявляют заинтересованности в изучении своих кадров, а исследователи позволяют себе антисемитские выпады. Профессор Андижанского госуниверситета Узбекистана Р. Шамсутдинов в своей монографии о коллективизации в Средней Азии² особо подчеркнул, что региональные руководители «израильского происхождения» (в их число включён и чекист-латыш Г. П. Матсон) правили «законопослушными азиатами» через своих марионеток Ф. Ходжаева, А. Икрамова, Н. Айтакова и др. Также Шамсутдинов делает вывод о том, что «Сталину приходилось довольно туго оттого,

---

¹ Кашу И. Классовый враг. Политические репрессии, насилие и сопротивление в Молдавской АССР, 1924–1956 г. Кишинев: Картиер, 2014 (на молдавском яз.); Адамушка У. Палітычныя рэпрэсіі 20-50-х гадоў на Беларусі. Минск: Беларусь, 1994. 158 с.; Моряков Л. Ахвяры і карнікі. Минск, 2007. 440 с. (приведены данные о более чем 100 чекистах Белоруссии); Врублевский А. П., Протько Т. С. Из истории репрессий против белорусского крестьянства. 1929–1934. Минск: Навука і тэхніка, 1992. 142 с.; Протько Т. С. Становление советской тоталитарной системы в Беларуси (1917–1941 гг.). Минск, 2002. 688 с.; История исправительно-трудовых учреждений Беларуси: Курс лекций. Минск: Акад. МВД Респ. Беларусь, 1999. 223 с.; Генералы органов государственной безопасности Беларуси: краткий биографический справочник (1918–2008) / авт.-сост. И. И. Юркин и др. Минск, 2008; Надтачаев В. Н. Военная контрразведка Беларуси: Судьбы, трагедии, победы. Минск: Кавалер, 2008. 416 с.; Заерко А. Л. Тюрьмы Беларуси. М., 2002. Кн. 1: 1929–1935. 265 с.; Иоффе Э. Г. Лаврентий Цанав. Его называли «белорусский Берия». Минск: Адукацыя і выхаванне, 2016. 520 с.; Манукян А. С. Политические репрессии в Армении, 1920–1953 гг. Ереван, 1999. 263 с.; Исмаилов Э. Р. История «Большого террора» в Азербайджане. М.: РОССПЭН, 2015. 239 с.; Кузнецова Е. Кровавый тридцать седьмой (репрессированный Казахстан). Караганда: ТАИС, 2011. 162 с.; Кукушкина А. Р. Акимолинский лагерь жен «изменников Родины»: История и судьбы. Караганда, 2002. 184 с.; Елеуханова С. В. История Карлага: охрана, режим и условия содержания заключенных (1930–1956 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Караганда, 2009; Алланиязов Т. К. «Контрреволюция» в Казахстане: Чимбайский вариант. Алматы: Фонд XXI век, 1999. 219 с.; Батырбаева Ш. Д. Эпоха сталинизма в Кыргызстане в человеческом измерении. М.: РОССПЭН, 2010. 213 с. и др.

² Шамсутдинов Р. Трагедия кишлака: коллективизация, раскулачивание, ссылка. На примере республик Средней Азии. Ташкент: Шарк, 2003. 542 с. (на узб. яз.).

что руководители силовых и карательных органов... связанные с международным сионизмом, проявляли недозволенную самостоятельность и “самодетельность” в отношении спецпереселенцев, применяя к ним беззаконие и беспредел»¹.

Некоторые важные фактические сведения в авторитетных зарубежных трудах являются ошибочными. В «Чёрной книге коммунизма» Н. Верт, опираясь на недостоверный источник, указал, что во время подавления меньшевистского восстания в Грузии с 29 августа по 5 сентября 1924 г. было расстреляно 12 578 человек. На самом деле местные чекисты расстреляли около 400 повстанцев, причём Сталин тогда же потребовал прекращения казней, назвав их «политической ошибкой»².

Известно, что в 1937–1938 годах в отношении многих национальных меньшинств были осуществлены массовые репрессии, жертвами которых стали до 350 тыс. человек. Но украинские составители крупного сборника документов в предисловии к первой его части утверждают, что в ходе «национальных» операций было репрессировано 228 тыс. человек³. Эти цифры они взяли из книги О. Б. Мозохина⁴, не обратив внимания на то, что данная статистика была приведена только на 10 сентября 1938 г. и не включала данные о деятельности особых троек при управлениях НКВД, созданных приказом НКВД СССР № 00606 от 17 сентября 1938 г., которые в массовом порядке ещё в течение двух месяцев осуждали жертв «национальных» операций⁵.

Современные зарубежные историки из Европы, США, Канады, Украины изучают преимущественно уже не органы ВЧК, как ранее, а структуры ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ, оценивая их как основной орган

---

¹ Хайдаров Г. Правда о лжи. Шамсутдинов Р. «Трагедия среднеазиатского кишлака: коллективизация, раскулачивание, ссылка» (рецензия от 16.04.2004) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1082067360>

² Wehner M. Le Soulevement georgien de 1924 et la reaction des bolcheviks // Communisme. 1995. № 42–43–44. P. 155–170; Булдаков В. П. Утопия, агрессия, власть. Психосоциальная динамика постреволюционного времени. Россия, 1920–1930 гг. М.: РОССПЭН, 2013. С. 602.

³ Великий терор: польська операція 1937–1938 / ГДА СБУ; Ін-т нац. пам'яті — Комісія з розслідування злочинів проти польського народу; НАН України. Ін-т політ. і етнонац. досліджень; редкол.: Є. Беднарек, В. В'ятрович, С. Кокін та ін. Варшава, К., 2010. Ч. 1. С. 72–73.

⁴ Мозохин О. Б. Право на репрессии... С. 185–186.

⁵ См.: Савин А. И. Этноизация сталинизма? «Национальные» и «кулацкая» операции НКВД: сравнительный аспект // Россия XXI. 2012. № 3. С. 43.

сталинского режима для осуществления политики после «великого перелома» — от идеологической подготовки в виде проведения крупных политических судебных процессов (Шахтинское дело и т. п.) до массового многолетнего террора и управления обширным сектором экономики, основанного на принудительном труде. Органы ОГПУ-НКВД в трудах зарубежных учёных одновременно выступают и как правительственная структура, боровшаяся с неожиданными и болезненными для власти последствиями сталинской политики: сопротивлением рабочих и крестьян, кризисами снабжения, бегством населения из разоряемой коллективизацией деревни и голодавших районов, растущей уголовной преступностью, беспризорностью, некомпетентностью местных властей. Советская политическая полиция активно занималась чистками страны от всех тех, кто принадлежал к нелояльным (в том числе потенциально нелояльным) слоям населения и мог — с точки зрения чекистов — стать питательной средой для «пятой колонны», якобы готовившей антиправительственное восстание после военного нападения «капиталистов» и нацистов на СССР. В настоящее время зарубежные историки активно изучают архивы спецслужб бывших советских республик, прежде всего Украины и Грузии, делая значимые открытия по части персонала и деятельности охранительно-репрессивных структур коммунистического периода.

Глава 5. Итоги историографического процесса (1917-2017 гг.)

Подводя итоги сказанному в историографическом разделе, мы можем сделать следующие выводы. Изучение историографии ВЧК-НКВД показывает, что с периода Гражданской войны до начала 1930-х годов исследованием деятельности советских органов безопасности в основном занимались их работники, преимущественно чекисты руководящего уровня. Эти работы носили описательный характер, отличались гиперболизированным классовым подходом, но несмотря на крайнюю пристрастность, давали интересный фактический материал и демонстрировали определённое разномыслие. С середины 1930-х до середины 1950-х годов советская историческая наука была колоссально деформирована сталинизмом и опиралась на весьма узкий круг источников, среди которых почти не было архивных документов. Такое положение привело к резкому преобладанию предельно догматизированных, иллюстративных работ, лишённых критического анализа и предлагавших официальную версию событий. Отказ от сталинистских крайностей в идеологии в период «оттепели» позволил перевести изучение ВЧК на научные пути, при том что основные вопросы истории ОГПУ-НКВД рассматривались крайне поверхностно. В период с середины 1950-х до середины 1980-х годов появились сотни работ, которые, при всей своей догматической приверженности господствующей идеологии, постоянно вводили в научный оборот новые и интересные, прежде всего архивные, материалы, открывшие путь научным дискуссиям и позволившие, в частности, начать изучение региональной истории репрессивно-охранительных органов, обычно не выходя за хронологические рамки эпохи ВЧК. Очень важным было появление с 60-х годов массы краеведческих публикаций о работе и сотрудниках ВЧК-НКВД, что определило возможность обращения историков к биографическим материалам, дало информацию о проведении и подоплёке многочисленных чекистских операций в стране и за рубежом.

С конца 1980-х годов политика гласности позволила целому ряду исследователей рассматривать советские органы безопасности преимущественно в качестве политической полиции, выделяя многочисленные репрессивные аспекты их работы, при том что официальная наука продолжала почти целиком оставаться в рамках преж-

ней классовой парадигмы. Благодаря крушению власти КПСС идейные тенденции плюралистической эпохи перестройки, подкреплённые так называемой «архивной революцией», позволили перейти к принципиально новому этапу в историографии данной проблемы, ознаменовавшему победу научного подхода к истории ВЧК-НКВД. В результате изучение истории органов безопасности в последние 25 лет привлекло целую плеяду исследователей, которые опубликовали большое количество разноплановых работ о структуре, кадрах, деятельности и значении ВЧК-НКВД в жизни общества. В связи с этим степень изученности многих аспектов работы ВЧК-НКВД достигла уровня, предполагающего появление обобщающих работ по истории как центрального аппарата советской спецслужбы, так и её региональных структур.

Историки Сибири активно изучают деятельность ВЧК-НКВД и репрессии в собственном регионе, причём их работы наглядно отражают общие недостатки российской науки: частую идеологическую ангажированность, недостаточную опору на источники, нередкие попытки «патриотично» легитимизировать проявления государственного насилия. Сибирские историки до сих пор нередко предлагают традиционные взгляды на деятельность чекистов, стараясь найти, например, логику в массовых репрессиях за счёт принятия некоторых давних оценок, исходящих от самих ВЧК-НКВД. В связи с этим во многих работах встречаются необъективные сведения о массовой заговорщицкой и вредительско-саботажнической деятельности врагов режима, что якобы и вызывало ответные репрессии властей.

Однако немало региональных исследователей (С. А. Красильников, Г. Л. Олех, И. В. Павлова, С. А. Папков, А. И. Савин, А. Г. Тепляков и др.) исходят из концепций, высвечивающих значение социальной инженерии в мобилизационно-карательной политике большевиков, освещая деятельность ВЧК-НКВД с точки зрения применения террора и провокационной агентурной работы. Значительное внимание историки Сибири уделяют аспектам террора против крестьянства, национальных и религиозных меньшинств, казачества, интеллигенции. В последние годы появляется всё больше монографий и статей, которые углубляют знание о чекистской политике и её жертвах, а также кадрах ВЧК-НКВД; вместе с тем то и дело выходят работы, защищающие традиционные взгляды на острые проблемы региональной истории. Данная охранительная тенденция, как представляется, будет сохраняться и в дальнейшем, поскольку значительная часть

общества выдвигает заказ на самые архаичные концепции истории СССР.

Анализируя исследовательские конструкты к теме истории политических репрессий в СССР, можно видеть, что до конца 1980-х годов ею занимались почти исключительно зарубежные исследователи, предложившие несколько парадигмальных подходов, среди которых самой доказательной концепцией стала тоталитаристская теория. Значительный вклад в изучение репрессий внесли и историки ревизионистского направления. Не имея доступа к основным советским архивам, многие западные учёные, тем не менее, смогли достаточно объективно оценить причины и последствия террористических акций советского режима, логику и методы чекистской работы. В последние два десятилетия исследовательскую инициативу перехватили российские историки, получившие доступ ко многим важным документам и более предметно заговорившие о причинах, ходе, размахе и последствиях репрессий, а также их организаторах и исполнителях. При этом террор 1937–1938 гг. наиболее фундаментально изучен всё же не отечественными, а германскими историками — М. Юнге и Р. Биннером. Круг тем, исследуемых в связи с проблемой политических репрессий, постоянно расширяется (участие масс в репрессиях, красный бандитизм как форма уголовно-террористического давления власти на общество, антибольшевистское сопротивление, самоистребление самих чекистов, участие в терроре милиции и других подчинённых чекистам структур и др.). Для истории 1920–1930-х годов очень актуальным выглядит изучение репрессий не только в отношении правящей элиты, крестьянства, интеллигенции, верующих, национальных меньшинств, но и против маргинальных групп советского общества.

Наибольшее количество объяснений особенностей большевистской репрессивной политики принадлежит западным историкам, предложившим, особенно в последние полтора десятилетия, целый ряд очень серьёзных работ и развивающим все основные аспекты темы, включая региональные её особенности. Особое их внимание привлекает эпоха 30-х годов. Доступность многих архивов советского периода и хорошее знание российской литературы позволяют зарубежным исследователям ставить актуальные проблемы и глубоко прорабатывать многие вопросы, обычно избегая крайних оценок. Но характерно, что и среди западных исследователей не изжиты сталинистские иллюзии и доверие к старым официальным советским публикациям, хотя в целом они всё более и более тща-

тельно подходят к объяснению принципов работы советской политической полиции.

В настоящее время и отечественные, и зарубежные авторитетные исследователи признают, что коммунистический террор выполнял целый ряд функций (укрепление большевистской диктатуры, устрашение беспощадной ликвидацией всех реальных и мнимых противников, формирование нового общества, очищенного от представителей враждебных социальных, а также национальных групп, закрепление мобилизационных начал в экономике и общественной жизни), обычно отказываясь от какого-то одного универсального объяснения специфичности террора. Вместе с тем среди историков многие согласны объяснять террор и всевластие карательных органов ленинско-сталинского периода вынужденным стремлением эффективно решить социально-экономические и военно-дипломатические проблемы, а также видеть в репрессиях неизбежную плату за ускоренную социалистическую модернизацию. Американский историк Д. Хоффманн не согласен с теми, кто рассматривает СССР как аномалию развития, а представляет его историю в контексте идей и практик, свойственных многим государствам периода модерна. Социалистическая идеология основывалась на идее трансформации общества, которая была общей для государств XX в. Советский Союз шёл от традиционного общества к современности своим путём, отличным от вестернизации, так что события 1917 г. — это не только национальная трагедия, но и важнейший этап превращения России в современное государство. В книге уделено внимание не только социальной политике, но и осуществлению политического надзора и пропаганды¹.

Спорным представляется подход к «дисциплинированию чекистов» верховной властью в конце 30-х годов, продемонстрированный в последней книге М. Юнге². Тезисы германского историка относительно уникальности ситуации с разрушением прежних кланов и воспитанием лояльности чекистов к государству (на материале Николаевской области УССР) не выглядят убедительными. Кланов, особенно в национальных республиках, нигде после 1938 г. не делись: практика перевозить подчинённых к новому месту своей службы у крупных чекистов 40–50-х годов сохранилась, как и желание

---

¹ Хоффманн Д. Возращивание масс. Модерное государство и советский социализм. 1914–1939. М.: Нов. лит. обозрение, 2018. 424 с.

² Юнге М. Чекисты Сталина: мощь и бессилие. «Бериевская оттепель» в Николаевской области Украины. М.: АИРО-XXI, 2017. 352 с.

расширять свои и без того огромные полномочия, при этом скрывая от партийно-государственных структур многие элементы своей работы. Плохо зная эпоху 20-х годов, Юнге слабо обосновывает уникальность политики острастки 1939–1941 гг. в отношении «зарвавшихся» чекистов, поскольку в 1921–1922 гг. крайне жёсткая партийная чистка выбросила из ВЧК-ГПУ за жестокость, коррумпированность, ведомственный сепаратизм и пьянство огромное количество видных чекистов, а кратное сокращение кадров в 1922–1925 гг. помогло государству избавиться от ещё большего числа скомпрометированных работников ОГПУ. Поэтому Сталин и Берия имели представление о том, как следует «чистить» и «дисциплинировать» чекистскую корпорацию.

Обзор отечественной и зарубежной историографии и тенденции развития современных работ убеждают в том, что и на региональном, и на центральном уровнях почти отсутствуют подробные исследования, анализирующие динамику репрессивной и агентурно-оперативной деятельности, негласный аппарат, кадровую политику ВЧК-НКВД. Также много неясностей в оценках численности жертв террора, особенно в начале 1920-х годов, изучении взаимоотношений чекистов с партийно-государственными органами, милицией, прокуратурой, судебными инстанциями. В связи с этим есть настоятельная потребность в обобщающих трудах по истории региональных чекистских органов, где бы затрагивался широкий круг тем, включая и те (по сути табуированные), которые в первую очередь связаны с подробностями кадровой и агентурной работы органов ВЧК-НКВД.

Бросается в глаза, что если чекистская тема в науке в течение 1990-х годов и первых десятилетий текущего столетия обсуждается на всё более высоком уровне, опираясь как на основательную историографическую традицию, так и на внушительную источниковую базу, то историческая публицистика, напротив, деградирует, рабски отражая внушительный социальный заказ на обеление советского прошлого и предлагая в связи с этим в основном крайне реакционные объяснения былых трагедий, замешанные на конспирологических и ксенофобских мифах. При этом возникает парадоксальная обратная связь: не качественные исторические исследования воздействуют на публицистику, а, напротив, крайне идеологически ангажированная историческая публицистика оказывает заметное влияние на некоторых профессиональных историков. В итоге они отказываются от своих прежде негативных оценок коммунистического

террора, находят обтекаемые формулировки, а то и позволяют себе откровенно сталинистские выпады. Всё это говорит о том, что историки должны настойчиво предлагать современный уровень знаний о коммунистической эпохе, основанный на фактах, а не на критериях сиюминутной политической целесообразности.

В конце 1980-х и в 1990-е годы в нашей стране произошлокрепощение сознания, избавление от страха перед спецслужбами и желание как можно глубже проникнуть в тайны работы советской политической полиции. Многие из того, что в первые свободные годы в публицистической и резкой манере было написано о методах и кадрах ВЧК-НКВД (с опорой почти исключительно на мемуарные источники и работы зарубежных исследователей), пришлось и поныне приходится обстоятельно доказывать с помощью открывающихся архивных фондов. Это делается в противовес гражданским исследователям-архаистам и ведомственным историкам, которые до сего времени активно сопротивляются радикальному пересмотру традиционных оценок деятельности советских спецслужб.

Автор относит себя к наследникам той демократической традиции, которая срывала и срывает покровы тайн и умолчаний, собирая по архивам актуальную информацию о самой закрытой теме советской истории. В своих пяти книгах, а также около 100 статьях и документальных публикациях периода 1997–2017 гг. мы коснулись разнообразных тем чекистской истории и на основании красноречивых фактов сделали умозаключения, принятые многими коллегами. Главный интерес автора вызывают наименее исследованные проблемы: огромное влияние партизанщины на чекистов (нередко вышедших из среды красных повстанцев периода Гражданской войны), массовый красный бандитизм последних, обыденная криминализация оперативного состава и ведомственный сепаратизм чекистского начальства, качественные характеристики сотрудников госбезопасности и кадровая политика ВЧК-НКВД в целом, агентурно-оперативная работа, конспиративный аппарат, разведывательная деятельность, неизвестные страницы террора, в том числе против маргиналов, уточнение репрессивной статистики и т. д.

Со второй половины 1990-х годов автором описываются и анализируются многие актуальные вопросы истории органов ВЧК-НКВД в Сибири: репрессии в отношении как известных исторических личностей (В. Д. Вегмана, И. В. Громова-Мамонова, И. М. Данишевско-

го, В. С. Шатова)¹, так и работников самого карательного ведомства, включая сотрудников внешней разведки; изучаются групповые и индивидуальные следственные дела в отношении крестьян, номенклатуры, интеллигенции, верующих, представителей национальных меньшинств². Значительные усилия направлены на уточнение фактологии и статистики террора 1920-х и начала 30-х годов³, а также Большого террора и последующих эпох⁴. Для истории сопротивления режиму имеют значение наши исследования в отношении впервые подробно описанных крестьянских восстаний в Западной и Восточной Сибири начала 30-х годов⁵.

---

¹ Тепляков А. Вениамин Вегман: материалы к биографии // Сиб. огни. 2007. № 4. С. 171–178; Он же. Партизанский герой Игнатий Громов: Штрихи к портрету // Голоса Сибири: лит. альм. Вып. 6 / сост. М. Кушникова, В. Тогулев. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2007. С. 824–831; Он же. Революционер-анархист, воин и строитель Владимир Шатов // Книга памяти жертв политических репрессий в Новосибирской области. Вып. 2. Новосибирск: Сова, 2008. С. 582–588; Он же. Иван Данишевский — чекист, авиастроитель, публицист // Вестн. Томск. гос. ун-та. 2012, июль. № 360. С. 94–97.

² Тепляков А. Дело «Трудовой крестьянской партии» 1937 года // Голоса Сибири: лит. альм. Вып. 6... С. 831–840; Он же. Агент для «великого кормчего». Неизвестное «китайское лицо» ЧК-НКВД // Полит. журн. (Москва). 2007. № 23–24. С. 106–109; Он же. «Милицейское дело» // Книга памяти жертв политических репрессий в Новосибирской области. Вып. 1. Новосибирск: Сова, 2005. С. 409–411; Он же. Расстрелянное любопытство. Судьба русского офицера А. К. Иноева // Голоса Сибири: лит. альм. Вып. 7 / сост. М. Кушникова, В. Тогулев. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2008. С. 486–510; Он же. Иоанниты Западной Сибири в документах ВЧК-ОГПУ-НКВД (1920–1940 годы) // Вестн. Твер. гос. ун-та. Серия: История. Вып. 4 (30). 2010. С. 128–136; Он же. Дело «Чёрные»: к истории антикрестьянского террора в Западной Сибири (1930 г.) // История сталинизма: крестьянство и власть: мат-лы международ. науч. конф. (Екатеринбург, 29 сентября — 2 октября 2010 г.). М.: РОССПЭН, 2011. С. 301–308; Он же. Журналисты и власть Западной Сибири в 1930-е годы: конформизм и сопротивление // Вестн. НГУ. Сер. История, филология. 2013. Т. 12. Вып. 6: Журналистика. С. 30–35.

³ Тепляков А. Г. Деятельность особой тройки ПП ОГПУ по Сибкраю в 1930 г. // Гуманитар. науки в Сибири. 2012. № 1. С. 87–91; Он же. Динамика государственного террора в СССР в 1933 году... С. 50–54.

⁴ Тепляков А. Г. Персонал и повседневность Новосибирского УНКВД в 1936–1946 // Минувшее: ист. альм. Вып. 21. М.: СПб.: Atheneum–Феникс, 1997. С. 240–293; Он же. Управление НКВД по Новосибирской области накануне и в начальный период Великой Отечественной войны // Западная Сибирь в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.). Новосибирск, 2004. С. 260–290; Он же. Органы НКВД Западной Сибири в «кулацкой операции» // Сталинизм в советской провинции: 1937–1938 гг. Масовая операция на основе приказа № 00447. М.: РОССПЭН, 2009. С. 536–571.

⁵ Тепляков А. Г. Чумаковское восстание 1931 года (Западная Сибирь) // Вестн. НГУ. Т. 8. Вып. 1: История. 2009. С. 67–72; Он же. Восстание в Братском районе Восточно-Сибирского края весной 1933 г. // Изв. Алт. гос. ун-та. Сер. История, политология. 2012. № 4 (76). Т. 2. С. 202–206.

Ещё одна значимая тема, разрабатываемая автором — организация и проведение крупных открытых судебных политических процессов в 1920–1930-е годы¹. В ряде работ уделено конкретное внимание деятельности внешней разведки на восточном направлении². Выход органов ОГПУ-НКВД за пределы национальных границ описан в публикации о Государственной внутренней охране МНР и роли советских чекистов-инструкторов, преимущественно из Бурят-Монгольского облотдела ОГПУ, в фактическом руководстве работой монгольской спецслужбы³.

Персоналу карательных органов посвящены наши исследования о руководящих работниках госбезопасности Сибири⁴. Большая статья «Портреты сибирских чекистов», к настоящему времени устаревшая по материалу на подробно описанных коллегами в более поздних изданиях руководителей уровня полпреда ВЧК-ОГПУ — начальника УНКВД-УМГБ, сохраняет значение благодаря обширным фактическим сведениям на сотрудников госбезопасности более низкого уровня, включая исполнителей смертных приговоров. Отдельные работы посвящены чекистам-уголовникам из бывших партизан⁵, заместителям начальников политотделов МТС и совхозов по работе ОГПУ-НКВД, комендантам спецпоселений ОГПУ-МВД, испол-

---

¹ Тепляков А. Г. «Базаровско-незнамовское дело» 1923 г.: технология фальсификации и пропагандистского обеспечения // Судебные политические процессы в СССР и коммунистических странах Европы: сравнительный анализ механизмов и практик проведения: сб. мат-лов российско-француз. семинара (Москва, 11–12 сентября 2009 г.). Новосибирск: Наука, 2010. С. 100–110; Он же. «Детское дело» в Кузбассе: к вопросу о подоплеке открытого процесса 1939 г. над чекистами — «нарушителями законности» // Судебные политические процессы в СССР и коммунистических странах Европы: сб. мат-лов франко-рос. семинара (Париж, 29–30 ноября 2010 г.). Новосибирск, 2011. С. 141–154.

² Тепляков А. Провал в Китае // Секретное досье (СПб.). 1998. № 1. С. 89–95; Он же. Ошибка бурчунского резидента // Родина. 2001. № 9. С. 65–66.

³ Тепляков А. Г. «...ГВО в Монголии является таким органом, куда почти каждый гражданин обязательно попадает»: Государственная внутренняя охрана МНР глазами инструктора ОГПУ, 1926 г. // Вестн. НГУ. Сер. История, филология. 2012. Т. 11. Вып. 8: История. С. 184–192.

⁴ Тепляков А. Г. Портреты сибирских чекистов // Возвращение памяти: историко-арх. альм. Вып. 3. Новосибирск, 1997. С. 68–113; Он же. «Работа в ЧК часто развращает...» Братья Берманы — стахановцы террора // Полит. журн. (Москва). 2007. № 13–14. С. 106–109; Он же. Карьера Лёнечки Заковского // Родина. 2014. № 2. С. 130–133.

⁵ Тепляков А. Красный бандитизм // Родина. 2000. № 4. С. 81–85.

нителем смертных приговоров¹, репрессированным чекистам 30-х годов, амнистированным в годы Великой Отечественной войны, а также негласным агентам².

В отдельном исследовании красный бандитизм представлен как сущностная черта советского режима, характерная уже для первых месяцев большевистской власти³. Критическому разбору трудов исследователей темы истории ВЧК-НКВД посвящён ряд работ, полемичных по отношению к ведомственной историографии и тем работам гражданских историков, которые защищают традиционные советские взгляды на деятельность чекистов⁴. Источниковедческие вопросы разработаны применительно к проблемам достоверности эмигрантских мемуарных публикаций о сибирских чекистах⁵.

Ряд наиболее крупных и актуальных проблем деятельности органов ВЧК-НКВД рассмотрен в пяти книгах, опубликованных в 2007–

---

¹ Тепляков А. Г. Институт заместителей начальников политотделов по работе ОГПУ-НКВД в МТС и совхозах Сибири в середине 1930-х гг. // Урал и Сибирь в сталинской политике. Новосибирск, 2002. С. 173–185; Он же. «Охранное отделение» режимной экономики: комендантский корпус спецпоселений в Сибири (1930–1940-е гг.) // История сталинизма: Принудительный труд в СССР. Экономика, политика, память: мат-лы международ. науч. конф. (Москва, 28–29 октября 2011 г.). М.: РОССПЭН, 2013. С. 450–468; Он же. Исполнители смертных приговоров в ведомственной иерархии ВЧК-МГБ // История сталинизма: Жизнь в терроре. Социальные аспекты репрессий: мат-лы международ. науч. конф. (С.-Петербург, 18–20 октября 2012 г.). М.: РОССПЭН, 2013. С. 435–443.

² Тепляков А. Г. Амнистированные чекисты 1930-х гг. в период Великой Отечественной войны // Клио. 2012. № 7 (67). С. 69–76; Он же. Сексотка Люба. Нравы губернских чекистов: по материалам судебного дела // Родина. 2000. № 9. С. 71–73; Он же. Агентурная работа ОГПУ-НКВД в системе мобилизационных практик сталинского режима // Социальная мобилизация в сталинском обществе: институты, механизмы, практики: сб. науч. ст. Вып. 2. Новосибирск, 2012. С. 138–157; Он же. «Отработанный материал»: массовая ликвидация секретной агентуры советских спецслужб... С. 101–115.

³ Тепляков А. Г. Криминал и власть в эпоху становления советской государственности // Нов. ист. вестн. 2015. № 3 (45). С. 44–64.

⁴ Тепляков А. Г. Кровавое в кривом: органы госбезопасности в зеркале ведомственной историографии // Клио. 2012. № 6 (66). С. 141–148; Он же. Эпоха репрессий: Субъекты и объекты // Между канунами. Исторические исследования в России за последние 25 лет / под ред. Г. А. Бордюгова. М.: АИРО-XXI, 2013. С. 1135–1169.

⁵ Тепляков А. Г. Чекисты глазами эмигрантов (к вопросу о достоверности известных мемуаров А. М. Осендовского и Б. Н. Ширяева) // Вестн. Твер. гос. ун-та. Сер. История. 2014. № 4. С. 68–81.

2014 г.¹ Монография «Непроницаемые недра» (2007 г.) посвящена периоду становления и развития органов ВЧК-ОГПУ Сибири в 1918–1929 гг. В ней на основе документов партийно-советских инстанций, а также многочисленных архивно-следственных дел подробно рассматриваются персонал органов госбезопасности, многоуровневая система органов ВЧК-ОГПУ региона, взаимоотношения чекистов с партийно-советскими структурами, репрессивная деятельность, агентурная работа, быт и психология сотрудников советской тайной полиции. Сделаны выводы о высокой криминализированности, низкой дисциплине и моральной ущербности чекистов, преступности основных методов работы ВЧК-ОГПУ, опиравшейся на провокацию и шантажно-пыточное следствие; прослежено активное участие чекистов Сибири в красном бандитизме.

Монография «Машина террора» (2008 г.) продолжает предыдущую, но более подробно и с большим упором на документы ФСБ исследует ряд основных вопросов чекистской деятельности в Сибири периода 1929–1941 гг., будучи сосредоточенной прежде всего на показе кадровой истории и внутренней жизни ОГПУ-НКВД, агентурно-оперативной работе чекистов и их роли в массовых репрессивных кампаниях. Значительное внимание уделено и взаимоотношениям чекистских и партийных структур, выявлено их соперничество на низовом аппаратном уровне и подчинённость органов ОГПУ-НКВД крайкомам и обкомам ВКП(б), а также выход руководства региональных управлений НКВД из-под влияния местной партийной верхушки в период Большого террора с последующим восстановлением субординации. Впервые в историографии были подробно рассмотрены психология чекистов, их быт и нравы, взаимоотношения со своим конспиративным аппаратом, сопротивление террору, а также состояние внутриведомственной преступности.

Книга исторических очерков «Опричники Сталина» (2009 г.) представляет собой подробные жизнеописания как крупных руководителей органов ОГПУ-НКВД Сибири, так и малоизвестных чекистов

---

¹ Тепляков А. Г. «Непроницаемые недра»: ВЧК-ОГПУ в Сибири. 1918–1929 гг. / под ред. Г. А. Бордюгова. М.: АИРО-XXI, 2007. 288 с.; Он же. Машина террора: ОГПУ-НКВД Сибири в 1929–1941 гг. М.: Нов. хронограф; АИРО-XXI, 2008. 632 с.; Он же. Опричники Сталина. М.: Яуза; Эксмо, 2009. 432 с.; Он же. Процедура: Исполнение смертных приговоров в 1920–1930-х годах. М.: Возвращение, 2007. 108 с.; Он же. Социальная мобилизация в сталинском обществе (конец 1920-х — 1930-е гг.): колл. моногр. Новосибирск: НГУ, 2013. С. 257–323; Он же. Большой террор в Алтайском крае. 1937–1938 гг.: Реализация приказа НКВД № 00447: колл. моногр. Барнаул: Азбука, 2014. С. 57–87.

среднего уровня, в том числе «отметившихся» в операциях советской разведки. В сборнике приводится большое количество архивных фактов как об агентурно-оперативной работе ВЧК-НКВД, так и о репрессиях чекистов в отношении всех слоёв советского общества. Также даны примеры сопротивления карательной политике, в том числе со стороны самих работников ОГПУ-НКВД. Брошюра «Процедура: Исполнение смертных приговоров в 1920–1930-х годах» (2007 г.) посвящена истории исполнения смертной казни в СССР и личностям исполнителей приговоров, в ней доказаны выводы о крайней их жестокости и высоком положении в иерархии спецслужбы, а также проникновении в партийно-государственную номенклатуру в качестве тех, кто делом подтвердил свою абсолютную лояльность к режиму. Автору было важно показать значение сформированной большевиками мощной «расстрельной промышленности» и её огромное влияние на все стороны жизни социума.

В конце 2013 г. в Новосибирске вышла коллективная монография о сталинских мобилизациях в Сибири, где автором на основе архивов ЦА ФСБ, ОГА СБУ и других неизвестных прежде источников подготовлен большой раздел о всеобъемлющей агентурной работе ОГПУ-НКВД в 1930-х годах, без которой были бы невозможны основные мобилизационные практики сталинского режима. В начале 2015 г. в Барнауле было издано коллективное монографическое исследование «Большой террор в Алтайском крае. 1937–1938 гг.: Реализация приказа НКВД № 00447», где нам принадлежит глава о роли алтайских чекистов в так называемой «кулацкой операции».

В 2011 г. автором была защищена диссертация на соискание степени кандидата исторических наук по теме «Органы ОГПУ-НКВД-НКГБ в Сибири: структура и кадры (1929–1941 гг.)», представляющая собой оригинальное институциональное исследование чекистской корпорации на примере крупного региона. Автор являлся участником международного германо-российско-украинского научно-исследовательского проекта «Сталинизм в советской провинции 1937–1938. Массовая операция на основе приказа № 00447» (2005–2010 гг.). В рамках проекта мы приняли участие в качестве автора и комментатора в публикации следующих книг: «Сталинизм в советской провинции: 1937–1938. Массовая операция на основе приказа № 00447» (серия «История сталинизма». М.: РОССПЭН, 2009); *Stalinismus in der sowjetischen Provinz 1937–1938. Die Massenaktion aufgrund des operativen Befehls № 00447* / Hg. von R. Binner, B. Bonwetsch, M. Junge. Akademie Verlag, Berlin, 2010; Rolf Binner,

Bernd Bonwetsch und Marc Junge (Hrsg.), *Massenmord und Lagerhaft: Die andere Geschichte des Großen Terrors*. Berlin, 2009. 821 p.; «Массовые репрессии в Алтайском крае 1937–1938. Приказ № 00447» (серия «История сталинизма». М.: РОССПЭН, 2010); «"Через трупы врага на благо народа". "Кулацкая операция" в Украинской ССР: 1937–1941 гг.» (в 2 т.; М.: РОССПЭН, Герм. ист. ин-т в Москве, 2010). В рамках германо-американо-канадско-российско-украинского проекта (2013–2018 гг.), предусматривающего изучение состава карательных органов на примере НКВД Украинской ССР, автором предпринято подробное исследование персонала, деятельности и уголовного преследования аппарата управления НКВД по Одесской области в 1937–1941 гг. (в соавторстве)¹.

Книги, статьи и выступления автора заинтересованно обсуждаются как в научной прессе, так и общественностью.

---

¹ Савин А., Тепляков А. «Чистка чистильщиков» как инструмент дисциплинирования НКВД. Сотрудники УНКВД по Одесской области на скамье подсудимых, 1939–1943 гг. // Чекисты на скамье подсудимых: сб. ст. / сост. М. Юнге, Л. Виола, Дж. Росман. М.: Пробел-2000, 2017. С. 269–367.

Раздел II. Источники: состав и информационный потенциал

В СССР секретность партийно-государственной информации изначально выступала как особый социальный институт, поддерживающий незыблемость существующей власти. Чёткое понимание властью огромной разницы между декларациями и реальностью обусловливало то, что право на информацию выступало в качестве важной государственной привилегии, доступной немногочисленному кругу лиц (при этом надо учитывать, что партийные и чекистские аппаратчики, готовившие документы для первых лиц государства, не только допускали в них понятные пристрастные и неточные оценки, но и прямо фальсифицировали многие факты). Для советских историков всегда существовали различные ограничения в допуске к документам архивного фонда страны в зависимости от их служебного положения, партийности, обладания допуском для работы с архивами и печатными изданиями; в архивах КПСС дополнительно существовала строгая цензура выписок, сделанных исследователями из просмотренных единиц хранения.

Восновные документы партийно-государственной власти и её охраняемых структур начиная с 1917 г. находились на закрытом хранении, а до 1960 г. само архивное ведомство входило в состав НКВД-МВД. В конце 1950-х — середине 1960-х годов часть государственных и партийных архивных фондов стала гораздо более доступной для историков, но информация из этих хранилищ далеко не всегда могла попасть в научные труды в силу огромных цензурных ограничений на тематику исследований. Затем начался новый период сознательного ужесточения доступа к партийно-советским документам, длившийся до середины 1980-х годов¹. В связи с этим публикации по истории ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД опирались на очень избирательный, тенденциозно отфильтрованный круг источников и были далеки от полноты и объективности.

---

¹ Павлова Т. Ф. Доступ к архивным документам спецхранов в начале 1960-х — середине 1980-х гг. // *Отечеств. арх.* 2014. № 3. С. 13–26.

С конца 1980-х годов в СССР начался процесс раскрытия фондов государственных архивов, заметная часть которых содержала многочисленные и разнородные документы ВЧК-НКВД. В начале 90-х годов решениями российской власти были рассекречены архивохранилища КПСС, а также смягчились правила доступа к ведомственным архивам правоохранительных структур. В результате отечественные и зарубежные историки впервые получили возможность научного изучения ранее закрытых тем и сюжетов, в том числе относящихся к истории ВЧК-НКВД. Однако уже в середине 1990-х годов начался обратный процесс перевода части фондов на закрытое хранение под предлогом защиты государственной и личной тайны, что серьёзно осложнило деятельность исследователей. В наибольшей степени стало затруднительно получить доступ именно к документам, касающимся истории ВЧК-НКВД, из-за чего отсутствует важная для развития науки планомерность исследований, которые ориентируются на такой вненаучный критерий, как доступность тех или иных фондов. Для современного состояния режима хранения документации органов госбезопасности и внутренних дел характерна секретность всех базовых фондов, могущих дать представление об их деятельности. Историк, изучающий документы ВЧК-НКВД, должен применять практики приспособления к навязываемым обстоятельствам вплоть до маскировки своей темы и расчётов на личные контакты с архивохранилищами.

Но не только основная и наиболее ценная часть фондов структур госбезопасности практически недоступна историкам. Чрезвычайно затруднён и доступ к архивам МВД, которые также сохранность ведомственной тайны ставят выше государственного архивного законодательства. Между тем без фондов МВД невозможно подробно изучать ни систему лагерей, тюрем и ссылки, ни репрессии против «социально-вредных элементов» и криминалитета, ни участие милиции в политическом терроре, ни даже кадровую историю госбезопасности, поскольку многие личные дела чекистов, приказы по личному составу, материалы служебных расследований и кадровых проверок довоенного периода хранятся именно в архивах МВД. Целые залежи массовых источников (архивно-следственные дела реабилитированных и нереабилитированных лиц, тюремные дела, учётные документы заключённых лагерей и ссыльных, а также перемещённых лиц, фильтрационные дела, розыскные картотеки, акты о расстрелах и т. д.) представляют огромный интерес для исследовате-

лей, но до настоящего времени из-за малодоступности изучаются фрагментарно.

Между тем распространение материалов спецслужб и перевод их в режим открытого доступа является мировой тенденцией. Известно, что в 1989 г. канцлер ФРГ Г. Коль и некоторые другие политики считали, что уничтожение материалов Министерства госбезопасности ГДР (Штази) является необходимой предпосылкой для всеобщего примирения. Но Бундестаг решил не предавать драматичное прошлое забвению, а сберечь память о нём, поэтому архивы Штази удалось сохранить, более того, функционированию Государственного архива Штази (BStU) посвящён специальный закон. При доступе к материалам охраны ГДР отсутствуют периоды секретности, разрешено раскрытие настоящих имён сотрудников и информаторов. Интерес общественности и учёных к документам коммунистической спецслужбы огромен. С 1992 г. только научно-исследовательский отдел архива Штази опубликовал более 150 книг и брошюр, а также около 800 статей и эссе. В 2011 г. архив ежемесячно получал около 40 тыс. запросов в связи с проведением исследовательских работ и 23,5 тыс. запросов об ознакомлении с персональными досье. Кроме того, ежемесячно изготавливалось более 120 тыс. копий архивных материалов.

В большинстве государств Восточной Европы в 1990-е годы появились институты, занимающиеся осмыслением коммунистического прошлого. BStU продолжает оставаться образцом в деле учреждения и структурирования архивов коммунистической тайной полиции. В декабре 2008 г. соответствующие институты Польши, Венгрии, Чехии, Болгарии, Румынии и Германии договорились об обмене опытом на регулярной основе. Характерно, что в ходе событий «арабской весны» 2011 г. египтяне, захватив архив тайной полиции президента Х. Мубарака, обратились к Германии с просьбой поделиться опытом и знаниями о работе с подобными фондами. Работа Госархива Штази ярко раскрывает тот потенциал общественной пользы, который заложен в архивах, спасающих от социальной амнезии¹. Спецслужбы США, Великобритании и других демократических государств периодически рассекречивают очень крупные объёмы своих архивов, что неизменно вызывает огромный международный интерес.

---

¹ Карстен Е. Жизнь других: наследие архивов Службы государственной безопасности ГДР // Неприкосновенный запас. 2016. № 6 (110). С. 136–152.

Что касается России, то за истекшие с начала «архивной революции» два с половиной десятилетия сотни исследователей смогли поработать в фондах ФСБ и МВД РФ, а также фондах КГБ бывших союзных республик; тысячи краеведов и публицистов получили из архивов госбезопасности ответы на запросы о судьбах репрессированных лиц или работников ВЧК-НКВД, а также смогли с разрешения родственников репрессированных изучить прекращённые следственные дела — как одиночные, так и групповые, нередко сделав с них полные либо частичные копии. Таким образом, в России и за рубежом образовались многочисленные частные архивы с копиями материалами либо выписками из дел органов советской госбезопасности, позволяющие историкам плодотворно работать, в том числе благодаря обмену информацией с коллегами и доступности многих ценных материалов в сети Интернет. Другие известные источники, часто используемые при написании работ по истории ВЧК-НКВД — воспоминания и дневники жертв репрессий, материалы средств массовой информации, — во многих аспектах являются фрагментарными, односторонними и тенденциозными, неся груз идеологических предпочтений их создателей, однако нередко также сообщают уникальную информацию. Комплексное представление о деятельности органов ВЧК-НКВД можно получить, изучая прежде всего документы данной структуры, а также мемуары чекистов и их жертв.

При разработке темы деятельности органов ВЧК-НКВД в Сибири 1918–1941 гг. автор опирался преимущественно на неопубликованные документы партийных, государственных, ведомственных и общественных архивохранилищ. Архивные разыскания дали возможность найти множество неизвестных фактов и расширить исследовательский кругозор, сформулировать задачи исследования, подтвердить или отвергнуть авторские гипотезы, критически подойти к известным в литературе интерпретациям тех или иных событий и персонажей.

Масштабность предпринятого исследования потребовала привлечения широкого круга источников — как уже известных исследователям, так и впервые вводимых в научный оборот. Наше исследование основывается на многочисленных архивных фондах, включая документы центральных и региональных органов госбезопасности. Наиболее ценный эмпирический материал, послуживший базой исследований автора, был извлечён из храни-

лиц 20 государственных (ГА РФ, РГАНИ, РГАСПИ, РГВА, ЦА ФСБ) и региональных (ГААК, ГАЗК, ГАКК, ГАКО, ГАНО, ИАОО, ГАТО, ГАТюМО, ГАИО, ОСД ГААК, ЦДНИТО) архивов РФ, включая ведомственные региональные хранилища УФСБ по Новосибирской и Томской областям. Также значительный объём материалов был почерпнут в Отраслевом государственном архиве Службы безопасности Украины (ОГА СБУ), предоставившем документы из Киева, Одессы, Днепра, Винницы, Запорожья, Николаева, Каменец-Подольского. Важен оказался и архив НИПЦ «Мемориал» (г. Москва). Часть фондов (ф. 911, П-460, П-1204 в ГАНО; ф. 6 в РГАНИ) была подвергнута фронтальному просмотру, остальные — выборочному. Всего с 1995 г. нами было использовано до 200 фондов 25 центральных, региональных и зарубежных архивов, многие документы из которых не были освоены историками. Часть ценных архивных источников получена от коллег, любезно поделившихся с автором своими находками.

По методам и формам отражения действительности все исторические источники делятся на четыре типа: письменные, вещественные, изобразительные и фонические. В свою очередь, письменные источники подразделяются на две группы — документальные и нарративные. Нами при работе над исследованием использовались все виды письменных источников, которые можно разделить на следующие группы:

- законодательные источники;
- делопроизводственная документация (ведомственное делопроизводство ВЧК-НКВД, документация партийных, советских, судебно-прокурорских и военных органов);
- массовые персонифицированные источники (архивно-следственные дела репрессированных лиц, личные дела работников госбезопасности, личные дела членов РКП(б)-ВКП(б) и сотрудников различных государственных органов, партийные и служебные карточки на работников ВЧК-НКВД, регистрационные бланки на членов компартии, апелляции коммунистов в контрольные органы партии);
- статистические источники;
- речи и выступления лидеров коммунистической партии и советского государства;
- периодическая печать;
- мемуары;
- художественная литература.

Основу исследования составили письменные источники с упором на использование документов (при основательном внимании к нарративу). Вещественные и изобразительные источники привлеклись в ограниченном объёме.

При изучении государственных институций особая роль принадлежит законодательным источникам. Регламентирующие документы, использованные автором, разнообразны. Важны для темы исследования законодательные нормы, зафиксированные Конституциями 1918, 1924 и 1936 г., постановления Президиумов ВЦИК и ЦИК СССР, указы Верховного Совета СССР, решения СНК РСФСР-СССР, а также уголовные кодексы РСФСР 1922 г. и СССР 1926 г., приказы и распоряжения Прокуратуры СССР, Верховного трибунала при ВЦИК, Верховного Суда РСФСР-СССР. Необходимо подчеркнуть, что чрезвычайный характер репрессивно-карательных органов советского государства подчёркивался отсутствием правовых ограничений основной деятельности ВЧК и наличием чрезвычайных внесудебных полномочий у ГПУ-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД. Известно, что произвол ВЧК ограничивали некоторые распоряжения верховной власти, например, формальное запрещение несогласованных арестов номенклатурных лиц, хотя на деле такие репрессии в отношении «своих» были распространённым явлением. Особое значение имел декрет ВЦИК об упразднении ВЧК (1922 г.), хотя пришедшее на смену ГПУ, будучи отмеченным в Конституции, вскоре получило широкий набор секретных внесудебных карательных прав. Постановления советских органов власти, касающиеся деятельности ВЧК и подавления противников режима, опубликованы в многотомном издании «Декреты Советской власти»¹. Важнейшая часть законодательных источников, регламентировавших репрессивную политику, а также аннотированный перечень приказов НКВД СССР за 1934–1941 гг. вошли в отдельные сборники².

---

¹ Декреты Советской власти. Т. 1–10. М.: Политиздат, 1957–1980.

² Сборник законодательных актов и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий / сост. Е. А. Зайцев. М.: Республика: Верховный Совет Рос. Федерации, 1993. 223 с.; Сб. законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв полит. репрессий / под ред. Г. Ф. Весновской. Курск, 1999. Ч. 1. 510 с.; Приказы НКВД СССР: 1934–1941 гг.: Каталог рассекреченных документов Гос. архива Рос. Федерации (Архив новейшей истории России, сер. «Каталоги», т. V). Новосибирск: Сиб. хронограф, 1999. 508 с.

Глава 1. Ведомственная документация ВЧК-НКВД

Среди изученных фондов государственных структур наиболее информативными оказались хранящиеся в ГА РФ фонды НКВД СССР, наркомата ЦКК-РКИ, Прокуратуры СССР и Верховного трибунала ВЦИК. Документы союзного НКВД (ф. Р-9401) позволяют получить представление об офицерском составе органов НКВД середины 30-х годов, а также деятельности ГУЛАГа НКВД. В фонде ЦКК-РКИ (ф. Р-374) имеется большое количество переписки и аналитических записок о различных злоупотреблениях руководящих работников ОГПУ и проблемах во взаимоотношениях советских ведомств с органами госбезопасности. Часть обнаруженных дел касалась партийных чисток 1920-х годов в различных региональных подразделениях ОГПУ, включая Сибирь. Документы прокуратуры СССР (ф. Р-8131) позволяют увидеть результаты контроля за деятельностью основных подразделений ОГПУ, а также получить статистические и иные сведения о массовых репрессиях 30-х годов. Многочисленные дела начала 20-х годов из фонда Верховного трибунала ВЦИК (ф. Р-1005) показывают решения судебных органов по политическим и уголовным обвинениям, включая дела на исторических персон, и дают ценную информацию о чекистских кадрах, в том числе о секретной агентуре. Изученные дела фонда 470 (Комиссии правительства юга России по расследованию злодеяний большевиков)¹ хранят массу официально задокументированных свидетельств о террористической деятельности Курской, Царицынской, Николаевской, Киевской и Одесской губЧК, что важно для воссоздания общеисторического контекста деятельности большевистской спецслужбы. Небольшой, но важный с точки зрения наличия некоторых оперативных материалов госбезопасности фонд Р-7489 содержит ряд документов Новониколаевской губЧК и Барнаульского окружного отдела ОГПУ.

Важным источником является картотека «контрреволюционных и антисоветских элементов» (1939 — середина 1950-х годов), составлявшаяся в Главном архивном управлении НКВД СССР на основе списков-справочников по документам архивов СССР, присылаемым чекистами в ГАУ².

---

¹ См.: Красный террор в годы гражданской войны (по материалам особого отдела следственной комиссии) // *Вопр. истории*. 2001. № 7–9.

² Копылова О. Н. В поисках «спецкартотеки ГАУ НКВД СССР» // *Отечеств. архивы*. 2001. № 1. С. 31–37.

В ряде региональных госархивов можно найти фонды, содержащие документы чрезвычайных комиссий. Например, в ГАТО есть довольно объёмный фонд Р-809 Томской губЧК с различными справками, информацией, журналом военных действий отряда ВОХР по подавлению крестьянского восстания П. К. Лубкова в Мариинском уезде, сведениями о Яшкинской «контрреволюционной организации» (1920 г.), различными следственными делами, списками лиц, пострадавших от колчаковцев, а также протоколами совещания учредителей Временного Всероссийского правительства и представителей национальных правительств Сибири, Урала и Поволжья в Уфе. В том же архиве сохранились маленькие фонды Томской уездной ЧК и РТЧК (Р-1162, Р-1027), содержащие единичные дела.

В государственных архивах преобладает материал о периоде ВЧК. Но в ГАО хранится фонд № 911 отдела фельдсвязи ПП ОГПУ — УНКВД ЗСК-НСО за 1930-е годы, содержащий в приказах по личному составу большой кадровый материал и об оперативных работниках, а в делопроизводственной переписке — также массу сведений об интенсивном участии фельдъегерей в репрессиях, особенно в период Большого террора. В Ачинском районном архиве Красноярского края недавно обнаружены личные дела сосланных в Ачинск троцкистов, протестовавших против лишения их избирательных прав как ссыльных; в районных архивах также можно видеть дела на ссыльных крестьян, в ряде случаев сопровождающиеся перепиской с ОГПУ¹.

Открытые государственные архивы содержат многочисленные документы о деятельности органов ВЧК-ОГПУ-НКВД. Так, доклады и жалобы руководящих хозяйственных работников показывают размах арестов специалистов и огромный ущерб от репрессий для развития страны. Например, протокол заседания бюро ячейки ВКП(б) при Центрбумтресте от 2 декабря 1929 г. «О развале треста в связи с арестом вредителей и реорганизацией» доводил до сведения партколлегии ЦКК ВКП(б), что «за последние восемь месяцев в тресте арестован весь руководящий инженерно-технический персонал Технического отдела и трест... остался без всякого технического руководства»². В докладе начальника военно-химического треста Д. Я. Котта от 10 августа 1931 г. о состоянии порохового производ-

---

¹ Сведения А. А. Бабия [Электронный ресурс]. URL: <http://krasmem.livejournal.com/?skip=10>

² ГА РФ. Ф. 374. Оп. 27. Д. 1161. Л. 345.

ства говорилось: «Положение с кадрами крайне напряженное. За последние два года в связи с вредительством изъято свыше 200 человек, в том числе 100 % технических директоров, главных инженеров и главных механиков»¹. В одном из выступлений на пленуме Солтонского райкома ВКП(б) Алтайского края в сентябре 1938 г. отмечалось, что «в данное время не одна сотня работников не выходит на работу, ожидают, когда их арестуют»². То есть репрессии, достигая определённого предела, не столько дисциплинировали, сколько парализовывали производственную деятельность.

О методах работы чекистов в середине 20-х годов наглядно говорят сохранившиеся в государственных архивах жалобы в инстанции со стороны принуждаемых к сотрудничеству агентов. Студент-медик Томского университета Николай Пучкин, силой завербованный в формальные осведомители ОГПУ, в конце 1928 г. писал А. В. Луначарскому с отчаянной просьбой помочь избавиться от мук принуждения к сексотству. В 1925 г., 20-летним, он «...подвергся грубому допросу со стороны агента Г.П.У., который с револьвером в руках заставил меня подписать согласие на службу тайным агентом... Моя натура вовсе не подходит к этой деятельности, я отказывался. Ничего не слушая, агент кричит, что сейчас возьмет и увезет меня в Барнаул (в 30 верст) где я найду скорую кончину в подвале. Таким образом он вынудил у меня подпись. С этого и началось все. Через 2 мес[яца] приезжает другой агент и требует от меня доносов. У меня их нет. <...> Обещает расстрел в случае отказа и уезжает. <...> В это время я уже готовился для поступления на Медфак... Он об этом уже знает и обещает стать на дороге... Все-таки в августе м[еся]це 1926 я выдерживаю конкурсный экзамен и зачислен на первый курс Медфака. <...> В декабре м[еся]це является ко мне в общежитие ст[удент]-медик IV к[урса] теперь уже врач Дыченко Глеб Алексеевич и предлагает мне с ним «связаться». Я отказываюсь. Он грозит вызвать в Г.П.У. <...> Там грозили исключением из ВУЗа, ссылкой, расстрелом и велели прийти на следующий день... На завтра прихожу и опять отказываюсь... После довольно продолжительного издева-

---

¹ Старикова О. Н. О целях и задачах пенитенциарной политики СССР в конце 1920-х — начале 1950-х гг. (на примере деятельности специальных мест лишения свободы) // Эволюция рос. и зарубежного гос-ва и права. К 80-летию кафедры истории гос-ва и права Урал. гос. юрид. ун-та (1936–2016): сб. науч. тр. Т. I. Екатеринбург, 2016. С. 734.

² Разгон В. Н., Жданова Г. Д. Большой террор в ракурсе микроисторического исследования: репрессии в Солтонском районе Алтайского края в 1937–1938 гг. // Сиб. ист. исслед. 2014. № 3. С. 81.

тельства послали домой и не трогали весь 1927-ой год и до 12-го ноября 1928 года. <...> И вот... меня вызывают к председателю Професс[ионального] Исполн[ительного] Бюро ВУЗ. <...> Я никак не ожидал, что Професс[иональное] Исполн[ительное] Бюро ВУЗ — это то же Г.П.У., а председатель его — старший агент. <...> Пред[седатель] Профисполбюро [И. С.] Батищев¹ считал отказ мой от этой работы, как нежелание вообще работать для Соввласти. <...> Тяжелый гнет в течение трех лет достаточно уже потрепал меня. Теперь единственный исход — это самоубийство. <...> К прокурору, который помещается в одном здании с ГПУ и конечно ему все незаконные дела известны — я думаю обращаться бесполезно». Луначарский оставил это письмо без резолюции².

В фондах РГВА можно найти выписки из перлюстрированных писем, сделанные военной цензурой. Вот красноречивая цитата из перехваченного письма неизвестной женщины из Москвы от 16 сентября 1920 г., посвящённого хлопотам главы движения толстовцев В. Г. Черткова за лиц, преследовавшихся за отказ от военной службы по религиозным соображениям: «У В. Г. наконец состоялось свидание с В. И. Лениным, было оно очень коротенькое, но кажется удачное... он попросил составить возможно покороче записку и дать краткое сведение о всех расстрелянных за отказ. Потом поговорили немного [с Лениным — А. Т.] об издательском деле и В. Г. вернулся полон надежд. <...> В. Г. уже повез к Бонч-Бруевичу материал для передачи Ленину. Что выйдет из этого покажет будущее: а Вы знаете сколько расстрелянных. Уже 8 чел.»³.

На местном уровне обильны свидетельствами работы силовых структур фонды региональных и районных исполнительных комитетов Советов, а также ревкомов, содержащие множество докладных и аналитических записок, запросов, личных заявлений по многим аспектам деятельности ВЧК-НКВД, милиции, пенитенциарных учреждений. Часты сведения о кадрах ВЧК-НКВД: например, в фонде отдела управления Новониколаевского ревкома сохранились многочисленные приказы по личному составу местной губЧК, а в фонде Красноярского ревкома — информационные сводки губЧК за весну

---

¹ И. С. Батищев уже в 1929 г. был зачислен помощником уполномоченного в секретный отдел Томского окружного отдела ОГПУ.

² Рожков А. Ю. В кругу сверстников: Жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х годов. М.: Нов. лит. обозрение, 2014. С. 256–257, 570.

³ РГВА. Ф. 185. Оп. 6. Д. 24. Л. 359.

1920 г.¹ При этом в информации, отложившейся в учреждениях исполнительной власти, много достоверного как в фактах, так и в умозаключениях; нередко сохранившиеся сведения носят критический характер, заостряя реальные проблемы.

Особое значение для нашего исследования имели фонды, хранящиеся в ведомственных архивах спецслужб. Судьба архивов бывшего КГБ СССР оказалась драматической: в 1953–1991 гг. основная часть чекистских документов, состоявшая из учётных материалов на граждан, досье, ряда прекращённых следственных дел, различных информационных и делопроизводственных материалов, включая документацию местных органов ВЧК-НКВД, была уничтожена. Основные удары по архивам КГБ пришлись на середину 1950-х годов, когда были сожжены многие миллионы дел, включая и сотни тысяч архивно-следственных (особенно 20-х годов), подлежащих постоянному хранению, а затем на начало 1990-х. Особым приказом 19 января 1955 г. МВД СССР велело уничтожить имевшиеся в его архивах прекращённые следственные дела по ст. 58 УК РСФСР. Есть основания полагать, что таких дел погибло немало. Например, 31 мая 1955 г. в Барнауле было сожжено дело начальника Немецкого РОМ УНКВД по Алтайскому краю П. И. Зименса, отбывавшего в 1938–1939 гг. заключение по ст. 58-б-11 УК. Такая же судьба в тот же день постигла переданное из УКГБ в УМВД в 1955 г. дело бывшего председателя сельсовета Завьяловского района Алтайского края Н. Г. Высокоса, обвинённого по ст. 58-2-6-10 УК и освобождённого в 1939 г. после более чем годовичного заключения. Возможно, передача в систему МВД прекращённых дел по ст. 58 УК и была осуществлена с целью их последующего уничтожения. Чистка 1990–1991 гг. уничтожила основную часть учётных материалов, личных и рабочих дел агентуры, включая те, которые хранились как имевшие оперативное и научное значение².

Негативным образом на сохранности документов госбезопасности отразилась и передача значительной их части (тюремно-лагерного ведомства, внутренних войск) в систему МВД, где нормы хранения ряда документов отличаются от чекистских правил: например, по истечении срока давности уничтожались и уничтожаются по сей день личные дела сотрудников, включая тех, кто пришёл в

---

¹ ГАНО. Ф. Р-1137. Оп. 1. Д. 33. 118 л.; Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 186. Л. 62–92.

² Тепляков А. Г. Машина террора: ОГПУ-НКВД в Сибири... С. 21.

МВД из системы госбезопасности¹. Погибла, вероятно, и часть ранних архивов: так, в ЦА ФСБ России не сохранились протоколы заседаний важнейшего органа руководства ВЧК — Президиума ВЧК — за важнейший период 1918 г.: после протокола заседания Президиума ВЧК от 20 мая следует протокол от 1 октября 1918 г. Таким образом, отсутствуют руководящие решения, связанные с ключевыми моментами чекистской истории: убийством германского посла Мирбаха, мятежом левых эсеров, арестом дипломатов Великобритании, убийством председателя Петроградской ЧК Урицкого, покушением на Ленина².

В целом фонд бывшего КГБ насчитывает к настоящему времени около миллиона дел, среди которых много имеющих первостепенное значение для познания секретов отечественной истории. Поэтому большое количество важных сведений о деятельности ВЧК-ОГПУ-НКВД удалось почерпнуть конкретно из Центрального архива ФСБ. Данный архив является ведомственным, функционирует по собственным правилам, в силу чего как перечень фондов ЦА ФСБ, так и описи дел предназначены только для служебного пользования. В связи с этим обстоятельством дела для исследователей подбирают курирующие их сотрудники архива. Среди более 60 изученных дел из фондов 1, 2 и 3 (соответственно относящихся к эпохам ВЧК, ГПУ-ОГПУ и НКВД) были информационные материалы, служебная переписка лубянских руководителей с местными подразделениями (Сибирь, Казахстан, Белоруссия и др.), отчёты губернских и уездных ЧК Сибири, материалы чекистских конференций 1920 г., а также некоторые следственные дела 20-х годов в отношении репрессированных работников ОГПУ и их агентов. Большое значение имело знакомство с многочисленными и информативными следственными, а также реабилитационными материалами известных «Шахтинского дела» (1928 г.) и дела «Промпартии» (1930 г.)³. Очень небольшая часть пре-

---

¹ Тумшиш М. А., Папчинский А. А. Рецензия на книгу Н. В. Петрова и К. В. Скоркина «Кто руководил НКВД. 1934–1941: справочник». М., 1999 // Новый часовой. Рус. военно-ист. журн. 2000. № 10. С. 432–437.

² Архив ВЧК: сб. док. М.: Кучково поле, 2007. С. 73; Зданович А. А. Свои и чужие — интриги разведки. М.: Олма-Пресс, Масс Информ Медиа, 2002. С. 105. Характерно, что не сохранился и целый ряд протоколов заседаний ЦК РКП(б) за тот же период.

³ Оpubл. в сб.: Шахтинский процесс 1928 г.: подготовка, проведение, итоги. В 2 кн. / отв. ред. С. А. Красильников. М.: РОССПЭН, 2010–2011. 975, 1087 с.; Судебный процесс «Промпартии» 1930 г.: подготовка, проведение, итоги. В 2 кн. / отв. ред. С. А. Красильников. М.: РОССПЭН, 2016–2017. 855, 1055 с.

доставленных документов, касающихся агентурной работы и не имевших принципиального значения, была закрыта конвертами в связи с их конфиденциальным характером.

Труднодоступная даже для ведомственных историков документация ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД СССР крайне важна и позволяет анализировать динамику структурно-кадровых преобразований, взаимоотношений Центра с подчинёнными региональными органами госбезопасности и партийно-государственными инстанциями, информационной и репрессивной составляющей чекистской работы, а также освещать некоторые аспекты закордонной деятельности спецслужбы. Особую важность знакомства с внутренней перепиской ВЧК-НКВД в лице представителей их центральных и региональных структур подчёркивает то обстоятельство, что многие аспекты, например, репрессивной политики, к настоящему времени неплохо известны из обнародованных источников. Напротив, служебные взаимоотношения внутри самих ВЧК-НКВД, кадровые проблемы, работа агентурного аппарата, чекистская деятельность в отношении пресечения общеуголовной преступности, мероприятия в области разведки и контрразведки, а также воспоминания ветеранов госбезопасности и массив служебной литературы в целом остаются малоизвестными в силу секретности основного корпуса документации ЦА ФСБ. Тем не менее значимые аспекты репрессивной политики также удалось прояснить за счёт делопроизводственной информации, почерпнутой из ряда дел данного архивохранилища. Так, принципиальным образом была скорректирована в сторону резкого увеличения численность расстрелянных местными органами ОГПУ по политическим делам за 1933 г.

Среди изученных в ЦА ФСБ документов ВЧК особое значение имеет папка предложений сибирских губернских ЧК, адресованных Дзержинскому в связи с подготовкой в начале 1920 г. 4-й Всероссийской конференции ВЧК. Руководящие работники Иркутской, Алтайской, Томской, Тюменской и других губЧК оценивали обстановку в регионе, а также результаты первых месяцев своей деятельности и работы предшественников; приводили данные по репрессированию противников режима и состоянию агентурного аппарата; характеризовали состояние чекистских кадров, предлагали свои методы решения внутриведомственных противоречий и указывали на проблемы дублирования функций различными подразделениями губЧК. Отчёты руководящих работников губернских и уездных ЧК о своей деятельности имеют большую ценность, но, разумеется, не

все из них откровенно говорят о трудностях в построении фактически с нуля оперативной работы. Особенно нуждаются в сопоставлении с другими источниками отчёты уездных политбюро ЧК, подготовлявшиеся зачастую малограмотными и криминализированными функционерами. Например, ситуация в Кокчетавском уезде, казалось бы, достаточно подробно описывавшаяся за период с июня 1920 по ноябрь 1921 гг. сотрудниками Кокчетавского политбюро Омской (Акмолинской) губЧК¹, изобилует столь вопиющими умолчаниями, что может быть сравнительно адекватно понята только с помощью очень откровенного письма в ЦК РКП(б) бывшего военкома Кокчетавского уезда Ф. В. Воронова². Последний честно изобразил многочисленные коллизии в среде разбитой на враждующие группировки местной власти, её беспощадность к населению и применение бесчеловечных избиений обвиняемых, за что часть чекистов была арестована.

Показательна переписка полпреда ВЧК по Сибири И. П. Павлуновского, из которой хорошо видна сепаратистская направленность руководителя сибирских чекистов периода 1920–1925 гг.: он мог позволить себе игнорировать запросы лидеров Лубянки и ставить на место заместителя начальника Особого отдела ВЧК А. Х. Артузова, выговаривая ему за непонимание реалий Сибирского региона. Одновременно с этим Павлуновский, например, признавал вовлечённость уездных чекистских подразделений в красный бандитизм и бессилие губернских ЧК заодно с самим полпредством побороть это характерное для Сибири явление³. В своём обзоре бандитского движения Павлуновский объяснял резкий рост антибольшевистского повстанчества в Иркутской губернии весной 1921 г. только военно-политическими причинами — подготовкой наступления из Монголии отрядов Р. Унгерна и полковника Н. Казагранди, проигнорировав огромное недовольство населения политикой военного коммунизма⁴. В феврале 1922 г. Павлуновский представил в ИНФО ГПУ суммированные сведения «о методах по взиманию продналога по Сибири» на 12 машинописных страницах, где, подчиняясь новой линии верхов, дал требуемую критиче-

---

¹ См.: ЦА ФСБ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 389. 159 л.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 13. Д. 665. Л. 12–20 об.

³ ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 684а. Л. 41.

⁴ Там же. Ф. 1. Оп. 5. Д. 617. Л. 28.

скую информацию о повальном красном бандитизме продовольственных работников¹.

Материалы уполномоченного ВЧК в Дальневосточной республике В. И. Плятта дают нелицеприятную информацию о кадровых проблемах Госполитохраны ДВР — охранной структуры ДВР, в тайном порядке курировавшейся ВЧК и получавшей от неё как прямые директивы, так и руководящих работников. Ряд информационных записок руководящих работников ПП ВЧК по Сибири также касается особенностей работы и кадровой политики ГПО ДВР. Удалось обнаружить ценные материалы с резко критическими оценками положения дел в ГПО со стороны видных работников системы ВЧК-ГПУ — И. П. Павлуновского, Л. Н. Бельского, В. И. Плятта, В. А. Ржевского и др.² Из этих документов становится также ясен принцип негативного кадрового отбора в Госполитохране, пополнявшейся даже при заполнении ответственных вакансий лицами, скомпрометировавшими себя в крайне далёком от щепетильности полпредстве ВЧК по Сибири.

Очень информативными являются практически не использовавшиеся исследователями материалы 4-й Всероссийской конференции ВЧК (февраль 1920 г.) и конференции сибирских ЧК в апреле 1920 г. Стенограммы этих конференций, зафиксировавшие выступления руководящих работников и Лубянки, и сибирских губерний позволяют увидеть изменения в структурном построении органов ВЧК начала 20-х годов, сравнить оценки общественно-политической ситуации и внутриведомственных проблем, даваемые видными чекистами, узнать много нового о принципах агентурно-оперативной работы и деятельности негласного аппарата периода становления спецслужбы.

В деловой переписке можно найти указания на важные циркуляры, до сих пор неизвестные историкам. Как докладывал в декабре 1920 г. начальник Верхнеудинского облотдела Госполитохраны ДВР Ю. Каптиков, циркуляр ВЧК, адресованный особым отделам, гласил следующее: «Если в городе, уезде и деревне замечается вредное в интересах Р.К.П. политическое течение, то нужно его прекратить, но прекратить не за то что группа людей принадлежит к иному политическому течению, а сделать так чтоб главарь этой группы и влиятельные её члены не заметно для широких масс были бы привлечены к

---

¹ ЦА ФСБ. Оп. 6. Д. 626. Л. 263.

² Там же. Оп. 5. Д. 68. 197 л.

судебной ответственности за уголовное преступление которое при искусной работе Госполитохраны или Ч.К. можно им создать, но арестовывать их органам борьбы с политическими преступлениями нельзя, нужно возложить это дело на милицию и уголовный розыск»¹. Важен и приведённый в письме полпреда ОГПУ Л. М. Заковского Г. Г. Ягоде в марте 1926 г. факт отсутствия у сибирских чекистов каких-либо серьёзных агентурных разработок на «антисоветские организации»².

Среди изученных ведомственных документов ОГПУ особо значимое место занимает переписка руководства ПП ОГПУ Сибкрая с заместителями председателя ОГПУ Г. Г. Ягодой, С. А. Мессингом и начальником Секретно-оперативного управления ОГПУ Е. Г. Евдокимовым за конец 1920-х — начало 1930-х годов. Руководители Лубянки обменивались телеграммами с Новосибирском и Иркутском практически ежедневно, получая полную информацию о событиях и происшествиях в Западной и Восточной Сибири, постоянно давая указания относительно освещения актуальных проблем, усиления агентурной работы, участия ОГПУ в проведении хозяйственно-политических кампаний и осуществления в их ходе тех или иных репрессивных акций.

При изучении документов, составленных видными работниками госбезопасности, следует учитывать их крайнюю тенденциозность, а также частые ошибки в фактах и оценках. Так, заместитель начальника Особого отдела ВЧК И. П. Павлуновский в середине ноября 1918 г. в своём докладе писал о неминуемом и скором разложении оккупационных войск в Сибири и на Дальнем Востоке, а также предполагал, что основные мировые державы находятся накануне «восстания пролетариата»³. Не подтверждается и мнение Павлуновского о провале призыва в Белую армию: первая мобилизация в Сибирскую армию, проведённая летом и осенью 1918 г., прошла достаточно успешно и увеличила её численность более чем вчетверо — с 41 до примерно 175 тыс. чел., охватив 75 % подлежащих призыву⁴.

---

¹ РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 33. Л. 41.

² ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 4. Д. 137. Л. 54.

³ ГАНО. Ф. Д-144. Оп. 1. Д. 12. Л. 1-10.

⁴ Симонов Д. Г. Призыв новобранцев в войска Временного Сибирского правительства летом—осенью 1918 г. // Власть и о-во в Сибири в XX веке: сб. науч. ст. Новосибирск, 2010. С. 62, 68.

Сведения ВЧК о войсках Р. Ф. Унгерна весной 1921 г. почти на порядок завышали численность Азиатской дивизии барона, при этом представляя её боевые качества намного хуже, чем у частей РККА¹. В марте 1922 г. штаб НРА ДВР доказательно критиковал качество информации Госполитохраны: «Поступающие через подведомственные Вам органы сведения о внутреннем фронте не всегда возможно использовать ввиду их крайней неясности, которая выражается в следующем: 1/ Указываемые в сводках пункты, особенно в Монголии и Манчжурии не ориентируются на карте, т. е. не указывается их положение в отношении ближайшего известного или легко находящегося на карте пункта 2/ Отсутствует ссылка на источники сообщаемых агентами сведений — от кого и где слышал или видел сам. 3/ Совершенно не обозначается дата, к какому моменту нужно отнести фиксируемое сводкой событие или наблюдение. 4/ При обнаружении банд не сообщается о командовании их, численном составе, системе оружия, наличии боеприпасов и намерении бандитов. Эти требования, предъявляемые нашим уставом полевой службы к каждому оперативному донесению настолько обязательны, что несоблюдение их сводит иногда к нулю очень важные по существу и срочности сведения»².

Очень информативными являются направлявшиеся в центральный аппарат ОГПУ отчёты о работе полпредств ОГПУ по Сибкраю и ЗСК/ВСК за 1930–1933 гг., а также критический и насыщенный статистикой материал о работе чрезвычайной тройки ПП ОГПУ Сибкрая в начале 1930 г., подготовленный работниками центрального аппарата ОГПУ и прокуратуры. Внешне достаточно комплиментарный, он содержит немало критического материала о криминальных методах агентурно-оперативной и следственной работы полпредства ОГПУ по Сибкраю. Помимо аналитических и отчётных материалов, среди переписки органов ОГПУ Сибири с центром были изучены различные письма и телеграммы, указания и ответы, содержащие сведения о кадрах госбезопасности, их служебных и внеслужебных взаимоотношениях, а также корпоративных конфликтах. Важное значение имели документы о состоянии сибирской политической ссылки в 1926 г., а также подробные сведения главного инструктора ОГПУ в

---

¹ Тепляков А. Г. Актуальные вопросы источниковедения краснопартизанского движения на востоке России // «Атаманщина» и «партизанщина» в Граждан. войне: идеология, военное участие, кадры: сб. ст. и мат-лов / сост. и науч. ред. А. В. Посадский. М.: АИРО-XXI, 2015. С. 38.

² РГВА. Ф. 221. Оп. 1. Д. 507. Л. 26.

МНР, бурятского чекиста Н. М. Балдаева, относительно функционирования и места во власти Государственной внутренней охраны Монгольской Народной Республики¹, созданной по образу и подобию ОГПУ и активно использовавшей монгольским руководством в борьбе за власть. Записка Балдаева показывает значительную роль сотрудников ОГПУ Сибири в контроле за спецслужбой МНР.

В документах ЦА ФСБ также нашли освещение аспекты миграционного движения населения ряда пограничных областей Сибири в связи с красным террором и голодом (Ойротия, Бурятия в 1919–1922 гг. и позднее), бегство сибирских немцев-меннонитов в конце 20-х годов в Маньчжурию через Дальний Восток. Новая миграционная волна начала 1930-х годов, спровоцированная жестокостями властей при проведении коллективизации, была секретным обстоятельством, которое тщательно скрывалось. Но документы ОГПУ дают заметное число материалов относительно перебежчиков из СССР в соседние государства, демонстрируя существенную миграционную активность населения в 1920–1930-х годах. Таким образом, даже знакомство с ограниченной частью материалов делопроизводства ВЧК–НКВД способно оказать существенную помощь исследователю. Значительная часть указанной документации из ЦА ФСБ была использована автором в его публикациях 2012–2017 гг.

В Отраслевом госархиве Службы безопасности Украины ценные источники были найдены в следующих фондах: ф. 5 — уголовные дела на нереабилитированных лиц; ф. 9 — нормативная документация периода ВЧК–КГБ²; ф. 12 — личные дела бывших сотрудников органов безопасности; ф. 13 — коллекция печатных изданий периода ОГПУ–КГБ; ф. 16 — секретариат ГПУ–КГБ УССР. Фонды ОГА СБУ из Киева и других городов Украины дали, в частности, возможность изучить переписку НКВД с партийно-советскими властями УССР, обвинительные заключения и обзоры агентурных разработок, которые рассылались Лубянкой в регионы для сведения, а также учебные и методические материалы. Особый интерес автора вызвали учебники следственного и тюремного дела, обзор агентурной деятельности Днепропетровского УНКВД за 1934 г., а также обзоры агентурных разработок «Синдикат-2» (по выводу в СССР Б. В. Савинкова), «Конденсатор» (по делу работников союзного Трактороцентра, 1932–

¹ Тепляков А. Г. «...ГВО в Монголии является таким органом, куда почти каждый гражданин обязательно попадает»... С. 184–192.

² Напр.: ОГА СБУ. Ф. 9. Д. 201 (приказы НКВД СССР за 1939 г.); Д. 210 (приказы НКВД СССР за 1940 г.).

1933 г.)¹, многочисленные уголовные и некоторые личные дела чекистов.

Дела местных органов ВЧК-НКВД в послесталинское время были уничтожены, что сильно ограничивает исследовательскую базу. Однако в ЦА ФСБ за начало 1920-х годов нам встретились отчёты ряда политбюро Алтайской губЧК, отчёты за полтора года Кокчетавского политбюро Омской (Акмолинской) губЧК. Большое значение имеют результаты ведомственных проверок состояния дел в местных структурах ОГПУ-НКВД, копии которых сохранились в разнообразных делах, включая некоторые архивно-следственные.

§ 1. Архивно-следственные дела ВЧК-НКВД

Основная часть исследователей органов госбезопасности вынуждена довольствоваться доступом исключительно к материалам архивно-следственных дел на реабилитированных лиц, хранящимся как в ЦА ФСБ, так и в региональных хранилищах ФСБ и государственных архивах. Этот источник и для нас являлся и является одним из основных при осмыслении деятельности «органов». В течение 1995–2016 гг. автором было изучено около 150 следственных дел и производств 1920–1950-х годов в УФСБ по Новосибирской области, более 50 — в ОСД ГААК, около 100 — в ОГА СБУ, пять дел — в УФСБ по Кемеровской и Томской областям. Пять дел, включая материалы многотомных следствий по Шахтинскому делу (1928 г.) и «террористической группе “Промпартии”» (1930–1931 гг.), были изучены благодаря работникам ЦА ФСБ, до 2015 г. сотрудничавшим при подготовке публикаций материалов этих процессов с историками из Новосибирска и Москвы. Более 100 следственных дел 1920 — первой половины 1930-х годов изучены в РГВА, ГАНО и ГАТО в фондах ревтрибуналов, а также фонде Сибирского (Западно-Сибирского) краевого суда.

Данные дела касались представителей партийно-советской и хозяйственной номенклатуры, военнослужащих, деятелей науки, культуры и искусства, рядовых граждан, а также работников ВЧК-НКВД, милиции, суда и прокуратуры. Известные нам дела являлись как индивидуальными, так и групповыми (до 100–300 участников). Основная часть их была заведена по политическим обвинениям, но нами изучались дела и на уголовный элемент, которые велись как

---

¹ ОГА СБУ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 103; Д. 544; Д. 208.

милицией, так и следователями ВЧК-НКВД, а также заведённые по ст. 193-17 УК РСФСР (злоупотребления со стороны военнослужащих) дела на работников НКВД, милиции и внутренних войск 1920–1940-х годов. В документации следственных дел много упоминаний фамилий и должностей работников ВЧК-НКВД, а в реабилитационных материалах можно найти сведения о карьере и увольнении многих чекистов по состоянию на 1950-е–1960-е годы.

Особую ценность для темы исследования имели, разумеется, уголовные дела на работников ВЧК-НКВД. По мнению известного историка, многотомные следственные дела на чекистов благодаря своей уникальной информационной насыщенности дают возможность достичь «баланса между макро- и микроисторией»¹. Особенностью дел на реабилитированных чекистов является отсутствие среди них тех работников госбезопасности, которые были осуждены за нарушения законности и другие реальные преступления. С другой стороны, специфика чекистской работы была такова, что в делах даже реабилитированных работников ВЧК-НКВД обнаруживается немало сведений об их противозаконной деятельности, а также много информации о служебных, оперативных, кадровых и бытовых вопросах; подчас встречаются справки и копии следственных материалов в отношении причастных к делу нереабilitированных чекистов. Представление о многих недоступных следственных и агентурных делах дают довольно подробные протоколы осмотра таких дел, приобщённые — исходя из соображений следствия и переследствия — к делам на третьих лиц.

Отметим, что отдельные современные реабилитационные решения являются очевидными ошибками прокуратуры, вынужденной выносить решения по материалам, требовавшим элементарной исторической подготовки и умения/желания читать рукописные материалы (например, в отношении активного фальсификатора следственных дел уполномоченного Новониколаевской уездЧК М. К. Зайцева², а также целого ряда высокопоставленных чекистов Центра и регионов). С другой стороны, явно ошибочные решения относительно реабилитации некоторых чекистов дали возможность научного изучения в этих рассекреченных делах интереснейших оперативных материалов.

---

¹ Viola L. The Question of the Perpetrator... С. 22.

² АУФСБ по Новосибирской обл. Д. П-20865. Л. 1–147.

Среди доступных дел на работников региональных представительств органов госбезопасности Сибири преобладали производства в отношении рядовых сотрудников и руководителей среднего звена (не выше начальников второстепенных отделов), тогда как наиболее интересны и значимы могут быть дела на начальников и заместителей начальников областных управлений НКВД, а также крупных функционеров центрального аппарата. Благодаря работнику «Мемориала» Л. Г. Новаку нам удалось ознакомиться с целым рядом основных документов по следственному делу 1938–1940 гг. одного из виднейших чекистов, свояка Сталина С. Ф. Реденса. Данное дело позволяет увидеть ситуацию в центральном аппарате НКВД периода «ежовщины» глазами доверенного лица Сталина в ОГПУ-НКВД — начальника УНКВД по Московской области Реденса. Дело 1930 г. на уполномоченного ИНФО ОГПУ Б. Л. Рабиновича дало возможность оценить сопротивление некоторой части чекистов гонениям на троцкистскую оппозицию.

Что касается уголовных дел на нереабилитированных чекистов Сибири, нам удалось проработать только одно дело работников НКВД — начальника Карасукского РО НКВД А. П. Черемшанцева и его подчинённого (1937 г.)¹. Зато архив СБУ позволил изучить целый ряд многотомных следственных дел на руководящих и рядовых работников ГПУ-НКВД УССР, начиная с начальников областных управлений НКВД С. И. Гапонова, П. В. Карамышева, А. Р. Долгушева и др.²

Важны были следственные дела на реабилитированных и нереабилитированных секретных сотрудников ВЧК-НКВД, например, бывшего управляющего Иркутской губернией П. Д. Яковлева, новосибирского архиепископа-обновленца А. П. Введенского, руководителя евангельских христиан Западной Сибири О. И. Кухмана и пр., а также рядовых агентов — Г. Крейнцвальд, С. Нашик, А. Руденко-Пушкина, каждое из которых с разной степенью откровенности приоткрывало завесу тайны над деятельностью конспиративной агентуры, в том числе зарубежной либо уличённой в явной провокации.

Для документов архивно-следственных дел характерно большое количество неточностей как по причине малограмотности и торопливости машинисток, следователей и их кураторов (описки, ис-

---

¹ АУФСБ по Новосибирской обл. Д. 3282. Л. 1–224.

² См.: Савин А., Тепляков А. «Чистка чистильщиков» как инструмент дисциплинирования НКВД... С. 269–368.

правления, искажения имён, фамилий, географических названий и т. д.), так и по причине сознательного искажения социального происхождения, рода занятий, знакомств и других актуальных для следствия характеристик. Ошибки, исправления, подчистки встречаются и в ордерах на арест, и в протоколах обысков и протоколах допросов, в справках с характеристиками местных органов власти, зачастую — как в 1930, так и в 1937 г. — представлявших обычных крестьян в качестве «кулаков»; изобилуют ими и многие, особенно обширные, обвинительные заключения. В списках осуждённых к расстрелу и выданных комендантам для приведения приговоров в исполнение тоже нередко ошибки в фамилиях, именах и отчествах.

В следственных делах нередко встречаются, несмотря на ведомственный запрет оставлять в них подобные бумаги, яркие оперативные документы, раскрывающие суть тайной работы чекистов — сводки службы наружного наблюдения, меморандумы из агентурных сообщений, сводки от конкретных агентов¹. Выявлению секретных агентов помогают частые случаи выведения из дела тех или иных лиц с формулировкой о выделении дела на них в отдельное производство²: если такие лица не были осуждены, то с высокой степенью вероятности речь идёт об агентуре, таким образом избавленной от уголовного преследования. Также в документах следствия встречаются медицинские заключения о состоянии здоровья, ходатайства, в том числе известных личностей, различная переписка, включая бумаги третьих лиц, дневники, выдержки из уничтоженных чекистами дневниковых записей и писем, трактатов и литературных произведений (как самодеятельных, так и профессиональных), различные обращения в инстанции, анонимки, листовки. Обнаруживаются всевозможные жалобы, обращения, заявления, доносы, а также исторические документы — генеалогические, производственные, наградные. В делах лиц, осуждённых за антисоветскую агитацию, нередко содержатся записи их критических высказываний, анекдотов, стихотворений, частушек и т. п. В деле бывшего якутского вице-губернатора Д. О. Тизенгаузена сохранились острые, ироничные и глубокие зарисовки советского деревенского быта середины 20-х годов на примере сёл современной Новосибирской области. В деле бывшего минусинского чекиста Д. Н. Семёнова имеется его

---

¹ См.: Поповский М. Дело академика Вавилова. М.: Книга, 1990. 303 с.; ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 6. Д. 365. 60 л.

² См.: ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. П-12965. Т. 6. Л. 68, 244.

дневник 1926 г. с отдельными записями последующих лет¹. Ценным историческим материалом, типичным для многих следственных дел, являются фотографии, нередко уникальные.

Известно, что большинство архивов «врагов народа» уничтожались сразу после ареста. По завершении следствия все изъятые документы, не включённые в следственное дело, не возвращались родственникам, а подвергались уничтожению на основании ст. 69 УПК РСФСР². Арест любого политика, хозяйственника, писателя, учёного, военнослужащего сопровождался конфискацией личных документов с последующим полным либо частичным их уничтожением. В следственных делах на чекистов обнаруживаются самые разные документы — от служебных характеристик до личной переписки и дневниковых записей. Для исследователя очень важны многочисленные справки, обычные для реабилитационных материалов, на причастных к делу чекистов. Так, в одном из дел на чекистов УССР оказалась копия заявления бывшего председателя Крымской ЧК М. М. Вихмана с признанием об организации расстрела «энного количества тысяч белогвардейцев» в Крыму в конце 1920 — начале 1921 г.³ В следственном деле чекиста С. Т. Марченко имеются протоколы партийных собраний ячейки Иркутского губотдела ОГПУ за 3 и 9 января 1924 г., где очень активно и в оппозиционном ключе чекистским руководством обсуждались вопросы внутрипартийной борьбы⁴. В следственном деле на одного из военнослужащих помещена информативная выписка из резолюции партсобрания Особого отдела СибВО от 15–20 марта 1939 г.⁵

Часть документов даёт представление о зарубежных акциях ОГПУ-НКВД. В деле сексота И. И. Исмагилова сохранились вполне правдоподобные показания о переброске его Особым отделом УГБ УНКВД ЗСК через Гродеково в Харбин летом 1934 г. — с легендированием бегства «из-за плохой жизни и притеснений властей». В Харби-

---

¹ Папков С. А. Красная Сибирь глазами российского дворянина. Записки барона Тизенгаузена // Голоса Сибири: лит. альм. Вып. 2 / сост. М. Кушникова, В. Тогулев. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2005. С. 452–484; Тепляков А. Дневник чекиста Семёнова, или Голгофа воинствующего троцкиста и безбожника // Голоса Сибири: лит. альм. Вып. 4. Кемерово, 2006. С. 335–366, 805–809.

² Знания, брошенные в огонь // Вестн. РАН. Т. 66. 1996. № 97. С. 625–635.

³ Тепляков А. Г. Чекисты Крыма в начале 1920-х гг. // Вопр. истории. 2015. № 11. С. 140.

⁴ АУФСБ по Новосибирской обл. Д. П-8426. Т. 2. Л. 105–110.

⁵ Там же. Д. П-13068. Т. 2. Л. 107–109.

не Исмагилов получил явку, а в марте 1935 г. вернулся в СССР, где вскоре был обвинён в шпионаже на японскую разведку¹. В деле на реабилитированных «польских шпионов» была обнаружена копия очень информативного протокола судебного заседания по делу расстрелянных в октябре 1940 г. (за фабрикации дел и садизм при исполнении приговоров) двух начальников и одного рядового сотрудника Куйбышевского оперсектора УНКВД по Новосибирской области². В деле чекиста А. Р. Горского имеется акт на представление к званию почётного работника НКВД (июль 1937 г.), где отмечены достижения видного функционера СПО УНКВД ЗСК Г. Д. Погодаева³, вскоре покончившего самоубийством.

Документы судебно-следственных инстанций, хранящиеся в открытом доступе, концентрируют значительный объём дел, имеющих отношение к истории как репрессивной политики, так и борьбы государства с уголовной преступностью. Данные источники содержат многочисленные примеры как репрессий, так и ведомственных приёмов работы, включая подробности агентурно-оперативной деятельности. Особенно богаты в этом отношении фонды Верховного трибунала ВЦИК, Томского и Новониколаевского губернского революционных трибуналов, Сибирского (Западно-Сибирского) краевого суда. Дела губернских революционных трибуналов, Сибкрайсуда, а также прокуратуры Сибирского края содержат многочисленные материалы о политических, служебных и корыстных преступлениях, среди которых есть реальные, сфабрикованные, а также подвергшиеся частичной фальсификации с целью усугубления вины конкретных лиц либо вовлечения в дело невиновных с целью преувеличения его значимости. Фонд № 24402 РГВА (Военный трибунал НРА), несмотря на уничтожение основной части дел, сохранил ряд ценных следственных материалов, а также сборник приговоров за 1922–1923 гг., из которых видны характерные проступки работников силовых ведомств, включая многочисленные проявления красного бандитизма, и снисходительность военного суда НРА к подобного рода преступлениям. Также большой материал почерпнут автором из наблюдательных производств прокуратуры Новосибирской области 1930–1940-х годов и контрольных материалов Верховного трибунала при ВЦИК 1919–1923 гг., в которых обычно имелись не только об-

---

¹ АУФСБ по Новосибирской обл. Д. П-4436. Т. 1. Л. 13–14; П-4381. Л. 156.

² Там же. Д. П-8139. Л. 235–283.

³ Там же. Д. П-14452. Т. 5. Л. 212.

винительные материалы и сведения о приговорах, но и различные жалобы и информативные справки по политическим и уголовным делам.

Среди фигурантов указанных материалов нередко встречаются лица, работавшие в органах ВЧК-ОГПУ, в том числе на негласной основе. Для нас важно, что вышеуказанные дела представляют собой один из основных открытых источников, позволяющих изучать деятельность конспиративных сотрудников госбезопасности 1920–1930-х годов, поскольку в следственных материалах, защищённых грифом секретности, факт негласного сотрудничества с чекистами зачастую расшифровывался. Только в фонде Сибпрокуратуры нашли сведения об осуждении за различные преступления (от расконспирации до сознательной провокации) десятков тайных агентов ОГПУ, действовавших в середине 20-х годов.

Следует учесть, что копии важных документов из следственных производств сохранились в фондах многих партийно-государственных инстанций — это обвинительные заключения, приговоры, жалобы и заявления фигурантов или пострадавших, реабилитационные материалы. Их совокупность многое добавляет к делам из ведомственных архивов, помогая разбираться в контроле партии, советских органов, армии, суда, прокуратуры над чекистскими работниками, даваемых им заданиях, а также наказаниях и помилованиях провинившихся работников ВЧК-НКВД.

§ 2. Личные и оперативные документы органов госбезопасности

В целом мы ознакомились с обширным кругом документальных источников о кадрах госбезопасности: личными служебными и партийными делами, апелляциями в партийные органы, анкетами, партийными и служебными карточками. Массовым и перспективным источником являются разнообразные материалы по личному составу, из которых можно вычленить информацию о чекистах (обычно до или после окончания их карьеры), а также их агентах. Это сведения о рождении и смерти из документации ЗАГСов, личные дела учащихся и преподавателей образовательных учреждений, рабочих и служащих различных производств и учреждений, а также военно-учётные и наградные документы, комсомольские и профсоюзные материалы, сведения о членстве в обществах и творческих союзах. В биографических коллекциях, отложившихся среди

фондов архивов и музеев, нередко находки сведений о гласной или негласной работе на ВЧК-НКВД достаточно известных людей.

С точки зрения кадровой истории органов госбезопасности, помимо архивно-следственных дел, особо важными источниками являются личные дела и служебные карточки сотрудников ВЧК-НКВД. При всей секретности подобных документов, в период подготовки крупных официальных научных публикаций 1950–1980-х годов у их составителей была возможность получать краткие сведения о работниках госбезопасности непосредственно от КГБ СССР. Поэтому значительное количество кратких справок на чекистов, включая реабилитированных, можно обнаружить в обширных справочных аппаратах пятого издания собрания сочинений В. И. Ленина, 12-томной ленинской «Биографической хроники» и ряда других публикаций. Однако в советских энциклопедиях 1960-х — середины 1980-х годов не было биографий ни одного наркома внутренних дел и генерального комиссара госбезопасности, и имелись только две краткие справки на комиссаров госбезопасности 1-го ранга — Г. И. Благоврава и Т. Д. Дерибаса.

При реконструкции биографии исторического персонажа необходимо использовать всю совокупность доступных источников — от официальных служебных документов до мемуаров и личной переписки. Для анализа биографии и деятельности работников спецслужб исключительное значение имеют их личные служебные и партийные дела. Личные дела работников ВЧК-НКВД хранятся в ЦА ФСБ, депозитарии ЦА ФСБ в Омске (основная часть, порядка 300 тыс.), а также региональных архивах ФСБ и МВД. Благодаря доступности документов ОГА СБУ нам удалось ознакомиться с информативно очень ценными делами ряда сибирских чекистов, а впоследствии начальников управлений НКВД УССР — Г. М. Вяткина, И. А. Жабрева, П. А. Коркина.

Ценность личных дел велика, поскольку они обычно включали в себя ряд обязательных документов высокой степени информативности и достоверности: подробную анкету, послужной список (часто не один), результаты служебных аттестаций, различную переписку. В анкете специального назначения насчитывалось более сотни вопросов, касавшихся также родственников. Анкета, как и аналогичные партийные документы, требовала информации о деятельности в период до февраля 1917 г., с февраля по октябрь 1917 г., Гражданской войны, службе в царской или Белой армиях, принадлежности к несоветским партиям, внутривластной оппозиции, судимости или нахождении под следствием. Характерно, что анкеты заполнялись

периодически, поэтому более поздние документы могли отличаться от своих ранних вариантов, так как чекисты старались со временем смягчать и скрывать такие факты, как социальное происхождение, служба в белых армиях и т. п., поскольку, в отличие от периода ВЧК, требования к прошлому чекиста всё время усложнялись. Изложенные в анкете сведения затем подробно изучались кадровыми отделами «органов» в ходе так называемой спецпроверки, которая могла идти продолжительное время, сопровождаться выездами кадровиков на место рождения проверяемого и затрагивала многих работников. Особенно активно на наличие компрометирующих материалов по происхождению, родственникам, связям проверялись кадры госбезопасности в середине 30-х годов и позднее¹. Но лица, близкие начальству, могли рассчитывать на формальную спецпроверку (или вовсе избежать её) даже при наличии серьёзных компрометирующих материалов.

В личных делах обычно имеются аттестации, чаще всего ежегодные. Они заверены вышестоящими руководителями и содержат как служебную, так и личную оценку работника; с середины 30-х годов они также могут содержать рекомендации к присвоению очередного звания. В личных делах порой бывают подшиты характеристики партийных органов, различные доносы сослуживцев и третьих лиц. Часто в деле содержатся десятки листов, иногда — сотни; некоторые дела могут состоять из двух и более томов. Часть материалов дела бывает подлинной, часть — в заверенных копиях. Анализируя аттестации сотрудников ВЧК-ГПУ-НКВД, можно заметить такую характерную черту: если в 1920-х — начале 1930-х годов они имели более принципиальный характер, отражая личные качества аттестованного, то во второй половине 30-х годов выводы приобретают более общий характер и меньше касаются личности сотрудника НКВД, но тем не менее содержат важные подробности чекистской работы (вплоть до числа завербованных агентов и лично расстрелянных осуждённых). В случае карьерного роста негативные выводы аттестационных комиссий прошлых лет резко менялись на прямо противоположные².

---

¹ Подкур Р., Ченцов В. Документы органов государственной безопасности УССР 1920–1930-х годов... С. 237–244.

² См., например, личные дела Г. М. Вяткина и И. А. Жабрева: ОГА СБУ. Личное дело Г. М. Вяткина № 113669; УСБУ по Хмельницкой обл. Личное дело И. А. Жабрева. № 2833; Савин А., Тепляков А. «Чистка чистильщиков» как инструмент дисциплинирования НКВД. Сотрудники УНКВД по Одесской области на скамье подсудимых... С. 326.

Следует отметить, что делопроизводство ВЧК-НКВД никогда не отличалось образцовой пунктуальностью: послужные списки в делах и служебных карточках не всегда полны, причём даже в делах видных чекистов могут отсутствовать документы последних месяцев и даже лет в случае их репрессирования. В послужных списках встречаются ошибки и опiski в датах и названиях структур, обусловленные невысокой грамотностью и невнимательностью кадровиков. В подобных делах, кстати, можно встретить и любопытную информацию о том, как легко расшифровывались иные резиденты ОГПУ. Так, в деле Г. М. Вяткина, начинавшего карьеру в качестве конспиративного уполномоченного в транспортных органах, сохранилась анонимная записка огромными печатными буквами, адресованная «нач. Г.П.У [ст.] Тайга» и принадлежавшая, вероятно, некоему лояльному партийцу: «Ваш секретный агент Витковский или Витков-Вяткин известен многим. Советуем убрать его»¹.

Перспективным источником информации о чекистских кадрах и методах их работы являются материалы расследований служебной деятельности и преступлений сотрудников ВЧК-НКВД. Эти внутренние расследования проводились сотрудниками аппарата особополномоченного в региональных подразделениях ОГПУ-НКВД. Их результаты в виде отдельных дел сохранялись (вероятно, не во всех случаях) в архиве особой инспекции отдела кадров управлений НКВД. Такой фонд № 12 имеется, например, в ОГА СБУ, сохранились подобные материалы и в областных архивах СБУ Украины. Расследования на основе допросов обвинявшихся чекистов и свидетелей, а также агентурных материалов фиксировали вину работников в служебных проступках (нарушения дисциплины, халатность) или преступлениях. Результатом расследований были рекомендации относительно меры наказания — возбуждение уголовного дела или высылание по служебной линии: выговор, административный арест на срок от суток до месяца (часто формальный, с исполнением служебных обязанностей), понижение в должности, звании, перевод на неоперативную работу в ГУЛАГ, систему спецпоселений, милицию и т. д., увольнение по болезни, с переводом на пенсию либо «вовсе» за невозможностью использования — с исключением из списков чекистов запаса и лишением спецзвания.

---

¹ ОГА СБУ. Личное дело Г. М. Вяткина... Л. 27–27 об. Отметим, что пожелание анонима было вскоре исполнено.

Роль этих ведомственных проверок и предложений по их результатам чаще всего оказывалась решающей, поэтому в условиях покровительственной к «своим» кадровой политики основная часть чекистов, замеченных в серьёзных нарушениях законности и других очевидных преступлениях, либо признавалась оклеветанной «врагами», либо «честно» ошибавшимися исполнителями, не имевшими корыстных намерений. Такие персонажи отделялись наказанием в административном порядке (выговоры, арест с исполнением служебных обязанностей), или материалы на них передавались в структуры ВКП(б) для, по тогдашней формуле, «разрешения в партийном порядке». Многие расследования прекращались по распоряжениям начальства, не желавшего терять ценных работников и спускавшего на тормозах даже вполне доказанные обвинительные материалы. Иногда материалы служебных проверок прилагались к личному делу; копии подобных материалов могли попадать и в партийные дела чекистов-коммунистов. Однако в целом этот специфический источник плотно прикрыт завесой ведомственной тайны, очень слабо изучен и в настоящее время доступен для историков только в ОГА СБУ.

Особую ценность имеют чекистские досье на интересовавших их лиц, ранее именовавшиеся делами-формулярами, заключающие в себе материалы агентурного наблюдения за конкретным человеком. В таком деле откладывались решения о начале или окончании агентурной разработки данного лица, сводки агентов наружного наблюдения о его перемещениях, донесения сексотов, которые общались как с подозреваемым, так и со знавшими его людьми, копии перлюстрированных писем, доносы и другая интересная чекистам информация.

На обложке каждого дела-формуляра конца 1930-х годов были напечатаны указания уполномоченным, что каждое такое дело в день утверждения постановления о его заведении должно было быть зарегистрировано в 1-м спецотделе УНКВД, НКВД, а в системе транспортных и особых отделов — в учётной группе ДТО или Особотдела округа. К делу-формуляру должен быть приобщён список всех скомпрометированных агентурными и иными показаниями лиц: «Все вновь выявленные, скомпрометированные связи по делу-формуляру должны быть немедленно взяты на централизованный учёт в соответствующем 1 Спецотделе УНКВД (НКВД), учётной группе ДТО или О[собо] О[тдела] военного округа». Против каждой фамилии должны были указываться номера тех листов дела, где на этих лиц

имелись компрометирующие материалы, «а на каждое занесенное в список лицо оперативный сотрудник должен заполнить и сдать в учетный аппарат карточку по установленной форме». Пересылать и передавать формуляры из отдела в отдел и из органа в орган можно было только через соответствующие спецотделы УНКВД, ДТО или Особого отдела, где эти дела зарегистрированы. После окончания следствия дело-формуляр должно было направляться в архив 1-го спецотдела или учётной группы ДТО (ОО), причём к нему прилагались копии важнейших показаний по следственному делу и обвинительного заключения. Прилагать же дело-формуляр к следственному категорически воспрещалось¹.

Насколько можно судить, в архивах сохранились только те досье, которые были признаны имеющими оперативную либо историческую ценность. Служба безопасности Украины, располагающая ограниченным количеством подобных дел, опубликовала целый ряд материалов из досье на видных представителей национальной культуры — М. Грушевского, А. Довженко, М. Хвильового². В России подобные материалы публикуются нечасто и берутся, как правило, не из дел агентурного наблюдения, а из тех дел, в которых часть подобных документов подшивалась и сохранялась, исходя из ведомственных интересов, обычно для информирования вышестоящих начальников. Чекистские меморандумы обобщали материалы агентурных сводок по каким-либо лицам или группам; в последние годы обнародованы подобные документы конспиративного наблюдения за видными деятелями культуры 30-х годов, включая А. А. Ахматову, М. А. Булгакова, Л. И. Добычина, М. М. Зощенко, О. Э. Мандельштама и др.³

---

¹ См.: ОСД ГААК. Ф. П-7. Оп. 2. Д. П-1785 (обложка).

² Безручко О. В. Невідомий Довженко. К., 2008. С. 67–69; Полювання на «Вальдшнепа». Розсекречений Микола Хвильовий / под ред. Ю. Шаповала. К., 2009. 296 с.

³ См.: Калугин О. Дело КГБ на Анну Ахматову // Госбезопасность и литература на опыте России и Германии (СССР и ГДР). М.: Рудомино, 1994. С. 72–79; Искусство идет впереди, конвой идет сзади: дискуссия о формализме 1936 г. глазами и ушами стукачей. (По секретным донесениям агентов госбезопасности) / публ. А. Блюма // Звезда. 1996. № 8. С. 218–227; «Я не шепотом в углу выражал свои мысли...» / сост. В. Болтromeюк. М.: Красная гора, 1994; Шенталинский В. Мастер глазами ГПУ: За кулисами жизни Михаила Булгакова // Нов. мир. 1997. № 10–11; Чудакова М. О. Осведомители в доме Булгакова в середине 1930-х годов // Тынянов. сб. Вып. 9. Рига; М., 1995–1996. Вып. 9. С. 385–463; Андрей Платонов в документах ОГПУ-НКВД-НКГБ. 1930–1945 / публ. В. Гончарова, В. Нехотина // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. М.: ИМЛИ РАН, 2000. Вып. 4. Юбилейный. С. 848–884.

Нами в фонде СибКК ВКП(б) было обнаружено агентурное дело, заведённое в 1924 г. чекистами Новониколаевска на видного сибирского писателя, поэта и литературного функционера В. А. Итина, ставшее затем его апелляционным партийным делом¹. Ответственный работник Сибкрайгосиздата Итин из-за ошибки сексота, спутавшего его с отцом-кадетом и приписавшего писателю близкое знакомство с самим Б. В. Савинковым, весной 1924 г. стал фигурантом агентурного дела № 139 «Слон» («Савинковцы»)². В деле находится перлюстрированная переписка Итина с отцом, жителем Уфы, а также акт от 10 апреля 1924 г. о вскрытии новониколаевской почтово-телеграфной конторой — в присутствии агента ОГПУ — заказного письма из Уфы, отправленного 8 апреля. Изучив письма Итиных и ответы уфимских чекистов, в Новониколаевске поняли, что дело «Слон» не имеет перспективы для них, но даёт повод продолжать наблюдение за Итиным и также может быть использовано против поэта-коммуниста как имеющего связи с отцом-кадетом. Поэтому руководство Новониколаевского губотдела ОГПУ постановило: «Дальнейшее наблюдение за ИТИНЫМ и перлюстрация корреспонденции продолжается, но дело пред[о]ставляется в Губ К.К.»³.

В марте 1925 г. губКК запросила губотдел ОГПУ о дополнительных материалах, ссылаясь на обещание продолжать наблюдение. На это информационно-регистрационный отдел Новониколаевского губотдела ОГПУ сообщил в президиум губКК, что, кроме агентурных сведений о монархизме (на деле относившихся к отцу Итина), других компрометирующих материалов не добыто. В итоге чекисты 4 июля 1925 г. препроводили в губКК агентурное дело № 139 «на распоряжение»⁴, и оно осталось в партийном архиве. Большое количество агентурных материалов, в первую очередь донесений секстотов, находится в следственном деле Томской губЧК по организации коммунистов-анархистов на ст. Топки (1921 г.)⁵.

Следует учесть, что многие агентурные материалы являются недостоверными. Например, донесение агента ГПУ УССР от июня

---

¹ Тепляков А. Г. «Я не чиновник и не трус»: судьба Вивиана Итина // Власть и о-во в Сибири в XX веке: сб. науч. ст. / ред. В. И. Шишкин. Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, Параллель, 2015. Вып. 6. С. 181–208.

² ГАНО. Ф. П-6. Оп. 2. Д. 1295. Л. 5, 3, 4.

³ Там же. Л. 7-7 об., 14, 20–22.

⁴ Там же. Л. 40, 41, 42.

⁵ ГАТО. Ф. Р-236. Оп. 1. Д. 58.

1927 г. рассказывало о его встрече с дочерью бывшего помещика-немца, которую он провоцировал словами о своей ненависти к революции, «предполагая узнать какие-либо нелепые меньшевистские новости, а может быть и опасные для власти слухи». В ответ девушка его радостно поцеловала, заведя разговор об известной ей нелегальной организации, ведущей переписку с границей (возможно, она тоже была заагентурена либо этот разговор был целиком выдуман). Характерно, что агент не умолчал о своих переживаниях, когда убедился в контрреволюционности девушки: «Рожа, которая недавно целовала меня стала мне противной»¹.

Весной 1932 г. Экономический отдел полпредства ОГПУ по ЗСК завёл разработку «Иностранец» по «дезорганизации» машинно-тракторного парка, главным фигурантом которой был заведующий производственным отделом краевого отделения Трактороцентра Е. Г. Мольс, бельгийский подданный, сын крупного омского землевладельца, очень авторитетный среди специалистов. Агент «Кейс» доносил о таком разговоре Мольса: «Сейчас всякое вредительство вышло из моды. Ни одному чекисту не придет в голову, что кто-то из специалистов занимается вредительством. ГПУ упоено славой победы над шахтинцами, Промпартией, кондратьевцами и полагает, что все специалисты сейчас боятся и подумать о вредительстве, так они запуганы террором ГПУ. Сейчас в ГПУ наступила реакция — штиль. Благодаря этому сейчас можно делать безнаказанно всё что вздумается»². В этой информации можно видеть следы характерного для весны 1932 г. некоторого ослабления террора. Однако либо «Кейс» добавил от себя нелепую конечную фразу о безнаказанности вредительства, либо она была вписана чекистом-куратором, что было обычным делом при работе оперработников с сексотами и их материалами.

Практически недоступными до сего дня остаются протоколы и стенограммы оперативных совещаний, которые на регулярной основе проводились в различных структурах ОГПУ-НКВД и содержали как установки начальства по текущим вопросам, так и подробное обсуждение основных аспектов агентурно-следственной работы. Но недавно был обнародован очень информативный полный текст оперсовещания под руководством начальника УНКВД по Западно-

---

¹ Подкур Р., Ченцов В. Документы органов государственной безопасности УССР... С. 331.

² ОГА СБУ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 208. Л. 57–60.

Сибирскому краю С. Н. Миронова, посвящённого агентурной и технической подготовке «кулацкой операции» летом 1937 г.¹, а также вышел сборник партийных собраний и оперативных совещаний предвоенного периода в управлениях НКВД Украинской ССР² (посвящённый реакции чекистов на постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 г. «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия», а также отношениям между региональными партийными комитетами и местными аппаратами НКВД после остановки Большого террора). Однако сами работники «органов» признавали, что характер оперативных совещаний носили и некоторые партийные заседания, например, в ячейке ВКП(б) Особого отдела СибВО в 1937 г.³

Важные материалы по истории госбезопасности были обнаружены среди документов военных органов. В Российском государственном военном архиве фонд Народно-революционной армии Дальневосточной Республики (ф. 221) позволил изучить большой объём сводок как Госполитохраны ДВР, так и её Военного отдела, курировавшего силовые структуры. Данные документы пока ещё слабо освоены исследователями; между тем известные материалы (приказы, аналитические записки) Госполитохраны — органа госбезопасности ДВР — отличаются информативностью и откровенностью, включая содержательную критику собственной работы и кадров. Документы военных структур ДВР также представляют значительный интерес. Подчинение Военного отдела Госполитохраны ДВР Военсовету армии и флота обусловило нахождение в фондах РГВА большого документального материала, включая обстоятельные докладные записки руководства Военотдела ГПО с нелицеприятными оценками положения дел в собственном ведомстве, информационные сводки, материалы следственной части Военотдела, некоторое количество документов по личному составу, еже-

---

¹ Боль людская: Книга памяти жителей Томской области, репрессированных в 1920-х — начале 1950-х гг.: в 3 т. 2-е изд., доп. и перераб. / сост. В. Н. Уйманов. Т. 1. (А–И). Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2016. С. 583–587.

² Эхо Большого террора: сб. док. в 3 т. Т. 1: Партийные собрания и оперативные совещания сотрудников управлений НКВД УССР (ноябрь 1938 — ноябрь 1939 гг.) / сост.: В. Васильев, Л. Виола, Р. Подкур. М.: Пробел-2000, 2017. 736 с. Из-за позиции украинской стороны в данном сборнике оказался не оговорен факт подготовки основной части внутритекстовых уточнений, а также примечаний и комментариев А. Г. Тепляковым.

³ ГАНО. Ф. П-460. Оп. 1. Д. 123.

дневные задания Военсовета чекистам, постоянно возникавшие переписки по актуальным и конфликтным вопросам. Это позволяет увидеть заметную часть «кухни» военной контрразведки ДВР, хотя агентурные разработки и сведения о негласном составе Военотдела в основном остаются недоступными. В большой степени такое обильное документальное сопровождение характерно и для деятельности гражданских органов ГПО, которые контролировались (или, по крайней мере, парткомитеты постоянно пытались это делать) Дальбюро ЦК РКП(б) и местными обкомами и ревкомками, чьи фонды также хранят различный материал — от чекистских информационных сводок до подробной переписки по вопросам агентурно-оперативной и кадровой работы, снабжения чекистов необходимыми ресурсами, а также урегулирования постоянных межведомственных конфликтов. Особенностью имеющейся в открытом хранении части делопроизводства ГПО является наличие сведений о разведывательной деятельности чекистов. Часть материалов о работе ГПО имеется в делах переписки Военсовета с руководством судебных органов, включая обвинительные материалы из уголовных дел на самих чекистов. Часть информации о ГПО содержится и в многочисленных сводках политинспекции (военной разведки) НРА ДВР.

В фонде 185 (Штаб 5-й армии и Восточно-Сибирского военного округа) есть такие полезные документы, как сводки военной цензуры за 1920 г. с многочисленными примерами перехваченных негативных высказываний о властях, самих чекистах и органах цензуры. Важную информацию удалось обнаружить относительно провокации Канской уездЧК, сфабриковавшей в 1920 г. крупное дело об «антисоветском заговоре», пресечённое по инициативе военных властей. Также в делах фонда имеются списки расстрелянных белых офицеров и контрразведчиков, сведения о работе и кадрах Особого отдела Иркутской губЧК и т. п.

Важной для аналитической работы оказалась подборка до сих пор нерассекреченных ЦА ФСБ документов ВЧК, которые были в 1918 г. захвачены белыми и затем, в 1919 г., вернулись властям Советской России в ходе арестов пленных и перебежчиков. Эти материалы сохранились в документах Особого отдела 3-й армии Восточного фронта (РГВА, ф. 176): более десятка ведомственных инструкций начального периода истории ВЧК с указаниями по агентурно-оперативной работе, которые оставались актуальными в деятельности советских спецслужб и в последующие годы. Документы же

Особого отдела 3-й армии, помимо информационных сводок по Уралу и Сибири за последние месяцы 1919 г., также сохранили копию информативных показаний одного из белых офицеров-разведчиков, выполнявших курьерские функции по связи московских, петроградских и сибирских подпольных центров офицерского антибольшевистского сопротивления с Добровольческой армией юга России.

Изучение фонда 190 РГВА (управление 7-й армии) позволило получить ряд дополнительных сведений о работе особых отделов в 1919 г. Характерно выглядит жалоба в РВС начальника Особого отдела 7-й армии М. М. Харитоновна от 4 ноября 1919 г. на то, что Реввоентрибунал армии не служит «органом расправы с врагами» и «...часто кажется не Трибуналом, а комиссией по амнистии. За те-же самые преступления, за которые Губ. Петр. Ч.К. справедливо расстреливает, Ревтрибунал часто дает ничтожные наказания, или отправляет на фронт /для исправления/. Считаю со своей стороны крайне важно пересмотреть весь личный состав, как Трибунала армии, так и дивизии и назначить туда людей, способных осуществить Революционную расправу над шпионами и белогвардейцами. В частности, считаю необходимым сменить т. Свечникова, т-к. в тех случаях, когда дела разбираются под его председательством, почти все белогвардейцы, благодаря его мягкости, избавляются от заслуженного наказания». На документе сохранилась резолюция одного из работников Реввоенсовета-7: «В политотдел. Подобрать людей и доложить РВС»¹.

В 30-е годы особисты активно осуществляли политический контроль и репрессии в РККА. О командире роты 63-го полка 21-й дивизии И. М. Шлыкове, коммунисте с 1926 г., чекисты в марте 1932 г. сообщали, что он на зимних квартирах в Барнауле говорил о желании видеть в стране республику наподобие Франции или Германии, откровенно высказавшись о государственном терроре: «Белые расстреливали открыто, а у нас больше расстреляно, но в тихую. В СССР ведь нет свободы... Как чуть-что, так и в подвал ГПУ»². В августе 1932 г. работники особого отделения Берёзовской стрелковой дивизии ОКДВА, базировавшейся в Ононских лагерях Забайкалья, отмечали обилие разговоров о голоде на Урале и доносили, что ими «за

---

¹ РГВА. Ф. 190. Оп. 2. Д. 54. Л. 222.

² Там же. Ф. 33879. Оп. 1. Д. 26. Л. 14.

последнее время» арестовано 27 красноармейцев за разговоры о «голоде и обнищании народа»¹.

Чекисты Дальнего Востока в январе 1932 г. отмечали взаимодействие Разведотдела ОКДВА с полпредством ОГПУ по ДВК, но фиксировали болтливость некоторых военных разведчиков. Так, недавно переведённый в штат Разведотдела бывший помощник начштаба 40-й эскадрильи в нетрезвом виде рассказывал, что его коллеги-разведчики «ходят в штатском платье, постоянно посещаются различными китайцами, одетыми в лохмотья, которые раздеваются и из подмётков вытаскивают разные бумаги»².

Существенную информацию о ВЧК-НКВД удалось получить и в зарубежных архивохранилищах. Возможности, предоставленные в последние годы Отраслевым госархивом Службы безопасности Украины (ОГА СБУ), особенно важны для историков охранительно-репрессивной системы. Исключительное значение для них имеет последнее, особенно масштабное рассекречивание документов ВЧК-КГБ по указам о декоммунизации, принятым Верховной Радой Украины весной 2015 г. Благодаря кампании по рассекречиванию 2009–2014 гг., а также исполнению новейшего закона об открытии документов тоталитарного режима исследователи могут, помимо архивно-следственных дел на жертв репрессий и их палачей, знакомиться в украинских архивах с агентурными разработками и досье, репрессивной статистикой, информационными материалами, личными делами сотрудников госбезопасности, приказами и циркулярами ОГПУ-НКВД, а также свободно копировать документы.

Оценивая значимость фондов СБУ, следует учитывать, что архивы украинских спецслужб были в значительном количестве вывезены к началу 1990-х годов в Москву, что серьёзно ослабило источниковую базу. Но, с другой стороны, в фондах СБУ осталось немало материалов, касающихся положения дел по СССР в целом, например, рассылавшиеся по региональным отделениям ВЧК-КГБ типографские копии обвинительных заключений и сборников агентурно-следственных материалов по крупным политическим делам. Так, в фонде 13 ОГА СБУ находится копия обширного обвинительного заключения по «делу сибирских тюрок» 1934 г. Подобные документы содержат биографическую информацию о подсудимых и суммируют

---

¹ РГВА. Л. 758, 759.

² Там же. Л. 60.

их вину, отражая позицию следствия, обычно крайне пристрастного. С точки зрения чекистского руководства, такие обвинительные заключения должны были помочь местным сотрудникам «органов» в фабрикации аналогичных дел и распространять опыт «передовых следователей» со всей страны.

Исследователям благодаря украинским архивам стали доступны многие приказы НКВД СССР. Важным является фонд особой инспекции НКВД, где хранятся сотни дел-расследований по проступкам чекистов УССР 1920–1950-х годов (ф. 12). Документы ГПУ-НКВД УССР, изученные благодаря участию автора в продолжающемся международном проекте «Чекисты на скамье подсудимых в 1939–1943 гг.», объединившем историков России, Украины, США, ФРГ и Канады, оказали существенную помощь в понимании механизмов чекистской работы¹.

К числу документов ограниченного срока хранения относились и подлинники информационных сообщений ВЧК-НКВД, направляемых в партийно-советские и военные органы. Однако огромное количество чекистских материалов вполне возможно разыскать среди бумаг гражданских и военизированных структур, где отпуски соответствующих документов нередко благополучно сохранялись, попадая на постоянное хранение. Встречаются даже случайно уцелевшие спецсообщения, подлежавшие уничтожению сразу после ознакомления с ними. Также в документах гражданских органов власти хранится различная переписка с органами ВЧК-НКВД (запросы, жалобы и т. п.), нередко очень информативная. Всё это позволяет расценивать источниковую базу по истории работы ВЧК-НКВД как широкую и достаточную для продолжения исследований даже в условиях секретности основных архивов ФСБ и МВД России.

---

¹ Среди публикаций в России до сих пор секретных документов ФСБ можно назвать обнаруженные в Киеве важные циркуляры ОГПУ по делам сфабрикованных «Всесоюзного троцкистского центра» (1929 г.) и «Трудовой крестьянской партии» (1930 г.): Циркулярное письмо ОГПУ о борьбе с троцкизмом / публ. Г. И. Чернявского // *Вопр. истории.* 2009. № 11. С. 3–22; Красильников С. А., Тепляков А. Г. «Экономическая контрреволюция»: как конкурировали два чекистских управления в 1930–1931 гг. // *Клио.* 2016. № 9. С. 103–114.

Глава 2. Документы КПСС

Что касается документации КПСС, то уже сложилась практика рассматривать партийные документы как самостоятельный вид источников. Так, по мнению С. А. Токмина, документы руководящих органов КПСС — это «партийные нормативные правовые акты»¹. Принципиальной особенностью советской политической системы было преобладание партийных решений над государственными, в силу чего направляющие документы КПСС фактически имели силу законодательно-директивных источников. Это постановления съездов, конференций и пленумов, а также обязательные для советских органов власти решения Оргбюро, Секретариата и Политбюро ЦК РКП(б)-ВКП(б)-КПСС, многие из которых носили конспиративный характер.

Практику главенствующего значения партийных решений как источника права очень откровенно и чётко в 1977 г. охарактеризовал С. С. Алексеев, заявив, что «важнейшие законодательные акты Советского государства разрабатываются и принимаются в соответствии с решениями КПСС, её центральных органов — съездов, Пленумов ЦК, Политбюро. При этом отчетливо просматривается “цепочка” политических актов, которая воплощает руководящую роль КПСС в указанной области. Сначала — решение или иное руководящее положение в партийном документе, затем — общее, часто совместное ЦК КПСС и Советом министров СССР, партийно-государственное нормативное решение по соответствующему вопросу и, наконец, конкретный нормативный акт государственного органа, а нередко — комплекс актов»².

Именно Политбюро ЦК РКП(б)/ВКП(б) и предопределяло все основные направления развития страны (а также рассматривало массу сравнительно мелких и второстепенных проблем), и выступало главным арбитром при разрешении ключевых межведомственных противоречий, и непосредственно организовывало исполнение многих своих постановлений, и старалось держать под тщательным контро-

---

¹ Кодан С. В. Акты РКП(б)-ВКП(б)-КПСС и советское право. Размышления по поводу диссертации С. А. Токмина «Партийные акты в системе источников советского права» // Genesis: исторические исследования. 2016. № 2. С. 127–135.

² Алексеев С. С. Советское право как средство осуществления политики КПСС // Правоведение. 1977. № 5. С. 15–23.

лем всю систему власти. Значительное количество принципиальных решений и действий, формально исходивших от различных государственных органов (например, ЦИК СССР, СНК СССР, СТО СССР), на самом деле было результатом деятельности Политбюро. Обязательному утверждению Политбюро подлежали все сколько-нибудь значительные инициативы партийных, государственных, комсомольских, профсоюзных и прочих инстанций¹.

Протоколы Политбюро ЦК РКП(б)-ВКП(б) и утверждённые им решения по важнейшим вопросам имели гриф «совершенно секретно» и направлялись узкому кругу лиц, причём зачастую заинтересованные руководители получали не всё решение Политбюро, а лишь выписку из пункта, непосредственно их касавшегося. Известно, что на заседаниях Политбюро ЦК обсуждался широкий круг вопросов относительно работы и кадров ВЧК-НКВД, но обычно решения по этим вопросам, как и решения по внешней политике и развитию вооружений, заносились в отдельный протокол заседания Политбюро, именованный «особой папкой». Рассекречивание наиболее секретных и ключевых партийных документов 1920–1930-х годов в последние два с половиной десятилетия позволило историкам получить доступ к многочисленным постановлениям Политбюро, Оргбюро и Секретариата ЦК РКП(б)-ВКП(б) из «особых папок», в том числе и тем, которые были посвящены вопросам деятельности и кадров ВЧК-НКВД. Вместе с тем часть особо секретных решений Политбюро не протоколировалась из соображений конспирации. Известно, что Политбюро 8 ноября 1919 г. рассмотрело заявление Сталина о том, что «некоторые сведения о заседаниях ЦК доходят до врагов», и постановило решения по наиболее важным вопросам «не заносить в официальный протокол»².

Все мероприятия, проводившиеся в регионах, были следствием распоряжений высшей власти, в том числе негласных и келейных. Так, истерическая реакция на трудности с хлебоуборкой затяжной осенью 1934 г. со стороны руководства Западно-Сибирского края, добившегося от Кремля права расстреливать «саботажников» хлебоуборки и хлебосдачи (к 12 ноября уничтожено 118 чел.) и уволившего прозевавшего «саботаж» начальника УНКВД Н. Н. Алексева, была предопределена письмом Сталина Л. М. Кагановичу от 1 октя-

---

¹ Сталинское Политбюро в 30-е годы: сб. документов / сост. О. В. Хлевнюк, А. В. Квашонкин, Л. П. Кошелева и др. М.: АИРО-XX, 1995. С. 7.

² Павлюченков С. А. Военный коммунизм в России: власть и массы. М.: Рус. книгоиздат. тов-во — История, 1997. С. 225–226.

бря, где тот объявил, что для выполнения плана заготовок «...главная задача состоит в том, чтобы ударить по Западной Сибири... ударить Эйхе и Грядинского в “Правде”», предложив Кагановичу поехать в Новосибирск «...на неделю, взяв с собой Ягоду или Агранова. Если Западная Сибирь подведет в хлебозаготовках — это будет провал»¹. Таким образом, многие значимые события предопределялись не согласованными решениями пленумов ЦК ВКП(б), Политбюро ЦК или Секретариата ЦК, а отдельными решениями высших руководителей коммунистической партии.

В ходе исследовательской работы нами были использованы документы партийных инстанций высшего уровня — Политбюро, Оргбюро и Секретариата ЦК РКП(б)-ВКП(б), как опубликованные, так и хранящиеся в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ), а также неопубликованные документы Комиссии партийного контроля (КПК) при ЦК ВКП(б) 30-х и начала 40-х годов из Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ). Из хранилищ РГАСПИ также привлекались документы личного фонда И. В. Сталина (ф. 558), дела описи № 171 (ф. 17), недавно переданные из малодоступного историкам Архива Президента РФ (АП РФ) и содержащие многочисленные материалы, направленные руководителям партии, в том числе из ГПУ-НКВД. Большую ценность для исследования имеют документы, отложившиеся в фонде 372 Дальбюро ЦК РКП(б). Даже протокольная часть этого фонда очень богата решениями по делам спецслужб, а также ценными подготовительными материалами и распоряжениями секретариата Дальбюро ЦК РКП(б). Среди основной части документации обширного (более двух тысяч единиц хранения) фонда Дальбюро целый ряд дел содержит информативную переписку партийных инстанций с чекистским ведомством по самым различным аспектам — от оперативных до кадровых.

Наиболее подробно нами были изучены документы, сохранившиеся в фондах региональных партийных комитетов. Это различного рода входящие циркуляры, инструкции, разъяснения Секретариата ЦК РКП(б)-ВКП(б) и других вышестоящих инстанций в местные партийные органы, касающиеся функционирования и различных колебаний охранительно-репрессивной политики, назначения кадров органов госбезопасности, а также демонстрирующие ведомственные противоречия между ВЧК-НКВД и партийно-

---

¹ Сталин и Каганович. Переписка 1931–1936 гг. М.: РОССПЭН, 2001. С. 505.

государственными структурами (Государственный архив Новосибирской области — ГАНО. Ф. П-1, П-2, П-3, П-4, П-22, П-29; Государственный архив Алтайского края — ГААК. Ф. П-1, П-6, П-10; Государственный архив Забайкальского края — ГАЗК. Ф. П-1, П-3; Исторический архив Омской области — ИАОО. Ф. П-1, П-17; Центр документации новейшей истории Томской области — ЦДНИТО. Ф. 80, 607; Государственный архив Кемеровской области — ГАКО. Ф. П-26, П-75 и др.). Среди делопроизводственной и распорядительской документации партийных структур преобладают протоколы и решения бюро и секретариатов краевых, областных, губернских, окружных, районных комитетов, тематические докладные записки и разнообразная переписка с вышестоящими и подчинёнными организациями. Документы данных фондов содержат много информационных сводок, записок и запросов из ВЧК-НКВД, а также ответов на различные информации и заявления со стороны чекистов-руководителей.

Из числа изученных фондов региональных архивов наиболее информативными с точки зрения реализации поставленных исследовательских целей и задач оказались материалы партийных организаций ГАНО, охватывающие за 1920-е годы всю территорию Сибири, а за большую часть следующего десятилетия — основную часть Западной Сибири. Фонд Сибирского бюро ЦК РКП(б) (ф. П-1) очень богат всеми видами документации из органов ВЧК-ОГПУ: от сведений о структуре и кадрах до всевозможных спецсообщений «органов», информации о ведомственном сепаратизме чекистов, красном терроре и красном бандитизме. Аналогично насыщены подобной информацией ОГПУ-НКВД фонды Сибкрайкома (ф. П-2) и Запсибкрайкома ВКП(б) (ф. П-3). В фонде Новосибирского обкома ВКП(б), в частности, отложился ряд отчётных и аналитических документов областного УНКВД 30-х годов, включая подробную статистику работы тройки НКВД на начало октября 1937 г.¹ Многочисленные документы ВЧК-НКВД информационно-аналитического содержания и связанные с их поступлением в инстанции соответствующие партийные решения обнаружены и в остальных региональных архивах. Сплошной просмотр документов ряда губкомов, окружкомов, обкомов, горкомов и райкомов позволил обнаружить множество разнообразных документов госбезопасности за длительный период, а также решений партийных инстанций, связанных с деятельностью

---

¹ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 26. Л. 10–14.

ВЧК-НКВД. Очень важную роль сыграли документы региональных контрольных комиссий РКП(б)-ВКП(б) из архивов Новосибирска, Барнаула, Омска, Томска, давшие возможность получить множество уникальных материалов на тех чекистов, чьи проступки рассматривались партийными инстанциями, конфликтные дела на которых могут содержать десятки и даже сотни листов, включая разнообразные сведения из чекистских структур, вплоть до информации оперативного характера.

Отдельный и крайне полезный источник информации о чекистах — материалы партийных ячеек ВЧК-НКВД, содержащие в основном факты о персоналиях. Однако протоколы партийных собраний сообщают нередко не только личную, но и служебную информацию. Наиболее важны оказались фонды партийных коллективов ПП ВЧК-ОГПУ по Сибири и ПП ОГПУ — УНКВД ЗСК-НСО (ГАНО. Ф. П-460, П-1204¹), Томского оперсектора-горотдела ОГПУ-НКВД (ГАТО. Ф. 341), Нарымского оперсектора-окротдела ОГПУ-НКВД (ГАТО. Ф. 206).

Что касается личных партийных дел, то они частично сходны со служебными: также содержат подробные анкеты, автобиографии и послужные списки, сведения о должностных утверждениях со стороны партийных комитетов, медицинские заключения о состоянии здоровья, а также сведения о служебных проступках, поощрениях, наградах, взысканиях, причинах увольнения со службы. Партийные характеристики нередко содержат сведения о служебных достижениях и даже результатах агентурно-оперативной деятельности. С конца 1930-х годов в партийных делах обычно имеются фотографии чекистов. Зачастую расследования об их проступках начинались именно с партийных проверок, поэтому в каких-то значимых аспектах партийное дело может перекрывать служебное в части личной и даже специфически чекистской информации. С другой стороны, очень часто оно может содержать только анкетные данные и сведения (причём неполные) о служебных перемещениях, занимая всего один-два листа. Нередко анкетные пропуска в месте работы перед поступлением в ВЧК-ГПУ-НКВД означали секретный стаж негласной работы на «органы». Важно, что в партийных делах зачастую откладывались различные заявления, жалобы в инстанции (не только в органы РКП(б)-ВКП(б), но и государственные, а также по месту службы), в том числе и в копиях. В условиях крайне затруднённого доступа к служебным личным делам

---

¹ В настоящее время засекречены снова по инициативе ФСБ.

их партийные аналоги способны дать ценную информацию о чекистских кадрах, причём они доступны во многих открытых архивохранилищах.

Следует учитывать, что негативная специфика партийных дел на сотрудников госбезопасности состоит в том, что далеко не на всех из них можно отыскать сведения в данном региональном архиве, поскольку многие партийные дела могли путешествовать из области в область сообразно служебным перемещениям чекиста. О перебросках коммунистов, их взятии на учёт и снятии с учёта можно найти сведения в архивах райкомов, горкомов, окружкомов и т. д. Определённую помощь исследователю могут оказать карточки на членов партии 1920–1930-х годов, содержащие краткие анкетные сведения, послужной список, сведения о прибытии и перемещении работника. Однако подобные документы доступны историкам не во всех архивах, поскольку относятся к неким внутренним, «неполноценным» личным документам, не имеющим, например, доказательной силы при определении служебного стажа и т. п. Часть таких карточек из ГАНО в середине 90-х годов оказалась, тем не менее, нам доступной, что позволило получить информацию по целому ряду видных сибирских чекистов, партийные дела которых в Новосибирске отсутствовали.

Значительный материал по чекистским кадрам был обнаружен в РГАСПИ, где можно, зная номер партийного билета, получить регистрационный бланк, указывающий достаточно подробные анкетные и служебные сведения. Если персонаж состоял в КПСС всю оставшуюся жизнь, то в регистрационном бланке можно найти дату погашения партбилета в связи со смертью. Недостаток подобного рода документов — не всегда достаточная точность прежде всего по части служебных перемещений чекиста, поскольку послужной список заполнялся не чекистом-кадровиком, а самим коммунистом и часто содержал неточности в датах (нередко указывались только годы пребывания в конкретной должности), названиях структур, опускались те должности, в которых чекист находился несколько месяцев или недель. Получение копий регистрационных бланков затрудняется платностью и медленностью этой услуги. За предоставление большого количества бланков партийных билетов мы благодарны целому ряду исследователей, особенно Д. В. Карагодину, К. В. Скоркину, А. А. Папчинскому.

Также в РГАСПИ возможно получить материалы расследований персональных дел коммунистов из фонда Комитета партийного кон-

троля при ЦК КПСС № 589 (при истечении 75-летнего срока давности личной тайны), причём и на тех, в отношении которых не были приняты реабилитирующие партийные решения, например, на видного алтайского чекиста А. Т. Степанова, осуждённого в 1941 г. за многочисленные нарушения законности. Материалы посмертного восстановления в КПСС бывшего заместителя начальника УНКВД по ЗСК А. К. Залпетера содержат сведения о его критическом восприятии террора 1937–1938 гг. Напротив, отказ в восстановлении в партии видного чекиста А. С. Боуфалло, осуждённого в 1938 г. по ст. 58 УК, мотивировался его уголовным наказанием в конце 20-х годов за корыстные и служебные преступления¹. Плодотворна оказалась работа с такими источниками, как внутривнутрипартийные переписи 1922 и 1927 гг., также хранящимися в РГАСПИ (Ф. 17. Оп. 8, 9). Эти переписи состоят из анкет коммунистов, которые отличаются относительной скудностью сведений, особенно в отношении служебных перемещений, нередко малограмотны и подчас трудночитаемы. Но в отношении многих рядовых чекистов, а также секретных сотрудников ВЧК-ОГПУ материалы переписей дают уникальный материал, а также порой способны дополнить интересными штрихами портреты и видных функционеров спецслужб.

Региональные партийные архивы дают огромное количество конкретной информации о деятельности ВЧК-НКВД. Однако практика работы показала, что рассекречивание документов в государственных архивах на местах носило крайне субъективистский характер, в результате чего однотипные фонды были доступны в одних сибирских регионах и недоступны в других. В первую очередь это касалось документов личного характера и материалов спецслужб. Особенной жёсткостью режим предоставления документов отличался в Новосибирской области и Красноярском крае, в остальных областях Сибири и центральных архивах он был намного свободнее и в известной степени компенсировал невозможность получения тех или иных важных документов в Новосибирске и Красноярске. В последнее время 75-летний ограничительный срок на доступ к документам личного происхождения потерял актуальность и для эпохи 30-х годов, что упростило исследовательскую работу.

---

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Репбланк партбилета Степанова № 1890251 и персональное дело № 17-18085; Ф. 589. Оп. 3. Д. 7695 на Боуфалло. Л. 1.

Поскольку всем принципиальным решениям государственных органов предшествовали постановления высшего партийного руководства, то в осуществлении массовых репрессивных акций и разного рода специальных операций, в том числе за рубежом, органы ВЧК-ОГПУ-НКВД руководствовались указаниями Политбюро ЦК ВКП(б) и личными распоряжениями Сталина. Это касалось и осуществления коллективизации, и массовых ссылок и депортаций, и проведения политических процессов над эсерами, интеллигенцией и партийными оппозиционерами, и организации массового террора 1937–1938 гг., и убийств содержащихся в тюрьмах видных партийцев К. Б. Радека и Г. Я. Сокольникова, а также покушений на Л. Д. Троцкого в Мексике. Таким образом, правительственные постановления о работе ВЧК-НКВД касались лишь механизмов реализации решений, уже принятых в партийных инстанциях.

В целом фактическая достоверность партийных документов выше, чем оценочная, но нередко можно видеть и существенные искажения важной информации. Так, член Сибревкома В. М. Косарев 21 марта 1921 г. сообщал секретарю ЦК РКП(б) Ем. Ярославскому, что в ходе Западно-Сибирского крестьянского мятежа было убито свыше 30 тыс. партийных и советских работников¹. На самом деле такого количества партийно-советских деятелей на территории, охваченной восстанием, просто не было (всего погибло 5 тыс.), а вот мятежников было убито от 30 до 40 тыс.

Несмотря на то, что сведения государственных и партийных хранилищ имеют наибольшее значение для исследователей, очень велик потенциал и личных архивов, хранящихся в семьях, число которых невозможно оценить даже приблизительно. Родственники нередко сохраняют служебные и личные документы своих предков, дневники, мемуары, переписку, а бывает, активно собирают сведения об истории семей и конкретных лиц, пополняют архивы за счёт получения копий документов из ЗАГСов, следственных дел, протоколов партийных инстанций, запрашивают бланки партбилетов, наградные документы, фотографии и т. д. Часть этих сведений со временем становится известна исследователям, размещается в сети Интернет, становясь доступным и ценным материалом.

---

¹ Павлюченков С. А. «Орден меченосцев»... С. 71.

Глава 3. Опубликованные источники

Для нашего исследования, разумеется, необходим анализ и опубликованных источников. Объем обнародованных документов по теме исследования к настоящему времени весьма значителен, хотя немалая часть их напечатана ненадлежащим образом — с неточностями, произвольными сокращениями, неудовлетворительными примечаниями и комментариями.

Часть документов по истории ВЧК-ОГПУ была опубликована в 20–30-х годах с целью показать их усилия по защите государства. Это прежде всего двухтомная «Красная книга ВЧК», насыщенная протоколами допросов лиц, участвовавших в антиправительственной деятельности, сборник документов по делу Б. В. Савинкова¹. Некоторые публикации носили сугубо ведомственный характер², однако в условиях Гражданской войны и нередких нарушений конспирации становились достоянием не только чекистской публики.

Оценивая многочисленные и весьма полезные публикации источников советского времени, следует учитывать, что правила издания документов данной эпохи подчинялись не столько научным, сколько политическим задачам. В сталинские годы уничтоженные политики исчезали не только из жизни, но и со страниц подписанных ими документов. Например, вместо фамилии Л. Б. Каменева, с которой начинается ленинская фраза письма к чекисту М. И. Лацису³, в 1942 г. было напечатано «уполномоченный Сов[ета]обороны»⁴. Затем официальное отношение к подобным «нелицам» было смягчено, хотя в сборнике документов ВЧК 1958 г. в списке членов Коллегии ВЧК был пропущен Г. Г. Ягода. Пункт № 33 правил публикации материалов архивного фонда СССР (издание 1960 г., когда архивы были выделены из подчинения МВД СССР) определял, как нужно публиковать документы за подписями нереабилитированных «врагов народа». Так, официальные документы, подписанные Л. Д. Троц-

---

¹ Красная книга ВЧК: в 2 т. / под ред. и с предисл. П. Макинциана. М.: Госиздат, 1920–1922. Т. 1, 2; Дело Бориса Савинкова. М.; Л., 1924.

² Крылов В. В. Необходимое руководство для агентов чрезвычайных комиссий. Изд. Волынской губернской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности. (б. г.). Переизд в сб. док.: М.: ЛексЭст, 2001. 100 с.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 338.

⁴ Ленинский сборник. Т. XXXIV. М.: Госполитиздат, 1942. С. 161.

ким, публиковать было можно, но без подписи, а письма и прочие документы — нет¹.

То же самое относилось к фигурам Н. И. Бухарина, А. И. Рыкова, Г. Г. Ягоды, Л. П. Берии и прочим нереабилитированным персонажам (так, при фотоизображениях чекистских почётных грамот убирался автограф Ягоды, обычно подписывавшего подобные документы). Другим распространённым способом «поправить» историю было сообщение чекистами ложных сведений о расстрелянных в 1936–1941 гг. лицах, даты смерти которых произвольно относили на 1939–1949 гг., заставляя предполагать смерть этих людей в местах заключения либо на фронтах войны. Эдиционные правила советской эпохи вынуждают обращать особое внимание на такие формулировки, как «незаконно репрессирован, посмертно реабилитирован» или «в партии состоял с такого-то года» (последнее означало, что данный коммунист в партийном отношении не реабилитирован и является политически скомпрометированной фигурой, упоминание которой в ряде случаев возможно, но изучение биографии не приветствуется).

Советские историки в разгар «оттепели» иногда прямо заявляли о недоступности и необъективности многих документов советского периода. Выступая с докладом о проблемах историографии советского общества в свете решений XXII съезда КПСС на общем собрании Отделения исторических наук АН СССР, проходившем с 7 по 18 ноября 1961 г., член-корреспондент АН СССР М. П. Ким заметил, что «...в период культа личности разработка истории советского общества затруднялась ещё и тем, что многие документы и материалы по данному вопросу были недоступны исследователям». После этого Ким добавил принципиально важную мысль: «Хотя сейчас положение в этом отношении резко изменилось, историкам придётся преодолеть ещё одну трудность, также являющуюся следствием культа личности. Дело в том, что некоторые материалы и документы, отложившиеся в архивах страны в 30-х — начале 50-х годов, потребуют пристального [критического] рассмотрения, ибо они носят на себе следы влияния культа личности»². Однако вскоре тема тенден-

---

¹ См.: Katkov G. Soviet historical sources in the post-Stalin Era // Contemporary History in the Soviet Mirror: Conference on Contemporary History in the Soviet Mirror (1961, Geneva) / ed. by J. Keep, L. Brisby. New York; London: Frederick A. Praeger, 1964. 331 p.

² Советские историки обсуждают задачи науки в свете решений XXII съезда КПСС // Вопр. истории. 1962. № 1. С. 9.

циозности и прямой фальсификации архивных источников ленинско-сталинской эпохи стала практически запретной. А о желании иных историков негласно отмежеваться от своих сталинистских построений говорит тот факт, что статья академика Б. А. Рыбакова «Древние русы в свете трудов И. В. Сталина» (1953 г.) была дана в официальной библиографии академика как просто «Древние русы»¹.

Советская цензура до конца эпохи СССР не пропускала в печать многие документы Ленина (с указаниями на осуществление прямого террора в отношении священнослужителей, вмешательство с помощью армии и спецслужб в дела других стран, намерение «подвести под расстрел чекистскую сволочь» за злоупотребления «паршивых чекистов»² и т. д.). Высказывания прочих вождей также подвергались политической правке. Например, Я. М. Свердлов на V Всероссийском съезде Советов 5 июля 1918 г. заявил о происходившем «самом резком усилении массового террора против врагов советской власти» и «глубокой» уверенности властей «в том, что самые широкие круги рабочих и крестьян отнесутся с полным одобрением к таким мероприятиям, как отрубание головы, как расстрел контрреволюционных генералов и других контрреволюционеров»³. Однако слова про «отрубание головы», имеющиеся в стенографическом отчёте, были вырезаны из позднейшей публикации в сборнике произведений Свердлова⁴. Вместе с тем некоторые официальные публикации статей и выступлений, особенно 1920–1930-х годов, позволяют заметить очень откровенные высказывания о советской карательной политике и её исполнителях, которые обычно не использовались исследователями именно из-за неприемлемой — для устоявшейся с середины 1950-х годов официозной концепции советского исторического пути — нацеленности на репрессивные аспекты решения проблем и прямого именованного репрессивно-охранительных органов «карательными».

Публикации советского времени представляют собой ценный комплекс документов. Разумеется, с одной стороны, все они тщательно отобраны с тенденциозной целью исключить основной не-

---

¹ Рыбаков Б. А. Библиография. М.: Наука, 1968. С. 34.

² Ленин В. И. Неизвестные документы. 1891–1922 гг. М.: РОССПЭН, 2000. С. 476, 477, 479.

³ Пятый Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов: с-теногр. отчет. 4–10 июля 1918 г. М.: Изд-во ВЦИК, 1919. С. 50.

⁴ Свердлов Я. М. Избранные произведения. Статьи, речи, письма. М.: Политиздат, 1976. С. 197–198.

гитивный материал, ограничить сведения оперативного характера, а также подчеркнуть героизм работников ВЧК-НКВД, выделить руководящую роль компартии в осуществлении контроля над деятельностью госбезопасности. Характерно, что даже чекистская работа легендарного и восплаемого Дзержинского считалась строго секретной. Посвящённый ему двухтомник содержит только несколько архивных документов по деятельности ВЧК, по истории ГПУ-ОГПУ документов нет совсем, преобладают же сведения о работе Дзержинского на хозяйственных должностях¹. В октябре 1920 г. на пленуме Моссовета он заявлял, что Антанта дала «белогвардейцам, кадетам и эсерам колоссальные средства... чтобы возродить заново «Национальный центр», «Союз возрождения» и другие организации в Советской России. ...Мы имеем сведения, что с июня очень конспиративно и умело организовались тайные центры по губерниям, задачей которых первоначально было иметь своих агентов в учреждениях как гражданских, так и военных, чтобы в подходящий момент бросить свои силы организованно и расстроить наш тыл». Характерны предельно оптимистичные и крайне далёкие от реальности телеграммы и письма главы ВЧК Ленину от августа 1920 г. о том, что якобы в Польше многие симпатизируют наступлению РККА на Варшаву и «восторженно» её встречают, а «рабочая масса Варшавы ждёт прихода Красной Армии»². Они говорят о крайней идеологизованности Дзержинского и готовности предлагать руководству страны желаемые вожжами факты.

С другой стороны, многочисленность введённых в научный оборот документов позволяет видеть различные аспекты деятельности «органов», их эффективность в борьбе с внутренними и внешними врагами государства, изучать, хотя и поверхностно, кадровый состав ВЧК-НКВД. Например, о тесном союзе Главлита и ОГПУ можно было узнать из официального издания середины 20-х годов, где говорилось, что руководили Главлитом заведующий и два помощника, назначаемые наркомпросом по соглашению с уполномоченным ОГПУ³. В брошюре В. М. Молотова об уроках бдительности в связи с массовыми разоблачениями врагов помещён специфический текст, в основном повторяющий молотовское выступление на февральско-

---

¹ Дзержинский Ф. Э. Избранные произведения в 2 т. Изд. 2-е, доп. М.: Политиздат, 1967.

² Он же. Т. 1. С. 299, 293–295.

³ Народное просвещение в РСФСР: сб. М., 1926. С. 312.

мартовском пленуме ЦК ВКП(б), значительную часть которого занимают выдержки из показаний арестованных хозяйственных руководителей¹. Образчиками фальсифицированных источников являются издававшиеся стенограммы судебных процессов². До середины 1950-х годов печатались судебные речи А. Я. Вышинского, включая выступления на знаменитых «московских процессах» 1936–1938 гг.³

Опубликованные в 20–30-х годах стенограммы и протоколы партийных съездов, конференций и пленумов содержат небольшое количество сведений о работе спецслужб, а руководящие работники ВЧК-ОГПУ из соображений конспиративности обычно не выступали на таких форумах. Однако на пленумах 1937 г. центральными оказывались именно речи Н. И. Ежова и его окружения. Активное участие высшего политического руководства страны в репрессиях позволяют увидеть стенограммы пленумов ЦК КПСС (июль 1953 г., июнь 1957 г.), XXII съезда КПСС. Многие важные документы обнародованы в многотомном сборнике резолюций и решений КПСС⁴, в более полном виде партийные материалы обнаруживаются в стенографических отчётах съездов и конференций.

Для нашей темы особенно интересны документальные сборники «В. И. Ленин и ВЧК» (доп. изд., 1987 г.), а также подготовленные работниками КГБ сборники «Красная книга ВЧК» (2-е изд., 1989 г.), два тома документов по истории пограничных войск⁵. В сборнике об истории Казанской губЧК помещено 132 документа с информацией о создании губЧК, раскрытии контрреволюционных заговоров, лик-

---

¹ Молотов В. М. Уроки вредительства, диверсии и шпионажа японо-немецко-троцкистских агентов. М.: Партиздат, 1937. 70 с.

² Процесс «Промпартии» (25 ноября — 7 декабря 1930 г.): Стенограмма процесса и материалы, приобщенные к делу / общ. ред. Г. И. Иваненко. М.: ОГИЗ — Сов. законодательство, 1931. 544 с.; Процесс контрреволюционной организации меньшевиков (1 марта — 9 марта 1931 г.): Стенограмма судебного процесса, обвинительное заключение и приговор / общ. ред. Г. И. Иваненко. М.: Сов. законодательство, 1931. 472 с.; Дело о вредительстве на электрических станциях в СССР Н. П. Витвицкого, В. А. Гусева, А. В. Грегори и др.: Официальный стенографический отчет Специального присутствия Верховного Суда СССР. Выпуск 1–3. М.: ОГИЗ, Сов. законодательство, 1933. 200, 196, 166 с.; Судебный отчет по делу антисоветского «правотроцкистского блока», рассмотренному Военной коллегией Верховного Суда 2–13 марта 1938 г. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1938. 708 с.

³ Вышинский А. Я. Судебные речи. М.: Госюриздат, 1955.

⁴ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898–1988). 9-е изд., доп. и испр. М.: Политиздат, 1983–1990. Т. 2–10.

⁵ Пограничные войска СССР. 1918–1928: сб. док. и мат-лов. М.: Наука, 1973. 927 с.; Пограничные войска СССР. 1929–1941: сб. док. и мат-лов. М.: Наука, 1972. 775 с.

видации вооружённых мятежей, борьбе со спекуляцией, учёте не-
лояльных элементов и пр.¹ Однако осмысление истории с помощью
подобных изданий ограничивало то, что в советские годы многие
документы печатались с извлечениями, другие, наиболее важные,
совершенно игнорировались, а научно-справочный аппарат был
чаще всего стереотипным, не всегда раскрывающим подлинное зна-
чение тех или иных источников.

В постсоветский период интенсивный ввод в научный и обще-
ственный оборот советских документов обнаружил теневую сторо-
ну: массовый феномен так называемой «ксероксной археографии»,
заклучавшийся в поспешных публикациях «голых», не откомменти-
рованных, с ошибками и опечатками воспроизведённых докумен-
тов. Особенно много публиковалось вне контекста и без коммента-
риев чекистских документов, а оценки, содержащиеся в них, не-
редко в раскавыченном виде перекочёвывали в статьи и моногра-
фии. И если в последние годы качество публикаций повысилось, то
зависимость многих исследователей от советского языка докумен-
тов сохраняется. Говоря об археографических особенностях совре-
менных публикаций, следует указать на частые вынужденные заме-
ны фамилий чекистов и некоторых репрессированных лиц инициа-
лами либо полное вымарывание чекистских фамилий — в зависи-
мости от политики конкретного архивохранилища. Например, пу-
бликаторы такого серьёзного издания, как Книга памяти жертв по-
литических репрессий Красноярского края, ради обнародования
материалов следственного дела конца 1920-х годов, были вынужде-
ны — под давлением архивистов — вымарывать фамилии чекистов².
Аналогично пострадали и документальная книга о репрессиях в Ал-
тайском крае³, и немало других изданий последних лет.

При всей непоследовательности архивной революции 1990-
х годов, особенно заметной как раз в деле доступа к документам
спецслужб, историография ВЧК-НКВД последних двух с лишним де-
сятилетий опирается на внушительную источниковую базу. Уже в
90-е годы увидело свет множество документов из архивов партий-
но-государственных и силовых структур, открывавших важные

---

¹ Казанская губернская Чрезвычайная комиссия, 1917–1922 гг.: сб. док. и мат-
лов / сост.: Л. В. Горохова и др. Казань: Тат. кн. изд-во, 1989. 142 с.

² Книга памяти жертв политических репрессий Красноярского края. Кн. 10.
Красноярск: Офсет, 2011. С. 118–234.

³ Массовые репрессии в Алтайском крае 1937–1938 гг. Приказ № 00447 / сост.
Г. Д. Жданова, В. Н. Разгон, М. Юнге, Р. Биннер. М.: РОССПЭН, 2010. 751 с.

аспекты безбрежной темы политических репрессий и дававших возможность приступить к изучению структуры и персоналий органов госбезопасности¹. Выделялись основательностью комментариев двухтомники «Политбюро и церковь», а также «Кронштадтская трагедия 1921 года» (составителями последнего было опубликовано более 800 документов и несколько тысяч использовано для составления примечаний и именного указателя) и том, посвящённый трагедии командарма Ф. Миронова².

Многие политические и кадровые решения, касавшиеся ВЧК-НКВД, обнародованы в томах повесток заседаний Политбюро ЦК партии, а также стенограмм заседаний Политбюро³. В 2000-е годы источники по репрессивной политике и роли в ней карательных органов испытали революционное пополнение за счёт как целого ряда «крупноформатных» серий, так и большого числа отдельных сборников⁴; при этом появились методические указания относительно изучения и правил издания, например, судебно-следственных документов⁵.

---

¹ См.: Иосиф Сталин в объятиях семьи: сб. док. / сост. Ю. Г. Мурин. М.: Родина, 1993. 222 с.; Левые эсеры и ВЧК: сб. док. / сост. В. К. Виноградов и др. Казань, 1996. 508 с.; Генеральный комиссар государственной безопасности Генрих Ягода: сб. док. / сост. А. Зданович, А. Литвин и др. Казань, 1997; Лубянка: ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ, 1917–1991: справочник / сост. А. И. Кокурин, Н. В. Петров. М., 1997.

² Филипп Миронов. Тихий Дон в 1917–1921 гг.: док. и мат-лы / под ред. В. П. Данилова, Т. Шанина. М., 1997; Политбюро и церковь: в 2 т. / сост. Н. Н. Покровский, С. Г. Петров. М., 1997; Кронштадтская трагедия 1921 года: док-ты в 2 кн. / сост.: И. И. Кудрявцев и др. М.: РОССПЭН, 1999. 687, 671 с.

³ Политбюро ЦК РКП(б)-ВКП(б). Повестки дня заседаний. 1919–1952. Каталог / Т. 1. 1919–1929. М.: РОССПЭН, 2000. 832 с.; Т. 2. 1930–1939 гг. 2001. 1200 с.; Т. 3. 1940–1952. 2001. 1200 с.; Стенограммы заседаний Политбюро ЦК РКП(б)-ВКП(б). 1923–1938 гг. М.: РОССПЭН, 2007. Т. 1–3.

⁴ Реабилитация: как это было. Документы президиума ЦК КПСС и другие материалы: в 3 т. М., 2000–2003; Лубянка и ВЧК-МГБ. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1922–1953 гг. / сост. В. Н. Хаустов и др. М., 2003–2007; Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. М.: РОССПЭН, 2001; Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. 1930–1940: в 2 кн. Кн. 1 / сост. В. П. Данилов, С. А. Красильников и др. М.: РОССПЭН, 2005. 912 с.; кн. 2. М.: РОССПЭН, 2006. 1120 с.; Ф. Э. Дзержинский — председатель ВЧК-ОГПУ / сост. А. М. Плеханов и А. А. Плеханов. М.: МФД, Материк, 2007. 872 с.

⁵ Издание судебно-следственных документов советского периода: метод. пособие. М.: Росархив, ВНИИДАД, 1997; Публикация документов следственных и судебных дел политического характера (1920–1950 гг.): метод. пособие / сост. И. А. Дегтярёва, И. И. Кудрявцев. М.: Росархив, ВНИИДАД, 2008. 88 с.; Зданович А. А. Архивно-следственные дела как исторический источник: метод. пособие для преподавателей, аспирантов и соискателей. М.: Академия ФСБ России, 2009. 36 с.

Правда, некоторые сборники, даже вышедшие в солидных сериях, пострадали от того, что их составителями выступали недостаточно квалифицированные исследователи. Так, О. Б. Мозохин, незнакомый с правилами издания документов, уверяет, что недавний крупноформатный сборник о Дзержинском был подготовлен «на высоком археографическом уровне»¹, хотя на деле его составители пропустили целый ряд важных документов, часть материалов исказили, неправильно датировали и даже напечатали дважды, а комментарии составили не вполне удовлетворительно².

Особую роль в понимании механизмов управления Сталиным своей политической полицией, раскрытии целей, задач, форм, методов и результатов деятельности ГПУ-НКВД-МГБ сыграл четырёхтомник «Лубянка. Сталин и ВЧК-МГБ», обнародовавший многие важнейшие документы сталинского архива³. Также очень ценны в этом отношении пятитомник «Трагедия советской деревни», представивший огромное количество рассекреченных документов из фондов ФСБ, и недавно завершённый четырёхтомный (в пяти книгах) проект «Советская деревня глазами ВЧК-НКВД». В конце 2017 г. завершена крайне важная публикация информационных сводок ВЧК-ОГПУ за 1922–1934 гг. в 10-томном проекте (16 книг) «"Совершенно секретно". Лубянка Сталину о положении в стране»⁴.

Важна и публикация семитомника «История сталинского Гулага»⁵, который представляет внушительный массив первосте-

---

¹ Мозохин О. Б. Деятельность ГПУ–ОГПУ по обеспечению экономической безопасности советского государства (1922–1934 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Самара, 2011. С. 16.

² Тепляков А. Г. Рец. на кн.: Ф. Э. Дзержинский — председатель ВЧК–ОГПУ. 1917–1926. Серия: Россия XX век. Документы / сост. А. М. Плеханов, А. А. Плеханов. М.: МФД, Материк, 2007. 872 с. // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. 2011. Т. 10. Вып. 1: История. С. 219–222.

³ Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и гос. власти. Январь 1922 — декабрь 1936. М.: МФД, Материк, 2003; Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и гос. власти. 1937–1938. М., 2004; Лубянка. Сталин и НКВД-НКГБ-ГУКР «Смерш». 1939 — март 1946. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и гос. власти. М., 2006. 640 с.

⁴ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание: док. и мат-лы в 5 т. 1927–1939. М.: РОССПЭН, 2000–2006; Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД: док. и мат-лы Т. 1–4. 1918–1939. М.: РОССПЭН, 1998–2012; «"Совершенно секретно". Лубянка Сталину о положении в стране». Т. 1–10. М.: Ин-т истории РАН, 2001–2017.

⁵ История сталинского Гулага. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов: собр. док. в 7 т. / отв. ред. Н. Верт, С. В. Мироненко. М.: РОССПЭН, 2004–2005.

пенных документов, преимущественно из фондов ГА РФ, и задаёт векторы изучения наиболее значимых элементов этого «государства в государстве». На фоне крупных исследований лагерной системы долгое время было заметно отставание в изучении системы тюрем и исправительно-трудовых колоний; между тем пристальное внимание к этой системе оправдано уже тем, что смертность там в начале 1930-х годов была выше, чем в большинстве лагерей ГУЛАГа. На примере ГУЛАГа особенно чётко проявляются проблемы адаптации и выживания, потенциал следственных и учётных дел, необходимых при изучении «племени зэка» — специфического социума, рождённого неволей, его взаимодействия как с потоками репрессированных, так, по чекистскому жаргону, с «правовым населением», а также проникновения гугаговского духа во все сферы общественной жизни. Вместе с тем остро ощущается нехватка биографического материала о чекистах системы концлагерей и политической ссылки, зачастую имевших криминальное прошлое.

Историками интенсивно документализируется история партий, общественных и религиозных организаций (в том числе эмигрантских) с учётом их преследования, разложения и уничтожения спецорганами. Продолжается изучение террора против военных, учёных¹. Активно идёт документирование советских политических судебных процессов, практика которых определялась провокационными действиями следственных органов и оказала глубокое воздействие на ход коммунистических репрессий², а также рождение и деятельность пенитенциарной системы³, практика

---

¹ Черушев Н. 1937 год: Элита Красной Армии на голгофе. М.: Вече, 2003. 560 с.; Мильбах В. С. Особая Краснознаменная Дальневосточная армия (Краснознаменный Дальневосточный фронт). Политические репрессии командно-начальствующего состава, 1937–1938 гг. СПб., 2007. 344 с.; Репрессированная интеллигенция. 1917–1934 гг.: сб. ст. М.: РОССПЭН, 2010. 495 с.

² Меньшевистский процесс 1931 года / сост. А. Л. Литвин и др. Кн. 1–2. М.: РОССПЭН, 1997–1999; Демократический союз. Следственное дело. 1928–1929 гг. М.: РОССПЭН, 2010. 496 с.; Борис Савинков на Лубянке: Документы / сост. А. Л. Литвин и др. М.: РОССПЭН, 2001. 576 с.; Генерал В. С. Михайлов. 1875–1929. Документы к биографии: Очерки по истории военной промышленности / сост. Ю. Ильин. М.: РОССПЭН, 2007. 424 с.; Русская военная эмиграция 20-х–40-х годов: док-ты и мат-лы / сост. В. Авдеев, А. Зданович и др. Т. 1–5. М.: Гея, 1998–2010; Судебный процесс над социалистами-революционерами (июнь–август 1922 г.): Подготовка. Проведение. Итоги / сост. С. А. Красильников, К. Н. Морозов, И. В. Чубыкин. М.: РОССПЭН, 2002. 1007 с. и др.

³ Красильников С. А. Рождение ГУЛАГа: Дискуссии в верхних эшелонах власти. Постановления Политбюро ЦК ВКП (б). 1929–1930 гг. // Историч. арх. 1997. № 4. С. 142–156.

этнических депортаций¹. Большое значение имеют подготовленные С. В. Волковым сборники воспоминаний об эпохе красного террора².

В последние годы вышли новые крупноформатные публикации документов. Среди них можно отметить двухтомное издание материалов по делу «Промпартии», где использованы документы не только российских, но и зарубежных архивов, позволяющие увидеть широкий контекст этого скандального процесса, в котором были и провалы чекистского следствия, и агрессивная пропаганда советской точки зрения, и решительный протест Парижа против обвинений в связи «заговорщиков-вредителей» с французской разведкой. В ходе работы над документами сборника С. А. Красильникову, в частности, удалось найти сведения о тайном помиловании приговорённых к расстрелу Н. А. Бояринова и Н. К. Кржижановского — фигурантов предыдущего «Шахтинского» процесса³. Хорошо откомментирован внушительный том документов, связанных с убийством С. М. Кирова, представляющий основные материалы и следствия середины 30-х годов, и нового расследования в хрущёвский период⁴. К сожалению, этого нельзя сказать о сборнике ценных документов, посвящённых «вредительству» в военной промышленности, где «отметился» небезызвестный О. Б. Мозохин⁵.

Важным шагом в изучении репрессий в отношении самих чекистов стала публикация В. Н. Хаустовым сборника неизвестных документов по делу Берии и его приближённых. Добавляет данных по этому громкому делу и одновременно появившийся сборник под редакцией О. Б. Мозохина, отличающийся неграмотным заголовком (упоминается Политбюро вместо Президиума ЦК КПСС) и отсутстви-

---

¹ Сталинские депортации. 1928–1953 / сост. Н. Л. Поболь, П. М. Полян. М.: МФД, Материк, 2005. 904 с.

² Красный террор глазами очевидцев. М.: Айрис-Пресс, 2010. 448 с.; Красный террор в Петрограде. М.: Айрис-Пресс, 2011. 528 с.; Красный террор в Москве: свидетельства очевидцев. М.: Айрис-Пресс, 2013. 496 с.; Красный террор на юге России. М.: Айрис-Пресс, 2013. 544 с.

³ Судебный процесс «Промпартии» 1930 г.: подготовка, проведение, итоги. Кн. 2 / отв. ред. С. А. Красильников. М.: РОССПЭН, 2017. С. 963.

⁴ Эхо выстрела в Смольном. История расследования убийства С. М. Кирова по документам ЦК КПСС / сост. Т. Ю. Конова. М.: МФД, 2017. 800 с.

⁵ Политбюро и «вредители»: Кампания по борьбе с «вредительством» на объектах военной промышленности / сост. В. В. Кондрашин, О. Б. Мозохин. М.: МФД, 2016. 752 с.

ем комментариев¹. Документальный характер носит публикация материалов уголовного процесса над чекистами Грузии в середине 1950-х годов, где основным обвинительным материалом выступали факты репрессий 1937–1938 гг.²

Следует отметить, что в ряде известных сборников налицо погрешности, которые могут помешать исследователям. Так, в капитальном издании документов сталинской канцелярии помещён фрагмент неправильно датированной записки ежовского заместителя М. П. Фриновского Сталину (документ № 376), которая относится к 8 декабря 1937 г., а не к 8 декабря 1938 г., а в заголовке документа № 204 вместо наркомвнудела БССР Б. Д. Бермана фигурирует его брат М. Д. Берман. Документ № 260 даёт информацию о постановлении Политбюро от 10 апреля 1931 г. в отношении дела некоего «Р», которого было предписано выслать в Саратов. Составители сборника оставили фамилию Р. нерасшифрованной, хотя речь шла о широко известном академике-марксисте Д. Б. Рязанове³.

Также следует отметить ошибочность поправки в тексте циркуляра ГУЛАГа о «чекистском обслуживании спецпереселенцев», сделанной составителями серии «История сталинского Гулага», когда во фрагменте, говорящем о передаче агентуры из системы Отдела спецпоселений в райотдел или оперативный сектор ОГПУ, вставлен предлог «в», обесмысливающий чекистскую установку: «В необходимых случаях следует передавать и [в] агентуру»⁴. Многие биографии чекистов, опубликованные в томах серии «Трагедия советской деревни» и «Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД», грешат серьёзными ошибками и неточностями.

---

¹ «Дело Берия». Приговор обжалованию не подлежит. М.: МФД, 2012. 752 с.; Политбюро и дело Берия: сб. док. М.: Кучково поле, 2012. 1088 с.

² Юнге М., Бонвеч Б. Большевицкий порядок в Грузии: в 2-х т. Т. 1: Большой террор в маленькой кавказской республике. Т. 2: Документы и статистика. М.: АИРО-XXI, 2015. 639, 652 с.

³ Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина... 1937–1938. С. 626–629, 363, 268. Также следует указать, что упомянутый Дзержинским в выступлении на конференции ВЧК в феврале 1920 г. и не расшифрованный составителями «М» (см. Архив ВЧК... С. 144) — это известный провокатор Р. В. Малиновский.

⁴ История сталинского Гулага. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов... Т. 5. Спецпереселенцы в СССР. М., 2004. С. 146.

Препятствия для обнародования документации репрессивно-карательных органов создаёт Межведомственная комиссия по защите гостайны, которая работает очень медленно и даже такой характерный источник о репрессиях, как сталинские расстрельные списки, рассекретила только в декабре 1998 г. В 2002 г. эти списки, содержащие около 44 тыс. осуждённых, в том числе сотни видных чекистов, обнародовали «Мемориал» и Архив Президента РФ, выпустив их на CD-диске. В последующие годы «Мемориал» перевёл в электронный формат существовавшие на тот момент Книги памяти жертв политических репрессий, выходящие на постсоветском пространстве, разместив в 2007 г. на CD-диске базу данных на более чем 2,6 млн репрессированных. К декабрю 2017 г. «Мемориалом» была подготовлена новейшая и более удобная для историков база данных на 3 102 тыс. жертв репрессий (5 тыс. справок снабжены портретами), охватившая примерно четверть тех, кто пострадал от действий государства. Несмотря на заведомую неполноту, эта база даёт значительные возможности исследователям.

Продолжающие выходить Книги памяти в странах СНГ (их число составляет уже 412 томов в России, 112 — на Украине, около 20 — в Казахстане) ценны не только мартирологами, но и нередкой оснащённостью солидными документальными дополнениями, обычно из чекистских архивов¹. Выделяются тщательностью подготовки тома «Ленинградского мартиролога», а также, например, том, посвящённый узницам известного Акмолинского женского лагеря². Расширение источников по данной теме демонстрирует труд рязанских историков, посвящённый послереволюционному губерньскому концлагерю. В их книге фигурирует около 10 тыс. персоналий на заключенных бывшей империи. Это прежде всего военнопленные Гражданской войны: россияне, военнопленные национальных армий (Азербайджана, Армении и Грузии), военнопленные чины Польской армии, а также участники крестьянских восстаний в Рязанской и других губерниях, заложники, политические заключенные³.

---

¹ См.: Книга памяти жертв политических репрессий: Ульяновская область / сост. и ред. Ю. М. Золотов. Ульяновск: Дом печати. 1996. Т. 1. С. 731–1015.

² Узницы «АЛЖИРА»: Список женщин-заключенных Акмолинского и других отделений Карлага. М., 2003.

³ Григоров А. А., Григоров А. И. Заключенные Рязанского губерньского концлагеря РСФСР 1919–1923 годов. М.: МИД, 2013. 384 с.

Для нашего исследования важно, что к настоящему времени полностью завершены публикации Книг памяти во многих сибирских регионах: в Алтайском и Красноярском краях, Республике Алтай, Хакасии, Якутии, Омской и Томской областях. Однако в Тюмени опубликованы только списки расстрелянных граждан, в Кемерово и Новосибирске вышли первые тома Книг памяти и их пополнение идёт крайне медленно. В ряде регионов публикуются списки «раскулаченных» (Чита, Новосибирск, Красноярск¹), но эта работа завершена только в Омском регионе².

Собственно документы сибирских органов ВЧК-НКВД можно найти в целом ряде сборников последних двух десятилетий: составленные В. И. Шишкиным «Сибирская Вандея» и др.³, томе документов по истории Алтайской губЧК, выпусках «Из истории земли Томской»⁴. В основном из документов ВЧК-НКВД состоят известные и хорошо откомментированные сборники А. И. Савина по истории религиозных и национальных меньшинств Западной Сибири⁵. Как правило, многочисленными документами из следственных дел дополняются региональные Книги памяти жертв политических репрессий.

---

¹ Книга памяти жертв политических репрессий в Восточном Забайкалье. Т. 1. Чита: Поиск, 2000. 301 с.; Книга памяти жертв политических репрессий в Новосибирской области / сост. С. А. Красильников и др. Т. 3. Новосибирск: Нонпарель, 2010. 525 с.; Аблажей Н. Н., Красильников С. А., Харатьян Г. Опыт создания Книг памяти депортированных: Проблемы и решения // Вестн. Томск. гос. ун-та. 2017. № 422. С. 60–67.

² Крестьянская Голгофа: книга памяти репрессированного крестьянства Омской области. В 5 кн. / ред.-сост.: Е. В. Гацура, Т. Г. Четверикова и др. Омск, 2013–2015.

³ Сибирская Вандея. Вооруженное сопротивление коммунистическому режиму в 1920 году / сост. и ред. В. И. Шишкин. Новосибирск: Олсиб, 1997. 710 с.; За Советы без коммунистов: Крестьянское восстание в Тюменской губернии. 1921: сб. док. / сост. и ред. В. И. Шишкин. Новосибирск: Сиб. хронограф, 2000. 744 с.; Процесс над колчаковскими министрами. Май 1920 / сост. В. И. Шишкин. М.: МФД, 2003. 672 с.

⁴ «Руководствуясь революционной совестью...»: сб. док. по истории Алтайской губЧК 1919–1922. Барнаул, 2006; Из истории земли Томской 1917–1921. Народ и власть: сб. док. и мат-лов / сост. Б. П. Тренин и др. Томск, 1997; Из истории земли Томской 1921–1924. Народ и власть: сб. док. и мат-лов. / Сост. Б. П. Тренин и др. Томск, 2000; Из истории земли Томской. 1925–1929. Народ и власть: сб. док. и мат-лов / сост.: В. И. Марков, Б. П. Тренин. Томск, 2000 и др.

⁵ Советское государство и евангельские церкви Сибири в 1920–1941 гг.: док. и мат-лы. Новосибирск; СПб., 2004. 427 с.; Этноконфессия в советском государстве. Меннониты Сибири в 1920–1980-е годы: аннотир. перечень архив. док. и мат-лов. Избранные документы. Новосибирск; СПб., 2006. 496 с.; Этноконфессия в советском государстве. Меннониты Сибири в 1920–1930-е годы. Эмиграция и репрессии: док. и мат-лы. Новосибирск, 2009. 752 с.

В регионах продолжается интенсивное наращивание публикаций документов об истории ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД¹. На определённую отчуждённость рядовых партийцев от органов ВЧК указывает очень информативный фрагмент из обращения Владимирского губкома в апреле 1921 г. в ЦК РКП(б), в котором подчеркивалось, что члены губернской парторганизации, возвратившиеся с подавления Кронштадтского мятежа, «вынесли из этой истории весьма тяжёлое впечатление», которое отразилось на всей организации в форме всеобщей апатии и растерянности. В первую очередь, коммунистов, участвовавших в подавлении мятежников, поразила массовость восстания и участие в нём не только *всех* рабочих, но и значительной части коммунистов. Далее, отмечалось в письме, поразило их и отсутствие связи кронштадтцев с белогвардейским Западом, а также отказ от предложенной Финляндией помощи войсками и продовольствием. Окончательно же потрясли коммунистов «массовые расстрелы рабочих и матросов-кронштадтцев, потерявшие смысл необходимого, может быть, террора в силу уже того, что они проводились негласно»².

Часть особенно жестоких эксцессов карательной политики стала предметом отдельных исследований, например, история Соловецкого концлагеря, массовой гибели ссыльных в 1933 г. в Нарымском крае на о. Назино или аспекты Большого террора³. Уникальным источником, до сих пор представленным только документами Кузбасса, являются материалы протоколов городских партколлегий Кемерово и Сталинска (Новокузнецка) 1920–1930-х годов. Хотя они изданы без достаточного научного аппарата, но дают ценный материал и по политической, и по социальной истории, в том числе по кадрам ВЧК-ОГПУ-НКВД и милиции⁴.

---

¹ В Сибири см.: Возвращение памяти: альм. Вып. 1–3. Новосибирск, 1992–1997; Показания Павла Дмитриевича Яковлева / публ. и вступ. ст. Е. Б. Шободоева // Сиб. архив: Арх. док-ты. Публикации. Факты. Комментарии: научно-попул. историко-краевед. сб. Иркутск, 2000. Вып. 1. С. 36–63; Операции НКВД. Из хроники «большого террора» на Томской земле: сб. док. и мат-лов. Т. 1, 2. Томск: М., 2006; Письма во власть в эпоху революции и гражданской войны (март 1917 — май 1921 г.): сб. док. / сост. В. И. Шишкин. Изд. 2-е, доп. Новосибирск: Автограф, 2015. 421 с. и др.

² Павлюченков С. А. «Орден меченосцев»... С. 78–79.

³ 1933 г. Назинская трагедия: док. науч. изд. / сост. С. А. Красильников. Томск: Водолей, 2002. 224 с.

⁴ Бедин В., Кушникова М., Тогулев В. Кемерово и Сталинск: Панорама провинциального быта в архивных хрониках 1920–1930-х гг. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1999. (Документальное наследие Кузнецкого края. Вып. 4). 632 с.; Бедин В., Кушникова М., Тогулев В. От Кузнецкого острога до Кузнецкстроя. Три тысячи имен в архивных и библиографических источниках. Кемерово, 1998. 460 с.

Принципиальным шагом в изучении массовых репрессий стало изучение карательного механизма в рамках крупного российско-украинско-германского проекта «Сталинизм в советской провинции. 1937–1938 гг.». Исследования и многочисленные документы, опубликованные в серии сборников (2008–2010 гг.), описывают проведение «кулацкой операции» 1937–1938 гг. в Центре, Алтайском крае, Новосибирской и Пермской областях, а также в Украинской ССР. Расширив географию изучения террора, участники данного проекта выявили сходство методов его проведения и основных целевых групп, подвергшихся репрессиям: «кулаков», «бывших», старой интеллигенции, лиц, связанных с политическими партиями и заграницей, маргиналов. При этом значительное внимание уделено деятельности аппарата политической полиции и судьбам его активистов и исполнителей. Благодаря массовому рассекречиванию документов Службой безопасности Украины участники проекта получили в своё распоряжение и обнародовали ценнейшие материалы делопроизводства 1936–1939 гг. из фондов такой крупной репрессивной структуры, как НКВД УССР¹.

Крайне важно пополнение источниковой базы советского периода документами, рассекречиваемыми в республиках бывшего СССР. Это в известной мере компенсирует медленное введение в доступ документов спецслужб в России. В вышедших, к примеру, на Украине сборниках раскрывается содержание разных сюжетов: голодомор, репрессивная статистика, преследования верующих, национально ориентированных украинцев и других этнических групп, чекистские спецсообщения, агентурные дела на видных деятелей культуры. В книге «Голодомор 1932–1933 годов на Украине по документам ОГА СБУ. Аннотированный сборник» раскрыто содержание всех рассекреченных документов СБУ, освещающих причины и последствия голода на Украине, приведён именной указатель фигурирующих в документах сотрудников ГПУ УССР². В сборнике «Украина во времена “большого террора”: 1936–1938 годы» приведены

---

¹ Массовые репрессии в Алтайском крае 1937–1938 гг. Приказ № 00447 / сост. Г. Д. Жданова, В. Н. Разгон, М. Юнге, Р. Биннер. М.: РОССПЭН, 2010. 751 с.; «Через трупы врага на благо народа». «Кулацкая операция» в Украинской ССР: 1937–1941 гг.: в 2 т. М.: РОССПЭН, 2010.

² Остання адреса: Розстріли соловецьких в'язнів з України у 1937–1938 роках: в 2 т. К.: Сфера, 2003; Органи державної безпеки на Полтавщині (1919–1991) / упоряд. Л. Л. Бабенко, С. С. Бабенко, І. В. Євдокимова, М. М. Петренко. Полтава: АСМІ, 2005; Великий терор в Україні. «Куркульська операція» 1937–1938 рр. / упоряд. С. Кокін, М. Юнге. Т. 1, 2. К., 2010.

очень важные документы из чекистских архивов¹. В книге «Руководители украинской внешней разведки» впервые собрана и систематизирована информация о руководителях внешней разведки с 1917 г. по сегодняшний день². Ценен сборник из документов ГПУ и КП(б)У, включающий обширные выдержки из следственных дел и демонстрирующий инспирированный Сталиным натиск государства на колеблющихся местных руководителей, вынужденных организовывать грабительские хлебозаготовки и фактически подготавливать голодомор³. Можно отметить и другие информативные публикации⁴.

Сообщения итальянских, латвийских и немецких дипломатов, работавших в СССР, содержат немало информации о деятельности ОГПУ-НКВД⁵. Сборник «Миссия в Москве»⁶ составлен из 106 донесений латвийской миссии в Москве президенту и министру иностранных дел Латвии за 1935–1937 гг., показывающих хорошую осведомлённость латвийских дипломатов о внутренней и внешней политике СССР.

Апогею коммунистического террора в Молдавии посвящён объёмистый сборник документов спецслужб⁷. Здесь важно отметить, что с 2010 г. был облегчён доступ к фондам госбезопасности и

---

¹ Україна в добу «Великого терору»: 1936–1938 роки. К., 2009.

² Керівники української зовнішньої розвідки. К., 2010.

³ Партійно-радянське керівництво УСРР під час голодомору 1932–1933 рр.: Вожді. Працівники. Активісти: сб. док. та мат-лів / упоряд. В. Васильєв, Н. Верт, С. Кокін. К.: Інститут історії України НАН України, 2013. 444 с.

⁴ Лошицький О. «Лабораторія». Нові документи і свідчення про масові репресії 1937–1938 років на Вінниччині // З архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ. 1998. № 1/2. С. 183–227. Он же. «Лабораторія–2». Полтава. Документальні матеріали про масові репресії в Полтавській області у 1937–1938 рр. // З архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ. 2000. № 2/4. С. 129–178; Шевченко О. Органи державної безпеки Київщини (1919–1991) у фотографіях і документах. К., 2004. 326 с. и др.

⁵ См.: Листи з Харкова. Голод в Україні та на Північному Кавказі в повідомленнях італійських дипломатів. 1932–1933 роки / упоряд. А. Граціозі. Харків: Фолю, 2007. 255 с.

⁶ Миссия в Москве. Донесения латвийских дипломатов из СССР, 1935–1937 гг.: док. и мат-лы / авт.-сост. Н. Н. Кабанов; под ред. В. В. Симиндея; Рос. ассоц. прибалт. исслед.; фонд «Ист. Память». М.: Рус. кн. (Паблит), 2016. 392 с.

⁷ Asasinările în masă din RASSM în perioada Marii Terori. 1937–1938. Documente desecretizate din arhivele MAI și SIS ale Republicii Moldova / ed. I. Varta, T. Varta, I. Șarov. Vol. I, Chișinău, Editura Arc, Cartdidact, 2010. 828 p. [Массовые расстрелы в МАССР в период Большого Террора. 1937–1938 гг. Рассекреченные документы из архивов МВД и СИБ Республики Молдова / ред. Ион Варта, Татьяна Варта, Игорь Шаров. Т. 1. Кишинёв, 2010. 828 с.]

внутренних дел в Молдавии. В ряде авторитарных стран СНГ проблемы советского террора изучаются довольно поверхностно, но поток исследований и документальных публикаций в последнее десятилетие и там заметно растёт¹. Так, в Узбекистане в 2005–2008 гг. издано четыре выпуска сборника «Репрессия: 1937–1938 гг.: документы и материалы», составленные Р. Шамсутдиновым и др., куда, в частности, включены протоколы заседаний тройки НКВД.

Существенно расширяет исследовательские возможности Интернет. В его сетях выкладываются ценные документы, в том числе те, которые нигде до того не публиковались. Блокноты бывшего сотрудника КГБ А. Васильева, содержащие обширные выписки из дел советской резидентуры в США и находящиеся сейчас в открытом доступе², позволяют увидеть уникальные факты, свидетельствующие о работе ОГПУ-МГБ за рубежом. Среди наиболее информативных интернет-журналов следует отметить блоги О. Б. Мозохина (mozohin.ru), А. А. Бабия (krasmem.livejournal.com); И. Р. Петрова (labas.livejournal.com), Д. В. Соколова (d-v-sokolov.livejournal.com), М. Ю. Наконечного (corporatelie.livejournal.com), Д. В. Карагодина (blog.stepivanovichkaragodin.org), К. В. Скоркина (vk.com/sovethistory с биографиями чекистов и работников карательных структур), а также Allin777 и других, активно публикующих документы по ленинскому и сталинскому периодам. Имеют значение для историков характеристики и описания документов и наград исторических персонажей, появляющиеся на различных сайтах коллекционеров. Заметным событием стало появление в сетевом доступе очень важного архива крупного чекиста 1920–1930-х годов С. А. Болотова.

Исключительное значение имеет публикация в конце 2016 г. на сайте общества «Мемориал» базы на почти 40 тыс. оперативных сотрудников НКВД СССР второй половины 30-х годов, подготовленной независимым исследователем А. Н. Жуковым. Она говорит о том, что репрессиям было подвергнуто немногим более 10 % кадров гос-

---

¹ Политические репрессии в Казахстане в 1937–1938 гг.: сб. док. / сост. И. Н. Бухонова, Е. М. Грибанова и др. Алматы: Казакстан, 1998. 333 с. [На рус. и каз. яз.]; Красный террор: Политическая история Казахстана: сб. док. мат-лов полит. репрессий 20–50-х годов XX века / сост. М. К. Койгелдиев и др. Алматы: Дайк-пресс, 2008. 307 с.; Дулатбеков Н. О., Жумадилова Н. Т. Карлаг: творчество в неволе. Художники, музеи, документы, памятники (на рус., каз., англ. яз.) Караганда: Мемориал, 2009. 248 с.

² http://legacy.wilsoncenter.org/va2/docs/Odd_Pages_Transcribed.pdf; http://legacy.wilsoncenter.org/va2/docs/Yellow_Notebook_No.1-4_Transcribed.pdf; <http://legacy.wilsoncenter.org/va2/docs/Black%20Notebook%20Transcribed.pdf>; http://legacy.wilsoncenter.org/va2/docs/White_Notebook_No.1-3_Transcribed.pdf

безопасности, причём зачастую за общеуголовные преступления и издевательства над законностью. Данная база постоянно дополняется и уточняется, оказывая существенную помощь исследователям и общественности.

Работа с источниками советского периода требует определённых навыков. Квалифицированные исследователи справедливо обращают внимание на крайнюю идеологическую ангажированность такого рода источников, изначально искажавших смысл многих событий. Посредством особого табуированного языка они создают специфическое видение реальности, «соответствующее искажённому сознанию тех, кому эти документы адресованы». При этом материалы архивно-следственных дел являются максимально фальсифицированными¹.

Поэтому серьёзной источниковедческой проблемой остаётся откровенное неумение работать с тенденциозными источниками спецслужб, проявление слепого доверия к ним. Это наглядно продемонстрировали А. А. Зданович и его коллеги при подготовке крупноформатной публикации трофейных документов польской разведки. Авторы предлагают абсолютно некритический обзор сомнительных источников, подтверждающих самые махровые версии специалистов эпохи ОГПУ-НКВД. Публикаторы верят, что нижеперечисленные «националистические организации» действительно существовали, хотя на деле являлись крупными и давно разоблачёнными чекистскими провокациями: «...Как следует из дел Экспозитуры-2, таковыми [успехами ОГПУ] были: ликвидация “Союза вызволения Украины” и организации академика Ефремова на Украине, Вели Ибрагимова² — в Крыму, Султан-Галиева — в Татарской АССР, Касымова — в Туркмении». Также они смело пишут, что «в конце 1920-х — начале 1930-х гг. ведомство украинского наркома внутренних дел (на деле это было ГПУ УССР — А. Т.) В. А. Балицкого провело целую серию громких разоблачительных процессов, широко освещавшихся в советской печати, на которых был предъявлен обширный компромат против польской разведки и её украинской националистической агентуры». Репрессированные лидеры Компартии Западной Украины цинично именуются «диверсантами, которые пробрались в СССР для проведения продолжительной провокации в КПП и КПЗУ <...> Нередко эмиссары и курьеры Экспозитуры-2... творили пору-

---

¹ Павлова И. В. Понимание сталинской эпохи и позиция историка // Вопр. истории. 2002. № 10. С. 6, 8.

² Более распространённое написание фамилии — Ибраимов.

ченное им дело по проведению акций саботажа, диверсий, жестоких убийств и т. п.»¹.

Поток документальных публикаций с каждым годом укрепляет позиции исследователей истории органов госбезопасности. Особенно большой материал предоставляют информационные сводки ВЧК-НКВД, материалы следственных дел и сведения о чекистских кадрах. Вместе с тем недостаточно обнародовано сведений об агентурно-оперативной работе «органов», а также их разведывательной и контрразведывательной деятельности. Отдельной проблемой является вопрос о достоверности публикуемых материалов, поскольку на историческом поле заметна активность фальсификаторов, фабрикующих документы спецслужб.

Следует отметить, что часть источников советского периода была сфабрикована и до сих пор компрометирует труды тех исследователей, которые их используют. Власть специально фабриковала документы, обеляя репрессивную политику, и это не только материалы политических процессов. Ем. Ярославский, Сталин и Молотов сочинили вопросы и ответы местоблюстителя патриаршего престола РПЦ Сергия, опубликованные в советской прессе 16 февраля 1930 г. в ответ на протест папы римского против репрессий на христиан. От имени Сергия было цинично объявлено, что «гонений на религию в СССР никогда не было и нет»². В 1938 г. нарком иностранных дел СССР М. М. Литвинов официально объявил, что дипломат-перебежчик Ф. Х. Бутенко является самозванцем и не имеет отношения к кадрам НКВД³. В стенограмме процесса «правотроцкистского блока» выступления основных подсудимых были произвольно сокращены, а также дополнены вставками, усиливавшими их вину⁴.

Подложные документы прикрывали и некоторые кадровые решения власти. Так, для маскировки связи Коминтерна со спецслужбами бывший зампред ОГПУ М. А. Трилиссер, назначенный летом

---

¹ Былинин В. К., Зданович А. А., Коротаев В. И. Организация «Прометей» и «прометейское» движение в планах польской разведки по развалу России/СССР // Труды О-ва изучения истории отечеств. спецслужб. М.: Кучково поле, 2007. Т. III. С. 318–414. В своём последнем труде Зданович повторил все вышеуказанные нелепые обвинения: Зданович А. А. Польский крест советской контрразведки... С. 396–400.

² Курляндский И. А. Наш ответ Римскому Папе. Как тт. Сталин, Ярославский и Молотов в 1930 году писали «интервью» митрополита Сергия и его Синода // Полит. журн. 2008. № 6–7.

³ Правда. 1938. 13 февр.

⁴ Процесс Бухарина. 1938 г.: сб. док. / ред. Ж. В. Артамонова, Н. В. Петров. М.: МФД, 2013. С. 858.

1935 г. членом президиума и секретарём ИККИ, был официально обозначен как Москвин (без санкции Сталина, отдохавшего на курорте), что вызвало в первый момент недоумение вождя¹.

Дезинформация известного сибирского публициста В. И. Анучина, сфабриковавшего «письмо» барона Р. Унгерна от весны 1921 г. с предложением Анучину возглавить общесибирскую власть² проникла в труды самых серьёзных исследователей, строивших на ней далеко идущие гипотезы о желании Кремля отдать Сибирь белым в обмен на поставки продуктов³. Ради обозначения связи белых с эсерами цитирует как подлинное это письмо и современный омский историк⁴. Между тем убедительно доказано, что так называемое «письмо» даурского барона и основная часть переписки с М. Горьким — выдумка авантюриста Анучина⁵.

Также следует иметь в виду, что в последние полтора десятилетия в оборот было вброшено несколько сенсационных «документов» якобы из архивов ЦК и госбезопасности. Это так называемые письма Ленина, соглашение о совместной работе НКВД и гестапо, инструкция по кадровой работе НКВД и т. п., которые были очень кустарно сфабрикованы «патриотической» печатью⁶. Однако распространённость их вышла за пределы маргинальных националистических кругов. Автор популярной книги о Сталине В. В. Карпов процитировал не только эти «документы», но и сочинённую им самим справку Берии для Сталина о количестве репрессированных в 1919–1940 гг., среди которых якобы 90 % составляли евреи⁷. Приходится констатировать, что фальшивки широко «пошли в народ», проникая

---

¹ Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936. С. 531, 537.

² Бударин М. Е. Были о чекистах. Омск, 1976. С. 185–186.

³ Павлюченков С. А. Крестьянский Брест, или Предыстория большевистского нэпа. М.: Рус. книгоизд. тов-во, 1996. С. 263.

⁴ Штырбул А.А. Партийно-политические ориентации в партизанско-повстанческом движении Сибири (первые годы НЭПа) // Доклады Академии военных наук. Партизанская и повстанческая борьба: опыт и уроки XX столетия. Саратов, 2009. № 3 (38). С. 46.

⁵ Козлов В. П. Обманутая, но торжествующая Клио. Подлоги письменных источников по российской истории в XX веке. М.: РОССПЭН, 2001. 224 с.; Азадовская Л. В., Азадовский К. М. История одной фальсификации. М., 2011. 263 с.

⁶ См.: «Генеральное соглашение между НКВД и гестапо» и инструкцию «Об основных критериях при отборе кадров для прохождения службы в органах НКВД СССР» в: Расовый смысл Русской идеи: сб. ст. М.: Белые альвы, 2000. Вып. 1. 496 с.; Семанов С. Сталин. Уроки наследия // Наш современник. 1999. № 12. С. 212–221.

⁷ Костырченко Г. В. Расовые инструкции Берии. По поводу публикации одной фальшивки // Лехаим. 2002. № 5. С. 70–75.

и в самую высокопрофессиональную научную среду. Например, Р. Ш. Ганелин с полным доверием процитировал «договор НКВД с гестапо» и приписываемую Сталину фразу о неизбежной посмертной мести ему со стороны сионистов, поверив также в доказательство мифических переговоров СССР и Германии в феврале 1942 г.¹

Один из остепенённых авторов с полным доверием к постулатам относительно недопустимости принятия в НКВД лиц с примесью еврейской крови, а также рыжих, косых, рябых, длиннозубых и хромых заявил, что ныне «при принятии кандидата на государственную гражданскую службу необходимо... по возможности применять некоторые положения инструкции № 00134/13 от 21 декабря 1938 г. “Об основных критериях при отборе кадров для прохождения службы в органах НКВД”, поскольку данная «инструкция позволяет избежать поступления на государственную службу психически неустойчивых и сомнительных кандидатур»². Полгода спустя журнал, опубликовавший эту лженаучную статью, пополнил ВАКовский список. Украинские историки медицины, напротив, отметили «псевдонаучные и дискриминационные» подходы инструкции, не сомневаясь при этом в её существовании и практическом применении³.

Публицистом-«патриотом» Г. Назаровым были сфабрикованы косноязычные письма Ленина о его «заключении» во время болезни⁴, с приказами о расстреле миллиона пленных казаков, о массовых расстрелах духовенства, которые опять же благодаря неразборчивости иных доверчивых исследователей получили распространение не только в Интернете и популярных трудах⁵. В отдающем конъюнктурой исследовании О. А. Ивановой о репрессиях в Татарстане (официальный оппонент — маститый профессор А. Л. Литвин)

---

¹ Ганелин Р. Ш. Нападение на СССР — гитлеровская борьба с «мировым еврейством». Еврейский вопрос в советской политике // СССР и Германия перед войной. Отношения вождей и каналы политич. связей. СПб.: Изд. дом СПбГУ, 2010. С. 107–113.

² Качелин А. С. Формирование кадров государственной службы как класса: от Петра I до настоящего времени // Науч. вестн. Урал. акад. гос. службы. Вып. 1 (10). Май 2010.

³ Абрамов А. В., Семенюк Н. А., Олефиренко В. Л. История зарождения, становления и развития военно-врачебной экспертизы (до начала Великой Отечественной войны) // Журн. психиатрии и мед. психологии. Изд. Донецк. гос. мед. ин-та. 2006. № 1 (16).

⁴ Чудеса и приключения. 1999. № 6. С. 34–35.

⁵ См. цитаты в: Павлова И. В. Механизм власти и строительство сталинского социализма. Новосибирск, 2001; Петрушин А. А. Тюмень без секретов, или Как пройти на улицу Павлика Морозова. Тюмень, 2011. С. 134–135.

не только не оказалось упоминаний работ основного и независимого исследователя Большого террора в Татарии А. Ф. Степанова, но и цитируются вымыслы Г. Назарова — распоряжение от мая 1919 г. Ленина и Калинина Дзержинскому о необходимости путём расстрелов «как можно быстрее покончить с попами и религией»¹.

С целью реабилитации Сталина были сфабрикованы документы и об изменении антицерковной политики после 1939 г., прекратившей организованный террор НКВД против РПЦ. Первая книжная публикация сведений о выдуманном постановлении ЦК ВКП(б) 11 ноября 1939 г. «признать нецелесообразной впредь практику органов НКВД в части арестов служителей русской православной церкви, преследования верующих» была предпринята в мемуарах маршала Д. Т. Язова². И уже целый ряд докторов наук на основе этих фальшивок сформулировал свои важнейшие историософские выводы о природе церковно-государственных отношений в 30-е годы (В. А. Алексеев, С. И. Васильцов, А. И. Вдовин, Ю. А. Катунин, Н. А. Нарочницкая). Абсолютная несостоятельность данных «документов» убедительно доказана авторитетными исследователями³. В недавние годы коммерческим издательством были обнародованы поддельные дневники Берии⁴ и одного из придуманных исполнителей приговоров⁵, эксплуатирующие интерес публики к острым темам советской истории. И вновь некоторые историки оказались не в состоянии отличить абсолютно фальшивый источник от подлинного, ссылаясь на мифический «дневник» Берии как на один из источников своего диссертационного исследования⁶. В связи с популярностью приведённых «документов» историки должны быть готовы к появлению подобных фальшивок и далее.

---

¹ Иванова О. А. Из истории политических репрессий в Татарской АССР (конец 1917 — начало 1950 годов XX века): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2009. С. 20–21.

² Язов Д. Т. Удары судьбы. Воспоминания солдата и маршала. М.: Книга и бизнес, 2002. С. 43–46.

³ Курляндский И. Протоколы церковных мудрецов. К истории мнимого поворота Сталина к религии и Православной Церкви в 1930-е годы // Полит. журн. 2007. 13 дек.

⁴ Берия Л. П. «Сталин слезам не верит». Личный дневник 1937–1941. М.: ЭКСМО, 2011. 320 с.

⁵ Фролов П. Откровения палача с Лубянки. Кровавые тайны 1937 г. М.: ЭКСМО, 2011. 256 с.

⁶ Тужилин С. В. Деятельность органов государственной безопасности СССР на Дальнем Востоке по обеспечению обороноспособности страны накануне Великой Отечественной войны (1938–1941 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Хабаровск, 2012. С. 14.

Отметим, что сознательная фальсификация исторических источников о деятельности спецслужб и красным, и белым, и белоэмигрантским лагерем постоянно имела место. Однако следует учесть, что появлявшиеся среди белой эмиграции даже заведомо фальшивые источники восходили к реальным операциям советских спецслужб и, являясь сфабрированными, на деле доносили отзвуки исторической правды о методах чекистской работы, тщательно скрываемой советскими властями.

Специфический вид чекистского делопроизводства — информационные материалы местных органов ВЧК-НКВД, готовившиеся для местных властных структур. Обычно насыщенные ценной информацией, они ориентированы на сбор негативного материала, тенденциозны (сообщают о фантомных заговорщицких организациях и якобы антисоветской деятельности многих конкретных лиц), а в некоторых случаях опираются лишь на информацию партийно-советских органов и не основываются на первичной агентурной информации. Однако в них очень много данных о проблемах регионов (от районов до краёв), об их усугублении вследствие некомпетентности многих советских управленцев. При заданности рамок негласного и открытого сбора информации — крайне пристрастной, предельно политизированной и часто фальсифицированной полностью либо частично — потенциал этих сводок ограничивается, но остаётся тем не менее высоким за счёт большого процента достоверной или относительно правдивой информации. Анализ сводок и ВЧК-ГПО, и ОГПУ-НКВД, и местных органов ВЧК-ОГПУ-НКВД (где то и дело фигурируют надуманные заговоры, а также тенденциозно поданные факты и оценки) требует, чтобы данный вид источников дополнялся другими. Тогда тенденциозные информационные материалы будет возможно вписать в общий контекст, получая — при отсеке ложных и сомнительных фактов — более или менее объективные наблюдения за обществом.

Специфика деятельности любых спецслужб состоит в отыскании явных и скрытых, потенциальных и реальных угроз для действующей власти. Однако деятельность ВЧК-НКВД была нацелена на решение сверхзадачи: поиска всех, включая потенциальных, врагов социализма и большевистской власти¹. Провал политики военного коммунизма и готовность населения к повстанческой активности

---

¹ Гатаулина И. А. Новые источники по социально-политической истории средневолжской деревни в 1920-е годы // Изв. Самар. науч. центра РАН. Т. 10. № 1. 2008. С. 193.

против коммунистов показали, что привлекательные для масс революционные лозунги и практики социальной мобилизации должны быть подкреплены готовностью правящих кругов применять широкие репрессии в случае угрозы существованию режима. Исходя из ведомственных соображений, чекисты в своих спецсообщениях нарочно сгущали краски, представляя не только более или менее объективную картину постоянного народного недовольства коммунистическими порядками, но и вымышленную готовность к участию в различных заговорах со стороны значительной части населения, на деле занимавшего, как правило, конформистскую позицию и не шедшего дальше словесной критики. Так, в чекистских спецсообщениях можно выделить в большинстве своём верные указания на неадекватность тех или иных лиц и социальных групп к мероприятиям большевиков, объективные сведения о высказываниях, публичных выступлениях, вооружённых восстаниях, а также чаще всего ложные сведения о подготовке антиправительственных заговоров. Поскольку почти все восстания советского периода носили стихийный характер, чекисты обычно не могли предугадать их возникновения, поэтому в спецсообщениях «органов» виден разрыв между информацией о реальном, но неожиданном для властей повстанчестве и ложными агентурными сведениями о подготовке новых заговоров и восстаний, что является характерной особенностью чекистских документов, как информационно-аналитических, так и следственных.

Порой сами чекисты оправдывались перед руководством за спешные и ложные сообщения. В мае 1930 г. руководящие работники полпредства ОГПУ по Сибкраю перехитрили сами себя и были вынуждены доложить в СОУ ОГПУ, что высланные пятью днями ранее сведения о наличии повстанческих «банд» в Рыбинском и Усть-Ишимском районах Омского округа и Викуловском районе Ишимского округа не подтвердились. Оказалось, что за «бандитскую разведку» в с. Верхаетовском агентура приняла «разведку Ишимского оперотряда [полпредства ОГПУ по Уралу], которая высылалась на нашу территорию без уведомления». Чекисты сообщали, что паникёры привлекаются к ответственности, брошенный в районы отряд войск ОГПУ возвращён в Омск, но он успел выявить две небольшие «кулацкие бандгруппы»¹.

Историк должен замечать в изучаемом документе чекистскую дезинформацию, проистекающую из опоры сотрудников госбезо-

---

¹ ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 219. Л. 567.

пасности на недостоверные источники и неумения точно оценивать добытые агентурой сведения. Следы не критического восприятия разведывательных сообщений 20-х годов сохранились в исторической литературе. Так, в 1964 г. А. Н. Кислов писал о фантастических совещаниях вождей Белого движения на востоке России — Г. Семёнова, Р. Унгерна, Б. Анненкова и А. Бакича под эгидой японского генштаба: «Шла тщательно задуманная разработка больших планов нового вторжения белогвардейцев и интервентов в Советскую Россию и в Дальневосточную Республику (ДВР). С этой целью зимой и весной 1921 г. японский генеральный штаб неоднократно созывал специальные совещания белогвардейских атаманов и генералов-эмигрантов: Семёнова, Унгерна, Бакича, Анненкова и др.»¹. Сегодняшний историк спецслужб вновь воспроизводит эту дезинформацию².

Качество многих разведывательных материалов продолжало оставаться невысоким и в 30-е годы, отражая как зависимость ОГПУ-НКВД от мнений партийной верхушки относительно скорой интервенции со стороны ряда европейских стран или Японии, так и нередкую опору «органов» на сомнительные агентурные источники. В конце 20-х годов на советское руководство произвёл глубокое впечатление так называемый «меморандум Танаки». В марте 1932 г. зампред ОГПУ В. А. Балицкий и начальник ИНО ОГПУ А. Х. Артузов информировали Сталина о беседе источника (на деле — авантюриста) с руководителем польского Генштаба, который сообщал о подготовке плана интервенции против СССР со стороны Франции³. Начиная с 1934 г. Сталин по каналам политической и военной разведок постоянно получал информацию о более чем вероятном нападении Японии на СССР. Так, летом 1934 г. завербованный ОГПУ мексиканский консул в Шанхае Морисио Фреско сообщил советскому резиденту, что «по данным из итальянских кругов, Чан Кайши получил известия о том, что Япония начнёт войну с СССР через один-два месяца»⁴. Подобные «проколы» усиливали подозрительный скептицизм Сталина к разведчикам. В начале 40-х годов немецкая контрразведка подставила резидентуре ИНО НКВД в Берлине двойника,

---

¹ Кислов А. Н. Разгром Унгерна. М.: Воениздат, 1964. С. 23.

² См.: Плеханов А. М. ВЧК-ОГПУ: Отечественные органы государственной безопасности в период новой экономической политики. 1921–1928. М.: Кучково поле, 2006. С. 60.

³ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 185. Л. 11–14, 65–70.

⁴ Панцов А. В. Мао Цзэдун. М.: Мол. гвардия, 2007. С. 420.

дававшего успокоительную информацию о военных приготовлениях нацистов, которая доходила до Сталина и помогала ему формировать уверенность о невозможности нападения Германии в 1941 г. Слабость аналитической службы ОГПУ-НКВД и военной разведки определялась подозрительностью Сталина, который предпочитал лично анализировать первичные разведывательные донесения и делать выводы об их ценности¹.

Исследователи, публикующие документы, далеко не всегда способны надёжно оценить достоверность материалов, вводимых ими в научный оборот. Важный для историков сборник «Дальневосточная политика Советской России»² содержит много очень ценных, но крайне поверхностно откомментированных документов с тенденцией восхваления советской политики и позицией умолчания о неудобных эпизодах (например, цитируется небольшой фрагмент приговора по делу Я. И. Тряпицына и его сподвижников в 1920 г., но не говорится об уничтожении партизанами половины населения Сахалинской области, о чём также сказано в данном документе). Часть приведённых составителями документов ВЧК и ГПО ДВР явно недостоверна и отражает неудовлетворительное состояние осведомительной сети этих организаций. Другие сборники могут содержать крупные подборки чекистских оперативных и информационных документов, очень важных для понимания региональной истории, но лишённых серьёзных комментариев³.

В основе официальных мнений о политических противниках большевиков, распространявшихся среди руководства страны и населения, была ложь, сфабрикованная чекистами. Это касалось масштабов вооружённого и идейного сопротивления, целей противника, который представлялся могущественным, коварным, непримен-

---

¹ Характерно, что точно так же поступает и президент России В. В. Путин: «Я никогда не использую аналитические материалы, которые предоставляют мне разведслужбы. Я всегда читаю отдельные документы». Президент России рассказал о своём отношении к Березовскому и Ходорковскому [Электронный ресурс]. URL: https://lenta.ru/news/2017/06/16/putin_ber_hod/

² Дальневосточная политика Советской России (1920–1922 гг.): сб. док. Сиб. бюро ЦК РКП(б) и Сиб. рев. комитета / сост. В. С. Познанский, М. П. Малышева. Новосибирск: Сиб. хронограф, 1996. 370 с. Правда, здесь следует отметить, что в середине 90-х годов было бы крайне трудно подготовить обстоятельный комментарий к недавно рассекреченным документам.

³ Неизвестная Карелия: документы спецорганов о жизни республики, 1921–1940 гг. / сост.: А. В. Климова и др. Петрозаводск: Карел. науч. центр РАН, 1997. 368 с.; Строго секретно. Омское Прииртышье в политических информационных сводках 1920–1930 гг. Омск: Мир увлечений, 2011. 592 с.

но связанным с иностранными разведками и вездесущим. Чекистская дезинформация была многогранной, нередко внешне правдоподобной, широко распространялась и пропагандировалась, поэтому поныне часто фиксируется в научных публикациях, включая новейшие работы квалифицированных исследователей. До сих пор распространена ложь о 25 тыс. якобы расстрелянных и замученных белыми в Екатеринбургской губернии в 1918–1919 гг.¹, хотя реальное число жертв было примерно на порядок меньшим. Таким же неосновательным является указание в новейшей литературе (из-за опоры на официальные публикации чекистских источников), что крестьянским Зазейским восстанием в январе 1924 г. на территории семи волостей Амурской губернии руководили мифические «царский генерал Алексеев» и полковник Метелица².

Отдельно следует сказать об информационном потенциале агентурных материалов. Данные источники представляют собой уникальный комплекс документов, позволяющий получать информацию о скрываемых настроениях и намерениях людей, в том числе известных. В российских публикациях обращают на себя внимание записи бесед внутрикамерного агента с маршалом В. К. Блюхером, а также уникальные материалы справки по делу о военном заговоре в РККА³ и донесения о настроениях советских писателей первой половины 30-х годов. Надо учитывать, что при всей важности агентурных материалов значительная часть данных в них является ложной или тенденциозно искажённой. Несмотря на формальный запрет вмешиваться в подготовку информации агентом, кураторы часто оказывали на сексотов прямое давление, включая угрозы расправиться, если в их показаниях не было необходимых чекистам «зацепок» об антисоветской деятельности разрабатываемых лиц. По словам начальника УНКВД по Новосибирской области, в конце 1938 г. подобные ненужные донесения не подшивались в рабочее дело агента, а отправлялись в уборную для использования в качестве туалетной бумаги⁴.

---

¹ Нарский И. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М.: РОССПЭН, 2001. С. 241; Дамье В. В. Стальной век: Социальная история советского общества. М.: ЛИБРОКОМ, 2013. С. 50.

² Наше Отечество. Ч. II / сост. С. В. Кулешов, О. В. Волобуев и др. М.: ТЕРРА, 1991. С. 186; Шевченко В. Девяносто лет назад произошло самое массовое на Дальнем Востоке Зазейское восстание // Амур. правда. 2014. 4 февр.

³ Военные архивы России. Вып. 1. М., 1993. С. 30–113.

⁴ Тепляков А. Г. Персонал и повседневность Новосибирского УНКВД в 1936–1946... С. 258.

К сожалению, такие уникальные по информационной ценности источники, как оперативные (рабочие) и личные дела агентуры, периодически уничтожались как не подлежащие длительному хранению — в соответствии с ведомственными нормативными актами. Однако есть несколько видов документов, где подобные материалы цитируются, подчас целиком или в обширных выдержках, например, в тех сообщениях, которые направлялись в партийно-государственные органы. В следственных делах их копии можно обнаружить в прилагавшихся к протоколам допросов различных справках, а также в реабилитационных материалах 1950–1960-х годов. Иногда они фигурируют и в личных делах крупных чекистов, например, в деле начинавшего и закончившего чекистскую службу сексотом (на пике карьеры дослужившегося до начальника УНКВД по Одесской области) С. И. Гапонова¹. Часть подобных сведений сохранена в ведомственных архивах как имеющая оперативную или историческую ценность, однако доступ к ним в России крайне затруднён.

Если в оперативной документации, как правило, доступной лишь работникам ФСБ/МВД, обычно можно встретить только клички секретной агентуры, то в более известных гражданским исследователям архивно-следственных делах зачастую фигурируют расшифровки оперативных псевдонимов, находящиеся в протоколах допросов сексотов и чекистов либо выдержках из них, скопированных из других следственных дел. Роль негласных сотрудников в деятельности ВЧК-НКВД была исключительно велика, и отдельным фигурам из числа видных (советский этнограф Липский, генералы-эмигранты Фастыковский и Скоблин) и некоторых рядовых сексотов уже посвящаются отдельные публикации². С точки зрения чекистов, чем более значительной фигурой являлся завербованный в плане служебного положения, интеллектуальной или культурной значимости, тем более интересной информацией он мог обладать либо помочь её раз-

---

¹ Архив УСБУ по Одесской обл. Личное дело С. И. Гапонова № 3535: в 2 т.

² Колесников А. С. Этнограф на службе ОГПУ: Альберт Николаевич Липский // Седьмые Гродовские чтения: Дальний Восток России: мультикультурное пространство в XIX–XXI вв.: мат-лы межрегион. научно-практ. конф., посвящ. 150-летию со дня рождения П. А. Столыпина (17–18 апр. 2012 г.). Хабаровск, 2012. Т. 2. С. 143–160; Млечин Л. М. Сеть. Москва–ОГПУ–Париж. Минск, 1991; Он же. «Фермер» сообщает из Парижа. М., 1992; Голдин В. И. Лихолетье. Судьба генерала М. В. Фастыковского: русский офицер, секретный агент, узник НКВД. Архангельск: СОЛТИ, 2006. 308 с.; Тепляков А. Сексотка Люба. Нравы губернских чекистов: по материалам судебного дела // Родина. 2000. № 9. С. 71–73; Он же. Ошибка бурчунского резидента // Родина. 2001. № 9. С. 65–66.

добыть, устроив для чекистов знакомство с каким-либо интересным для них персонажем. Однако основную информацию о заметных личностях в силу сложностей вербовки таких лиц чекисты получали от их окружения, включая родственников.

Применительно к настоящим именам конспиративных сотрудников ВЧК-НКВД мы исходим из того, что государственная и личная тайны имеют максимум 75-летний ограничительный срок, поэтому считаем необходимым давать информацию о подлинных личностях, сотрудничавших с ВЧК-НКВД, делая акцент не на рядовых осведомителях, чья историческая роль чаще бывала сравнительно невелика, а на тех, кто работал за рубежом или являлся активным провокатором, участвуя в фабрикации крупных дел, по которым репрессировались невинные, уничтожались нередко десятки и сотни людей. Также отметим, что законодательство Украины не предусматривает препятствий в публикации настоящих имён секретных агентов из фондов СБУ (при истечении 75-летнего срока охраны личной тайны), а также позволяет свободно исследовать широкий спектр ведомственных документов спецслужб.

Многие подлинные документы ВЧК-НКВД фальсифицированы так сильно, что работа с ними очень затруднена. Известный источниковедческий принцип, гласящий, что при характеристике источника наиболее достоверными являются сведения, противоречащие общей линии тенденциозности данного документа, очень полезен, но не всегда продуктивен при работе с крайне тенденциозными документами советских органов власти ленинско-сталинского периода, где наряду с некоторыми правдивыми сведениями обильно представлена абсолютно недостоверная информация. Поэтому В. В. Поликарпов оспорил известное мнение академика Н. Н. Покровского, что в глубоко тенденциозных источниках «наиболее достоверны сведения, противоречащие основной тенденции этого документа, а наименее достоверны — совпадающие с ней»¹, ибо в сфабрикованных источниках тенденция не всегда лежит на поверхности², а (добавим) ложная информация многослойна, может выглядеть правдоподобно и переплетаться с подлинной, требуя для своего вскрытия обстоятельного анализа обширных комплексов документов спецслужб, далеко не всегда доступных

---

¹ Споры вокруг академика С. Ф. Платонова // Отечеств. история. 1998. № 3. С. 145.

² Из следственных дел Н. В. Некрасова 1921, 1931 и 1939 годов / вступ. ст. В. В. Поликарпова // Вопр. истории. 1998. № 11–12. С. 10–48.

историкам, которые вынуждены поэтому опираться на собственную эрудицию, логику и интуицию с понятной вероятностью впасть в заблуждение.

Однако, как писал Ю. М. Лотман, при наличии методов дешифровки заведомая фальшивка может быть источником ценных сведений; при отсутствии их, напротив, самый достоверный документ может сделаться источником заблуждения¹. Современный автор призывает: «В мире, в котором мы живём, как никогда важно читать историю между строк в поисках “ненамеренных откровений”. Так мы учимся понимать силу мифов и лжи, срывая личину с них обоих»². Французский историк А. Про предложил выделять при научной критике источника два критерия: критику искренности декларируемых и недеклалируемых намерений свидетеля (для выявления ложных утверждений); и критику достоверности — с целью выявления ложных заблуждений³. Использование этих критериев особенно необходимо при анализе таких тенденциозных источников, как информационные материалы партийно-государственных органов, отличающихся и крайней степенью идеологизации, и нередким стремлением что-либо скрыть от высшего руководства или тенденциозно ему преподнести видение каких-либо реальных проблем. Часто изученные нами источники были и неискренними, и во многом недостоверными, однако содержали долю ценного фактического, а порой и оценочного материала, поддающегося выявлению и критическому осмыслению. Что касается очевидно ложных сведений, то они также имеют свою ценность, демонстрируя атмосферу эпохи в разнообразных политических и служебных аспектах, а также фактические, а не официально провозглашаемые требования властей к карательным органам, их агентуре и кадрам, которые подталкивались к фальсификациям.

Для нашей работы крайне важны как статистическая информация по аппарату гласного и негласного состава ВЧК-НКВД, являющаяся во многом предметом государственной тайны, так и всевозможные количественные сведения о работе спецслужб: численность лиц, стоявших на оперативном учёте; количество арестованных, осуждённых и освобождённых; численность расстрелянных и умер-

---

¹ Лотман Ю. М. К проблеме работы с недостоверными источниками // *Временник Пушкин. комиссии*, 1975. Л.: Наука, 1979. С. 94.

² Гинзбург К. Читая историю между строк: Непреднамеренные открытия // *Новое лит. обозрение*. 2017. № 1. С. 15–31.

³ Про А. Двенадцать уроков по истории. М., 2000. С. 64.

ших в местах заключения и ссылки; показатели перлюстрации переписки; количество задержанных нарушителей границы; стоимость изъятой контрабанды и т. п. К сожалению, основная часть подобной информации в силу закрытости известна нам в отрывочном и не всегда достоверном виде. С другой стороны, архивные разыскания позволяют уточнить и дополнить различную статистическую информацию о работе «органов», что укрепляет доказательную базу будущих исследований.

Полнота и достоверность репрессивной статистики — одна из самых сложных проблем, с которыми столкнулся автор. Опубликованные данные не отличаются полнотой, противоречивы, а до 1921 г. даже не обобщались самими чекистами. Нами была опубликована статья, посвящённая конкретно проблеме достоверности общепризнанных цифр подвергшихся государственному террору, где на основе ряда архивных источников сделан вывод о преуменьшении некоторых показателей (например, сильнейшее искажение статистики расстрелов со стороны органов ОГПУ в 1933 г.), а также поставлены вопросы относительно достоверности известных источников о политическом терроре начала 1920-х годов¹. Восстановление подлинной картины потерь общества от государственного террора требует кропотливого сбора информации из разнообразных источников и отказа (характерного для ряда историков) исключения эпизодов массовой крестьянской и национальной ссылки, а также осуждения уголовных элементов по ст. 58 УК РСФСР из списка политических репрессий.

Представители ведомственной историографии особенно активно пытаются преуменьшить цифры подвергшихся преследованиям, безоговорочно доверяя ложным статистическим сведениям одного из организаторов красного террора М. И. Лациса² и игнорируя многолетнюю практику превентивных массовых арестов с продолжительным содержанием заключённых без следственных действий (с целью запугивания в случае подозрений в нелояльности, а также для шантажа в целях заагентуривания) и последующим освобожде-

---

¹ Тепляков А. Г. К вопросу о достоверности статистики государственных репрессий 1918–1953 гг. // Идеи и идеалы. 2015. № 4 (26). Т. 2. С. 59–67.

² Лацис заявил о расстреле за 1918–1920 гг. 12 733 чел. (См. Лацис (Судрабс) М. Я. Чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией. М.: Госиздат, 1921. С. 9). По имеющемуся учёту в ФСБ РФ, в 1918–1920 гг. за «контрреволюционную преступность» был осуждён 62 231 чел., в том числе 25 709 — к расстрелу (Лунеев В. В. Преступность XX века. С. 180; Кудрявцев В. Н., Трусов А. И. Политическая юстиция в СССР. М., 2000. С. 314).

нием без предъявления обвинения или прекращением дела за недостаточностью обвинительных материалов. Игнорируются ведомственной статистикой бессудные расправы со стороны красных бандитов из органов ВЧК-ОГПУ, частые расстрелы и убийства в местах заключения и ссылки, многочисленные убийства задержанных и арестованных якобы при «попытке к бегству». Например, в сентябре 1921 г. директор Госполитохраны Г. И. Быков в секретном циркуляре приказывал местным органам ГПО — для улучшения имиджа ДВР в связи с начавшимися переговорами с Японией — временно «никаких секретных судов и расстрелов не производить», «не допускать широкого, бесцельного и вредного для РКП пользования методами провокаций» и пока «отказаться от чекистских методов ликвидации врага на месте преступления»¹.

Следует отметить, что часть архивных статистических данных при их вводе в научный оборот была некорректно интерпретирована исследователями. Например, как мы указывали выше, с целью сознательной дезинформации руководителями КГБ в перестроечные годы была запущена «утка» о более чем 20 тыс. репрессированных и уничтоженных в 30-е годы чекистов, завышавшая потери сотрудников госбезопасности примерно на порядок и представляющаяся иным исследователям достоверной до сих пор.

В прошлом мы, наряду с другими исследователями, с доверием отнеслись к известным цифрам Н. М. Кучемко относительно численности «контрреволюционных организаций» в Сибири, оговорив, что они, разумеется, практически все были сфабрикованы². Но обращение к фонду НКВД РСФСР в ГА РФ, на который ссылался Кучемко, показало, что в указанных делах зафиксирован вклад в разоблачение «контрреволюции» 1921–1923 гг. со стороны одних только губернских милиций, что многократно сокращает численность «заговоров» в Сибири. Что касается губернских ЧК, особого отдела СибВО, районных транспортных ЧК, то они заложили традицию считать организациями группы из двух–трёх человек, поэтому каждая из этих структур в начале 20-х годов сфабриковала многие десятки, если не сотни групповых уголовных дел, не считая раскрытия реальных бандитских шаек и очень немногочисленных настоящих антиправительственных организаций или инициативных групп, которые хранили

---

¹ Тепляков А. Г. «Непроницаемые недра»: ВЧК-ОГПУ в Сибири... С. 164.

² Кучемко Н. М. Укрепление социалистической законности в Сибири в первые годы нэпа (1921–1923 гг.). Новосибирск: Наука, 1981. С. 193; Тепляков А. Г. «Непроницаемые недра»: ВЧК-ОГПУ в Сибири... С. 147.

оружие и боеприпасы, собирались бежать за границу, распространяли листовки, антибольшевистские слухи и пр., но весьма редко действительно готовили вооружённое выступление против власти. Вероятно, основную часть состава подобных реальных антиправительственных групп составили участники мятежей и выступлений, которых чекисты упустили, бессильные вскрывать организации там, где не оказалось их осведомителей и провокаторов и где антиправительственные восстания опирались не на основательную конспиративную подготовку, которую был шанс раскрыть с помощью агенты, а на стихийный порыв населения, возмущённого произволом властей.

До сих пор почти не обнаружено регламентирующих инструкций, согласно которым осуществлялись казни. Только в недавно опубликованных документах МВД Грузии указан официальный способ казни путём выстрела «в правый висок»¹. Очень специфический источник, позволяющий уточнить количество расстрелянных — это официальные акты о приведении в исполнение смертных приговоров. Часть таких актов опубликована в ряде документальных сборников (особенно в Книгах памяти жертв политических репрессий), другие доступны для историков в архивах областных и окружных судов. Те же акты, которые хранятся в ФСБ, считаются строго секретными и в настоящее время малодоступны², хотя именно они могли бы дать точное количество лиц, расстрелянных в официальном порядке. Например, работники Красноярского УФСБ специально в течение года перепечатывали для местного «Мемориала» расстрельные акты, убирая из них фамилии исполнителей³.

Нам удалось ознакомиться с сотнями подобных документов, которые обладают заметным информационным потенциалом, причём не только чисто статистическим. Они уточняют судьбу конкретных личностей, в том числе нереабилитированных (министров правительства А. В. Колчака, соратников генерала А. С. Бакича, целого ряда других представителей белой власти, осуждённых за организа-

---

¹ Юнге М., Бонвеч Б. Большевистский порядок в Грузии. В 2-х томах. Том 1: Большой террор в маленькой кавказской республике. М.: АИРО-XXI, 2015. С. 29.

² Напр.: АУФСБ по Новосибирской обл. Ф. 7/1. Протоколы и акты о приведении приговоров в исполнение на основании решения тройки УНКВД по ЗСК; Приказание и акты о приведении приговоров в исполнение на основании решения НКВД СССР по протоколам № №...

³ Сведения председателя Красноярского общества «Мемориал» А. А. Бабия.

цию карательных мероприятий и участие в них), позволяют с относительной точностью судить о местах расстрелов и дают возможность увидеть конкретных исполнителей смертных приговоров из числа работников чекистской, милицейской, судебно-прокурорской и партийно-советской систем. Распространённость и долговременность действия института смертной казни предопределили и очень широкий круг палачей (среди которых нередко встречались и рядовые надзиратели, и милиционеры, и фельдъегери; показательно, что порой фигурируют и женщины), что сильно повлияло на психологическую и нравственную атмосферу советского общества. Вывод о массовости исполнителей приговоров и их специфическом влиянии на общество¹ нам представляется весьма важным для характеристики изучаемой эпохи.

Таким образом, среди источников по истории «органов» мы видим и бесчисленные фальшивки о заговорах эпохи ВЧК-НКВД, и современные подделки, призванные придать доказательную силу различным фобиям и предрассудкам отечественных публицистов — как правило, шовинистического направления. Многие авторы до сих пор ограничиваются пересказом чекистских оценок, вводя читателей в заблуждение. Глубокая тенденциозность документов советской эпохи, их сконструированный для затемнения смысла язык требуют от историка хорошего владения источниковедческим инструментарием и исследовательского чутья.

---

¹ Тепляков А. Г. Процедура: исполнение смертных приговоров в 1920–1930-х годах. М.: Возвращение. С. 4–5, 31–33, 41–43, 47, 56.

Глава 4. Большевистские вожди о чекистах и репрессиях

Особое значение среди источников имеют работы и высказывания ведущих государственных деятелей, отвечавших за выстраивание советской политики, включая организацию органов госбезопасности и контроль за ними. Как и основоположники марксизма, они поклонялись идее насилия, которую считали движущей силой истории. Известно, что Ф. Энгельс был убеждён в «революционной роли» насилия, которое и «является тем орудием, посредством которого общественное движение пролагает себе дорогу и ломает окаменевшие, омертвевшие политические формы»¹. Ленин, Троцкий, Сталин и другие крупные функционеры оставили много высказываний, помогающих реконструировать отношение вождей партии, правительства, регионов к репрессивно-охранительной политике коммунистического государства. Лидеры партии постоянно высказывались на тему так называемой «социалистической законности» и фактов её нарушения, считая последние второстепенным обстоятельством. Они хорошо понимали тенденцию своей спецслужбы фабриковать дела и таким образом манипулировать высшим руководством, но полагали её не особенно опасной.

В 1902 г. в брошюре «Что делать?» Ленин обосновал свою концепцию революционной партии, состоящей из профессионалов, объединённых в тайную организацию с военной дисциплиной. Это было развитие нечаевских идей о горстке революционеров, способных опрокинуть государство, и оно целиком противоречило идеям парламентских социалистических партий в Европе. Характерно, что ещё в конце 1911 г. Ленин призывал «отрубить головы по меньшей мере сотне Романовых», сильно преувеличивая численность императорской фамилии. В статье «Сумеют ли большевики удержать государственную власть», написанной незадолго до Октября, Ленин предопределил многие наиболее резкие действия большевиков, отрицающие идеи рынка и права: «Хлебная монополия, хлебная карточка, всеобщая трудовая повинность является в руках пролетарского государства, в руках полновластных советов самым могучим средством учёта и контроля... Это средство контроля и принуждения к труду посильнее законов конвента и его гильотины. Гильотина толь-

---

¹ Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 20. С. 129.

ко запугивала, только сламывала активное сопротивление, нам этого мало... Нам надо не только запугать капиталистов в том смысле, чтобы чувствовали всеилие пролетарского государства и забыли думать об активном сопротивлении ему. Нам надо сломать и пассивное, несомненно, ещё более опасное и вредное сопротивление. Нам надо заставить работать в новых организационных государственных рамках. И мы имеем средство для этого... Это средство — хлебная монополия, хлебная карточка, всеобщая трудовая повинность»¹.

В 1902 г. Ленин писал, что РСДРП «должна стремиться создать организацию, способную обезвреживать шпионов раскрытием и преследованием их»². Однако контрразведывательный аппарат подпольной партии, с его точки зрения, не был нужен пролетарскому государству. Но конечное появление «внутренней партии» для полицейских функций отвечало логике создания централизованной и единолично управляемой организации революционеров. Наблюдая слабость структур Временного правительства и массовую организацию отрядов Красной гвардии при Советах, Ленин в работе «Государство и революция» сделал поспешный вывод, что «подавление меньшинства эксплуататоров большинством вчерашних наёмных рабов дело лёгкое, простое и естественное», не требующее «особой машины»³. Такой тезис соответствовал его тогдашним идеям о ненужности сильного государства после победы пролетариата. Но очень скоро действительность доказала, что без могущественного госаппарата власть большевиков обречена на поражение. Поэтому практически сразу после захвата власти Ленин поставил вопрос о необходимости специального трибунала для политических врагов — по типу существовавшего в годы Французской революции. Вскоре им в помощь трибуналам была организована универсальная политическая полиция с чрезвычайными полномочиями — ВЧК, от членов которой требовалась прежде всего верность режиму. Остальные качества чекистов были несущественны.

Уже в декабре 1917 г. в речи на собрании рабочих Ленин буквально воззвал к низовому террору, этой «революционной юстиции класса»: «Если не поднять массы на самодеятельность, ничего не выйдет... Пока мы не применим террора — расстрел на месте — к

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 310–311.

² Там же. Т. 7. С. 17.

³ Там же. Т. 33. С. 90–91.

спекулянтам, ничего не выйдет». Таким образом, вождь революции апеллировал и к террору со стороны масс, и к упорядоченному государством карательному аппарату. В конце 1919 г. он ответил К. Каутскому на обвинения в терроре, что значение имеет лишь то, «против какого класса направляется данным правительством оружие смертной казни», ибо речь идёт о социальной революции, требующей подавления «заговоров и контрреволюционных покушений со стороны десятков и сотен тысяч офицеров»¹. Так Ленин колоссально расширял численность тех, кто фактически подлежал обязательным репрессиям по принципу службы и происхождения (требуя также широких репрессий к «кулакам», «буржуйам», «попам»), поскольку их вина в «заговорах» для власти была очевидной. На 4-й конференции губчека в начале 1920 г. Ленин отметил необходимость репрессивного принуждения и к социально близким слоям: «Без революционного насилия, направленного на прямых врагов рабочих и крестьян, невозможно сломить сопротивление этих эксплуататоров. А с другой стороны, революционное насилие не может не проявляться и по отношению к шатким, невыдержанным элементам самой трудящейся массы»².

Ленин с первых дней организации ВЧК давал указания полицейско-сыскного характера, вроде письма от 21 декабря 1917 г.: «Аресты, которые должны быть произведены по указанию тов. Петерса, имеют исключительно большую важность, должны быть произведены с большой энергией. Особые меры должны быть приняты к предупреждению уничтожения бумаг, побегов, сокрытия документов и пр.»³. По итогам революционных лет в «Письме немецким коммунистам» в августе 1921 г. Ленин высказался, что классовая «ненависть — самое благородное, самое великое чувство лучших людей из угнетённой и эксплуатируемой массы...»⁴.

Он интересовался громкими расправами, находя время выслушивать «людей потверже», которых следовало искать и поручать им грязную ликвидационную работу. Вождь принимал с докладами убийц императорской семьи, организаторов красного террора в Севастополе в начале 1918 г., мастеров «рассказывания», крымских

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 311; Т. 39. С. 183–184.

² Там же. Т. 40. С. 113–121.

³ Там же. Т. 50. С. 18.

⁴ Там же. Т. 44. С. 89.

палачей 1920–1921 гг.¹ и, таким образом, прекрасно знал историю основных расправ и методы массовых операций. Ленин определял, кого следует освободить, а кого — арестовать, в том числе с целью повисить ответственность чиновников за порученные дела; подробно разбирался в вопросах высылки интеллигенции в 1922 г. и требовал массовых расстрелов «реакционного духовенства». Он считал необходимым насыщать персонал судебных органов чекистами и протестовал против освобождения неподходящих, по его мнению, лиц². Также Ленин неустанно защищал чекистов от любых нападок и был сторонником сохранения за ними широких внесудебных полномочий.

Окружение в виде охранников из числа исполнителей приговоров также было приемлемым для основателя советского государства — после покушения на свою жизнь Ленин внимательно относился к личной охране, которая постепенно росла и щедро вознаграждалась. Можно предположить, что такое своеобразное использование охраны вождя было идеей Дзержинского, но пока мы не знаем, какая работа какой предшествовала — очень вероятно, что именно первоначальная служба в расстрельном подвале служила пропуском к охране главного пролетарского тела страны.

Ленин в своих статьях и воззваниях настойчиво пропагандировал мнение о кровожадности классового врага, стремящегося физически уничтожать трудящихся, формировал настроения шпиономании, призывал массы к бдительности и прямому социальному террору. В этом отношении выделяются подписанное им обращение «Социалистическое отечество в опасности» (автор — Л. Д. Троцкий); написанное совместно с Ф. Э. Дзержинским воззвание «Берегитесь шпионов!», а также «Письмо к рабочим и крестьянам по поводу победы над Колчаком» от августа 1919 г., где предлагалось выявлять врагов, пробравшихся в советские учреждения и «всеми силами выслеживать и вылавливать этих разбойников, прячущихся помещиков и капиталистов, во всех их прикрытиях, разоблачать их и карать беспощадно»³.

В июне 1918 г. он предлагал петроградским руководителям поощрять «энергию и массовидность террора», а в 1920 г. заявил, что

---

¹ Пученков А. С. Украина и Крым в 1918 — начале 1919 года. Очерки политической истории. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 126.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 144, 149.

³ Там же. Т. 39. С. 155.

чекисты в борьбе за завоевание управленческого аппарата кооперации, который традиционно был эсеровско-меньшевистским, не обойдутся без помощи коммунистов: «...В кооперации сидит целый ряд контрреволюционеров. Если благодаря своей близорукости вы не можете изболтать отдельных вожakov кооперации, то посадите туда одного коммуниста, чтобы он указал эту контрреволюцию, и если это хороший коммунист, а хороший коммунист в то же время есть и хороший чекист, то, поставленный в потребительское общество, он должен притащить, по крайней мере, двух кооператоров-контрреволюционеров»¹. Программный характер носило и письмо В. М. Молотову для членов Политбюро ЦК РКП(б) от 19 марта 1922 г. с требованием массовых расправ над духовенством². Политическим завещанием Ленина стал тезис в письме к своему заместителю Л. Б. Каменеву о том, что «мы ещё вернёмся к террору...»³.

Мемуары доносят красноречивые и обычно не противоречащие друг другу высказывания большевистских вождей о терроре. Соратники помнили, как Ленин ещё до Октября говорил, что врагов революции ожидает беспощадная кара. В записи сына Н. И. Подвойского сохранился рассказ близкого ленинского соратника Г. М. Кржижановского: «Как-то в ссылке моя жена Зинаида Павловна, когда мы узнали об очередных казнях революционеров, воскликнула:

— Когда мы победим, мы прежде всего отменим смертную казнь!

— Ничего подобного, — возразил Владимир Ильич. — Мы будем беспощадно уничтожать всех мерзавцев, очистим от мерзавцев почву»⁴.

Беседуя с наркомом юстиции И. З. Штейнбергом в первые месяцы после победы Октября, Ленин согласился с тем, что наркомат юстиции было бы правильнее именовать наркоматом социального уничтожения, и только соображения приличий не позволяют этого сделать⁵. Лидеры партии не стеснялись диктаторства Ленина. Бухарин сразу после его смерти откровенно заявил: «Ленин властно вёл

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 106; Т. 40. С. 279.

² Известия ЦК КПСС. 1990. № 4. С. 191–193.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 429.

⁴ Тополянский В. Как он умел ненавидеть. К 85-летию со дня смерти Владимира Ульянова // Нов. газ. 2009. 21 янв.

⁵ Steinberg I. In the Workshop of the Revolution. London, 1955. P. 145.

всю партию... был диктатором в лучшем смысле этого слова»¹. Наркомпрод Цюрупа отмечал, что Ленин выступал в роли диктатора, но при этом всегда старался добиваться поддержки большинства: «Будучи диктатором, он никогда единолично не давал распоряжений»². Цинизм А. В. Луначарского виден в его самом лёгком отношении к диктаторству Ленина, который, в том числе под влиянием болезни, проявлял в последние месяцы своей активности особенную жестокость к противникам: «Его гнев тоже необыкновенно мил. Несмотря на то, что от грозы его, действительно, в последнее время могли гибнуть десятки людей, а может быть, и сотни, он всегда господствует над своим негодованием, и оно имеет почти шутивную форму»³.

А. М. Коллонтай в дневнике весной 1919 г., зная и контекст, и не публиковавшиеся высказывания вождя, так оценила его линию на союз с середняком. Для общего употребления печаталось известное ленинское положение: «Уметь достигать соглашения с средним крестьянином — ни на минуту не отказываясь от борьбы с кулаком и прочно опираясь только на бедноту — это задача момента, ибо именно теперь поворот в среднем крестьянстве в нашу сторону неизбежен...»⁴. А у Коллонтай можно найти и очень определённый посыл «скрутить» того самого середняка, когда власть окрепнет: «...Только что на VIII съезде Ленин очень чётко выступил с речью, сдерживающего характера: не обострять борьбу по деревням, наоборот, привлечь середняка, искать у крестьянства опору против белых. “С годок будем с середняком поосторожнее, научим его, как он должен свои интересы через Советы проводить. За это время и они и мы поумнеем, кое-чему научимся. А там, если надо будет, скрутим по-своему”. Как всегда, ясно и мудро»⁵.

Часто обращался к теме чрезвычайных мер принуждения и Л. Д. Троцкий. Обращаясь 1 (14) декабря 1917 г. к членам ВЦИК, Троцкий говорил: «Не позже как через месяц террор примет, подобно тому, что произошло во время Великой французской революции,

---

¹ Правда. 1924. 24 янв.

² Наше Отечество. Ч. II. С. 81.

³ Луначарский А. В. Революционные силуэты. М.: Девятое января, 1923. С. 13.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 28. С. 171.

⁵ Дажина И. М. «Пишу о том, что видела сама, о тех людях и впечатлениях, которые вынесла лично». А. М. Коллонтай в годы Гражданской войны. 1919 г. (окончание) // Ист. арх. 2010. № 4. С. 51.

весьма жестокую форму. Речь тогда будет идти не о тюрьмах, а о гильотине, этом прекрасном изобретении Великой французской революции, обладающем общепризнанным преимуществом — укорачивать человека на голову»¹. В брошюре «Терроризм и коммунизм» Троцкий утверждал: «...Путь к социализму лежит через высшее напряжение государственности... Как лампа, прежде чем потухнуть, вспыхивает ярким пламенем, так и государство, прежде чем исчезнуть, принимает форму диктатуры пролетариата, т. е. самого беспощадного государства, которое повелительно охватывает жизнь граждан со всех сторон». В том же 1920 г. Троцкий определённо заявил: «Диктатура совершенно необходима, ибо речь идёт не о частичных изменениях, а о самом существовании буржуазии. Здесь невозможно никакое соглашение, решить дело можно только силой. <...> Тот, кто поставил себе цель, не может щепетильничать со средствами»². Таким образом, именно пресловутый лозунг иезуитов «цель оправдывает средства» был положен в основу репрессивной политики.

Конкретно о терроре Троцкий писал так: «Но террор может быть очень действителен против реакционного класса, который не хочет сойти со сцены. Устрашение есть могущественное средство политики, и международной и внутренней. <...> В этом смысле красный террор принципиально не отличается от вооружённого восстания, прямым продолжением которого он является. <...> Наши чрезвычайники расстреливают помещиков, капиталистов, генералов, стремящихся восстановить капиталистический строй»³. В последнем тезисе Троцкий скрывал размах красного террора, на деле обрушивавшегося в основном на низшие классы. В статье Троцкого «Наши разногласия», написанной в ноябре 1924 г., но тогда не опубликованной, автор снова подробно останавливался на красном терроре и роли Ленина как его организатора. При этом Троцкий критиковал своих оппонентов в руководстве партии за некие (видимо, закулисные) попытки «отречения от красного террора» в тактических целях и защиты Ленина от ответственности за террор⁴.

---

¹ Дело народа. 1917. 3 дек.

² Троцкий Л. Терроризм и коммунизм. М.: Госиздат, 1920. С. 14; Верт Н., Куртуа С. и др. Черная книга коммунизма. М.: Три века истории, 2001. 766 с.

³ Троцкий Л. Д. Терроризм и коммунизм. М.: Директ Медиа, 2015. С. 95.

⁴ Архив Троцкого: Коммунистическая оппозиция в СССР: 1923–1927. М.: ТЕРРА, 1990. Т. 1. С. 134–136.

Выступая на IX съезде РКП(б), Троцкий настаивал на «карательных мерах, от которых мы не уйдём, по отношению к шкурникам, дезертирам труда», чтобы сложной системой «премиальных, карательных, репрессивных» мероприятий «в течение ряда лет, десятилетий поднять производительность труда»¹, что говорило о его убеждённости в необходимости применять репрессии и в далёком будущем с целями производственного стимулирования трудящихся. Публично он заявлял и о необходимости политического контроля: «Разумеется, цензура сейчас — нужная и важная вещь. Порою бывает необходимо просто запретить издание и распространение явно контрреволюционной вещи»².

Троцкий оставил объективные характеристики лидеров ВЧК-ОГПУ. Так, «Дзержинский влюблялся нерассуждающей любовью во всякое дело, которое выполнял, ограждая своих сотрудников от вмешательства и критики со страстью, с непримиримостью, с фанатизмом... Самостоятельной мысли у Дзержинского не было... Политически Дзержинский всегда нуждался в чьём-нибудь непосредственном руководстве». Что касается Менжинского, то этот незначительный партиец «стал верной тенью Сталина в ГПУ»³.

В произведениях Сталина, включая недавно обнародованные выступления⁴ и маргиналии, постоянно обсуждались вопросы функционирования органов госбезопасности. Характерно устойчивое внимание Сталина к логике карательных мероприятий, кадрам ВЧК-НКВД, взаимоотношениям органов тайной полиции с партийными инстанциями. Он постоянно вникал во взаимоотношения чекистских кланов, разбивал сложившиеся неформальные отношения внутри ВЧК-НКВД, передвигал, поощрял и репрессировал видных чекистов. Также вождь, опираясь на информацию своей политической полиции, много внимания уделял направлению карательных ударов, планируя и массовые операции, и разведывательно-дезинформационные акции, и фабрикации «заговоров» руководящих партийно-государственных работников. При этом Сталин знал цену материа-

---

¹ Девятый съезд РКП(б). Март–апрель 1920 г. Протоколы. М.: Политиздат, 1960. С. 100.

² Правда. 1923. 16 сент.

³ Троцкий Л. Д. Моя жизнь. Опыт автобиографии. Берлин, 1930. Ч. 2. С. 182, 225–226.

⁴ Неvejeин В. А. Застольные речи Сталина. Документы и материалы. М.: АИРО-XX, 2003. 544 с.

лам «органов» о заговорах. На одном из совещаний в 1931 г. он отметил: «Не надо допускать того, чтобы на заводе была специальная контора ОГПУ с вывеской, где сидят и ждут, чтобы им дела подали, а нет — так будут сочинять их»¹.

Отрицание нэпа и готовность подталкивать мировую революцию хорошо видны в сталинской записке от 1926 г., где генсек зафиксировал принципиальные для себя выводы: «1. СССР — капиталистическая страна. Значит — вторая революция (против, конечно, нынешнего кулакизированного государства СССР). 2. Победа социализма в СССР... интернациональное дело». Далее Сталин записал, что разговоры и противоречия между национальными интересами СССР и интересами мирового пролетариата «есть *контрреволюционная болтовня*»². Таким образом, готовность к новым революциям в России и мире определяла сталинский подход ко всем существенным политическим вопросам, включая и укрепление репрессивно-карательных органов.

Сталин весной 1928 г. в своих выступлениях обозначил решительное наступление на всех «социально чуждых». В докладе на собрании актива московской организации ВКП(б) 13 апреля 1928 г., вождь, разъясняя итоги прошедшего пленума ЦК, обвинил «кулаков» в том, что они виновны в появлении перед трудящимися массами «призрака голода». В неопубликованной части доклада Сталин, требуя не бояться перегибов, вспомнил о стихийных расправах 1917 г.: «Но где бывало, чтобы обходилось дело без всяких перегибов при проведении крупных дел, крупных кампаний? Я помню хорошо... в 1917 году, когда матросы наши в Кронштадте и Финляндии... шарахнулись и порезали довольно много офицеров. Но никто не мог сказать, что порезаны были заслуженно все». Встретившись 28 мая 1928 г. со студентами Института красной профессуры, Сталин заявил, что необходимо «дать по морде кулаку» в качестве всеобщего урока: «Когда даёшь кулаку по морде, это является уроком для всех этих [буржуазных] элементов, это является концом того [мнения], что советская власть — она терпеливая, уступчивая, но если довести её до бешенства, она может и по морде дать (шум, смех, оживление всей аудитории)»³. «Дать по морде» он был готов всегда: в

---

¹ Хлевнюк О. В. 1937-й: Сталин, НКВД и советское общество. М.: Республика, 1992. С. 161.

² РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 28. Л. 97.

³ Курляндский И. А. Сталин о религии на исходе нэпа // Вестн. Твер. гос. ун-та. Сер. История. 2010. № 4. С. 75.

«Правде» 21 января 1936 г. была опубликована давняя телеграмма Сталина Ленину, в которой «чудесный грузин», откликаясь на призыв принять меры к подавлению возможных левозэсеровских восстаний, заявил, что его рука не дрогнет: «С врагами будем действовать по-вражески».

Весной 1928 г. Сталин, редактируя написанную Бухариным новую программу Коминтерна, не согласился с идеей использования пролетариатом в своих интересах организаторских сил прежних классов, написав на полях: «Пустое. Их использование вообще невозможно. Используется лишь незначительная их часть»¹. Таким образом, широчайший удар ОГПУ в 1928 г. по старым специалистам с репрессированием в ряде регионов до половины их состава был, бесспорно, предпринят по инициативе Сталина. Здесь можно видеть и намерение будущей великой чистки в отношении «ненужных» и «невозможных для использования».

В кругу близких Сталин в середине 30-х годов откровенно высказывался: «Веками народ в России был под царем, русский народ [– это] царист, русский народ привык, чтобы во главе был кто-то один»². Хорошо знакомый с карательными органами самодержавия, он, в частности, презирал царя и его полицию за мягкотелость. Близкий к Сталину Д. Бедный рассказывал мемуаристке М. К. Иорданской, что однажды на семейном обеде вождь заявил: «Какой ишак был Николай Второй! За всё своё царствование он повесил всего каких-нибудь десять тысяч революционеров, главным образом евреев. Это приходится по одному человеку на каждый город. Захоти он быть более щедрым, повесь, ну, хотя бы полмиллиона — никакой революции не было бы, и мы с вами, товарищи, не сидели бы здесь, в Кремле!»³.

В письмах и выступлениях номенклатурных чиновников сохранились указания Сталина, свидетельствовавшие о его постоянной нацеленности на крайне жестокие меры. Бывший руководитель Башкирского ревкома А. З. Валидов летом 1920 г. в письме секретарям ЦК РКП(б) Н. Н. Крестинскому и Е. А. Преображенскому жаловался на цинизм Сталина, который по поводу русских и польских беженцев в Башкирии предложил Валидову: «Вы просто уничтожьте

---

¹ Курляндский И. А. Сталин о религии на исходе нэпа... С. 72.

² Иосиф Сталин в объятиях семьи. Из личного архива: сб. док. М.: Родина, 1993. С. 176.

³ Нов. лит. обозрение. 1994. № 9. С. 216.

этих людей, и не будет никаких проблем»¹. Н. И. Ежов в январе 1938 г. на совещании оперативного состава ГУГБ НКВД СССР рассказал о своих встречах со Сталиным, который «просвещал ему мозги». Сталин авторитетно «разъяснял» Ежову, что меньшевики и эсеры во время жизни в эмиграции прямо служили иностранным разведкам, а большевики-политэмигранты получали финансовую поддержку от правительств западных стран в обмен на информацию о царской России. Когда компартия пришла к власти, бывшие осведомители иностранных разведок в ней остались, и теперь, вне сомнения, западные спецслужбы будут требовать от них информацию об СССР². Секретарь Красноярского крайкома ВКП(б) С. М. Соболев в 1938 г. рассказывал, что Сталин дал ему прямую установку на истребление «инонационалов», заявив: «Довольно играть в интернационализм, надо бить всех этих поляков, корейцев, латышей, немцев и т. д., всё это продажные нации, подлежащие истреблению... Всех националов надо ловить, ставить на колени и истреблять как бешеных собак»³.

Вождь не стеснялся демонстрировать кровожадность даже во время самых важных дипломатических переговоров. Во время Тегеранской конференции 29 ноября 1943 г. Сталин заявил, что после победы союзников от 50 до 100 тыс. германских офицеров должны быть физически ликвидированы. Характерно, что Рузвельт скорее поддержал советского коллегу, шутливо заявив, что достаточно уничтожить 49 тыс. офицеров или более, а Черчилль, напротив, категорически возражал против подобных политических казней. Сталин в ответ несколько раз высказал британскому лидеру мнение насчёт его тайных симпатий к немцам⁴.

---

¹ Красовицкая Т. Ю. Конфликт идеалов и практик ранней советской государственности // Гос-во, о-во, церковь в истории России XX–XXI веков: мат-лы XV международ. науч. конф. (Иваново, 23–24 марта 2016 г.): в 2 ч. Иваново: Иванов. гос. ун-т, 2016. Ч. 2. С. 89. Характерно, что А. Н. Рыбаков в известном романе «Дети Арбата» (опубл. в 1987 г.) приписал Сталину сходную по смыслу фразу: «Нет человека — нет проблемы», сразу ставшую афоризмом.

² Хаустов В. Н. Холодная война и усиление репрессивной политики // Совет. гос-во и о-во в период позднего сталинизма. 1945–1953 гг.: мат-лы VII международ. науч. конф. (Тверь, 4–6 декабря 2014 г.). М.: РОССПЭН, 2015. С. 653.

³ Петров Н., Янсен М. «Сталинский питомец» — Николай Ежов... С. 114.

⁴ United States Department of State Foreign relations of the United States diplomatic papers, The Conferences at Cairo and Tehran, 1943. III. The Tehran Conference. Washington, 1961. P. 554.

Репрессивная мощь государства была сталинским фетишем. На обложке переизданной в 1923 г. книги Ленина «Государство и революция» Сталин написал: «Теория изживания [государства] есть гиблая теория»¹. Здесь он явно ломился в открытую дверь. Уже в марте 1918 г. радикальный ленинец Н. И. Бухарин заявил, что «мы всегда недооценивали роль государства как... чрезвычайно могущественного фактора». Сам Ленин с весны 1918 г. стал призывать к централизации и «профессионализации» управления: «Мы сейчас стоим безусловно за государство». Тогда же он решил вопрос о преобладании партии над Советами, которые были недостаточно коммунизированными и централистскими структурами, что сразу воплотилось в перераспределение власти от Советов к партийным комитетам². Руководители страны почти сразу после революции заговорили о диктатуре над Советами, ибо партийный аппарат, прямо опиравшийся на органы ВЧК, должен был установить свою решительную большевистскую диктатуру вместо рыхлой советской.

В разгар насильственного «великого перелома» Сталин заявил на XVI съезде ВКП(б) о необходимости «высшего развития государственной власти в целях подготовки условий для отмирания государственной власти» в коммунистическом обществе³. В январе 1933 г., развернув широкий секретный террор⁴, вождь снова опроверг старую ленинскую идею относительно замены государства принципами самоуправления (от которой быстро отказался и сам Ленин), заявив, повторяя Троцкого, следующее: «Отмирание государства придёт не через ослабление государственной власти, а через её максимальное усиление, необходимое для того, чтобы добить остатки умирающих классов и организовать оборону против капиталистического окружения... Надо иметь в виду, что рост мощи советского государства будет усиливать сопротивление последних остатков умирающих классов». Год спустя в отчётном докладе

---

¹ Симонов Н. Размышления о пометках Сталина на полях марксистской литературы // Коммунист. 1990. № 18. С. 72.

² Леонов С. В. Рождение советской империи: государство и идеология. 1917–1922 гг. М.: Диалог-МГУ, 1997. С. 184–186.

³ Сталин И. В. Политический отчёт ЦК ВКП(б) XVI съезду ВКП(б). 27 июня 1930 г. // XVI съезд Всесоюзной коммунистической партии (б): стеногр. отчет. М.: Госиздат, 1930. С. 56.

⁴ Тепляков А. Г. Динамика государственного террора в СССР в 1933 году: новые данные // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2013. Т. 12. Вып. 1: История. С. 50–54.

XVII партсъезду Сталин потребовал «усиления органов диктатуры пролетариата» в целях построения бесклассового общества¹.

В 1937–1938 гг. пресса публиковала сталинские неграмотные высказывания вроде лозунга «За здоровье Ленина и ленинизма» и угрозы заставить врагов расплатиться «пудами крови» (вместо очевидного «ведрами»); принадлежность этой фразы вождю народов предположительна)², которые не осмеливались поправить редакторы. В своём тосте 7 ноября 1937 г., записанном Г. Димитровым, Сталин провозгласил, что всякого, кто попытается разрушить СССР, причём не только действиями, но и помыслами, ждёт жесточайшая кара: «Мы будем уничтожать каждого такого врага... весь его род, его семью. <...> За уничтожение всех врагов до конца, их самих, их рода!»³. Затем Сталин переложил ответственность за репрессии на «железного наркома», заявив одному из соратников: «Ежов мерзавец! Разложившийся человек. Звонишь к нему в наркомат — говорят: уехал в ЦК. Звонишь в ЦК — говорят: уехал на работу. Посылаешь к нему на дом — оказывается, лежит на кровати мертвецки пьяный. Многих невинных погубил. Мы его за это расстреляли»⁴.

После окончания Большого террора вождь на XVIII съезде ВКП(б) снова обрушился на тех, кто якобы сохранял иллюзии о возможности ослабления роли государства при социализме. Сталин заявил, что у таких лиц, беспечно отнёсшихся к развитию теории государства, «сквозит недооценка роли и значения нашего социалистического государства и его военных, карательных и разведывательных органов, необходимых для защиты страны социализма от нападения извне». А то, что коммунисты проглядели «измену троцкистов и бухаринцев», вождь объяснил «недооценкой силы и значения механизма окружающих нас буржуазных государств и их разведывательных органов». Он заявил о пренебрежении ролью и значением «механизма нашего социалистического государства и его разведки, недооценкой этой разведки, болтовнёй о том, что разведка при Советском государстве — мелочь и пустяки, что советскую разведку, как и само Советское государство, скоро придётся сдать в музей

---

¹ Сталин И. В. Соч. в 18 т. М.: Писатель, 1997. Т. 13. С. 211, 350.

² Сталин И. Речь на приёме работников высшей школы // Правда. 1938. 19 мая; Красная звезда. 1937. 14 июня.

³ Неvejeин В. А. Застольные речи Сталина... С. 148.

⁴ Яковлев А. С. Цель жизни. Записки авиаконструктора. М.: Политиздат, 1969. С. 508.

древностей»¹. На деле никто в СССР официально не высказывал подобных идей, но Сталину было важно подчеркнуть резко усилившееся значение карательных органов и оправдать курс на их дальнейшее укрепление.

Рассуждая о государстве, Сталин подчеркнул необходимость страны иметь «и хорошо обученную армию, и хорошо организованные карательные органы, и крепкую разведку», отметив, что «карательные органы и разведка» необходимы «для вылавливания и наказания шпионов, убийц, вредителей, засылаемых в нашу страну иностранной разведкой». Здесь он, таким образом, счёл необходимым отделить разведывательную работу от карательной; вероятно, Сталин считал разведкой политический сыск, контрразведку и внешнюю разведку, а карательными органами — систему ГУЛАГа, тюрем, спецпоселений, а также оперативные отделы (занимавшиеся слежкой и арестами) и расстрельные команды. Ещё диктатор отметил, что с ликвидацией классов в начале 30-х годов «появилась у государства функция охраны социалистической собственности от воров и расхитителей народного добра»², фактически признав огромный рост преступности вследствие полного отчуждения бедствовавшего населения от результатов труда. Таким образом, Сталин провозгласил дальнейшее укрепление именно охранительно-репрессивной системы СССР, не уставая призывать всех «...помнить, что иностранная разведка будет засылать в нашу страну шпионов, убийц, вредителей, помнить об этом и укреплять нашу социалистическую разведку, систематически помогая ей громить и корчевать врагов народа»³.

В некоторых высказываниях Сталина имелись замаскированные намёки на тот демографический ущерб, который понесла страна в 30-е годы. Говоря о промахах работников Госплана в области промышленности, Сталин на XVIII съезде ВКП(б) фактически признал, что сказанные им пятью годами ранее слова о ежегодном приросте населения СССР на «целую Финляндию» (т. е. на три миллиона человек) являются неосновательными: «Впрочем, эти товарищи ударялись в фантастику... считали, например, что в течение второй пятилетки ежегодный прирост населения в СССР должен составить три-четыре миллиона человек или даже больше этого. Это тоже была

---

¹ Сталин И. В. Соч. Т. 14. С. 329–330.

² Там же. С. 332–334.

³ Там же. С. 320.

фантастика, если не хуже»¹. Верный себе, Сталин свои прежние указания выдал за ошибочные расчёты статистиков, к тому времени уже уничтоженных.

Сталин представлял мировую революцию как процесс, распространяющийся из Советской России в страны, которые благодаря географической близости могли стать составными частями «социалистического окружения» СССР, что должно было обеспечить и национально-государственные интересы страны, и дальнейший прогресс международной революции². С конца 20-х годов Сталин опирался уже не столько на потенциальную революционность нетеропливых пролетариев Запада, сколько на собственную армию, политическую полицию, разведку, Коминтерн и попытки разложения зарубежных элит с помощью леворадикальных идей. Деятельность разведывательных служб СССР не должна была ограничиваться конкретными регионами (сосредотачиваясь прежде всего в Европе и Китае), а проводиться в планетарном масштабе. В своём дневнике Г. Димитров записал слова Сталина 21 января 1940 г., в разгар войны с Финляндией: «Мировая революция как единый акт — ерунда. Она происходит в разные времена в разных странах. Действия Красной Армии — это также дело мировой революции»³. Из этих слов следовала и особенная конспиративная роль советских спецслужб в подталкивании всё той же международной революции.

Следует отметить, что некоторые важные сталинские высказывания обрастали мифами, вроде якобы его личного признания в уничтожении 10 млн крестьян в период коллективизации⁴. На самом деле Сталин в 10 млн оценил число тех, кто активно сопротивлялся этой политике. Вот что записал Черчилль в мемуарах о своей беседе со Сталиным 15 августа 1942 г., впервые опубликованных в 1950 г. в журнале «Лайф», при жизни собеседника: «Скажите, — спросил я, — тяготы этой войны сказываются на вас лично так же сильно, как проведение политики коллективизации?» Сталин тут же востропел: «О, нет, — ответил он, — коллективизация была [более] страшной борьбой». — «Я так и думал, что вы считаете её очень тяжёлой, ведь пришлось иметь дело не с несколькими десятками тысяч ари-

---

¹ Сталин И. В. Соч. 14. С. 306.

² Такер Р. Сталин. История и личность. М.: Весь Мир, 2006. С. 45–50.

³ Марьина В.В. Дневник Г. Димитрова // Вопр. истории. 2000. № 7. С. 40.

⁴ Одно из последних подобных утверждений см. в: Земсков В. Н. Сталин и народ. Почему не было восстания. М.: Алгоритм, 2014. С. 91.

стократов или крупных помещиков, а с миллионами маленьких людей». «С десятью миллионами, — сказал Сталин, подняв руки. — Это было страшно. И продлилось четыре года»¹.

Речь здесь шла о 1930–1933 гг., времени восстаний, саботажа работы в колхозах, забастовок, всеобщего недоедания и прямого голодомора. Таким образом, Сталин постфактум оценивал численность активных противников в 10 млн человек. Число сверхнормативных демографических потерь в 30-е годы, преимущественно от голода, современными исследователями оценивается примерно в эту же величину.

В своём письме в журнал «Пролетарская революция» Сталин в 1931 г., представив себя основным интерпретатором марксизма-ленинизма, прямо заявил о пренебрежении документами и назвал историков «архивными крысами», которые не понимают политических требований к своей продукции. Установочное письмо Сталина вызвало панику исследователей и настоящий погром исторической науки, в результате чего значительно понизилось качество публикаций².

Большевики прекрасно осознавали связь между своей диктаторской политикой и сопротивлением ей со стороны основной части общества, ответом на что неизменно были репрессии. Несмотря на отмену смертной казни, Свердлов 5 июля 1918 г. заявил: «Смертные приговоры мы выносили десятками по всем городам: и в Петрограде, и в Москве, и в провинции»³. Ленин 7 ноября 1918 г., выступая перед чекистами, заявил, что «чем больше пролетариат будет давить её [т. е. буржуазию — А. Т.], тем бешеней будет отпор её...»⁴. Х. Г. Раковский, выступая 6 марта 1919 г. перед делегатами III Всеукраинского съезда Советов, заявил то же самое: «Чем дальше мы пойдём в социалистическом строительстве <...> тем больше будут увеличиваться наши враги»⁵. Точно так же десятилетие спустя выскажется и Сталин, потом постоянно возвращавшийся к этой прин-

---

¹ Face to Face with Stalin: The War Memoirs of Winston Churchill // Life. 1950. October 30. P. 104; Churchill W. Second World War. Vol. 4. Houghton Mifflin, 1953. P. 498.

² Дунаевский В. А. О письме Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция» и его воздействии на науку и судьбы людей // История и сталинизм: сб. / сост. А. Н. Мерцалов. М.: Политиздат, 1991. С. 284–297.

³ Пятый Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов. Стеногр. отчет... С. 49.

⁴ Архив ВЧК... С. 93.

⁵ См.: Семененко В. А., Радченко Л. А. История Украины с древнейших времён до наших дней. Харьков: Торсинг, 2002. 480 с.

ципиальной ленинской мысли, явно сразу ставшей достоянием партийного аппарата. Даже Н. И. Бухарин и А. И. Рыков, считающиеся «мягкими» большевиками, оставили немало свидетельств своего истинного отношения ко всем несогласным.

В 1925 г. на совещании в Москве Бухарин отметил: «Мы отлично знаем и прямо говорим, что в первое время Октябрьской революции к нам пошла худшая часть интеллигенции... Большинство честной интеллигенции было против нас», а компартия пришла к власти, «...шагая через трупы, для этого надо было иметь не только закалённые нервы, но основанное на марксистском анализе знание путей, которые нам отвела история»¹. В 1933 г. Бухарин писал: «Диктатура пролетариата... кроме единодержавия класса, включает особый момент несвязанный даже своими собственными законами»². В письме Сталину 15 декабря 1936 г. Бухарин сообщал о своей роли в некоторых чекистских операциях: «Однажды ко мне заявился с провокационными разговорами некий Ванька Коротков, бывший с.-р., каторжанин. Я изругал его и заявил, что позвоню в ГПУ. Он быстро ушел. Сообщать я не сообщал по той простой причине, что хорошо знал о его работе в ГПУ. А знал я опять-таки по очень простой причине: я и Дзержинский были его партийными крестными отцами; мы вводили его в партию, а затем в ГПУ, я вместе с ним “разлагал” эсеров и т. д.»³.

В начале 1930 г. глава Совнаркома СССР А. И. Рыков отмечал свою бдительность и активную роль в борьбе с вредительством: «Когда разматывались эти вредительские нити, я и другие неоднократно получали жалобы на то, что среди технического персонала производятся аресты и это затрудняет работу. <...> Этим жалобам мы не вняли и дали ОГПУ противоположный совет — арестовывать каждого, кто уличён во вредительстве»⁴. Председатель ЦКК ВКП(б) Г. К. Орджоникидзе на XVI партсъезде летом 1930 г. осудил массовое недоверие коммунистов к «Шахтинскому делу» и другим вредительским уголовным процессам: «Незачем повторять, какую гро-

---

¹ Судьбы современной интеллигенции: доклад А. В. Луначарского и речи П. Н. Сакулина, Н. И. Бухарина, Ю. В. Ключникова. М.: Московский рабочий, 1925. С. 25.

² Бухарин Н. И. Избранные труды. Л.: Наука, 1988. С. 224.

³ См.: Н. И. Бухарин — И. В. Сталину, 15 декабря 1936 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://perpetrator2004.narod.ru>

⁴ Рыков А. И. Задачи инженерно-технических кадров в период социалистического наступления // Эконом. жизнь. 1930. 20 февр.

мадную роль сыграло ГПУ в раскрытии вредительства... Но в то время громадное количество наших работников не верило этому, — считали, что ГПУ перебарщивает, и с большим трудом приходилось убеждать, что вредительство налицо»¹. Отвечая ходатаю за арестованных по «академическому делу» историков, М. И. Калинин заявил, что «...партия должна была нанести удар Академии, чтобы добиться её подчинения. Поэтому мы прибегли к арестам»². В аналогичном духе выразился по этому поводу и А. С. Енукидзе³.

С другой стороны, произвол чекистов то и дело вызывал протест со стороны многих руководящих большевиков. Ленин мог приказать расстрелять группу «паршивых чекистов», чьи действия вызвали международный скандал. Троцкий в письмах Ленину резко выступил против массовых арестов военных специалистов⁴. А беспартийный главком вооруженных сил республики И. И. Вацетис писал в докладе Ленину в январе 1919 г. о широком терроре чекистов в РККА: «Дисциплина в Красной Армии основана на жестоких наказаниях, в особенности на расстрелах... <...> Беспощадными наказаниями и расстрелами мы навели террор на всех, на красноармейцев, на командиров, на комиссаров. Достигнутое механическое внимание, основанное лишь на страхе перед наказанием, ни в коем случае не может быть названо воинской дисциплиной... наша дисциплина в Красной армии может быть названа, в полном смысле этого слова, кровавой дисциплиной...». Далее Вацетис делал вывод, оказавшийся слишком пессимистическим: «Если долго будет продолжаться дисциплина, основанная на смертной казни, то наша армия не даст нам гарантии устойчивости»⁵.

Н. И. Бухарин 1 января 1919 г. выступил в «Правде» с предложением реформы ВЧК, опасаясь, что «иначе эти органы будут “выдумывать” для себя работу». Достаточно откровенно Бухарин рассказывал

---

¹ XVI съезд Всесоюзной коммунистической партии (б): стеногр. отчет. М.: Госиздат, 1930. С. 319.

² В конце 1919 г. Калинин, приехавший в Воронеж с агитационным поездом «Октябрьская революция», усиленно обелял местных чекистов: «Я самым категорическим образом заявляю, что никаких истязаний, даже угроз нашими органами не допускается». Воронежская коммуна. 1919. 15 нояб.

³ Память: ист. сб. М.: Париж, 1981. Вып. 4. С. 471.

⁴ Ленин В. И. Неизвестные документы. 1891–1922 гг. М.: РОССПЭН, 2000. С. 476; Ганин А. «Считаю Павлуновского человеком психически неустойчивым...» Лев Троцкий против Особого отдела ВЧК // Родина. 2015. № 9. С. 106–109.

⁵ Вацетис И. И. Гражданская война. 1918 год // Память: ист. сб. М.: Париж, 1977. Вып. 2. С. 72, 74.

Б. И. Николаевскому о своей борьбе за законность в годы Гражданской войны, давшей незначительные результаты, и отрицании жестокостей коллективизации: «В 1919 году, когда я выступил за ограничение прав Чeka на расстрелы¹, Ильич провёл решение о посылке меня представителем Политбюро в коллегию ВЧК с правом вето. “Пусть сам посмотрит, — говорил он, — и вводит террор в рамки, если это можно... Мы все будем только рады, если ему это удастся!” И я действительно такого насмотрелся — никому не пожелаю... Но 1919 год ни в коей мере не идёт в сравнение с тем, что творилось в 1930–32 гг. Тогда была борьба. Мы расстреливали, но и нас расстреливали и ещё хуже... А теперь шло массовое истребление совершенно беззащитных и несопротивляющихся людей — с жёнами, с малолетними детьми ...»².

Один из самых образованных и дельных большевиков Л. Б. Красин (ранее добившийся прекращения «вредительского» дела на несколько десятков специалистов Свирьстроя) 8 ноября 1921 г. писал Ленину, что «...пока наши инженеры и техники будут в лапах таких, как [работник ВЧК] Агранов и другие, абсолютно ничего не понимающих ни в технике, ни в экономике — никакой работы и никакого, даже простого, капитализма у нас не выйдет. <...> Конечно ВЧК будет недовольна, она уже решила расстрелять [инженера] Богдатьяна, а когда дело попало в Ревтрибунал, оно превратилось в полный скандал для обвинения и закончилось... полной реабилитацией обвиняемого»³. Заместитель председателя СНК УССР М. В. Фрунзе довольно явно показал своё отношение к работе чекистов, потребовав в 1922 г. от работников особых отделов Украины прежде всего не бдительности в раскрытии шпионов и заговорщиков, а информации о быте военнослужащих, проявлениях халатности и бесхозяйственности со стороны командного состава⁴.

На совещании, обсуждавшем в июне 1928 г. вредительство на железнодорожном транспорте, нарком путей сообщения СССР Я. Э. Рудзутак обвинил чекистов в преувеличении данных, заявив, что «ОГПУ взялось доказать слишком много... выставляя... положение дела несколько хуже, чем имеется в действительности. <...> ...Если следствие будет идти сразу по всем дорогам, то это безусловно раз-

---

¹ См.: Правда. 1919. 1, 15 янв.

² Фельштинский Ю. Г. Разговоры с Бухариным. М.: Изд-во гуманитар. лит., 1993. С. 91–105.

³ Большеви́стское руководство. Переписка. 1912–1927... С. 217.

⁴ Первый Всеукраинский съезд начальников особых органов Госполитуправления 2–5 ноября 1922 г.: стеногр. отчет. Харьков, 1922. С. 21.

ложит работу на дорогах. ...Был такой случай, когда наш работник не подписал того, что ему предлагало подписать ГПУ, то ГПУ его арестовывало». Начальник Транспортного отдела ОГПУ Г. И. Благонравов тут же перебил оратора репликой, утверждая, что агент не арестовывался, но Рудзук решительно возразил: «Он же мне рапорт подал о том, что его за подачу особого мнения арестовали и лишь после того, как он изменил его, его через несколько часов выпустили. Его не арестовывать надо, а похвалить за то, что он имеет своё особое мнение... Такой порядок ведения следствия разлагает работу, а не укрепляет»¹.

Наркоминдел Г. В. Чичерин в 1930 г. писал В. В. Куйбышеву о своём отношении к чекистам: «Внутренний надзор ГПУ в НКВД и полпредствах, шпионаж за мной, полпредами, сотрудниками, поставлен самым нелепым и варварским образом. Руководители ГПУ слепо верят всякому идиоту или мерзавцу, которого они делают своим агентом. С т. Дзержинским у меня были очень хорошие отношения, прекрасные с [начальником Иностранного отдела ОГПУ] т. Трилиссером, дипломатически безукоризненные с т. Менжинским, но агенты ГПУ считают меня врагом. Некоторые циркулирующие обо мне клеветнические измышления имеют, несомненно, источником ложь агентов ГПУ. Об авантюрах зарубежных агентов ГПУ писать нельзя. Гораздо хуже Разведупр...»². Характерно, что Чичерин не исключал возможности своего устранения, поэтому откровенно написал Л. М. Карахану (имевшему хорошие контакты со Сталиным) 3 февраля 1923 г.: «Я могу якобы попасть под автомобиль или якобы упасть с лестницы — ко мне якобы будет ходить врач, потом можно будет сказать, что организм не вынес, — и назначить меня в госиздат в коллегия или на маленькую должность в НКПрос. Пожалуйста, поддержите [меня] при разговорах со Сталиным»³.

Чекистские вожди также замечены в откровенных высказываниях. Один из лидеров меньшевиков Р. Абрамович записал свой приватный разговор с Ф. Э. Дзержинским в августе 1917 г., где тот предложил изменить расстановку социально-политических сил в России «путём подчинения или истребления некоторых обществен-

---

¹ Политбюро и «вредители». Кампания по борьбе с вредительством на объектах промышленности: сб. док. / сост. О. Б. Мозохин, Ю. А. Борисёнок, Е. Г. Галимзянова. Т. 2. М.: Родина МЕДИА, 2014. С. 146, 149.

² «Диктатура языкочешущих над работающими». Последняя служебная записка Г. В. Чичерина // Источник. 1995. № 6. С. 99–116.

³ Цит. по: Молодяков В. Тайный сговор, или Сталин и Гитлер против Америки. М.: Алгоритм, 2008. 368 с.

ных классов»¹. Дзержинский сразу после назначения в ВЧК заявил, что большевикам нужна не «революционная юстиция», а «революционная расправа». Чекисты первого призыва запомнили «длинную горячую речь» Дзержинского, который — через несколько недель после образования ВЧК — убеждал подчинённых, что у них, стражей революции, главный лозунг — «Цель оправдывает средства»². Летом 1918 г. Дзержинский ответил представителям небольшевицких газет относительно возможных ошибок ВЧК к невинным. «ЧК — не суд, — отвечает Дзержинский. — ЧК — защита революции, как Красная Армия, и как Красная Армия в гражданской войне не может считаться с тем, принесет ли она ущерб частным лицам... так и ЧК должна защищать революцию и побеждать врага, даже если меч её при этом попадает случайно на головы невинных»³.

Позднее Дзержинский уверял, что «почти во всех наших учреждениях имеются враги». Также железный Феликс официально признавал, что ВЧК пользуется агентурными услугами заведомых преступников⁴. Для себя Дзержинский мог использовать термин «жид» и в черновых заметках по материалам инспекции Всетатарской ЧК в 1921 г., выявившей массовые репрессии, отметить, что в Казани не осталось «ни одн[ого] жида — [все] расстреляны»⁵ (сведения о результатах инспекции до сих пор не обнародованы). Зимой 1921 г. председатель ВЧК мог с удовлетворением подвести итоги: «Я думаю, что наш аппарат один из самых эффективных. Его разветвления есть всюду. Народ уважает его. Народ боится его»⁶.

Дзержинский был абсолютно уверен в праве ВЧК наносить даже такие удары, которые вызывали паралич деятельности некоторых важных учреждений: «Раньше, когда нам некогда было разбираться в деталях, мы били в определенную точку и, таким образом, не раз расстраивали те органы, которые были призваны для воссоздания

---

¹ Abramovich R. The Soviet Revolution 1917–1939. London, 1962. P. 312.

² Бонч-Бруевич В. Д. На боевых постах февральской и октябрьской революции. М.: Федерация, 1930. С. 192; Генис В. Л. Федор Павлович Другов // Вопр. истории. 2010. № 3. С. 59.

³ Луначарский А. В., Радек К. Б., Троцкий Л. Д. Силуэты: политические портреты. М.: Политиздат, 1991. С. 289.

⁴ Дзержинский Ф. Э. Избр. произведения: в 2 т. М.: Политиздат, 1967. Т. 1. С. 272; Илья [Цивцивадзе И. В.] Еще о трибуналах и чрезкомах // Правда. 1919. 18 февр.

⁵ Ф. Э. Дзержинский — председатель ВЧК-ОГПУ. 1917–1926 / сост. А. А. Плеханов, А. М. Плеханов. М.: МФД, Материк, 2007. С. 363.

⁶ Луначарский А. В. В Наркомпросе. М., 1931. С. 182.

экономической жизни»¹. При этом Дзержинский тут же оговорился, что разрушительное для экономики недоверие к «спецам» у чекистов было вполне «здоровое». Понимая сущность органов ЧК как универсального средства мобилизации ресурсов во всех сферах, Дзержинский пояснил: «Мы не судьи, мы не боремся за справедливость, мы только что сказали, что для того чтобы спасти транспорт, придется... арестовывать [наших] товарищей, потому что только таким образом мы сможем возбудить ту необходимую энергию, которая воссоздаст наш транспорт»².

Основатель ВЧК хорошо понимал, что среди его сотрудников преобладают нерассуждающие фанатики и отъявленные преступники. Осенью 1923 г. Дзержинский сказал коминтерновцам К. Б. Радеку и Г. Брандлеру, что «святые или негодяи могут служить в ГПУ, но святые теперь уходят от меня, и я остаюсь с негодяями»³. Данная фраза хорошо корреспондирует с многочисленными фактами оставления на руководящих постах скомпрометированных чекистов, доказавших основателю ВЧК свою революционную беспощадность. Дзержинский довёл требование политической лояльности в кадровой политике ВЧК до абсолюта, заявив о приоритете «не очень умных» лояльных перед «умными», но не вполне «нашими»⁴. Этот принцип в системе госбезопасности не менялся никогда.

Отношение к основателю советской политической полиции в пропаганде менялось, его посмертный образ сначала пытались наполнять человеческим содержанием, после выпячивали беспощадность к врагам (её отмечал, например, отнюдь не мягкий Троцкий), затем снова сочетали грозный образ подавителя контрреволюции с привлекательными чертами гуманного большевика и друга детей. В июле 1926 г. К. Б. Радек в некрологе Дзержинскому написал: «Враги наши создали целую легенду о всевидящих глазах ЧК, о всеслышащих ушах ЧК, о вездесущем Дзержинском. Они представляли себе ЧК в качестве какой-то громадной армии, охватывающей всю страну, просовывающей свои щупальца в их собственный стан»⁵. Вместе с тем Радек отмечал: «Но тем, кто знал Дзержинского, из-

---

¹ Архив ВЧК... С. 141–142.

² Там же. С. 142.

³ Конквест Р. Большой террор... С. 982.

⁴ Плеханов А. М. ВЧК-ОГПУ: Отечественные органы государственной безопасности в период новой экономической политики... С. 217.

⁵ Луначарский А. В., Радек К. Б., Троцкий Л. Д. Силуэты... С. 293, 288.

вестно, как нелегко давалась ему его беспощадность». Когда в 1920 г. шло наступление на Польшу, Дзержинский сказал Радеку, что хочет руководить польским наркомпросом: «Товарищи, бывшие при этом разговоре, смеялись. Дзержинский съёжился»¹. Характерно, что с развитием сталинизма жестокость Дзержинского в оценках высокопоставленных пропагандистов усиливалась: «Беспредельная ненависть и безжалостность к врагу выражали его безграничную любовь к трудящемуся человечеству»². А в последующие эпохи в деятельности основателя ВЧК советская пропаганда подчёркивала его человечность, заботу о беспризорных детях и активное участие в развитии народного хозяйства.

Известный своими радикальными заявлениями о терроре ближайший сподвижник основателя ВЧК М. И. Лацис в 1926 г. цинично пояснял размах преступлений в карательном ведомстве, повторяя понравившийся образ «игры головами» из своей публицистики 1918 г.: «ВЧК играет головами граждан, в её руках имущество населения. Разве трудно в таких условиях поскользнуться рядовому сотруднику? Ведь кругом искушения, а власть — почти безграничная»³. О степени откровенности Лациса говорят и характеристика руководящего кресла Дзержинского как «обрызганного кровью», и оценка правовой обстановки конца 1917 — первой половины 1918 г.: «В те дни объявить гражданина врагом народа было равносильно приговору к смерти. Революционное правосудие не было ещё введено в рамки советского аппарата. Каждый революционно-настроенный гражданин считал своей высшей обязанностью расправиться с врагами народа»⁴.

В январе 1922 г. заместитель председателя ВЧК И. С. Уншлихт откровенно аргументировал потребность во внесудебной расправе опорой на агентурные материалы, которые являлись куда более удобными, чем следственные: «Есть целый ряд дел, по которым в трибуналах из-за отсутствия фактического материала будут вынесены оправдательные приговоры, в то время как у нас имеется агентурный материал, вполне достаточный для строгого приговора вплоть до высшей меры наказания. По отношению к деятелям анти-советских партий при известной обстановке... необходимо приме-

---

¹ Луначарский А. В., Радек К. Б., Троцкий Л. Д. Силуэты... С. 288–289.

² Микоян А. И. Феликс Дзержинский. М.: Партиздат ЦК ВКП(б), 1937. С. 7.

³ Лацис М. Тов. Дзержинский и ВЧК // Пролетар. революция. 1926. № 9. С. 86.

⁴ Там же. С. 83–84.

нять те или иные репрессии, не имея против них конкретных материалов. Все это выполнимо лишь в административном порядке»¹.

Председатель ОГПУ В. Р. Менжинский, направляя широкие репрессии в отношении крестьянства, в августе 1930 г. требовал от полпредств ОГПУ по Сибири, Дальнему Востоку, Уралу и Казахстану большей решительности в борьбе с повстанчеством и как можно более быстрого рассмотрения дел на тройках: «Не бойтесь размеров операции, важен результат»². Вместе с тем руководящие чекисты считали себя и подчинённых лучшими и преданнейшими коммунистами, «передовым вооружённым отрядом партии». Крайнее самодовольство характерно для поведения Г. Г. Ягоды, уверенного в том, что его информация для ЦК партии является абсолютно достаточной для ареста любого советского чиновника³.

Ещё более откровенно вёл себя Н. И. Ежов. Согласно показаниям бывшего начальника УНКВД по Московской области С. Ф. Реденса, Ежов летом 1937 г. говорил, что в основном он закончил чистку аппарата в НКВД: «...Сменены люди, и он теперь за аппарат спокоен, ещё придётся заменить в ряде мест и он сейчас подбирает людей. Вот [вос]создам ЧК, все будут дрожать перед ней. Пусть знают, что такое ежовская разведка. Он часто любил говорить, что он Марат. <...> Аппарат НКВД сейчас приобрёл огромный авторитет, советская разведка гремит, НКВД [по смыслу — НКВД. — А. Т.] по существу без меня мало что делает, назначение послов проходит через меня... Значит, внутренние дела и иностранные у меня сейчас в руках. ...Начальники [управлений НКВД] на местах сейчас имеют огромную власть, во многих местах они сейчас первые люди... <...> Сказал, что он готовит большую операцию по всему Союзу, будут сведены “тройки”, которым будут даны большие права, вот тогда мы еще более авторитет ЧК поднимем»⁴.

В целом, мнения руководителей ВЧК-НКВД не выглядят более жестокими в сравнении с высказываниями лидеров партии и государства.

Информативными для понимания репрессивной политики являются и выступления работников большевистской юстиции, гото-

---

¹ Павлов Д. Б. Большевистская диктатура против социалистов и анархистов, 1917 — середина 1950-х годов. М.: РОССПЭН, 1999. С. 54–55.

² ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 219. Л. 131.

³ Викторов Б. А. Без грифа «Секретно». Записки военного прокурора. М.: Юрид. лит., 1990. С. 138–139.

⁴ Собственноручные показания Реденса от 14 мая 1939 г. // ЦА ФСБ РФ. АСД на С. Ф. Реденса № 975047: в 2 т. Т. 1.

вых проливать «океаны крови» и нередко приводивших красноречивые примеры карательной активности властей. Сразу после октябрьского переворота председатель Верховного ревтрибунала ВЦИК Н. В. Крыленко утверждал, что «суд в нашем государстве должен стать органом классовой борьбы господствующего класса над своими врагами»¹. К. Х. Данишевский в своей брошюре «Революционные военные трибуналы» демонстративно заявлял: «Революционный военный трибунал — это необходимый и верный орган диктатуры пролетариата, долженствующий через неслыханное разорение, через океан крови и слёз провести рабочий класс в мир свободного труда, счастья трудящихся и красоты»².

Не менее откровенна и выдержка из лекции «Красное право и красный суд», прочитанной наркомом юстиции Украинской ССР А. И. Хмельницким в Одессе в 1922 г.: «Советское законодательство правильно возлагает на органы Советской власти обязанность заботиться о том, чтобы так называемая частная инициатива, даже проявляющаяся в недрах трудовых масс, была сведена на нет, чтобы она была заменена инициативой публичной. Советское государство руководствуется интересами рабочего государства в целом и поэтому лишает отдельных лиц, отдельные группы таких лиц тех прав, которыми они пользовались в ущерб социалистической революции. Социалистическое государство, применяя труд тех или иных граждан, не вступает с ними в договор... государство выступает как орган власти, проводящий трудовую повинность граждан. Необходимо истребить самый дух частной инициативы, необходимо истребить дух самопомощи и заменить его принципом помощи сверху, принципом государственной помощи...»³.

Будущий нарком юстиции Н. В. Крыленко о внесудебной деятельности ВЧК говорил, что та «...присвоила себе право безапелляционного решения вопросов жизни и смерти, причем эти самые решения выносились “тройками” или “пятерками” чрезвычайных комиссий без каких бы то ни было норм, определявших как подсудность, так и метод рассмотрения дел», превратившись в целый наркомат, «страшный беспощадностью своей репрессии и полной непроницаемостью для чьего бы то ни было глаза всего того, что

---

¹ Крыленко Н. В. Революционные трибуналы // Вестн. жизни. 1918. № 1. С. 83.

² См.: Фельдман Д. М. Терминология власти: советские политические термины в историко-культурном контексте. М.: РГУ, 2006. 486 с.

³ Рылов В. Ю. По ленинскому пути: к вопросу о становлении советской системы принудительного труда // Ист. записки. Воронеж, 2010. Вып. 14. С. 64–103.

творилось в её недрах»¹. Далее критические высказывания в адрес «органов» исчезают, и Крыленко, анализируя дело «Промпартии», заявил о необходимости террора со стороны ОГПУ и в настоящем, и в будущем: «В 1927 году мы [без суда] расстреляли 26 белогвардейцев во главе с бывшим князем Павлом Долгоруким; в 1930 — расстреляли [без суда] 48 вредителей-снабженцев и этим показали, что мы не собираемся складывать оружие террора, мы не отказываемся от него»². В речи перед студентами Саратовского правового института и работниками юстиции Крыленко 23 марта 1935 г. прокламировал следующее: «Есть очень много и скрытых контрреволюционных актов, актов контрреволюционных по своему существу, которые должны нами оцениваться как контрреволюционные, хотя они часто не подходят под формальные моменты, в частности под определение нашего Уголовного кодекса»³.

Прокурор РСФСР и заместитель наркома юстиции РСФСР А. Я. Вышинский в 1933 г. возмущался тем, что «некоторые представители местной власти» восприняли указ от 7 августа 1932 г. как сигнал к тому, «чтобы убивать или загонять в концентрационные лагеря как можно больше народу». Вышинский упомянул случаи, когда за кражу двух снопов кукурузы приговаривали к смертной казни, а одного молодого человека приговорили к 10 годам заключения за «то, что резвился с девочками ночью в хлеву, нарушая покой колхозных свиней»⁴. В 1936 г. Вышинский счёл необходимым напомнить партийному активу Прокуратуры СССР «указание товарища Сталина, что бывают такие периоды... когда законы оказываются устаревшими и их надо отложить в сторону»⁵. В годы террора Вышинский, являясь Прокурором СССР, был одним из крупных акторов сталинской террористической политики, сделав прокурорский надзор за законностью фиктивным и вместе с Ежовым подписывая тысячи заочных смертных приговоров. Однако, как только эпоха Большого террора закончилась, Вышинский вновь стал критиковать чекистские «перегибы».

---

¹ Крыленко Н. В. Судостроительство РСФСР: Лекции по теории и истории судостроительства. М.: Юрид. изд-во, 1923. С. 97.

² Крыленко Н. Выводы и уроки из процесса «Промпартии». М.: Л.: Моск. рабочий, 1931. С. 42.

³ Виктор Б. А. Без грифа «Секретно». Записки военного прокурора. М.: Юрид. лит., 1990. С. 199.

⁴ Вышинский А. Я. Революционная законность на современном этапе. М.: Сов. законодательство, 1933. С. 99–103.

⁵ Виктор Б. А. Без грифа «Секретно»... С. 204.

Вожди «второго ряда» также оставили объяснения репрессивной политики. К. Б. Радек в 1921 г. зафиксировал сознательно-террористический характер пролетарской диктатуры: «Крестьянин только что получил землю, он только что вернулся с войны в деревню, у него было оружие и отношение к государству весьма близкое к мнению, что такая дьявольская вещь как государство вообще не нужно крестьянину. Если бы попытались обложить его натуральным налогом, мы бы не сумели собрать его, так как для этого у нас не было аппарата, старый был сломан, а крестьянин добровольно ничего бы не дал. Нужно было, в начале 18-го года, сначала разъяснить ему весьма грубыми средствами, что государство не только имеет право на часть продуктов граждан для своих потребностей, но оно обладает и силой для осуществления этого права»¹.

Партийные работники постоянно выступали с откровенной защитой классового террора. Видный подпольщик В. П. Ногин ещё в 1901 г. написал коллеге: «Теория о неразумности террора есть только у интеллигенции, рабочие не знают её и будут [террор] применять»². В петроградской «Северной коммуне» Г. Е. Зиновьев в сентябре 1918 г. на 7-й общегородской партконференции провозгласил: «Если мы не увеличим нашу армию, нас вырежет наша буржуазия... Нам с ними не жить на одной планете. Нам нужен собственный социалистический милитаризм для преодоления своих врагов. Мы должны увлечь за собою 90 милл. из ста населяющих Советскую Россию. С остальными нельзя говорить — их надо уничтожить»³. Глава ВУЦИК Г. И. Петровский в июле 1925 г., выступая перед чекистами Украины, не без удовольствия вспомнил годы Гражданской войны, «ибо в те времена мы закалялись и били врагов, может быть, очень круто, но весело...»⁴.

Другие вожди и публицисты считали необходимым истребление конкретно казачества или интеллигенции. Член Донского ревкома И. И. Рейнгольд в июле 1919 г. писал в ЦК РКП(б), развивая идеи мартовской директивы ЦК об уничтожении зажиточного казачества: «Казачков, по крайней мере огромную их часть, надо будет рано или поздно истребить, просто уничтожить физически, но тут нужен

---

¹ Радек К. Пути русской революции // Красная новь. 1921. № 4. С. 188.

² Пролетарская революция. 1924. № 11. С. 229.

³ Северная коммуна. 1918. № 109. 19 сент. С. 2.

⁴ Подкур Р., Ченцов В. Документы органов государственной безопасности УССР... С. 121.

огромный такт, величайшая осторожность и всяческое заигрывание с казачеством. Ни на минуту нельзя упускать из виду того обстоятельства, что мы имеем дело с воинственным народом, у которого каждая станица — вооружённый лагерь, каждый хутор — крепость»¹. Один из основных организаторов расстрела царской семьи А. Г. Белобородов писал секретарю ЦК РКП(б) Н. Н. Крестинскому 6 мая 1919 г. с Дона: «Необходимо организовать Чрезвычайки и, как можно скорее, покончить с трибунальским словоизвержением. Основное правило поведения при расправе с к[онтр]рев[олюцией]: захваченных не судят, а с ними производят массовую расправу»². В ответ члены Донревкома сообщали в ЦК партии, что «расстрелы, принимавшие уродливую форму спорта», никак не могли породить в казачестве «советских настроений»³.

Все ответственные работники привносили что-либо в карательные мероприятия, оставляя в документах следы своей решимости бороться с врагами революции. В июне 1919 г. В. В. Осинский информировал ЦК РКП(б) о массовом военном дезертирстве, предлагая облавы и «расстрелы в уездах по четыре-пять человек злостных дезертиров под строгим контролем губернии»⁴. С. М. Киров летом 1919 г. говорил жителям Астрахани: «Пусть не смущают вас, товарищи рабочие, залпы, которые вы слышите за последнее время по ночам в различных частях города. Это Советская власть расправляется с участниками белогвардейского заговора, который был недавно раскрыт. Это расстреливаются те, которые уже заготовили массу яда для того, чтобы отравить ответственных работников и части Красной Армии. <...> Этими залпами уничтожаются только наши враги, и каждый такой выстрел приближает нас к победе»⁵. В декабре 1932 г. Киров обратился к чекистам Ленинградской области со следующими словами: «Надо прямо сказать, что ЧК-ГПУ — это орган, призванный... карать по-настоящему, чтобы на том свете был замечен прирост населения благодаря деятельности нашего ГПУ»⁶.

---

¹ Павлюченков С. А. Военный коммунизм в России: власть и массы. М.: Рус. книгоиздат. тов-во — История, 1997. С. 215.

² Большевистское руководство. Переписка. 1912–1927... С. 109–110.

³ Наше Отечество. Ч. II / сост. С. В. Кулешов, О. В. Волобуев, Е. И. Пивовар и др. М.: ТЕРРА, 1991. С. 66.

⁴ Там же. С. 62.

⁵ Киров С. М. Избранные статьи и речи (1912–1934). М.: Политиздат, 1957. С. 70.

⁶ Лубянка-2. Из истории отечественной контрразведки. М.: Мосгосархив, 1999. С. 200.

Известный своим радикализмом политик и публицист Ю. Ларин предлагал крайние меры для упрощения и упразднения целого ряда видов профессиональной деятельности: от прекращения преподавания истории, а также иностранных языков, до отмены уголовных кодексов — специально для того, чтобы лишить старую интеллигенцию возможности заниматься своей работой и оставить её без средств к существованию. Таким путём достигалась возможность «создать широкую возможность для приспособления к выполнению этой функции социально-близких нам элементов»¹. Действительно, прежнюю интеллигенцию активно вытесняли из профессии, в том числе резко сократив объём преподавания иностранных языков и в школе, и в вузах, а история вплоть до 1934 г. в программах советской высшей школы не значилась. Резкое сокращение роли адвокатуры, изоляция от мира, закрытие основного количества газет и журналов, запрет публикации трудов за свой счёт лишали мыслящий класс возможности и обнародования неортодоксальных идей, и просто оплаты своего труда. Подход Ларина был особенно близок чекистам, прекрасно помнившим об активности интеллигенции — начиная от гимназистов — в ходе сопротивления большевизму периода Гражданской войны.

Ненависть к крестьянству тоже была у большевиков общим местом. Незадолго до массовой коллективизации Г. К. Орджоникидзе на заседании ЦКК заявил одному из видных чиновников: «Крестьяне — это самые страшные классовые враги. Это не повредит, если какие-нибудь 10 миллионов из них будут уничтожены. Пока мужик, наш смертельный враг, нас не проглотил, мы должны его навсегда как следует взнуздать. Коллективизация — это наше средство укротить мужика. Мы не успокоимся, пока последний мужик не войдёт в наш колхоз или не будет навсегда обезврежен»². В феврале 1930 г. секретарь ЦК ВКП(б) В. М. Молотов на совещании региональных партийных руководителей разъяснял необходимость антикрестьянского террора: «...Когда меня на ноябрьском пленуме [1929 г.] спрашивали отдельные товарищи, как быть с кулаком, я говорил, если есть подходящая речка — топите. Не везде есть речка, значит, ответ недостаточный. Но отсюда ясно — надо громить... без административных мер не обой-

---

¹ Ларин Ю. Интеллигенция и Советы. Хозяйство, буржуазия, революция, госапарат. М.: Госиздат, 1924. С. 84–86.

² Хмельницкий Д. Нацистская пропаганда против СССР. Материалы и комментарии. 1939–1945. М.: Центрполиграф, 2010. С. 93.

дётся, придётся нам пострелять»¹. А один из руководителей коллективизации Г. Н. Каминский в речи на совещании организаторов колхозов 14 января 1930 г. заявил о желательности максимально жёсткого отношения к крестьянству: «Если в некотором деле вы перегнёте, и вас арестуют, то помните, что вас арестовали за революционное дело...»². В 1932 г. в окружении эмигранта Б. И. Николаевского вполне обоснованно подчёркивалось, что сталинцы не знают моральных преград: «Если решат, что для их планов непременно надо десять миллионов людей истребить — истребят, не задумаются»³.

О направлениях репрессивной мысли рядовых идеологов коммунизма свидетельствуют некоторые малоизвестные издания. Публицист Э. С. Енчмен в брошюре, изданной Северо-Кавказским ревкомом, указывал на неизбежность «окончательного истребления, полного уничтожения буржуазии, включая и буржуазных интеллигентов»⁴. Он же для контроля настроений масс предлагал снабдить граждан удостоверениями, в которых бы фиксировался показатель довольства жизнью, чтобы пайки получали лишь те, кто удовлетворён политикой властей. Надо сказать, что большевистская власть, отказавшись от технически сложной идеи «физиологических паспортов» (своеобразных предшественников детекторов лжи), всегда требовала, чтобы советские люди высказывали положительное отношение к ней.

В работах и неофициальных высказываниях вождей, касающихся теории и практики большевизма, бросаются в глаза криминальные способы воздействия на социум, апология насилия, всевластия и безнаказанности праявляющей партии. Ленин и Сталин, Троцкий и Свердлов, Зиновьев и Каменев, Дзержинский и Бухарин, Рыков и Лавис, Орджоникидзе и Вышинский были едины в мыслях о необходимости и полезности социальной инженерии всеми возможными средствами — от индоктринации до прямого террора. Идея равенства у фанатиков коммунизма не знала границ. Так, видный большевик Э. Рахья очень по-чекистски утверждал, что талантливых людей

---

¹ Баберовски Й. Враг есть везде. Сталинизм на Кавказе. М.: РОССПЭН, 2010. С. 655–656.

² Вопр. истории. 1965. № 3. С. 7.

³ Грибанов А. Борис Николаевский — Исаак Бабель — Борис Суварин и некоторые проблемы эмигрантской журналистики // Тынянов. сб. Вып. 11: Девятые Тынянов. чтения. Исслед. Мат-лы. М.: ОГИ, 2002. С. 466.

⁴ Енчмен Э. Восемнадцать тезисов о «теории новой биологии» (Проект организации Революционно-Научного Совета Республики и введения системы физиологических паспортов). Пятигорск, 1920. С. 43.

«надо резать», поскольку «...ни у какого человека не должно быть никаких преимуществ перед людьми. Талант нарушает равенство»¹.

Идеи социальных чисток и необходимости в массовых кадрах «чистильщиков» не повисли в пустоте, а развивались партийными представителями литературы и искусства. Видный литературный критик и убеждённый коммунист А. К. Воронский утвердительно отвечал на вопросы: «Можно ли принять и оправдать убийство связанного человека? Можно ли прибегать к шпионажу?» Также Воронский доказывал: «В великой социальной борьбе нужно быть фанатиками. Это значит: подавить беспощадно всё, что идёт от... сердца, от личного, ибо временно оно вредит, мешает борьбе, мешает победе»². Защищал красный террор и видный большевистский просветитель В. А. Невский, давая специальные указания библиотекарям: «Девочка 12 лет боится крови <...> Составить список книг, чтение которых заставило бы девочку отказаться от инстинктивного отращения к красному террору»³.

Человеконенавистнические идеи, наряду с практикой красного террора, очевидно оказали влияние и на молодого коммуниста Андрея Платонова. Будущий классик в провинциальной прессе неоднократно обосновывал, в том числе и уже после провозглашения нэпа, необходимость немедленного массового террора: «Больше года тому назад в одной статье я говорил, что... коммунизм можно создать только... тяжёлою беспощадностью, расчётливостью, тяжёлою рабочей рукою, дробящей вражеские черепа... Для осуществления коммунизма необходимо полное, поголовное истребление живой базы капитализма — буржуазии, как суммы живых личностей. <...> Всякое мягкосердие, небесность чувств, прощение мы должны из себя выгнать. <...> Если мы хотим коммунизма, то значит нужно истребить буржуазию; истребить не идеалистически, а телесно, и не прощать её, если бы она даже умоляла о прощении и сдавалась группами. <...> Новый мир построит новый человек, а не отремонтированный, не заплатанный старый... победа революции есть поголовное истребление буржуазии. Только класс способный на великую ненависть, на великое зло, на преступление перед прошлым, только такой класс способен победить и способен к счастью и до-

---

¹ Шаляпин Ф. И. Маска и душа. М.: Моск. рабочий, 1989. С. 220.

² Воронский А. Литературные портреты в двух томах. М.: Федерация, 1928. Т. 1. С. 98, 109.

³ См.: Невский В. А., Херсонская Н. Л. Культурная работа городских библиотек (740 практических занятий для подготовки библиотекаря к культурной работе). 2-е изд. Кострома: Костром. губ. отд. нар. образ., 1920. 61 с.

бру... Пролетарий не должен бояться стать убийцей и преступником и должен обрести в себе силу к этому»¹ Убийц и преступников оказалось много и среди пролетариев, и среди других классов. Прошлое было объявлено рабским, позорным и криминальным, поэтому разрешалось любое преступление против него.

В художественном творчестве Платонов постоянно колебался между гуманизмом и классовым подходом, рисуя картину общества, которое осуществляет долгожданный идеал, не обращая внимания на жертвы. Он мог ужасаться жестокости государства, но соглашался с идеей «великого будущего» и необходимостью борьбы с его врагами. В 1930 г. в рабочих блокнотах писателя под влиянием дела «Промпартии» появилась следующая запись: «Мечта об интервенции, вероятно, долго будет жить, даже при коммунизме, пока не обратится в смерть негодяев-интервентов». В 1934 г. он записал для себя: «Советская власть абсолютно права: в истории случилось обстоятельство (послевоенное и военное), когда люди — многообразные п**дюки, не поддающиеся никакой коллективности..., нуждаются в великом руководстве»². В январе 1937 г. Платонов, одобряя расстрел группы фигурантов второго московского процесса, написал: «Уничтожение этих особых злодеев является естественным, жизненным делом»³.

Писания и высказывания вождей дают уникальный материал о сути деятельности «органов», раскрывают подоплёку важных репрессивных кампаний и акций, а также говорят о взаимном манипулировании со стороны высших чиновников партии, с одной стороны, и госбезопасности — с другой. При этом обе стороны использовали информационные запросы и сообщения, оперировали судьбами агенты и многими другими элементами тайной деятельности. Это позволяет историкам более рельефно представлять историю ВЧК-НКВД.

Совокупность высказываний деятелей власти, чекистов и видных работников культуры позволяет гораздо лучше осмыслить направления коммунистической политики, понять исключительную роль насилия в большевистских преобразованиях, личную ответственность идеологов и практиков режима за осуществление террора, их пренебрежительное отношение к законности и ценности человеческой жизни, прямое участие в строительстве и пропагандистском усилении репрессивно-карательных органов.

---

¹ Платонов А. Коммунизм и сердце человека (В порядке дискуссии) // Свободный пахарь (Задонск). 1922. 6 янв. С. 3-4.

² Платонов А. Записные книжки: Материалы к биографии. М.: Наследие, 2000. С. 73, 139.

³ Лит. газ. 1937. № 5. С. 4.

Глава 5. Советская и зарубежная пресса

Большое значение для раскрытия темы имеет использование материалов советской и эмигрантской прессы, а также фактов, зафиксированных зарубежными (европейскими и американскими) газетами, журналами, альманахами и различными сборниками. Постоянной спецификой советских средств массовой информации были крайняя тенденциозность, обилие искажённых и прямо ложных сообщений, применение специфического языка, основанного на клишированных пропагандистских формулах. При этом хорошо заметен контраст между весьма живыми газетами 20-х годов и гораздо более официозными и пропагандистски нагруженными изданиями предвоенного десятилетия. Таким образом, оскудение фактического содержания советской прессы прямо связано и с изменением языкового дискурса, особенно резко ставшего заметным с эпохой «великого перелома».

Но несмотря на подконтрольность властям, цензуру и крайнюю идеологизированность, в советской прессе можно найти огромное количество полезной информации, в том числе ненамеренной, о важных чертах политики и повседневности. Это постановления высших и местных органов власти, выступления, порой откровенные, видных государственных деятелей, сведения о назначениях и перемещениях чиновников охранительно-карательных ведомств, их проступках и служебных провалах, протоколы официальных собраний и совещаний, военные сводки, аналитические статьи и хроника событий, интервью с видными деятелями и свидетелями исторических событий, полемические отклики очевидцев. Ценные сведения дают жалобы на чиновничий произвол, биографические материалы на действующих и бывших чекистов (юбилейные или информационные, появившиеся в предвыборные периоды), их директивные или мемуарные статьи и заметки, материалы постоянных мобилизационных кампаний, в которых органы ВЧК-НКВД принимали деятельное участие. Специфическим источником являются сведения о судебных процессах по уголовным и политическим делам, включая шпионские, приговорах, а также об их исполнении¹.

---

¹ Примеры за 1928 г.: Иванович П. Финляндские шпионы. Дело Пауку и др. в Военном трибунале Ленинградского военного округа // Суд идет. 1928. № 4. С. 194; Кубанские контрреволюционеры // Красное студенчество. 1928. № 5. С. 37. (по итогам политического дела о группе молодёжи «Антисоветский комитет» из 22 чел., сфабрикованном ОГПУ в Краснодаре — А. Т.); Арест Вели Ибраимова // Красный Крым. 1928. 10 февр. С. 1; Ходатайство В. Ибраимова и Мустафы о помиловании отклонено. Приговор приведён в исполнение // Красный Крым. 1928. 9 мая. С. 1.

Основные направления оперативной деятельности структур госбезопасности (политический сыск, террор, разведка и контрразведка) находили некоторое отражение в периодической печати, особенно в период Гражданской войны. Например, о масштабном чекистском терроре против исторической контрреволюции периода Гражданской войны много сведений в прессе 1918–1922 гг. Так, иркутская «Власть труда» с 10 по 15 июля 1920 г. опубликовала список 67 белогвардейцев, расстрелянных Особым отделом ВЧК 5-й армии; газета политотдела 5-й армии «Красный стрелок» 16 сентября 1920 г. в статье с красноречивым заголовком «Шестьдесят один» напечатала список фамилий 61 врага, расстрелянного Иркутской губЧК; «Известия Крымского ревкома» в ноябре 1920 г. сообщили о расстреле тысяч «белогвардейцев». Вместе с тем в прессе тех лет нередко публиковались сообщения о расстреле самих чекистов за служебные и корыстные преступления¹. Также постоянно публиковалась дезинформация о якобы невероятном по жестокости белом терроре, вроде рассказа самарчанки о событиях после падения большевистской власти в Поволжье: «Мужчин в Самаре было арестовано чехо-словаками до 12.000. Обращаются с ними страшно жестоко. Чуть что — расстрел»². Случалась и дезинформация, основанная, вероятно, на путанице, типичной для малопрофессиональной провинциальной прессы. Весной 1920 г. барнаульская партийная газета опубликовала материал «Реорганизация че-ка», в котором объявила, что «чрезвычайные комиссии по борьбе с контр-революцией реорганизуются в следственные комиссии»³. На деле в тот период всё происходило как раз наоборот.

Обычно в газетах помещалась информация о судебных процессах и приговорах, порой с публикациями стенограмм выступлений обвиняемых, их обвинителей и адвокатов (дело эсеров 1922 г., процесс по делу Б. В. Савинкова 1924 г., дело Вели Ибраимова (1928 г.), Шахтинское дело (1928 г.), процесс «Промпартии» (1930 г.), процесс в Иркутске в 1936 г. по делу выманенных в СССР белоэмигрантов, материалы московских процессов 1936–1938 гг. над бывшими лидерами внутрипартийной оппозиции, так называемое «детское дело» над работниками Ленинск-Кузнецкого ГО НКВД в Новосибирске от февраля 1939 г. и др.). Данные материалы печатались исключительно

---

¹ Напр.: Красный Алтай (Барнаул). 1921, 26 февр.

² Петроградская правда. 1918. № 207. 21 сент.

³ Алтайский коммунист (Барнаул). 1920. № 73. 23 апр. С. 1.

но из соображений политической целесообразности, содержали чаще всего фальсифицированную информацию, но в целом имеют большую историческую ценность.

В период Гражданской войны советская пресса нередко публиковала факты жестоких репрессий и пыток со стороны властей. Газета «Известия ВЦИК» в конце 1918 г. поместила материал, в котором говорилось, что в камерах подследственного отделения в Таганской тюрьме: «...грязь, болезни, голод, температура — три градуса, и люди содержатся без допроса месяцами, и без суда — годами»¹. В начале 1919 г. она же процитировала письмо случайно пострадавшего члена РКП(б), который был подвергнут пыткам следственной комиссией Сущёво-Мариинского района в Москве: «Арестован я был случайно, как раз в месте, где... фабриковали фальшивые керенки. До допроса я сидел 10 дней и переживал что-то невозможное... Тут избивали людей до потери сознания, а затем выносили без чувств прямо в погреб или холодильник, где продолжали бить с перерывом по 18 часов в сутки». Месяц спустя «Правда» обнародовала информацию о том, что во Владимирской ЧК «иголками колят пятки»².

А. К. Воронский писал о «нездоровой атмосфере» чекистского террора осенью 1918 г.: «Кстати относительно красного террора. В июне (1918 г. — А. Т.) в Тамбове было белогвардейское возмущение. На день или два власть совета была уничтожена. В результате чрезвычайная комиссия арестовала сотни лиц, из которых несколько десятков были расстреляны. Аресты и расстрелы продолжаются, хотя далеко не в первоначальных размерах. Буржуазия терроризована и в панике бежит, куда попало. Вообще деятельность чрезвычайной комиссии является большим местом тамбовской действительности и первые беглые впечатления далеко не в пользу этой деятельности. Конечно, во всех рассказах буржуазных обывателей много лжи и непомерных преувеличений, но и за всем тем чувствуется нездоровая атмосфера. Чрезвычайная комиссия заполнила все внимание тамбовского обывателя. И думается, что многих из интеллигенции трудовой и необезпеченной чрезвычайная комиссия отталкивает от более тесной работы в Совете»³.

---

¹ Известия ВЦИК. 1918. 26 дек.

² Неужели средневековый застенок? // Известия. 1919. № 18. 26 янв.; Правда. 1919. № 12. 22 февр.

³ Воронский А. К. Сборник статей, опубликованных в газете «Рабочий край». 1918–1920 гг. М.: Рупаб+, 2010. С. 63.

В 1920 г. самими чекистами по свежим следам были опубликованы разоблачительные для власти данные об одном из крупнейших уральских восстаний «Чёрный орёл — земледелец» (февраль-март 1920 г.) с центром в Мензелинском уезде Башкирии. Согласно обнародованным материалам Уфимской губЧК, поводом для начала выступления стали неприкрытый грабёж крестьянства и необоснованные аресты находившихся на лечении красноармейцев¹. В 1938–1939 гг. в ряде газет публиковались достаточно подробные материалы о крупных нарушениях законности в милиции, прокуратуре и НКВД, поданные как отдельные эксцессы².

Газеты, как центральные, так и местные, постоянно сообщали о награждениях работников госбезопасности, особенно в юбилейные 1922, 1927, 1932 и 1937 гг. Характерно, что в разгар террора, 22 декабря 1937 г., были опубликованы фамилии чекистов, получивших правительственные награды «за исполнение особых заданий правительства»: 238 чекистов были награждены орденами Красной Звезды, а 154 — получили «Знак Почёта»³.

Частыми являлись и публикации, как правило, приуроченные к памятным датам, авторами которых выступали действовавшие и бывшие работники ВЧК-НКВД⁴. В подобных материалах нередко переплетаются подлинные факты, выдумки и тенденциозные политические обобщения. Бывший руководитель Иркутской и Томской губЧК С. Г. Чудновский рассказал свою версию ликвидации бывшего Верховного правителя России⁵. Бывший председатель Каневской уездной ЧК Киевской губернии И. П. Габинский на страницах харьковского журнала «Летопись революции» рассказал читателям о том, как весной 1919 г. он расстрелял бывшего председателя Петербургского Совета рабочих депутатов Г. С. Хрустальова-Носаря и ещё несколько человек⁶.

---

¹ Уфимский октябрьский сборник. Уфа, 1920. № 2. С. 193.

² Клеветник Бороусов // Омск. правда. 1939. 30 июня. С. 2; Тепляков А. Г. «Детское дело» в Кузбассе: к вопросу о подоплеке открытого процесса 1939 г. над чекистами — «нарушителями законности»... С. 141–154.

³ Красная звезда. 1937. 22 дек. С. 2–3.

⁴ Антипов Н. Очерки из деятельности Петроградской ЧК // Петроград. правда. 1919. 1, 3, 4, 5, 7, 12, 15, 22 янв.

⁵ Чудновский С. Как был расстрелян Колчак // Сиб. деревня. 1924. № 9. С. 4–6.

⁶ Габінський (Калєєв) І. П. До розстрілу колишнього голови Петербурзької Ради Робітничих Депутатів 1905 р. Ю. С. Хрустальова-Носаря // Літопис революції. 1931. № 4. С. 121–123 (указано В. А. Золотарёвым).

Сибирские чекисты давали довольно подробную информацию о своей репрессивной политике¹. В томской газете «Красное знамя» 23 апреля 1920 г. появилась директивная статья А. Червонного (Б. З. Шумяцкого) «Чека — орган пролетарской диктатуры» с критикой как тех, кто упрекает её в мягкотелости (это простаки и дураки), так и тех, кто обвиняет чекистов в кровожадности. Шумяцкий, дезинформируя читателей, уверял, что ВЧК не является органом расправы, а занята точечным вылавливанием контрреволюционеров, поскольку период террора против буржуазии якобы уже прошёл. Начальник Омского губотдела ГПУ В. Ф. Тиунов 8 июля 1922 г. дал газете «Рабочий путь» обширное интервью, где заявил об отсутствии у ГПУ судебно-карательных функций и признал активную роль чекистов (ввиду слабости милиции) в борьбе с бандитизмом и должностными преступлениями советских чиновников².

«Советская Сибирь» в статье к шестой годовщине ВЧК-ОГПУ, опубликованной без подписи, рассказывала о повсеместной антисоветской деятельности: «А этих [контрреволюционных] заговоров было так много, что сейчас их не перечить. И возникали они на разных фронтах, на всех окраинах, во всех областях и почти в каждой губернии. Возникали они спорадически и планомерно, обычно сразу во многих местах. Вовлекались в эти заговоры представители всех антисоветских классов и слоев населения»³.

Фантастические данные к 10-летию ВЧК-ОГПУ появились в статье «Разгром контрреволюции на Алтае» (автор — начальник Барнаульского окружного отдела ОГПУ И. А. Кадушин): «После разгрома колчаковских войск в Сибири... белые, отступая на Восток, оставили в тылу Красной Армии контр-разведку с целью поддержать остатки контр-революционной силы. Агенты контр-разведки бродили по территории Алтайской губернии, разоряли крестьян, убивали представителей Советской власти и разрушали Советские учреждения.

---

¹ Бак Б. Кулацкий бунт в Томском уезде // Знамя революции (Томск). 1920, 31 авг.; Он же. Восстание Лубкова // Знамя революции (Томск). 1920. 8 окт.

² Василевский В. П. Информационная политика советского государства по формированию положительного имиджа деятельности органов ГПУ-ОГПУ (на примере публикаций из омской газеты «Рабочий путь») // Деятельность отечеств. спецслужб в эпоху соц. катаклизмов: мат-лы междунаrod. научно-практ. конф. (Омск, 23 нояб. 2017 г.) / редкол.: А. В. Сушко и др. Омск: Изд-во ОмГТУ, 2017. С. 31–32.

³ Советская Сибирь. 1923. 23 дек.

Все эти контрреволюционеры действовали согласно плана и инструкции, оставленной им штабом генерала Пепеляева»¹.

Крупные чекисты (например, заместитель полпреда ОГПУ по Сибири Б. А. Бак) участвовали во внутривнутрипартийных дискуссиях, демонстрируя хорошее владение материалом². Попадают в их творчестве и статьи, насыщенные ценным с фактической стороны и аналитически объективным содержанием. Например, в обширной статье о настроениях сибирских партизан полпред ОГПУ по Сибири Л. М. Заковский подробно цитировал информационные сводки своего ведомства, приводя зафиксированные агентурой враждебные выпады со стороны части партизан, недовольных властью из-за игнорирования их заслуг и оттирания от якобы заслуженных ими постов в партийно-советских структурах. Вместе с тем он отмечал повальное распространение краснобандитских настроений и большое желание партизан резать «кулаков» и «спецов» (также доказываемое цитатами). По мнению Заковского, «выдвижение партизан на низовую сельскую работу должно более широко применяться, но для этого необходимо наиболее полно изучать состояние партизанских районов, *отсеять от основной массы* здоровых партизан, разложившиеся, окулачившиеся или деклассированные элементы». Полпред предлагал, помимо чистки партизан, разъяснять им, что колчаковскую власть свергли в первую очередь не повстанцы, а Красная армия (основная часть партизан была убеждена в обратном), и материально помогать бедняцким хозяйствам³. Политика сибирских властей в последующие годы шла в русле высказываний полпреда ОГПУ. В ведомственной же переписке того времени Заковский дополнительно приводил сведения о высокой криминализации среди партизанской массы, участии многих бывших борцов за советскую власть в уголовном бандитизме⁴.

Важный источник о единственном до 1929 г. концлагере СССР — Соловецком — это журнал «Соловецкие острова» (выходил в 1924–1926 и 1929–1930 гг.), а также газета «Новые Соловки», где публиковались и официальные распоряжения лагерной администрации, и разнообразные статьи и даже стихи самих заключённых. В архиве

---

¹ Кадушин И. Разгром контрреволюции на Алтае // Красный Алтай. 1927. 20 дек. С. 1.

² Бак Б. Отклики на дискуссию // Изв. Сибкрайкома ВКП(б). 1926. № 10. С. 16–18.

³ Заковский [Л. М.] Настроения сибирских партизан и наши задачи // На ленинском пути. Изд. Сибкрайкома ВКП(б). Новосибирск, 1927. № 4–5. С. 40–45.

⁴ ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 87. Л. 70 об. — 71.

бывшего начальника строительства БАМЛАГа НКВД Н. А. Френкеля сохранилась пачка газет «Строитель БАМа», а также книжка стихов и песен лагкоргов «Путеармейцы» от 1935 г., вышедшая в г. Свободном и запрещённая к вывозу за пределы лагеря¹.

Власти следили, чтобы в прессе не появлялись несанкционированные материалы о работе спецслужб. В июле 1922 г. секретарь ЦК РКП(б) В. В. Куйбышев предупреждал местные власти: «За всякие сообщения на страницах печати, прямо указывающие на содействие [церковным] обновленческим группам со стороны органов советской власти, ГПУ и парторганизаций, секретари Губкомов и Укомов будут привлекаться к строжайшей ответственности». В советских газетах до начала 1930-х годов печатались материалы о принудительном труде в СССР, которые затем были запрещены в связи с кампанией западной прессы о массовом применении каторжного труда заключённых. Секретарь Северного крайкома ВКП(б) С. А. Бергавинов в октябре 1930 г. в письме Сталину критиковал газету «Правда»: «Мы отрицаем наличие фактов применения труда заключённых на заготовках (с этой целью мы их концентрируем в глубинных пунктах лесозаготовок), а указанные органы [центральной печати] вместе с "Правдой" подтверждают эти факты. Это крупная практическая ошибка, которую следует быстро исправить (изменить это слово для формы вроде "труддезертиры") и впредь "Правда" должна за этим следить...»².

Цензурой в середине 20-х годов с опозданием был запрещён 22-й номер ленинградского научного журнала «Врачебная газета» (с внутриведомственной формулировкой следующего содержания: «Описание случая болезни сексота ГПУ. Редактор тов. Кантор. Явная наша ошибка»). Дело возникло по поводу разрешённой Ленгублитом статьи «Алкоголизм в этиологии неврозов», присланной из Курского невропсихиатрического диспансера доктором К. К. Спицыным. В совершенно академическом тоне психиатр поведал о больном алкоголизмом «И. В. И., 37 лет, члене ВКП(б)» и давнем сексоте ГПУ, который поступил в больницу «...в крайне депрессивном состоянии. <...> Как сознательный человек, он понимал, что позорно быть членом партии, агентом ГПУ, быть на хорошем счету и пить». И. ста-

---

¹ Шинкарев Л. Как поэты Серебряного века строили БАМ // Известия. 2010. 13 нояб. С. 11.

² Поболь Н., Полян П. Ушаты «Правды», или Большевицкая наука вранья // Собеседник на пиру: памяти Николая Поболя / ред.-сост. П. Полян. М.: Мандельштам. о-во — О.Г.И., 2013. С. 510, 511, 513.

ло мерещиться, что его окружают одни лишь сексоты, он начал избегать людных мест..., что очень затруднило, по его признанию, выполнение им служебных обязанностей. В ходе лечения «гражданин И., будучи весьма сметливым от природы человеком, понял суть своего заболевания... и он служит вновь»¹.

О некоторых секретных операциях спецслужб можно было прочитать в газетах, издававшихся на языках народов СССР. Так, М. Рузиев в книге «Возрожденный уйгурский народ» со ссылкой на газету «Сталин жолы» от 7 ноября 1935 г. написал, что уйгур М. Ходжамьяров получил из рук Дзержинского маузер с выгравированной надписью: «За лично произведенный террористический акт над атаманом Дутовым товарищу Ходжамьярову»².

В советской прессе порой перепечатывались и откровенно враждебные большевикам материалы — с расчётом на то, что контраст между советской точкой зрения и враждебной ею зарубежной позволит усилить патриотические чувства населения, воспринимавшего поношения со стороны Запада как угрозу военной интервенции, о чём постоянно кричала коммунистическая пресса. Помещённая в парижской газете статья бывшего президента и премьер-министра Франции Р. Пуанкаре «Когти СССР»³ была перепечатана в «Правде»⁴. Пуанкаре назвал деятельность советского правительства «зловредной». Он отметил, что «чрезвычайно плохое» экономическое положение страны заставляет «фанатиков», ведущих «за собой толпы», делать колоссальные усилия, чтобы «поднять промышленность и сельское хозяйство, которое замирает», и вместе с тем «вызвать мировую революцию, вне которой для них не видно спасения». Пуанкаре призвал мировое сообщество «постоянно бодрствовать», так как, по его мнению, никогда советское государство не откажется от необходимости всеобщей социальной революции: «Такая доктрина <...> бесспорно исключает всякое искреннее участие в международном сообществе».

Чекисты активно использовали газеты, журналы, сцену и кинематограф для пропаганды своей деятельности, где, с одной сторо-

---

¹ Блюм А. В. От неолита до Главлита. М.: Изд-во им. Н. И. Новикова, 2009. С. 34–35.

² Абенова Г. Конец атамана Дутова: загадке советских чекистов исполнилось 90 лет // Радио Азаттык [Электронный ресурс]. URL: https://rus.azattyq.org/a/alexander_dutov_killing_/2296420.html

³ Excelsior. 1930. 30 окт.

⁴ Правда. 1930, 18 нояб.

ны, обычно скрывались оперативные подробности, а с другой — выпячивались достижения в области выявления внутренних и внешних врагов, пропагандировались бдительность и непримиримость к тем, кого государственные органы именовали врагами народа, иностранными шпионами и социально-вредными элементами. Традиционное название НКВД органами советской разведки романтизировало облик спецслужбы, маскируя её полицейскую направленность и высокую карательную активность.

Концентрация материалов о репрессивной деятельности государства в периоды обострения террористической деятельности ВЧК-НКВД была весьма высокой, причём касалась даже детской прессы (журналы «Мурзилка», «Чиж» и «Весёлые картинки», газета «Пионерская правда»), которая тоже усиленно разжигала ненависть к «врагам народа» и расхваливала чекистов — защитников мирного труда советских граждан. Газеты и журналы, особенно в 30-е годы, пропагандировали непримиримость к внутренним врагам и высокую бдительность, публикуя материалы о разоблачении родителей собственными детьми.

После окончания процесса «Промпартии» в одной из заметок детского журнала фигурировал пионер Коля, который рассказал ребятам о вредителях и шпионах, судившихся в Доме союзов: «Враги решили напасть на нас в этом году. Теперь, когда всё шпионство раскрылось, им это трудно сделать...»¹. Поощряя доноительство, в начале 1934 г. «Пионерская правда» опубликовала большое письмо «деткорки» Оли Балыкиной, которое начиналось: «В Спасск. В ОГПУ» (в числе обнаруженных «врагов» был и отец девочки²). В 1937–1938 гг. детские журналы печатали портреты Н. И. Ежова, разъясняя малышам его заслуги в разоблачении врагов³. «Пионерская правда» извещала детей о расстреле группы врагов народа во главе с А. С. Енукидзе и Л. М. Караханом⁴. В журнале «Мурзилка» на целой странице торжественно объявлялось: «Ребята! Наши славные чекисты во главе с Николаем Ивановичем Ежовым... разоблачили ещё одно змеиное гнездо врагов советского народа. Перед Верховным судом СССР держали ответ фашисты: Бухарин, Рыков, Ягода и другие», цитировались А. Я. Вышинский («могилы ненавистных измен-

---

¹ Мурзилка. 1931. № 2. С. 16–17.

² Пионерская правда. 1934. 16 марта.

³ Николай Иванович Ежов // Мурзилка. 1938. № 6. С. 2.

⁴ В военной коллегии Верховного Суда СССР // Пионер. правда, 1937. 20 дек. С. 4.

ников зарастут бурьяном и чертополохом») и стихи Джамбула, прославлявшие Ежова¹. В статье памяти С. М. Кирова утверждалось, что он был «беспощаден к классовым врагам»; в серии картинок-загадок давалось задание помочь пионеру в зарослях на границе «отыскать спрятавшегося врага»². Объявлялось о награждении подростков, указавших пограничникам на нарушителей границы³.

Белые газеты отражали более широкий спектр мнений и приводимых фактов, чем советские, но тоже подвергались цензуре (военной) и подчас закрывались за «неудобное» направление. В газетах антибольшевистских режимов много фактов красного террора, сведений об организаторах и исполнителях репрессий, значительная часть которых целиком достоверна, так как опиралась на официальные сведения и личные впечатления авторов, посещавших, например, многочисленные места эксгумаций останков лиц, казнённых чекистами. Заметка «Доктор Теслер о жестокости большевиков» в омской газете гласила следующее: «Из Парижа передают 22 апреля, что д-р Теслер (американский Красный Крест), находящийся на Пермском фронте, телеграфирует, что имеет “многочисленные доказательства дикой жестокости большевиков. Более 2 000 человек, принадлежавших к гражданскому населению, мужчин и женщин, хладнокровно убиты без суда или предупреждения. Некоторые трупы свидетельствуют об ужасных мучениях, которым подвергались несчастные перед смертью”»⁴. Данное наблюдение гражданина США было подтверждено официальным расследованием белыми властями расстрелов в Осинском уезде Пермской губернии, где в эксгумированных захоронениях были обнаружены тела (зачастую изуродованные) примерно 1 800 чел. По подсчёту гласных Осинской городской думы, в городе и уезде было расстреляно до 2 тыс. человек, причём «интеллигенция, можно сказать, истреблена вся»⁵. Однако нередко сведения о красном терроре в белогвардейской прессе преувеличивались, поскольку опирались на слухи и желание усилить пропагандистский эффект.

---

¹ Да здравствует советская разведка! // Мурзилка. 1938. № 4. С. 2.

² Памяти товарища Кирова // Мурзилка. 1937. № 12. С. 17; 1938. № 2. С. 14.

³ Советская Сибирь. 1937. 2 окт. С. 4; Эти пионеры поймали шпиона // Пионер. правда. 1939. № 133. 30 сент.

⁴ Заря (Омск). 1919. № 86. 26 апр. С. 2.

⁵ Нарский И. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М.: РОССПЭН, 2001. С. 238; Ситников М. Г. Осинская Голгофа // Война, восстание, Ледяной поход / гл. ред. С. Бехтерев. Ижевск, 2014. С. 193–214.

Очень внушительный объём разнообразных сведений о чекистах можно найти в русской эмигрантской прессе, которая с первых недель своего существования активно откликалась на политику Советов. Подробная информация, отражавшая все направления работы советской спецслужбы, содержится в эмигрантских периодических изданиях, которые постоянно обращали внимание общественности на деятельность ВЧК-НКВД, в том числе и с целью предложить какие-то сенсационные объяснения тех или иных событий. Вместе с тем многие публикации о работе советской разведки и контрразведки носили характер серьёзных журналистских расследований и опирались на компетентные источники. Отделение информационного «мусора» от подлинных фактов в публикациях прессы — сложная, но необходимая источниковедческая работа, пример которой можно видеть в монографии Л. Флейшмана, посвящённой в том числе и попыткам ОГПУ управлять некоторыми эмигрантскими изданиями с целью формирования выгодной для СССР версии знаменитой операции «Трест»¹.

Изучение эмигрантских газетно-журнальных материалов пока находится в начальной стадии, но считать постоянные информации о чекистских делах в газетах и журналах русской диаспоры только лишь смутным и необъективным отражением всяческих тенденциозных слухов с целью дискредитации ВЧК² нет оснований. Мы согласны с мнением о том, что, например, тон публикаций ведущего эмигрантского литературно-публицистического журнала «Современные записки» (1920–1940 гг.) «...был далёк от антисоветской истерии; и на его страницах мы находим взвешенную информацию о событиях революции... Редакция журнала предоставляла возможность высказаться представителям разных партий демократического спектра, исключая крайние позиции»³.

Многое из помещённого в газетных и журнальных сообщениях эмигрантского лагеря восходит к реальным событиям и является результатом многочисленных утечек информации из разветвлённой

---

¹ Флейшман Л. В тисках провокации. Операция «Трест» и русская зарубежная печать. М.: Новое лит. обозрение, 2003.

² Литвин А. Л. ВЧК в современной исторической литературе // Архив ВЧК: сб. док. М.: Кучково поле, 2007. С. 52.

³ Волошина В. Ю. Тема революции на страницах журнала «Современные записки» // Гражданская война в России (1917–1922): историческая память и проблемы мемориализации «красного» и «белого» движения: сб. мат-лов Всерос. научно-практ. конф. (г. Омск, 16–17 июня 2016 г.) / гл. ред. Д. А. Алисов, Ю. А. Закунов. М.: Ин-т Наследия, 2016. С. 113–114.

структуры ВЧК-НКВД, где соблюдение конспирации далеко не всегда было фетишем. Например, «Социалистический вестник» в сентябре 1922 г. писал о результатах расследования пыток (помимо «обычных избиений»), практикуемых в уголовном розыске, которое проводила комиссия губернского трибунала г. Ставрополя. При издевательствах над узниками лично присутствовали начальник уголовного розыска Григорович, члены Ставропольского исполкома, губкома РКП(б), а также заместитель начальника ГПУ¹. Действительно, архивы и газетные сведения говорят, что в 1922 г. во многих губерниях и уездах (включая Украину, Урал, Сибирь и Дальний Восток) прошли закрытые судебные процессы над высокопоставленными милицескими работниками, практиковавшими взяточничество, вымогательство, изощрённые пытки и тайные убийства². В 1936 г. «Социалистический вестник» опубликовал (в пересказе) содержание заявлений видного меньшевика Н. Н. Суханова в инстанции о фабрикации «процесса меньшевиков»³.

Современный уровень знаний о деятельности чекистского аппарата и его негласных агентов позволяет в ряде случаев проводить квалифицированную проверку сообщений прессы, отделяя ошибки, преувеличения и сознательную дезинформацию от реальной фактической основы. Поэтому изучение эмигрантской прессы с целью наблюдения за отражением в ней реалий советской карательной политики является актуальной научной проблемой. Информативные эпизоды деятельности ВЧК-ОГПУ демонстрируют подшивки парижских газет «Возрождение» и «Последние новости», берлинского «Руля». Так, в конце февраля — начале марта 1921 г. кадетская газета «Руль» сообщала достоверные сведения о работе ВЧК: о советской службе видного чекиста Я. Г. Блюмкина, которого Москва отказывалась выдать Германии; о массовых расстрелах в Крыму, чей апогей действительно пришёлся на конец 1920 г.; о взяточничестве украинских пограничников, грабивших тех, кто бежал в Румынию⁴.

---

¹ Социалист. вестн. 1922. 21 сент.

² ЦА ФСБ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 296. Л. 21; Советская Сибирь. 1923. 31 марта. С. 4; Шабанова И. К. Правовой произвол начала 1920-х гг. в Тюменской губернии // Сиб. ист. журн. 2006/2007. Тюмень: Изд-во ТюмГУ. С. 105–110.

³ Большевицкий процесс 1931 года: сб. док. в 2 кн. Кн. 1. М.: РОССПЭН, 1999. С. 8.

⁴ Руль. 1921. № 82. 23 февр. С. 3; № 93. 8 марта. С. 3; № 94. 9 марта. С. 4.

Советская печать, как указывалось выше, нередко проговаривалась, пропуская сведения, опровергавшие казённые заверения. И на эти промахи указывали эмигранты. Видный эсер М. В. Вишняк в парижском журнале «Современные записки» обращал внимание на пренебрежение декретом об отмене смертной казни от января 1920 г., который был резко ограничен правом чекистов расстреливать в регионах, объявленных находящимися на военном положении: «Казнь была восстановлена 24-го мая, а спустя неделю московские «Известия» опубликовали то, что оставалось тайной лишь для несоветских жителей. «Известия» № 115 привели сводку приговоренных к расстрелу за время с 17 января по 20-ое мая; т. е. как раз за тот период, когда «высшая мера наказания» была якобы отменена. Число расстрелянных показано 521.

В № 155 «Правды» мы находим сводку смертных приговоров, вынесенных не чрезвычайками, а революционным военным трибуналом за время от 22 мая по 22 июня. Всего смертных приговоров постановлено 600. В «Известиях» от 30 июня приведена помесечная ведомость за время от 28 июня по 22 июля. Всего казнено 898 человек. За время с 23 июля по 31 августа «Известия» В. Ц. И. К. № 227 дают цифру — 1183 человека. За сентябрь, судя по «Известиям» от 23 октября, — 1200 человек, распределенных по обычным статьям: за шпионство, предательство, контрреволюцию, возмущение в армии, отказ в повиновении, дезертирство, утайку оружия, пьянство, уголовные преступления, преступления административные, бандитство и хищничество»¹.

В рижской газете «Сегодня» можно видеть публикации судебных материалов о террористической деятельности местных коммунистических революционных трибуналов в период Гражданской войны (1924 г.), разоблачительные статьи о чекистской провокационной операции «Трест» (1927 г.) и других акциях Иностранного отдела ОГПУ-НКВД.

Серьёзным аналитическим потенциалом обладал парижский социал-демократический журнал «Социалистический вестник», где обозревателем советской жизни много лет работал профессиональный историк и журналист Б. И. Николаевский, имевший возможность периодически общаться с информированными гостями из СССР (И. Э. Бабелем, Н. И. Бухариным и др.). Б. Николаевский и Б. Суварин в начале 30-х годов получали откровенную информацию о со-

---

¹ Вишняк М. В. На Родине // Соврем. записки. 1920. Кн. I. С. 224.

ветских правителях и порядках от приезжавших в Париж А. Н. Толстого, И. Э. Бабеля, Е. И. Замятина, К. А. Федина, И. Г. Эренбурга¹, имевших знакомства в высоких советских кругах.

О деятельности ВЧК-НКВД, особенно в связи с постоянно вскрываемыми полицией зарубежных государств фактами большевистского шпионажа и террора, много писала западная пресса, основываясь как на официальной информации спецслужб, так и на менее авторитетных источниках. Подлинные сведения о политическом терроре, его активистах и жертвах можно обнаружить в коллаборационистской российской прессе 1941–1945 гг., изучение которой только начинается². Правда, следует учитывать повышенную мифологизированность сообщений данного крайне политизированного источника. Например, в современную учебную литературу проник миф о том, что в Краснодаре здание УНКВД в 1937–1938 гг. было оборудовано огромной мясорубкой, которая молола трупы расстрелянных и спускала их в канализацию. При немецкой оккупации её якобы показывали иностранным журналистам³. Однако историк И. Р. Петров нашёл достоверные сведения о карательной операции айнзацкоманды нацистов в Краснодаре с убийством пяти человек и выдачей их трупов за жертвы НКВД⁴. История о расчлнённых и изувеченных телах запомнилась местным жителям и закрепились в легенде про «чекистскую мясорубку», запущенную через русскоязычную нацистскую прессу. Со временем данный эпизод, изначально выдуманный штурмбаннфюрером СС и впоследствии раздутый эмигрантами второй волны⁵, переключал в серьёзные труды, пренебрежённые должной критикой особо тенденциозных источников⁶.

С 1930 г. власти СССР с помощью радио распространяли политическую информацию на европейские государства. Москва реаги-

---

¹ Грибанов А. Борис Николаевский — Исаак Бабель — Борис Суварин... С. 453–467.

² Ковалев Б. Н. Повседневная жизнь населения России в период нацистской оккупации. М.: Молод. гвардия, 2011. 624 с.

³ История России. XX век: 1894–1939 / отв. ред. А. Б. Зубов и др. М. АСТ, Астрель, 2009. С. 966 (см. также издания 2012 и 2017 г.).

⁴ Angrick A. Besatzungspolitik und Massenmord: die Einsatzgruppe D in der südlichen Sowjetunion 1941–1943. Hamburg, 2003. S. 578–579.

⁵ Бушуев Г. Краснодарская мясорубка // Заря (Берлин). 1944. № 83 (186). 15 окт.; Палибин Н. В. Записки советского адвоката: 20-е–30-е годы. Париж. 1988. С. 130.

⁶ См.: [Петров И.] «Краснодарская мясорубка»: от штурмбаннфюрера СС до профессора МГИМО // [Электронный ресурс]. URL: labas.livejournal.com/1163031.html

ровала на враждебную ей пропаганду и оправдывались перед миром за «особенности» своей внутренней и внешней политики, давая во многих программах официальную версию деятельности репрессивно-карательных органов. Среди зарубежных радиопередач московского радио в марте 1931 г. на французском, английском, голландском и немецком языках были: «Проституция в СССР», «Условия труда на лесозаготовках», «Дома заключения в СССР». Летом 1931 г. на Запад также передавались часовые передачи вроде «Общественный контроль над местами заключения в СССР», о борьбе с алкоголизмом и проституцией, а также (хотя миновали месяцы с момента процесса над «меньшевицким центром») «Империалистическая война и меньшевики». Впоследствии мощности радиопередатчиков росли и охватывали пропагандой всё большее количество стран¹.

В советских, антисоветских и зарубежных газетах и журналах представлен широкий спектр информации о спецслужбах СССР — от событийной хроники и ценных аналитических статей, опиравшихся порой на эксклюзивные источники, до пропагандистских материалов, отражавших измышления авторов, их готовность фальсифицировать или придумывать события. Необходимо также учитывать, что газетные материалы — при их обилии, быстром отклике на события, наличии компетентных авторов и подробных журналистских расследований — вместе с тем неизбежно несут на себе налёт торопливости, субъективности, ошибочных и поверхностных суждений, а многочисленные опечатки нередко искажают факты (вплоть до придания фразе противоположного смысла или сведения её к полной бессмыслице), особенно если это касается фамилий и цифр. Не все подшивки периодики сохранились удовлетворительным образом, но в последнее время оцифровка множества газет, журналов и альманахов существенно облегчила доступ исследователей к ним. Поэтому основательное использование такого разностороннего и информативного источника, как пресса, совершенно необходимо, поскольку способно серьёзно расширить знания об истории ВЧК-НКВД.

---

¹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 30. Д. 753. Л. 46, 47, 128, 196.

Глава 6. Эго-документы

Особое значение для постижения исследуемой темы имеют воспоминания, дневники и письма очевидцев — как участников выработки важных военно-политических решений, так и рядовых свидетелей происходивших событий. Разумеется, анализ мемуаров и переписки создателей, адептов и руководителей советского строя должен быть особенно критическим, поскольку эти люди «писали и мыслили на языке идеологических штампов, передавая содержание исторически значимых событий заведомо тенденциозно»¹. Также следует учитывать, что более объективные мемуары нередко оставались на закрытом архивном хранении, поскольку опровергали многие закрепившиеся в советской историографии представления; опубликованная их часть в настоящее время активно используется историками². Современный исследователь, опираясь на сведения из вновь открываемых документальных фондов, справедливо отмечает ценность и тех мемуаров, которые на первый взгляд представляются малодостоверными, но могут порой найти неожиданное подтверждение: «иногда стоит прежде довериться тексту кажущегося заведомо недостоверным источника и лишь затем относить его к курьёзам истории на основании прежней научной и мемуарной традиции, которая существенно корректируется новыми, порой сенсационными документами»³.

Источники личного происхождения «...выступают прежде всего как массовые источники, то есть такие, которые служат способом социальной идентификации людей и обозначения реально стоявших перед ними проблем. Язык источника приобретает в этом случае особую важность как способ самовыражения человека. Повторяемость и устойчивость речевых практик в источниках может служить основой для более широких обобщений в социальной истории»⁴.

---

¹ Крестьянский фронт 1918–1922 гг.: сб. ст. и мат-лов / сост. и науч. ред. А. В. Посадский. М.: АИРО-XXI, 2013. С. 48.

² Хельбек Й. Революция от первого лица: дневники сталинской эпохи. М.: Нов. лит. обозрение, 2017. 424 с.

³ Кацис Л. Ф. Борис Николаевский о судьбе О. Мандельштама. К проблеме аутентичности информации журнала «Социалистический вестник» (1946 г.) // Вестн. РГГУ. Сер. «Журналистика. Лит. критика». 2008. № 11. С. 148.

⁴ Соколов А. К. Социальная история России новейшего времени: проблемы методологии и источниковедения // Соц. история. Ежегодник. 1998/99. М., 1999. С. 74.

Характерный для современного гуманитарного знания «культурный поворот» поместил в центр исследовательского внимания данные о культурно обусловленных свойствах и отношениях исторического субъекта. Оформление целого ряда новых историй (социальной, политической, культурной, интеллектуальной и пр.) привело к переносу внимания с общественных структур и процессов к истолкованию поведенческих стратегий и интерпретаций исторических акторов (индивидуальных и коллективных), рассматриваемых в контексте институтов конкретно-исторического социума¹.

Издания мемуарного характера представляют собой массовый вид источников, значительная часть которого систематизирована благодаря усилиям большой библиотеки московского правозащитного центра им. А. Д. Сахарова и выставлена в сети Интернет². Они прежде всего включают воспоминания многочисленных жертв политических репрессий, в том числе самих чекистов и их родственников. Мемуарный жанр отличается своеобразием, в нём нередки элементы беллетризации и ещё более часты умолчания о наиболее тяжёлых или невыгодных для репутации автора эпизодах, выставление себя в максимально благоприятном виде, попытки сведения счётов с третьими лицами. Большинство воспоминаний жертв режима имеет узконаправленный характер, касаясь лишь тех эпизодов, которые оценивались непосредственно — на основе личных наблюдений свидетеля истории. Воспоминательные документы, как правило, создаются много позднее описываемых событий, поэтому неизбежное ослабление памяти с течением времени, путаница с действующими лицами, сбои в хронологической последовательности, психологические травмы, вытесняющие одни воспоминания и рождающие замещающие эпизоды, со временем воспринимаемые как достоверные самим автором, эффект «ложной памяти» — всё это непосредственно влияет на достоверность и объективность воспоминаний даже даровитых и памятливых людей, обладающих широким кругозором и критическим пониманием происходившего.

---

¹ Поршнева О. С. Репрезентация вооруженного противостояния в условиях Гражданской войны в воспоминаниях рабочих/большевиков Урала // История в эко-документах: Исслед. и источники / Ин-т истории и археологии УрО РАН. Екатеринбург: АСПУр, 2014. С. 100.

² Библиотека Сахаровского центра [Электронный ресурс]. URL: library.sakharov-center.ru В настоящее время активно развёрнута деятельность сайта «Прожито» (<http://prozhitto.org>) — обширного и ценного проекта, посвящённого личным дневникам XX в., часть которых публикуется впервые.

Из мемуаров хорошо видна крайняя идеологизированность акторов раннесоветской истории, их готовность участвовать во всех кампаниях режима, включая террористические. Один из убеждённых коммунистов, сформированных Гражданской войной, И. Горелов писал: «Я безусым 18-летним мальчишкой с беззаветной преданностью добровольно бросился защищать завоевания революции, меня никто не гнал... Нужно было во имя партии и революции производить массовые расстрелы — расстреливал. Нужно было сжигать целые деревни на Украине и в Тамбовской губернии — сжигал, аж свистело. Нужно было вести в бой разутых и раздетых красноармейцев — вёл, когда уговорами, а когда и под дулом нагана»¹.

В августе 1921 г. известный сибирский большевик П. Я. Гордиенко возглавил чрезвычайную тройку по борьбе с бандитизмом в Горном Алтае. Сюжет его мемуарной «Ойротии» составляет описание одного из карательных рейдов этой тройки и не обходится без характерных деталей исторической эпохи: «Члены трибунала не копались в статьях законов. Их кодексом была революционная совесть. Мерой, определяющей виновность подсудимого, являлась степень его участия в классовой борьбе. Решения сводились к короткой записи: “Кулак, бай, офицер, бандит, взят с оружием в руках — расстрелять”, “бедняк, бандит, доброволец, принимая во внимание политическую несознательность, осудить условно...”»².

Некоторые авторы хвалили советскую карательную систему из соображений выгоды. Авантюрист С. Бройде, отбывавший заключение по уголовной статье, в 1923 г. выпустил книжку мемуарных рассказов³, где демонстрировались особенности положения в тюрьме интеллигенции и духовенства, революционеров и белогвардейцев; был показан тюремный быт, а герои повествования оказывались способны оценить итоги Октября и проникнуться уважением к советской власти. Восхищение советской тюрьмой и работой ГПУ⁴ привело к тому, что в газете «Рабочая Москва» появилась заметка «Что читать о ЧК-ГПУ», где наряду с трудами Ленина, Бухарина, Дзержин-

---

¹ Филиппов Б. А. Путеводитель по истории России 1917–1991: учебно-метод. пособие. М.: Изд-во ПСТГУ, 2013. С. 75.

² Гордиенко П. Я. Ойротия. Новосибирск: ОГИЗ, Запсиботделение, 1931. С. 107.

³ Бройде С. О. В советской тюрьме. М.; Пг.: Госиздат, 1923.

⁴ Назаров И. А. Соломон Бройде: дело «литературного Аль Капоне» // Вопр. лит. 2016. № 4. С. 293–307.

ского, Н. Асеева, И. Эренбурга и Д. Фурманова рекламировалась и книга Бройде «В советской тюрьме»¹.

Но также в мемуарах можно найти, например, явное опровержение одного из основных чекистских мифов о якобы заведомой неояльности всей массы белого офицерства. Бывший член Сибревкома В. Н. Соколов в 1928 г. опубликовал воспоминания, в которых фактически оспорил чекистский тезис о контрреволюционности белых офицеров и правомерность их массового осуждения что в начале 1920-х годов, что позднее: «Отличительная особенность сибирской белой армии — слишком слабое ядро офицеров-кадровиков (кроме генералитета). Большинство колчаковских офицеров — это канцеляристы, учителя, агрономы, лесничие, принудительно мобилизованные и выдвинутые в офицеры... Эти далеко не воинственные кадры после изгнания Колчака из Омска сразу же оказались во власти своих сугубо профессиональных интересов. <...> Ни один из таких работников не оказался причастен ни к одному из кулацких выступлений. Наоборот, были случаи перехода из концлагеря в Красную Армию»². Вероятно, Соколов, ещё в июне 1920 г. ужаснувшийся расправам Енисейской губЧК над жителями Красноярска³, знал цену чекистским «заговорам».

Характерно, что даже в самых верноподданных мемуарах иногда проскальзывают откровенно разоблачительные эпизоды. Художник Е. Кацман, работавший над портретом Дзержинского в конце 1922 г., вспоминал, что глава ГПУ любезно подвозил его на своём авто, а пассажир думал только об одном: «Я себя в автомобиле Дзержинского чувствовал отвратительно, меня мучила навязчивая мысль: а вдруг будет покушение на Дзержинского и меня обвинят как соучастника. Я понимал, что эта мысль глупая, но меня от этой глупой мысли кидало в пот, и эта мысль назойливо-настойчиво была у меня всегда, когда я был с Дзержинским в автомобиле»⁴.

Неопубликованные мемуары участников революционных событий и ветеранов партии, хранящиеся преимущественно в фондах региональных истпартов — огромный пласт ценнейших источников, особенно важный для понимания событий Гражданской войны и

---

¹ Что читать о ЧК-ГПУ // Рабочая газ. 1927. 18 дек.

² См.: Известия Сибкрайкома ВКП(б). 1928. № 6.

³ Шишкин В. И. Енисейская губернская чека в 1920 году: дела и нравы // Гуманит. науки в Сибири. Серия: Отечеств. история. Новосибирск, 1994. № 2. С. 47–54.

⁴ Феликс Дзержинский / с предисл. И. С. Уншлихта. 3-е изд., доп. М.: Изд-во Ассоц. художников революц. России (АХРР), 1927. С. 64.

первых лет после неё. Свежесть в памяти многих важнейших эпизодов, некоторая политическая неопределённость нэповской эпохи, относительная свобода выражения, обилие живых свидетелей, благодаря чему уменьшалась вероятность сообщения ложной информации, — всё это повышает ценность ранних источников по истории советского режима. Но отметим, что бывший подпольщик и чекист В. А. Надольский в 1922 г. передал в архив свои мемуары, где сообщил ложные сведения об уничтожении 500 рабочих после подавления колчаковцами Кольчугинского восстания в Кузбассе в апреле 1919 г., хотя на деле жертвами повстанцев стали 28 сторонников белых, а ответный террор унёс жизни примерно 60 чел.¹ Огромное преувеличение жертв белого террора было типичным для мемуаристов уже раннесоветской поры.

Мемуары бывших узников тюрем и лагерей, а также ссыльных представляют собой исключительно ценный и массовый источник, особенно когда сомнительные сведения исследователь в состоянии подвергнуть перепроверке, отделяя правду от слухов, вымыслов или сведения счётов. Хотя для бывших заключённых было типичным сильно завышать численность репрессированных и давать наивные пояснения причинам репрессий, но их оценки тюремно-лагерного и комендатурного режимов гораздо объективнее, совпадают во многих частностях и убедительно свидетельствуют о крайней бесчеловечности советской репрессивной машины. Многие мемуаристы старались зафиксировать мнения других лиц, передававших различные, как достоверные, так и сомнительные, а то и ложные факты о людях и событиях, жёстко оценивали и переоценивали свои прежние взгляды и поступки, обобщали опыт жизни в ценных историософских заключениях (О. В. Волков, Е. С. Гинзбург, Г. С. Померанц, И. Л. Солоневич, А. И. Солженицын, В. Т. Шаламов и др.).

Много проблем доставляет оценка достоверности информации, полученной авторами во время содержания в тюрьмах и лагерях путём общения с заключёнными, подчас с помощью нелегальной переписки и перестукивания. В ней очень много от искажённых слухов, но часто она является важной для реконструкции судеб осуждённых. Так, Ю. Г. Оксман вспоминал о своих встречах в Омской тюрьме с видным сибирским эсером Е. Е. Колосовым и расстреле

---

¹ ГАНО. Ф. П-5. Оп. 4. Д. 1002. Л. 1–14; Ермолаев А. Н. Кольчугинское восстание 6–7 апреля 1919 г. // Арх. Кузбасса: Информац.-методич. и историко-краеведч. бюллетень / отв. ред. С. Н. Добрыдин. Кемерово, 2012. № 1 (16). С. 175–198.

Колосова в Омске «вместе с другими эс-эрами, привезенными из Тобольска в июле 1937 г.»¹.

О борьбе «органов» против оппозиции важная информация сообщена пережившим террор троцкистом И. Л. Абрамовичем: «Разложением политических противников путем проникновения в их ряды или вербовки среди них своих агентов аппарат ВЧК-ОГПУ занимался с самого начала своего возникновения. Но мы тоже кое-что об этом знали. Среди оппозиционеров были люди, ранее работавшие в органах ВЧК-ОГПУ и изгнанные из них в 1926–1927 гг. Были и такие, кто скрывал свою принадлежность к оппозиции и продолжал работать в аппарате ГПУ, тайно помогая нам (с этими, в случае провала, расправлялись особенно жестоко²). Бывшие чекисты рассказали нам, что для узкого круга своих ответственных работников ГПУ издало ряд книг, обобщающих опыт проникновения агентов в партии кадетов, меньшевиков, эсеров, монархистов и в ряды церковников. Они рассказывали, что деятельность всех партий, действовавших в СССР подпольно, парализовалась большим количеством агентов ЧК. Доходило до того, что из каждых трех подпольщиков один-два были агентами — завербованными или подосланными»³.

Очень противоречивы насыщенные яркими свидетельствами мемуары старой большевички О. Г. Шатуновской, выдающие очень сильно ослабевшую память и нередкую опору на всевозможные слухи. Но ею верно рассказано о провокационной «мельнице» на дальневосточном кордоне одного из главарей контрразведки НКВД-МГБ П. В. Федотова, с помощью которой невинных людей обвиняли в шпионаже (и оправданиях Федотова в КПК, что так, дескать, поступал и Дзержинский), об убийстве в тюрьме Радека и Сокольникова. Вероятно, правдивы рассказы и о виденных Шатуновской документах об убийстве Г. Димитрова и Чойбалсана⁴.

Яркие портреты следователей, включая известного чекиста Я. Я. Веверса (работавшего и в Сибири), даны в «Крутом маршруте» Е. С. Гинзбург; в «Незабываемом» А. М. Лариной-Бухариной в числе других чекистов описан один из руководителей Сиблага Е. Г. Сквир-

---

¹ Флейшман Л. Из архива Гуверовского института: Письма Ю. Г. Оксмана к Г. П. Струве // *Stanford Slavic Studies*. Stanford, 1987. Vol. 1. P. 62.

² Речь идёт о расстрелянном в 1930 г. сотруднике ИНФО ОГПУ Б. Л. Рабиновиче.

³ Абрамович И. Л. Воспоминания и взгляды: в 2 кн. М.: КРУК-Престиж, 2004. Кн. 1: Воспоминания. С. 73.

⁴ Шатуновская О. Г. Об ушедшем веке. Рассказывает Ольга Шатуновская / сост.: Д. Кутьина, А. Бройдо, А. Кутьин. La Jolla (Calif.): DAA Books, 2001. 470 с.

ский, причём с верным указанием о его прибытии из НКВД УССР. В мемуарах анархистки А. М. Гарасевой интересен портрет заместителя начальника Секретного отдела ОГПУ А. А. Андреевой¹. Часть мемуаров была написана родственниками репрессированных и зафиксировала как мнения близких, подвергшихся репрессиям, так и взгляд на жертв режима, подчас критический. Среди них выделяются глубокие книги Н. Я. Мандельштам². Большую ценность имеют воспоминания вдовы комиссара госбезопасности С. Н. Миронова Агнессы Мироновой³, отличающиеся добросовестностью и хорошо проверяемые по известным источникам.

Илья Эренбург нередко зашифровывал — как в романах, так и в мемуарах — исторических персонажей: ещё в романе «День второй» (1933 г.) вряд ли случайно фигурировал известный жителям крупного сибирского города «военный» Зак (так весь Новосибирск в начале 30-х годов именовал полпреда краевого ОГПУ Л. М. Заковского⁴), а в мемуарах «Люди, годы, жизнь» фигурируют без фамилий два Николая Ивановича — Бухарин и Ежов, причём ряд сюжетов посвящён обстановке Большого террора. О ныне очень известном организаторе убийства Троцкого чекисте-диверсанте Н. И. Эйтингоне (Л. Котове) Эренбург в мемуарах 1960-х годов написал с намёком на его действительную работу: «Человека, которого звали в Испании Котовым, я остерегался — он не был ни дипломатом, ни военным»⁵.

Массивы мемуарной информации имеют особую ценность для выявления хода и особенностей репрессивных кампаний, выяснения судеб известных личностей и рядовых жертв террора, а также подробностей функционирования отечественной карательной системы и её активистов. Анализ положения заключённых, наблюде-

---

¹ Гарасева А. М. Я жила в самой бесчеловечной стране...: Воспоминания анархистки / лит. запись, вступ. ст., комм. и указ. А. Л. Никитина. М.: Интерграф Сервис, 1997. 335 с.

² См.: Мандельштам Н. Я. Вторая книга: Воспоминания. М.: Моск. рабочий, 1990. 560 с.

³ Яковенко М. М. Устные рассказы Агнессы Ивановны Мироновой-Король о ее юности, о счастье и горестях трех ее замужеств, об огромной любви к знаменитому сталинскому чекисту Сергею Наумовичу Миронову, о шикарном курорте, приемах в Кремле и о ... тюрьмах, этапах, лагерях, — о жизни, прожитой на качелях советской истории. М.: Звенья, 1997. 232 с.

⁴ Забвению не подлежит: Книга памяти жертв политических репрессий Омской области. Омск: Кн. изд-во, 2001. Т. 3. С. 173.

⁵ Фрезинский Б. Илья Эренбург и спецслужбы (Россия, Франция, СССР. 1907–1953) // Звезда. 2017. № 8. С. 99–133.

ния за персоналом мест заключения, факты сопротивления тюремно-лагерному режиму представляют собой неоценимый вклад в накопление информационного базиса о карательной системе, принципах её построения, функционирования, нарастании кризисных явлений. Значительную часть воспоминаний, хранящихся в НИПЦ «Мемориал» (Москва) и государственных архивах, составляют мемуары узников тюрем, лагерей и мест ссылки, располагавшихся на территории Сибирского региона.

Обработка и вовлечение в научный оборот воспоминаний жертв репрессий как первоисточника, отражающего субъективные взгляды и оценки, были связаны с соблюдением ряда условий. Одно из них состояло в требовании учитывать, что событие или явление, переданное через мемуары, в реальности могло иметь как общий, так и частный характер. Особенно критического отношения требуют к себе воспроизводимые по памяти статистические данные, касающиеся динамики (численности, состава, смертности, перемещения) тюремного и лагерного населения, а также объёмов производства в ГУЛАГе. Как материал для широких обобщений и выводов лагерная мемуаристика, безусловно, нуждается в проверке и подкреплении другими источниками.

Доказано, что в текстах с сильной степенью мифологизации проявляется стремление к гиперболизации событий. При этом составитель документа ставит перед собой цель предельно идеализировать изображаемое событие, а не «точно» его описывать. Стремление усиливать степень стихийных бедствий, увеличивать число погибших при сражениях входит в ритуал составления текста¹. Например, ложные статистические данные работавшего в учётных структурах Беломорско-Балтийского лагеря ОГПУ и бежавшего за границу И. Л. Солоневича о якобы многомиллионных лагерниках — до 10 % взрослого мужского населения страны на 1934 г. (и 286 тыс. в одном Белбалтлаге НКВД² вместо реальных 60–70 тыс. чел.) затем использовались зарубежными исследователями как достоверные.

Мемуары узников позволяют получить более подробные и нередко объективные сведения о ходе следствия, поведении следователей и сокамерников, тюремном и лагерном режиме, определить внутрикамерных агентов, узнать о процедуре исполнения смертных

---

¹ Минц З. Г., Лотман Ю. М. Литература и мифология // Ученые записки Тартус. гос. ун-та. 1981. Вып. 546. С. 44–45.

² Солоневич И. Л. Россия в концлагере. 5-е изд. Вашингтон, 1958. С. 6, 7.

приговоров, судьбе тех или иных лиц, в том числе известных. Нередко подобные данные удаётся перепроверить и дополнить с помощью материалов архивно-следственных дел и прочих документов, имеющих отношение к делопроизводству чекистско-милицейских и судебно-прокурорских структур. То, что в последние десятилетия исследователям удалось увидеть десятки тысяч следственных дел и множество других ценных документов, позволяет сравнить огромный новый материал с имеющимся мемуарным и, таким образом, начать фиксацию более и менее надёжных мемуарных источников.

Воспоминания чекистов как лиц, находящихся в центре карательной системы, имеют особую ценность для раскрытия темы¹. Архив международного историко-просветительского правозащитного и благотворительного общества «Мемориал» в Москве позволил ознакомиться с целым рядом мемуаров работников госбезопасности, их родственников и других репрессированных лиц. Особенно ценным оказался текст полного варианта воспоминаний видного чекиста М. П. Шрейдера, работавшего на ответственных должностях в целом ряде регионов (включая Новосибирскую область), а также в центральном аппарате ОГПУ. В них приводится много важных сведений о чекистской жизни и деятельности 1920–1930-х годов, к настоящему времени в немалой части подтверждённых публикациями и рассекреченными архивными материалами. Тенденциозные в отношении фигуры самого Шрейдера и его соратников по ВЧК-ОГПУ, данные мемуары, несмотря на определённые умолчания и искажения, дают пласт исключительно полезных сведений о кадрах, деловых и личностных взаимоотношениях внутри чекистского ведомства, репрессиях, агентурной работе, быте, нравах и психологии работников ВЧК-НКВД.

Заметную историческую ценность имеет появление в 2016 г. обширных дневниковых и мемуарных записей заместителя Берии и председателя КГБ СССР в 1954–1958 гг. И. А. Серова, несмотря на контаминированный характер издания, не позволяющий чётко отделить дневниковые записи от последующей их редакторской обработки². Напротив, мемуарные книги чекистов, руководивших амнистирован-

---

¹ Подробный обзор некоторых дневников и мемуаров работников ГУЛАГа сделала недавно американская исследовательница Синтия Хупер. См.: Hooper C. V. Bosses in Captivity? On the Limitations of Gulag Memoir // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. Vol. 14. № 1. Winter 2013. P. 117–142.

² Серов И. А. Записки из чемодана. Тайные дневники первого председателя КГБ, найденные через 25 лет после его смерти / под ред. А. Хинштейна. М.: Провещение, 2016. 704 с.

ными коллегами за линией фронта в 1942–1944 гг.¹, а также воспоминания осуждённых в 1939–1942 гг. за участие в терроре, затем амнистированных и вернувших за годы войны звания и ордена работников госбезопасности (среди них видные чекисты Алтая и Кузбасса И. Я. Юркин и И. Ф. Золотарь), не дают информации об их уголовной предвоенной деятельности, рисуя приукрашенные образы отважных и высокоморальных руководителей диверсионно-разведывательной работы в тылу врага². Более интересны воспоминания ветерана ВЧК-КГБ, бывшего министра госбезопасности Бурятской АССР Д. М. Смирнова, в которых есть сведения о многих чекистах, включая одного из первых руководителей Сиблага И. М. Биксона³.

Чекисты Сибирского региона оставили немало мемуаров, обычно крайне тенденциозных и малоинформативных. Так, начальник УМГБ по Томской области Я. С. Турчанинов повествовал о создании барнаульским ссыльным троцкистом Л. С. Сосновским заговорщических групп и о шпионских резидентурах 30-х годов в Омске и на ст. Тайга, бывший замначальника Особотдела ГУГБ НКВД СибВО М. М. Портнягин — о «кулацких повстанческих организациях» начала 30-х годов в Тарском округе Сибкрая⁴.

Многие опубликованные мемуары чекистов представляют собой скорее, выражаясь языком спецслужб, так называемые «активные мероприятия» с целью дезинформации общественности. В двухтомнике «Личное дело» бывшего председателя КГБ В. А. Крючкова сочинена легенда о героических омских чекистах, которые якобы заплатили жизнью за сопротивление сталинским репрессиям: «В 1937 году, например, был расстрелян практически весь личный состав Омского управления НКВД за отказ участвовать в репрессиях. Состоялся скорый суд, и судьба сотрудников управления была решена»⁵. На деле расстреляли начальника управления Э. П. Салыня, который со своей командой успел до лета 1937 г. подвергнуть

---

¹ Медведев Д. Н. Сильные духом (Это было под Ровно). (Более 50 изданий в СССР с 1951 г., переводы на др. языки); Ваупшасов С. А. На тревожных перекрёстках: Записки чекиста. 3-е изд. М.: Политиздат, 1988. 510 с.

² Золотарь И. Ф. Записки десантника. М.: Воениздат, 1960. 227 с.; Он же. Друзья познаются в беде. М.: Сов. Россия, 1973. 416 с.; Агабеков Л. А., Иванов Е. П. Радирует «Запад». М.: Политиздат, 1967. 159 с.; Юркин И. Я. У нас особое задание. М.: Сов. Россия, 1973. 205 с.

³ Смирнов Д. Записки чекиста. Минск: Беларусь, 1972. 288 с.

⁴ Герои незримого фронта: сб. / сост. С. Д. Иванов. Ужгород: Карпаты, 1978. 232 с.; Портнягин М. М. Боевая юность наша // Ленинский путь (Тара). 1979, 23 мая.

⁵ Крючков В. А. Личное дело. Ч. 1. М.: Олимп, 1995. С. 400.

репрессиям тысячи людей. Омская Книга памяти жертв политических репрессий «Забвению не подлежит» свидетельствует, что Салынь периодически отправлял за решётку даже своих подчинённых — за «антисоветские разговоры». Всего же арестовали по обвинению в заговорщицкой деятельности 11 омских чекистов. Их изощённо пытали, но в 1939 г. освободили. А по Крючкову выходит, что расстреляли несколько сотен омских чекистов, ведь на 1936 г. офицерские звания в области получили 320 сотрудников управления НКВД¹. На деле вышедших из доверия чекистов обычно изгоняли — так, с 1 августа 1937 г. по 1 августа 1938 г. из УНКВД по Омской области уволили 223 работника².

В любопытной мемуарной книге Ф. И. Чуева «Солдаты империи» есть очерк «Чекист», посвящённый генерал-лейтенанту МГБ В. С. Рясному, который рассказал Чуеву историю, связанную с Б. П. Обручниковым — замминистра госбезопасности СССР. В ней фигурировал донос на Обручникова о его разговорах насчет «грузинского засилья» в окружении Л. П. Берии, после чего доносчика справедливый нарком отправил в концлагерь, а Обручникова не тронул. Впоследствии, после ареста Берии, несчастный Обручников стал жертвой интриг и лишился должности³. Документы же Комитета партийного контроля при ЦК КПСС говорят о прямо противоположной ситуации. Вовсе не Обручников был жертвой доноса. Его оказался начальник 2-го отдела секретариата НКВД СССР и парторг отдела Б. А. Иванов, неосторожно поспоривший с начальником 6-го отделения 2-го отдела ГЭУ НКВД Обручниковым относительно направления его человека на работу в секретариат наркомата. По доносу Обручникова Иванов оказался в январе 1939 г. арестован и затем осуждён на пять лет лагерей за разглашение секретных сведений о работе НКВД и высказывание «шовинистических убеждений». Разговоры Иванова о том, что грузины, привезённые Берией на Лубянку, скоро вытеснят его из секретариата, были преподнесены Обручниковым как шовинистические высказывания о земляках наркомата. В январе 1954 г. Обручников клеветал на возвратившегося из заключения Иванова, обвиняя в том, что он — бывший троцкист, обманом пролезший в «органы» и осуждённый за клевету на... Ста-

---

¹ Тепляков А. Г. Машина террора: ОГПУ-НКВД Сибири... С. 65.

² Самосудов В. М. Большой террор в Омском Прииртышьё... С. 243–249; Забвению не подлежит. Книга памяти жертв политических репрессий Омской области. Т. 3. Омск, 2001. С. 42; Т. 4. С. 85.

³ Чуев Ф. Солдаты империи. М.: Ковчег, 1998. С. 160.

лина. В результате Обручникова как бериевского пособника и клеветника весной-летом 1954 г. уволили из МВД, а также исключили из КПСС¹.

Лишена исторической ценности псевдомемуарная книга С. Л. Берии, где его отец предстаёт наиболее компетентным и моральным среди всех сталинских соратников². Очень много вымыслов в известных мемуарах генерал-лейтенанта МГБ и организатора тайных убийств П. А. Судоплатова. Говоря о судьбе крупного агента Иностранного отдела ОГПУ-НКВД белого генерала Н. В. Скоблина («Фермера»), Судоплатов указывал, что тот после бегства из Парижа в 1937 г. скрывался в Испании, где погиб во время бомбёжки. Однако вскоре после выхода скандальных судоплатовских мемуаров рассекреченные документы поведали о том, как начальник Иностранного отдела ГУГБ НКВД А. А. Слуцкий приказал резидентам «Швед» (А. М. Орлову) и «Яше» (Я. И. Серебрянскому) ликвидировать ненужного уже «Фермера»³. Из этих шифровок неопровержимо следовало, что Скоблина убили чекисты и, вполне возможно, сам Судоплатов и выбросил его из самолёта во время транспортировки в Испанию.

Сын крупного чекиста Н. К. Богданова посвятил реабилитации отца, изгнанного из «органов» при Хрущёве, обстоятельную книгу, насыщенную интересными архивными документами. Большой терпор он, притворяясь серьёзным, объясняет так называемой «операцией прикрытия» с целью обеспечить секретность подготовки к войне, когда «безответственная болтовня любого работяги или совслужащего могла в корне испортить всё великое дело». Принуждение страны к молчанию с помощью массовых расстрелов «блестяще удалось» и СССР «стал самой трудной страной для работы вражеских разведок»⁴.

Следует особо подчеркнуть огромное значение для современных историков эмигрантских мемуаров, авторы которых нередко ошибались в частности, но в целом сообщали вполне объективные

---

¹ РГАНИ. Ф. 6. Оп. 3. Д. 435. Л. 53; Д. 559. Л. 126–134; История сталинского Гулага. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов... Т. 2. Карательная система: структура и кадры. М., 2004. С. 513.

² Берия С. Л. Мой отец — Лаврентий Берия. М.: Современник, 1994. 432 с.

³ Судоплатов П. А. Спецоперации. Лубянка и Кремль 1930–1950 годы. М.: Олма-Пресс, 1997. 688 с.; Петров Н., Геворкян Н. Конец агента «13» // Моск. новости. 1995. № 46. 17–24 дек.

⁴ Богданов Ю. Н. Строго секретно. 30 лет в ОГПУ-НКВД-МВД. М.: Вече, 2002. С. 82.

сведения о сути советского режима и его карательных органов. Среди них были и воспоминания нелегалов, тайно посещавших СССР¹, и материалы перебежавшего на Запад крупного агента ВЧК-ОГПУ А. Э. Опперпута. Честно о своём опыте поведал один из чекистов Украины. Попав на несколько месяцев в штат Прилуцкой уездной ЧК, Иван Козуб потом в книге «Эпоха и судьба» вспоминал, что ЧК «...незаметно искажала психику каждого, кто там работал. Большинство из них считало, что чуть ли не со всей страной нужно бороться, и чем более ограниченным по уму и культуре был чекист, тем более он был уверен в своей правоте, не терпя никаких возражений»².

Многие отечественные и зарубежные историки до сих пор исходят из идеологизированного предположения, что канон эмигрантских воспоминаний однообразно субъективен и даже фальсифицирован с целью пропагандистского запугивания западного обывателя ужасами большевизма. Но если смотреть объективно и сравнивать публикации с архивными источниками, то становится ясно, что в архивах и мемуарах фиксируется одна и та же мрачная реальность, причём с деталями, которые не столько противоречат, сколько дополняют друг друга. Открытие архивов, публикация всё новых мемуаров и документальных свидетельств подтверждают, уточняют и дополняют ранние критические суждения о ВЧК-НКВД и сути советского режима, оказавшиеся вполне верифицируемыми.

Крупные деятели советского режима, порвавшие с ним и оказавшиеся в эмиграции, давали пронизательные оценки его карательной системе. Чтобы большевистская система власти держалась, как пояснял бывший нарком юстиции И. З. Штейнберг, «...необходимо постоянное использование орудия террора... И вследствие этого в среде самой бюрократии выделяется тот особенный слой её, который непосредственно владеет этими орудиями террора, непосредственно пускает их в ход. Диктатура бюрократии при диктатуре террора означает на самом деле диктатуру полиции...»³. О масштабных чекистских провокациях гневно писала один из лидеров Коминтерна А. Балабанова⁴.

---

¹ Ларионов В. Боевая вылазка в СССР. Записки организатора взрыва Ленинградского Центрального Партикома. Париж: Борьба за Россию, 1931. 71 с.

² Козуб І. Доба і доля: Спогади. К.; Торонто; Едмонтон: КІУС, 1996. С. 218.

³ Штейнберг И.З. Нравственный лик революции. Берлин, 1923. С. 99–100.

⁴ Балабанова А. Моя жизнь — борьба. Мемуары русской социалистки. 1897–1938. М.: Центрполиграф, 2007. С. 245–247.

О терроре периода Гражданской войны и взаимоотношениях чекистов с дипломатическим ведомством сообщал работник НКВД и невозвращенец Г. З. Беседовский¹. А экономист и социолог А. М. Терне в 1921 г. осуществил одно из первых описаний подсоветской жизни, посвятив несколько страниц деятельности и кадрам ВЧК: «В состав чрезвычайных комиссий попало подавляющее большинство людей с темным прошлым... людей-дегенератов по внешности и по поведению. Это и предопределило характер деятельности В.Ч.К. и наложило какую-то каинову печать на всё её существование». Он писал, что ростовские чекисты производят казни в помещении самой чека обычно под шум заводимого автомобиля, причём были вынуждены сменить здание, «ибо подвал, который имелся в старом помещении, плохо заглушал крики истязуемых» (здание с подвалом требовали в начале 1920 г. от властей и чекисты Красноярска, а выстрелы и крики жертв были слышны обычным прохожим сквозь стены многих тюрем и в 1920-е, и в 1930-е годы — А. Т.). Терне отметил, что взяточничество и должностные преступления в Советской России процветают и стали «чуть ли не основным бытовым явлением в советской жизни»².

Всё основное, что рассказывали начиная с 1918 г. за рубежом бывшие обитатели арестных домов о тюремных порядках и чекистах, роли ВЧК-НКВД в политике и общественной жизни, подтверждается рассекреченными ныне документами. Например, в августе 1919 г. З. Н. Гиппиус записала в дневнике совершенно точную информацию о постоянных казнях в Петропавловской крепости: один советский чиновник топливного ведомства «рассказал, что живя вблизи Петропавловской крепости, слышит по ночам бесконечные расстрелы»³. Дневник Н. Давыдовой, описывающий её заключение в тюрьме Одесской губЧК в 1920–1921 гг., демонстрирует механизмы красного террора, даёт портреты палачей и их жертв⁴.

---

¹ Беседовский Г. З. На путях к Термидору: Из воспоминаний бывшего советского дипломата: в 2 т. Париж: Мишень, 1930–1931 (переиздана в России: М.: Современник, 1997). О подлинности переданных Беседовским фамилий исполнителей приговоров в Полтаве в 1920 г. см.: Золотарьев В. А. Секретно-політичний відділ ДПУ УСРС: справи та люди. Харків, 2007. С. 108.

² Терне А. В царстве Ленина. Очерки современной жизни в РСФСР. Берлин, 1922. С. 109, 118–119, 123.

³ Мережковский Д. С. и др. Царство Антихриста. München: Verlag Drei Masker, 1921. С. 100.

⁴ Давыдова Н. Л. Полгода в заключении. Дневник 1920–1921 гг. Берлин, 1923. 142 с.

Описывая события в Петрограде осенью 1921 г., популярный литератор А. В. Амфитеатров отмечал, что чекисты и продработники «сплошь развратились в спекуляции, воровстве и... роскошной жизни», вспоминал, как следователь ПетроЧК П. А. Карусь даже не читал документов, фабрикуя на Амфитеатрова материал по обвинению в заговорщицкой деятельности, и в итоге констатировал: «Всенародная ненависть к чрезвычайкам достигла высшего напряжения. Даже среди самих коммунистов нарастает отвращение к ним и раздаются сильные голоса за их обуздание и упразднение»¹. О чекистских нравах он тонко подмечал следующее: «Ведь чекисты странный народ; взаимоотношения их напоминают нравы волчьей стаи. Казалось бы, теснейшее товарищество, полная солидарность appetitов, все за одного, один за всех. Но... чекисту, который сам впал в зубы и когти ЧК, едва ли не труднее из них высвободиться, чем обыкновенному смертному. Потому что — “воруй да не попадайся”, а раз попался, дурак, то не пеняй, если на тебе будет показан пример коммунистического беспристрастия...». Однажды Амфитеатров спросил у видного чиновника, чем он «объясняет эту страшную власть Дзержинского, Менжинского... вообще, чрезвычайщиков над своими товарищами? Ведь, в конце концов ЧК не более, как полицейская власть, низшая часть администрации, а между тем, его “тройки” и “пятерки”... даже демонстративно иной раз подчёркивают, что Ленин, Троцкий, Зиновьев, все тузы и авторитеты коммуны и даже самые “Совдепы” и “Исполкомы” им не указ...» Ответ был таким: «Нет ни одного крупного большевика, против которого ЧК не имело бы компрометирующего dossier»².

Украинский мемуарист К. Штеппа дал в мемуарах три портрета советских сексотов — своего гимназического друга, впоследствии попа-расстригу Юрия Крестьянполя, инженера Коваленко и бывшего министра украинского правительства Матвиевского. Подробно рассказывая их истории, К. Штеппа использовал данный материал для анализа самой коммунистической системы, института секретных сотрудников. «Вся наша система сверху донизу покоится на сексотах», — писал он в 1959 г.³

---

¹ Амфитеатров А. В. Горестные заметы. Очерки красного Петрограда. Берлин, 1922. С. 6, 13–14, 25.

² Там же. С. 201–202, 216.

³ Штеппа К. Ф. Ежовщина // Нов. журн. Нью-Йорк, 1959. Кн. LVIII. С. 176.

Эмигранты донесли до мировой общественности, что режим в советских местах заключения с самого начала сознательно был установлен мстительно-истребительный, а казни зачастую совершались с садистской жестокостью. Эмигранты неплохо понимали суть «чекизма» и его влияние на силовую переделку общества, но слабо представляли себе ситуацию в кадровых переменах на верхнем уровне, структуру «органов»¹, не подвергали целенаправленному изучению доступные газетные материалы о награждениях чекистов, не всегда обращали внимание на те или иные проговорки в прессе, на речи и выступления видных работников ВЧК-НКВД в газетах и журналах, впрочем, далеко не всегда доступных за рубежом. Так, они не отождествили реального героя ряда мемуаров палача «Магу» с лубяньским ветераном-расстрельщиком П. И. Магго, официально награждённым орденом в ноябре 1936 г.²

Сильная сторона информации от оказавшихся за рубежом представителей внутрипартийной оппозиции — осведомлённость о методах работы ВЧК-ОГПУ-НКВД³. Бывшие высокопоставленные большевики прекрасно знали, что такое «внутренняя партия», а среди порвавших с режимом был целый ряд чекистов, не считавших нужным хранить ведомственные секреты, например, член ВЧК в 1918 г. Ф. П. Другов. На страницах троцкистского «Бюллетеня оппозиции», выходившего в 30-е годы, раскрывались все существенные стороны жизни СССР. Помимо Троцкого, его авторами были Е. А. Преображенский, К. Б. Радек, И. Т. Смилга, Л. С. Сосновский, Х. Г. Раковский и другие компетентные большевики. Журнал публиковал много анонимных материалов из СССР, практически сразу сообщив, например, сугубо служебную информацию ОГПУ о внесудебном расстреле в ноябре 1929 г. резидента ИНО ОГПУ в Турции Я. Г. Блюмкина, а чуть позднее — уполномоченного ИНФО ОГПУ Б. Л. Рабиновича и поэта В. А. Силлова⁴.

---

¹ В эстонской (выходившей в г. Ревеле) газете предположительно эмигрант-монархист Б. В. Энгельгардт напечатал без подписи статью «Об организации ГПУ» с описанием структуры ОГПУ, отделов и подотделов спецслужбы, их функций // *Рассвет*. 1927. 3 сент. № 2. С. 34 (см.: Исаков С. Г. *Культура русской эмиграции в Эстонии (1918–1940)*. Статьи. Очерки. Архивные публикации. Таллинн: Aleksandra, 2011).

² *Известия*. 1936. 20 нояб. С. 1.

³ *Внутренняя линия*. Правда о третьем Тресте. Публичные доклады, прочитанные Б. Прянишниковым и И. Брянским в Париже. Париж, 1937.

⁴ Указан как Силлов.

Среди других достоверных сведений «Бюллетеня» можно указать на описания фактов массовых арестов и преследований в отношении ссыльных троцкистов, раскрытие прошлого ряда работников Славгородского окротдела полпредства ОГПУ по Сибкраю, среди которых были лица, служившие в Белой армии¹. В «Бюллетене» (№ 47 и 48 за 1936 г.) подробные сведения о работе ОГПУ-НКВД опубликовал бывший узник ГУЛАГа А. Цилига; в этом же издании разоблачительные материалы печатали чекисты-невозвращенцы И. С. Рейсс и В. Г. Кривицкий.

До начала 30-х годов у советских тайных корреспондентов Троцкого была возможность связываться с издателями «Бюллетеня оппозиции», который попадал в СССР через дипломатических и внешне-торговых работников, моряков и т. п. Большой террор заставил сторонников Троцкого говорить о необходимости новой, «чисто политической революции». В журнале также критиковалась пресловутая идея возрастания сопротивления врагов по мере продвижения СССР к социализму², связываемая исключительно со Сталиным (выше мы показали, что в 1918 г. её первым высказал Ленин).

На Западе работу советских «органов» хорошо представляли не только с помощью постоянно публиковавшихся полицейских исследований в отношении разведчиков-нелегалов госбезопасности, Разведупра РККА, связников Коминтерна, а также их агентуры, но и благодаря постоянным изменам работников спецслужб, печатавшим по свежим следам различные по информационной ценности и откровенности воспоминания. Мемуары перебежчиков, в том числе чекистов-разведчиков, отличаются информативностью, а тенденциозность их выражается прежде всего в старании представить авторов в качестве исключительно жертв и диссидентов, не причастных к карательным акциям режима. Среди них наиболее ценны и неплохо проверяются воспоминания Г. Агабекова³. Немало интересных фактов можно найти в мемуарной книге бывшего спецагента НКВД-НКГБ К. В. Хенкина⁴. Часть этих воспоминаний вполне лояльна к коммунистической идеологии, критикуя только её «искажения». Силь-

---

¹ Бюллетень оппозиции. 1930. № 9, янв.; № 10, апр.

² Вакуленко А. А. Политическая публицистика коммунистической оппозиции: 1929–1941 гг. (на материалах журнала «Бюллетень оппозиции»): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2009. 26 с.

³ Агабеков Г. С. Секретный террор: Записки разведчика. М.: Современник, 1996. 447 с.

⁴ Хенкин К. Охотник вверх ногами. М.: Терра, 1991.

ным налётом беллетризации, умолчаниями и искажениями отличаются в целом интересные и художественно убедительные воспоминания легендарного разведчика-вербовщика Д. А. Быстролётова, не только давшего оценку своей работы за рубежом как «грязной» и «кровавой», но и сообщившего о том, что нарком внутренних дел Белоруссии Б. Д. Берман якобы расстрелял в республике более 80 тыс. чел.¹

Подчеркнём, что практически всё, что было сказано за рубежом о Соловецком концлагере как матрице ГУЛАГа, абсолютно справедливо, и роль беглецов-мемуаристов в выяснении этой правды, целиком подтверждённой современными отечественными публикациями, огромна². Ценные воспоминания Б. Л. Седерхольма о советских тюрьмах и Соловецком лагере³ являются одними из первых, появившихся в печати за рубежом и открывших миру правду о начальном периоде советской карательной системы (всего они появились на пяти европейских языках, а затем и на русском). Показательно, что в них автор совершенно точно передаёт просочившуюся из недр Лубянки информацию о том, что британского агента С. Рейли тайно застрелил чекист Ибрагим — как свидетельствует акт о расстреле, исполнителем приговора над Рейли действительно был обычно упоминавшийся в 20-е годы только по имени известный в чекистской среде Ибрагим Абисалов⁴.

Верные и глубокие характеристики чекистам дал генерал И. М. Зайцев в книге о Соловках. Отмечая, что преступники из числа чекистов являются начальствующим персоналом концлагеря, он заявлял: «Каждый активный чекист есть озверевший человек, утративший, в моральном смысле, образ и подобие человека». Из этой в целом преступной категории был исторгнут самый преступный элемент и за злоупотребления властью (то есть истребление людей) сослан на Соловки. Зайцев отметил, что данный чекистский контингент

---

¹ Быстролётов Д. А. Путешествие на край ночи. М.: Современник, 1996. С. 63, 99. На деле в Белоруссии за 1935–1940 гг. было расстреляно 28 425 чел. Адамушка У. І. Рэпрэсіі палітычныя ў СССР // Беларуская энцыклапедыя. Мінск, 2002. Т. 14. С. 21.

² Бабичева М. Е. Один из самых «загадочных» мемуаристов СЛОНа (А. Клигер) // Воспоминания соловецких узников 1923–1939 гг. Т. 1. Соловки: изд. Соловецкого монастыря, 2013. С. 44–47.

³ Cederholm B. Au pays du Nep et de la Tcheka: dans les prisons de l'U.R.S.S. Paris: Jules Tallandier, 1928. 413 p.

⁴ Седерхольм Б. В разбойном стане: Три года в стране концессий и «чеки». 1923–1926. Рига, 1934. С. 238; Гладков Т. Награда за верность — казнь. М.: Центрполиграф, 2000. С. 251.

обычно добивается досрочного освобождения за усердие в работе¹. На Соловках уголовники сознательно ставились начальниками над остальными заключёнными, что позволяло поощрять криминальный элемент и добиваться жесточайшего режима для политзаключённых. Зайцев заявляет о массовом взяточничестве и вымогательстве со стороны и рядовых, и высокопоставленных чекистов, проницательно отмечает, что у курсантов школы ОГПУ практика проходила в виде участия в облавах, конвоировании заключённых, командировках в погранполосу для облав на контрабандистов, а также в виде присутствия «при ночных расстрелах в подвалах Центрального ГПУ с целью посвящения их в ритуал расстрела... развить жестокость и звериную кровожадность...». Автор фиксирует фирменную круговую поруку этой корпорации: «Товарищеское укрывательство и непроницаемая тайна о всём содеянном составляют основу чекистской этики»².

Очень квалифицированно и критически в 1979 г. разобрал пласт соловецких мемуаров эмигрант М. М. Розанов³. В последние годы выходит многотомное издание воспоминаний узников Соловецкого лагеря особого назначения (СЛОН) и Соловецкой тюрьмы за период 1923–1939 гг.⁴ Помимо десятков мемуаров, кратких и обширных, точных и беллетризованных, это важное издание включает в себя научные статьи и справочные материалы по истории и географии СЛОНа.

Под многими зафиксированными в дневниках, переписке и мемуарах слухами была реальная подоплёка, в них назывались подлинные фамилии арестантов и следователей, а численность репрессированных могла быть близкой к истине. Упомянутый выше Седелхольм точен в описании ленинградского «дела лицейстов» 1925 г., несколько завышая лишь число арестованных — более 200 вместо реальных 150 с лишним, из которых осудили 81 фигуранта (по постановлению Коллегии ОГПУ от 22 июня 1925 г. расстреляли 26 чело-

---

¹ Зайцев И. М. Соловки. Коммунистическая каторга, или Место пыток и смерти. Шанхай, 1931. С. 16, 17.

² Там же. С. 20, 29, 46, 63.

³ Розанов М. М. Соловецкий концлагерь в монастыре, 1922–1939 годы: Факты — домислы — «параши»: Обзор воспоминаний соловчан соловчанами: В 3-х кн. и 8-ми ч. США (Б. м.) 1979–1987. 299, 176, 87 с.

⁴ Воспоминания соловецких узников. Т. I. 1923–1927. Соловки, изд. Соловец. монастыря, 2013. 774 с.; Воспоминания соловецких узников. Т. II. 1925–1928... 2014. 640 с.; Воспоминания соловецких узников. Т. III. 1925–1930... 2015, 560 с.; Воспоминания соловецких узников. Т. IV. 1925–1931... 2016. 560 с.

век, включая последнего русского премьер-министра Н. Д. Голицына). Искусствовед Н. Н. Пунин 18 июля 1925 г. записал в дневнике: «Расстреляны лицеисты. Говорят, 52 человека. <...> О расстреле нет официальных сообщений; в городе, конечно, все об этом знают, по крайней мере... в среде служащей интеллигенции»¹.

Ценные сведения о ВЧК-НКВД публиковались многочисленными иностранными авторами. Жизнь в СССР весьма интересовала западную общественность. Между 1921 и 1941 г. только в Германии появилось более 900 статей и книг о путешествиях в советскую Россию и жизни в ней. За это же время в англоязычных странах вышло как минимум 370 книг о путешествиях в Россию. Таким образом, об особенностях жизни в СССР европейцы перед войной знали практически всё, и только многочисленные левацки настроенные интеллектуалы принципиально отрицали основную негативную информацию о стране победившего социализма. После заключения пакта о ненападении возобновилось прерванное в 1937 г. воздушное сообщение между Москвой и Берлином и вплоть до июня 1941 г. Советский Союз активно посещали немецкие учёные, торговые делегации и просто туристы². Наблюдательные иностранцы зафиксировали многие черты своеобразного советского быта, включая сведения о работе госбезопасности и отношении к ней населения.

Хотя левонастроенные гости писали весьма тенденциозно, их сочинения тоже важны для оценки роли репрессивно-карательных структур в СССР. Американский журналист и писатель Л. Стеффенс, рассказывая в «Автобиографии» (1931 г.) о своей беседе с Лениным в 1919 г., отмечал, что вождь говорил с ним в основном о новой вспышке репрессий и необходимости диктатуры, но от себя прибавил, что Ленин «по природе своей либерал», который «защищает свободу слова, собраний и русской прессы» и, вероятнее всего, «лично противится террору»³. Здесь очевидно, что сознательный и хладнокровный террор со стороны внешне интеллигентного человека и бывшего политического журналиста, ставшего главой страны, просто не вмещался в сознание западного наблюдателя.

Советский Союз очень внимательно относился к своему имиджу в мире, поэтому активно и с немалым эффектом приглашал сочув-

---

¹ Телетова Н. К. «Дело лицеистов» 1925 года // Звезда. 1998. № 6. С. 115–131.

² Хмельницкий Д. Нацистская пропаганда против СССР... С. 6–9.

³ Владимир Набоков — Эдмунд Уилсон: Дорогой Пончик. Дорогой Володя. Письма 1940–1971. М.: Азбука-Аттикус, 2013. С. 28.

ствовавших большевикам иностранцев, которые затем писали положительные материалы¹. Так, для освещения крупных политических судебных процессов 30-х годов привлекались известные литературные силы. Агитпропотдел Исполкома Коминтерна по просьбе Б. Куна просил 24 ноября 1930 г. у председателя Верховного Суда СССР оформить корреспондентами для освещения процесса «Промпартии» ряд видных зарубежных литераторов: Л. Арагона, И. Бехера, А. Зегерс, Б. Иллеша². Германский классик литературы Л. Фейхтвангер в 1937 г. выпустил книжку с положительным восприятием процесса над Пятаковым, Радеком, Сокольниковым и другими фигурантами дела «антисоветского троцкистского центра»³.

Датский писатель-коммунист М. Андерсен-Нексе восклицал: «Красный террор был отчаянной отповедью народа, опутанного изменой и вероломством врагов. Тем не менее он никогда не поравнялся с белым террором, прославившимся своими зверствами»⁴. Анна Луиза Стронг, левая американская журналистка и писательница, начиная с 1930-х годов неоднократно посещала СССР и дежурно одобряла все его действия, включая коллективизацию и политические репрессии. Но характерно, что первоначально Стронг интересовалась острыми вопросами советской жизни: сохранилось письмо в Коминтерн, где она в марте 1930 г. изъявляла желание написать для «Нью-Йорк таймс» статьи о роли СССР в Коминтерне, финансировании и организационной структуре ИККИ («если можно») и «не-русских вождях» вроде Б. Куна⁵. Не забудем упомянуть, что часть гостей из левого лагеря под влиянием советской действительности затем пересматривала свои убеждения и доказательно критиковала политику СССР.

Характерно, что уже в ряде ранних мемуаров иностранцев, побывавших в Советской России (например, у А. Холитшера), фиксируется негативный образ чекистов-приспособленцев, отлично натаस्कанных на полицейские функции: «В Чека наряду с молодыми фа-

---

¹ Дэвид-Фокс М. Витрины великого эксперимента. Культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости, 1921–1941 годы М.: Новое лит. обозрение, 2015. 568 с.

² РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 30. Д. 664. Л. 90.

³ Фейхтвангер Л. Москва 1937. Отчет о поездке для моих друзей. М.: Гослитиздат, 1937. 95 с.

⁴ Андерсен-Нексе М. Навстречу молодому дню: Путешествие в Советскую Россию. Л.; М., 1925. С. 114.

⁵ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 30. Д. 664. Л. 154–156.

натиками и проходимцами новой формации работают насквозь циничные, старые профессионалы “охранки” (“Ochрана”)»¹. Таким образом, полицейский генерал В. Ф. Джунковский и некоторые другие известные персонажи царского сыска и шифровального дела в качестве консультантов и кадров ВЧК были иностранцам известны; однако в мемуарах А. Холитшера эта особенность подана в сильно преувеличенном виде, с уверенностью в том, что юная советская полиция стоит на плечах предшественников и не только берёт на вооружение опыт прежней охранки из нормативных документов Департамента полиции, но и широко использует старые кадры. Один из ранних американских мемуаристов отметил миграцию исполнителей приговоров в номенклатуру системы госконтроля, зафиксировав сведения об одной из номенклатурных работниц: «Я слышал, что она была раньше в ЧК одним из комендантов, как называется должность палача»².

Многие известные иностранцы (Т. Драйзер, П. Истрати, П. Марион), побывавшие в Советской России, отмечали страх населения перед ОГПУ и лицемерие советских служащих, которые в одно и то же время превозносили достижения СССР и ругали советские порядки. П. Марион в 1930 г. писал: «Страх перед ГПУ заставляет хранить молчание... Большинство питает к режиму глухую ненависть, вызванную не столько материальными лишениями, сколько моральной атмосферой, созданной в государстве. Слова: комячейка, завком, домком, ГПУ — звучат для них кошмаром»³. Немецкий архитектор Р. Волтерс сообщал: «Диктатор пользовался уважением, но его командиры в провинции, партия и ГПУ вызывали ненависть и страх». Бытовые эпизоды, приводимые удивлёнными советской повседневностью иностранцами, тоже очень показательны. В Новосибирске в 1932 г., по словам Волтерса, самым роскошным жильём были две трёхкомнатные квартиры: в одной жил начальник военного округа, в другой — полпред ОГПУ⁴, что наглядно свидетельствует о номенклатурном весе чекистского руководства.

---

¹ Holitscher A. Drei Monate in Sowjet-Russland. Berlin: S. Fischer Verlag, 1921. Цит. по: Быков Д. Л. Маяковский: трагедия-буфф в шести действиях. М.: Мол. гвардия, 2016. 715 с.

² См.: Berkman A. The Bolshevik Myth (Diary 1920–1922). New York, 1925.

³ Цит. по комментарию Ю. Щеглова в: Ильф И., Петров Е. Золотой телёнок. М.: Панорама, 1995. С. 444.

⁴ Хмельницкий Д. Нацистская пропаганда против СССР... С. 114, 106.

При включении мемуаров в корпус использованных источников нами оценивались их достоверность, объективность, подробность, способность авторов к обобщениям. Вместе с тем не отбрасывались и мемуары более субъективные и поверхностные, поскольку в них также часто фиксировались ценные наблюдения о чекистах и их деятельности. Что касается недостоверной информации, то сведения о слухах, которыми постоянно питались заключённые, также обладают исторической ценностью, позволяя восстановить и насыщенную самыми невероятными (а также и верными) слухами атмосферу в местах заключения, и попытки дезинформации узников со стороны администрации. Ценность даже сильно беллетризованных источников достаточно велика, поскольку постоянный ввод в научный оборот всё новых архивных документов позволяет находить и в них немало достоверной информации.

Феномен беллетризованных мемуаров требует особой тщательности при источниковедческом анализе. И для специалиста даже явно сочинённые свидетельства представляют несомненный интерес, если есть возможность докопаться до зерна истины, скрытого под наслоениями фантазии или преднамеренной фальсификации. Автором специально поднимался вопрос об эффективности научной работы с сильно беллетризованными источниками о чекистах¹, причём был сделан вывод, что знание исследователем событий, почерпнутых из достоверных источников, нередко позволяет отделить правду от вымысла. Так, популярные мемуары известного журналиста, политика и беллетриста Ф. Оссендовского содержат пласт интересной и подлинной информации, в том числе и о преступлениях сибирских чекистов, переброшенных в Монголию для борьбы с белыми. Про бесславную гибель на Украине бывшего главы Енисейской губЧК В. И. Вильдгрубе можно найти сведения у эмигранта Ю. Горлиса-Горского, а опубликованная в Аргентине книга бывшего журналиста из Пятигорска М. М. Бойкова «Люди советской тюрьмы» ярко описывает реальных исполнителей смертных приговоров из УНКВД по Северо-Кавказскому краю К. Капралова и Н. Тангиева².

---

¹ Тепляков А. Г. Чекисты глазами эмигрантов (к вопросу о достоверности известных мемуаров А. М. Оссендовского и Б. Н. Ширяева) // Вестн. Тверск. гос. ун-та. Серия: История. 2014. № 4. С. 68–81.

² Горліс-Горський Ю. Ю. Холодний Яр: док. роман. Дрогобич: ВФ «Відродження», 2008. 432 с.; Бойков М. Люди советской тюрьмы: в 3 ч. (2 кн.). Буэнос-Айрес: Сеятель, 1957. [Кн. 1]. Ч. 1. Конвейер. 384 с.; [Кн. 2]. Ч. 2-3. Смертники. Холодногорск. 400 с.

К синхронным источникам личного происхождения традиционно относят письма и дневники. По логичному мнению О. М. Морозовой и Т. Ф. Василенко, к ним следует присоединить черновики неопубликованных статей (до редакторской правки), жалобы и обращения, а также записки, подаваемые в инстанции и содержащие лично окрашенный взгляд на описываемые события и персонажей. Изучение подобных эго-документов позволяет составить психологический портрет их автора, осмыслить мотивы его поведения¹.

Дневниковые записи ценны как фиксацией событий жизни, разговоров, мнений и оценок посторонних, в том числе исторических лиц, так и рефлексиями авторов по поводу различных событий, от бытовых до исторических. С. А. Чуйкина отметила, что с первой пятилетки страх перед государственным насилием и чувство незащищённости от произвола власти стали неотъемлемой частью мироощущения советских граждан². Москвичка З. Д. Кананова 25 марта 1930 г. отмечала, что в последние месяцы в Ленинскую библиотеку часто ходят «...два типа читателей: “гонимые”, ищущие в разных газетах справки для своего реабилитирования. Они говорят, с глазами, полными скрытого ужаса: “Дело идёт о жизни и смерти”. И другие — агенты ГПУ — лихорадочно, жадно отыскивающие в справочниках “Вся Москва” или “Весь Петербург” улики против кого-нибудь». В конце июня 1932 г. жена Андрея Белого К. Н. Бугаева рассказывала знакомым о своём пребывании в тюрьме: «О том, что там принято делать подложные признания с поддельными подписями, и вообще приёмы допроса очень иезуитские»³.

Дневники не арестовывавшихся деятелей культуры (В. И. Вернадского, Ю. К. Олеши, М. М. Пришвина, К. И. Чуковского, Л. В. Шапориной и др.) дают широкую панораму общественной жизни страны за много десятилетий, сообщая уникальные подробности о репрессивной политике, кадрах, а также об агентуре ВЧК-НКВД (хотя сведения о лицах, предположительно сотрудничавших с карательными органами, не могут считаться полностью доказанными, так как нередко опираются на субъективные мнения, когда человек, не выдержавший давления следователей и давший откровен-

---

¹ См.: Ермоленко Т. Ф., Морозова О. М. Погоны и буденовки: Гражданская война глазами белых офицеров и красноармейцев. М.: РГНФ, 2013. 356 с.

² Чуйкина С. А. Дворянская память: «бывшие» в советском городе (Ленинград, 1920–30-е годы). СПб.: Изд-во Европейского ун-та, 2006. С. 54, 58.

³ Из «Фрагментов» дневника Зои Дмитриевны Канановой / публ. Д. Лотаревой // Toronto Slavic Quarterly. 2013. № 46. С. 319, 325.

ные показания на третьих лиц, в глазах мемуариста может не отличаться от профессионального или добровольного осведомителя ВЧК-НКВД). В дневнике К. И. Чуковского есть эпизод, раскрывающий дезинформационные практики ОГПУ с целью дискредитации, например, деятелей царского режима. Оказывается, начальник Спецотдела ОГПУ Г. И. Бокий лично поддерживал среди интеллигенции мнение о подлинности сфабрикованного, по общепринятому мнению, П. Е. Щёголевым и А. Н. Толстым «Дневника» фрейлины А. Вырубовой (альманах «Минувшие дни». Изд-во «Красная Газета». Л., дек. 1927. С. 5–76; янв. 1928. С. 73–108; февр. 1928. С. 89–120; № 4. 1928. С. 87–124), где бульварным образом опошлялись царская семья и её окружение. Чуковский 22 марта 1928 г. записал в дневнике: «Я рассказал Демьяну [Бедному], что видел своими глазами резолюцию эксперта О[Г]ПУ Бохия¹ о том, что представленные “Минувшими Днями” документы признаны подлинными, что Бохий сличил письма Вырубовой, представленные ему редакцией, с теми письмами, которые хранятся в ОГПУ, и нашёл, что и там и здесь одна и та же рука»².

М. М. Пришвин зафиксировал восприятие одного из криминальных эпизодов деятельности НКВД, когда 22 августа 1937 г. в районе ст. Тайга Томской железной дороги на пути из МНР в Москву умер монгольский военачальник маршал Дэמיד — от, как сообщили советские газеты, отравления консервами. Дневник Пришвина свидетельствует, что эта история насторожила и вызвала скепсис у рядовых читателей газет, далёких от политики³. В записи на одной из карточек, сохранившихся в архиве профессора Ю. Г. Оксмана, сделанной, очевидно, в 60-е годы, указано на знакомство Оксмана с исполнителем этой спецоперации: «Марк Павлович Шнейдерман... в 1937–1938 гг. участвовал, по его словам, в операции по отравлению какого-то национального героя Монголии. Его, несмотря на бешеное сопротивление, отравили в вагоне, не доезжая Иркутска. Я познакомился с Ш[нейдерманом] в Магадане в 1944–1945 г.»⁴. Факт отравления под кураторством начальника ГУГБ НКВД СССР М. П. Фри-

---

¹ Г. И. Бокия.

² Чуковский К. И. Собр. соч. в 15 т. Т. 13. Дневник 1922–1935. М., 2013. С. 363.

³ Пришвин М. М. Дневники. 1936–1937 / подгот. текста Я. З. Гришиной, А. В. Киселевой. СПб.: Росток, 2010. С. 747.

⁴ Есипов В. Два гения в одном эшелоне (В. Т. Шаламов и Ю. Г. Оксман) // Знамя. 2014. № 6. С. 183–197.

новского маршала Дэмида и четырёх человек из его окружения (трое выжили) подтверждён в литературе¹.

Всё больше публикуется дневников и переписки самих чекистов, хотя пока разыскано сравнительно немного подобных документов². В частности, нами были опубликованы небольшой, но выразительный дневник рядового минусинского чекиста Д. Н. Семёнова от 1926 г., а также отрывки из дневника алтайского оперативника Е. А. Васильева от 1936 г.³ В дневнике Я. Я. Вейнберга от 1922 г. заметна тоска чекиста по оставленной кровавой работе: «Я люблю постоянное напряжение нервов и быть всегда наготове перед смертью, т. к. только в этом я нахожу какое-то успокоение и наслаждение и оно мне помогает на время забыть всё остальное. Этим и объясняется мое стремление вернуться в тот “омут” и “ад”, который два месяца тому назад я оставил»⁴, т. е. на службу в ГПУ. Дневник И. Чистякова, командира взвода вооружённой охраны на одном из участков БАМа, который он вёл в ГУЛАГе день за днём, с 1935 по 1936 г., сохранил подробности лагерного быта и настроений автора, тяжело переживавшего своё участие в мучениях невинных людей⁵. Из других же личных документов видно, что часть чекистов прямо осуждала свою работу, как вышеупомянутый Е. А. Васильев. Редактор рукописи бывшего крупного чекиста С. А. Болотова передал рассказ человека, «который встречался с Болотовым перед самоубийством. Чекист говорил своему земляку: “Придёт время, когда народ будет знать всю правду о работе ЧК. Я не могу без содрогания вспоминать это, поэтому и ухожу из жизни”»⁶.

Некоторые заявления чекистов очень откровенны. В марте 1921 г. группа коммунистов — сотрудников Туркестанской ЧК писала в ЦК РКП(б): «...Как это ни печально, но мы должны сознаться, что коммунист, попадая в карательный орган, перестаёт быть челове-

---

¹ Павлюков А. Ежов. Биография. М.: Захаров, 2007. С. 384.

² В настоящее время готовится к выходу большой том подобных материалов из архивов СБУ, ФСБ, ГАНО и др. хранилищ: Эхо Большого террора: сб. док. в 3 т. Т. 3: Эго-документы осужденных чекистов во время «бериевской оттепели» 1938–1941 гг. / сост. А. Савин, А. Тепляков, М. Юнге. М.: Пробел-2000, 2018.

³ Тепляков А. Дневник чекиста Семёнова... С. 335–366; Он же. Машина террора: ОГПУ-НКВД Сибири... С. 426, 508–509.

⁴ Ермоленко Т. Ф., Морозова О. М. Погоны и буденовки... С. 261.

⁵ Чистяков И. П. Сибирской дальней стороной. Дневник охранника БАМа. 1935–1936. М.: Corpus, 2014. 310 с.

⁶ Болотов С. А. Записки председателя Оханской ЧК (Оханск в 1916–1919 гг.) / под ред. А. Ширинкина. Пермь, 2005. С. 5.

ком, а превращается в автомат, который приводится в действие механически. Даже механически мыслит, так как у него отнимают право не только свободно говорить, но свободно индивидуально мыслить. Он не может свободно сказать свои взгляды, излить свои нужды, так как за всё грозят расстрелом». В заявлении далее говорилось, что сотрудники ЧК «стоят вне политической жизни Республики... в них развиваются... высокомерие, честолюбие, жестокость, чёрствый эгоизм и т. д. И они постепенно, для себя незаметно, откалываются от нашей партийной семьи, образовывая свою особенную касту, которая страшно напоминает касту прежних жандармов. Партийные организации смотрят на них как на прежнюю охранку с боязнью и презрением... Являясь бронированным кулаком партии, этот же кулак бьёт по голове партии»¹.

Письма арестованных или уже осуждённых чекистов, значительная часть которых отложилась в партийных и государственных архивах², — весьма распространённый и информативный источник. Их можно найти в фондах региональных партийных комитетов всех уровней, контрольных комиссий, а также среди документов судебно-следственных инстанций. Чекисты в подобного рода жалобах доказательно изобличают коллег и начальников в терроре и служебных злоупотреблениях, в то же время стараясь обелить себя, представляясь жертвами непонятных им извивов репрессивной политики верхов³.

Очень информативен такой вид эго-документов, как автобиографии чекистов, часто очень откровенные, особенно написанные в первой половине 20-х годов. Мотивом поступления в органы ВЧК нередко объявлялась месть: так, один из руководителей ГПУ Якутии Ф. Н. Богословский, выходец из семьи дьякона, заявил о «сильном желании, несмотря на совершенно другое воспитание в семье и школе, работать в органах ВЧК и именно расстреливать»; отбывавшая заключение в колчаковской тюрьме и жаждавшая мести рядовая сотрудница Томской ЧК Ф. Н. Бак-Жаркова повлияла

---

¹ Бордюгов Г., Козлов В., Логинов В. Послушная история, или Новый публицистический рай // Трудные вопр. истории. М.: Политиздат, 1991. С. 12, 13.

² См.: ГАНУ. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 74.

³ См.: Юнге М., Бордюгов Г., Биннер Р. Вертикаль Большого террора. История операции по приказу НКВД № 00447. М.: Нов. хронограф; АИРО-XXI, 2008. С. 438–467; Тепляков А. Г., Савин А. И. Показания деятелей массовой операции // Массовые репрессии в Алт. крае 1937–1938 гг. Приказ № 00447 / сост. В. Н. Разгон, М. Юнге, Р. Биннер и др. М.: РОССПЭН, 2010. С. 444–526.

на профессиональный выбор своего мужа, будущего крупного чекиста Б. А. Бака¹. Оценки, высказанные чекистами, часто попадают в самых различных документах. В марте 1920 г. любвеобильный председатель Иркутской губЧК С. Г. Чудновский говорил знакомой, «что если бы председателем чека был кто-нибудь другой то гряда расстрелянных была выше его головы, он же наоборот против расстрелов, так как ведь расстреливаемые не виноваты в переменах правительства»². Действительно, в Иркутске первые месяцы 1920 г. были не особенно кровавыми, но позднее в Томске Чудновский зарекомендовал себя как крайне жестокий начальник.

Нередко в подобных документах встречаются сведения о негласной работе на «органы», что помогает в постепенной реконструкции агентурного аппарата. А бывшая начальница Томской (Новониколаевской) губЧК В. П. Брауде откровенно написала о применении пыток как обычной практике чекистской работы: «Я сама всегда считала, что с врагами все средства хороши, и по моим распоряжениям на Восточном фронте применялись активные методы следствия: конвейер и методы физического воздействия, но при руководстве Дзержинского и Менжинского методы эти применялись только в отношении тех врагов, к[онтр]-р[еволюционная] деятельность которых была установлена другими методами следствия и участь которых, в смысле применения к ним высшей меры наказания, уже была предрешена... Применялись эти меры только к действительным врагам, которые после этого расстреливались, а не освобождались и не возвращались в общие камеры, где они могли бы продемонстрировать перед др[угими] арестованными методы физического воздействия, к ним применявшиеся»³.

Метод устной истории позволяет расширить источниковую базу исследования за счёт свидетельств очевидцев событий, связанных с осуществлением репрессивной политики государства. Основным методом здесь является интервью — непосредственный опрос участников тех или иных исторических событий, который порой позволяет обнаружить значимые подробности прошлого. Так, 93-летний В. Ф. Гельшерт, один из последних заключённых новосибирских

---

¹ ГАНО. Ф. П-1. Оп. 8. Д. 36. Л. 15–19 об.; Тумшис М. ВЧК. Война кланов. М.: Эксмо, Яуза, 2004. С. 393.

² ГАНО. Ф. П-11. Оп. 2. Д. 1881. Л. 16.

³ Сыченкова А. Чекистка // Гасырлар авазы — Эхо веков. Научно-док. журнал. Казань. 2002. № 3-4. С. 139–145.

тюрем 1938 г., в 2012 г. не только рассказал автору о расположении мест заключения, условиях содержания под стражей и фабрикации его дела, но и дал характеристику своего следователя Г. Т. Скрябина, с исключительным цинизмом при арестанте вслух рассчитывавшего, в руководители какого уровня «повстанческой польской организации» зачислить этого студента-медика. Также Гельшерт охарактеризовал (с положительной стороны) встреченного им в местах заключения видного сибирского чекиста С. С. Мартона, начальника Нарымского окротдела НКВД, арестованного в 1938 г., а затем работника ГУЛАГа.

Мнение народа о власти можно узнать из такого источника, как политический анекдот. В сборнике работ М. Туровской анекдот рассмотрен как «колоссальный ускоритель сознания, мышления, мироощущения»¹. Недавно вышедшая книга М. А. Мельниченко об анекдотах, посвящённых, в частности, Сталину и тайной полиции большевиков, даёт прекрасный срез фольклорного мнения о власти². Шутки на эту тему ходили и в высшем руководстве страны. Авиаконструктор А. С. Яковлев, допущенный перед самой войной в круг кремлёвских вождей, вспоминал об анекдоте, рассказанном ему А. А. Ждановым: «Сталин жалуется: пропала трубка. Он заявил: “Я много бы дал, чтобы её найти”. Берия уже через три дня нашёл 10 воров, и каждый из них “признался”, что именно он украл трубку. А ещё через день Сталин нашёл свою трубку, которая завалилась за диван в его комнате». Яковлев с осуждением добавлял: «И Жданов весело смеялся этому страшному анекдоту»³. В известной песне: «Таганка... Все ночи, полные огня. Таганка... Зачем сгубила ты меня?..» квазипоэтизм «ночи, полные огня» означает, что в тюрьме на ночь не выключали свет, и даёт представление об условиях содержания заключённых⁴.

В последнее время историки начали изучение сновидений советского периода, в которых проявлялось то огромное психическое напряжение, в котором десятилетиями пребывала страна. И. А. Паперно пишет: «Что бы они ни значили, политизация снов — свидетельство неодолимого проникновения террора в самые интимные

---

¹ Туровская М. Зубы дракона. Мои 30-е годы. М.: АСТ: CORPUS, 2015. С. 294.

² Мельниченко М. Советский анекдот (Указатель сюжетов). М.: Новое лит. обозрение, 2014. 1104 с.

³ Яковлев А. С. Цель жизни... С. 509.

⁴ Тименчик Р. Что вдруг. Статьи о русской литературе прошлого века. М.: Мосты культуры, 2008. С. 18.

сферы человеческой жизни. Для тех же, кто видел сны, как и для тех, кто их читал, они означали иллюзорность любых форм эскапизма. В этом смысле сны были инструментом террора»¹. Характерна реплика Анны Ахматовой: «Жаль, в те годы мы не записывали своих снов. Это был бы богатейший материал для истории»². Однако Я. Друскин, В. Каверин, М. Пришвин, Л. Шапорина и другие, известные и рядовые современники грандиозных событий, записывали сны, запечатлев в дневниках действительно важный материал, где тема тревоги, обмана, насилия государства, повсеместных сексотов-provokatorov и расстрелов проявляется всё время. В мемуарах начала 1970-х годов видного историка Л. В. Черепнина говорится: «Часто и теперь вижу во сне себя в тюрьме или в ссылке, в какой-то отдалённой деревушке, причем самое страшное — это ощущение своего бессилия, невозможности что-либо изменить. Бывает во сне и такое: срок ссылки окончен, я свободен, и вдруг кто-то власть имущий делает так, что всё начинается сначала, а я ничего не могу поделать. Страшно»³.

Мемуарная литература занимает серьёзное место среди источников, повествующих о деятельности ВЧК-НКВД, и постоянное её пополнение за счёт публикаций и архивных разысканий делает воспоминания и чекистов, и их жертв, и свидетелей различных аспектов работы «органов» очень востребованным и перспективным исследовательским инструментом. Также плодотворно изучение прочих категорий эго-документов, которые во всё большем количестве входят в современный научный оборот.

---

¹ Paperno I. *Stories of the Soviet Experience: Memoirs, Diaries, Dreams*. Ithaca, New York: Cornell University Press, 2009. P. 205; Паперно И. Сны террора (сон как источник для истории сталинизма) // Новое лит. обозрение. 2012. № 4. С. 227–267.

² Чуковская Л. *Записки об Анне Ахматовой: в 3 т.* М.: Согласие, 1997. Т. 2. С. 198.

³ Черепнин Л. В. *Моя жизнь. Воспоминания*. Т. 1. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 133.

Глава 7. Художественная литература о чекистах и терроре

Заметным информационным потенциалом по теме «органов» обладает советская и эмигрантская беллетристика, посвятившая чекистам сотни произведений.

О внимании поэтов и писателей к фигурам чекистов подробно писали ведущие критики середины 20-х годов — Ю. Тынянов, П. Коган, Г. Лелевич¹. Многие известные писатели были уверены, что чекисты активно вербуют агентов в литературной среде и поэтому прекрасно осведомлены о настроениях творческой интеллигенции. Из агентурно-осведомительной сводки 5-го отделения Секретного отдела ОГПУ от 10 ноября 1928 г. следовало: «О “Никитинских субботниках” Булгаков высказал уверенность, что они — агентура ГПУ. Об [заместителе начальника Секретного отдела ОГПУ — А. Т.] Агранове Булгаков говорил, что он друг Пильняка, что он держит в руках “судьбы русских литераторов”, что писатели, близкие к Пильняку..., всецело в поле зрения Агранова, причем ему даже не надо видеть писателя, чтобы знать его мысли»².

Характерно, что работников ВЧК-ГПУ в течение 1920-х — первой половины 1930-х годов разрешалось показывать не только преданными революции, но и крайне жестокими, поскольку беспощадность Гражданской войны была тогда общеизвестной и зачастую не скрывалась. Критические окрики цензуры по адресу резких произведений о чекистах³ в 20-х годах имели ограниченное влияние на литературный процесс, поэтому число книг, где работники ВЧК-ОГПУ охарактеризованы неортодоксальным образом, весьма велико. Особо следует выделить литературу, написанную в 1918–1922 гг. и создававшуюся как писателями прежней формации (В. Вересаев, Е. Замятин, Е. Зозуля, И. Эренбург), так и новым литературным поколением (М. Зощенко, Вс. Иванов, Ю. Либединский, Л. Сейфулина).

---

¹ Тынянов Ю. Литературное сегодня // Поэтика. Ист. литературы. Кино. М.: Наука, 1977; Коган П. С. Литература этих лет (1917–1923). Иваново-Вознесенск: Основа, 1924.

² Петелин В. В. Из примечаний к Собр. сочинений М. Булгакова. М.: Голос, 2000. Т. 10. С. 226.

³ Волин Б. Клеветники: Эренбург, Никитин, Брик // На посту. 1923. № 1. С. 9–28.

В революционной литературе сразу выделились авторы, подхватившие самые погромные призывы власти. Осенью 1918 г. одним из первых потребовал массовых казней поэт Василий Князев. Его стихи в «Красной газете», в журналах «Гильотина», «Красный дьявол», «Пламя» звали к беспощадному массовому террору за покушения на вождей революции: «Пуля в висок и тело в песок!» В ответ на убийство М. С. Урицкого Князев публикует 1 сентября в «Красной газете» стихотворение «Око за око, кровь за кровь», содержащее требования: «к стенке богатеев и бар!», «довольно миндальничать с ними, пора обескровить врага», «наступила беспощадных расстрелов пора», «друзья, не жалейте ударов, копите заложников рать...»¹.

Имажинист А. Мариенгоф в сборнике «Явь» (1919 г.) поместил такие стихи, написанные в предыдущем году:

«Кровью плюём зазорно
Богу в юродивый взор.
Вот на красном чёрным:
— Массовый террор!
Мётлами ветру будет
Говядину чью подместь.
В этой черепов груди
Наша красная месть!»

Уже в честь первой чекистской годовщины в «Правде» появилось панегирическое стихотворение журналиста Г. Астахова (будущего дипломата) «ВЧК», где разъяснялось, что следует слышать в буквах, составляющих аббревиатуру ВЧК:

В них сила сдержанного гнева,
В них зов раскованной души,
В них жуть сурового напева:
«В борьбе все средства хороши!»

Апологетические вещи о чекистах-героях писали зачастую малоодарённые литераторы (Д. Алтаузен, Г. Лелевич, С. Родов²), включая самих работников госбезопасности, вроде В. А. Балицкого или А. В. Эйдука. Будущий крупный чекист А. С. Славатинский печатался в первые годы советской власти со строчками вроде:

---

¹ Ломинадзе С. Малый архипелаг // Вопр. литературы 1999. № 6. С. 320–346.

² Лелевич Г. Коммунэра о чекисте Семёнове // Молод. гвардия. 1923. № 2. С. 82–83; Родов С. Коммунэра о Предгубчека // Звезда. 1924. № 3. С. 101–102.

«...Кровь и мозги на каменной стене
И на полу измятая шапчонка...
И это сделал — я!.. О горе мне!
— Я не смогу взглянуть в глаза ребёнка...»¹

Некоторые профессиональные чекисты выросли в подлинных поэтов, как, например, А. А. Прокофьев, работавший в ГПУ-ОГПУ с 1922 по 1930 г. В сборнике «Улица Красных Зорь» (1931 г.) Прокофьев гордо писал: «Я сам отправил четверых прямой дорогой в рай. <...> Таков закон моей страны, её крутая речь». Украинский поэт Д. Фальковский, в молодости работавший в органах ЧК Белоруссии, в некоторых стихах был твёрд в оценке своего прошлого:

«Я служил в ВЧК.
Я расстрельщиком был.
Я на совесть служил.
Дни и ночи, голодный, без сил
Революции мусор я сам выносил.
Не пугают меня тени братских могил,
Тени тех, кого сам пристрелил.
Революцию свято храня,
Не щадил я обритых голов.
Саботаж?! И расстреливал я,
И укладывал сотнями в ров».

Но также он и рефлексировал, избывая давящую на совесть революционную жестокость, в таких строчках:

«Он, смертник, мир почти покинул.
“Дай докурить”, — уста шепнули.
И тут же валится на спину,
Сражённый в глаз моею пулей.
Давно прошло. Забыть бы надо —
Но душит кровь меня, зараза.
Ну чем я, чем я виноватый,
Что я чуть-чуть, чуть-чуть промазал?!
Я метил в лоб. Дрожали руки.
За нами — степь лежит широко...
Пустить? Но я — чекист! Вот муки!
И снится выбитое око...»².

---

¹ См.: Шенталинский В. Рабы свободы: В литературных архивах КГБ. М.: Парус, 1995. 389 с.

² Фальківський Д. Н. Поезії. К.: Радянський письменник, 1989. С. 52, 50 (пер. с укр. В. А. Ярцева).

Литераторы — апологеты «органов» выделяли чекистов как моральный пример, показывая личностями, резко превосходящими обывательскую толпу. Пролетарский писатель М. Г. Сивачев из группы «Кузница» в романе «Федор Быльников» (изд. 1924, 1927, 1931 гг.) в образе чекиста и трибуналаца вывел себя, полуграмотного рабочего, снедаемого идеей мести «буржуйам» за свою прежнюю тяжёлую жизнь «в деповской канаве». Быльников действует с крайней, «слепой, взбешенной» жестокостью, причём автор демонстративно одобряет мстительность героя, который способен при аресте бить женщину¹. В романе Н. Колоколова врач хочет отравить тяжелобольного видного работника ЧК, «обновляющего жизнь ценой крови и жестокости», чтобы отомстить за пролитую кровь, но не может этого сделать и признаётся во всём чекисту, который (рефлексируя о тяжёлой для него революционной жестокости) показан нравственно выше растерянного интеллигента, неспособного отнять жизнь даже во имя мести, пусть и неверно понимаемой². В популярнейшем романе Н. А. Островского «Как закалялась сталь» главный герой некоторое время служит в ГПУ; характерно, что самому Островскому один из читателей предлагал для нового романа материалы о «вредительстве» на Орском крекинг-заводе³.

Очень важно, что отнюдь не только пролетарские писатели воспевали чекистов. Авангардисты считали себя частью власти, занимавшейся строительством новой революционной культуры, и не брезговали охранными структурами этой власти, тем более что многие известные чекисты, милиционеры, прокуроры активно участвовали в литературной жизни, увлекались театром, печатали свою публицистику, стихи, пьесы и беллетристику, часто посещали литературные салоны. М. Н. Золотоносов отмечает, что тесная связь с ОГПУ — неотъемлемая часть авангарда, наполненного в том числе и эстетикой садизма. Так, в известном литературно-чекистском кружке четы Осипа и Лили Брик органы ОГПУ воспринимались «в известном смысле плодом садистской эстетической фантазии, охраной большевистского Рая»⁴, а чекисты — как «святые люди»⁵.

---

¹ Сивачев М. Г. Федор Быльников. Л.: Прибой, 1924. 220 с.

² Колоколов Н. Мёд и кровь. М.: Федерация, 1928. 236 с.

³ Матвиенко О. И. Роман «Как закалялась сталь» и массовое сознание 1930-х годов // Тынянов. сб. Вып. 13. Томск: Водолей, 2009. С. 653.

⁴ Золотоносов М. Н. Слово и Тело. Сексуальные аспекты, универсалии, интерпретации русского культурного текста XIX–XX веков: сб. ст. М.: Ладомир, 1999. С. 287.

⁵ См.: Сарнов Б. М. «Перестаньте удивляться!» М.: Аграф, 1998.

Агитационная поэзия и публицистика постоянно апеллировала к авторитету ВЧК-НКВД. Из крупных авторов искренне пел осанну чекистам и террору В. В. Маяковский. Фраза из «150 000 000»: «Стар — убивать. На пепельницы черепа!» заставляет вспомнить людоедские идеи П. Н. Ткачёва о непригодности всех, кто не относится к молодёжи, для жизни после революции. В стихотворении «Владимир Ильич!» (1920 г.) поэт открыто благодарит Ленина за ясное указание, кого убивать: «Теперь не промахнёмся мимо. Мы знаем кого — мети! Ноги знают, чьими трупами им идти». Далее он писал о том, что до тех пор, пока «не экспроприрован класс капиталистов», порождающий войны, пролетариям следует поступать по принципу: «Виновным — смерть. Невинным — вдвойне» (1924 г.). Маяковский издевательски писал о «белой слякоти, сюсюкающей о зверствах ЧК» и тех «бывших людях», которых легко следовало бы «списать в расход», а в апологетическом стихе «Солдаты Дзержинского» (1927 г.) называл, демонстрируя специфическую эрудицию, основные оперативные подразделения ОГПУ: Контрразведывательный (КРО) и Секретный отдел («бери врага, секретчики, и крой, КРО»).

Э. Багрицкий в стихотворении «Победители» (1932 г.) восклицал: «Механики, чекисты, рыбоводы, / Я ваш товарищ, мы одной породы...»¹. Он же, немного споря с Дзержинским, тем не менее вкладывал в уста первого чекиста страны яркую апологетику классового недоверия, террора и покорности требованиям века («ТБС», 1929 г.):

«Оглянешься — а вокруг враги;
Руки протянешь — и нет друзей;
Но если он [век — А. Т.] скажет: “Солги”, — солги.
Но если он скажет: “Убей”, — убей.

<...>

Враги приходили — на тот же стул
Садилась и рушилась в пустоту.
Их нежные кости сосала грязь.
Над ними захлопывались рвы.
И подпись на приговоре вилась
Струей из простреленной головы»².

Очень доброжелательно писали о чекистах М. Горький, И. Сельвинский, М. Светлов и другие заметные писатели и поэты. В поэме

---

¹ Багрицкий Э. Победители. Стихи. М.: Л., 1932. С. 25.

² Он же. Стихотворения и поэмы. М.: Л., 1964. С. 126.

И. Сельвинского (1923 г.) описывался столичный уполномоченный ГПУ, потребовавший от украинских властей решительных «репрессий» для энергичного подавления крестьянского восстания, который затем, расстреляв виновных, «потирая окисший от газов наган, мчал получать орден»¹. Правда, в 1931 г. поэт вызвал раздражение Культпропа ЦК ВКП(б), поместив в «Электрозаводской газете» описание «поголовного обыска рабочих, производимого по инициативе ОГПУ и под руководством парткома»². Драматург Вс. Вишневский при обсуждении злободневной пьесы Ю. Олеши «Список благодарений» в 1931 г. уверенно заявил: «Мы можем расстрелять ещё 100 000 человек, и это не будет преступлением, ибо это идёт на пользу революции»³.

Литераторы под воздействием писательского начальства должны были чутко реагировать на изменения конъюнктуры, чтобы как можно более эффективно разоблачать врагов. Часть из них была за-агентурена и выполняла прямые поручения «органов» (как завербованный в 1928 г. бывший сатириконовец Арк. Бухов, который освещал настроения среди писателей-сатириков, или видный журналист А. Гарри)⁴, другие действовали под давлением конъюнктуры или искренне веря в пропагандистские лозунги. Известный драматург Б. Ромашов, откликаясь на заявленную ОГПУ связь «вредителей» с иностранными государствами, немедленно (в конце 1930 г.) заявил: «Мы, драматурги... вместо подлинной картины вредительства, как проявления классовой борьбы, в огромном количестве пьес [курсив наш — А. Т.] ...показываем жалкий штампованный образ злодея-вредителя, не разоблачая его как агента международного капитала»⁵. Эмигрировавший из Советской России в 1922 г. М. Горький, очень ценивший не только крупную материальную помощь большевиков, но и причастность к государственной специнформации за счёт пере-

---

¹ См. перепечатку: Сельвинский И. Казнь Стецюры (новелла) // Версты. № 1. Париж, 1926. С. 25, 26.

² Большая цензура: Писатели и журналисты в Стране Советов. 1917–1956 / сост. Л. В. Максименков. М.: МФД; Материк, 2005. С. 213.

³ См.: Гудкова В. Юрий Олеши и Всеволод Мейерхольд в работе над спектаклем «Список благодарений»: опыт театральной археологии. М.: Новое лит. обозрение, 2002. 604 с.

⁴ Киянская И., Фельдман Д. Эпоха и судьба чекиста Бельского: моногр. М.: РГГУ, 2016. С. 151–154; Фельдман Д., Киянская О. Показания А. Гарри о положении иностранных корреспондентов в СССР (1930 год) // Вопр. лит. 2016. № 4. С. 308–344.

⁵ Писатели выходят на трибуну общественного обвинения // Лит. газ. 1930, 20 нояб.

писки с вождями, в письме Г. Ягоде из Италии в начале 30-х годов писал: «Сплю и вижу: написать пьесу “Вредитель”¹», прося чекиста информировать о советских новостях, а также не забыть выслать подборку «материалов по заговорам»².

Отдельно следует упомянуть видных партийно-чекистских работников, которые сочли возможным опубликовать художественные чекистские портреты (А. Аросев, О. Брик, А. Тарасов-Родионов), сочетавшие апологетику с критикой. Так, в романе чиновника и пролетарского писателя А. Аросева «Записки Терентия Забытого» запечатлён фанатичный работник ВЧК, «особенный человек» Клейнер, предлагающий публично демонстрировать документальные кинофрагменты с расстрелами врагов революции. В пьесе Ем. Пиляя «Че-Ка» чекистский персонаж высказывает, говоря о жестоком приговоре, то же самое пренебрежение к человеческой жизни, что и реальные работники ВЧК: «Сейчас революция, война: некогда по существу разбирать [степень тяжести проступка]. Виноват, так становись к стенке, на том свете разберут»³.

Литераторы советского лагеря нередко были в курсе, что чекисты, легко приговаривавшие к смерти и исполнявшие приговоры, это «автоматы смерти и убийства», по афоризму члена Сибревкома В. Н. Соколова⁴. Поэтому они нередко старались снабдить чекиста рефлексией, очеловечить его, показать не как чиновника, особо ценящего свою абсолютную власть, с садистской жестокостью допрашивавшего и расстреливавшего (например, в «Жизни и гибели Николая Курбова» И. Эренбурга), а как занятого страшной, но необходимой для революции работой. Поэт В. Нарбут, в 1918–1919 гг. занимавший резко антибольшевистскую позицию, уже в 1920 г. в одном из стихотворений писал о деятельности ЧК «без восхищения» (как отметил критик), но с точки зрения тяжёлой революционной необходимости⁵. В повести Ю. Либединского «Неделя» (1922 г.) есть исповедь «кающегося чекиста», усомнившегося в правоте бессудных расстрелов и подумывающего о самоубийстве: «Точно кровь этих нагих белогвардейцев мне в душу брызнула!.. Эти ужасные сто-

---

¹ Получила название «Сомов и другие».

² Неизвестный Горький. Материалы и исследования. М.: Наследие, 1994. С. 177.

³ См.: Пиляй Ем. Че-Ка. Драматический этюд. Киев: Сораборк, 1924.

⁴ Шишкин В. И. Енисейская губернская чека в 1920 году: дела и нравы... С. 48.

⁵ Ингулов С. О живом человеке // На посту. 1923. № 4. С. 97.

ны, раздающиеся из каменоломни... Я разучился подписывать заключения на расстрел...»¹

Бывшие чекисты и исполнители приговоров, утратившие здоровье из-за страшной работы, встречали писательское сочувствие. Главный герой повести С. И. Малашкина — психически больной бывший палач-комиссар Завулонов, в чьём помутнённом сознании всплывает жуткая и очень подробная сцена расстрела белогвардейцев, в котором он когда-то принимал участие. Здесь обращает на себя внимание и нарочито inferнальная фамилия героя². Автор «Тихого Дона» с симпатией описал коменданта-палача Бунчука, ставшего от расстрельных переживаний импотентом.

Сибирский поэт и писатель В. А. Итин о своём недавнем прошлом в 1925 г. писал: «С момента вступления в партию я был загублюстом, входил в коллегия [Енисейской] ГУБ.Ч.К. и подписывал смертные приговоры белогвардейцам...»³. Итин поэтически высказался о требовании времени так же, как это делали В. Маяковский, Э. Багрицкий и многие другие партийные и беспартийные литераторы. Раз «век поджидает на мостовой», нужно идти на его зов с поднятыми руками, силой просветляя своё буржуазное сознание. Согласие на внутренний террор было нужно творческим душам, чтобы выжечь прошлое, сомкнув пальцы на горле второго, интеллигентского «я». Итин, обращаясь к остро переживавшему ужасы подвалов чека коллеге В. Я. Зазубрину, твёрдо призывал к огосударствлению души:

«Террор ясен и убить так просто.
В наших душах нам нужней чека —
Пулей маузера, в подвалах мозга,
Пригвоздить ревущие века»⁴.

Тема психологии чекистов, вживания в мирную жизнь победителей в Гражданской войне, замазанных кровью, особенно волновала В. Я. Зазубрина: «Мой товарищ будет держать меня за бороду и советовать: "...Вчера мы оставили с тобой автомобиль с приговорёнными в воротах Губчека. Сегодня надо его вывести за город и начать

---

¹ Либединский Ю. Н. Собр. соч. в 2 т. М.; Л.: ЗИФ, 1927. Т. 1. С. 63 (указано А. В. Блюмом).

² Малашкин С. И. Больной человек. М.: Молод. гвардия, 1927. 263 с.

³ ГАНО. Ф. П-6. Оп. 2. Д. 1295. Л. 26.

⁴ Тепляков А. Г. «Я не чиновник и не трус»: судьба Вивиана Итина // Власть и о-во в Сибири в XX веке: сб. науч. ст. / науч. ред. В. И. Шишкин. Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, Параллель, 2015. Вып. 6. С. 181–208.

расстрелы»¹. Писатель сообщал, что хочет разобраться с тем, что творилось в голове чекиста, «когда ему пришлось расстреливать женщину, которую он любил»². Повесть «Щепка» и вышедший из неё роман были запрещены цензурой, и Зазубрин только глухо упоминал в открытой печати эпизоды «из своей пятилетней книги о тех временах, когда на кладбище ещё не было спортплощадки, а мишени заменяли живые люди со связанными руками»³. Рассказ «Блестящая правда» (1923 г.) посвящён бывшему командиру партизанского отряда, затем начальнику тюрьмы, ставшему хозяйственным работником. Не понимая порученного дела, он запутывается и оказывается на скамье подсудимых. А классово близкий суд беспощадно карает его сугубо из воспитательных соображений, для примера, причём Зазубрин наглядно показывает, как работает бездушная машина открытого суда (точно так же цинично, как в оставшейся неопубликованной до самой перестройки «Щепке» действует механизм секретного чекистского террора), когда следователь на недоумённый вопрос арестованного небрежно отвечает: «На досуге разьясим, дорогой. Распишись!»⁴.

Во многих художественных произведениях очевидно внимание авторов к расколу общества Гражданской войной, часты упоминания арестов и казней чекистами своих близких родственников. В повести 1924 г. «Я (Романтика)» М. Хвylёвого юный герой, чекист, в компании с коллегами-циниками «с камнем вместо сердца» и просто убийцами-дегенератами легко расстреливает и интеллигентов, и монахинь, и даже пристреливает собственную мать⁵. В повести Я. М. Окунева «Долг» чекист Прохоров решительно передаёт дочь, умоляющую её пощадить, в руки ЧК⁶. В драматургии аналогичная тема тоже очень отчётлива. В популярной драме С. М. Левитиной «Приговор» описана коллизия с чекистом, женатым на даме из «бывших» (чекисты нередко предпочитали избранниц из хороших семей по принципу: «убей врага и забери себе его женщину»), кото-

---

¹ Зазубрин В. Заметки о ремесле // Сиб. огни. 1928. № 2. С. 241–252

² Подобный эпизод известен в Алтайской губЧК в 1921 г. (сведения Ю. И. Гончарова).

³ Зазубрин В. Заметки о ремесле... С. 241–252.

⁴ См.: Зазубрин В. Я. Общежитие. Новосибирск, 1990. 416 с.

⁵ Хвylёвый М. Синие этюды: Повесть, рассказы. М.: Сов. писатель, 1990. С. 185–202.

⁶ Окунев Я. Долг / приложение к «Голосу Текстилей». М.: Изд. ЦК Союза текстильщиков, 1927. 32 с.

рая теряет от рук большевиков сначала родителей и брата, а затем и сама, обвинённая в контрреволюции, гибнет от выстрела мужа прямо в камере, не успев дописать ходатайство о помиловании¹. Описание расправ с близкими людьми революционерами, чекистами не являвшимися, в литературе 20-х годов также было более чем достаточно («Донские рассказы» М. Шолохова, «Любовь Яровая» К. Тренёва, «Судья ревтрибунала» М. Голодного и др.).

В ряде произведений появлялись очень реалистические описания оперативной работы «органов»: слежки, следствия, тюремного содержания, расстрелов. Опубликованный в 1925 г. кинороман М. И. Чесса (псевдоним математика и статистика М. И. Мительмана), написанный от лица анархиста, осуждённого вместе с группой товарищей в начале 20-х годов, подробно описывал арест, допросы в ВЧК-ГПУ, Лубянскую и Бутырскую тюрьмы, ожидание казни, высылку в Архангельск, смертельную голодовку политссыльных, а также демонстрировал целый ряд точно воспроизведённых партийных и чекистских документов². Узники свободно переписываются и перестукиваются (приложена схема расположения букв алфавита для перестукивания), обмениваются записками через потайные места в уборной и через отверстие у батареи отопления в камере. Главный герой — близкий большевикам анархист, постепенно перевоспитывающийся в коммуниста, рассказывает о начальнике отделения транспортной ЧК, возглавлявшем бандитскую шайку, и положительном председателе Полтавской губЧК, который арестовал этого чекиста-уголовника. Упоминания о неприязни к чекистам и их агентам, о предсмертных надписях на стене камеры и расстрелах во внутренней тюрьме на Лубянке (с авторским восклицанием: «Неужели Чека делает это без ведома ЦК РКП?»), о фабрикации дела исключительно с помощью агентурных материалов перемежаются с уверенностью героя в правильности основной линии большевиков: «Единая реальная сила — РКП»³.

«Органы» и служащие в них персонажи присутствуют в многочисленных пьесах 20-х годов на разных уровнях: от безликих упоминаний (часты реплики вроде «ГПУ откроет», либо грозного финального «стука в дверь», предвещающего арест), до отдельных образов,

---

¹ Левитина С. М. Приговор: Драма в 5 актах (в 10 картинах). [Харьков]: Гос. изд-во Украины, 1927. 112 с. (переизд. в 1934 и 1957 г.)

² Чесс М. И. Ёлоп: Страницы из жизни Старова. Л.: Прибой, 1925. 267 с.

³ Там же. С. 151–154, 158, 161, 162, 167.

специальных эпизодов, наконец, центральных героев, организующих произведение в целом (пьеса В. Билль-Белоцерковского «Луна слева», поэма А. Безыменского «Феликс»). Для многих персонажей очевидна тесная связь между коммунизмом и всепроникающим контролем госбезопасности. В «России № 2» Т. Майской есть диалог:

«Коко. Чудеснейшая вещь коммунизм. <...> если бы не Че-ка.

Восточный человек. Только Че-Ка? А не хотите ли: Ве-Че-Ка, М-Че-Ка, Губ-че-ка, У-То-Че-Ка.

Коко. Целая великая держава Вечекия».

Об арестах и ссылках в пьесах со временем начинает говорить мимоходом, между прочим, а арест персонажей в финале превращается в каноническую норму развязки сюжета. Очень выразительна простодушная авторская ремарка пьесы «Добрый чёрт» Д. Синявского: «Режиссёр должен поставить в толпе выходящих [зрителей] сценки, характерные для того времени. Кого-нибудь арестовывают, обыскивают». По мнению В. Гудковой, среди обязательных и факultatивных драматургических тем проблематика персонажей-чекистов в формирующемся каноне советского сюжета 1920-х годов играет роль стержневой¹.

Одни писатели создавали официально поощряемые панегирики чекистам, другие находили возможности размышлять над этими персонажами, а третьи (в том числе и помня негативный личный опыт) вкладывали своё отвращение к вездесущей и активно вмешивавшейся в литературу политической полиции в запоминающиеся художественные образы. Известно, что подвергались заключению в тюрьмах ВЧК А. Блок, С. Есенин, В. Катаев, А. Соболев, И. Эренбург и многие другие литераторы. Некоторые видные советские писатели описывали работников спецслужбы резко критически, порой с брезгливостью. Романы, повести, рассказы И. Эренбурга, М. Зощенко, В. Вересаева, А. Весёлого и других честных литераторов показывают важные и сходные черты чекистов — их беспощадность (которой совершенно официально требовало от них руководство ВЧК-НКВД, награждая за службу с традиционной формулировкой «За беспощадную борьбу с контрреволюцией»), моральную ущербность, психопатические наклонности.

Писатели, оставшиеся верными гуманистической традиции, писали о чекистском терроре с ужасом и едкой иронией. Им приходи-

---

¹ Гудкова В. В. Рождение советских сюжетов: Типология отечественной драмы 1920-х — начала 1930-х годов. М.: Новое лит. обозрение, 2008. С. 70, 77.

лось прятаться за аллегии, что позволяло миновать запреты цензуры. В ранней антиутопии Е. Зозули «Рассказ об Аке и человечестве» (1919 г., затем переиздавалась) были резко спародированы и ВЧК, и принципы её деятельности: самозванная Коллегия Высшей Решимости осуществляла государственную выбраковку «ненужных» для общества личностей, физически ликвидируя их «в 24 часа», причём в «чистке» общества активно участвовали и писатели. Удивительным образом этот рассказ, где особенно запоминается приговор высокообразованному «бывшему», который признан «ненужным» и подлежащим ликвидации в том числе за то, что редко испытывает радость от деяний власти, соотносится с серьёзно высказанной идеей партийного публициста Э. С. Енчмена, предложившего в 1920 г. на основе физиологических характеристик замерять позитивное отношение индивидов к советской реальности и организовывать их снабжение в зависимости от степени лояльности, причём в «отсталых, консервативных» организмах необходимые физиологические изменения следовало вызывать «средствами насилия»¹. Здесь же отметим, что другой критик уверял, что классовость имеет физиологическую составляющую: Г. Лелевич в докладе «О пролетарской поэзии» на собрании Московской ассоциации пролетарских писателей утверждал не только, что «психика современного человека носит насквозь классовый характер», но и что «современный человек... мыслит... любит и даже отправляет свои чисто физиологические функции не как человек вообще, а как представитель определённого класса»².

Герой сказки Е. Замятина «Церковь Божия»³ Иван убил купца с кучером, а за награбленные деньги выстроил огромную красивую церковь. Но в ней оказалось невозможно находиться из-за трупного смрада. Главный цензор П. И. Лебедев-Полянский сначала расшифровал очевидные намёки Замятина (Иван — пролетариат, купец — буржуазия, церковь — коммунистическое общество), а затем легко отмёл претензии писателя: «"Купца", которого убил Иван, не воскресишь, а "церковь" проветрится»⁴. Дурного запаха партийцы действительно не боялись.

---

¹ Енчмен Э. С. Восемнадцать тезисов о «теории новой биологии»... С. 3–7.

² Октябрь. 1925. № 3–4. С. 198.

³ Замятин Е. Большим детям сказки. Берлин; Пб.: Изд-во З. И. Гржебина, 1922. 47 с.

⁴ Полянский В. (П. И. Лебедев) На литературном фронте: сб. ст. М.: Новая Москва, 1924. С. 172.

Из популярных советских авторов особенное внимание к чекистам проявлял Илья Эренбург. В начале 20-х годов он критиковал репрессивность советской системы, что заметно в сатирическом романе «Хулио Хуренито». В берлинском сборнике рассказов «Неправдоподобные истории» (1922 г.) привлекает внимание новелла «Любопытное происшествие» с таким пассажем: «Чеки много, и вся она разная. Есть у нас представители Вечека, есть Губчека, есть Ортчека, есть Уточека¹ (её любители буколики «уточкой» обозвали), есть и совсем особая, “ОО”², такая страшная, что даже наш заведующий секцией, на что важный, и в комячейке состоит, лошадьми пользуется, и тот, когда заговоришь с ним об “ОО” этой, ёрзать начинает». Сам же рассказ посвящён очень символичной «пропаже» председателя губисполкома, который посетил с инспекцией тюрьму, оттуда его не выпустили, а заперли в камере, откуда отлучившийся надзиратель, знавший главу власти, не вернулся. Дело закончилось отказом главы губернии покинуть тюрьму и сумасшедшим домом, куда взбунтовавшегося начальника увезли особисты³. А в романе «Жизнь и гибель Николая Курбова» (1922 г.), представлявшем собой ответ апологетике террора в повести А. И. Тарасова-Родионова «Шоколад», писатель откровенно поведал о негласных агентах-провокаторах, массовом терроре, садизме и коррумпированности высокопоставленных лубяньских чекистов. Для Эренбурга типичны реалистические описания работы «органов», а также мечтаний чекиста-садиста о «всемирном пулемёте» для социалистов и прочих удовольствиях, вроде допросов генералов и генеральш.

В сделанном на документальном материале и внешне советском романе Эренбурга о строителях Кузнецкого металлургического комбината «День второй» (1933 г.) упоминались не только тяжелейшие условия труда, но и колхозные «перегибы», спецпереселенцы, заключённые Кузбасса, а также всевозможные «бывшие люди», описанные с нотками сочувствия к их сломанным судьбам: «Раскулаченные тоже строили завод, но они его строили с тоской и злобой. Каждый из них не был ни в чём повинен. Но они были людьми того класса, который был повинен во всём»⁴. В ответ пресса первона-

---

¹ Перечислены Всероссийская ЧК, губернская ЧК, отделение районной транспортной ЧК и участковая транспортная ЧК.

² Особый отдел.

³ Цит. по: Сарнов Б. М. Случай Эренбурга. М.: Эксмо, 2006. С. 83.

⁴ Эренбург И. Г. День второй. М.: ГИХЛ, 1934 (во всех последующих изданиях данный абзац был купирован).

чально обвинила писателя в том, что он ударился в апологию зарубежной «брехни» о «пятилетке, построенной на костях ударников»¹, но затем признала роман советской классикой.

Особое внимание авторов проявлялось к изображению психологии человека, осуществляющего палаческие функции, а также показу конкретных оперативных действий ЧК: слежки, провокаций, жестоких допросов и казней. Роман В. Вересаева «В тупике» (1922 г.) отразил события 1918–1920 гг. в Крыму, выделяясь резким неприятием воцарившегося тогда красного и белого террора. В романе изображены сцены массового расстрела чекистами врангелевских офицеров, поверивших обещанной амнистии и добровольно явившихся на регистрацию². О массовых казнях заложников и организации чекистами наружного наблюдения писал (в сугубо позитивном ключе) А. И. Тарасов-Родионов в повести «Шоколад» (1922 г.)³; о чекистах-бандитах уездного масштаба — А. Весёлый в рассказе «Филькина карьера» (1925 г.), расследовавший в 1919 г. их деятельность в Мелекесском уезде Самарской губернии⁴; о бандитской расправе с А. И. Шингарёвым и Ф. Ф. Кокошкиным, «тупом слове — “враг”», а также применении шума автомобильных двигателей для глушения выстрелов упоминал в своих стихах Б. Л. Пастернак («И шум машин в подвалах трибунала»)⁵. О страшных пытках, раздевании осуждённых перед казнью, процедурах расстрела, захоронениях в выгребных ямах в период Гражданской войны оставили стихотворения и повести М. Волошин, В. Зазубрин (в повести «Щепка», опубликованной в 1989 г.), Ю. Либединский, П. Потёмкин, В. Хлебников⁶ и ряд других литераторов.

Словесность нэповской эпохи многое добавила к коллективному портрету чекиста. Ю. Тынянов весной 1924 г. указывал на целый поток кровавых описаний, заполнивших литературу: «Есть вещи (на-

---

¹ Гарри А. Жертвы хаоса // Лит. газ. 1934. 18 мая.

² Вересаев В. В. Соч. в 4 т. Т. 1. М.: Правда, 1990. С. 381–582, 598–604.

³ Об этой повести по свежим следам официальным критиком говорилось: «...Её положительная сторона в том, что жизнь губернской чрезвычайной комиссии в ней отражена в её бытовой, повседневной действительности». См.: Ингулов С. О живом человеке // На посту. 1923. № 4. С. 97.

⁴ Весёлый А. Филькина карьера // Избр. / вступ. ст., комм. З. Весёлой. М.: Правда, 1990. С. 384–389.

⁵ Пастернак Б. Л. Собр. соч.: в 5 т. Т. 1. Стихотворения и поэмы 1912–1931. М.: Худлит, 1989. С. 276, 619, 621.

⁶ Потемкин П. Че-Ка // За свободу! 1922. 5 марта (републ. см.: Родник. 1989. № 7. С. 13–15); Хлебников В. Председатель Чеки // Нов. мир. 1988. № 10. С. 149–152.

стоящие, подлинно бывшие или каждый день случающиеся вещи), которые так повернуты в нашей литературе, что их уже просто не различаешь. Так произошло с героем-чекистом. Демон-чекист Эренбурга, и мистик-чекист Пильняка, и морально-педагогический чекист Либединского — просто стерлись, сломались. Происходит странное дело: литература, из сил выбивающаяся, чтобы «отразить» быт, — делает невероятным самый быт. После Эренбурга, и Пильняка, и Либединского мы просто не верим в существование чекистов. То же и о расстреле. Расстрел прошёл все литературные стадии — и его остается только отменить. <...> И так же обстоит со всеми разнообразными способами убийства [красными партизанами], которые описывает [Вяч.] Шишков. Они больше не воспринимаются литературно»¹. То есть чекисты и расстрелы — это и есть современный советский быт, невероятный и inferнальный. Вероятно, под стёршимися чертами чекистов Тыняновым понимался некий общий образ работника «органов», который незримо присутствовал везде. С начала 30-х годов такая публичная рефлексия над типами чекистов была уже немислима².

Многие литераторы не рисковали обнаруживать своё отвращение к работникам ВЧК, но считали своим долгом фиксировать недавнее прошлое либо оставляли за собой право сатирически описывать настоящее, упоминая и деятельность репрессивно-карательных органов. Публикация рассказа А. Явича³ вызвала гнев чекистского руководства: после протеста Ягоды в августе 1925 г. вышло особое постановление Политбюро ЦК РКП(б), рекомендовавшее редакции «более осторожное отношение к темам, касающимся работы ГПУ»⁴. Рассказ, в котором главным героем был чекист — расстрельщик и насильник, возмутил руководство ОГПУ и снижением образа «защитника революции», и детальным описанием процедуры расстрела.

---

¹ Тынянов Ю. Литературное сегодня // Поэтика. Ист. литературы. Кино. М.: Наука, 1977. С. 158.

² В записной книжке работник НКВД А. С. Макаренко писал, что наркомвнудел Украины В. А. Балицкий, просивший его сделать книгу о сотрудниках госбезопасности, «отличает несколько типов происхождения (чекистов — А. Т.): “Гимназисты”. “Местечковские”. “Военные”. Последние с трудом понимают характер дисциплины “Ч” (чекистов — А. Т.). <...> Чванство — тип внутренний и внешний и это, он говорит, нужно изобразить». Абаринов А., Хиллиг Г. Испытание властью. Киевский период Макаренко (1935–1937 гг.). Марбург, 2000. С. 184.

³ Явич А. Григорий Пугачев // Красная новь. 1925. № 5. С. 50–74.

⁴ Большая цензура: Писатели и журналисты в Стране Советов. 1917–1956. М.: МФД, 2005. С. 79.

Несмотря на постановление Политбюро, книги об «органах» с явным критическим подтекстом ещё некоторое время появлялись. Организатор Главлита П. И. Лебедев-Полянский даже пожаловался в 1926 г., что ему «при работе с художественной литературой <...> приходится ожесточённо бороться с извращениями нашей советской действительности», в частности — «изображением ОГПУ как застенка»¹. В опубликованной в середине 20-х годов остросюжетной повести «Ассирийская рукопись» новосибирский писатель М. А. Кравков, дважды до того арестовывавшийся чекистами, показал страх и отчуждение людей от человека, подвергшегося аресту.

Особенно возможность погладить чекистов против шерсти привлекала писателей-сатириков. До начала 30-х годов ещё выходили книги с плохо завуалированным протестом против чекистских жестокостей. Сборник сатирических повестей А. Лугина (Беленсона) «Джиадэ»², написанных в 1924 г., но изданных позднее, гротескно высмеивает марксистских вождей (от Энгельса, «брившегося с Марксом всегда в одной парикмахерской», до Ленина, Троцкого и Зиновьева) и большевистскую символику, а также упоминает «народный арестный дом» (с. 137) и обыск благодаря «анонимному доносу» по подозрению «в причастности покойного деда этого гражданина к профессии ювелира» (с. 52). Также у Лугина фигурирует некий «самый главный комиссар, ведающий заточениями в монастыри» (с. 148), т. е. Дзержинский, а также упоминаются арест 80-летней бабушки одной княгини по обвинению в причастности к «антиправительственному кружку», ссылки в монастыри (с ироническим опровержением мнения, что Соловки — «смертельное место для содержащихся там заключённых» с помощью указания на долгожительество местных монахов), полный разгром при безрезультатном обыске 15-комнатной квартиры, где «взломаны были полы, взорваны потолки и стены и разрушены до основания как печи, так и камины» (с. 125–127).

Получил известность сатирический роман М. Д. Ройзмана «Минус шесть» (1928 г.) о нэпманах, которых осуждали (обычно во внесудебном порядке) на высылку из шести важнейших городов СССР — мера, известная как «минус шесть»³. У вполне лояльных к власти, но

---

¹ См.: Блюм А. В. Запрещённые книги русских писателей и литературоведов. 1917–1991. Индекс советской цензуры с комментариями. СПб., 2003. 403 с.

² Лугин А. Джиадэ, или Трагические похождения индивидуалиста. (Роман ни о чем). М.: Федерация; Круг, 1928. 255 с.

³ Ройзман М. Д. Минус шесть. М.: Моск. т-во писателей, 1928. 219 с.

вместе с тем очень жёстких иронистов И. Ильфа и Е. Петрова в «Золотом телёнке» (1931 г.) главный отрицательный персонаж Корейко очень боится заметить следящую за ним «цинковую морду соглядатая», которая могла принадлежать только милиционеру или чекисту, а Остап Бендер заявляет, что ему «скучно строить социализм».

Драматург А. Афиногенов устами отрицательного героя (профессора-физиолога, в котором угадывался известный критик власти академик И. П. Павлов) своей очень популярной пьесы «Страх» (1931 г.), понравившейся и Сталину, прямо заявил про главную особенность общественной атмосферы всей страны: «...Восемьдесят процентов всех обследованных живут под вечным страхом окрика или потери социальной опоры. Молочница боится конфискации коровы, крестьянин — насильственной коллективизации, советский работник — непрерывных чисток, партийный работник боится обвинений в уклоне, научный работник — обвинений в идеализме, а работник техники — обвинений во вредительстве. Мы живём в эпоху великого страха. Страх заставляет талантливых интеллигентов отрекаться от матерей, подделывать социальное происхождение, пролезать на высокие посты. Да-да, на высоком месте не так страшна опасность разоблачения»¹. Подобные острые реплики появлялись в печати, поскольку власть в определённый период времени не считала нужным скрывать политику устрашения несогласных и колеблющихся.

Соответственно, литература показывала, что малейший проступок против государства будет покаран: так, в иркутском провинциальном сборнике² в 1933 г. был напечатан рассказ И. Чернева «Амнистия», где описывалась жесточайшая судебная расправа над 25 железнодорожными рабочими, приговорёнными первоначально к расстрелу за мелкое железнодорожное происшествие. В «Поднятой целине» М. А. Шолоховым описан заговор из 600 участников, сорванный усилиями чекистов. Как бывший негласный сотрудник ЭКУ ОГПУ Шолохов сохранил связи в «органах» и в январе 1932 г. был ознакомлен ростовскими чекистами с делом «повстанческой организации» А. С. Сенина. Вероятно, Сенин и послужил прототипом есаула и организатора повстанцев Половцева, хотя при анализе социального состава его «кулацкой организации» (62 чел. середняки,

---

¹ Афиногенов А. Страх. Пьесы. М.: Худлит, 1935. С. 138; Большая цензура: Писатели и журналисты в Стране Советов. 1917–1956... С. 264.

² Переплав: литературно-худож. альм. М.: Иркутск, 1933. 614 с.

20 чел. — «кулаки» и зажиточные) очевидна её фабрикация из обычных крестьян¹.

Со временем, особенно после ликвидации вольностей нэпа, чекисты становились всё более положительными, зачастую до приторности², литературными героями, успешно защищающими социализм. Тиражировались сентиментально-цинические пошлости, создающие культ чекиста: например, рождественский рассказ известного журналиста А. Гарри в «Известиях» о том, как замерзавший в декабрьский мороз на улице мальчик был подобран «любящим чекистом»³.

Советская интеллигенция, как показывает В. Гудкова⁴, выступала союзником чекистов, в изобилии публикуя сервильные труды, где большевистское насилие выступало исторически оправданной мерой. Советские литераторы по указанию власти творили образцы нового человека и его правильной жизни. В своей монографии Евг. Добренко описывает социалистический реализм как фабрику репрезентаций, чья работа была направлена на тотальную замену социальной реальности⁵. Роль чекистов в этом процессе пока описана явно недостаточно. Между тем и они, и их агенты активно «работали» с литераторами и прочими деятелями культуры, внося в их среду раскол, интриги, запугивая или подстрекая писать на интересные ОГПУ-НКВД темы⁶.

---

¹ Козлов А. И. М. А. Шолохов: времена и творчество. По архивам ФСБ. Ростов н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 2005. С. 263. А. В. Венков полагает, что разоблачённая чекистами на Верхнем Дону «подпольная организация» Сенина была создана под контролем и по инициативе органов ОГПУ. Венков А. В. «Дело Сенина», или Операция «Трест» на Верхнем Дону. М.: АИРО-XXI, 2016. С. 190, 192.

² См. стихотворение Дж. Алтауэна «Чекистка» (1933 г.). Или фразу из путевого очерка «Вестибюль» (1925 г.) Р. Ивнева, который, оказавшись в Берлине, восклицал: «Милая Москва! Где твои расклеенные на заборах декреты и строгие чекисты с глазами удивлённых детей?» [Электронный ресурс]. URL: <http://wyradhe.livejournal.com/66502.html> По нашему мнению, чекисты с глазами «удавленных детей» смотрите бы точнее.

³ Люцканов Й. Советская и эмигрантская художественная литература на страницах софийской эмигрантской прессы (1924–1943 гг.) // *Toronto Slavic Quarterly*. 2017. № 62. С. 29.

⁴ См.: Гудкова В. В. Рождение советских сюжетов.

⁵ См.: Добренко Е. Политэкономия соцреализма. М.: Новое лит. обозрение, 2007. 592 с.

⁶ Тепляков А. Г. Агентурная работа ОГПУ-НКВД в системе мобилизационных практик сталинского режима // Соц. мобилизация в сталинском обществе (конец 1920-х — 1930-е гг.): колл. моногр. / Новосибирск, 2013. С. 287.

Часть литературных критиков и публицистов солидаризировалась с заявлением «напостовца» И. В. Вардина: «Мы гордимся званием “литературных чекистов”... Мы гордимся тем, что непримиримые враги рабочего класса называют нас “официальными доносчиками”»¹ (впрочем, и левые художники не отставали: «Мы, аххровцы... не отказываемся от лестного ярлыка художественной “чеки”, который приклеивает нам белогвардейская эмигрантская пресса...»²). Видный пропагандист той эпохи, будущий руководитель Главлита призывал: «Критика должна иметь последствия: аресты, судебные процессы, суровые приговоры, физические и моральные расстрелы... В советской печати критика — не зубоскальство, не злорадное обывательское хихиканье, а тяжёлая шершавая рука класса, которая, опускаясь на спину врага, дробит хребет и крошит лопатки... “Добей его!” — вот призыв, который звучит во всех речах руководителей советского государства...»³. По мнению рапповского публициста Л. Авербаха, новому обществу враждебны те, кто приходят с пропагандой гуманизма, поскольку на свете нет чего-либо «более истинно человеческого, чем классовая ненависть пролетариата»⁴.

В конце 1928 г. редакция барнаульской газеты «Красный Алтай» получила анонимное письмо-протест против этого повсеместного «Добей!», подписанное «Социалист»: «В каждом номере любой нашей газеты только и читаешь погромные статьи — дави кулака, жми буржуя, бей попа...»⁵. Но основная часть социума к 1930-м годам не имела интеллектуальных и моральных сил сопротивляться настойчивой государственной пропаганде, внедрявшей классовые ценности. Положительный герой эпохи первой пятилетки категорично заявляет: «Мораль? У меня нет времени, чтобы задуматься над этим словом. Я занят. Я строю социализм. Но, если бы мне пришлось выбирать между моралью и штанами, я бы выбрал штаны»⁶.

Дружное наступление на «внеклассовый гуманизм» было знательным ответом со стороны той части творцов культуры, кото-

---

¹ Вардин Ил. Воронщину необходимо ликвидировать. О политике и литературе // На посту. 1924. № 1. С. 33, 34.

² Феликс Дзержинский... С. 17.

³ Ингулов С. Критика не отрицающая, а утверждающая // Красная нива. 1928. № 19. 6 мая. С. 2.

⁴ Авербах Л. О целостных масштабах и частных Макарах // Октябрь. 1929. № 11. С. 171.

⁵ ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 6. Д. 852. Л. 468.

⁶ Каверин В. Художник неизвестен // Собр. соч. в 6 т. М.: ГИХЛ, 1964. Т. 2. С. 68.

рые поняли требования государства стать помощниками комиссаров и чекистов. Среди выступлений на экстренном собрании столичных работников искусства 12 октября 1930 г. (сразу после опубликования обвинительного заключения по делу «Промпартии») была и речь Вс. Мейерхольда: «Наша задача — разоблачение не только больших, но и маленьких незаметных вредителей, рассыпанных в громадном количестве по всем уголкам Советского Союза...»¹. В конце 1930 г. литераторы публиковали призывы следующего рода: «Процесс “Промпартии” для нас — литераторов, драматургов, писателей — должен послужить могучим стимулом в борьбе с “гуманизмом” и “объективизмом” в литературе, которые являются литературными эквивалентами “лояльности” и “аполитичности”, демаскированных и разгромленных на историческом процессе [против] контрреволюции»². Даже такой независимо мыслящий литератор, как Корней Чуковский, особо чуткий к языковым новациям, принимал новый дискурс и в предисловии к книге «Искусство перевода» в 1930 г. писал (возможно, под издательским давлением), что «всякий плохой перевод стал ощущаться... как злостное вредительство, наносящее ущерб широким читательским массам»³.

А. Н. Толстой в начале 1933 г. заявил «Литературной газете», что, для того чтобы «в новую эпоху стать новым писателем», требуется «перейти из мира гуманитарных идей в мир идей диалектического материализма... и не все ещё до сих пор освободились от детских очков гуманистического мироощущения»⁴. Сталинизм, о котором Толстой написал в дневнике ещё в 1930 г. как о новой политической и экономической реальности, никоим образом не стыковался с идеями гуманизма. Государством двигала идея принуждения, причём с очевидным привкусом террора. И писатели, повинувшись социальному заказу, искали врагов повсеместно. Горький написал пьесу о вредителях «Сомов и другие», но не стал её публиковать (напечатана посмертно, в 1941 г.). В пьесах Л. Леонова «Волк» и «Половчанские сады», романе «Скутаревский» активно действуют враги и вредители. Во всех театрах в 1937 г. ставилась пьеса «Очная

---

¹ Оружие искусства — против интервентов и вредителей // Совет. театр. 1930. № 13/16. С. 8.

² Тур. Узлы развязаны // Стройка. Илл. десятидневник литературы, критики, публицистики. 1930. № 30. С. 7.

³ Чуковский К., Федоров А. Искусство перевода. Л.: Academia, 1930. С. 6.

⁴ О себе [Интервью с А. Толстым] // Лит. газ. 1933. 29 янв.

ставка» Л. Р. Шейнина и братьев Тур, посвящённая разоблачению шпионов¹.

Характерно, что в литературе 30-х годов советские учёные изображались не только как вредители, но и как диверсанты и шпионы. В романе М. М. Подзелинского «Потомки сечевиков», изданном в Ленинграде в 1932 и 1934 г., археологическая экспедиция, посланная спасти исторические памятники в зоне затопления, оказывалась группой диверсантов, собиравшейся взорвать ДнепроГЭС. В рассказе Б. А. Пильняка «Заштат» (1937 г.) фигурирует директор краеведческого музея — тайный враг советской власти².

Партийные литераторы и в 1930 г., и в 1937–1938 гг. не только одобряли расстрелы (А. Безыменский, Д. Бедный, В. Луговской), но и громко заявляли о желании лично уничтожить «врагов». В ходе вспышки террора после убийства Кирова Безыменский публично заклинал: «Мне хочется ещё и ещё раз повторить слова мариупольского рабочего... “...я жалею о том, что привести этот [расстрельный] приговор в исполнение поручили не мне”. Он сказал то, о чем думал и я — поэт Советской страны. Об этом думаю я и сейчас, и я уверен, думает каждый из нас»³. В связи с приговором по делу «Промпартии» поэт И. Уткин командовал расстрельному взводу: «Взводи оружие! Кто смеет говорить Сегодня про какую-то там жалость?!»⁴ М. Е. Кольцов в «Правде» так описывал свои эмоции от заслушивания «преступлений» проходивших по процессу «правотроцкистского блока» Бухарина, Рыкова, Ягоды и других: «Хочется вскочить, закричать... схватить за горло этих грязных, перепачканных кровью мерзавцев, схватить и самому расправиться с ними. <...> ...Мрачной тенью темнеет в углу Ягода, несравненный мастер преступлений, чудовище в образе человека»⁵. Бывшему наркомун НКВД Г. Г. Ягоде неплохо знавший его Кольцов тогда же посвятил отдельное разоблачение⁶.

Окончание Большого террора вызвало к жизни ряд драматургических произведений, где фигурировали сюжеты, связанные с поли-

---

¹ Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М.: РОССПЭН, 2001. С. 243–244.

² Матвиенко О. И. Роман «Как закалялась сталь» и массовое сознание 1930-х годов... С. 653.

³ Лит. газ. 1935. № 5. С. 4.

⁴ Известия. 1930. 7 нояб.

⁵ Кольцов М. Из зала суда. Свора кровавых собак // Правда. 1938. 3 марта.

⁶ Он же. Кровавый пес Ягода // Правда. 1938. 9 марта.

тической клеветой на честных людей и преодолением этого зла с помощью сознательных коммунистов. Затем эти произведения были сняты с репертуара¹, чтобы в том числе не дискредитировать чекистов, поскольку кампания «дисциплинирования органов НКВД» оказалась кратковременной. В предвоенный период получили популярность рассказы Л. Овалова о героических приключениях чекиста майора Пронина. Особенно прославился вышедший в 1938 г. роман А. Адамова «Тайна двух океанов» о секретной подлодке, среди экипажа которой долго действовал занимавший важный пост вражеский агент-диверсант². Эти и подобные им произведения³ сохраняли популярность и переиздавались в течение десятилетий.

Литературная пропаганда отдельно обрабатывала детей, которым адресовывались призывы вроде такого:

«Подкрадывается кулак
Походкой лисьей,
Чтобы убить общественника
Из обреза тайком...
Пионеры города!
Меньше торжественных писем!
Больше помощи
В борьбе с кулаком!»⁴.

Детская аудитория была благодарным потребителем остросюжетных рассказов и стихов о шпионах, вредителях, чекистах, выходящих большими тиражами в журналах, газетах и отдельными изданиями. В начале 30-х годов уже был сформирован канон традиционного детского рассказа с участием пограничника, который со сво-

---

¹ Токарев В. А. «Павел Греков» как театральная эпитафия к «ежовщине» // История сталинизма: Жизнь в терроре. Социальные аспекты репрессий: мат-лы междуна-род. науч. конф. (С.-Петербург, 18–20 октября 2012 г.) / сост. А. Сорокин, А. Кобак, О. Кувалдина. М.: РОССПЭН, 2013. С. 282–292.

² О том, что везде кишели враги, пытавшиеся раздобыть секреты строительства суперподлодки, говорит фраза из романа: «Вокруг завода, где шло её строительство, день и ночь кружили шпионы; два ответственных работника завода, у которых они, очевидно, предполагали добыть на дому материалы о подлодке, были найдены убитыми; шпионов вылавливали, сажали в тюрьму, некоторых за убийство расстреляли. Но число их не уменьшалось, а дерзость, по мере приближения сроков окончания стройки, увеличивалась».

³ Фантастический роман Н. Гомолки «Шестой океан» (1954 г.) описывал не только покорение космоса, но и попытку проникшего на орбиту врага угнать(!) новейшую советскую ракету в США.

⁴ Пионер. правда. 1930. 27 янв.

ей собакой отважно ловит шпионов. Рассказ «Джек» (1931 г.) повествовал о таком молодом герое, который, будучи раненным врагами, смог застрелить одного шпиона и задержать с помощью овчарки второго, не дав им перейти границу с секретными бумагами¹. Журнал «Мурзилка» постоянно публиковал рассказы, воспитывавшие бдительность и воспевавшие работников НКВД: о задержании врага, желавшего похитить государственные секреты, с помощью бдительного сотрудника военного завода²; о торговом работнике в приморском городе, бывшем капиталисте-судопромышленнике, который собирал у знакомых оборонные секреты и «планы вредительства», чтобы передать их прибывшей в порт «видной фашистской шпионке»³. Либо это были стихи вроде «Шпиона» С. Михалкова и прославившейся на десятилетия «Пуговки» Е. Долматовского⁴.

В детских рассказах конца 30-х годов действовали не только прежние пограничники с их верными собаками, но и злобные дедушки с немецкими именами, готовые утопить пионера в ванне ради попытки завладеть секретными бумагами его отца-инженера, и старухи-шпионки, стремящиеся взорвать военный завод⁵. Фигурировали (у Р. Фраермана) и японские разведчики, а в «Судьбе барабанщика» (1938 г.) А. Гайдара герой-подросток убивал шпиона (подобно тому, как в вышедшей ранее его же повести «Школа» юный герой убивал врага; недаром в дневнике Гайдара была обнаружена симптоматичная запись: «Снились люди, убитые мною в детстве»⁶). Эти рассказы выходили отдельными книжечками и целыми сборниками, некоторые из них переиздавались и в последующие десятилетия⁷.

В хрущёвскую и брежневскую эпохи произведения о чекистах, боровшихся с враждебными разведками и внутренними врагами,

---

¹ Зинде В. Джек // Мурзилка. 1931. № 2. С. 27–29.

² Герман Ю. Рассказ о пушечном мастере // Мурзилка. 1938. № 6. С. 2.

³ Зильвер Л. Девочка с куклой // Мурзилка. 1938. № 10. С. 7–9.

⁴ Михалков С. Шпион // Мурзилка. 1937. № 11. С. 8: «Чтоб мы спокойно жить могли, Ты будешь стёрт с лица земли»; Долматовский Е. Пуговка // Там же. 1938. № 11. С. 10–11.

⁵ Кассиль Л. Дядя Коля — мухолов. М.: Детиздат ЦК ВЛКСМ, 1938; Тазин С. Незнакомец со свёртком // Пионер. правда. 1937. 20 дек.; Зильвер Л. Быть начеку! М.: Мол. гвардия, 1938.

⁶ Камов Б. Рывок в неведомое. М.: Дет. лит., 1991. С. 286.

⁷ Александрова З. Дозор. М.: Детиздат ЦК ВЛКСМ, 1938, 1939; Барто А. На заставе. М.: Дет. лит, 1970 (первое изд. — 1937 г.).

публиковались очень широко¹. Руководство КГБ СССР в 1960–1980-х годах придавало большое значение популяризации чекистской работы, продвигая и награждая соответствующих авторов, как правило, из близких к госбезопасности литераторов, которым можно было доверить встретиться с ветеранами спецопераций и даже показать некоторые документы. Получил популярность жанр документального романа о чекистах². Ю. С. Семёнов прославился романами о похождениях советского разведчика Штирлица-Исаева, биографией Дзержинского³ и многими другими произведениями. Л. Никулин описал в документальном романе историю международной чекистской провокации «Трест» и её героев, включая главного агента А. Якушева⁴. Документальная повесть «Барельеф на скале» (1964 г.) сексота НКГБ-МГБ А. Алдан-Семёнова предлагала героизированную версию освоения Колымы руками заключённых. Чекистам 20–30-х годов был посвящён роман А. М. Демченко⁵. Значительная часть авторов хвалебной беллетристики о «бойцах невидимого фронта» являлась отставными чекистами или агентами госбезопасности.

Сталинские версии о заговорах врагов и связях троцкистов с германской разведкой подробно представлены в когда-то очень популярном романе А. С. Иванова «Вечный зов» (1971–1976 гг.), где описано проникновение агента-шпиона в органы ОГПУ и дано фантастическое описание инфильтрованности всей страны оппозиционными организациями: «...Троцкистское подполье было организовано в большинстве крупнейших городов страны, во многих ячейках гигантского государственного организма, включая и армию. Оно помаленьку действовало, вредило, занималось тем, что доводило до абсурда, до своей противоположности различные добрые дела и на-

---

¹ Напр.: Герман Ю. Рассказы о Дзержинском. Минск: Нар. асвета, 1979. 224 с.; Наумов Я. Н. (Матусов Я.), Яковлев А. Я. (Свердлов А.) Тонкая нить. М., 1965, 1968; Федичкин Д. Г. У самого Тихого... М.: Дет. лит., 1977; Принцев Ю., Слепухин Ю. Схватка. Повести о чекистах. Л., 1987. 464 с.; Нагорный А., Рябов Г. Я — из контрразведки. М.: Мол. гвардия. 1981. Т. 5; Варшавер А. Повесть о юных чекистах. Л.: Дет. лит., 1982. 112 с.

² Яровой А. Ф. Две повести о чекистах. Петрозаводск: Карелия, 1989. 215 с.; Тихонов О. Н. Свидетель: документальный роман [о И. М. Петрове]. Петрозаводск: Карелия, 1990. 524 с. и др.

³ Семёнов Ю. С. Пароль не нужен. М.: Сов. писатель, 1966. 268 с.; Он же. Бриллианты для диктатуры пролетариата. М.: Сов. Россия, 1972. 603 с.; Он же. Горение. М.: Сов. писатель, 1977. 464 с. и др.

⁴ Никулин Л. Мёртвая зыбь. М.: Худ. лит., 1966. 640 с.

⁵ Демченко А. М. За незримой чертой: роман-хроника. Барнаул: Алтайское кн. изд-во, 1979. 304 с.

чинания». Антисоветское подполье, в том числе за счёт завербованных чекистов, показано Ивановым могущественным и способным устранять нежелательных свидетелей: «Приезжавший время от времени в отпуск... Алексей Валентик, прочно и надёжно обосновавшийся среди воронежских чекистов, много рассказывал [бывшему жандармскому следователю и резиденту германской разведки Арнольду Лахновскому] о шахтинском судебном процессе 1928 года. Волею случая, а может быть и специально, он был командирован в Донбасс и принимал участие в следствии по делу шахтинских диверсантов и вредителей.

— Кое-кого спасти удалось. Но не всех. Твоя фамилия, Арнольд Михайлович, тоже всплывала кое-где... Но удалось в общем из всех протоколов допроса ее исключить. Особенно из допросов Белокопытова. ...Мерзкий тип оказался. Всё выложил было. Но... погиб при попытке к бегству». Другой немецкий агент успокаивает Лахновского: «...Все, кто как-то и каким-то образом знал вас или что-то о вас, расстреляны по приговору или ликвидированы в заключении, так что теперь вы вне всяких подозрений...». Далее Иванов устами нацистского разведчика намекает на то, что агентом немцев мог быть и нарком Ягода, устранивший своего предшественника: «...Вместо Менжинского, этого большевистского фанатика, *своевременно* [курсив наш — А. Т.] скончавшегося от сердечного приступа, наркомом внутренних дел стал некий неудачливый унтер-офицер царской армии Ягода. Цели у Ягоды, судя по всему, несколько иные, чем у нас... Но, может быть, мы найдём общий язык»¹.

Вместе с тем в 1960–1970-х годах многие писатели и поэты позволяли себе критические выпады в отношении чекистов 20–50-х годов. Поскольку исторические труды практически не касались самых острых страниц советской истории, читатели основную часть неортодоксальной информации о прошлом получали из художественной литературы. А. Т. Твардовский в поэме «За далью — даль» (1961 г.) сочувственно рисовал портрет реабилитированного, а в «Тёркине на том свете» (1963 г.) погружал героя в мрачный потусторонний мир советского образца, где правят госбезопасность и цензура. Повседневность концлагеря и жестоких чекистов-охранников были обрисованы А. И. Солженицыным в повести «Один день Ивана Денисовича» (1962 г.), очень глубоко разобранной в яркой статье новомирско-

---

¹ Иванов А. С. Вечный зов. М., 2000. Т. 2. С. 154.

го критика В. Я. Лакшина¹. В 1966 г. Е. А. Евтушенко в стихотворении «Страхи» заявил: «Умирают в России страхи...» и «Это стало сегодня далёким. Даже странно и вспомнить теперь Тайный страх перед чьим-то доносом, Тайный страх перед стуком в дверь»². Он же в поэме «Братская ГЭС» (1965 г.) писал о чекистских пытках 30-х годов и клеймил доносчиков-«сексотов», подразумевая, что советский читатель знает, кто такие сексоты.

Известная повесть П. Ф. Нилина «Жестокость» (1956 г.) была построена на автобиографическом материале: её автор в 20-е годы служил в Тулунском окружном угрозыске современной Иркутской области. Он описал, как в сибирской тайге в 20-е годы сотрудники уголовного розыска, выполняя чекистское поручение, охотятся за отрядом бывших белых, захватив одного из активных «бандитов». Молодому милиционеру удаётся его перевербовать и пленить главаря, устроив последнему западню. Но начальник милиции арестовывает перевербованного агента как бандита, присваивая успех оперативной комбинации себе. Герой повести, обещавший агенту свободу, из-за угрызений совести кончает жизнь самоубийством, а начальник получает награду за поимку атамана. Друзья самоубийцы, убеждённые комсомольцы, бессильны что-либо изменить (в одноимённом фильме 1959 г. сюжетная коллизия была несколько смягчена).

Региональные авторы в период «оттепели» также нередко обращались к теме террора и чекистского произвола. В Новосибирске в середине 60-х годов были опубликованы поэма новосибирского поэта А. Кухно «Море» (о судьбе репрессированного) и роман А. Никулькова «В буче», в котором фигурировали подлинные исторические персонажи из числа известных новосибирцев — жертв террора. Затем материалы о репрессиях стали повсеместно относительной редкостью, но мельком упоминались и в самые глухие годы «застоя» в произведениях Е. Евтушенко, К. Симонова, М. Шолохова и других авторов. Некоторые классики советской литературы допускали резкости даже в отношении героизированных чекистов эпохи Гражданской войны и последующих лет. Во втором томе «Поднятой целины» (1959 г.) М. А. Шолохов упомянул об избиении бывшего офицера на допросе ростовскими чекистами, выбившими узнику глаз. А на закате брежневской эпохи В. П. Катаев, опираясь

---

¹ Лакшин В. Я. Иван Денисович, его друзья и недруги // Новый мир. 1964. № 1. С. 223–245.

² Евтушенко Евг. Катер связи. М.: Мол. гвардия, 1966. С. 192.

на личные впечатления заключённого Одесской губЧК, описал чекистские провокации сексотов и фантазмагорическую атмосферу красного террора в яркой повести «Уже написан Вертер» (1980 г.)¹, само название которой отсылало к бескомпромиссной оценке Б. Л. Пастернаком революционной эпохи: «...Уже написан Вертер, А в наши дни и воздух пахнет смертью: Открыть окно — что жилы отворить»².

Часть произведений о чекистах носила абсолютно вымышленный характер, смешивая реальные исторические фигуры с придуманными. Например, в киносценарии Ю. С. Семёнова о борьбе разведчиков ВЧК с белыми описан детективный эпизод, когда взамен эмиссара из Парижа полковника Лорс-Сомова, арестованного чекистами, к барону Р. Унгерну проник и всё разведдал чекист, действовавший под фамилией Прохоров; одновременно он связался с монгольским разведчиком Мунко и предотвратил покушение на Сухэ-Батора. Прибывший из Парижа белый генерал Балакирев и жена Лорс-Сомова разоблачили Прохорова, однако Мунко смог его спасти³. Хорошо чувствующий конъюнктуру, Семёнов в одной из первых своих повестей «...При исполнении служебных обязанностей» (1962 г.) написал о сталинских репрессиях, а в 1988 г. опубликовал сенсационные «Ненаписанные романы» об эпохе сталинского террора, построенные якобы на рассказах старых большевиков⁴, но на деле опиравшиеся в основном на книгу Р. Конквеста «Большой террор» и мемуары перебежчика А. М. Орлова.

В популярном романе В. Д. Успенского «Тайный советник вождя» (1988–1997 г.), начавшемся печататься в годы перестройки и исполненном пещерного антисемитизма, Сталин показан доверчивым и незлобивым политиком, события Большого террора объясняются усилиями «еврейских палачей» из НКВД, а бесцветный функционер А. А. Андреев (которого Сталин третировал как бывшего троцкиста) объявляется конфидентом Дзержинского и куратором деятельности Берии. Сведения же о еврейском происхождении якобы почти всех видных чекистов взяты Успенским из лживой и неграмот-

---

¹ Катаев В. П. Уже написан Вертер: Повесть / Луцки С. З. Реальный комментарий к повести. Одесса: Оптимум, 1999. 231 с.

² Пастернак Б. Л. Собр. соч. Т. 1. С. 198.

³ Киномеханик. 1968. № 1. С. 47–48.

⁴ Семёнов Ю. Ненаписанные романы. Отчаяние. М.: ДЭМ, 1989. 448 с.

ной книги эмигранта-коллорациониста А. Дикого¹, ставшей своеобразной библией современных антисемитов.

Образы чекистов обычны и для русской эмигрантской литературы². Часто они изображались в соответствии с мемуарной традицией — как недалёкие и коварные агенты большевиков, крайне жестоко действующие и в России, и за её пределами. Рассказ В. Набокова «Помощник режиссёра» (1943 г.) был навеян знаменитым процессом над самой известной певицей эмиграции Н. Плевицкой, разоблачённой в качестве агента ОГПУ-НКВД «Фермерша». В романе Н. Нарокова «Мнимые величины» (1952 г., США; в СССР издан в 1990 г.), переведённом на девять языков, подробно исследуются нравственные терзания провинциального следователя НКВД в эпоху Большого террора, а центральным героем сделан осведомитель, переживающий в чекистском застенке физические и моральные пытки. Начальник управления НКВД (в соответствии с современными взглядами на причины террора) разъясняет подчинённым, что причина массовой бойни — социальная инженерия: «...Уничтожить всех врагов народа. Всех: сегодняшних и завтрашних. <...> Не такая это задача, чтобы её вслух разъяснять было можно. <...> И во имя её надо уничтожить не только врагов народа, но и тех, кто с ними одним воздухом дышал». Образы чекистов 30-х годов даны в поэзии яркого представителя второй волны эмиграции И. Елагина («Амнистия» и др.)³.

В опубликованном в США романе П. Алексеевского фигурирует известная чекистка В. П. Брауде, лично расстреливавшая заключённых⁴. В романе эмигрировавшего в США Ю. Дружников «Ангелы на кончике иглы» (закончен в 1979 г., опубликован в Нью-Йорке в 1989 г.) есть упоминание — как Салпетера — замначальника отдела охраны ГУГБ НКВД СССР А. К. Залпетера с правильным указанием должности и времени ареста, но крайне сомнительным содержанием: «...Со времён начальника личной охраны Ста-

---

¹ Дикий А. Евреи в России и в СССР. Новосибирск: Благовест, 1994. 528 с. (первое изд. — 1967, США). Ряд придуманных чекистов-евреев из книги Дикого фигурирует и в основательном труде А. И. Солженицына «200 лет вместе».

² Хрущов П. (Пильский П.). Тайна и кровь: роман / предисл. А. И. Куприна. Рига: Литература, 1927. 238 с.

³ Елагин И. Под созвездием Топола. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1976. С. 185–188, 188–189.

⁴ Алексеевский П. Алексей Дубровин. Роман о жизни советской технической интеллигенции. USA, Globus, 1978. 468 с.

лина латыша Салпетера, посаженного ещё в 38-м, сохранился порядок подбирать телохранителей, секретарей, поваров, официантов, банщиков, садовников, шофёров и весь остальной персонал ростом не более ста пятидесяти пяти сантиметров. Что делать со своими соратниками, которые выше ростом, товарищ Сталин решил сам».

В постсоветский период чекисты и их агенты также нередко фигурируют в русской художественной литературе (романы Б. Акунина, Д. Быкова, З. Прилепина и др.). Фантаст В. Звягинцев в романе на тему альтернативной истории «Бои местного значения» (1999 г.) сделал крупного чекиста Л. М. Заковского одним из важных действующих лиц, но допустил при этом грубую фактическую ошибку: написал, что именно Заковского изобразил А. Толстой в «Хождении по мукам» под именем Лёвы Задова, начальника махновской контрразведки. На самом деле в трилогии Толстого был, конечно же, выведен реальный Лев Зиньковский-Задов, перешедший от Махно в ГПУ-НКВД. Для нынешних неопределённых времён очень характерна популярность альтернативной исторической фантастики, исправляющей ход истории (обычно с помощью «попаданцев» из нашего времени в тела исторических персонажей), с обычным оправданием советского опыта, включая и деятельность репрессивно-карательных структур, с поиском врагов среди демократических государств, причём с нередкой идеализацией нацистского режима как союзника СССР в борьбе против США и Великобритании. Основная часть подобной фантастики пишется с имперских и грубо ксенофобских позиций, с нередким восхищением сталинскими чиновниками и чекистами.

В целом принципы и содержание агентурной деятельности являлись строгой тайной государства, так же как широкая опора на сексотов, их настоящие имена, судьбы отработавших своё негласных сотрудников и пр. Однако даже авторы многочисленных детективных романов о милиции советского и постсоветского периодов раскрывали важные приёмы оперативной работы, общие для всех спецслужб: наружное наблюдение, контроль переписки и разговоров, сопровождение замаскированным оперработником, тайные аресты, использование внутрикамерной агентуры. Аналогичная информация имеется в историко-документальных романах о чекистах В. Ардаматского, Л. Никулина, Ю. Семёнова и ряда других авторов, из которых внимательному читателю становилась очевидной крайняя важность негласной работы и роль конспиративных помощни-

ков чекистов. В совокупности обширная советская беллетристика на данную тему предлагает, помимо слащавой апологетики работы и кадров ВЧК-НКВД, рассеянный по отдельным сочинениям большой объём очень откровенных эпизодов и далёких от приукрашивания оценок деятельности и личностей чекистов, которые невозможно встретить в иных источниках.

Из неё можно получить сведения, отсутствующие даже в специальной литературе, предназначенной для самих чекистов — от закрытых учебников до статей по частным вопросам агентурно-оперативной работы. Например, это часто фигурирующие подробности исполнения смертной казни (с непременно упоминаемым шумом автомобильных моторов, заглушавших выстрелы) — процедуры, которая существенно варьировалась в зависимости от эпохи и других обстоятельств, накладывая определённый психологический отпечаток на исполнителей. Или сведения о многочисленных провокациях и агентах, их осуществлявших и внедрявшихся даже в семейное окружение героев, моральном облике многих чекистов, включая известных исторических личностей, подававшихся (нередко и сегодня) в качестве образцов служения идеалам госбезопасности. Важны также указания на особую общественную атмосферу, формировавшуюся террором, отчуждение знакомых от репрессированных лиц, распад родственных и дружеских связей.

Эмигрантские сочинения на эти темы выполнены в очень критическом духе, но обнаруживают убедительное понимание сути чекистской работы и психологии сотрудников ВЧК-НКВД. Современные писатели, обращаясь к отображению ленинско-сталинской эпохи, активно используют новейшие знания о работе «органов». Обобщение беллетристической информации способно дать историку полезные сведения о деятельности и кадрах советской госбезопасности, их бытовании в общественном сознании.

Глава 8. Изобразительные и вещественные источники

Отдельно следует отметить роль изобразительных материалов. Кинофильмы, героизировавшие облик чекистов, оказывали огромное влияние на зрителей, особенно молодых. Уже в немых картинах середины 20-х годов — «Четыре и пять» В. Гардина (1924 г.), «Луч смерти» Л. Кулешова (1924 г.) — фигурировали агенты западных разведок, похищавшие открытия советских учёных. Фильм А. Довженко «Сумка дипломата» (1927 г.) отображал историю убийства советского дипкурьера Т. Нетте зарубежными террористами. В картине А. Разумного «Банда батьки Кныша» (1924 г.) фигурировала история с провокацией чекистов, типичной для эпохи Гражданской войны: лжебанда нападала на украинский городок, чтобы спровоцировать и разоблачить всех, кто поддержит «бандитов». Режиссёр И. Перестиани в 1926 г. выпустил два боевика («Преступление княжны Ширванской» и «Наказание княжны Ширванской»), действие которых происходило в Баку и Париже. В них храбрые советские подростки срывали замыслы зарубежных белогвардейцев уничтожить с помощью смертоносных газов бакинские нефтепромыслы¹.

В 30-е годы тема шпионажа и террора в советском кино стала одной из основных. Сильное впечатление на зрителей производил фильм Ф. М. Эрмлера (бывшего чекиста) «Великий гражданин», отражавший борьбу С. М. Кирова с троцкистской оппозицией и гибель героя от руки террориста. Сталин в январе 1937 г. велел авторам: «...Сценарий придётся переделать, сделав его по своему содержанию более современным, отражающим всё то основное, что вскрыто процессом Пятакова — Радека»². Две серии фильма общей протяжённостью свыше четырёх часов и украшенные музыкой Д. Шостаковича, вышли в 1938 и 1939 г., получив Сталинскую премию (члены съёмочной группы утверждали, что при работе над картиной столкнулись с фактами вредительства вроде перерезания осветительных кабелей и пр.³).

---

¹ Серёгин П. Шпионский детектив. Как зарождался новый жанр в советском кинематографе // За и против. 2012. № 6. С. 58–60.

² Кремлёвский кинотеатр. 1928–1953: Документы / сост. К. М. Андерсон, Л. В. Максименков. М.: РОССПЭН, 2005. 1117 с.

³ Dobrenko E. Stalinist Cinema and the Production of History: Museum of the Revolution. Yale University Press, 2009. P. 228–236.

Чекисты в кино предвоенного периода выступали обычно в обличье доблестных пограничников, опиравшихся на помощь широких масс, а также перевоспитателей уголовников и вредителей на стройках социализма, как в фильме Е. Червякова «Заключённые» (1936 г.). Также Червяков снял ленту «Честь» (1935 г.), в которой чекисты разоблачают замысел вредительской группы устроить катастрофу на железной дороге. В картине В. Журавлёва «Граница на замке» (1937 г.) фигурировала группа немецких диверсантов, проникшая через границу и разоблачённая бдительными колхозниками. В том же году картина с аналогичным сюжетом «Дочь родины» вышла в Белоруссии (режиссёр В. Корш-Саблин). Фильм «На границе» А. Иванова (1938 г.) описывал нападение банды зарубежных белогвардейцев на дальневосточную пограничную заставу. Лента А. Маковского «Пограничники» (1940 г.) живописала деятельность басмачей, прикрывавших переход на советскую сторону границы диверсанта, а в фильме Г. Раппопорта «Гость» (1939 г.) действовал ловкий ненец-охотник, разоблачающий вражеского лазутчика.

Шпионская картина «Ошибка инженера Кочина» (1939 г.), снятая А. Мачеретом по мотивам пьесы братьев Тур и Л. Шейнина «Очная ставка», была посвящена бдительности перед лицом вездесущей вражеской разведки, вербующей советских людей и похищающей государственные секреты (шпион был разоблачён благодаря внимательности рядовых граждан). Тогда же на аналогичную тему появилась картина Е. Шнейдера «Высокая награда» (1939 г.), в основе сюжета которой — кража шпионами чертежей новейшего советского самолёта¹. Образы работников невидимого фронта в кино наделялись былинными чертами, а помощь им объявлялась высшим долгом советского гражданина, от мала до велика. Также проводилась мысль, что шпионом и диверсантом может оказаться любой. Кинематограф последующих десятилетий продолжал усердно героизировать чекистов, выдвигая на первый план фигуры доблестных разведчиков периода Гражданской и Великой Отечественной войн («Щит и меч», «Тихая Одесса», «Семнадцать мгновений весны», «Операция “Трест”»)². В современном российском кино можно видеть как жёсткое отрицание чекизма (фильмы А. Рогожкина «Чекист» и И. Дыховичного «Прорва» (1992 г.), Н. Михалкова «Утомлён-

---

¹ Серёгин П. Шпионский детектив... С. 61.

² См.: Колесникова А. Г. Бой после победы. Образ врага в отечественном игровом кино периода холодной войны. М.: РГУ, 2017. 230 с.

ные солнцем» (1994 г.), сериал «Есенин» (2005 г.), так и показ очеловеченной версии «людей искореняющей профессии» (по выражению Н. Я. Мандельштам), характерный для последних лет — сериал «Власик. Тень Сталина» (2017 г.).

Серьёзным информационным потенциалом обладает советская кинохроника, включая выпуски, посвящённые политическим судебным процессам¹. Значительная часть прочих изобразительных источников носит пропагандистский характер: это карикатуры, плакаты или картины советских художников вроде «Покушение на Ленина», «Пионеры задерживают шпиона», «Арест вредителя». В антибольшевистском лагере фотоиллюстративный материал, плакаты, карикатуры носили более информативный характер². Летом 1919 г. пресс-бюро официального Русского бюро печати выставило в окне продовольственного магазина на Люблинском проспекте в Омске «...ряд фотографических снимков с большевистских жертв», перед которыми постоянно толпился народ: «Все трупы, изображенные на фотографиях, зверски изуродованы. <...> Большинство жертв — крестьяне. Только один среди них священник, изуродованный и ограбленный... Некоторые снимки представляют бесчисленное множество трупов, собранных в кучу»³. Осенью 1919 г. в Ново-Николаевске имелось три витрины Русского бюро печати, где демонстрировались устрашающие фотоснимки большевистских зверств⁴.

В советской печати постоянно публиковались злободневные карикатуры о «врагах народа», вроде «Трубки Сталина» Дени (1930 г.), в дыму которой исчезают «кулаки» и «вредители». Подобные рисунки были призваны героизировать чекистов и вызывать ненависть к внутренним врагам и их белоэмигрантским заказчикам. Одной из популярнейших правдинских карикатур, опубликованной осенью

---

¹ Подобные материалы содержатся на диске «Медиа-контекст судебного дела «Промпартии»», прилагающемся ко второму тому документов процесса «Промпартии». См.: Судебный процесс «Промпартии» 1930 г.: подготовка, проведение, итоги. Кн. 2 / отв. ред. С. А. Красильников. М.: РОССПЭН, 2017.

² См. плакат «Зверства большевиков. Ужасы Харьковской чрезвычайки. Трупы заложников, замученных большевиками. Зверства большевиков в Харьковской каторжной тюрьме». Харьков. Изд. Хар. отделения Отд. пропаганды при правительстве Вооруженных Сил Юга России: 1919.

³ Жертвы советской власти // Наша Заря (Омск). 1919. № 134. 25 июня. С. 3.

⁴ Шевелев Д. Н. Сибирь под властью антибольшевистских правительств: городская повседневность и политическая пропаганда // Падение империи, революция и Гражданская война в России / сост. С. М. Исхаков. М.: Социально-политич. мысль, 2010. С. 374.

1937 г., вероятно, во всех местных газетах и распространявшейся также в виде плаката, стал печально известный рисунок Б. Е. Ефимова «Ежовы рукавицы», прославлявший «железного наркома» Ежова. Одновременно шёл процесс вымарывания неугодных портретов, ретуширования и искажения исторических снимков и живописных изображений¹. В пику советской пропаганде белоэмигрантская печать не скупилась на выразительные карикатуры, рисовавшие звериные образы чекистов и прокуроров — исполнителей людоедских распоряжений большевистских вождей².

Иконографические источники советского и постсоветского периода фиксируют изображения большого количества работников ВЧК-НКВД, причём сам факт печатания портретов в прессе отражал статусность данного персонажа. Важное значение имеет изучение изображений в партийных и служебных делах чекистов, снимков из личных архивов и коллекций, часть которых оцифрована и доступна в сети Интернет. Внимание к иконографии позволяет наблюдать отпечаток специфической профессии на фотоснимках чекистов, лица которых нередко отражают мрачную сосредоточенность, жёсткость, непреклонность, а нередко и черты вырождения. Отличительной и значимой чертой фотографических изображений могут быть следы каких-либо травм (отсутствие глаза у работника транспортных органов ОГПУ В. А. Кишкина, шрамы на лице Н. И. Ежова) или татуировок (например, неаккуратно сведённая татуировка, скорее всего свидетельствующая о криминальном прошлом, у начальника Томского губотдела ГПУ М. А. Филатова), а также следы избиений, видимые на тюремных фотографиях репрессированных чекистов. Свидетельством истории является ретушь, облагораживавшая особенно грубые физиономии и хорошо заметная при сличении газетных и архивных снимков.

Обмундирование, знаки различия, награды, посвященные надписи друзьям и знакомым на фотоснимках, а также физиономические особенности позволяют выявлять конкретных личностей и датировать групповые и индивидуальные изображения, делать предположения о командировках и неформальных связях тех или иных чекистов, особенно из руководящего звена. Чекисты любили фотографироваться, особенно по праздничным датам и в связи с на-

---

¹ Кинг Д. Отретушированная история: Фальсификация фотографий и произведений живописи в империи Сталина. Будапешт: Полгарт, 2002. 208 с.

² Сатира и юмор русской эмиграции / сост. С. А. Александров. М.: АИРО-XX, 1998. 336 с.

гражданинами, и хотя огромная часть снимков была уничтожена в связи с репрессиями тех или иных сотрудников, немало ценных фотоизображений дошло до наших дней и постоянно вводится в оборот. Большой альбом с изображениями красноярских чекистов начала 30-х годов, хранящийся в фондах Новосибирского областного краеведческого музея, позволяет увидеть множество бытовых подробностей жизни провинциальных работников ОГПУ Красноярского края, их служебную (стрелковые занятия, уход за лошадьми) и внеслужебную (выезды на отдых, совместные празднования, юбилейные адреса) сплочённость. При отсутствии биографических сведений о каком-либо чекисте его изображение может дать сведения о примерном времени работы, а знаки различия и награды позволяют сделать выводы о карьерных достижениях. Зачастую сохранившиеся фотоизображения репрессированных лиц можно найти только в следственных материалах, что придаёт особенную роль данной категории источников. Большое количество снимков чекистов, а также их личных вещей и наград можно найти в сети Интернет¹.

Сегодня мировой тенденцией является повышение степени уважения к личности и, соответственно, посмертной судьбе человеческих останков. В современном обществе эксгумации жертв государственного, этнического и религиозного насилия начали играть значимую роль, чего не было ранее. Проблема выяснения вины организаторов массовых расправ, изучение останков в массовых захоронениях и их мемориализация приобрели глобальный масштаб: раскопки секретных захоронений давнего и недавнего прошлого ведутся в России и Украине, в Польше и Венгрии, в Боснии и Аргентине, в Чили и Перу, в Колумбии и Мексике, Испании, Ираке и ряде других стран мира. В России этот процесс осуществляется исключительно силами энтузиастов и сильно ограничен (в сравнении с масштабами захоронений, остающимися неизвестными), хотя общество и историки считают такую информацию достаточно значимой².

Для историков важными источниками являются секретные некрополи жертв террора, часть которых была вскрыта белыми властями, а в начале 1940-х годов — немецкими оккупантами. Особый

---

¹ Например, см.: Расследование в отношении судьбы Карагодина Степана Ивановича [Электронный ресурс]. URL: blog.stepanivanovichkaragodin.org

² Этой теме, в частности, была посвящена международная конференция «Массовые захоронения в XX в.», прошедшая 15–17 октября 2015 г. в Тбилиси («20th Century Mass Graves»). Tbilisi, Georgia, 15 to 17 October 2015. Organiser: DVV International).

общественный резонанс вызвали обнаружение и идентификация останков семьи последнего российского императора. Изучение останков жертв репрессий повсеместно говорит о крайней жестокости расправ, уничтожении молодых женщин, стариков, детей¹. Исследования скелетов тысяч жертв террора 30-х годов были произведены историками в Москве, Петербурге, Воронеже², Иркутске, Минске и других городах. В октябре 2009 г. в Барнауле случайно было обнаружено тайное захоронение 33 человек, включая военнослужащих 13-й Сибирской стрелковой дивизии Белой армии. Среди останков, на которых остались следы сабельных ударов (предположительное пулевое ранение было отмечено только у одной из жертв), оказался и хорошо сохранившийся дневник капитана Н. О. Кузьменко, по которому удалось датировать расправу концом мая 1923 г.³

В последние годы более активно исследуются и тайные некрополи эпохи ВЧК. Учёные недавно представили первые результаты антропологической экспертизы останков жертв красного террора, которые были найдены на территории Петропавловской крепости Санкт-Петербурга. Всего, по данным специалистов НИИ антропологии МГУ, в ходе раскопок в расстрельных ямах у Головкина бастиона с 2010 по 2016 г. были найдены останки минимум 152 человек. Судя по характеру повреждения костей, кого-то убивали, вставляя дуло пистолета в рот, кого-то, предположительно, добивали прикладами. В одной из ям найдены останки 42 человек, в основном очень молодых; также найдены скелеты не менее десяти девушек возрастом от 18 до 24 лет⁴.

Изобразительные и вещественные источники во всё более значительных количествах вводятся в научный оборот, оказывая серьёзную помощь исследователям. Существенна их роль и в мемориализации захоронений жертв советских репрессий.

---

¹ Тепляков А. Г. Процедура: Исполнение смертных приговоров в 1920–1930-х годах... С. 58–75.

² См.: Садовская Е. Ю., Толоконников Э. А. Метод групповой идентификации останков жертв массовых расстрелов // Корни травы: сб. ст. молодых историков. М.: Звенья, 1996. С. 182–185.

³ Жертвы смутного времени [Электронный ресурс]. URL: <http://staslandia.ru/zherthy-smutnogo-vremeni-1>

⁴ Итоги раскопок на Петропавловке: лицо военного министра и «гимназистки с косами» [Электронный ресурс]. URL: https://life.ru/t/life78/970334/itoghi_raskopok_na_pietropavlovkie_litso_voennogho_ministra_i_ghimnazistki_s_kosami

Таким образом, источниковая база нашего исследования, посвящённого деятельности ВЧК-НКВД, хотя и отличается фрагментарностью ряда групп необходимых источников, а также сильнейшей их тенденциозностью, в целом весьма обширна и достаточна для подготовки серьёзных научных работ. В архивных фондах центральных и местных архивов выявлено значительное количество дел, посвящённых органам ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД. Основная часть использованных источников была рассеяна среди документов постороннего характера и порой обнаруживалась случайно, в ходе трудоёмкого просмотра многочисленных партийно-советских фондов. Применение критического подхода к содержанию источников позволило выделить в них наиболее достоверную информацию и использовать её для углублённого понимания причинно-следственных связей. Изучение совокупности открытых источников было необходимым условием получения полноценной информации о деятельности чекистов и также потребовало серьёзной фильтрации обнаруженных данных, их проверки с помощью вновь найденных архивных фактов. Взаимная перепроверка опубликованных и неопубликованных источников позволила проанализировать крупный массив достоверной информации, достаточной для критики многих сложившихся концепций и предложения ряда оригинальных выводов.

Основательное изучение литературы и источников по выбранной теме позволяет написать содержательный труд, в котором деятельность органов госбезопасности 1918–1941 гг. будет представлена во всех основных аспектах. Намерение автора — создание именно такого обстоятельного труда по региональной истории, который позволит сделать шаг к созданию обобщающих монографий по истории ВЧК-НКВД.

Заключение

Внимание к изучению органов советской политической полиции обусловлено сложным, закольцованным процессом современной истории. «Российская история никак не может стать собственно историей. Уже много лет она политически актуальна. И действительно, несмотря на то что эпохи перемен уже в который раз переходят в эпохи застоев, а государство то распадается, то собирается вновь, Салтыков-Щедрин остаётся современным писателем, путевые заметки маркиза де Кюстина читаются как репортажи, письма Чаадаева политически актуальны»¹. Точно так же актуальны и исследования на темы многочисленных секретных страниц политической истории страны.

При этом на современных историков серьёзное воздействие оказывают всё более заметные общественные тенденции, обеляющие большевистский режим и наглядно отражаемые валом сталинистской публицистической литературы. Нынешний директор ФСБ А. Бортников в интервью, данном в декабре 2017 г. по случаю векового юбилея своего ведомства, заявил, что значительная часть следственных материалов 30-х годов была обоснованна, а те, кто выступал против Сталина, являлись действительными врагами государства и шпионами иностранных разведок: «...Архивные материалы свидетельствуют о наличии объективной стороны в значительной части уголовных дел, в том числе легших в основу известных открытых процессов [30-х годов]»².

В последнее время в России очевидны тревожные процессы атомизации социума и деградации гражданского общества, торжества автаркии и обскурантизма. Население под влиянием мобилизационной пропаганды всё с большим сочувствием относится к репрессивным методам управления, оправдывая былые кампании террора. В условиях архаизации общественных институтов всё более заметно появление в исторической науке сочинений, которые находятся в русле самых реакционных представлений, опро-

---

¹ Кордонский С. Г. Ресурсное государство. М.: Regnum, 2007. С. 5.

² ФСБ расставляет акценты // Рос. газ. 2017. 20 дек. С. 4.

вергая накопленные исследователями объективные знания о советском прошлом. Очевиден настоящий прорыв в академическую среду отжившей своё исторической лжи, что является опасным симптомом деградации целого ряда исследователей, включая достаточно известных представителей цеха. Активно возрождаются и советский язык, и подходы времён холодной войны, и методы очернения идейного противника с предъявлением политических обвинений. Архаизации научного дискурса следует противопоставить подлинные ценности академической науки, несущие гуманистический потенциал и отрицающие новые линии общественного размежевания.

Малодоступность документов по истории спецслужб (и в целом по политической истории СССР) в связи с существующими архивными ограничениями оказывает выраженное негативное влияние и уменьшает количество исследователей, готовых преодолевать искусственные препятствия на пути к необходимым источникам. Другим историкам явно мешают догматичность мышления, доверие к большевистскому языку, недостаточное знакомство с иностранной литературой.

Всё же с начала 1990-х годов не иссякает поток серьёзных публикаций отечественных и зарубежных историков о делах и нравах чекистской корпорации, созданной государством для контроля и силовой «выбраковки» общества. Проводимый работниками ВЧК-НКВД государственный террор привёл к полному реформатированию социума, физически избавленного от тех, кто был признан вредным и негодным для будущего коммунизма. Историки до сих пор спорят о всех значимых вопросах большевистских чисток, изучая их причины, масштабы, механизмы, виды репрессий и категории репрессированных. Но даже карательные кампании 30-х годов и их исполнители изучены ещё весьма приблизительно, а остальных эпох — далеко не удовлетворительно. В ещё большей степени требуют научной разработки различные аспекты функционирования собственно чекистских и милицейских органов, их агентурно-оперативной работы, особенностей кадрового состава. Здесь работа только начинается и сталкивается с особенно большими трудностями, прежде всего в плане доступности источников. Все недостатки историографического процесса хорошо заметны и на примере изучения репрессивно-карательных органов Сибири — региона, где жестокость репрессий была одной из наивысших в стране в течение всего ленинско-сталинского периода.

История органов госбезопасности опирается на мощный источник информации, представляющий собой огромное количество как опубликованных, так и рассеянных по партийно-государственным и ведомственным хранилищам документов. Помимо опоры на документы ВЧК-НКВД, необходима обработка залежей газетной информации, а также внимательное чтение художественной литературы, что резко расширяет исследовательские возможности. Несмотря на массовое уничтожение документов спецслужб, сохранившиеся материалы позволяют изучать самые различные аспекты чекистской истории. А ухудшение ситуации с доступом в отечественные хранилища ФСБ/МВД компенсируется всё более широким доступом в архивы спецслужб республик бывшего СССР.

Предпринятое нами аналитическое исследование ситуации с историографией и источниковым обеспечением такой крупной темы, как деятельность органов госбезопасности, позволяет донести до читателей особенности современного состояния процесса изучения истории ВЧК-НКВД, успехи и провалы исследователей и публикаторов документов. Задачей автора было дать критический обзор проблем, постараться опровергнуть те или иные мифы, мешающие осмыслению противоречивых страниц российского прошлого, обратить внимание на подчас бездумное использование в научном обороте фальсифицированных источников. И показать, что при всех ограничительных барьерах сейчас и в будущем вполне возможно основательное изучение основных аспектов деятельности и кадров ВЧК-НКВД, особенно на региональном уровне. Общественное внимание к теме истории тайной полиции большевиков позволяет рассчитывать на неугасающий научный интерес к этой болевой точке, которая ещё нескоро станет просто далёким прошлым.

Автор выражает искреннюю признательность за помощь в работе Д. Брандербергеру, Л. Виоле, В. А. Золотарёву, О. И. Капчинскому, Д. В. Карагодину, С. А. Красильникову, Х. Куромия, Т. И. Морозовой, А. Л. Посадскову, Дж. Россману, А. И. Савину, Д. О. Серову, Д. В. Соколову, Г. Г. Суперфину, В. Н. Хаустову, М. Юнге и другим коллегам, а также редактору настоящей книги Ю. И. Носыревой. Также благодарю за содействие всех благожелательно отнёсшихся ко мне сотрудников российских и зарубежных архивов.

Автор признателен Германскому историческому институту в Москве, стипендии которого в 2012 и 2016 гг. позволили в течение трёх месяцев плодотворно работать в московских архивах и библиотеках.

Именной указатель

- Абаринов В. — 48, 390
Абенова Г. — 338
Абинякин Р. М. — 64
Аблажей Н. Н. — 277
Абраменко И. А. — 125
Абраменко Л. М. — 202
Абрамов А. В. — 285
Абрамов В. — 56
Абрамович И. Л. — 351
Абрамович Р. — 318
Абрамовский А. А. — 100
Абросенко К. П. — 108
Абросимов М. — 33
Авдеев В. — 273
Авербах Л. Л. — 23, 394
Авербух Н. Н. — 161
Автономов Ф. И. — 135
Авторханов А. Г. — 168
Агабеков Г. С. — 156, 362
Агабеков Л. А. — 355
Агранов Я. С. — 37, 161, 259, 317, 376
Адамов А. — 397
Адамушка У. — 205, 363
Адлер Ф. — 159
Азадовская Л. В. — 284
Азадовский К. М. — 284
Айтаков Н. — 205
Акунин Б. — 404
Алдан-Семёнов А. — 399
Александров А. М. — 138
Александров С. А. — 409
Александрова З. — 398
Алексеев («генерал») — 291
Алексеев В. А. — 48, 286
Алексеев В. В. — 77
Алексеев Е. Е. — 110, 140
Алексеев Н. — 158
Алексеев Н. Н. — 152, 258
Алексеев С. С. — 257
Алексеева Т. А. — 33
Алексеевский П. — 403
Алинин К. — 156
Алисов Д. А. — 341
Алланиязов Т. К. — 205
Аллен Р. — 181
Аллой В. Е. — 166
Алпатов В. М. — 52
Алтаузен Д. — 377, 393
Альбац Е. М. — 51
Аман-Палван — 34
Амур-Санан А. М. — 31
Амфитеатров А. В. — 360
Андерсен-Нексе М. — 366
Андерсон К. М. — 406
Андреев [Николаевский Б. И.] — 159
Андреев А. А. — 402
Андреев В. П. — 123
Андреева А. А. — 352
Анна Иоанновна — 73
Анненков Б. В. — 111, 289
Ансон А. А. — 108
Антипов Н. К. — 334
Анучин В. И. — 284
Аптер И. А. — 14, 37
Арагон Л. — 366
Ардаматский В. — 404
Арендт Х. — 167
Арипов Р. А. — 34
Аронсон Г. — 161
Аросев А. — 162, 382
Артамонова Ж. В. — 283
Артемьев В. П. — 163
Артузов А. Х. — 15, 32, 102, 233, 289
Арцыбашев М. П. — 164
Асеев Н. Н. — 349
Астахов Г. — 377
Атарбеков Г. А. — 33
Аурилене Е. Е. — 103
Афиногенов А. — 392
Ахиезер А. С. — 58, 67
Ахматова А. А. — 20, 249, 375
Ашнин Ф. Д. — 52
Бабель И. Э. — 328, 344
Бабенко Л. Л. — 279
Бабенко С. С. — 279
Баберовски Й. — 70, 187, 189, 190, 328
Бабий А. А. — 227, 281, 297
Бабичева М. Е. — 363
Багиров М.-Д. — 44, 98, 100
Багрицкий Э. — 380, 383

- Байкалов К. К. — 110
 Бак Б. А. — 101, 148, 335, 336, 373
 Бак-Жаркова Ф. Н. — 372
 Бакич А. С. — 111, 289, 297
 Балабанова А. — 156, 358
 Балашов Р. В. — 38
 Балдаев Н. М. — 237
 Балицкий В. А. — 161, 201, 204, 282, 289, 377, 390
 Балыгин В. В. — 151
 Балыкина О. — 339
 Барзини Л. — 166
 Барихновский Г. Ф. — 35, 36
 Барков И. И. — 135
 Барсенков А. С. — 83, 84
 Барто А. Л. — 398
 Барышев М. И. — 32
 Батищев И. С. — 229
 Батурин Ю. М. — 61
 Батырбаева Ш. Д. — 70, 205
 Бедин В. — 278
 Бедный Д. — 308, 370, 396
 Безруков Г. Н. — 141
 Безручко О. В. — 249
 Безыменский А. — 386, 396
 Беленкин Б. И. — 166
 Белковец Л. П. — 119, 120
 Белобородов А. Г. — 326
 Белоглазов И. И. — 115, 148
 Белоконь А. — 51
 Белоусов Г. — 138
 Белоусов К. Ф. — 105
 Белтов Э. — 48
 Белый А. — 369
 Бельский Л. Н. — 61, 234
 Беляков А. — 56
 Бергавинов С. А. — 337
 Бердяев Н. А. — 19, 98
 Березовский Б. А. — 290
 Берия Л. П. — 29, 55, 61, 78, 100, 159, 212, 266, 274, 275, 284, 286, 354, 356, 374, 402
 Берия С. Л. — 357
 Беркман А. — 156
 Берман Б. Д. — 215, 275, 363
 Берман М. Д. — 23, 106, 145, 215
 Берхин И. Б. — 29
 Беседовский Г. З. — 359
 Беспалов Н. — 156
 Бессонов Ю. — 157
 Бехер И. — 366
 Бжезинский З. — 167, 168
 Бикметов Р. С. — 135
 Биксон И. М. — 355
 Биленко С. — 33
 Билль-Белоцерковский В. — 386
 Билоконь С. — 204
 Биннер Р. — 67, 137, 180, 192, 194, 199, 210, 270, 279, 372
 Биргер В. — 136
 Благодеров Г. И. — 245, 318
 Блимбергс А. Ф. — 135
 Блок А. А. — 386
 Блохин В. М. — 127
 Блохин Л. И. — 34
 Блюм А. — 188, 249
 Блюм А. В. — 14, 17, 19, 21, 51, 52, 338, 383, 391
 Блюменталь-Тамарин В. — 102
 Блюмкин Я. Г. — 342, 361
 Блюхер В. К. — 291
 Бобков Ф. Д. — 50
 Бобренёв В. А. — 51
 Бобров В. — 200
 Богданов Н. К. — 357
 Богданов Ю. Н. — 357
 Богдатьян (Багдатьян) М. С. — 317
 Богословский Ф. Н. — 372
 Богунов С. Н. — 202
 Богуславский М. С. — 135
 Бодренков В. А. — 144
 Боева Л. А. — 60
 Божданкевич А. И. — 135
 Боженко Л. И. — 11, 112
 Бойков М. М. — 368
 Бойтман Ф. Д. — 151
 Бойченко В. М. — 40
 Бокий Г. И. — 33, 161, 370
 Болдуев А. А. — 107
 Болдырев В. Г. — 127
 Болотов С. А. — 281, 371
 Болтromeюк В. — 249
 Бонвеч Б. — 67, 199, 275, 297
 Бонч-Бруевич В. Д. — 229, 319
 Бордюгов Г. А. — 67, 105, 137, 216, 217, 372
 Борисёнок Ю. А. — 318
 Борисова Л. В. — 60
 Бородавко А. Г. — 40
 Бортников А. В. — 413
 Боуфалло А. С. — 263
 Бояринов Н. А. — 274
 Брайант Л. — 170
 Брандербергер Д. — 187, 415
 Брандлер Г. — 320
 Брауде В. П. — 33, 373, 403

- Брик Л. Ю. — 379
 Брик О. М. — 382
 Бродский Ю. — 72
 Бройде С. О. — 348, 349
 Бройдо А. — 351
 Брук-Шеферд Г. — 163
 Бруль В. И. — 119, 120
 Брянский И. — 361
 Бугаева К. Н. — 369
 Бугай Н. Ф. — 79
 Бударин М. Е. — 113, 114, 130, 284
 Булгаков М. А. — 249, 376
 Булдаков В. П. — 8, 57, 58, 128, 130, 206
 Бунин И. А. — 164
 Бурцев В. Л. — 21, 159
 Бурцов А. П. — 163
 Бутенко Ф. Х. — 283
 Бухарин Н. И. — 47, 99, 169, 174, 182, 200, 266, 283, 303, 308, 310, 315–317, 328, 339, 343, 348, 352, 396
 Бухов А. С. — 381
 Бухонова И. Н. — 281
 Бушуев В. М. — 125, 138, 148
 Бушуев Г. — 344
 Бушуева Т. С. — 79
 Буяков А. М. — 55, 91, 103, 152
 Быков А. В. — 130
 Быков Г. И. — 296
 Быков Д. Л. — 367, 404
 Быков П. М. — 16
 Былинин В. К. — 283
 Быстролётов Д. А. — 363
 Бычков Л. И. — 26, 27
 Вавилов Н. И. — 31, 163, 164, 241
 Ваксберг А. И. — 48, 51
 Вакуленко А. А. — 362
 Валидов А. З. — 308
 Валухин К. Н. — 116
 Ванюков Д. А. — 65
 Варга Е. С. — 22
 Вардин И. — 394
 Варейкис И. М. — 85
 Варта И. — 280
 Варта Т. — 280
 Варшавер А. — 399
 Васецкий Г. С. — 39
 Василевский В. И. — 113
 Василевский В. П. — 132, 142, 143, 335
 Васильев А. — 39, 173, 281
 Васильев В. — 252
 Васильев Е. А. — 371
 Васильев И. И. — 40
 Васильева О. Ю. — 51
 Васильцов С. И. — 286
 Васильченко Э. А. — 35, 38, 113
 Ватлин А. Ю. — 57, 67, 68
 Ваупшасов С. А. — 355
 Вацетис И. И. — 71, 316
 Введенский А. П. — 240
 Вдовин А. И. — 83, 84, 286
 Веверс Я. Я. — 351
 Вегман В. Д. — 108, 213, 214
 Вейнберг Я. Я. — 371
 Велидов А. С. — 40, 49, 99
 Венедиктов В. Н. — 40
 Венков А. В. — 393
 Вепрев О. В. — 100
 Вересаев В. В. — 20, 162, 376, 386, 389
 Верзилов Н. Н. — 36
 Вернадский В. И. — 369
 Верт Н. — 152, 172, 177, 178, 182, 196, 206, 272, 280, 305
 Верховский В. Н. — 162
 Весёлая З. — 389
 Веселовский С. Б. — 25
 Весёлый А. — 163, 386, 389
 Весновская Г. Ф. — 225
 Вибе П. П. — 120, 141
 Викторов Б. А. — 48, 322, 324
 Викторов И. В. — 33
 Виленский-Сибиряков В. Д. — 108
 Вильдгрубе В. И. — 368
 Виноградов В. — 48
 Виноградов В. К. — 87, 271
 Винокуров П. — 17
 Виола Л. — 175, 184, 199, 219, 252
 Витвицкий Н. П. — 269
 Вититнев Л. А. — 50
 Витязев П. (Седенко Ф. И.) — 19
 Вихман М. М. — 127, 242
 Вишневский Вс. — 381
 Вишняк М. В. — 343
 Водичев Е. П. — 152
 Войнилович М. — 48
 Войтиков С. С. — 71
 Волин Б. — 376
 Волков О. В. — 350
 Волков С. В. — 274
 Волков Ф. Д. — 50
 Волкогинов Д. А. — 48, 51, 52, 80
 Волобуев О. В. — 291, 326
 Володарский Б. — 173
 Волосский А. М. — 135
 Волошин М. А. — 20, 389
 Волошина В. Ю. — 341
 Волтерс Р. — 367

Вольф Э. — 102
 Ворожцов М. И. — 114
 Воронов Ф. В. — 233
 Воронский А. К. — 329, 333
 Вронская Т. В. — 203
 Врублевский А. П. — 205
 Вылцан М. А. — 81
 Вырубова А. — 370
 Высокос Н. Г. — 230
 Вышинский А. Я. — 14, 26, 28, 51, 269,
 324, 328, 339
 Вялков Л. И. — 40
 Вяткин Г. М. — 245–247
 Габинский И. П. — 334
 Гавриленко В. К. — 136
 Гаврилович А. И. — 141
 Гай Г. Д. — 30
 Гайдар А. — 398
 Галимзянова Е. Г. — 318
 Ганелин Р. Ш. — 285
 Ганин А. В. — 71, 72, 83, 316
 Гапонов С. И. — 240, 292
 Гарасева А. М. — 352
 Гардин В. — 406
 Гарри А. Н. — 381, 389, 393
 Гатауллина И. А. — 287
 Гаузнер Г. — 23
 Гацура Е. В. — 277
 Гвоздкова Л. И. — 134, 135, 148
 Геворкян Н. — 357
 Геллер М. Я. — 157, 168
 Гельшерт В. Ф. — 373, 374
 Генис В. Л. — 54, 319
 Герман Ю. П. — 398, 399
 Герсон Л. — 171
 Гетти Дж. А. — 65, 175–177, 180–183, 191
 Гилл Г. — 174
 Гимпельсон Е. Г. — 51, 54
 Гинзбург Е. С. — 350, 351
 Гинзбург К. — 294
 Гиппиус З. Н. — 164, 359
 Гладков Т. К. — 32, 36, 37, 61, 94, 101,
 102, 363
 Глазков М. Н. — 24
 Голдин В. И. — 61, 105, 292
 Голдман В. — 189
 Голдхаген Д. — 198
 Голиков В. — 31, 45
 Голинков Д. Л. — 34, 37
 Голицын Н. Д. — 365
 Голодный М. — 385
 Голос Я. Н. — 102
 Голоскоков И. В. — 55, 123
 Голотик С. И. — 66
 Голуб П. А. — 49
 Голубев И. Я. — 151
 Голубчик М. И. — 150
 Гомолка Н. — 397
 Гончаров В. — 249
 Гончаров В. А. — 56
 Гончаров Ю. И. — 384
 Горбачёв М. С. — 172
 Гордиевский О. — 172
 Гордиенко П. Я. — 348
 Гордон Л. А. — 48
 Горелик Е. Г. — 48
 Горелов И. — 348
 Горлис-Горский Ю. — 368
 Горохова Л. В. — 270
 Горский А. Р. — 243
 Горький М. — 23, 161, 284, 380–382, 395
 Грасис К. Я. — 20
 Грациози А. — 184
 Грегори А. В. — 269
 Грегори П. — 191
 Грибанов А. — 328, 344
 Грибанова Е. М. — 281
 Григоров А. А. — 276
 Григоров А. И. — 276
 Григорович — 342
 Григорян А. М. — 72
 Григулевич И. Р. — 61, 102
 Гридунова И. А. — 132
 Грицкевич А. — 83
 Гришаев В. Ф. — 133, 141
 Гришин Д. — 59
 Гришина Я. З. — 370
 Грозный И. В. (Иоанн IV) — 25, 131, 183
 Громов А. В. — 101
 Громов-Мамонов И. В. — 213
 Грушевский М. С. — 249
 Грэхэм Л. Г. — 165
 Грядинский Ф. П. — 259
 Гудкова В. В. — 381, 386, 393
 Гуларян А. Б. — 61
 Гуль Р. Б. — 161, 162
 Гуревич А. Я. — 58, 59
 Гусев В. А. — 269
 Гушин Н. Я. — 108, 112, 116
 Давыдова Н. Л. — 359
 Дажина И. М. — 304
 Дамье В. В. — 65, 291
 Дан Ф. — 159
 Данилов А. А. — 68, 88
 Данилов А. Ю. — 63
 Данилов В. П. — 44, 85, 271

- Даниловский И. К. — 37
 Данишевский И. М. — 213, 214
 Данишевский К. Х. — 323
 Дацышен В. Г. — 120
 Дворникова Л. Я. — 162
 Деборин Г. А. — 43
 Дегтярёв К. — 61
 Дегтярёва И. А. — 271
 Демешкин В. А. — 122, 130
 Демидов В. А. — 110
 Дёмочкин С. А. — 150
 Демченко А. М. — 399
 Дени — 408
 Деннингхаус В. — 70
 Дерibas Т. Д. — 33, 100, 245
 Дешин Н. И. — 150
 Джабаев Д. — 340
 Джанибеков А. — 33
 Джейкобсон М. — 172
 Джунковский В. Ф. — 367
 Дзержинский Ф. Э. — 27, 32, 54, 83, 92,
 96, 99, 100, 111, 147, 158, 161, 162,
 170, 232, 268, 271, 272, 275, 286, 302,
 306, 315, 318–321, 328, 338, 349, 351,
 360, 373, 380, 391, 394, 399, 402
 Дикий А. — 403
 Димитров Г. — 311, 313, 351
 Дмитриев Ю. — 32
 Добренко Е. — 393
 Добрыдин С. Н. — 350
 Добычин Л. И. — 249
 Довженко А. П. — 249, 406
 Дождигов А. В. — 80
 Дойков Ю. В. — 59, 64, 127
 Долгорукий П. Д. — 324
 Долгушев А. Р. — 240
 Долматовский Е. А. — 398
 Доржиев Д. Л. — 142
 Дорошенко И. А. — 40
 Достоевский Ф. М. — 20
 Драбкин Я. С. — 65
 Драйзер Т. — 367
 Драчук-Орлеанов — 125
 Дробижев В. З. — 30
 Дробнис Я. Н. — 135
 Дроздов Н. И. — 137
 Другов Ф. П. — 319, 361
 Дружников Ю. — 164, 403
 Друскин Я. — 375
 Дугин А. Н. — 86
 Дукельский С. С. — 13
 Дулатбеков Н. О. — 281
 Думбадзе Е. — 156
 Думова Н. Г. — 30
 Дунаевский А. М. — 30
 Дунаевский В. А. — 314
 Дурачинский Э. — 195, 196
 Дутов А. И. — 338
 Дыховичный И. В. — 407.
 Дыченко Г. А. — 228
 Дьяков Ю. Л. — 79
 Дьяконов В. И. — 148
 Дэвид-Фокс М. — 366
 Дэвид (монгольский маршал) — 370,
 371
 Дюкс П. — 26
 Дюранти У. — 160
 Дятлов В. И. — 198
 Евдокимов Е. Г. — 176, 235
 Евтушенко Е. А. — 401
 Егоров Н. А. — 103
 Ежов Н. И. — 29, 48, 55, 57, 85, 99, 159,
 181, 182, 200, 269, 309, 311, 322, 324,
 339, 340, 352, 371, 409
 Елагин И. — 403
 Елеуханова С. В. — 205
 Емельянов Ю. В. — 83, 85
 Енукидзе А. С. — 316, 339
 Енчмен Э. С. — 328, 387
 Епишев А. А. — 44
 Ерёмин П. П. — 40
 Ермолаев А. Н. — 350
 Ермоленко Т. Ф. — 369, 371
 Есенин С. А. — 386, 408
 Ефимов Б. Е. — 409
 Ефремов М. А. — 141, 142, 148
 Ефремов С. А. — 282
 Жабров И. А. — 245, 246
 Жаворонков Г. — 48
 Жаковщиков К. И. — 27
 Жданов А. А. — 374
 Жданова Г. Д. — 132, 199, 228, 270, 279
 Жежко-Браун И. — 183
 Жженых Л. А. — 113, 114
 Жилинский В. — 33
 Жирнов Е. — 59
 Жордания Н. — 157
 Жуков А. Н. — 281
 Жуков Ю. Н. — 83–85
 Жумадилова Н. Т. — 281
 Журавлёв В. — 407
 Журавлёв В. П. — 152
 Заерко А. Л. — 205
 Зазубрин В. Я. — 383, 384, 389
 Зайдель Г. С. — 24, 25
 Зайцев Е. А. — 225

- Зайцев И. М. — 157, 363, 364
 Зайцев М. К. — 239
 Зайцев Н. Г. — 32
 Заковский Л. М. — 24, 26, 117, 118, 148, 149, 200, 215, 235, 336, 352, 404
 Закунов Ю. А. — 341
 Залдат И. П. — 15
 Залпетер А. К. — 263, 403
 Замятин Е. И. — 344, 376, 387
 Запецкий В. М. — 122
 Захаровский Л. В. — 204
 Звягинцев В. Д. — 404
 Звягинцев В. Е. — 51
 Зданович А. А. — 13, 53, 74, 80, 87, 89–92, 103, 231, 271, 273, 282, 283
 Зегерс А. — 366
 Зелёный А. П. — 128
 Земсков В. Н. — 48, 66, 70, 81, 82, 313
 Зильвер Л. — 398
 Зименс П. И. — 230
 Зимин А. А. — 38
 Зинде В. — 398
 Зиновьев Г. Е. — 325, 328, 360, 391
 Зиньковский-Задов Л. — 51, 404
 Зирнис И. П. — 139
 Зозуля Е. — 376
 Золотарёв В. А. — 56, 152, 201, 202, 204, 334, 415
 Золотарь И. Ф. — 135, 355
 Золотов Ю. М. — 276
 Золотоносов М. Н. — 379
 Зоценко М. М. — 249, 376, 386
 Зубов А. Б. — 344
 Зубов Н. И. — 32
 Ибрагим (Абисалов И.) — 363
 Ибраимов В. — 282, 331, 332
 Иваненко Г. И. — 269
 Иванов А. — 407
 Иванов А. А. — 54
 Иванов А. С. — 399, 400
 Иванов Б. А. — 356
 Иванов В. А. — 54, 57, 67
 Иванов Вс. — 376
 Иванов Е. П. — 355
 Иванов С. Д. — 355
 Иванова Г. М. — 72
 Иванова Е. — 92
 Иванова О. А. — 285, 286
 Иванова Т. С. — 140
 Иванович П. — 331
 Иванов-Ринов П. П. — 39
 Ивнев Р. — 393
 Ивницкий Н. А. — 36, 70
 Игнатенко Ф. Г. — 128
 Игнашов А. — 102
 Измозик В. С. — 51, 52
 Икрамов А. И. — 205
 Иллеш Б. — 366
 Ильин А. С. — 136
 Ильин Д. — 49
 Ильин Ю. — 273
 Ильиных В. А. — 112
 Ильф И. — 367, 392
 Инбер В. — 23
 Ингулов С. Б. — 382, 389, 394
 Иогансон О. И. — 32
 Иорданская М. К. — 308
 Иосилевич А. С. — 10
 Иоффе Э. Г. — 205
 Ирошников М. П. — 35
 Исаев В. И. — 71, 118, 146–148
 Исаков С. Г. — 361
 Исмагилов И. И. — 242, 243
 Исмаилов Э. Р. — 205
 Испаров А. А. — 55
 Истрати П. — 367
 Исупов В. А. — 66
 Исхаков С. М. — 408
 Итин В. А. — 250, 383
 Кабанов Н. Н. — 280
 Каверин В. А. — 375, 394
 Каганович Л. М. — 258, 259, 271, 284
 Кадушин И. А. — 335, 336
 Казагранди Н. Н. — 233
 Казачков И. Я. — 115
 Калинин М. И. — 286, 316
 Калугин О. Д. — 249
 Каменев Л. Б. — 265, 303, 328
 Каминский Г. Н. — 328
 Камов Б. — 398
 Кан А. — 170
 Кананова З. Д. — 369
 Кандидов Б. П. — 16, 26
 Кантор (редактор «Врачебной газеты») — 337
 Каплюков В. — 63
 Капралов К. — 368
 Каптиков Ю. — 234
 Капчинский О. И. — 60, 415
 Карагодин Д. В. — 262, 281, 415
 Карамышев П. В. — 240
 Карахан Л. М. — 318, 339
 Кардин В. — 44
 Карклин И. И. — 114
 Карлов С. В. — 136
 Карманов В. — 151

- Карнович С. А. — 140
Карпов В. В. — 85, 284
Карр Э. — 174
Карсавин Л. П. — 156
Карстен Е. — 222
Карусь П. А. — 360
Карчемник В. Д. — 146
Касвинов М. К. — 33
Кассиль Л. А. — 398
Касымов — 282
Катаев В. П. — 386, 401, 402
Катунин Ю. А. — 286
Каутский К. — 157, 301
Кацис Л. Ф. — 346
Качелин А. С. — 285
Кашинцев Д. — 25
Кашу И. — 205
Квашонкин А. В. — 258
Кедров М. С. — 32, 33, 127
Кедров Н. Г. — 70
Келли К. — 164
Кен О. Н. — 76
Кёнез П. — 168
Ким М. П. — 266
Кинг Д. — 409
Кип Дж. — 105, 186
Кирилина А. — 51
Киркпатрик Дж. — 175
Кирмель Н. С. — 74
Киров С. М. — 85, 100, 274, 326, 340, 396, 406
Киселева А. В. — 370
Кислицын С. А. — 51
Кислов А. Н. — 289
Кичкасов Н. — 14
Кишкин В. А. — 409
Киянская И. — 61, 381
Кладова Н. В. — 132, 133, 144
Клейн Л. С. — 58
Клименко В. А. — 34
Климов М. Е. — 15
Климова А. В. — 290
Клингер А. — 363
Клингоф Д. Ф. — 106
Клокова В. — 14
Клопов Э. В. — 48
Клюев Н. А. — 122
Ключников Ю. В. — 315
Кнышевский П. Н. — 51
Князев В. — 377
Кобак А. — 397
Кобба Д. В. — 78
Ковалев Б. Н. — 344
Ковалев В. А. — 51, 54
Коваленко (сексот) — 360
Коган П. С. — 376
Кодан С. В. — 257
Кодин Е. В. — 51, 165, 168
Кожин А. В. — 138
Козенюк В. А. — 50, 203
Козлов А. И. — 393
Козлов В. П. — 284, 372
Козуб И. — 358
Койгелдиев М. К. — 281
Кокошкин Ф. Ф. — 94, 389
Кокуев С. Б. — 57
Кокурин А. И. — 56, 271
Колеватов Г. И. — 150
Колемасов В. Н. — 60, 61
Колесников А. А. — 133
Колесников А. С. — 55, 292
Колесникова А. Г. — 407
Коллман Н. — 183
Коллонтай А. М. — 304
Колодникова Л. П. — 79
Колоколов Н. — 379
Колосов Е. Е. — 350, 351
Колпакиди А. И. — 39, 61
Колчак А. В. — 107, 165, 166, 297, 302, 334, 349
Коль Г. — 222
Кольман Э. — 24
Кольцов М. Е. — 396
Комаров Н. П. — 32
Кондрашин В. В. — 274
Кондурушкин И. С. — 146
Конквест Р. — 44, 117, 135, 165, 168, 169, 320, 402
Конова Т. Ю. — 274
Коновалец Е. — 102
Конюхов Е. П. — 114
Копылова О. Н. — 226
Кордонский С. Г. — 413
Коркин П. А. — 245
Корнилов Ю. И. — 40
Коровин В. В. — 99
Королев В. — 83
Корольков Ю. М. — 32
Кортаев В. И. — 283
Коротков А. М. — 61, 102
Коротков И. — 315
Корпулев С. С. — 135
Корш-Саблин В. — 407
Косарев В. М. — 264
Коссой А. — 29
Костелло Дж. — 52, 173

- Костиков В. В. — 48
 Костин Н. Д. — 50
 Костина Р. В. — 110
 Костырченко Г. В. — 284
 Коткин С. — 185, 186
 Котт Д. Я. — 227
 Кочетков В. В. — 101, 102
 Кочетова А. С. — 83
 Кошелева Л. П. — 258
 Коэн С. — 160, 174
 Кравков М. А. — 391
 Краковецкий А. А. — 39
 Красильников С. А. — 70, 71, 118, 119,
 127, 152, 209, 231, 256, 271, 273, 274,
 277, 278, 408, 415
 Красин Л. Б. — 317
 Красовицкая Т. Ю. — 309
 Крейнцвальд Г. — 240
 Крестинский Н. Н. — 100, 308, 326
 Крестьянполь Ю. — 360
 Кржижановский Г. М. — 24, 303
 Кржижановский Н. К. — 274
 Кривицкий В. Г. — 362
 Криворученко В. К. — 80
 Кром М. М. — 4
 Кропачев С. А. — 51, 62, 66, 105
 Крумин К. Я. — 101
 Круподер О. В. — 149
 Крупская Н. К. — 186
 Крыленко Н. В. — 24, 323, 324
 Крылов В. В. — 265
 Крючков В. А. — 81, 355, 356
 Кубанин М. И. — 16
 Кубланов А. Л. — 27
 Кувалдина О. — 397
 Кудрова И. М. — 51
 Кудрявцев В. Н. — 295
 Кудрявцев И. И. — 271
 Кузнецов И. Н. — 122, 135, 148
 Кузнецов И. С. — 82
 Кузнецов Н. И. — 102
 Кузнецов С. И. — 138
 Кузнецова Е. — 205
 Кузько В. А. — 32
 Кузьменко Н. О. — 411
 Кузьмин С. И. — 49
 Куйбышев В. В. — 318, 337
 Кукушкин Д. Н. — 40
 Кукушкин Ю. С. — 36, 46
 Кукушкина А. Р. — 205
 Кулешов Л. — 406
 Кулешов С. В. — 291, 326
 Кулиш В. М. — 44, 45
 Кун Б. — 366
 Куприн А. И. — 164
 Купцов А. Г. — 86
 Курас Л. В. — 148, 149
 Куренков Г. А. — 79, 81
 Курицын В. М. — 34, 83
 Курляндский И. А. — 83, 84, 283, 286, 307
 Куромия Х. — 175, 176, 188, 196, 415
 Куртуа С. — 172, 305
 Кутепов А. П. — 159
 Кутузов В. А. — 32, 35
 Кутын А. — 351
 Кутьина Д. — 351
 Кухман О. И. — 120, 240
 Кухно А. А. — 401
 Кучемко Н. М. — 112, 296
 Кушникова М. — 134, 214, 242, 278
 Кюстин А. де — 413
 Лавров В. М. — 84
 Лаговьер Н. — 14, 15
 Лайонс Е. — 166
 Лакшин В. Я. — 401
 Ландау К. — 102
 Лапин Б. — 23
 Лапина Е. С. — 32
 Ларин Ю. — 327
 Ларина-Бухарина А. М. — 351
 Ларионов В. — 358
 Лацис М. И. (Судрабс Я. Ф.) — 11, 12, 15,
 33, 53, 100, 161, 265, 295, 321, 328
 Лебедев В. А. — 80
 Лебедев-Полянский П. И. — 387, 391
 Левитина С. М. — 384, 385
 Легgett Дж. — 171, 172
 Лелевич Г. — 376, 377, 387
 Ленин В. И. — 9, 17, 19, 20, 30, 35, 39, 40,
 50, 51, 53, 67, 71, 78, 85, 99, 100, 110,
 156, 160, 166, 169, 170, 172, 186, 191,
 195, 197, 229, 231, 245, 265, 267, 269,
 284–286, 299–305, 308, 310, 311, 314,
 316, 317, 328, 348, 359, 360, 362, 365,
 380, 391, 408
 Леонидов О. — 27
 Леонов Л. М. — 395
 Леонов С. В. — 53, 54, 105, 310
 Лешкин Н. — 34
 Либединский Ю. Н. — 162, 376, 382, 383,
 389, 390
 Лившиц Я. Л. — 37
 Линдер И. Б. — 99
 Липский А. Н. — 292
 Листов В. — 33, 39

- Литвин А. Л. — 22, 35, 51–53, 59, 105, 157, 173, 186, 271, 273, 285, 341
- Литвинов М. М. — 283
- Литвинов Р. — 32
- Лихачёв Д. С. — 38
- Лобанов (корнет) — 121
- Логинов В. — 372
- Ломинадзе С. — 377
- Ломоносова М. В. — 163
- Лопатин А. А. — 101
- Лопатин Л. Н. — 116
- Лосев А. Ф. — 21, 39
- Лотарева Д. — 369
- Лотман Ю. М. — 294, 353
- Лубков П. К. — 143, 227, 335
- Лугин А. (Беленсон) — 391
- Луговской В. — 396
- Лукаш И. С. — 164
- Лукин Е. В. — 51
- Луначарский А. В. — 228, 229, 304, 315, 319, 320
- Лунеев В. В. — 295
- Луньков А. Г. — 150, 151
- Лурье Л. Я. — 61
- Лущик С. З. — 402
- Лютюв В. В. — 100
- Люцканов Й. — 393
- Магго П. И. — 127, 361
- Майданов И. И. — 34
- Май-Маевский В. З. — 87
- Маймескулов Л. Н. — 35
- Майская Т. — 386
- Майский А. И. — 127
- Макаренко А. С. — 390
- Макаров А. А. — 136, 137
- Макаров В. — 92
- Макаров Г. Г. — 110
- Макаров П. — 87
- Макинциан П. — 265
- Маковский А. — 407
- Максименков Л. В. — 381, 406
- Максудов С. — 163, 165, 176
- Малашкин С. И. — 383
- Малеваный А. — 99
- Малеваный В. — 99
- Малиа М. — 168–170, 181
- Малиновский Р. В. — 275
- Малицкий А. — 12, 13
- Мальшева М. П. — 290
- Мальсагов С. — 157
- Маляров Л. И. — 61
- Мамет Л. П. — 22, 23, 107
- Мамонтов Е. М. — 133
- Мандельштам Н. Я. — 352, 408
- Мандельштам О. Э. — 249, 346
- Маннинг Р. — 175, 180
- Манукян А. С. — 205
- Манцев В. Н. — 83, 100
- Мардамшин Р. Р. — 63
- Мариенгоф А. — 377
- Марион П. — 367
- Маркелов И. А. — 150
- Марков А. П. — 158
- Марков В. И. — 277
- Маркс К. — 299, 391
- Мартин Б. — 166
- Мартон С. С. — 374
- Марченко С. Г. — 101, 145
- Марченко С. Т. — 242
- Марьина В. В. — 313
- Марягин Г. А. — 30
- Маслов С. С. — 62, 158, 161
- Масловский В. И. — 36
- Матвиевский — 360
- Матвиенко О. И. — 379, 396
- Матсон Г. П. — 205
- Матюшенко Е. Н. — 100
- Мачерет А. — 407
- Маяковский В. В. — 367, 380, 383
- Медведев Д. Н. — 102, 355
- Медведев Р. А. — 48
- Медушевский А. Н. — 69
- Мейерхольд В. Э. — 381, 395
- Мелехин Н. Х. — 150
- Мельгунов С. П. — 62, 154, 155, 157, 162
- Мельгунова-Степанова П. Е. — 161
- Мельник А. — 59
- Мельниченко М. А. — 374
- Менжинский В. Р. — 32, 37, 94, 96, 99, 139, 161, 162, 306, 318, 322, 360, 373, 400
- Мережковский Д. С. — 359
- Мерцалов А. Н. — 314
- Меспуле М. — 188
- Мессинг С. А. — 161, 235
- Метелица («полковник») — 291
- Микоян А. И. — 100, 321
- Миллер Е. К. — 102, 159
- Милованов Н. И. — 33
- Мильбах В. С. — 72, 273
- Мильштейн Н. Я. — 34
- Милюков П. Н. — 62, 161
- Минаев В. — 26
- Минаев В. В. — 66
- Минц З. Г. — 353
- Мироненко С. В. — 272

Миронов Б. Н. — 82
 Миронов Г. Е. — 51
 Миронов С. Н. — 252, 352
 Миронов Ф. К. — 271
 Мистрюгов П. А. — 105
 Митрохин В. — 173
 Михайлов В. С. — 273
 Михалков Н. С. — 407
 Михалков С. В. — 398
 Михеев В. И. — 92, 93, 103
 Михозлс С. М. — 84
 Млечин Л. М. — 48, 292
 Мозохин О. Б. — 93–96, 206, 272, 274,
 275, 281, 318
 Молодин В. В. — 151
 Молодяков В. Э. — 318
 Молотов В. М. — 268, 269, 283, 303, 327
 Молчанов Г. А. — 152
 Мольс Е. Г. — 251
 Монтефиоре С. — 200
 Морев Н. — 158
 Мороз Г. С. — 10
 Мороз Е. В. — 167
 Морозов К. Н. — 71, 273
 Морозов П. — 145, 164, 285
 Морозова О. М. — 369, 371
 Морозова Т. И. — 415
 Моруков М. Ю. — 99
 Моруков Ю. — 99
 Моряков Л. — 205
 Мосолов Ф. И. — 29
 Мубарак Х. — 222
 Музалевский М. В. — 55
 Муравьев Д. П. — 38
 Муранов А. И. — 51
 Мурашов С. — 31, 45
 Мурун Ю. Г. — 80, 271
 Мустафа — 331
 Мюнценберг В. — 102
 Мячин И. Я. — 44
 Набоков В. В. — 164, 365, 403
 Нагорный А. — 399
 Надольский В. А. — 350
 Надтачаев В. Н. — 205
 Надькин Т. Д. — 70
 Назаров Г. — 285, 286
 Назаров И. А. — 348
 Назарцева Т. М. — 141
 Наконечный М. Ю. — 39, 75, 281
 Нарбут В. — 382
 Нароков Н. — 403
 Нарочницкая Н. А. — 286
 Нарский И. В. — 291, 340
 Наумов Г. К. — 40
 Наумов И. В. — 138, 140
 Наумов Л. А. — 99
 Наумов О. В. — 177
 Наумов Я. Н. (Матусов Я.) — 33, 399
 Нахпетов Б. А. — 72
 Нашик С. — 240
 Невежин В. А. — 306, 311
 Невский В. А. — 329
 Нежинский Л. Н. — 79
 Неймарк Н. — 194, 195
 Некрасов В. Ф. — 36, 48
 Некрасов Н. В. — 37, 293
 Некрич А. М. — 30, 43, 157
 Нетте Т. — 406
 Нехотин В. — 249
 Нечкина М. В. — 22
 Никандров Н. — 61
 Никитин А. Л. — 352
 Никитин Н. Н. — 376
 Николаев С. — 103
 Николаевский Б. И. — 159, 161, 165, 317,
 328, 343, 344, 346
 Николай II — 33
 Никулин Л. — 399, 404
 Никульков А. В. — 401
 Нилин П. Ф. — 401
 Нин А. — 102
 Новак Л. Г. — 240
 Новокрещенова О. Г. — 112
 Новосёлов И. П. — 143
 Ногин В. П. — 325
 Обручников Б. П. — 356, 357
 Овалов Л. — 397
 Одинцов М. И. — 83
 Оксман Ю. Г. — 163, 350, 351, 370
 Окунев Я. М. — 384
 Олефиренко В. Л. — 285
 Олех Г. Л. — 63, 121, 148, 209
 Олех Л. Г. — 108
 Олеша Ю. К. — 369, 381
 Омельчук Д. В. — 129
 Онищенко В. В. — 100, 144, 145, 151
 Опанский И. К. — 10, 11
 Опперпут А. Э. — 358
 Оппоков В. — 51
 Орджоникидзе Г. К. — 100, 126, 315, 327,
 328
 Орлов А. М. — 52, 169, 173, 357, 402
 Орлов И. Б. — 146
 Осинский В. В. — 326
 Осипов А. В. — 100
 Осипова И. — 83

- Оссендовский А. М. — 216, 368
 Островский Н. А. — 379
 Остряков С. З. — 37, 39
 Охотин Н. Г. — 68
 Павленко Н. Г. — 44
 Павлов Д. Б. — 62, 72, 130, 157, 322
 Павлов И. П. — 392
 Павлов С. М. — 134, 151
 Павлова И. В. — 84, 117, 179, 180, 209, 282, 285
 Павлова Т. Ф. — 220
 Павлуновский И. П. — 32, 106, 125, 233, 235, 316
 Павлюков А. Е. — 57, 371
 Павлюченков С. А. — 77, 146, 258, 264, 278, 284, 326
 Пайпс Р. — 157, 165, 168, 170
 Палибин Н. В. — 344
 Панов Ю. П. — 135
 Панцов А. В. — 289
 Панюков В. Н. — 35
 Паперно И. А. — 374
 Папков С. А. — 117, 118, 127, 130, 141, 149, 209, 242
 Папчинский А. А. — 55, 63, 152, 169, 231, 262
 Парфёнов П. С. — 108
 Паршин А. — 14
 Пастернак Б. Л. — 181, 389, 402
 Патракеев С. В. — 150
 Пауку В. В. — 331
 Пепеляев А. Н. — 145, 336
 Перегудова З. И. — 74
 Перестиани И. — 406
 Пержин В. В. — 161
 Петелин В. В. — 376
 Петерс Я. Х. — 33, 161, 301
 Петлюра С. — 102
 Пётр I — 131, 285
 Петренко М. М. — 279
 Петрихин А. И. — 29
 Петров Е. — 367, 392
 Петров И. М. — 399
 Петров И. Р. — 281, 344
 Петров М. Н. — 51, 54
 Петров Н. В. — 48, 50, 55, 57, 105, 152, 231, 271, 283, 309, 357
 Петров П. П. — 108
 Петров С. Г. — 271
 Петровский Г. И. — 325
 Петровский Л. П. — 166
 Петрушин А. А. — 145
 Печёнкин А. Н. — 150
 Пивовар Е. И. — 326
 Пильняк Б. А. — 376, 390, 396
 Пиляй Ем. — 382
 Пичурин Л. Ф. — 122
 Пластинин В. Н. — 33
 Платонов А. П. — 249, 329, 330
 Платонов С. Ф. — 22, 24, 293
 Плевацкая Н. — 403
 Плеханов А. А. — 271, 272, 319
 Плеханов А. М. — 59, 60, 78, 89, 92, 93, 271, 272, 289, 319, 320
 Плятт В. И. — 234
 Поболь Н. Л. — 274, 337
 Погодаев Г. Д. — 243
 Погоний Я. Ф. — 87
 Погребинский М. С. — 24
 Подвойский Н. И. — 303
 Подзелинский М. М. — 396
 Подкур Р. Ю. — 202, 246, 251, 252, 325
 Познанский В. С. — 110, 290
 Позняков В. В. — 103
 Пойнтц Дж. — 102
 Покровский М. Н. — 16
 Покровский Н. Н. — 38, 271, 293
 Поливанов М. К. — 122
 Поликарпов В. В. — 48, 293
 Полутов А. — 103
 Поляков В. А. — 54
 Поляков Ю. А. — 16
 Полян П. М. — 70, 71, 274, 337
 Полянский В. (П. И. Лебедев) — 387, 391
 Померанц Г. С. — 350
 Померанцев П. — 106
 Попенко А. В. — 103
 Попов В. П. — 52
 Попов К. А. — 166
 Поповский М. А. — 163, 164, 241
 Портнов В. П. — 34–36
 Портнягин М. М. — 355
 Поршнева О. С. — 347
 Посадский А. В. — 236, 346
 Посадсков А. Л. — 24, 415
 Постышев П. П. — 30, 194
 Потемкин П. — 389
 Почкай И. Б. — 150
 Преображенский Е. А. — 308, 361
 Прилепин З. — 404
 Примаков Е. М. — 87
 Принцев Ю. — 399
 Пришвин М. М. — 369, 370, 375
 Прищепенко Г. Я. — 32
 Про А. — 294
 Провоторов В. — 49

- Прокофьев А. А. — 378
 Протьюко Т. С. — 205
 Прянишников Б. — 163, 361
 Пуанкаре Р. — 338
 Пугачёв Е. М. — 25
 Пунин Н. Н. — 365
 Путин В. В. — 183, 197, 290
 Пученков А. С. — 302
 Пучкин Н. — 228
 Пьянова О. А. — 130, 141
 Пэрриш М. — 172
 Пятаков Г. Л. — 366, 406
 Рабинович А. — 174
 Рабинович Б. Л. — 240, 351, 361
 Рабичев Н. — 26
 Равдоникас В. И. — 24
 Радек К. Б. — 84, 264, 319–321, 325, 351, 361, 366, 406
 Радченко Л. А. — 314
 Разгон В. Н. — 132, 134, 199, 228, 270, 279, 372
 Разумный А. — 406
 Раков А. А. — 70
 Раковский Х. Г. — 314, 361
 Раппопорт Г. — 407
 Раскова М. М. — 91
 Рассказов Л. П. — 51, 52
 Ратнер Е. Н. — 33
 Ратьковский И. С. — 59
 Рахья Э. — 328
 Рац С. В. — 103
 Реденс С. Ф. — 100, 201, 240, 322
 Резник Я. Л. — 33
 Рейли С. — 363
 Рейн М. — 102
 Рейнгольд И. И. — 325
 Рейсс И. С. — 362
 Рейтблат А. И. — 73, 74
 Рейфилд Д. — 200
 Ржевский В. А. — 234
 Рид Д. — 170
 Риттерспорн Г. — 41, 177, 178
 Рогачёв Б. В. — 90, 91
 Рогинский А. Б. — 66, 68, 166
 Роговин В. З. — 64
 Рогожин А. И. — 35
 Рогожкин А. — 407
 Роднянский А. — 15
 Родов С. — 377
 Рожков А. Ю. — 61, 229
 Рожнева Ж. А. — 71
 Розанов М. М. — 364
 Ройзман М. Д. — 391
 Роллер К. Ф. — 152
 Романенко В. В. — 35
 Романовы — 16, 33, 75, 299
 Ромашов Б. — 381
 Россман Дж. — 184, 199, 219, 415
 Руденко-Пушкин А. — 240
 Рудзутак Я. Э. — 30, 317, 318
 Рудин В. Г. — 134
 Рузвельт Ф. — 309
 Рузиев М. — 338
 Рыбаков А. Н. — 309
 Рыбаков Б. А. — 267
 Рыжиков А. В. — 54, 63
 Рыков А. И. — 266, 315, 328, 339, 396
 Рылов В. Ю. — 323
 Рябов Г. — 399
 Рязанов Д. Б. — 275
 Рязанцев В. Б. — 51
 Рясной В. С. — 356
 Савин А. И. — 83, 120, 129, 206, 209, 219, 240, 246, 277, 371, 372, 415
 Савина Н. И. — 32
 Савинков Б. В. — 16, 26, 237, 250, 265, 273, 332
 Садовская Е. Ю. — 411
 Саенко Г. Н. — 116
 Сакулин П. Н. — 315
 Саламатова М. С. — 119
 Салтыков-Щедрин М. Е. — 413
 Салтымаков Д. К. — 135
 Салынь Э. П. — 356
 Самосудов В. М. — 116, 130, 356
 Самуэльсон Л. — 88, 89, 169
 Сапожников А. Г. — 72
 Сапожников К. — 103
 Саран А. Ю. — 61
 Саркисов А. А. — 80
 Сарнов Б. М. — 379, 388
 Сарнова В. В. — 121
 Сафонов В. Н. — 92
 Сахаров А. Д. — 347
 Сахаров А. Н. — 70
 Сбойченко М. И. — 32
 Свердлов А. Я. (Яковлев А. Я.) — 399
 Свердлов Я. М. — 267, 314, 328
 Светлов М. — 380
 Свечников — 254
 Свешников А. — 166
 Севостьянов Г. Н. — 77
 Седерхольм Б. Л. — 363, 364
 Сейерс М. — 170
 Сейфулина Л. — 376
 Сельвинский И. Л. — 380, 381

- Семанов С. Н. — 284
 Семенов В. А. — 314
 Семёнов Г. М. — 289
 Семёнов Д. Н. — 241, 242, 371, 377
 Семёнов К. К. — 64
 Семёнов Ю. С. — 399, 402, 404
 Семенюк Н. А. — 285
 Сенин А. С. — 392, 393
 Сергиенко В. — 134
 Сергей (Страгородский) — 283
 Серебрянский Я. И. — 357
 Серёгин П. — 406, 407
 Серов Д. О. — 415
 Серов И. А. — 57, 354
 Сивачев М. Г. — 379
 Сидак В. С. — 50, 203
 Силлов В. А. — 361
 Симбирцев И. — 75
 Симиндей В. В. — 280
 Симонов Д. Г. — 235
 Симонов К. М. — 401
 Симонов Н. — 310
 Синявский А. С. — 69
 Синявский Д. — 386
 Ситников М. Г. — 340
 Сквирский Е. Г. — 351–352
 Скоблин Н. В. — 292, 357
 Скоркин К. В. — 50, 55, 97, 98, 152, 231, 262, 281
 Скрыбин Г. Т. — 374
 Славатинский А. С. — 377
 Слёзкин Ю. Л. — 187
 Слепухин Ю. — 399
 Слуцкий А. А. — 357
 Смилга И. Т. — 361
 Смирнов Д. М. — 355
 Смирнов М. А. — 32, 37
 Смирнов С. А. — 56
 Смыкалин А. С. — 54
 Соболев В. В. — 48
 Соболев С. М. — 309
 Соболева Т. А. — 52
 Сობоль А. — 386
 Сойкин — 193
 Сойма В. М. — 99
 Соколов А. К. — 77, 346
 Соколов В. Н. — 349, 382
 Соколов Д. В. — 59, 281, 415
 Соколов М. В. — 62
 Сокольников Г. Я. — 84, 264, 351, 366
 Солженицын А. И. — 116, 164, 165, 350, 400, 403
 Соловьёв А. В. — 100, 140
 Соловьёв О. Ф. — 35
 Сологуб Ф. К. — 20
 Солоед К. В. — 57
 Соломон П. — 190
 Солоневич И. Л. — 103, 158, 161, 350, 353
 Солоухин В. А. — 50
 Сольский В. — 156
 Сорокин А. К. — 397
 Сорокин П. А. — 18, 19, 163
 Сорокин С. П. — 163
 Соскин В. Л. — 43
 Сосновский Л. С. — 355, 361
 Софинов П. Г. — 26, 27, 29, 30
 Соцков Л. Ф. — 61
 Спицын К. К. — 337
 Сталин И. В. — 26, 27, 29–31, 42, 43, 46–48, 51, 57, 58, 64, 65, 67, 69, 71, 76, 78, 80, 81, 83–86, 88, 89, 96, 99, 100, 105, 126, 131, 145, 151, 156, 158–160, 168, 169, 176–178, 180–182, 185–196, 200, 205, 206, 212, 217, 240, 258, 259, 264, 267, 271, 272, 275, 280, 283–286, 289, 290, 299, 306–315, 318, 324, 328, 337, 338, 362, 374, 392, 402–404, 406, 408, 409, 413
 Старикова О. Н. — 228
 Старков Б. А. — 51, 54, 77, 78, 103
 Старцев В. И. — 50, 170
 Сташис В. В. — 35
 Степанов А. Т. — 263
 Степанов А. Ф. — 286
 Степанов М. Г. — 105
 Степичев И. С. — 108, 111
 Стёпкин В. — 201
 Стеффенс Л. — 365
 Стронг А. Л. — 366
 Струве Г. П. — 351
 Струкова Е. Н. — 166
 Стурра Д. Г. — 44
 Стучка П. И. — 14
 Суварин Б. — 328, 343, 344
 Суверов Е. В. — 134
 Судоплатов П. А. — 102, 357
 Сулковский М. В. — 24
 Султан-Галиев М. Х. — 282
 Суперфин Г. Г. — 166, 415
 Суров В. — 33
 Суслов А. Б. — 72
 Суслов И. В. — 65
 Суханов Н. Н. — 342
 Сухомлинов А. В. — 55
 Сухэ-Батор — 402
 Сушко А. В. — 131, 132, 335

- Сысоев Е. С. — 122
 Сыченкова А. — 373
 Тазин С. — 398
 Тайшин М. — 107
 Такер Р. — 169, 313
 Танака — 173
 Тангиев Н. — 368
 Тарле Е. В. — 24, 25
 Тарнавский Г. С. — 48
 Тархова Н. С. — 61
 Татарников А. — 16
 Твардовский А. Т. — 400
 Телетова Н. К. — 365
 Тельпуховский Б. С. — 43
 Тепляков А. Г. — 39, 41, 60, 69, 70, 95, 100, 105, 117, 125, 139, 173, 180, 193, 209, 214–217, 219, 230, 236, 237, 240, 242, 246, 250, 252, 256, 272, 291, 292, 295, 296, 298, 310, 334, 356, 368, 371, 372, 383, 394, 411
 Терне А. — 359
 Тёрстон У. — 180, 181
 Теслер К. К. — 340
 Тизенгаузен Д. О. — 241, 242
 Тименчик Р. Д. — 374
 Тимофеев-Ресовский Н. В. — 49
 Тимошенко А. И. — 142
 Тинченко Я. Ю. — 8, 202
 Титов Л. Н. — 35
 Титов Ю. П. — 34, 35
 Тиунов В. Ф. — 335
 Тихомиров В. Ф. — 147
 Тихонов О. Н. — 399
 Тишков А. В. — 32
 Ткачёв П. Н. — 380
 Тлеулиев А. — 38
 Тогулев В. — 134, 214, 242, 278
 Тодорский А. И. — 30
 Токарев В. А. — 397
 Токмин С. А. — 257
 Толоконников Э. А. — 411
 Толстой А. Н. — 160, 344, 370, 395, 404
 Томилев В. Г. — 138
 Томита Т. — 173
 Тополянский В. Д. — 83, 303
 Тренёв К. А. — 385
 Тренин Б. П. — 277
 Третьяков Н. Г. — 125
 Трилиссер М. А. — 32, 39, 161, 283, 318
 Трипутина Н. П. — 158
 Трифонов И. Я. — 36
 Троцкий Л. Д. — 9, 30, 51, 52, 64, 71, 84, 85, 98, 99, 102, 136, 157, 159–161, 165, 169, 177, 181, 264, 299, 302, 304–306, 310, 316, 319, 320, 328, 352, 360–362, 391
 Трукан Г. А. — 30
 Трусов А. И. — 295
 Трушин Г. А. — 100
 Тряпицын Я. И. — 290
 Тугужекова В. Н. — 136, 149
 Тужилин С. В. — 50, 286
 Түмшис М. А. — 38, 52, 55, 56, 63, 152, 169, 231, 373
 Тур — 396, 407
 Турбовский Н. Ц. — 128
 Турло С. С. — 15
 Туровская М. — 374
 Турчанинов Я. С. — 355
 Тухачевский М. Н. — 30, 80, 85, 126
 Тынянов Ю. — 249, 328, 376, 379, 389, 390
 Угроватов А. П. — 118, 146–148
 Узликов А. П. — 148
 Уилсон Э. — 365
 Уйманов В. Н. — 55, 123–130, 141, 252
 Уиткрофт С. — 176
 Улам А. — 168
 Ульянов Н. И. — 22
 Ульяновский А. Г. — 179
 Унгерн Р. Ф. — 233, 236, 284, 289, 402
 Уншлихт И. С. — 92, 321, 349
 Упоров И. В. — 80
 Урицкий М. С. — 231, 377
 Усманова Ф. Р. — 130
 Усов В. Н. — 62
 Успенский А. И. — 135, 201
 Успенский В. Д. — 402
 Утевский Б. С. — 14
 Уткин Г. П. — 38
 Уткин И. — 396
 Ушакова С. Н. — 119
 Ушеревич С. С. — 40
 Файджес О. — 187
 Фальковский Д. — 163, 378
 Фастыковский М. В. — 292
 Федин К. А. — 344
 Федичкин Д. Г. — 399
 Федор Дж. — 197
 Федоров А. — 395
 Федотов П. В. — 351
 Фейхтвангер Л. — 366
 Фельдман Д. М. — 61, 323, 381
 Фельштинский Ю. Г. — 13, 159, 317
 Ферр Г. — 200
 Филатов М. А. — 148, 409

Филиппов Б. А. — 348
 Филиппов Н. Н. — 17
 Фирин С. Г. — 23
 Фицпатрик Ш. — 176, 178, 179, 184, 185, 396
 Флейшман Л. — 61, 341, 351
 Фраерман Р. — 398
 Франко Ф. — 175
 Фрезинский Б. Я. — 352
 Френкель Н. А. — 23, 337
 Фреско М. — 289
 Фридрих К. — 167
 Фриновский М. П. — 275
 Фройнд Г. — 102
 Фролов П. — 286
 Фрунзе М. В. — 99, 317
 Фукье-Тенвиль А. — 162
 Фуллер У. — 198
 Фурманов Д. А. — 349
 Фэйнсод М. — 171, 181
 Хайдаров Г. — 206
 Хайек Ф. — 167
 Халецкая А. А. — 111
 Халфин И. — 187
 Ханевич В. А. — 120
 Хантингтон С. — 186
 Харатьян Г. — 277
 Харитонов М. М. — 254
 Харламов В. А. — 100
 Харрис Дж. — 196
 Хаустов В. Н. — 87–89, 146, 169, 271, 274, 309, 415
 Хвалевнов Н. Н. — 106
 Хвылёвый М. — 249, 384
 Хейл Г. Е. — 183
 Хелльбек Й. — 346
 Хенкин К. В. — 362
 Херсонская Н. Л. — 329
 Хиллиг Г. — 390
 Хинштейн А. Е. — 354
 Хлебников В. — 389
 Хлевнюк О. В. — 48, 51, 52, 57, 68, 69, 72, 182, 188, 258, 307
 Хмельницкий А. И. — 323
 Хмельницкий Д. — 327, 365, 367
 Ходасевич В. Ф. — 164
 Ходжаев Ф. У. — 205
 Ходжамьяров М. — 338
 Ходорковский М. Б. — 290
 Холитшер А. — 366, 367
 Холквист П. — 197
 Хорошавин В. А. — 101
 Хорошкевич А. Л. — 38
 Хоскинг Дж. — 188, 189
 Хоффманн Д. — 211
 Христофоров В. С. — 92
 Хромов С. С. — 81
 Хрусталёв-Носарь Г. С. — 334
 Хрущёв Н. С. — 81, 82, 85, 357
 Хрущов П. (Пильский П.) — 403
 Хумарьян С. Г. — 101
 Хэгенлоу П. — 191–193
 Цаплин В. — 48
 Царёв О. — 52, 173
 Царуски Ю. — 70
 Цвибак М. М. — 24
 Цибов С. И. — 32
 Цивцивадзе И. В. — 319
 Цилига А. — 362
 Ципко А. С. — 48
 Циркунов Ю. Г. — 108
 Цитриняк Г. — 48
 Цыбин А. Ю. — 103
 Цюрупа А. Д. — 304
 Чаадаев П. Я. — 413
 Чаликова В. — 48
 Чан Кайши — 289
 Чапкевич Е. И. — 25
 Чашников И. П. — 29
 Чебриков В. М. — 50
 Ченцов В. В. — 202, 246, 251, 325
 Червоный А. (Шумяцкий Б. З.) — 335
 Червяков Е. — 407
 Черемшанцев А. П. — 240
 Черенин О. — 103
 Черепнин Л. В. — 375
 Черкашин П. П. — 34
 Чернавский А. Н. — 72
 Чернев И. — 392
 Черникова Т. В. — 73
 Чернявский Г. И. — 85, 159, 256
 Чертков В. Г. — 229
 Черушев Н. С. — 273
 Черчилль У. — 309, 313
 Чесс М. И. (Мительман М. И.) — 385
 Четверикова Т. Г. — 277
 Чиков В. М. — 102
 Чинский П. — 196
 Чистов П. В. — 152
 Чистяков И. П. — 371
 Чистяков Н. Ф. — 32
 Чичерин Г. В. — 318
 Чойбалсан — 351
 Чубарь В. Я. — 30
 Чубыкин И. В. — 71, 273
 Чудакова М. О. — 46, 47, 249

Чудинов А. В. — 73
 Чудновский С. Г. — 147, 334, 373
 Чувев Ф. И. — 356
 Чуйкина С. А. — 369
 Чуковская Л. К. — 375
 Чуковский К. И. — 369, 370, 395
 Чураков Д. Р. — 72
 Чуркин С. А. — 99
 Чхиквишвили И. — 45
 Шабанова И. К. — 342
 Шадт А. А. — 119
 Шалагинов В. К. — 111
 Шаламов В. Т. — 350, 370
 Шаляпин Ф. И. — 329
 Шамсутдинов Р. — 205, 206, 281
 Шангин М. С. — 131, 148
 Шанин Т. — 271
 Шапиро Л. — 168
 Шаповал Ю. И. — 202, 204, 249
 Шапорина Л. В. — 369, 375
 Шаров И. — 280
 Шатагин Н. — 31, 45
 Шатов В. С. — 214
 Шатуновская О. Г. — 351
 Шаумян С. — 31, 45
 Шверник Н. М. — 80
 Шевелев Д. Н. — 408
 Шевченко В. — 291
 Шейнин Л. Р. — 396, 407
 Шекшеев А. П. — 125, 135, 136, 148
 Шенталинский В. А. — 249, 378
 Шиловский М. В. — 141
 Шингарёв А. И. — 94, 389
 Шинин О. В. — 74, 89, 91, 92
 Шинкарев Л. — 337
 Ширер Д. — 152, 191–194
 Ширяев Б. Н. — 216, 368
 Шишкин В. И. — 107, 112, 114, 120–122, 126, 129, 130, 143, 144, 148, 250, 277, 278, 349, 382, 383
 Шишков В. Я. — 20, 390
 Шкловский В. Б. — 20, 23
 Шлегель К. — 189
 Шлыков И. М. — 254
 Шмелёв И. И. — 32
 Шмелёв И. С. — 164
 Шмидт С. О. — 38
 Шнейдер Е. — 407
 Шнейдерман М. П. — 370
 Шободоев Е. Б. — 278
 Шолохов М. А. — 385, 392, 393, 401
 Шостакович Д. Д. — 406
 Шошина О. В. — 101
 Шпенглер О. — 19, 20
 Шпет Г. Г. — 122
 Шрейдер М. П. — 156, 354
 Штейнберг И. З. — 157, 303, 358
 Штеппа К. Ф. — 360
 Штурман Д. М. — 169
 Штыб С. М. — 32
 Штырбул А. А. — 143, 284
 Шубин А. В. — 65
 Шумилов А. И. — 130
 Шумихин С. В. — 52
 Щеглов Ю. — 367
 Щёголев П. Е. — 21, 370
 Щёголев П. П. — 25
 Щербак Х. П. — 144
 Щетинов Ю. А. — 35
 Эдоков В. И. — 120
 Эйдук А. В. — 127, 377
 Эйтингон Н. И. (Котов Л.) — 352
 Эйхе Р. И. — 84, 85, 259
 Эльсберг Я. Е. — 38
 Энгельгардт Б. В. — 361
 Энгельс Ф. — 40, 299, 391
 Эндрю К. — 172, 173
 Эпплбаум Э. — 200
 Эренбург И. Г. — 344, 349, 352, 376, 382, 386, 388, 390
 Эрмлер Ф. М. — 406
 Эстрин А. Я. — 14
 Юдин В. Н. — 34
 Юдин П. Ф. — 26
 Юнге М. — 67, 137, 180, 184, 192, 194, 199, 210–212, 219, 270, 275, 279, 297, 371, 372, 415
 Юрасов Д. Г. — 48
 Юрганов А. Л. — 26
 Юрин С. В. — 151
 Юркин И. И. — 205
 Юркин И. Я. — 151, 355
 Юровский Я. М. — 33
 Явич А. — 163, 390
 Ягода Г. Г. — 29, 48, 158, 161, 162, 193, 235, 259, 265, 266, 271, 322, 339, 382, 390, 396, 400
 Язов Д. Т. — 286
 Яковенко М. М. — 352
 Яковлев А. Н. — 126
 Яковлев А. С. — 311, 374
 Яковлев А. Я. (Свердлов А.) — 399
 Яковлев Б. А. — 163
 Яковлев Н. Н. — 37
 Яковлев П. Д. — 39, 240, 278
 Яковлева М. А. — 78

- Яковлева О. А. — 151
 Якуба О. М. — 28
 Якубсон В. — 14
 Якунин Ю. А. — 116, 130
 Якупов Н. М. — 51
 Якушев А. — 399
 Янин Ю. С. — 32
 Янсен М. — 55, 309
 Яркова Е. — 63
 Яровой А. Ф. — 399
 Ярославский Е. М. — 107, 264, 283
 Ярцев В. А. — 378
- Abramovich R. — 318
 Allen R. — 181
 Andrew C. — 173
 Angrick A. — 344
 Baberowski J. — 190
 Barzini L. — 166
 Belkowitz L. — 41
 Belkowitz S. — 41
 Berkman A. — 156, 367
 Binner R. — 218
 Bobrenyov V. A. — 41
 Bonwetsch B. — 218, 219
 Brisby L. — 266
 Brzezinski Z. — 168
 Cederholm B. — 363
 Chinsky P. — 196
 Churchill W. — 314
 Conquest R. — 169
 Dallin D.J. — 163
 Davies R. — 196
 Dobrenko E. — 406
 Gerson L. — 171
 Getty Arch J. — 175, 177, 182
 Gill G. — 174
 Goldhagen D. — 198
 Gregory P. — 191
 Hagenloh P. — 192
 Hale H. E. — 183
 Halfin I. — 187
 Harris J. — 197
 Haynes J. E. — 102, 173
 Holitscher A. — 367
 Hooper C. V. — 354
 Figs O. — 187
 Ford G. S. — 167
 Jakobson M. — 172
 Junge M. — 218, 219
 Kahn A. E. — 170
 Katkov G. — 266
- Keep J. — 266
 Kirpatrick J. — 175
 Khaustov V. — 194
 Klehr H. — 102, 173
 Kotkin S. — 185
 Kuromiya H. — 175, 188, 196
 Leggett G. H. — 172
 Manning R. — 175
 Mitrokhin V. — 173
 Naumov O. V. — 177, 182
 Nicolaevsky B.J. — 163
 Ochotin N. — 68
 Paperno I. — 375
 Parrish M. — 172
 Pipes R. — 170
 Rittersporn G. — 177
 Roginskij A. — 68
 Rudek C. — 23
 Šarov I. — 280
 Sayers M. — 170
 Shearer D. — 152, 194
 Slezkine Y. — 187
 Steinberg I. — 303
 Thurston R. — 181
 Varta I. — 280
 Varta T. — 280
 Vassiliev A. — 102, 173
 Viola L. — 175, 184, 239
 Volodarsky B. — 173
 Wehner M. — 206
 Werth N. — 152, 196
 Wheatcroft S. — 176, 196
- Адамушка У. І. — 205, 363
 Бажан О. — 128, 201
 Беднарек Є. — 206
 Білокінь С. — 204
 Вронська Т. В. — 203
 В'ятрович В. — 206
 Габінський (Каляев) І. П. — 334
 Горліс-Горський Ю. Ю. — 368
 Граціозі А. — 280
 Євдокимова І. В. — 279
 Золотарьов В. — 128, 201, 204, 359
 Козуб І. — 358
 Кокін С. — 206, 279, 280
 Лошицький О. — 280
 Нікольський В. М. — 202
 Сідак В. С. — 203
 Фальківський Д. Н. — 378
 Шаповал Ю. І. — 202, 204, 249
 Шевченко О. — 280

Оглавление

Введение	3
Раздел I. Историографические проблемы истории ВЧК-НКВД	8
Глава 1. Советский период	8
§ 1. Литература 1917 — середины 1930-х годов	9
§ 2. Середина 1930-х — середина 1950-х годов	23
§ 3. Вторая половина 1950-х — середина 1980-х годов	29
§ 4. Эпоха перестройки	45
Глава 2. Современная эпоха (1992–2017 гг.)	51
§ 1. Гражданская историография	51
§ 2. Реванш архаизма	76
§ 3. Ведомственная историография: архаика на марше	86
Глава 3. Историография деятельности ВЧК-НКВД Сибирского региона	106
§ 1. Литература советского периода	106
§ 2. Литература современной эпохи	116
Глава 4. Зарубежная историография деятельности ВЧК-НКВД	154
§ 1. Историки русской эмиграции	154
§ 2. Историки западных стран: теория тоталитаризма	165
§ 3. Метаморфозы «ревизионизма»	174
§ 4. Достижения историографии на постсоветском пространстве	201
Глава 5. Итоги историографического процесса (1917–2017 гг.)	208
Раздел II. Источники: состав и информационный потенциал	220
Глава 1. Ведомственная документация ВЧК-НКВД	226
§ 1. Архивно-следственные дела ВЧК-НКВД	238
§ 2. Личные и оперативные документы органов госбезопасности	244
Глава 2. Документы КПСС	257
Глава 3. Опубликованные источники	265
Глава 4. Большевистские вожди о чекистах и репрессиях	299
Глава 5. Советская и зарубежная пресса	331
Глава 6. Эго-документы	346
Глава 7. Художественная литература о чекистах и терроре	376
Глава 8. Изобразительные и вещественные источники	406
Заключение	413
Именной указатель	416

Научное издание

Тепляков Алексей Георгиевич

**Деятельность органов
ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД (1917–1941 гг.):
историографические и источниковедческие
аспекты**

Монография

Редактор *Ю. И. Носырева*

Корректор *А. В. Абрамова*

Компьютерная верстка *Т. В. Соболева*

Подписано в печать 05.03.2018. Гарнитура Times New Roman.
Формат 60×84/16. Усл.-печ. л. 25,34. Тираж 500 экз.

Новосибирский государственный университет
экономики и управления «НИНХ»
630099, г. Новосибирск, ул. Каменская, 56